

ТРЕТЬЯ АБХАЗСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**Проблемы древней и средневековой
археологии Кавказа**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. Д. И. ГУЛИА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АХԶАТӘИ ЖӘЛАРБЖЪАРАТӘИ АԢСУА
АРХЕОЛОГИАТӘ КОНФЕРЕНЦИЯ

ТРЕТЬЯ АБХАЗСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Посвящена памяти Г. К. Шамба

Проблемы древней и средневековой
археологии Кавказа

Материалы конференции, 28 ноября – 1 декабря 2011 года, г. Сухум

СУХУМ
2013

УДК 902/904
ББК 63.443(531)я431
Т 66

Редакционная коллегия:

к.филол.н. В. Ш. Авидзба, А. С. Агумаа (†) (отв. секретарь), д.и.н. О. Х. Бгажба, к.и.н. А. Н. Габелия,
к.и.н. А. И. Джогуа, к.и.н. М. Т. Кашуба (отв. ред.), к.и.н. С. Ш. Салакая,
к.и.н. А. Ю. Скаков (отв. ред.), д.и.н. В. Р. Эрлих

Утверждено к печати Ученым Советом ИИМК РАН и Ученым Советом
АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА, рекомендовано к печати Ученым Советом ИА РАН

Рецензенты:

д.и.н. Л. Б. Кирчо, к.и.н. В. Ю. Малашев, к.и.н. А. А. Клещенко, к.и.н. А. К. Аликберов

Третья Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы. – Сухум: ИИМК РАН; АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА; РУП «Дом печати», 2013. – 396 с. : ил.

ISBN 978-5-201-01239-7

В настоящем издании публикуются материалы Третьей Абхазской международной археологической конференции «Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа», посвященной памяти доктора исторических наук, академика Академии наук Абхазии Георгия Кучовича Шамба. Труды этого замечательного ученого вошли в золотой фонд археологической науки Кавказа и всей Евразии. В докладах конференции и публикуемых материалах не только развиваются на современном научном уровне направления исследований, входивших в область научных интересов Г. К. Шамба, но также представлены новейшие археологические открытия, анализируются дискуссионные проблемы археологии Кавказа и евразийского пространства. Отдельное внимание уделяется проблемам охраны археологического и культурно-исторического наследия.

Сборник предназначен для археологов, этнографов, историков, студентов и широкого круга читателей, интересующихся археологией и историей Абхазии, Кавказа и Евразии в целом.

УДК 902/904
ББК 63.443(531)я431

- © Федеральное государственное учреждение науки
Институт истории материальной культуры
Российской академии наук, 2013
- © Абхазский Институт гуманитарных исследований
им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, 2013
- © Федеральное государственное учреждение науки
Институт археологии
Российской академии наук, 2013
- © Федеральное государственное учреждение науки
Институт востоковедения
Российской академии наук, 2013
- © Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2013

ISBN 978-5-201-01239-7

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Ш. Салакая (Сухум, Республика Абхазия). Приветствие участникам конференции</i>	9
--	---

ПАМЯТИ Г. К. ШАМБА

<i>А. И. Джопуа (Сухум, Республика Абхазия), И. В. Ксенофонтова, В. Р. Эрлих, А. Ю. Скаков (Москва, Россия). Георгий Кучович Шамба. Ученый, археолог, друг</i>	11
<i>А. Ю. Скаков (Москва, Россия), А. И. Джопуа (Сухум, Республика Абхазия), А. Козубова (Братислава, Словакия). Открытия Г. К. и С. М. Шамба на могильнике Джантух: новый взгляд на старые находки</i>	22
<i>К. М. Бондарь (Киев, Украина), В. Р. Эрлих (Москва, Россия), И. В. Вирило, Д. В. Кравченко (Киев, Украина). Магнитные исследования Эшерского городища античной эпохи в 2010 г.</i>	45
<i>А. И. Джопуа, В. А. Ньюшков (Сухум, Республика Абхазия). О генезисе апсильийской культуры в трудах Г. К. Шамба</i>	51
<i>М. М. Казанский (Париж, Франция), А. В. Мастыкова (Москва, Россия). Хронология цебельдинской культуры (II–VII вв.)</i>	55

КАМЕННЫЙ ВЕК И ЭПОХА БРОНЗЫ

<i>В. П. Любин (Санкт-Петербург, Россия). Страницы ранней преистории Абхазии</i>	63
<i>Е. В. Беляева (Санкт-Петербург, Россия). Ашельские рубила Черноморского побережья Кавказа</i>	67
<i>Л. С. Тонкушина (Краснодар, Россия). Коллекция орудий эпохи камня в фондах КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына</i>	73
<i>Г. Н. Поплевко (Санкт-Петербург, Россия). Керамика нижних слоев неолитического поселения Ракушечный Яр</i>	75
<i>С. Н. Корневский (Москва, Россия). Историко-культурные процессы в Предкавказье в отражении поселенческих и погребальных памятников в эпоху урукской культуры (обзор аспектов темы)</i>	85
<i>А. В. Шишилов, А. В. Колпакова, Н. В. Федоренко (Новороссийск, Россия). Исследования поселения майкопской культуры у ст. Натухаевской в 2007 г.</i>	89
<i>А. П. Кононенко (Новороссийск, Россия). Терминология и атрибуция глиняных конусов и аналогичных им изделий на поселениях майкопской культуры</i>	98
<i>А. С. Кизилов (Сочи/Майкоп, Россия). Анализ и экспериментальная реконструкция технологий строительства дольменов Кавказа</i>	102
<i>М. И. Кудин (Сочи/Майкоп, Россия). Недостроенные памятники и строительная эволюция дольменов Кавказа</i>	114
<i>А. Д. Резепкин (Санкт-Петербург, Россия). Комплекс украшений из дольмена могильника Шушук в Адыгее</i>	119
<i>М. Б. Рысин (Санкт-Петербург, Россия). Оружие и проблема пересмотра датировки памятников «цветущей поры» триалетской культуры</i> ...	121
<i>В. Я. Стеганцева (Санкт-Петербург, Россия). О ранних катакомбных погребениях Восточного Причерноморья и Северо-Восточного Приазовья</i> .	130
<i>Н. В. Панасюк (Москва, Россия). Особый тип раннекатакомбных кургильниц</i>	134

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК, АНТИЧНОСТЬ И ЭПОХА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

<i>А. В. Пьянков, Е. А. Хачатурова (Краснодар, Россия).</i> Комплекс предметов упряжи предскифского времени из ст. Переправной Мостовского района Краснодарского края	139
<i>М. Т. Кашиба (Санкт-Петербург, Россия).</i> «Фрако-киммерийский» комплекс Карпатского бассейна и Средней Европы: 100 лет исследований «за» и «против»	146
<i>В. Р. Эрлих (Москва, Россия).</i> К уточнению атрибуции бронзовой ситулы из Анухвы	150
<i>С. Чандрасекаран (Берлин, Германия).</i> О греческих поножах из района Диоскуриады	155
<i>Т. В. Рябкова (Санкт-Петербург, Россия).</i> Комплект уздечных принадлежностей из северо-западного выступа цитадели Тейшебаини	162
<i>В. Е. Маслов (Москва, Россия).</i> Редкие орнаментальные сюжеты в составе керамических комплексов из гробниц скифской знати ...	167
<i>А. Р. Канторович (Москва, Россия).</i> Эволюция и модификация темы лося в восточноевропейском скифском зверином стиле	172
<i>Г. Н. Вольная (Владикавказ, Россия).</i> Кавказские находки с зооморфными изображениями из Национального музея истории Украины ..	192
<i>А. Х. Сланов, А. А. Сланов (Владикавказ, Россия).</i> Об одном погребальном комплексе из Кливанского могильника Южной Осетии	199
<i>В. П. Копылов, Н. В. Андрианова (Ростов-на-Дону, Россия).</i> Историко-географические декорации культуургенеза в Нижнем Подонье в VII–VI вв. до н.э.	201
<i>Е. М. Черных (Ижевск, Россия).</i> Древности Кавказа и ананьинская культура: возможности сравнения некоторых предметов V–III вв. до н.э.	212
<i>И. Н. Парусимов (Ростов-на-Дону, Россия).</i> Нижнедонские диагональные погребения IV в. до н.э.	220
<i>А. В. Иванов (Краснодар, Россия).</i> Новые исследования меотских памятников Кубани	226
<i>Ю. А. Прокопенко (Ставрополь, Россия).</i> К вопросу о типологии фибул-брошей II–I вв. до н.э. из Центрального Предкавказья	228
<i>В. А. Горончаровский (Санкт-Петербург, Россия).</i> О хронологии Семибратних курганов	230
<i>М. Ю. Вахтина (Санкт-Петербург, Россия).</i> Исследование античного города Порфмий и его некрополя	233
<i>С. В. Кашаев (Санкт-Петербург, Россия).</i> Результаты исследования некрополя Артющенко-2 (2003–2010 гг.)	244
<i>Е. А. Молев (Нижний Новгород, Россия).</i> Юго-западный участок крепостной стены Китея	248
<i>С. А. Науменко (Ростов-на-Дону, Россия).</i> Торговые связи Танаиса с Понтийским регионом	251
<i>А. А. Горбенко, В. М. Косяненко (Азов, Россия).</i> Редкая парадная посуда Крепостного городища (г. Азов)	258
<i>А. Н. Габелия (Сухум, Республика Абхазия).</i> Римское укрепление в Севастополисе	262
<i>Е. В. Лурье (Санкт-Петербург, Россия).</i> Шлем из могильника у с. Кишпек и классификация шлемов с составным куполом римского времени	268
<i>О. В. Шаров (Санкт-Петербург, Россия).</i> Римско-германская ременная гарнитура из «Золотого кладбища» (предварительная публикация находок)	278

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

- Т. А. Ачугба (Сухум, Республика Абхазия).*
К интерпретации одного сообщения Леонтия Мровели о расселении эгрисцев 297
- Д. К. Чачхалиа (Сухум, Республика Абхазия).*
Абхазская школа византийской архитектуры
(к постановке вопроса о принципах абхазского храмостроения в IX–XIII вв.) 302
- И. В. Доценко (Армавир, Россия).*
К вопросу о хозяйственных занятиях населения хазарских поселений Северного Кавказа
(по археологическим материалам) 314
- Ж. В. Кагазежев (Нальчик, Россия).*
Восточная Кабарда позднего средневековья по письменным источникам и археологическим данным .. 318
- В. Е. Нарожный, Е. И. Нарожный (Армавир, Россия).*
Находки ремесленного инструментария в горной Ингушетии XIII–XIV вв. 321
- Е. Ф. Батиева (Ростов-на-Дону, Россия).*
Антропологические материалы из могильника XIII–XIV вв. поселения «Жукова»
(Краснодарский край) 324

ОХРАНА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

- Р. М. Барцыц (Сухум, Республика Абхазия).* Древняя система водоснабжения Великого Питиунта 333
- О. Х. Бгажба, С. М. Саканиа, А. С. Агуама (†) (Сухум, Республика Абхазия).*
Охранные археологические раскопки в Бедийском храме в 2011 г. 336
- Е. Ю. Ендольцева (Санкт-Петербург/Москва, Россия).*
Каменная пластика собора в с. Агу-Бедия: проблемы датировки 339
- Д. А. Яцюк (Краснодар, Россия).*
Новый памятник эпохи раннего средневековья в окрестностях г. Сочи 357
- М. А. Бакушев (Ростов-на-Дону, Россия), М. Ю. Меньшиков (Москва, Россия).*
Археологический комплекс Роза 1 на северном склоне хребта Аибга 360
- Н. А. Тихонов, Е. Н. Хафизова, Г. Г. Короткова (Нижний Архыз, Россия).* Петроглифы балки Учкурка .. 366
- А. А. Цуциев (Владикавказ, Россия).*
Из истории археологического изучения Терской области в XIX в. 371
- М. З. Кетбиева (Минеральные Воды, Россия).* Выдающаяся исследовательница Кавказа Е. Г. Пчелина .. 373
- В. А. Кузнецов, Г. Б. Романова (Минеральные Воды, Россия).*
Некоторые «новые концепции» древней истории Кавказа и России 376
- Н. И. Завьялова (Москва, Россия).*
Охрана археологического наследия архитектурно-планировочными методами 379

**РЕЗОЛЮЦИЯ ТРЕТЬЕЙ АБХАЗСКОЙ
МЕЖДУНАРОДНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. 389****СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 391****СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 393**

Приветствие

УВАЖАЕМЫЕ ГОСТИ И КОЛЛЕГИ!

Мы рады, что вы принимаете участие в Третьей Абхазской международной археологической конференции, посвященной памяти академика Г. К. Шамба. Первые две Абхазские археологические конференции, проведенные в ноябре 2006 г. и ноябре 2008 г. и посвященные памяти видных абхазских археологов Ю. Н. Воронова и М. М. Трапша, прошли успешно и стали заметным событием научной жизни не только Абхазии, но и далеко за ее пределами. Уверены, что и Третья Абхазская археологическая конференция станет очередным мощным импульсом для развития археологической науки. Для участия в конференции прибыло около 60 ученых из-за рубежа, в т. ч. из Франции, Германии, Словакии, Украины, Молдовы, Южной Осетии и, конечно, Российской Федерации, представляющие Москву, Санкт-Петербург, научные центры Юга России и Северного Кавказа. Особо надо отметить, что помимо опытных, маститых ученых, крупных специалистов в разных областях археологии, здесь присутствуют и молодые исследователи, делающие только свои первые шаги в науке. Для них эта конференция будет бесценным опытом, также как и для наших молодых ученых, аспирантов и студентов, присутствующих здесь.

Многие из приехавших ученых не впервые в Абхазии. Они принимали участие в научных форумах, а некоторые проводили и продолжают проводить здесь археологические раскопки. Надеемся, что это сотрудничество продолжится и в дальнейшем.

Третья Абхазская археологическая конференция посвящена памяти крупного ученого, первого археолога – доктора исторических наук среди абхазов, академика АНА Георгия Кучовича Шамба. Безусловно, мы обязаны почтить его память. Этим летом скорпостижно скончался наш коллега – начальник Государственного Управления Охраны историко-культурного наследия, старший научный сотрудник отдела археологии АБИГИ Демур Семенович Бжания. Прошу почтить их память минутой молчания (садитесь, пожалуйста).

Г. К. Шамба был одним из первых профессиональных абхазских археологов. До конца своей жизни он работал в поле – участвовал в многочисленных экспедициях (в Нагорной Абхазии, урочище Джантух и др.), но главным объектом его исследований было античное

Эшерское городище, раскопками которого он руководил не одно десятилетие. Г. К. Шамба автор многих капитальных исследований по истории и археологии Абхазии, главным образом, античной Абхазии, в т.ч. «Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии» (1970), «Эшерское городище (Основные результаты археологических раскопок 1968, 1970–1977 гг.)» (1980), «Археологические памятники Абхазии» (1988). За книги «Абхазия в I тысячелетии до н.э.» (2000) и «Древний Сухум (поиски, находки, размышления)» (2005) он был удостоен Государственной премии Абхазии в области науки им. Г. А. Дзидзария (2006). Одновременно Г. К. Шамба в течение многих лет читал лекции студентам по истории и археологии Абхазии на русском и абхазском языках, был профессором Абхазского госуниверситета. После создания Академии наук Абхазии – являлся председателем Археологической комиссии АНА и был избран академиком.

Г. К. Шамба навсегда оставил свое имя в абхазоведческой науке.

Разрешите объявить Третью Абхазскую международную конференцию открытой и предоставить слово для приветствия от имени Президента Абхазии А. З. Анкваб Премьер-министру Правительства нашей Республики Леониду Ивановичу Лакербая.

С. Ш. Салакая

Памяти Г. К. Шамба

ГЕОРГИЙ КУЧОВИЧ ШАМБА. УЧЕНЫЙ, АРХЕОЛОГ, ДРУГ

А. И. Джопуа (г. Сухум),

И. В. Ксенофонтова, В. Р. Эрлих, А. Ю. Скаков (г. Москва)

Вот уже более пяти лет как нет с нами нашего друга, коллеги и старшего товарища Георгия Кучовича Шамба. Нам, сотрудникам Московской экспедиции Государственного музея Востока, выпала честь узнать его лично и несколько сезонов работать вместе с ним в последние годы его жизни, когда он был уже болен своей, мучившей его до конца жизни болезнью. Конечно же, мы до этого знали его заочно по тем многочисленным публикациям, которые сейчас стали библиографической редкостью. Это, прежде всего, книги «Эшерское городище», «Эшерские кромлехи», «Раскопки древних памятников Абхазии» и многие другие. При личном знакомстве он подарил нам и свою фундаментальную работу – изданную в 2000 г. книгу «Абхазия в I тысячелетии до н.э.», в которой отражены основные положения его докторской диссертации, и за которую он позже получил Государственную премию Абхазии.

Георгий Кучович Шамба родился 20 июня 1934 г. в селе Абгархук Гудаутского района. Среднее образование он получил в школах села Кутол Очамчирского и села Ачандара Гудаутского районов, окончив последнюю в 1954 г. В этом же году Г. К. Шамба поступил на исторический факультет Сухумского педагогического института, который окончил в 1959 г. В 1959–1960 г. после окончания вуза он работал в музеях Сухума и Пицунды. В 1960 г. Г. К. Шамба был принят на работу в должности лаборанта в Отдел археологии Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа (ныне АБИГИ), где и проработал до последнего дня. В 1975–2001 гг. он руководил Отделом археологии этого института.

В 1962 г. Г. К. Шамба поступает в очную аспирантуру Института археологии и этнографии АН СССР, которую заканчивает в 1965 г., а в 1967 г. он защищает кандидатскую диссертацию в Тбилиси по теме «Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху». Научным руководителем молодого ученого был профессор А. М. Апакидзе. Основные положения диссертации нашли отражение в ряде статей (1965, 1966, 1967) и в монографии «Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии» (1970). Работа базировалась на материалах, полученных Г. К. Шамба в 1962 и 1964 гг. при исследовании одного из цебельдинских могильников в местности Ахаччарху. Руководителем экспедиции был первый абхазский археолог Михаил Маметович Трапш, сыгравший огромную роль в становлении Г. К. Шамба как крупного ученого. Тогда же, в 1966 г., Г. К. Шамба доследовал разрушенное погребение II в. н.э. в Мацесте (1970). В 1967 г. Г. К. Шамба, продолжая изучать памятники позднеантичной эпохи в Абхазии, проводит разведочные работы в Гагринском районе. Им были исследованы несколько погребальных комплексов и собран подъемный материал на Ачмардинском, Хашупсинском, Лапстинском могильниках, введены в научный оборот хранившиеся в школьных музеях находки из селений Колхида и Михельрипш. Г. К. Шамба отметил близость материальной культуры данного

региона, связываемой им с племенем санигов, с гораздо более изученной цебельдинской культурой, идентифицируемой с апсилами.

Георгию Кучовичу как археологу чрезвычайно везло на яркие и интересные находки. Так, под Мацестой им был раскопан комплекс с позднеантичным серебряным киликом, который ныне является украшением музея города Сочи. Ему принадлежит первая публикация богатого комплекса из Пицунды с серебряной чашей со сценами дионисийских мистерий (1976). Эта чаша, относящаяся к римскому времени, ныне является одним из наиболее ценных экспонатов Абхазского государственного музея.

Самые важные открытия, сделанные Г. К. Шамба, связаны с древностями абхазского села Нижняя Эшера. В 1967 г. известное Эшерское городище подвергается глубокой плантажной распашке с применением бульдозера. На поверхности памятника оказывается колоссальный материал, хранившийся ранее в его недрах. Это собственно и послужило толчком к активным сборам материала на памятнике и к исследованиям, которые по инициативе своего учителя М. М. Трапша с конца 1967 г. здесь начали проводить тогда еще молодые сотрудники Абхазского института Г. К. Шамба и Ю. Н. Воронов.

Жора на раскопе

Летом 1968 г. Г. К. Шамба приступает к стационарным раскопкам на Эшерском городище.

В первый год работ удалось вскрыть часть оборонительной стены (1980. С. 7) и обнаружить в 120 м к СВ от городища богатое погребение третьей четверти IV в. до н.э. с украшением головного убора – «эгреткой» (1972. С. 98–112).

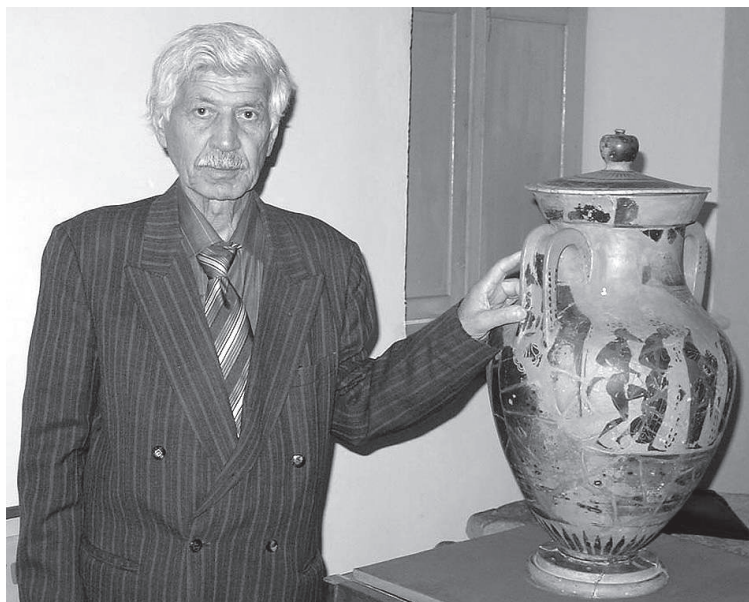
Чрезвычайно плодотворным был следующий год. В урочище «Кутышха» недалеко от нижнего гумистинского моста, рядом со школой, в феврале 1969 г. были обнаружены знаменитые Эшерские кромлехи – мегалитический погребальный памятник позднего периода эпохи бронзы – раннего железного века, который исследовался на протяжении двух полевых сезонов. Вскоре Георгий Кучович подготовил монографию, в которой опубликовал этот материал (1974).

Жора с черепком

В 1969 г. на северо-восточном склоне Холма Верещагина на участке колхозника Ж. Арзуманяна был обнаружен клад VII в. до н.э., представлявший собой комплекс оружия из 19 предметов: три топора, четыре бронзовых и 11 железных наконечников копий (1973. С. 181–184). На Эшерском городище в тот сезон была вскрыта восточная башня № 3 с куртинами (1980. С. 7). С этих пор работы на Эшерском городище велись с перерывами вплоть до конца 1980-х гг. В 1973–1974 гг. под башней № 1 был открыт раннеантичный слой, представленный, прежде всего, восточно-греческой керамикой (1979. С. 23–31). В 1980 г. исследовалась башня № 4, в 1980 и 1983 гг. – нижняя площадка городища, в 1987 г. – башня № 5 (Шамба, Шамба, 1982; 1990).

Следует также отметить открытия, сделанные в 1972 г. на верхней площадке городища, где были найдены остатки шести погребений могильника эллинистического времени (1977). В 1977 г. близ Эшерского городища было обнаружено богатое погребение второй половины VI в. до н.э. с чернофигурной амфорой и кабаньим клыком, орнаментированным в зверином стиле (1983). Рядом находилось погребение VI в. до н.э. (Шамба, Шамба, 1980. С. 214). Еще одно погребение второй половины VI в. до н.э. было обнаружено ЮВ городища в 2005 г. В 1978 г. Г. К. Шамба были возобновлены исследования известного поселения в Нижней

С амфорой

мика, мегарские чаши, флаконы, амфоры, амфорные клейма (1975, 1976, 1978, 1979а, 1979б).

В 1980 г. выходит монография Г. К. Шамба, подводящая итоги исследования Эшерского городища в 1968 г. и с 1970 по 1977 гг. В книге были проанализированы строительные остатки, среди которых исследователь выделил сооружения общественного назначения (казармы, общественное здание на нижней площадке с фрагментами греческой надписи, пристенные караульные помещения) и оборонительные сооружения (башни, куртины, ров). По мнению Г. К. Шамба, античному поселению предшествовали более ранние памятники, возможно, погребальные. Особую часть исследования составлял анализ найденного в процессе раскопок инвентаря. Поскольку к моменту публикации на памятнике было выделено два слоя: раннеантичный (VI–V вв. до н.э.) и эллинистический (IV–I вв. до н.э.), – обнаруженный в процессе раскопок материал рассматривался по этим хронологическим горизонтам. Исключительное значение имеет и публикация фрагментов греческой надписи на бронзовой плите из общественного здания на нижней площадке городища, датируемой концом IV в. до н.э. Удалось установить, что поселение на месте Эшерского городища было уничтожено местными племенами приблизительно в первой половине I в. до н.э. Монографический ввод в научный оборот материалов Эшерского городища и, прежде всего, археологических свидетельств о присутствии греков в данном регионе уже в VI в. до н.э., оказался востребован научным сообществом. Эшерское городище было включено в ряд сводных работ и учебников по античной археологии Причерноморья. Важно также, что в этом же 1980 г. Г. К. Шамба публикует свои открытия на абхазском языке в популярной книге «Древности Эшера», что ярко характеризует его как популяризатора археологического знания в своей республике. В дальнейшем им был подготовлен еще целый ряд научных и научно-популярных изданий на абхазском языке (1981, 1988).

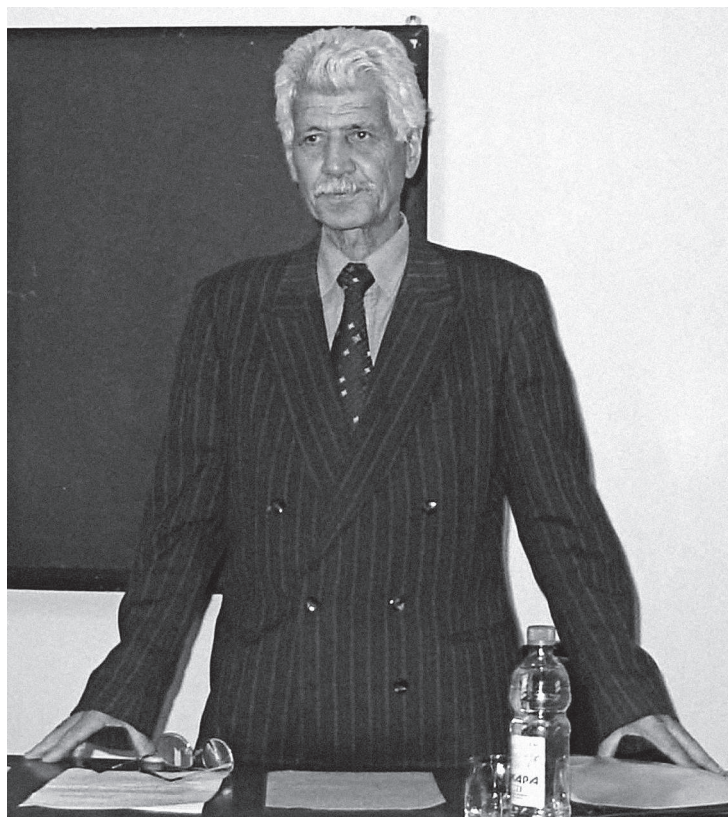
В эти же годы Г. К. Шамба исследует и другие археологические памятники раннего железного века и античности в районе г. Сухум и в Бзыбской Абхазии, ограничиваясь в ряде случаев сбором подъемного материала. Его внимание привлекают античные поселения на территории современного Сухума (1977, 1983 гг.) (Воронов, Шамба, 1980), погребение и поселение в Агудзере (1970 г.) (Шамба, Квициния, 1980), поселение Красный Маяк-3 и три погребения эллинистической эпохи на его территории (1984 г.) (Шамба, Шамба, 1989; Шамба, 1986), поселения в Лечкопе (1977–1980 гг.), Ачадаре (1975 г.) и в селе Лдзаа (1981 г.), погребение VIII в. до н.э. в селе Абгархук (1979), два погребения V в. до н.э. в Ачандаре (1990 г.) (1996), позднеколхидский мо-

Эшере на Холме Верещагина. Тогда впервые удалось установить, что это поселение является двухслойным, относясь к доантичному и эллинистическому времени. К СВ от Холма Верещагина еще в 1969 г. Г. К. Шамба было обнаружено урновое детское захоронение эллинистического периода (1973. С. 187–188).

Во второй половине 1970-х гг. Г. К. Шамба публикует статьи, посвященные различным аспектам исследования Эшерского городища. Анализируются ведущие категории инвентаря – архаическая кера-

гильник Шубара-2 (1978, 1981 гг.) (Шамба и др., 1989).

Не менее важными оказались исследования Г. К. Шамба в Восточной Абхазии. В 1977 г. Г. К. Шамба начинает работать совместно с Абхазской археологической экспедицией Центра археологических исследований Грузии (руководитель М. В. Барамидзе). В этом году начинаются раскопки городища «греческого полиса» Гюэноса на окраине Очамчиры, продолженные в 1981 и 1984 гг. совместно с С. М. Шамба. Исследуются также могильник в селении Баглан и Тамышское поселение, в дальнейшем на протяжении многих лет изучавшееся В. В. Бжания. В 1974, 1980 и 1986 гг. Г. К. Шамба исследует колхидское поселение в селении Гудава.

Жора

В 1981, 1983 и 1985 гг. Г. К. Шамба вместе с Сергеем Мироновичем Шамба и Николаем Константиновичем Шенкао исследовал могильник на горе Джантух в поселке Акармара (г. Ткварчал), подвергавшийся до этого на протяжении многих лет варварскому разграблению. На памятнике было обнаружено несколько погребальных комплексов I тыс. до н.э., среди которых кремационная площадка и коллективное захоронение с вторичным погребальным обрядом и частичной кремацией. В подготовленной совместно с С. М. Шамба монографии (1990) были опубликованы также многочисленные случайные находки с горы Джантух, в т. ч., сделанные местными жителями. В последние годы исследования Джантухского могильника были продолжены совместной российско-абхазской экспедицией.

Эшерские открытия, а также находки Г. К. Шамба в других регионах Абхазии, легли в основу докторской диссертации «Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н.э.», защищенной в Ереване в 1987 г. Основные положения этой работы были отражены в монографии «Раскопки древних памятников Абхазии» (1984). Однако в полной мере опубликовать свои выводы Г. К. Шамба удалось лишь после окончания грузино-абхазской войны в 2000 г. в фундаментальной монографии «Абхазия в I тысячелетии до н.э.». Более популярный характер имеет посвященная приближающемуся юбилею столицы Абхазии монография «Древний Сухум (поиски, находки, размышления)» (2005).

После нормализации ситуации в независимой Абхазии, в 2000 г. Г. К. Шамба возобновляет исследования поселения на Холме Верещагина в селе Нижняя Эшера. В 2003 г. Г. К. Шамба руководит раскопками датированной рубежом VIII–VII вв. н.э. керамической печи в селе Гуандра между Нижней Эшерой и Новым Афоном. Показательно, что в последние годы при участии и дружеской поддержке Георгия Кучовича совместные российско-абхазские экспедиции возобновили исследования двух самых дорогих для него памятников, позволяющих ставить и решать узловые вопросы истории местных племен эпохи раннего железа и греческой

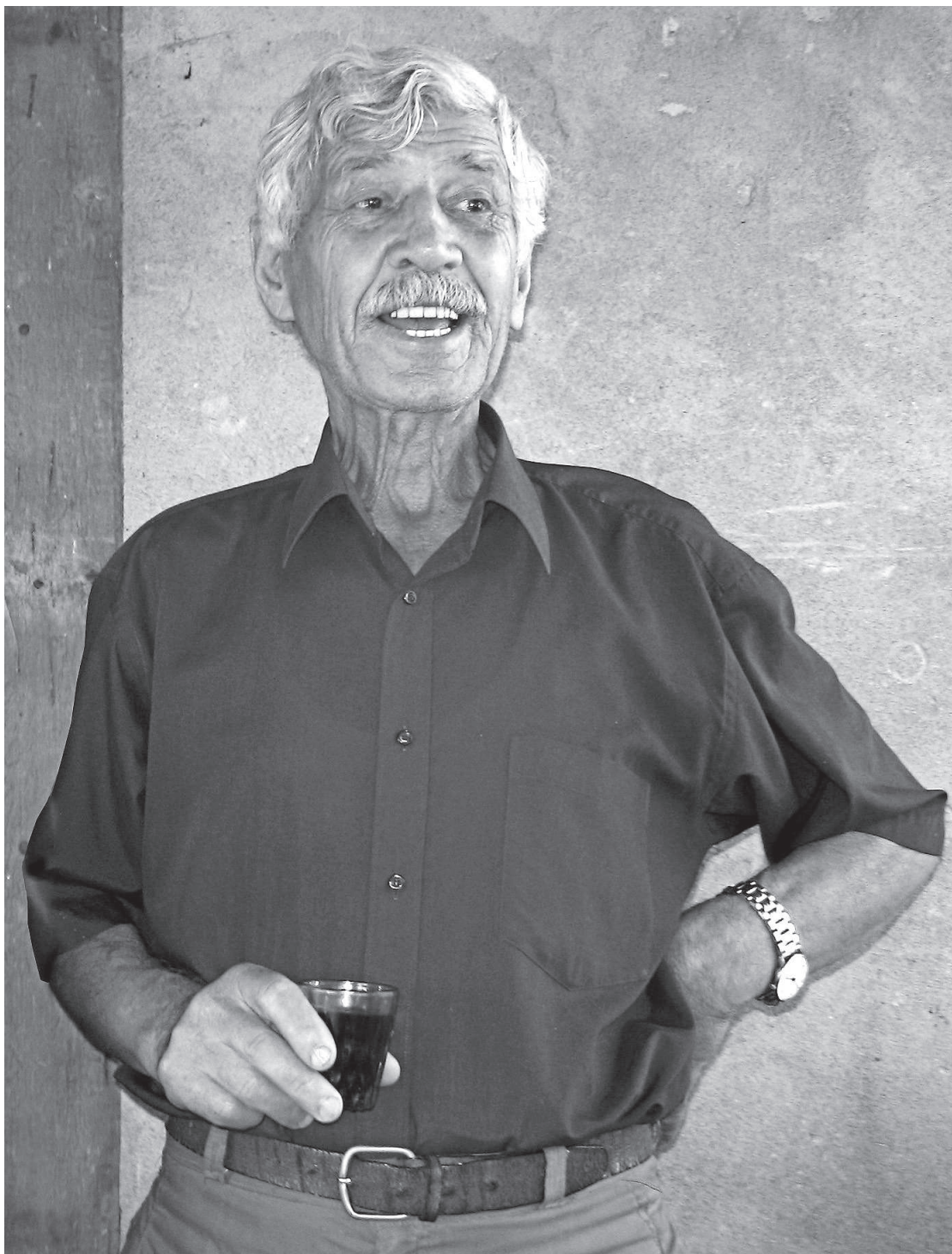
Моление Жоры

колонизации региона – Эшерского городища и Джантухского могильника. На протяжении 2003–2005 гг. археологические исследования велись в его родном селе Абгархук, продолжается и исследование поселения на Холме Верещагина.

Г. К. Шамба успешно совмещал исследовательскую работу с преподавательской. В 1996 г. ему было присвоено звание профессора АГУ. Он неоднократно выступал в качестве официального оппонента на защитах диссертаций. По его инициативе и при его руководстве было организовано издание ежегодника «Археологические открытия в Абхазии». Свет увидели шесть выпусков «Археологических открытий в Абхазии» за 1980, 1981–1982, 1983, 1984, 1985, 1986–1987 гг. В последние годы он являлся председателем Археологической комиссии при Академии Наук Абхазии. В 2006 г. Г. К. Шамба был избран действительным членом этой академии.

Г. К. Шамба являлся автором более 200 научных работ и 14 монографий. За две последние монографии в 2006 г. ему была присуждена Государственная премия в области науки им. Георгия Константиновича Дзидзария. Вклад Г. К. Шамба в изучение прошлого Абхазии позднего бронзового и раннего железного веков, античной колонизации и позднеантичного периода сложно переоценить. В научный оборот введена целая серия первоклассных памятников. При этом необходимо отметить, что раскопанные Георгием Кучовичем поселения и погребения оперативно публиковались, не залеживаясь десятилетиями в виде необработанных коллекций и пыльных отчетов.

Несмотря на многолетнюю хроническую болезнь, Г. К. Шамба оставался жизнерадостным и общительным. Он любил шутку, хорошую кампанию.

Тамада

Когда в 2002 г. мы предложили Георгию Кучовичу продолжить раскопки на Эшерском городище, он сказал нам: «У вас хороший вкус». Сначала он отнесся к этой идее настороженно, но потом все более и более ею проникался. В первый сезон наших совместных работ в 2003 г. он постоянно находился в экспедиции, воспрял духом, чувствовал себя хорошо, ходил с нами купаться на море. Его обрадовали и находки, сделанные в этот сезон. За общим экспедиционным столом, а нас тогда было почти двадцать человек, он был бессменным тамадой.

А однажды ему пришлось исполнить и роль жреца. Дело было так. В тот год стояла большая засуха, которая археологам была не помеха, но эшерцы, чтобы спасти свой урожай, провели «Ацуныхе» – моление о дожде. Принесенная жертва возымела действие – дождь зарядил так, что работа на раскопе превратилась в постоянную откачку воды и практически встала. Дождь лил уже более недели, и вскоре находившийся в экспедиции крупный специалист по традиционным культам и ритуалам абхазов Александр Крылов, заявил, что пока мы не порежем бычка – ничего хорошего не будет. Когда же рухнула подмытая стена раскопа и оттуда «вывалилось» погребение, терпение наше лопнуло.

Бычок все же был куплен. Мы достали 50 л вина, пригласили сотрудников Абхазского института и Академии наук. К Всевышнему же с нашей просьбой о хорошей погоде обратился, конечно, Жора, который по всем высоким критериям подходил для роли жреца. Надо сказать, это моление дало практически мгновенный результат. Небеса открылись, засияло солнце, и мы смогли спокойно доработать остаток сезона. У нас сохранилась видеозапись этого моления, которую мы показали на пленарном заседании археологической конференции, посвященной его памяти. И те, кто знал Жору Шамба, вспомнили его, а те, кто его не знал лично, смогли услышать его голос.

Второй сюжет, который мы показали на этом заседании – это краткий рассказ или небольшая лекция о стратиграфии и истории Эшерского городища, которую Георгий Кучович читает прямо на раскопе. Это он готовился к приезду абхазского телевидения. А кто лучше может рассказать об этом памятнике, чем сам Георгий Шамба?

Несколько слов необходимо сказать о современном состоянии Эшерского городища. Совместная российско-абхазская экспедиция сейчас здесь не работает. Не работает по той причине, что не в состоянии и копать, и консервировать открытые сооружения, иначе эти раскопки приведут лишь к разрушению памятника. Положение памятника далеко не безоблачно – он активно зарастает, открытые стены разрушаются вследствие естественной эрозии. Еще в 1975 г. памятник был поставлен на охрану, и было прекращено его хозяйственное использование, однако граница охранной зоны городища до сих пор не обозначена, и он не имеет ограждения.

Вне всякого сомнения, что Эшерское городище более чем достойно стать археологическим музеем под открытым небом. Это единственная на территории Абхазии крепость античного времени. Находясь в 10 минутах езды от центра Сухума, городище может стать интереснейшим объектом экскурсий. Однако для этого предстоит еще сделать многое. Нам видятся следующие неотложные меры для спасения и реставрации памятника. Прежде всего, необходимо вычистить памятник от растительности и мусора. Тогда откроются остатки стен и башен исследованных Г. К. Шамба. Эти старые раскопы необходимо зачистить и законсервировать. Необходимо также удалить и отвалы прежних раскопок.

Последнее, что мы сделали на Эшерском городище – провели силами украинских геофизиков из университета им. Тараса Шевченко геомагнитное исследование, которое выявило не вскрытые стены, здания и линию водопровода (см. статью в настоящем сб.). Таким образом, можно в дальнейшем изучать памятник планомерно. Все открытые помещения необходимо сразу консервировать и подготавливать для музейного показа. Вероятно, над стенами и пристенными помещениями следует установить легкий навес с прозрачной пластиковой крышей, который предохранит открытые помещения от разрушения дождем.

Конечно, в идеале, как в любом археологическом музее-заповеднике под открытым небом, при памятнике необходимо иметь и музейное здание с небольшой экспозицией, с отдельными находками, планами, фотографиями. Поскольку весь археологический материал Эшеры хранится в фондах АбГосмузея, Эшерский музей-заповедник должен стать его филиалом. И по нашему глубокому убеждению, он должен носить имя неумолимого исследователя памятников Эшеры – выдающегося абхазского археолога Георгия Кучовича Шамба.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ Г. К. ШАМБА

1. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии // СА. 1965. № 2. С. 262–266.
2. Керамические изделия позднеантичной эпохи из некрополя Ахаччархва // Тр. Сухумского государственного педагогического института. Сухуми. 1966. Т. XVIII–XIX. С. 103–113.
3. Население Нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху (по археологическим материалам некрополя Ахаччархва): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси. 1966. 20 с.
4. Фибулы из некрополя Ахаччархва // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси. 1967. С. 91–97.
5. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми. 1970. 87 с., 23 ил.
6. Погребение II в. из Мацесты // СА. 1970. № 2. С. 232–237.
7. Раскопки кромлехов в с. Эшера близ Сухуми // АО 1969 года. М. 1970. С. 359–360.
8. Кромлехи – новый тип мегалитической культуры в Абхазии // Археологические исследования в Грузии в 1969 году. Тбилиси. 1971. С. 44–46 (на груз. яз.), 165–166.
9. Археологические исследования в Абхазии // АО 1970 года. М. 1971. С. 369–370 (в соавт. с О. Х. Бгажба, В. В. Бжания, М. М. Гунба, Л. Н. Соловьевым, Л. А. Шервашидзе).
10. Археологические исследования в Абхазии // АО 1971 года. М. 1972. С. 462–464 (в соавт. с О. Х. Бгажба, В. В. Бжания, М. М. Гунба, В. К. Квициния, Л. Н. Соловьевым, И. И. Цвинария, Л. А. Шервашидзе).
11. Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера // Изв. АБИЯЛИ. Тбилиси. 1972. Т. I. С. 98–112.
12. О некоторых археологических находках из села Нижняя Эшера Сухумского района // Изв. АБИЯЛИ. Тбилиси. 1973. Т. II. С. 181–190.
13. Археологические разведки 1967 года в Гагрском районе // Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми. 1974. С. 48–65.
14. Эшерские кромлехи. Сухуми. 1974. 72 с., ил.
15. Археологические исследования в Абхазии // АО 1973 года. М. 1974. С. 440–441 (в соавт. с Л. А. Шервашидзе, О. Х. Бгажба, В. В. Бжания, И. И. Цвинария).
16. О «мегарских» чашах Эшерского городища // Изв. АБИЯЛИ. Тбилиси. 1975. Т. IV. С. 100–108.
17. Амфорные клейма Диоскурии // Изв. АБИЯЛИ. Тбилиси. 1976. Т. V. С. 149–157.
18. Пицундская чаша // Изв. АБИЯЛИ. Тбилиси. 1976. Т. V. С. 158–163.
19. Работы в низовьях Гумиста в Абхазии // АО 1975 года. М. 1976. С. 495–496.
20. Предварительные итоги работ на Эшерском городище // КСИА. 1977. Вып. 151. С. 23–29.
21. Материалы могильника эллинистической эпохи из Эшерского городища (по раскопкам 1972 г.) // Изв. АБИЯЛИ. Тбилиси. 1977. Т. VI. С. 127–136.
22. Раскопки Эшерского городища // АО 1976 года. М. 1977. С. 484–485 (в соавт. с Н. К. Шенкао).
23. Амфоры Эшерского городища // Изв. АБИЯЛИ. Тбилиси. 1978. Т. VII. С. 164–173.
24. Обследования в окрестностях Очамчира и Сухуми // АО 1977 года. М. 1978. С. 474 (в соавт. с Б. М. Барамидзе, Г. Т. Квирквелия, С. М. Шамба).
25. Исследования на территории Сухуми // АО 1977 года. М. 1978. С. 493 (в соавт. с А. Р. Демирхановым, В. А. Логиновым).
26. Михаил Трапш. Жизнь и деятельность. Сухуми. 1978. 72 с. (на абхаз. яз.).
27. Об ареале распространения древнегреческой керамики в VI–V вв. до н.э. в Абхазии // Мат-лы II всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII–V вв. до н.э.)». Тбилиси. 1979. С. 84–85.
28. Раскопки Эшерского городища и некоторые вопросы истории Диоскурии // Проблемы античной истории и культуры (Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран «Эйрене»). Ереван. 1979. С. 446–449.
29. Флаконы из раскопок Эшерского городища // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси. 1979. С. 37–41. Рис. 28–29.

30. Раннеантичный импорт Эшерского городища (керамика) // *Материалы по археологии Абхазии*. Тбилиси. 1979. С. 22–31. Рис. 21–23.
31. К истории Абхазии в раннеантичную эпоху // *Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Мат-лы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья*. Цхалтубо-1977. Тбилиси. 1979. С. 339–345.
32. Археологические открытия на Эшерском городище // *Полевые археологические исследования в 1976 году*. Тбилиси. 1979а. С. 167–175.
33. Раскопки в Эшера // *АО 1978 года*. М. 1979б. С. 509 (в соавт. с С. М. Шамба).
34. Эшерское городище (Основные результаты археологических раскопок 1968, 1970–1977 гг.). Тбилиси. 1980. 70 с., 76 ил.
35. Новые материалы по археологии Диоскуриады // *Изв. АБИЯЛИ*. Тбилиси. 1980. Т. IX. С. 135–144 (в соавт. с Ю. Н. Вороновым) (на абхаз. яз., рез. на рус. яз).
36. Археологические исследования в Абхазии // *Полевые археологические исследования в 1977 году*. Тбилиси. 1980. С. 109–117 (в соавт. с М. Барамидзе, Г. Пхакадзе, В. Бжания, Г. Квирквелия, Т. Чигошвили, А. Орджоникидзе, М. Гунба, Л. Голубевой).
37. Раскопки в селе Нижняя Эшера // *Полевые археологические исследования в 1977 году*. Тбилиси. 1980. С. 209–215. Табл. XCIV–XCV (в соавт. с С. М. Шамба).
38. Открытия в пос. Агудзера близ Сухуми // *Тр. АГМ. Сухуми*. 1980. Вып. V. С. 120–127 (в соавт. с В. К. Квициния).
39. Абхазия в контексте античной культуры (VI–I вв. до н.э.) // *Историчность и актуальность античной культуры*. Научная конференция. Октябрь 1980 г. ТД. Тбилиси. 1980. С. 132–134.
40. Древности Эшера. Сухуми. 1980. 120 с., ил. (на абхаз. яз.).
41. Очерки по археологии Абхазии. Сухуми. 1981. 124 с., 40 ил. (на абхаз. яз.).
42. Основные итоги работ археологической экспедиции Абхазии // *Полевые археологические исследования в 1978 году*. Тбилиси. 1981. С. 81–89 (в соавт. с Г. Пхакадзе, М. Барамидзе, В. Бжания, Г. Квирквелия, Т. Чигошвили, Г. Хубутия).
43. Основные итоги исследований на строительных площадках Абхазской АССР // *Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР*. Тбилиси. 1982. С. 90–98. Табл. LVII (в соавт. с М. В. Барамидзе, Г. Г. Пхакадзе, В. В. Бжания, Г. Т. Квирквелия, Т. Э. Чигошвили).
44. Раскопки Эшерского городища // *АО 1980 года в Абхазии*. Тбилиси. 1982. С. 14–18. Рис. 12–18 (в соавт. с С. М. Шамба).
45. Отчет археологической экспедиции Абхазии // *Полевые археологические исследования в 1979 году*. Тбилиси. 1982. С. 64–68 (в соавт. с М. В. Барамидзе, Г. Г. Пхакадзе, В. В. Бжания, Т. Э. Чигошвили, Г. Т. Квирквелия, Г. П. Хубутия).
46. Погребение VI в. до н.э. близ Сухуми // *КСИА*. 1983. Вып. 174. С. 33–37.
47. Работы в Ткварчеле // *АО 1981 года*. М. 1983. С. 418.
48. Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми. 1984. 98 с.
49. Предварительные итоги археологических работ 1981 года на горе Джантух // *Изв. АБИЯЛИ*. Тбилиси. 1985. Т. XIII. С. 67–73 (в соавт. с С. М. Шамба, Н. К. Шенкао).
50. Раскопки древнего Гюэноса // *АО 1981–1982 гг. в Абхазии*. Тбилиси. 1985. С. 19–22. Рис. 9–18 (в соавт. с С. М. Шамба).
51. Раскопки дворца в с. Лыхны // *АО 1983 года*. М. 1985. С. 479–480 (в соавт. с Л. Г. Хрушковой).
52. Новейшие археологические открытия в Абхазии // *Абхазскому институту 50 лет. Материалы торжественного собрания и юбилейной научн. сессии, посвящ. 50-летию Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР, 17–18 июня 1982 г.* Тбилиси. 1985. С. 85–91.
53. Работы в пос. Красный Маяк // *АО 1984 года*. М. 1986. С. 412.
54. Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н.э.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ереван. 1987. 38 с.

55. Раскопки и разведки в Сухуми, Эшера и Ткварчели // АО 1983 года в Абхазии. Тбилиси. 1987. С. 16–17. Рис. X (в соавт. с Б. С. Кобахия, С. М. Шамба).
56. Северо-западная Колхида в VI в. до н.э. // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э.: Мат-лы IV Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-Вани 1985. Тбилиси. 1988. С. 229–231.
57. Диоскурия // Третий Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Май, 1988 г. ТД. Ереван. 1988. С. 97–99 (в соавт. с С. М. Шамба).
58. Динамика растительности окрестностей Эшерского городища (Абхазия) // Изв. Академии наук ГССР. Тбилиси, 1988. Серия биологическая, т. 14, № 6. С. 406–410 (в соавт. с Л. П. Рухадзе и Э. В. Квавадзе).
59. Археологические памятники Абхазии. Сухуми. 1988. 148 с., 34 ил. (на абхаз. яз.).
60. Археологические раскопки в бассейне р. Гумиста (Шубара-2) // Изв. АБИЯЛИ. Тбилиси. 1989. Т. XV. С. 136–142 (в соавт. с В. К. Квициния, Н. К. Шенкао).
61. Раскопки в г. Очамчира // АО в Абхазии в 1984 г. Тбилиси. 1989. С. 19–37, рис. 18–25 (в соавт. с С. М. Шамба).
62. Раскопки в районе Красного Маяка (г. Сухуми) // АО в Абхазии в 1984 г. Тбилиси. 1989. С. 38–39 (в соавт. с С. М. Шамба).
63. Первый абхазский археолог // Вопросы археологии Абхазии: Мат-лы юбилейной научной сессии АБИЯЛИ им. Д. И. Гулиа, посвящ. 70-летию М. М. Трапша. Сухуми. 1989. С. 7–16.
64. Археологические памятники верховьев реки Галидзга (Джантух). Тбилиси. 1990. 59 с., 26 ил. (в соавт. с С. М. Шамба).
65. Раскопки башни № 5 на Эшерском городище // АО в Абхазии (1986–1987). Тбилиси. 1990. С. 31–34. Рис. 15–24.
66. Новые археологические материалы из Ачандара // Актуальные проблемы истории народов Кавказа. Сухум. 1996. С. 48–57.
67. Абхазия в I тысячелетии до нашей эры. Сухум. 2000. 218 с., 85 ил.
68. По следам древностей Восточной Абхазии (Гальский район) // Абхазоведение. История, археология, этнография. Сухум. 2000. Вып. 1. С. 3–12.
69. Эшерская древнегреческая надпись и вопрос зарождения государственности в Абхазии // Абхазоведение. История, археология, этнография. Сухум. 2000. Вып. 1. С. 38–42.
70. Археологические работы Абхазского института // Кавказ: история, культура, традиции, языки: Мат-лы междунар. научн. конференции, посвящ. 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, 28–31 мая 2001 г. Сухум. 2004. С. 171–180 (в соавт. с Д. С. Бжания).
71. Новый могильник колхидской культуры в Бзыбской Абхазии // МИАСК. Армавир. 2004. Вып. IV. С. 66–84 (в соавт. с А. Ю. Скаковым, А. И. Джопуа).
72. Новые находки архаической греческой керамики из района Диоскурии // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников: Мат-лы междунар. научн. конф. СПб. 2004. Ч. 2. С. 51–56 (в соавт. с А. И. Джопуа, И. В. Ксенофонтовой, В. Р. Эрлихом).
73. Исследование Эшерского городища в 2003 году // XLVIII итоговая научная сессия Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа. ТД. Сухум. 2004. С. 17–19 (в соавт. с В. Р. Эрлихом, И. В. Ксенофонтовой, А. И. Джопуа).
74. Освещение некоторых историко-археологических вопросов в трудах профессора Г. А. Дзидзария // ТД научн. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. выдающегося историка-кавказоведа Георгия Алексеевича Дзидзария. Сухум. 2004. С. 56–58.
75. Исследование Эшерского городища // АО 2003 года. М. 2004. С. 526–528 (в соавт. с В. Р. Эрлихом, И. В. Ксенофонтовой, А. И. Джопуа).
76. Исследование Эшерского городища в Абхазии в 2003 г. // Абхазоведение. История, археология, этнография. Сухум. 2004. Вып. III. С. 60–74 (в соавт. с В. Р. Эрлихом, А. И. Джопуа, И. В. Ксенофонтовой).

77. Колги Ханаш – активный участник восстания 1866 года в Абхазии // *Абхазоведение. История, археология, этнография*. Сухум. 2004. Вып. III. С. 219–224.
78. Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племен в сборнике грузинских авторов («Разыскания по истории Абхазия / Грузия». Тб., 1999) // *Вестник АНА. Сухум*. 2005. № 1. С. 69–99.
79. Новые данные к хронологии Центральной Абхазии I тыс. до н.э. // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар. 2005. С. 287–290 (в соавт. с А. И. Джопуа, В. Р. Эрлихом, И. В. Ксенофонтовой).
80. Древний Сухум (поиски, находки, размышления). Сухум. 2005. 208 с.
81. Новые открытия на Эшерском городище // XLIX итоговая научная сессия Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа. ТД. Сухум. 2005. С. 35–36 (в соавт. с В. Р. Эрлихом, А. И. Джопуа, И. В. Ксенофонтовой).
82. New archaeological material from the Dioskurias region // *The Black Sea Area and its Relationship with Ancient Central and Eastern Europe (1st Millennium BC – 5th Century AD). Third international Congress on Black Sea Antiquities (Pontic Congress). Abstracts of Papers and Posters*. Prague. 2005. P. 54–55 (в соавт. с А. И. Джопуа, И. В. Ксенофонтовой, В. Р. Эрлихом).
83. К вопросу о влиянии прикубанского искусства на звериный стиль Центральной Абхазии // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Краснодар, 2005. Вып. 5. С. 164–171 (в соавт. с В. Р. Эрлихом).
84. Работы на Эшерском городище в Абхазии // *АО 2004 года*. М. 2005. С. 566–567 (в соавт. с В. Р. Эрлихом, И. В. Ксенофонтовой, А. И. Джопуа).
85. Исследования Сухумского района // 50-я итоговая научная сессия Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа. ТД. Сухум. 2006. С. 58–60 (в соавт. с А. И. Джопуа, И. В. Ксенофонтовой, В. Р. Эрлихом).
86. Элитные архаические воинские комплексы из Центральной Абхазии // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Нальчик. 2006. С. 199–202 (в соавт. с В. Р. Эрлихом, И. В. Ксенофонтовой, А. И. Джопуа).
87. Исследования в селе Нижняя Эшера (Абхазия) // *АО 2005 года*. М. 2007. С. 573–576 (в соавт. с В. Р. Эрлихом, А. И. Джопуа, И. В. Ксенофонтовой).
88. Элитные архаические воинские комплексы из Центральной Абхазии // *Вестник АНА. Сухум*. 2007. № 2. С. 164–182 (в соавт. с В. Р. Эрлихом, А. И. Джопуа, И. В. Ксенофонтовой).
89. Работы Эшерской экспедиции АБИГИ и ГМВ // *АО 2006 года*. М. 2009. С. 726 (в соавт. с В. Р. Эрлихом, А. И. Джопуа, И. В. Ксенофонтовой, А. В. Яковлевым).

ОТКРЫТИЯ Г. К. И С. М. ШАМБА НА МОГИЛЬНИКЕ ДЖАНТУХ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРЫЕ НАХОДКИ

А. Ю. Скаков (г. Москва), А. И. Джопуа (г. Сухум), А. Козубова (г. Братислава)

Одним из основных археологических памятников, связанных с именем выдающегося абхазского археолога Г. К. Шамба, наряду с Эшерским городищем является Джантухский могильник раннего железного века в горной части Юго-Восточной Абхазии – на горе Джантух у поселка Акармара (г. Ткуарчал) в ущелье р. Аалдзга (Галидзга). Этот яркий памятник исследовался группой абхазских археологов (С. М. Шамба, Б. С. Кобахия, Н. К. Шенкао) во главе с Георгием Кучовичем в 1981, 1983 и 1985 гг. (Шамба, 1983; 1984; 2000; Шамба, Шамба, 1990; Шамба и др., 1985; Кобахия и др., 1987). Обнаруженный материал, а также целая серия ярких находок, полученных от местных «любителей древностей», были оперативно введены в научный оборот, в том числе, в двух монографиях 1984 и 1990 гг. Отметим, что у Г. К. Шамба столь скорая публикация новых археологических материалов

была в порядке вещей – изученные им памятники быстро становились достоянием научного сообщества.

К сожалению, сравнительно полная публикация древностей с горы Джантух (Шамба, Шамба 1990) последовала в преддверии распада СССР и кровопролитных событий 1992–1993 гг. в Абхазии. Видимо, именно поэтому столь интересный материал остался практически незамеченным большинством специалистов по раннему железному веку Кавказа. В 2006 г. (рекогносцировочный выезд состоялся еще в 2005 г.), с благословления и при поддержке Г. К. Шамба, мы начали работы на Джантухском могильнике. С тех пор исследования памятника проводятся ежегодно¹. Полностью исследованы четыре погребальные ямы (одна из них – двухслойная), а также два индивидуальных погребения в ямах-колодцах. Изученные комплексы относятся к XIII–XI вв. до н.э. (нижний слой погребальной ямы № 6), IX в. до н.э. (погр. № 2 и № 3), концу VIII–рубежу VIII/VII в. до н.э. (верхний слой погребальной ямы № 6), второй половине V–первой половине III в. до н.э. (погребальные ямы № 3 и № 4), IV–III вв. до н.э. (погребальная яма № 5). Были обнаружены и остатки сильно разрушенной погребальной ямы (№ 8), которую также можно датировать в широких пределах V–III вв. до н.э. В настоящее время исследуется сложный погребальный комплекс, состоящий из каменных вымоستков и погребальных ям (в том числе, позднейшая на могильнике погребальная яма № 7 II в. до н.э.), бытующий по предварительным оценкам с VI по II вв. до н.э. Мы стараемся следовать «заветам» Георгия Кучовича и обнаруженный материал оперативно вводится нами в научный оборот (Скаков, 2007; 2010; 2011; Скаков, Джоуа, 2006; 2008а; 2008б; 2009а; 2009б; 2009в; 2010; 2011а; 2011б; 2011в; 2012а; 2012б; Скаков и др., 2007; Skakov, Dzhorua, 2010).

За годы наших последних исследований (2006–2012 гг.) полученный материал поистине огромен, и к настоящему времени назрела необходимость его монографического издания. Целый спектр проблем благодаря находкам на Джантухском могильнике может быть решен по-новому, на многие вопросы теперь можно посмотреть с неожиданной стороны. В частности, получены данные, кардинально меняющие наше представление о связях ранних кочевников с кобано-колхидскими племенами, о транскавказских контактах древности, о механизмах формирования колхидских культур и роли в этом процессе центрально-кавказского импульса. Интересна новая информация о погребальном обряде и материальной культуре местного населения на протяжении почти тысячелетия (с XIII–XI по II в. до н.э.), о механизмах проникновения в горные районы Западного Кавказа античного импорта, достаточно многочисленного на Джантухском могильнике. Но, безусловно, задел в исследовании всех этих вопросов был заложен благодаря работам Г. К. Шамба и его коллег, впервые обративших внимание на археологические памятники верховьев р. Галидзга (Аалдзга).

Некоторые изделия, опубликованные Г. К. и С. М. Шамба, оставались непонятными и загадочными, не находя аналогий в памятниках региона. К примеру, можно назвать бронзовый (?) стержень с пятишишечной головкой (Шамба, Шамба, 1990. Рис. 8, 7). Находки 2011 г. (рис. 5, 12) позволили уверенно соотнести этот фрагментированный предмет с хорошо известными на Кавказе, хотя и за пределами Абхазии, височными подвесками («брильского типа») со столбиком, имеющим пятишишечное завершение (Мошинский, 2006. С. 44–46). Другое загадочное изделие, ранее не имеющее аналогий – полый «изогнутый предмет в виде половинки топора» (Шамба, Шамба, 1990. С. 24. Рис. 16, 2). Целая серия таких изделий различной степени сохранности, являющихся, вероятно, своего рода «футлярами», была, опять же, обнаружена нами во время работ 2011 г. В ряде случаев новые находки позволяют уточнить предложенную Г. К. и С. М. Шамба хронологическую позицию некоторых изделий. К примеру, навершие в виде двойной стилизованной бараньей головки не стоит связывать

¹ В последние годы работы проводятся при поддержке грантов РГНФ 09-01-18107е, 10-01-18036е, 11-01-18054е, 12-01-18064е, 13-01-18047е.

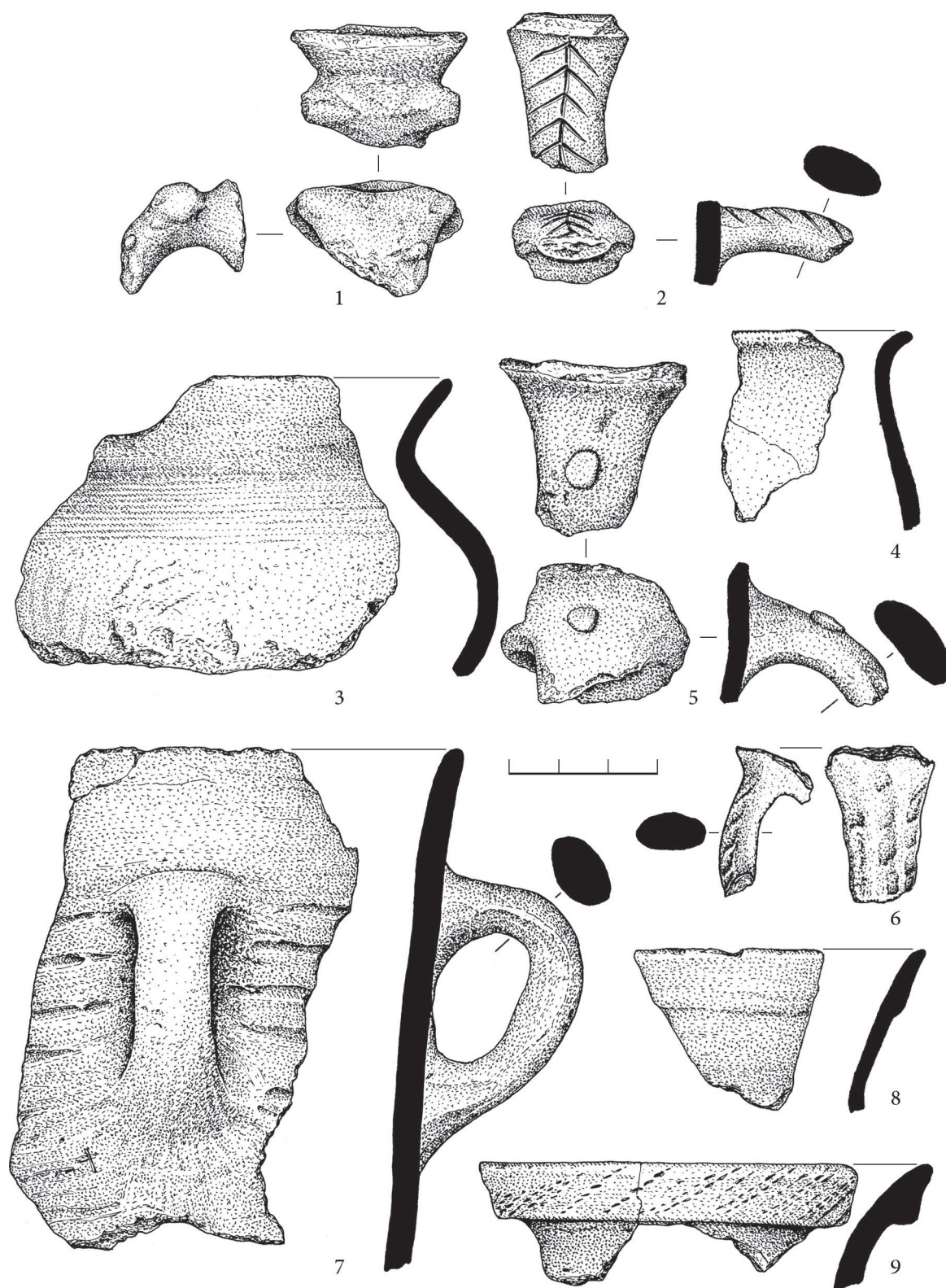

Рис. 1. Могильник Джантух, Керамика. 1-2, 5 – вымостка и погребальный комплекс; 3-4, 7-9 – погребальная яма № 3; 6 – погребальная яма № 5

с дольменной культурой (Шамба, Шамба, 1990. С. 39. Рис. 23, 1). Типологически близкая подвеска была обнаружена нами в 2011 г. в комплексе («тайник» под погребальной ямой № 5), вряд ли выходящим за пределы IV в. до н.э. Таким образом, сейчас ничего не указывает на

наличие в материалах Джантухского могильника, опубликованных его первыми исследователями, материалов ранее рубежа VIII–VII вв. до н.э.

Отметим ряд гипотез, выдвинутых Г. К. и С. М. Шамба при публикации древностей Джантуха. Авторы, вслед за В. И. Козенковой, обратились к анализу хронологии и истоков появления обряда кремации у кобано-колхидских племен. При этом, по нашему мнению, справедливо, они предположили наличие у этого обряда местных истоков и отсутствие связи его появления на Кавказе с реконструируемой миграцией из областей Средней Европы (Шамба, Шамба, 1990. С. 17–18). Но согласиться с предложенной исследователями датировкой появления этого обряда VIII в. до н.э. (или для Джантуха на рубеже VII–VI вв. до н.э.) мы сейчас не можем. По нашему мнению (см. ниже), появление обряда кремации относится к протокобанской эпохе и связано с закавказским (триалетским и посттриалетским) импульсом финала средней бронзы (Скаков, 2006; 2009. С. 155–159).

Г. К. и С. М. Шамба совершенно верно (см. Скаков, 2008. С. 76, 79–80) отнесли появление на Кавказе дуговидных фибул к периоду задолго до начала греческой колонизации и до VIII–VII вв. до н.э. (Шамба, Шамба, 1990. С. 31). Верным нам представляется и вывод исследователей о местном производстве акинаков скифского типа, хорошо представленных в материалах Джантухского могильника (Шамба, Шамба, 1990. С. 28–29). Отметим также и имеющее под собой значительные основания утверждение о большей близости Джантухского могильника к кобанским, чем к колхидским памятникам, неоднократно высказанное Георгием Кучовичем в личных беседах.

Многолетние раскопки позволяют сделать попытку обобщить итоги исследований, начиная с культурной атрибуции изучаемого памятника. На первый взгляд, каких либо проблем здесь возникнуть не должно: памятник находится на территории, традиционно включаемой в границы колхидской культуры эпохи поздней бронзы–раннего железа. Но даже обращение к опубликованным ранее материалам Джантухского могильника должно было бы заставить непредвзятого наблюдателя усомниться в возможности столь уверенной атрибуции этого памятника. Достаточно сравнить их с хорошо известными находками из таких эталонных памятников Абхазии, как могильники Куланурхва, Красный Маяк, Гуадиху. Попробуем кратко и, в силу необходимости, в тезисной форме обозначить специфику Джантухского некрополя.

1. Погребальный обряд. На могильнике мы видим сочетание индивидуальных погребений в ямах-колодцах по обряду кремации на стороне и коллективных захоронений в погребальных ямах крупного размера. При этом для ранних коллективных захоронений (нижний и верхний уровни погребальной ямы № 6) характерен обряд кремации на стороне, для поздних – кремация на месте при вторичном обряде погребения. Вторичный обряд погребения не вызывает сомнения: при начатой обработке костного материала обнаружены следы от когтей животных на диафизе правой плечевой кости, оставленные до ее помещения в огонь. По предварительной оценке антрополога, проведенной аспиранткой ИА РАН Е. А. Клещенко, некоторые останки могли попасть в погребальный костер после частичного или полного скелетирования, а некоторые – в скором времени после смерти.

Сочетание на одном памятнике синхронных (или практически синхронных) индивидуальных (с кремацией на стороне) и коллективных кремационных погребений засвидетельствовано на могильнике Уреки в Западной Грузии (устье р. Супса) (Микеладзе, 1985). Впрочем, биритуализм в различных его формах известен и на других памятниках, как Центральной Колхиды, так и близлежащих регионов Северного Кавказа. Вопрос состоит, скорее, в истоках данного варианта кремационного обряда на этой территории и в определении границ его распространения. Представляется непродуктивным связывать кремационные погребения с ареалом колхидской культуры в целом (Козенкова, 2004. С. 152). Некрополи с кремационными захоронениями сосредоточены в сравнительно небольшом регионе Центральной

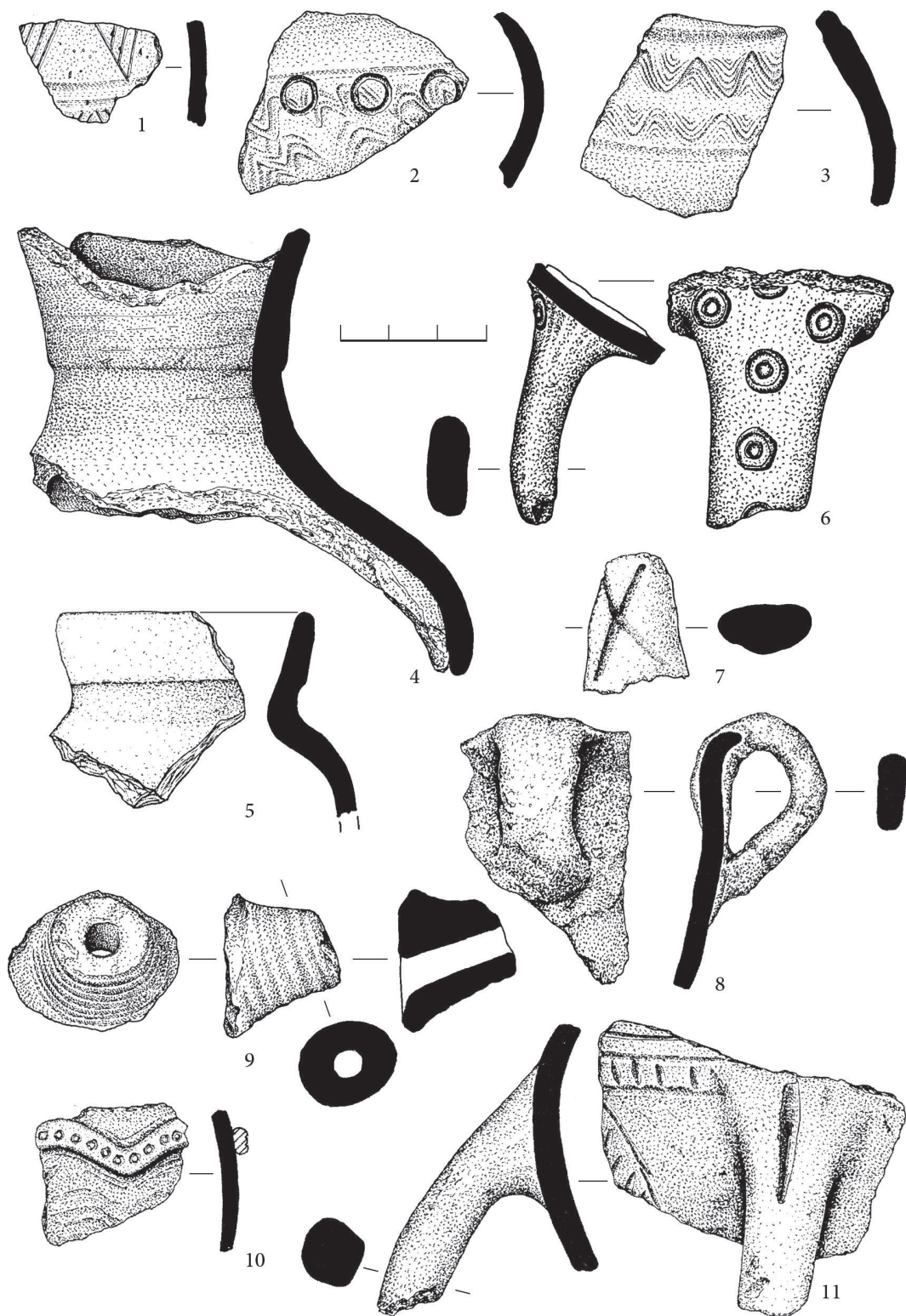

Рис. 2. Могильник Джантух. Керамика. 1–2, 6–7 – погребальная яма № 3; 3, 9 – погребальная яма № 7; 4–5, 8, 10–11 – погребальная яма № 5

Колхиды, а за его пределами кремационные погребения, причем только индивидуальные, известны лишь на могильниках Гуадику и Красный Маяк (хотя Ю. Н. Воронов усомнился в наличии здесь кремации – Воронов, 1991. С. 228–230) в районе современного Сухума, т.е. в своего

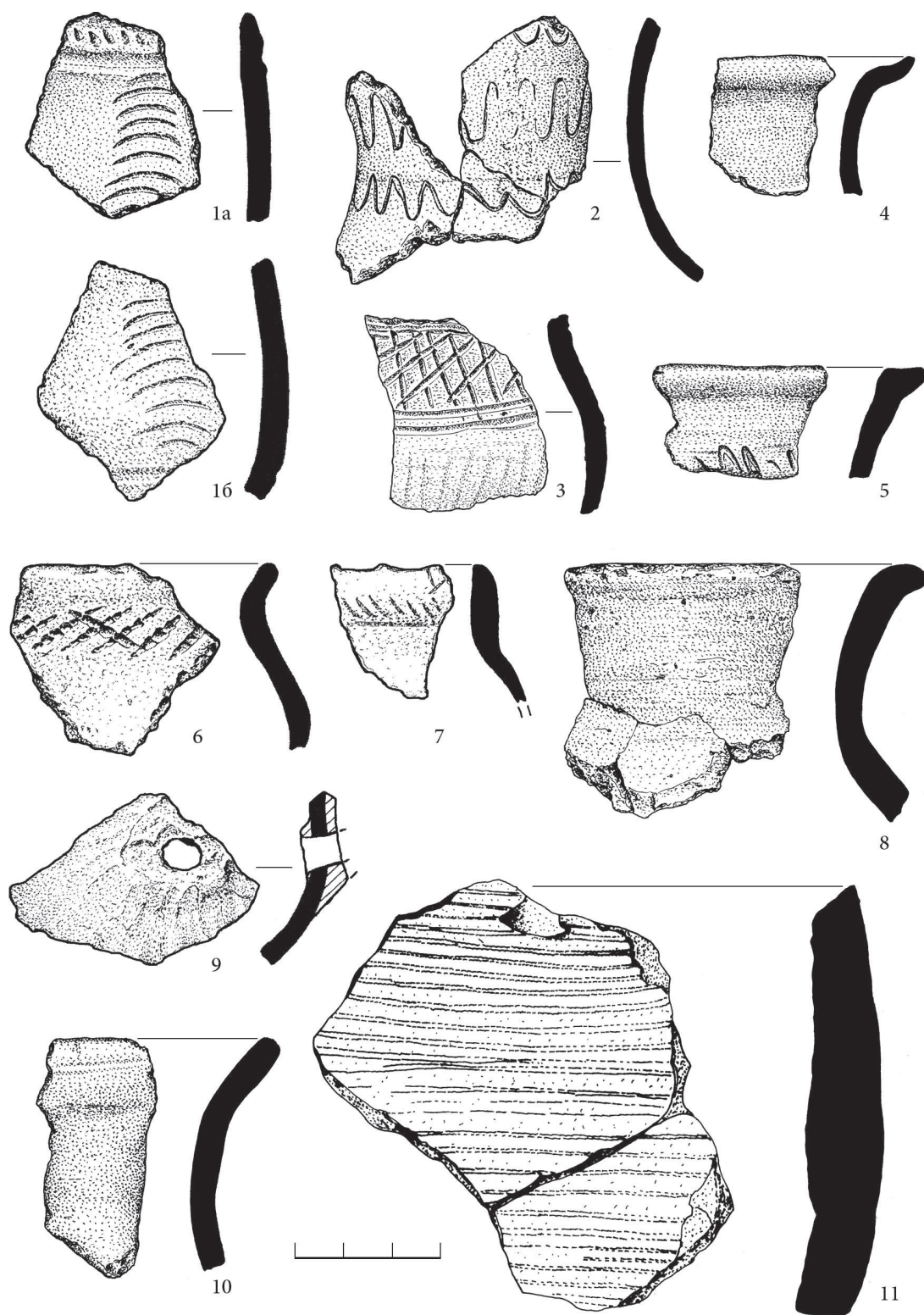

Рис. 3. Могильник Джантух. Керамика. 1а–6, 6–7, 9 – погребальная яма № 5; 2–4 – погребальная яма № 3; 5 – вымостка и погребальный комплекс; 8 – погребальная яма № 8 (?); 10 – раскоп 2, подъемный материал; 11 – погребальная яма № 7

рода контактной зоне. Именно эта яркая особенность погребального обряда стала основанием для выделения одним из авторов этой статьи в свое время ингури-рионской колхидской культуры, родственной, но не тождественной другим колхидским культурам.

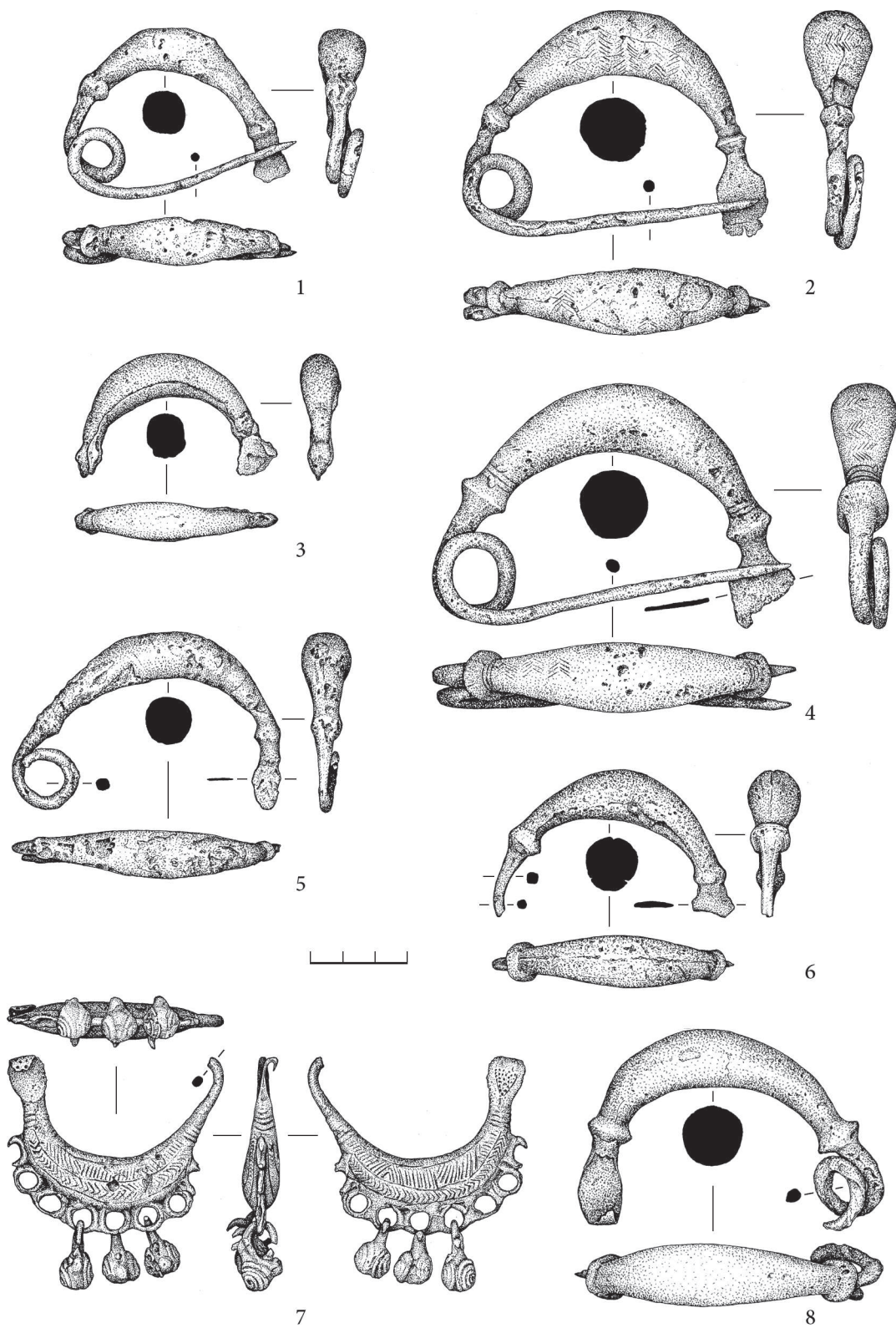

Рис. 4. Могильник Джантух. Бронзовые фибулы из «тайника» под погребальной ямой № 5

Однако заметная группа практически аналогичных по обряду и, отметим, близких по инвентарю погребальных памятников давно и хорошо известна в Кабардино-Пятигорье, на Северном Кавказе (Козенкова, 1982; 2004; и др.). Ранее мы (один из авторов данной статьи) допускали, что кремация проникает в Центральную Колхиду именно оттуда – не в VII–VI вв. до н.э., как предполагала В. И. Козенкова (2004. С. 152), а в X–IX или в IX–первой половине VIII в. до н.э. (Скаков, 2009. С. 158–159). Теперь же, после обнаружения раннего (XIII–XI вв. до н.э.) кремационного погребения на Джантухском могильнике, картина изменилась. Западнокобанские памятники утратили хронологический приоритет, соответственно, проникновение кремации в сочетании с коллективным обрядом погребения в Кабардино-Пятигорье и в Центральную Колхиду можно считать одновременным. Связывать же этот импульс следует с протокобанскими памятниками (дигорской культурой). При этом можно вспомнить и разрушенное коллективное погребение, скорее всего, кремационное (кремация на стороне) в Богрешах в Сванетии (Чартолани, 1989. С. 131–134), которое необходимо синхронизировать с протокобанскими древностями и датировать в пределах первой половины II тыс. до н.э. при возможности некоторого удревления. То есть Богреша может рассматриваться как своего рода связующее звено, демонстрирующее пути проникновения обряда и его носителей в Центральную Колхиду.

На центрально-кавказский импульс указывает и присутствие в древнейшем кремационном погребении Джантухского могильника бронзовой полуовальной пряжки со спиральным орнаментом. Это самая западная находка пряжки такого типа, характерного для региона Центрального Кавказа в эпоху формирования кобанских древностей (Скаков, 2012. С. 133. Рис. 1, 6).

На западнокобанских памятниках VI–V вв. до н.э. находит аналогии выявленная в последние годы каменная вымостка сложной формы, являющаяся своеобразным погребально-поминальным сооружением. Бытование большей части этой конструкции мы пока ограничиваем VI–IV вв. до н.э., в более позднее время ее периферия была разрушена погребальной ямой № 7 (II в. до н.э.), а над основной частью была сооружена новая вымостка меньшего размера. Отдаленные аналоги этой вымостке мы видим на могильниках Султан-гора III, сооружение 1 (Членова, 1984. С. 235–236. Рис. 1) и Уллубаганалы 2 (Козенкова, 1989. С. 33, 79). Плиточные вымостки вокруг погребений (коллективных гробниц) или рядом с ними известны и в синхронных (конец IV–III в. до н.э.) памятниках Ставропольской возвышенности – склеп № 3 и объект № 5 Вербовского могильника (Прокопенко, Охонько, 2012. С. 14, 31).

2. Материальная культура. При анализе материальной культуры мог-ка Джантух VI–II вв. до н.э. мы обратимся не к уникальным находкам, часто встречающимся на этом памятнике, а к массовому материалу, составляющему «лицо» это некрополя и определяющему его культурную атрибуцию. В металлическом инвентаре Джантухского мог-ка отсутствуют какие-либо специфически «колхидские» типы. Более того, по наиболее многочисленным категориям и типам предметов (фибулы, поясные пряжки, «катушкообразные» и крестовидные подвески) мог-к Джантух сближается, в первую очередь, с «кобанскими» памятниками Северного Кавказа. Специфичными только для Джантухского могильника являются костяные орнаментированные бусы. Еще одной особенностью этого памятника является разнообразная и многочисленная зооморфная пластика.

В то же время, по **керамическому комплексу**² Джантухский мог-к примыкает к «колхидскому» кругу древностей. Впрочем, и здесь есть ряд особенностей. На памятнике отсутствуют наиболее характерные разновидности стакановидных сосудов (второго и третьего типов, по

² Джантухский могильник отличается богатством керамического материала, при этом, в отличие от «типичных» некрополей, количество целых форм здесь крайне невелико. Это связано с особенностями погребального обряда, предполагающего неоднократное проведение тризны.

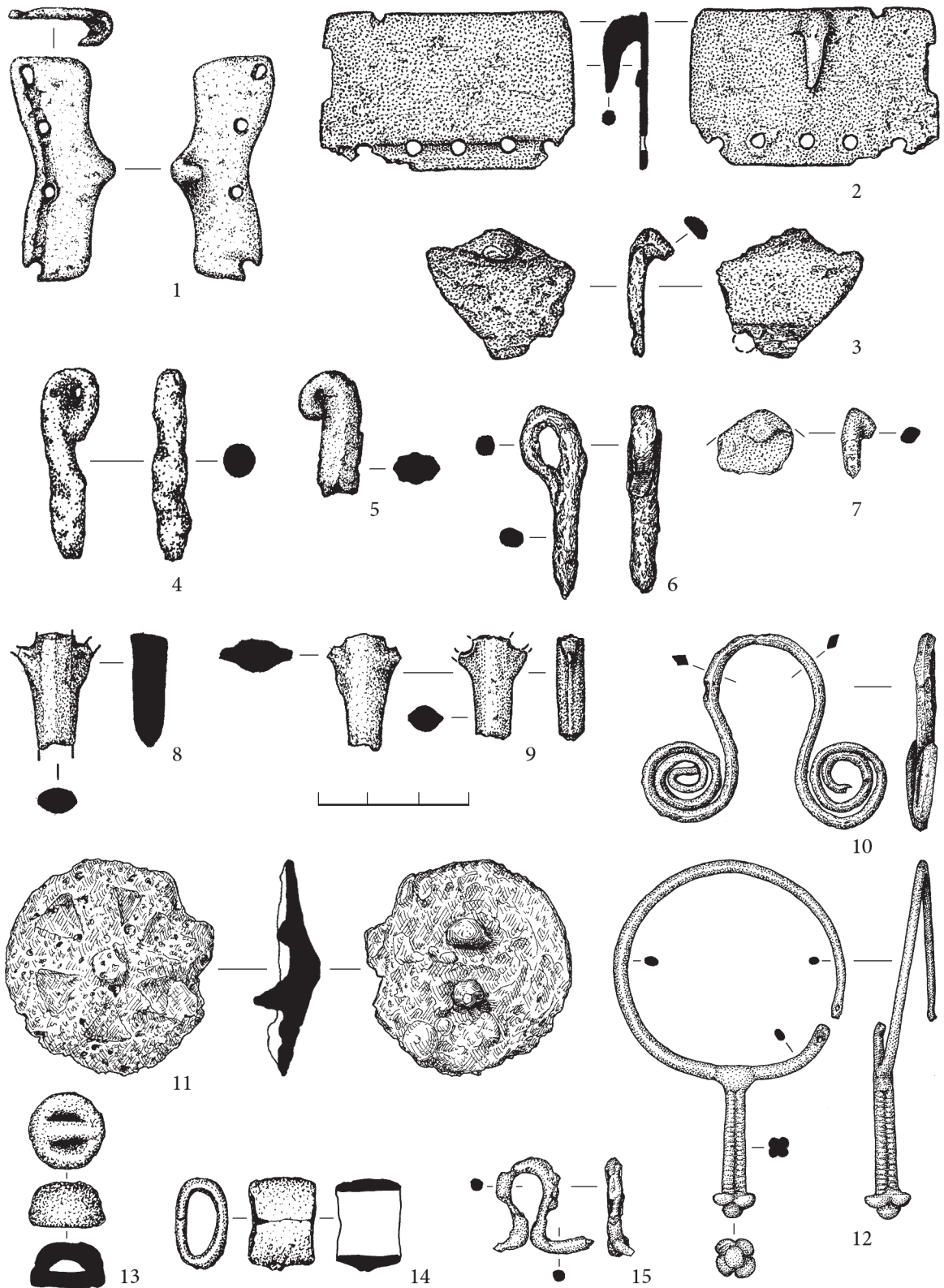

Рис. 5. Могильник Джантух. Украшения, детали костюма и бляха. 1, 3–7, 9, 13–15 – погребальная яма № 3; 2, 8 – погребальная яма № 5; 10–11 – «тайник» под погребальной ямой № 5 (1–3, 7–15 – бронза, 4–6 – железо, 12 – серебро)

имеющейся классификации³ – см. Лордкипанидзе и др., 1981. С. 99); котловидные сосуды с вертикальными ручками, размещенными вдоль венчика («сосуды типа шайки» или «кастрюли»); крышки; единичными находками представлены фрагменты кувшинов с вертикальными трубчатыми ручками (рис. 2, 9; 3, 9) и зооморфные, с роговидными выступами ручки сосудов (рис. 1, 1; Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 12, 2). Сравнительно немногочисленны и крупные пифосы с каннелюрами (Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 12, 8), что, впрочем, следует признать вполне логичным для некрополя⁴. Зато устойчиво присутствуют необычные толстостенные сосуды плохого качества, покрытые линейным орнаментом и имеющие своеобразный невыделенный венчик, чуть скошенный вовнутрь (рис. 3, 11; Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 14, 1). Встречаются как непрофильные фрагменты амфор (почти исключительно колхидских), так и местные подражания амфорам (рис. 2, 4).

Преобладают тонкостенные красноглиняные (или красновато-коричневые, оранжевые по цвету глины)⁵ подражания эллинистическим формам (рис. 1, 4, 8; 2, 5; 3, 4; Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 13, 5, 13). Хорошо представлены горшки небольших размеров с сильно отогнутым венчиком (рис. 1, 3; Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 13, 1, 7, 12), корчаги (Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 12, 5), иногда со штампованным орнаментом по венчику (рис. 1, 9), кувшины с высоким горлом прямолинейного профиля (рис. 3, 2, 8, 10; третий тип – см. Лордкипанидзе и др., 1981. С. 98. Рис. 56, №№ 137–138), стаканы кубкообразного типа с прямолинейным профилем тулова (рис. 1, 7; 2, 8; пятый тип – см. Лордкипанидзе и др., 1981. С. 100. Рис. 61–63, №№ 170–172). Очень немногочисленны миски (Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 13, 6). Среди декоративных мотивов, безусловно, преобладают орнамент в виде волны (рис. 2, 2–3, 10; 3, 2; Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 14, 3, 6–7) и линейный (Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 12, 5), достаточно часто встречается орнамент в виде косой сетки (рис. 3, 3; Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 13, 7; 14, 5) или косых насечек (рис. 3, 7; Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 14, 12), иногда выполненный с помощью штампа (рис. 3, 6; Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 14, 2, 16), в меньшей степени представлен геометрический декор в виде треугольников (рис. 2, 1, 11; Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 13, 10; 14, 15) и концентрических окружностей (рис. 2, 2; Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 13, 3; 14, 13), а также ямочная и елочная орнаментация (Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 13, 12; 14, 8, 10, 14). Можно считать характерным для могильника и декор в виде своего рода «псевдоканнелюр» (Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 13, 3, 11) – узких и, нередко, косых чуть заметных желобков, отдаленно напоминающих каннелюры, известные на колхидских пифосах. Иногда для подражания каннелюрам применялись полосы вертикального или наклонного лощения (Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 14, 11). Встречаются и более «экзотичные» варианты орнаментации: волнистые наlepные валики с кружковым орнаментом (рис. 2, 10), вертикальные ряды дуговидных линий (рис. 3, 1а–б), вертикальные насечки (Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 14, 4). Для декора ручек, кроме достаточно хорошо представленных здесь наlepов-«шишечек» (рис. 1, 5; Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 12, 1, 4), использовались вертикальные бороздки, «раздваивающие» ручку в ее верхней части⁶ (рис. 2, 11), елочный (рис. 1, 2), кружковый (рис. 2, 6), реже штампованный (рис. 1, 6) и точечный узоры, наlepные орнаментированные валики⁷ (Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 12, 7), косые кресты (рис. 2, 7).

³ Т.е. с конусовидной расширяющейся нижней частью тулова или с донной частью, имеющей выступ.

⁴ В 2012 г. большое количество фрагментов этих пифосов (как минимум, от трех экземпляров) было обнаружено при расчистке погребально-поминальной вымостки, которую они и образовывали вместе с камнями различного размера.

⁵ Типичная «колхидская керамика» этого времени, в отличие от нашей, «в основной массе черного обжига» (Гиголашвили, Качарава, 1977. С. 77). Для керамики Ванского городища VI–IV вв. до н.э. более характерен серый или коричневый цвет глины (Лордкипанидзе, 1981. С. 102).

⁶ Представляется, здесь можно усмотреть подражание двустольным ручкам импортной античной керамики. Такие подражания иногда называют «псевдо-двустольными ручками» (Шамба, 1988. С. 43. Табл. XXXIII, 14).

⁷ Такой декор ручек (налепы-«шишечки», наlepные орнаментированные валики, кружковый, точечный и елочный орнаменты, косые кресты) представлен в материалах из Вани (Лордкипанидзе и др., 1981. Рис. 43, № 95; 72,

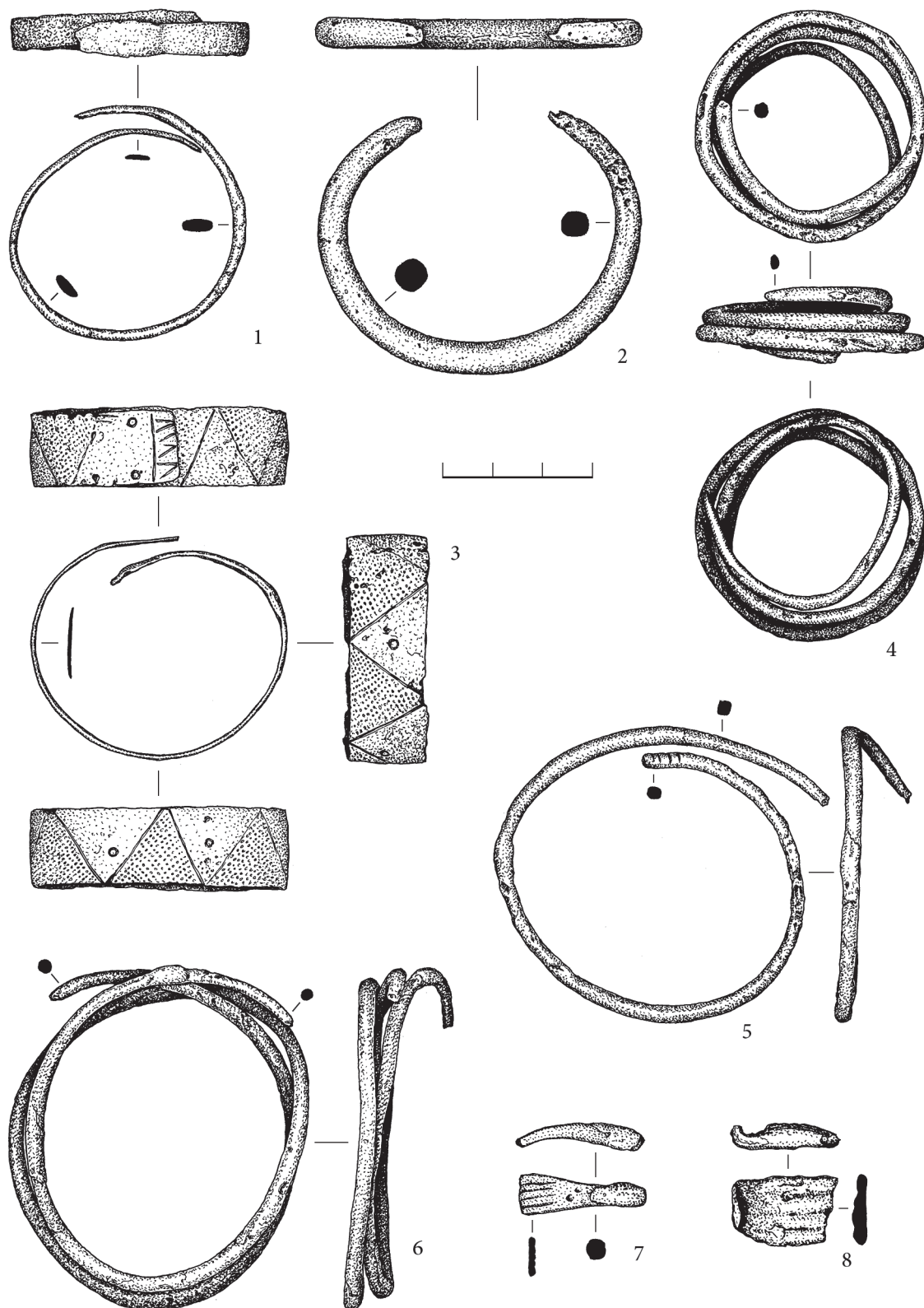

Рис. 6. Могильник Джантух. Бронзовые браслеты и их фрагменты. 1-6 – «тайник» под погребальной ямой № 5; 7 – погребальная яма № 5; 8 – погребальная яма № 3

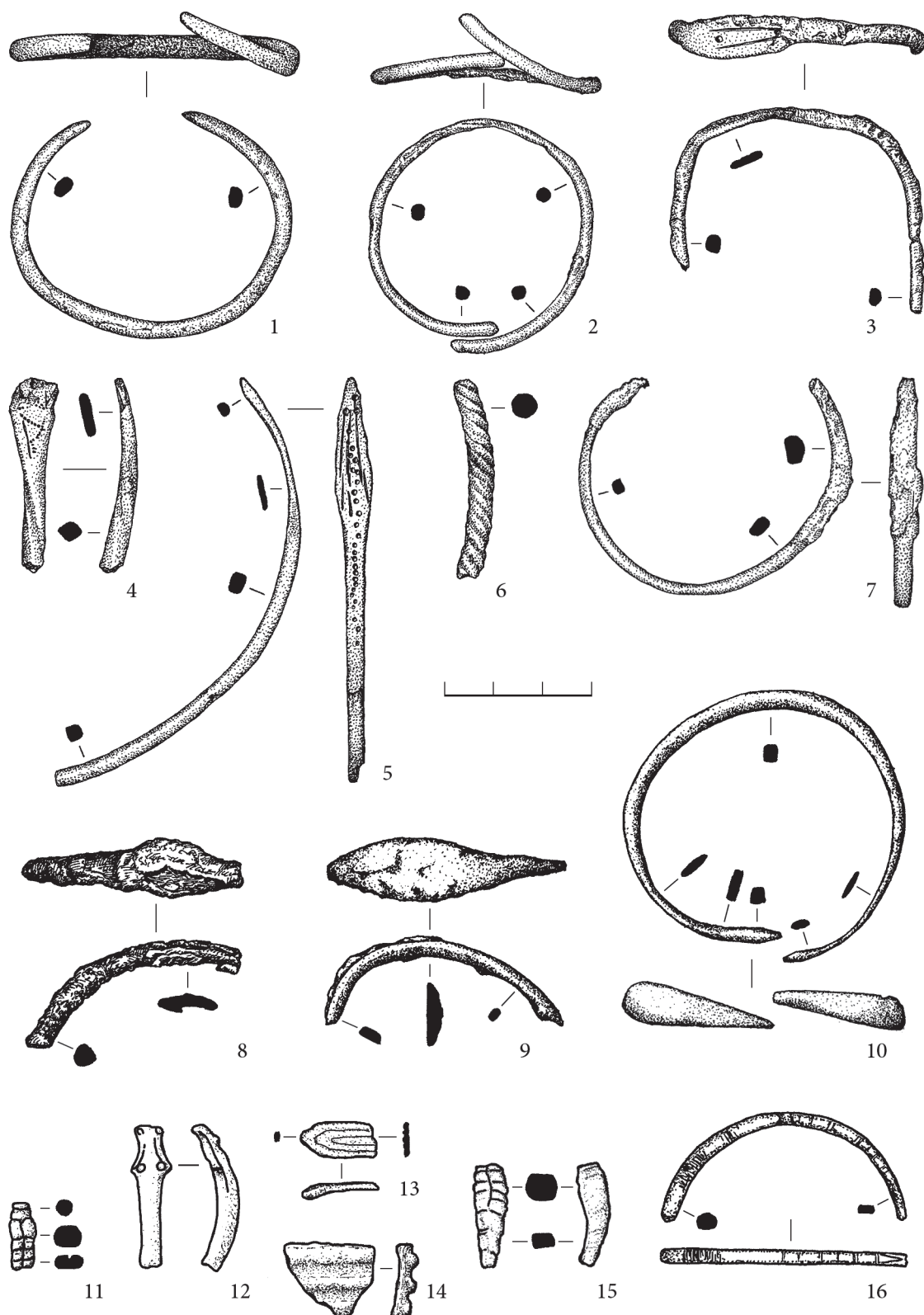

Рис. 7. Могильник Джантух. Браслеты, гривны и их фрагменты. 1 – «тайник» под погребальной ямой № 5; 2–6 – погребальная яма № 7; 7, 11–16 – погребальная яма № 5; 8–10 – погребальная яма № 3 (1–7, 10–16 – бронза; 8–9 – железо)

К сожалению, практически отсутствуют сравнительные материалы, т.к. подавляющее большинство поселений этого времени из других районов Колхиды введены в научный оборот лишь суммарно, без детального анализа керамического материала. Отметим при этом, что, как считается, «ведущие типы керамики одинаково характерны как для приморской полосы, так и для внутренних районов Колхиды» (Гиголашвили, Качарава, 1977. С. 77), т.е. колхидская керамика однородна. В самом деле, если сравнить керамику Джантуха и сравнительно полно опубликованный керамический комплекс близлежащего (в 31,5 км по прямой) приморского Гиеноса (Шамба, 1988), мы увидим много общего. Это и ручки с налпами-«шишечками» (рис. 1, 5; Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 12, 4), и сходные орнаментальные мотивы, и ряд «общеколхидских» керамических форм. Там же, в Гиеносе, находит аналогии (Шамба, 1988. Табл. VI, 9) уникальное для Джантухского могильника рельефное изображение змеи на ручке культового, богато украшенного сосуда (погребальная яма № 7). Тем не менее, в материалах Гиеноса широко представлены именно те типы сосудов, которые абсолютно отсутствуют в Джантухе: стакановидные сосуды двух наиболее распространенных типов и котловидные сосуды с вертикальными ручками, размещенными вдоль венчика.

Таким образом, по основным типам керамических форм и их декора Джантухский мог-к демонстрирует несомненную близость к общему массиву колхидской керамики, проявляя при этом явные локальные особенности.

Рассмотрим основные типы металлического инвентаря Джантухского мог-ка, преимущественно, периода V–IV вв. до н.э., наиболее ярко представленного в имеющемся материале. В качестве особенно характерных типов для инвентаря этого памятника отметим упомянутые выше «катушкообразные» и крестовидные подвески, подробно проанализированные одним из авторов в серии работ (Скаков, 2009. С. 163. Рис. 6, 1–16; 2010; Скаков, Джоуа, 2012б. С. 225–227, Рис. 6, 1–8, 10–18). Как уже отмечалось, ажурные «катушкообразные» подвески, за единичными исключениями, характерны для Кабардино-Пятигорья и для двух могильников Западного Закавказья – Джантухского и Лариларского. При этом датировка этих предметов по обе стороны Главного Кавказского хребта различна. В памятниках Северного Кавказа «катушкообразные» подвески датируются VI в. до н.э. (или концом VII–VI в. до н.э.), в могильниках Абхазии и Сванетии – второй половиной V–началом III в. до н.э. В Джантухском мог-ке представлены все три типа крестовидных подвесок, но датируются они здесь, безусловно, более поздним временем, чем в «кобанских» памятниках. Таким образом, можно сделать принципиально важный вывод о возможности различной хронологической позиции однотипных предметов в различных (хотя и родственных) культурах единой культурно-исторической общности.

Отметим также интересную особенность, отличающую богатый вещевой комплекс «тайника» под погребальной ямой № 5: здесь не было найдено не только ни одной бусины и ни одного фрагмента керамики, но также ни одной крестовидной или «катушкообразной» подвески. Видимо, это связано с неизвестным нам характером данного обряда.

Одной из основных категорий металлического инвентаря Джантухского могильника являются **бронзовые фибулы**, большое количество которых было введено в научный оборот Г. К. и С. М. Шамба (Шамба, 1984. Рис. 21; 25; Шамба, Шамба, 1990. Рис. 7, 6; 8, 6; 21⁸). По их сведениям, здесь было найдено более 60 бронзовых и около 20 железных фибул (Шамба, Шамба, 1984. С. 30). Мы уже неоднократно публиковали фибулу, обнаруженную нами в 2005 г. и относящуюся к комплексу погребальной ямы № 3 (Скаков и др., 2007. Рис. 68, 1; Скаков, 2007. Рис. 1, 6; 2008. Рис. 4, 2; 2009. Рис. 7, 1; Скаков, Джоуа, 2008а. Рис. 2; 2009в. Рис. 2, 34; 2011а. Рис. 17, 6; 2012б. Рис. 5, 6). Значительное количество бронзовых фибул различной степени сохранности было обнаружено нами в «тайнике» под погребальной ямой № 5, датируемом в пределах IV в. до н.э.

⁸ На последнем рисунке представлены фибулы, уже опубликованные в книге 1984 г.

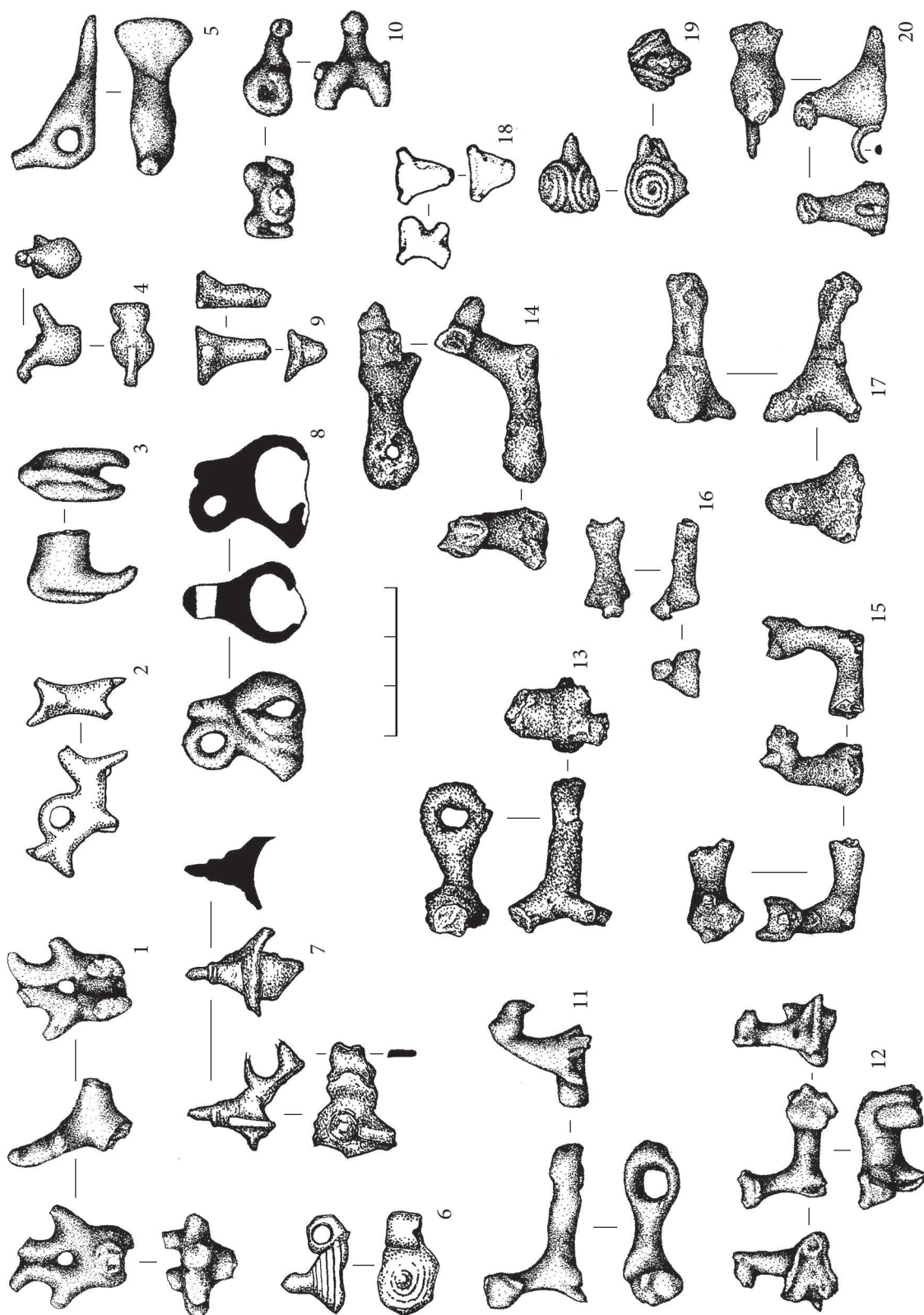

Рис. 8. Могильник Джантух. Бронзовая зооморфная пластика. 1-3, 5-12, 14 – погребальная яма № 3; 4 – погребальная яма № 4; 13, 15-16(?), 17(?), 18-20 – погребальная яма № 5

Особенно хорошо здесь представлены фибулы с кольцевидными утолщениями на дужке (рис. 4, 1–6, 8), что подтверждает высказанное ранее одним из авторов предположение об их доживании в горных районах до значительно более позднего времени, чем в соседних регионах Колхиды и Северного Кавказа (Скаков, 2008. С. 84, 92). При этом у большинства джантухских фибул дужка в той или иной степени асимметрична, что является сравнительно ранним признаком (Там же. С. 84, 86). Такие фибулы с асимметричной дужкой в иных колхидских (Джвари и др.) и западнокавказских комплексах датируются первой половиной VIII–рубежом VIII/VII в. до н.э., а фибулы с почти симметричной (высокой сильно утолщенной в средней части) дужкой появляются во второй половине VIII или на рубеже VIII–VII вв. до н.э. и, вероятно, доживают до VI в. до н.э. (Там же. С. 86, 88). Как видим, в джантухских материалах оба типа фибул доживают до IV в. до н.э.⁹

Здесь хотелось бы обратить внимание на обнаруженную также в комплексе «тайника» под погребальной ямой № 5 фибулу с утолщенной дужкой, на верхней грани которой помещен ряд петель для крепления птероморфных подвесок (рис. 2, 7). Абсолютно аналогичная фибула известна в материалах близлежащего мог-ка Ларилари, типологически близкая (но упрощенная и фрагментированная) – найдена на Бамборской поляне (Скаков, 2008. С. 95. Рис. 6, 15, 17). Мы уже обращали внимание на поразительную близость между материалами могильников Джантух и Ларилари (Скаков, 2007; 2009. С. 163–167; Скаков, Джопуа, 2012б. С. 235). В том же «тайнике» была обнаружена *бронзовая бляха* (вероятно, от конской узды) с орнаментом в виде треугольников, направленных вершинами к центру. Ажурная бляха с подобным прорезным декором известна и среди беспаспортных находок с Джантухского могильника (Шамба, 1984. Рис. 23, 3). Типологически близкие бляхи мы опять же видим в материалах мог-ка Ларилари (Чартолани, 1968. Табл. IV), а также среди находок из Агудзеры (Воронов, 1975. Рис. 11, 8–11, 16) и, в меньшей степени, из Ахул-абаа (Воронов, 1991. Рис. 2, 12).

По сравнению с многочисленными фибулами, гораздо менее впечатляет набор *поясных пряжек* Джантухского могильника. Из старых (депаспортизованных) находок их известно «более семи»¹⁰ (Шамба, 1984. Рис. 23, 14, 16–20; Шамба, Шамба, 1990. С. 38. Рис. 8, 12). Еще две пряжки были обнаружены в ходе наших работ – в погребальных ямах № 3 (рис. 5, 1) и № 5 (рис. 5, 2). В погребальной яме № 3 найдены и два фрагмента поясных пряжек (рис. 5, 3, 7). Не считая сильно деформированных экземпляров (Шамба, 1984. Рис. 23, 19–20), большинство джантухских пряжек можно отнести к двум типам: бабочковидные (Шамба, 1984. Рис. 23, 17–18) и прямоугольные с прогнутыми верхней и нижней гранью и приподнятыми углами (Шамба, 1984. Рис. 23, 14, 16; Шамба, Шамба, 1990. Рис. 8, 12).

Из пряжек, обнаруженных нами, одну также можно отнести к бабочковидным (рис. 5, 1), зато вторая относится к редкому типу прямоугольных пряжек с прямыми сторонами и отсутствием выступа, выделяющего крючок (рис. 5, 2). Ближайшие аналоги этой пряжке происходят из погр. 7 и 42 Гагринского мог-ка (Бжания, Бжания, 1991. Рис. 7, 5; 9, 2). Они также прямоугольные, без выступа над крючком на верхней грани, но украшены спиральным орнаментом. Судя по наличию у пряжки из погр. 42 рамки из двух рядов штампованных треугольников, такой декор восходит к более ранним центрально-кавказским полуовальным пряжкам, украшенным спиральным орнаментом с такой же рамкой (Скаков, 2012. С. 132–135). Более того, близ ст. Николаевской (Северная Осетия) была найдена практически аналогичная гагринским пряжка (Пьянков, Пономарев, 1997. С. 7. Рис. 2) – это прямоугольная пряжка, выступ над крючком также отсутствует, лицевая поверхность украшена рядами спирального орнамента. Пряжка без выступа над

⁹ Дата обоснована по сочетанию железных топоров-секир, которые появляются в Западном Закавказье не ранее IV в. до н.э., и серебряных подвесок «брильского типа» (рис. 5, 12).

¹⁰ Судя по опубликованным рисункам, семь. Принадлежность орнаментированной пластины с двумя отверстиями (Шамба, 1984. Рис. 23, 15) к поясным пряжкам кажется нам сомнительной.

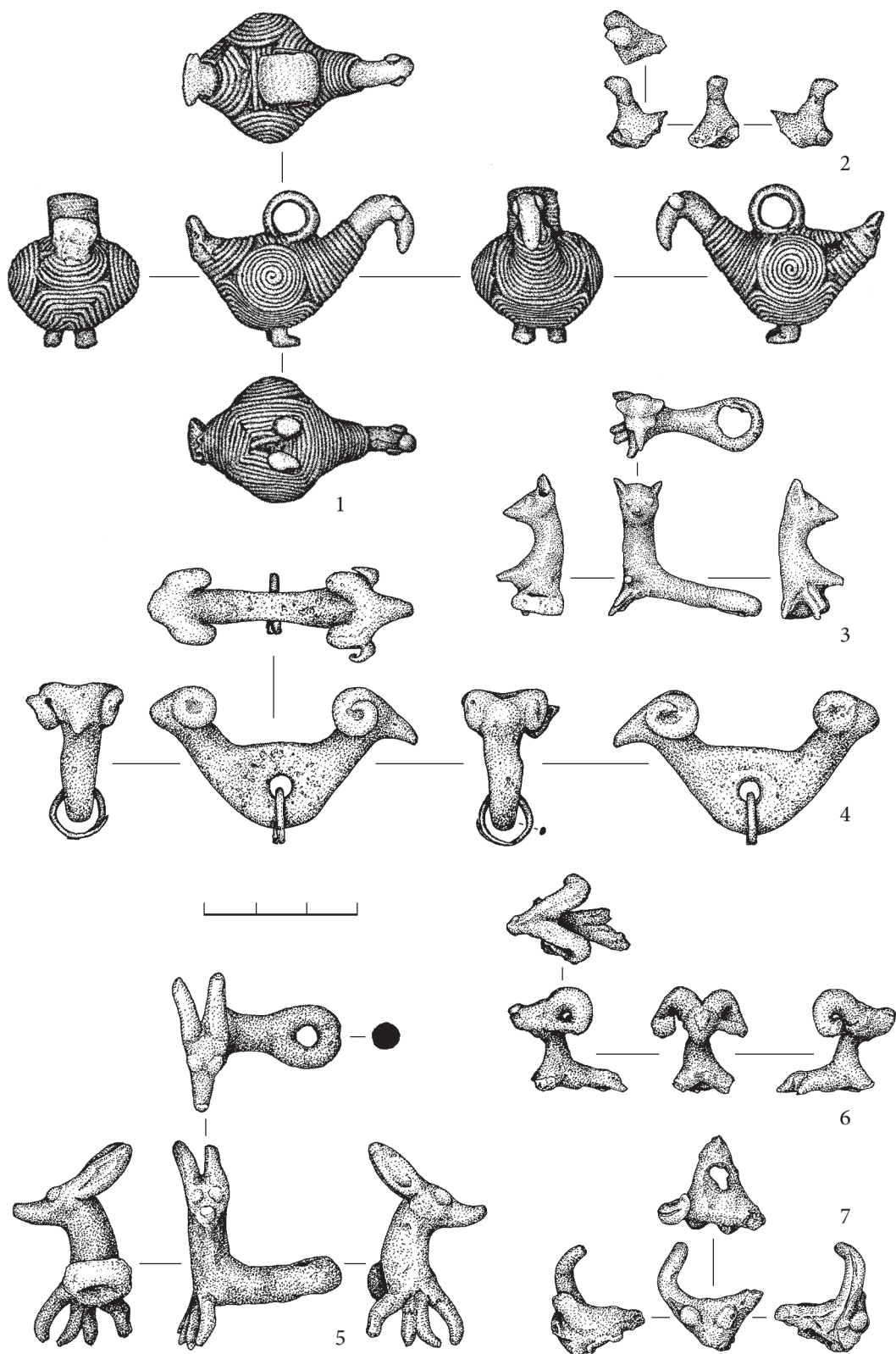

Рис. 9. Могильник Джантух. Бронзовая зооморфная пластика. 1 – погребальная яма № 3; 2–3,5–7 – погребальная яма № 7; 4 – «тайник» под погребальной ямой № 5

крюком известна и в погр. 90 мог-ка Красный маяк (Трапш, 1969. Табл. XXVI, 15; С. 127, 200), но украшена она декором в виде полосок зигзага, характерным для полуовальных и умбоновидных пряжек этого могильника и других памятников бзыбской колхидской культуры (Скаков, 2012. С. 136–138). Впрочем, пряжки без выступа над крюком известны и в других регионах кобано-колхидской культурно-исторической общности, причем в значительно более раннее время. В частности, выступа нет у одной из пряжек клада из Удэ в Месхет-Джавахетии (Чубинишвили и др., 1957. Рис. 2, 4). Таким образом, данная особенность пряжек не является каким-либо локальным признаком, периодически встречаясь в различных памятниках.

Указывают ли поясные пряжки Джантухского мог-ка на возможность отнести этот памятник к кругу исключительно кобанских или только лишь колхидских древностей? Мы бы не стали ставить вопрос таким образом. Для западного варианта кобанской культуры (по нашему мнению – самостоятельной культуры, родственной другим кобано-колхидским культурам) поясные пряжки таких типов мало характерны, они представлены там исключительно в Баксанском ущелье (Козенкова, 1998. С. 59), т.е. в контактной зоне с центральнокобанской культурой. В памятниках выделенной одним из авторов бзыбской колхидской культуры поясные пряжки, типологически сходные с джантухскими, встречаются, за единичным исключением (пряжка из Чобанлука – см. Лукин, 1956. С. 150. Табл. VII, 4), только в районе современного Сухума (мог-к Красный маяк, Ачадара, Эшерский кромлех 1). Опять же, регион современного Сухума может рассматриваться и как контактная зона между бзыбской и ингуро-рионской колхидскими культурами.

Учитывая, что как категория изделий подпрямоугольные поясные пряжки с отверстиями во всем кобано-колхидском ареале образуют сложно разделимый конгломерат, мы бы не взяли утверждать, что пряжки района современного Сухума импортированы с территории какой-либо другой культуры. Более вероятно их производство на месте по образцам, происходившим, скорее всего, из региона Центрального Кавказа (Кобанский и Тлийский могильники). Единственная пряжка с изображением животного (оленья) из Ачадары (Гунба, 1978. Рис. 1, 2) находит аналогии в серии относительно поздних пряжек Тлийского мог-ка (погр. 51, 98, 194, 268, 360, 385, 401 и 452). Пряжка из погр. 70 Красного Маяка (Трапш, 1970. Табл. XXVI, 17) с изображением ряда спиралей в рамке полностью идентична серии пряжек Кобанского и Тлийского (погр. 23а, 39 и 50) могильников. Пряжка из погр. 118 Красного Маяка (Трапш, 1970. Табл. XXVI, 16) близка к нескольким пряжкам из Кобанского мог-ка и Верхней Рутхи с изображениями заключенных в ромбические метопы свастик. Пряжки из погр. 66 Красного Маяка (Трапш, 1970. Табл. XI, 8) и Эшерского кромлеха 1 (Шамба, 1974. Табл. XXVI, 12) с изображением одинарного или двойного зигзага, заключенного в рамку или ограниченного поясками сверху и снизу, имеют многочисленные аналогии в Кобанском мог-ке, Тли (погр. 88б, 101, 130, 192, 227, 250, 276 и 296), погр. 10 Уреки. Наконец, пряжка из погр. 17 Красного Маяка (Трапш, 1970. Табл. XXVI, 18), украшенная рядом точечных наколов в рамке из косых насечек, практически идентична нескольким экземплярам из Верхней Рутхи, Кобанского мог-ка, Тли (погр. 68, 128, 139, 267, 347/2, 413) и Курзу. Показательно, что в тлийских материалах (пряжки из погр. 372 и 375, топор из пог. 374) находит аналогии и стилистика изображения хищной птицы на своеобразной пряжке без отверстий из погребения в Абгархуке (Шамба, 1984. Рис. 18а, б).

В качестве своего рода «передаточного звена» между центральнокобанскими и бзыбскими памятниками можно рассматривать не столько пряжки Баксанского ущелья, сколько весьма многочисленные поясные пряжки могильников Центральной Колхиды (Эргета, Дгваба, Палури, Цаиши, Нигвзиани, Уреки и др.), т.е. ингуро-рионской колхидской культуры. Кстати, на нескольких пряжках из Уреки выступ над крюком также почти не выделен (Микеладзе, 1990. Табл. XXX, 4, 34, 36). Таким образом, поясные пряжки Джантухского могильника необходимо связать именно с этим культурным очагом.

Малочисленны, как и поясные пряжки, в материалах Джантухского мог-ка и булавки. Встречены (три экземпляра в погребальной яме № 3) *железные булавки с петлевидным ушком*. Булавка этого типа происходит из четвертого слоя (VI в. до н.э.) городища Гюэнос (Шамба, 1988. С. 46. Табл. XIX, 3). Не исключено, что аналогичной булавкой, а не звеном удил, как предположили авторы публикации материалов, мог являться «железный стержень с петлей» из погр. 2005 г. в урочище Кутышха, датированного второй половиной VI в. до н.э. (Нижняя Эшера) (Шамба и др., 2007. С. 168. Рис. 6, 7). Встречаются, хотя и очень редко (только в погр. 12 и 22 Минералводского мог-ка), подобные железные булавки в западнокобанских памятниках («стержневидные с навершием в виде уплощенной пластинки, завернутой в трубочку», как их называет В. И. Козенкова – Козенкова, 1998. С. 65). При этом, по мнению В. И. Козенковой, «такие булавки широко известны и в других культурах Кавказа и не являются этноопределяющим элементом» (Там же. С. 66).

Среди джантухских материалов выделяются два фрагмента (погребальные ямы № 3 и № 5), связываемых нами с булавками (рис. 5, 8–9). Предположительно, их можно считать фрагментами местных подражаний характерным для бзыбской колхидской культуры *ажурным булавкам* с головкой из трех расходящихся стержней, соединенных дугообразной или прямой перекладиной (Скаков, Джопа, 2004. С. 35–36. Рис. 6, 1, 3–5, 9). Отличаются данные фрагменты от своих предполагаемых прототипов (если наше определение верно) отсутствием петли на обороте булавки в основании навершия. Таким образом, мы здесь, вероятно, имеем дело не с импортом, а с подражаниями инокультурным предметам. Отметим при этом, что булавка с ажурным навершием, полностью аналогичная бзыбским, происходит из могильника Шубара-2, занимающего промежуточное положение между джантухскими древностями и памятниками бзыбской колхидской культуры (Шамба, 2000. Табл. 68, Б).

Гораздо большим количеством в материалах Джантухского мог-ка представлены *браслеты и гривны* (гривны, к сожалению, лишь фрагментированные). Особенно значительное количество браслетов (большинство из них пока находится на реставрации) обнаружено в «тайнике» при погребальной яме № 5 (рис. 6, 1–6; 7, 1). Кроме того, браслеты и их фрагменты обнаружены в погребальных ямах № 3 (рис. 6, 8; 7, 8–10), № 5 (рис. 6, 7; 7, 7, 11–16), № 7 (рис. 7, 2–6). К наиболее характерным типам относятся стержневидные и пластинчатые браслеты с заходящими друг за друга концами или с концами, помещенными в различных плоскостях. Встречены также многовитковые браслеты. Эти типы не являются характерными для могильников Колхиды и представляют собой, вероятно, местную специфику. В то же время спиральные многовитковые браслеты относительно неплохо представлены в кобанских древностях (Козенкова, 1998. С. 52. Табл. XVI, 1; Мошинский, 2006. С. 38. Рис. 24, 8)¹¹. Кроме того, подобные браслеты известны в материалах склепов Ставропольской возвышенности – гробнице 3 Вербовского мог-ка (Березин и др., 2012. С. 78. Рис. 114, 13; Прокопенко, Охонько, 2012. С. 20. Рис. 15, 3–7). Там же (мог-к № 1 Татарского городища 1, гробница 1) имеется браслет с заходящими друг за друга концами (Березин и др., 2012. С. 73. Рис. 95, 1). Сближаются эти памятники с Джантухским мог-ком и по другим типам инвентаря – височным подвескам подтреугольной в плане формы (Березин и др., 2012. Рис. 114, 10–12; Прокопенко, Охонько, 2012. С. 20, 28. Рис. 15, 8–11), перстням (Березин и др., 2012. Рис. 116, 13), наличию костяных бус (Березин и др., 2012. Рис. 116, 26).

Для кобанского ареала характерны также встреченные в джантухских материалах пластинчатые браслеты с каннелюрами (рис. 6, 8; 7, 13–14; Мошинский, 2006. С. 39)¹². Рис. 25, 1) и с гравированным орнаментом (рис. 6, 3; Мошинский, 2006. С. 39–40. Рис. 25, 3). Пластинчатые браслеты с гравированным орнаментом были датированы А. П. Мошинским первой полови-

¹¹ Встречены здесь и браслеты с заходящими друг за друга концами (Мошинский, 2006. С. 38. Рис. 24, 6–7).

¹² Как отмечает А. П. Мошинский (2006. С. 39), «за пределами центра кобанской культуры браслеты этого типа неизвестны».

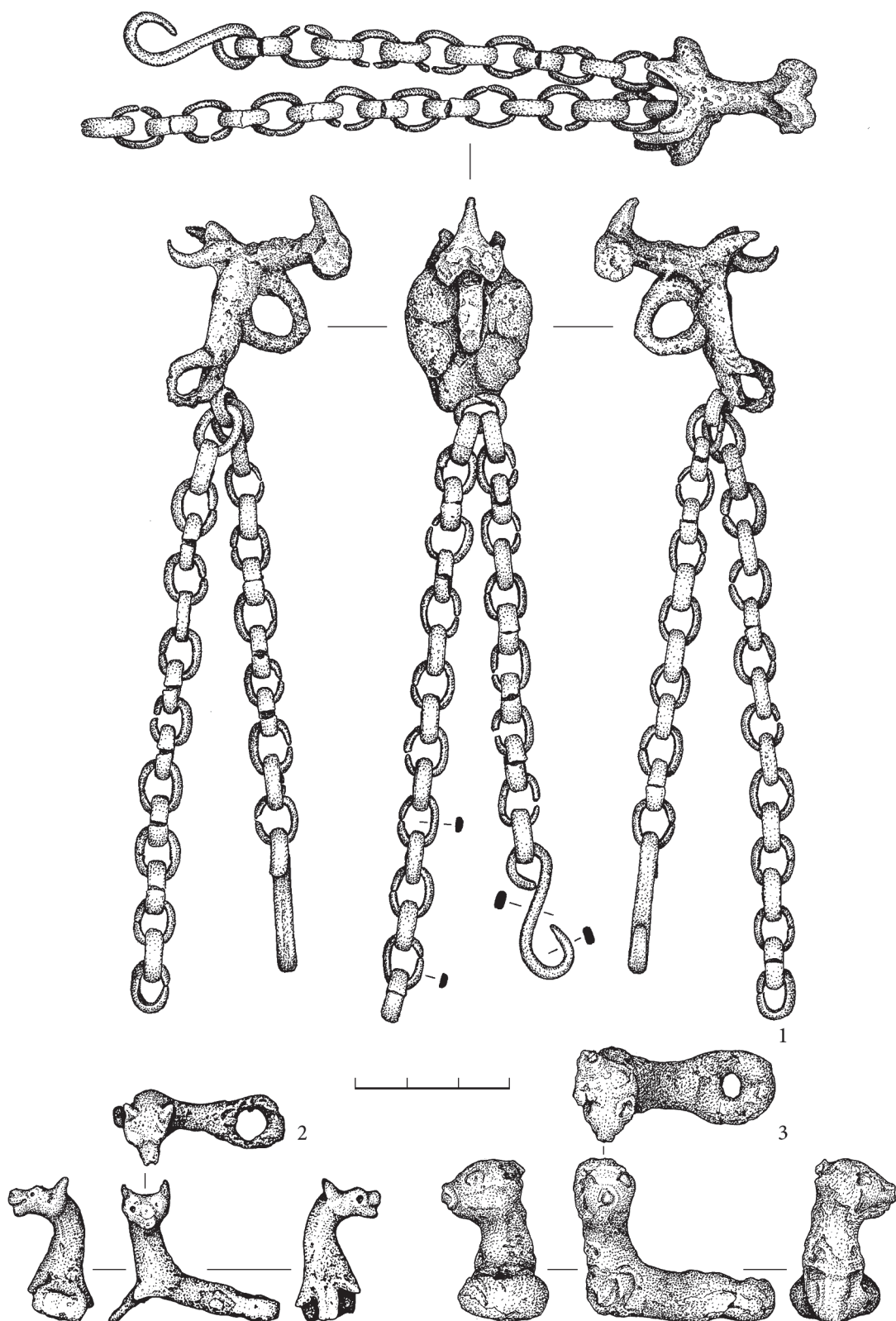

Рис. 10. Могильник Джантух. Бронзовая зооморфная пластика. 1 – «тайник» под погребальной ямой № 5; 2–3 – погребальная яма № 7

ной IV в. до н.э. (Там же. С. 40). Отметим, что в джантухских материалах абсолютно отсутствуют браслеты с прогнутой спинкой, являющиеся в Северо-Западном Закавказье обычным маркером III–II вв. до н.э.

Фрагментированная гривна из погребальной ямы № 7 (рис. 7, 5) находит точную аналогию (даже по орнаментации окончаний) опять же в западнокобанских памятниках (Козенкова, 1998. С. 51. Табл. XV, 8). Целый набор аналогий украшениям Джантухского мог-ка (аналогичные гривны, браслеты с заходящими друг за друга концами, многовитковые браслеты) имеются в материалах погребений из района г. Теберда, территориально близкого к Джантуху (Козенкова, Ложкин, 1981. Рис. 1, 1–4, 6, 9–11; 2, 5, 8–9). Видимо, наличие таких связей между памятниками противоположащих склонов Главного Кавказского хребта не случайно, тем более что они прекрасно прослеживаются и для предшествующего периода (Скаков, 2009. С. 162–168).

Еще одной любопытной чертой Джантухского мог-ка является изобилие бронзовой зооморфной¹³ пластики (Скаков, Джоуа, 2012б. Рис. 7, 1–12) (рис. 8–10). Кроме разнообразных птероморфных скульптурок (рис. 8, 4–5, 8, 20; 9, 1) и сильно стилизованных изображений (рис. 8, 6–7), в Джантухском мог-ке особенно распространены фигурки лежащих сильно стилизованных животных с повернутой вбок головой (рис. 8, 11–12, 15; 9, 5; 10, 2–3; Шамба, Шамба, 1990. Рис. 23, 14–18, 27), не характерные для «кобанских» памятников. Показательно при этом, что для памятников Центральной (мог-ки Красный маяк и Гуадиуху) и Северо-Западной (Бзыбской) Абхазии зооморфная пластика не свойственна. Но западнокобанские некрополи все же демонстрируют богатую коллекцию зооморфной пластики (Козенкова, 1998. С. 43–44), хотя репертуар их образов не всегда совпадает с джантухским. К наиболее типичным для бронзовой пластики Джантухского мог-ка зооморфным персонажам, кроме птиц, кошачьих и собачьих, относится баран, встречены также изображения голов быка и оленя.

По большинству других типов инвентаря Джантухский мог-к входит в широкий ареал кобано-колхидских памятников (многочисленные предметы вооружения, бляшки, пуговицы (рис. 5, 13), пронизи (рис. 5, 14), привески (рис. 5, 10, 15), цепочки, железные ножи, а также оселки и пряслица) или демонстрирует явную местную специфику (костяные бусы, как правило, орнаментированные).

3. Культурно-историческая принадлежность. Г. К. Шамба в одной из своих более поздних работ счел Джантух некрополем колов, упоминаемых рядом античных авторов, на том основании, что колы фиксируются Гекатеем Милетским [Fr. 185,186] и Псевдо-Скилаком [SC I, 78] южнее кораксов (Шамба, 2005. С. 86–87). Последние традиционно связываются с р. Коракс, которую обычно отождествляют с современной р. Кодор (см. Подосинов, Скржинская, 2011. С. 333). Главное препятствие для размещения кораксов второй половины I тыс. до н.э. в районе р. Кодор (в дальнейшем ситуация могла измениться, так что во времена Клавдия Птолемея [Ptol. V,8,7–8,31; V,9,1] современный Кодор в самом деле мог носить название Коракс) состоит в том, что кораксов Псевдо-Скилак упоминает [SC I, 77] не просто перед Диоскуриадой, а значительно раньше ее, при этом описание у него идет с СЗ на ЮВ. От Диоскуриады (район современного Сухума) кораксов, согласно Псевдо-Скилаку, отделяют область Колика, земля меланхленов с реками Метасорис и Айгипий (по нашему мнению, Бзыбь и Псоу или Мзымта), наконец, земля гелонов [SC I, 77–80]. Перипл был предназначен для путешествующих морем и потому, во-первых, описывал все земли по порядку, так, как они располагались в реальности (последовательность перечисления племен соблюдалась строго), а во-вторых, автор не интересовался жителями горных ущелий, не давая о них никакой информации.

Очевидно, поэтому кораксов и колов второй половины I тыс. до н.э. можно помещать только северо-западнее современного Сочи. Согласно Плинию [Plin. VI,15], меланхлены и кораксы

¹³ В 2012 г. нами была найдена и антропоморфная фигурка – предварительная информация см. Брилева, 2012. С. 137.

позднее переместились в район Диоскурии. Показательно при этом, что кораксы и меланхлены выступают вместе, а их названия имеют практически одинаковое значение: «кораксы» – «черные как вороны», «меланхлены» – «люди в черных плащах».

Наша трактовка этнокультурной принадлежности носителей культуры (в данном случае – локального варианта) Джантухского мог-ка опирается, преимущественно, на сведения Геродота и Страбона. Еще «отец истории» в V в. до н.э. писал о «колхах и их соседях до Кавказского хребта» [Hdt. III,97]. Историк же рубежа эр Страбон, по его мнению, ссылаясь на хорошо информированных «историков митридатовых войн» (конец II–начало I в. до н.э.), говорит о колхах и «живущих над ними фтирофагах и соанах» [Strabo XI,II,14]. Далее уточняется: «К числу народностей, которые сходятся в Диоскуриаду, принадлежат и фтирофаги¹⁴, получившие это имя от своей нечистоплотности и грязи. Поблизости живут и соаны, которые ничуть не уступают им в смысле неопрятности, но превосходят могуществом; и, быть может, они почти что самые воинственные и сильные из всех. Во всяком случае они господствуют над всеми народностями вокруг них, занимая вершины Кавказа, возвышающиеся над Диоскуриадой. У них есть царь и совет из 300 человек, как говорят, они могут выставить войско до 200000 человек. Действительно, вся народная масса представляет боеспособную, хотя и неорганизованную силу. В их стране, как передают, горные потоки приносят золото, и варвары ловят его решетками и косматыми шкурами. Отсюда, говорят, и возник миф о золотом руне. Некоторые называют их также иберийцами – одинаково с западными – от золотых россыпей, находящихся в обеих странах. Соаны применяют для наконечников стрел яд удивительного действия, который своим запахом приносит мучения даже не раненым отравленными стрелами» [Strabo XI,II,19]. Было бы более чем странно, конечно, прямолинейно идентифицировать соанов и современных сванов. Кроме того, необходимо помнить об архаичности сванской культуры и о многочисленных, неоднократно упоминаемых различными авторами, абхазо-свано-осетинских параллелях (к примеру: Абаев, 1949. С. 291–308; Гаглоева, 1988). В свое время Н. Я. Марр предполагал наличие в сванском языке двух «коренных» (субстратных) слоев – картвельского и абхазского. С. Джанашиа немного подправил его, подчеркнув доминирование в сванском языке картвельского компонента, но признал наличие в нем многочисленных абхазских (а также, особенно, черкесских) компонентов, причем не только в лексике, но и в морфологии (Джанашиа, 2007. С. 167–168, 188, 195, 201). Вероятно, исторические абхазо-свано-осетинские связи еще ждут своего непредвзятого исследователя.

Безусловно, сама по себе предпринятая в свое время Г. К. Шамба попытка связать археологический памятник с определенным этническим образованием, известным благодаря античным источникам, была смелой и интересной. Главная же заслуга Г. К. и С. М. Шамба состояла во введении в научный оборот ярких материалов Джантухского могильника – памятника, оставшегося с того времени недооцененным в науке, уникального, значение которого для археологии Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железа можно сравнить со значением Тлийского и Кобанского могильников.

Так или иначе, в данном случае мы видим своего рода фронтир, обособленную область, находящуюся на стыке культур. Определение культурной принадлежности населения такого региона возможно лишь путем максимально полного анализа его материальной и духовной культуры, но неизбежно в ней будут встречаться черты двух разделяемых им миров. Такая ситуация наблюдается и с племенами джантухско-лариларского локального варианта, в культуре которых неразрывно сплетены «колхидские» и «кобанские» черты.

Обратим также внимание на архаичность, как материальной культуры, так и погребального обряда Джантухского могильника, сохраняющего многие черты и элементы культуры, давно исчезнувшие в памятниках низменностей и предгорий. Устойчивость культуры горско-

¹⁴ Фтирофаги («вшееды») упоминаются также Птолемеем [Ptol. V,8,17–25] восточнее реки Ра (Волги).

го населения, находившегося в контактах с разнообразными соседями и знакомого с инновациями, но не отказывающегося от традиций предков, хорошо известна этнографически, но не всегда прослеживается на археологических материалах. В данном случае благодаря многочисленному античному импорту и хронологическим маркерам неожиданно поздние даты ряда комплексов не могут быть подвергнуты сомнению. Это наблюдение заставляет в очередной раз задуматься над возможностью механического переноса датировок однотипных предметов из одной археологической культуры (или локального варианта, если речь идет о памятниках географически замкнутого района, к примеру, ущелья) на территорию другой культуры, развивающейся в иных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В. И.* Поездка в Сванетию // *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. I. М.; Л. 1949.
- Березин Я. Б., Каминский В. Н., Малашев В. Ю.* Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М. 2012.
- Бжания В. В., Бжания Д. С.* Древний могильник в Гагре. Сухуми. 1991.
- Брилева О. А.* Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. – X в. н.э.). М. 2012.
- Воронов Ю. Н.* Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н.э. // Скифский мир. Киев. 1975.
- Воронов Ю. Н.* Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады // СА. 1991. № 1.
- Гаглоева З. Д.* К вопросу об абхазо-осетинских этнографических параллелях // Вопросы истории народов Кавказа (Сборник статей, посвященных памяти З. В. Анчабадзе). Тбилиси. 1988.
- Гиголашвили Е. Г., Качарава Д. Д.* Керамика Колхиды VI–IV вв. до н.э. // Античные памятники Колхиды и Иберии. М. 1977 (КСИА. Вып. 151).
- Гунба М. М.* Погребение эпохи поздней бронзы из с. Ачадара // Известия АБИЯЛИ. Тбилиси. 1978. Т. VII.
- Джанашиа Симон.* Черкесские дневники. Тбилиси. 2007.
- Кобахия Б. С., Шамба Г. К., Шамба С. М.* Раскопки и разведки в Сухуми, Эшера и Ткварчели // АО 1983 года в Абхазии. Тбилиси. 1987.
- Козенкова В. И.* Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА. 1982. № 3.
- Козенкова В. И.* Кобанская культура. Западный вариант. М. 1989 (САИ. Вып. В 2-5).
- Козенкова В. И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М. 1998 (САИ. Вып. В 2-5).
- Козенкова В. И.* Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н.э. М. 2004 (МИИКНСК. Вып. V).
- Козенкова В. И., Ложкин М. Н.* Находки из погребений позднекобанской культуры в верховьях Кубани // СА. 1981. № 4.
- Лордкипанидзе О. Д., Гиголашвили Е. Г., Качарава Д. Д., Личели В. Т., Пирицхалава М. С., Чкониа А. М.* Колхидская керамика VI–IV вв. до н.э. из городища Вани // Вани. Археологические раскопки. Тбилиси. 1981. Т. V. (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
- Лукин А. Л.* Эшерская находка // Труды АБИЯЛИ. Сухуми. 1956. Т. XXVII.
- Микеладзе Т. К.* Колхидские могильники эпохи раннего железа (Урекский и Нигвзианский могильники). Тбилиси. 1985 (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
- Микеладзе Т. К.* К археологии Колхиды (эпоха средней и поздней бронзы – раннего железа). Тбилиси. 1990.
- Мошинский А. П.* Древности Горной Дигории. VII–IV вв. до н.э. М. 2006 (Труды ГИМ. Вып. 154).
- Подосинов А. В., Скржинская М. В.* Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М. 2011.
- Прокопенко Ю. А., Охонько Н. А.* Вербовский могильник кон. IV – III в. до н.э. (северо-западные окраины г. Ставрополя). Ставрополь. 2012.
- Пьянков А. В., Пономарев В. П.* Два кобанских предмета из Абинского народного музея // Древности

- Кубани: Мат-лы семинара, посвящ. 85-летию Н. В. Анфимова. Краснодар. 1997.
- Скаков А. Ю. К вопросу о происхождении обряда кремации у колхидских и абхазских племен // Первая Абхазская междунар. археологическая конф. Сухум. 2006.
- Скаков А. Ю. Позднеколхидские памятники у перевалов Главного Кавказского хребта // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: Мат-лы Междунар. науч. конф. СПб. 2007. Ч. II.
- Скаков А. Ю. Фибулы древней Колхиды: происхождение, типология, хронология // Revista Arheologică, SN. Chişinău. 2008. Vol. IV, nr. 2.
- Скаков А. Ю. Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // Евразия: механизмы культурных перемен. М. 2009 (КСИА. Вып. 223).
- Скаков А. Ю. Археологические исследования в Абхазии // Институт археологии: Новые полевые исследования. М. 2010.
- Скаков А. Ю. Ареал распространения и хронология крестовидных подвесок на Кавказе // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Магас. 2010.
- Скаков А. Ю. Раскопки Джантухского могильника в Абхазии // Вестник РГНФ. 2011. № 4 (65).
- Скаков А. Ю. Об одной группе поясных пряжек кобано-колхидской культурно-исторической общности // Проблемы археологии Кавказа (Сборник группы по археологии Кавказа). М. 2012. Вып. 1.
- Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Комплексы второй половины V–IV вв. до н. э. с бронзовыми «эгретками» из Абхазии // БИ. Симферополь; Керчь. 2004. Вып. VII.
- Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Исследования совместной археологической экспедиции ИА РАН и АБИГИ на территории Абхазии в 2002–2005 гг. // Первая Абхазская междунар. археологическая конф. Сухум. 2006.
- Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Джантухский могильник в контексте древней истории Колхиды: новые исследования // Труды II (XVIII) Всероссийского АС. М. 2008а. Т. II.
- Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Джантухский могильник – памятник локального варианта ингури-рионской колхидской культуры // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Владикавказ. 2008б.
- Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Раскопки на горе Джантух // АО 2006 г. М. 2009а.
- Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Древнейшие погребения Джантухского могильника // Историко-археологический альманах. Армавир; Краснодар; М. 2009б. Вып. 9.
- Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии // Кавказ. Археология и этнология: Мат-лы Междунар. науч. конф. Баку. 2009в.
- Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Исследования на горе Джантух // АО 2007 г. М. 2010.
- Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Джантухский могильник в Абхазии: новые открытия // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Вторая Абхазская Междунар. археологическая конф. (8–12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М. М. Трапш. Мат-лы конф. Сухум. 2011а.
- Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Исследования Джантухского могильника // АО 2008 г. М. 2011б.
- Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Древнейшие погребения Джантухского могильника // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Сухум. 2011. Вып. V–VI.
- Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Новая находка золотого подражания статеру Александра Македонского в Западном Закавказье // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII «Крупновские чтения»: Мат-лы Междунар. науч. конф. Махачкала. 2012а.
- Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация) // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. М. 2012б (Труды ГИМ. Вып. 191).
- Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Цвинария И. И. Исследования в Абхазии // АО 2005 г. М. 2007.

- Трапи М. М.* Труды. Т. 2. Древний Сухуми. Сухуми. 1969.
- Чартолани Ш.* Лариларский могильник // Вопросы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси. 1968 (на груз. яз.).
- Чартолани Ш. Г.* К истории нагорья Западной Грузии доклассовой эпохи. Тбилиси. 1989.
- Членова Н. Л.* Могильник VI в. до н.э. Султан-гора III под Кисловодском // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. 1984.
- Чубинишвили Т. Н., Татишвили Т. И., Гамбашидзе О. С.* Археологические разведки в южных районах Грузии (Месхети-Джавахеги) в 1953–1955 гг. // СА. 1957. № 4.
- Шамба Г. К.* Эшерские кромлехи. Сухуми. 1974.
- Шамба Г. К.* Работы в Ткварчели // АО 1981 г. М. 1983.
- Шамба Г. К.* Абхазия в I тысячелетии до нашей эры. Сухум. 2000.
- Шамба Г. К.* Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племен в сборнике грузинских авторов («Разыскания по истории Абхазия / Грузия». Тб., 1999) // Вестник АНА. Сухум. 2005. № 1.
- Шамба Г. К., Шамба С. М.* Археологические памятники верховьев реки Галидзга (Джантух). Тбилиси. 1990.
- Шамба Г. К., Шамба С. М., Шенкао Н. К.* Предварительные итоги археологических работ 1981 года на горе Джантух // Известия АБИЯЛИ. Тбилиси. 1985. Т. XIII.
- Шамба Г. К., Квициния В. К., Шенкао Н. К.* Археологические раскопки в бассейне р. Гумиста (Шубара-2) // Известия АБИЯЛИ. Тбилиси. 1989. Т. XV.
- Шамба Г. К., Эрлих В. Р., Джоуа А. И., Ксенофонтова И. В.* Элитные архаические воинские комплексы из Центральной Абхазии // Вестник АНА. Сухум. 2007. № 2.
- Шамба С. М.* Гюэнос-I. Тбилиси. 1988.
- Skakov A., Dzhopia A.* Jantuch Burial of the Early Iron Epoch in Abhazya // East Anatolian and Caucasian bronze Age Cultures: 2nd International Congress of Eurasian archaeology (ICEA 2010). Abstracts. 1–5 march 2010. Tire. 2010.

МАГНИТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭШЕРСКОГО ГОРОДИЩА АНТИЧНОЙ ЭПОХИ В 2010 Г.

К. М. Бондарь (г. Киев), В. Р. Эрлих (г. Москва), И. В. Виршило, Д. В. Кравченко (г. Киев)

В августе–сентябре 2010 г. на территории Абхазии впервые были проведены геофизические исследования археологического памятника: на Эшерском городище – уникальном фортификационном сооружении античной эпохи – были выполнены магнитные измерения высокой точности и детальности.

Эшерское городище – объект геофизических исследований. Этот памятник уникален тем, что является на сегодняшний день единственным фортификационным сооружением античной эпохи на территории Абхазии. Городище находится в 10 км к западу от г. Сухум на правом берегу р. Гумиста, на территории села Нижняя Эшера, на холме – отроге Холма Верещагина (рис. 1).

Памятник является многослойным. Здесь встречены отдельные находки эпохи поздней бронзы (возможно, могильник), а на верхней площадке городища обнаружен слой архаического времени (VI в. до н.э.) – предположительно, здесь находилась усадьба представителя местной элиты, имевшего торговые или обменные связи с греками-колонистами.

Начиная с эпохи эллинизма, городище начинает застраиваться капитальными фортификационными сооружениями (стены и башни), которые возводятся преимущественно из камня. Стены были толщиной до 2-х м. На нижней площадке строится большое здание общественного назначения, откуда происходят остатки бронзовой таблички с греческой надписью конца IV в. до н.э. Городище имело собственную систему водоснабжения, состоящую из кера-

Рис. 1. Общий вид Эшерского городища со стороны моря

мических труб. Не позже первой половины I в. до н.э. в результате нападения местных племен город был разрушен и сожжен дотла (Шамба, 1980).

Еще в начале XX в. все городище было покрыто лесом, вырубленным в 1920-х гг. В 1968 г. склоны холма были террасированы при помощи плантажной вспашки глубиной до 0,8 м. Перипетии существования поселения и состояние почвы на городище исключительно важны, чтобы верно интерпретировать полевые геофизические данные.

Постановка задачи и характеристика метода. Поскольку Эшерское городище является многослойным памятником, при его исследовании необходим геофизический метод, позволяющий за короткое время получить представление о пространственном расположении объектов или карту. Задача геофизического картирования в большинстве случаев успешно решается при помощи магнитной съемки (Seeing the unseen, 2009). Магнитометрическое картирование и изучение магнитных свойств археологического вещества стали важными элементами исследования археологических памятников различных эпох (Becker, Fassbinder, 1999. P. 167–172; Garrison, 2001. P. 32–36; Кошелев, 2004).

Поисковая способность магниторазведки определяется контрастом намагниченности археологического объекта и вмещающего грунта. Упомянутая разность намагниченностей почти всегда достаточно высока, чтобы создать аномалию магнитной индукции от единиц до тысяч нТл, которая с высокой степенью достоверности фиксируется современной аппаратурой. В частности, с применением современных цезиевых магнитометров, которыми можно проводить ультрадетальные съемки в движении, успешно выявляются аномалии низкой интенсивности, источниками которых выступают жилища-землянки, отдельные очаги и керамические изделия в грунте (Seeing the unseen, 2009). При этом следует отметить резко возросшую скорость и эффективность геофизических работ.

Методика исследования. Общая площадь обследованной территории составила около 2,5 га. Рельеф местности неоднороден, поэтому территория городища была разделена на не-

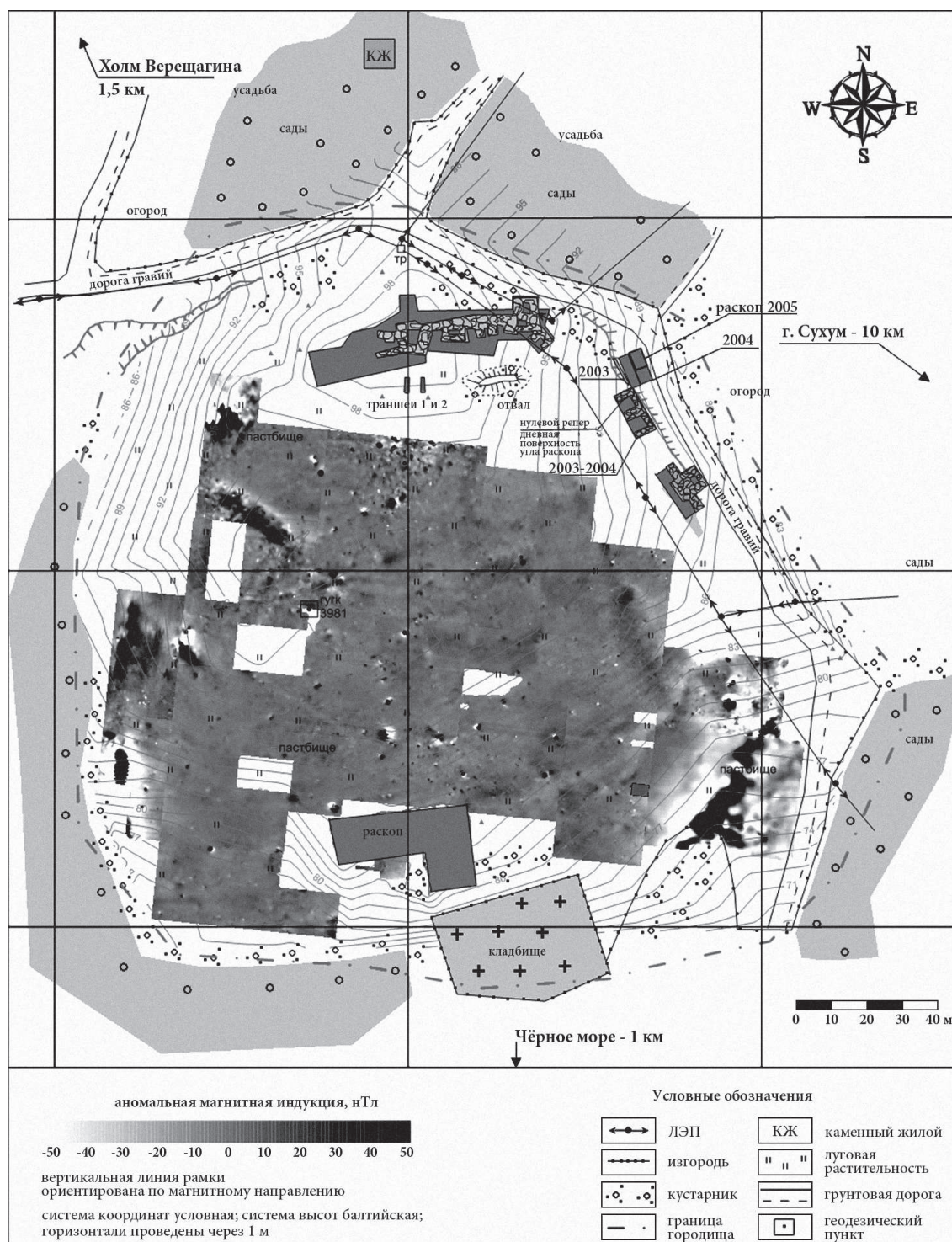

Рис. 2. Топографический план Эшерского городища с наложенной на него картой локальных магнитных аномалий

большие участки. Методика измерений на каждом из участков зависела от характера рельефа местности и наличия растительности.

Магнитометрическая съемка выполнена двухсенсорной установкой на базе цезиевых магнитометров ПКМ-1 (Геологоразведка, РФ) с разрешающей способностью датчиков 0,001 нТл. Установка представляет собой смонтированные на ранцевой подвеске и синхронизированные по времени магнитометры, расположенные на расстоянии 0,5 м друг от друга. За один

проход оператора записываются два параллельных профиля. Шаг по профилю в режиме автоматических измерений (10 измерений в секунду) составляет в среднем 15 см. Наиболее крутые склоны обследованы при помощи одного магнитометра ПКМ-1 с той же детальностью измерений.

Первичная обработка магнитометрической информации выполнена при помощи авторской компьютерной программы, нормальная составляющая магнитного поля учитывалась путем вычитания из первичных измерений среднего либо медианного значения магнитной индукции для каждого профиля. Этот прием позволяет также избавиться от влияния геомагнитных вариаций.

В результате была получена карта локальных аномалий магнитной индукции. Наложение магнитной карты на топографический план масштаба 1:1000 представлено на рис. 2.

Интерпретация магнитных данных. Выделение археологически перспективных магнитных аномалий и их последующая интерпретация всегда несет в себе элемент неоднозначности. В этой связи задача интерпретатора – предложить некую непротиворечивую модель, основываясь на результатах археологических изысканий на данном памятнике, а также аналогичных и синхронных ему.

При интерпретации магнитной карты Эшерского городища следует учитывать возможную переработку культурного слоя плантажной вспашкой и корнями существовавшей здесь древесной растительности. По этим причинам бывает сложно определить границы отдельных построек. Также вызывают сомнение относительно мелкие аномалии, расположенные вблизи крупных – они могут быть обусловлены остатками древних сооружений, растащенных плугом. Поэтому дальнейшие пояснения касаются только наиболее крупных и четко выраженных аномалий.

На интерпретационной схеме (рис. 3) представлены возмущения магнитного поля, источниками которых могут являться, как археологические, так и техногенные объекты.

Примером техногенных возмущений может служить структура магнитного поля в восточной части городища, севернее аномалии 13. Здесь проходит линия электропередач, а также валяются кузова автомобилей.

Множество мелких знакопеременных аномалий наблюдается на северном краю съемочного участка. Таким образом проявляют себя осколки снарядов и другой металлический мусор. По свидетельствам очевидцев, северная часть городища подверглась обстрелу во время войны 1992–1993 гг.

В СВ углу городища находится сильномагнитный объект (аномалия 1). Очертания и размеры его позволяют предположить, что это башня, похожая на раскопанные здесь ранее аналогичные сооружения.

Наиболее интенсивные позитивные аномалии (до 1000 нТл) с сопряженными отрицательными частями, преимущественно, с северной стороны предположительно связаны с крепостными стенами. Это аномалии 6, 7 и 13.

Крепостные укрепления создают и такие аномалии, как 3 и 12. Причем стена 12 сильно повреждена плантажной вспашкой, что хорошо видно на магнитной карте.

У восточной кромки участка съемки, возле аномалий 6 и 7 в августе 2010 г. был разбит раскоп площадью около 25 кв.м. Он был заложен на западном, более крутом склоне городища в месте схождения верхней и нижней площадок городища с целью обнаружения западной стены и границы культурного слоя. Выбор места раскопа был обусловлен тем, что в этом месте наблюдались выходы камня. В раскопе крупные камни располагались хаотично и, скорее всего, являлись фрагментами смытых с холма стен городища после их обрушения. Соответственно, часть стены была разрушена, и в линейной структуре аномалий от стен 6-7 нынче наблюдается разрыв.

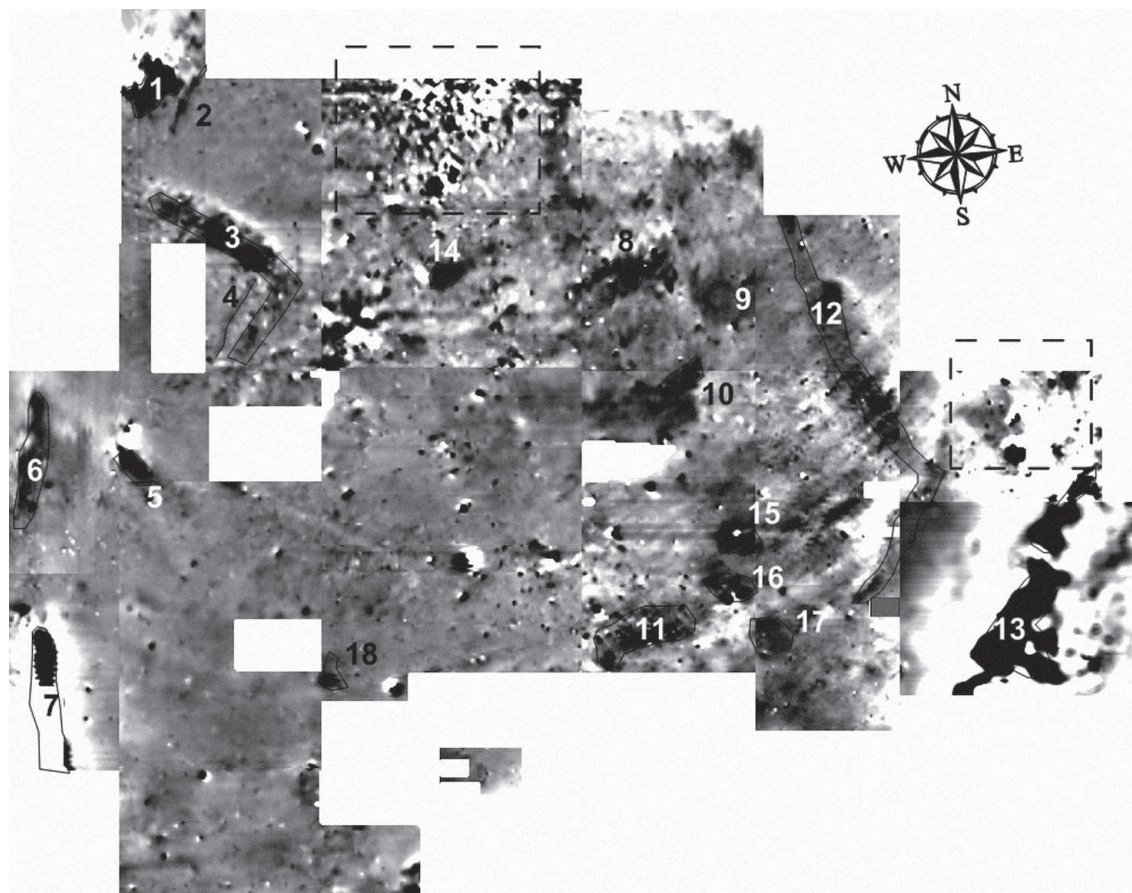

Рис. 3. Эшерское городище. Интерпретационная схема вероятного расположения археологических объектов на основе карты магнитных аномалий: 1 – остатки башни; 2, 4 – фрагменты водопровода; 3, 6–7, 12–13 – фрагменты стен; 5, 8–11, 14–18 – остатки древних строений (штриховыми прямоугольниками обозначены скопления техногенных аномалий)

Древние постройки внутри городища также могут являться источниками контрастных знакопеременных магнитных аномалий. Яркими примерами служат объекты 3 и 5. В пользу их археологического происхождения свидетельствует северное расположение отрицательной (темно-синей) аномалии. Менее мощными, меньшими по размерам и хуже сохранившимися (более разрушенными), вероятно, являются постройки 8, 10, 11, 14–18. Интересен объект 9, создающий кольцевую позитивную аномалию правильной формы. Не исключено что это могут быть остатки погребального или культового кромлехообразного сооружения позднего периода эпохи бронзы.

Вполне вероятно, что линейная аномалия 2, находящаяся в СВ части городища возле башни 1, а также аномалия 4 могут создаваться остатками древнего водопровода.

Магнитные свойства горных пород и почв городища. Для того чтобы определить, почему крепостные постройки создают аномалии различной интенсивности, мы изучили полевую магнитную восприимчивость почв и валунов, из которых сооружено раскопанное ранее северное укрепление Эшерского городища. Магнитная восприимчивость (χ) показывает концентрацию магнитных минералов в горной породе. Измерения выполнены портативным каппаметром ПИМВ (Геологоразведка, РФ).

Почва на городище имеет $\chi=4 \cdot 10^{-4}$ ед. СИ. Обожженные почвенные слои обладают красноватым оттенком. Они значительно обогащены магнетиками, их χ достигает $3 \cdot 10^{-3}$ ед. СИ.

В результате измерений выяснилось, что горные породы, использованные при строительстве крепости, можно условно разделить на две группы: слабомагнитные, восприимчивость

которых сравнима с восприимчивостью почвы (необожженной), и сильномагнитные, χ которых может в 100 раз превышать χ почвы.

К первой группе относятся известняки ($1...3 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ), песчаники и алевролиты ($3...5 \cdot 10^{-4}$ ед. СИ), диабазы ($4...15 \cdot 10^{-4}$ ед. СИ).

Ко второй группе относятся пегматоидные граниты ($1,5 \cdot 10^{-5}$ ед. СИ), а также обожженные диабазы, которые в результате пожара приобрели магнитную восприимчивость до $3 \cdot 10^{-2}$ ед. СИ.

Наша визуальная оценка показала, что около 40% всех камней в основании крепости являются именно диабазами.

Обсуждение результатов. Для правильной интерпретации особенностей магнитной структуры Эшерского городища, необходимо выяснить, что происходит с постройками при пожаре и как меняется создаваемое ими магнитное поле.

Высокая магнитная восприимчивость обожженных горных пород по сравнению с необожженными является признаком произошедшей трансформации минералов железа. Под действием высокой температуры образовались ферромагнетики: магнетит и маггемит. С увеличением χ возрастает индуктивная намагниченность породы (\vec{J}_i):

$$\vec{J}_i = \chi \vec{H},$$

где \vec{H} – напряженность магнитного поля, которая прямо пропорциональна его индукции.

Любое намагниченное тело, в состав которого входят ферромагнетики, может приобретать как индуктивную, так и остаточную намагниченность \vec{J}_r . Суммарная намагниченность тела определяется как векторная сумма намагниченностей того и другого происхождения:

$$\vec{J} = \vec{J}_i + \vec{J}_r.$$

В огне порода намагничивается дополнительно. Процесс намагничивания идет тем легче, чем выше температура, и даже в слабом магнитном поле возникает большая намагниченность, которая закрепляется при охлаждении вещества. Такая намагниченность называется термоостаточной.

Таким образом, при пожаре горные породы крепостных стен приобрели высокую термоостаточную намагниченность (самую сильную из всех видов остаточной намагниченности), ориентированную по магнитному полю. И, благодаря этому, фортификационные сооружения нынче являются источниками значительных возмущений магнитного поля. С северной стороны от крепостных укреплений, обожженных *in situ*, сформировались мощные негативные аномалии.

На этом основании можно утверждать, что башня 1, а также стены 6, 7 и 13 побывали в мощном пожаре. Пожар охватил все городище (Шамба, 1980), и источники знакопеременных аномалий – постройки 5 и 3 – тоже пострадали от огня.

Негоревшая крепостная стена должна создавать умеренную позитивную аномалию за счет индуктивной намагниченности отдельных блоков. Каждый валун в сооружении имеет свое направление вектора остаточной намагниченности, и в крепостной стене множество разнонаправленных векторов компенсируют друг друга. Таким образом, можно допустить, что стена 12 не горела, либо обожжена не так сильно, как стены 6, 7, 13 и башня 1.

Выводы. Проведенные магнитные исследования позволили восстановить планировку крепостных сооружений и выделить отдельные постройки внутренней части городища. Крепостные стены формируют мощные магнитные аномалии благодаря тому, что сложены, в основном, диабазами и сильно обожжены при пожаре.

Для более точной интерпретации магнитных данных необходима проверка выделенных аномалий. Тем не менее, полученные результаты уже сейчас позволяют организовать планомерное исследование Эшерского городища с последующей консервацией каменных стен и подготовить этот важный объект исторического наследия Абхазии и Восточного Причерноморья в целом к музейному показу.

* Работы проводились в рамках совместного проекта РГНФ и АН РА «Эшерское городище – ключ к Древней Диоскурии», проект № 10-01-18142е/А.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кошелев И. Н. Магнітна розвідка археологічних пам'яток. Київ. 2004.
- Шамба Г. К. Эшерское городище (основные результаты археологических раскопок 1968, 1970–1977 гг.). Тбилиси. 1980.
- Becker H. and Fassbinder J. W. E. Magnetometry of a Scythian settlement in Siberia near Cichah in the Baraba Steppe 1999 // Archaeological Prospection. 3rd International Conference on Archaeological Prospection. September 1999, Munich. München. 1999 (Arbeitshefte des Bayerischen Landesamtes für Denkmalpflege, vol. 108).
- Garrison E. Physics and Archaeology // Physics Today. 2001. No 54.
- Seeing the unseen. Geophysics and Landscape Archaeology / Eds. S. Campana, S. Piro. London. 2009.

О ГЕНЕЗИСЕ АПСИЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТРУДАХ Г. К. ШАМБА

А. И. Джоуа, В. А. Ньюшков (г. Сухум)

Исследовательская деятельность Г. К. Шамба как археолога началась с 1962 г., когда он поступил в очную аспирантуру Института археологии и этнографии АН ГССР, уже являясь на тот момент научным сотрудником Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Руководил тогда институтом Х. С. Бгажба. Именно он, после состоявшейся в 1960 г. в Пицунде беседы с М. М. Трапш, пригласил будущего ученого Г. К. Шамба в Абхазский институт. Здесь же надо отметить, что первая встреча студента Сухумского Педагогического института Г. К. Шамба с М. М. Трапш произошла в 1954 г., когда тот читал курс лекций по истории археологии.

Г. К. Шамба, будучи аспирантом, стал одним из участников археологической экспедиции М. М. Трапш. В состав экспедиции вместе с ним входили В. Б. Ковалевская, М. М. Гунба, Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба и В. Орелкин. Ими было открыто пять могильников в селе Цебельда (Цабал) – Ахаччарху, Ахьацараху, Абгыдзраху, Ауахуамаху и Алраху (Шамба, 1978. С. 4–5). Плодами работы Г. К. Шамба в Цебельде стала защищенная им кандидатская диссертация «Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху» (Шамба, 1966). Основные положения диссертации нашли отражение в статье «Позднеантичные погребения нагорной Абхазии» (Шамба, 1965. С. 262–266) и в монографии «Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии» (Шамба, 1970).

Таким образом, могильник Ахаччарху, расположенный в двух км от центра с. Цебельда, занимая западный склон горы Апианча, стал для Г. К. Шамба главным историческим объектом для исследования древнего населения Цебельдинской долины. Сделанные им выводы пролили свет на многие стороны жизни людей, населявших эту часть древней Апсолии: сельское хозяйство и ремесленное производство, торгово-экономические связи, военное дело, религиозные верования и т. д.

В этих ранних работах исследователя апсильская культура предстает как общество со сформировавшимся хозяйственно-культурным типом. Называя ее апсильской (апсильской) культурой, Г. К. Шамба стремился показать ее принадлежность к одной этнической группе и, в то же время, представить ее как общую для всего древнего населения, проживавшего на территории значительной части Западного Закавказья, особенно в горной зоне.

Не случайно автор исследования обратился именно к этой теме. Так, если памятники эпохи античности прибрежной полосы всего Восточного Причерноморья давно привлекали вни-

мание исследователей, то памятники нагорной части региона оставались малоизученными. В частности, в предисловии к своей первой книге «Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии» Г. К. Шамба отмечает: «Значение археологического исследования выбранной нами нагорной полосы для древней истории коренного населения трудно переоценить: во-первых, данные письменных источников в целом для Абхазии скудны и противоречивы, что обуславливает особую важность исследования археологических памятников; во-вторых, культура прибрежных поселений, благодаря своей близости к морскому пути, сильно подверглась иноземному (греко-римскому) влиянию, и, следовательно, ее самобытность менее уловима, тогда как в культуре населения нагорной полосы местные черты дольше сохранялись, и это дает возможность проследить насколько глубоки корни культуры местного населения» (Шамба, 1970. С. 5). Далее, развивая тему происхождения населения цебельдинского района, который, судя по археологическим данным, был густонаселенным в древности, исследователь справедливо отмечает, что «здесь выявлены различные категории исторических памятников – от нижнего палеолита до средневековья включительно» (Шамба, 1970. С. 7).

Как свидетельствуют археологические данные (наряду с лингвистическими и этнографическими) население, проживавшее на рассматриваемой территории, относилось к абхазо-адыгской этноязыковой группе. По мнению Г. К. Шамба, «скорее всего на всем протяжении Восточного Причерноморья в то время проживало этнически довольно однородное общество, состоявшее из союза больших племен» (Гунба, Шамба, 2001. С. 30). «В пользу общности культуры говорят также единообразные поселения с текстильной керамикой вдоль всего Восточного Причерноморья», начиная от Трабзона до Сочи-Адлерского района, которые известны и как «дюнные поселения» солеваров, занимавшихся выпариванием соли из морской воды до VI в. до н.э., т. е. до прихода в эти земли древних греков, завозивших более дешевую соль. О том же свидетельствуют и бронзовые топоры колхидского типа, происходящие из различных мест Сочи-Адлерского р-на (Музей истории г. Сочи). Все это указывает на то, что колхидская культура широко распространялась к северо-западу. «Скорее всего, – писал Г. К. Шамба, – создателями этой культуры могли быть гениохи» (Гунба, Шамба, 2001. С. 31). И такое утверждение вполне выглядит оправданным, учитывая ареал, как самой культуры, так и ее носителей – гениохов. Опираясь на сведения обширных письменных источников, можно увидеть, что гениохи были разбросаны на довольно большой территории – от северо-западных до юго-восточных районов Причерноморья (Шамба, 2000. С. 153). «Древнейший ареал гениохов выявляется с помощью данных Аристотеля и Помпония Мелы, заимствованных из ионийских источников и сообщающих, что эллинские апойкии Фасис и Диоскуриада были основаны на земле гениохов. Более поздняя традиция помещает «потесненных» колхами гениохов северо-западнее Диоскуриады и Питиунта (Псевдо-Скилак, Артемидор Эфесский, Страбон и др.) примерно до района нынешнего Туапсе» (Воронов, 1998. С. 30).

По материалам из села Ачандара в Гудаутском р-не и из других синхронных памятников Абхазии (Сухумская гора, Гуадику, Красный маяк, Эшера, Бамбора и др.), как считал Г. К. Шамба, «нетрудно заметить, что жители этих краев еще в середине I тыс. до н.э. по своему имущественному положению не уступали соседям, в том числе, жителям центральной Колхиды (Вани, Сачхери, Пичвнари), а в военном деле даже превосходили последних. В то же время археологически фиксируемая общность погребального обряда и инвентаря могильников позволяет говорить об этнической, стало быть, языковой общности жителей Абхазии того времени» (Шамба, 1996. С. 54).

Подробнейшим образом исследуя археологический материал из захоронений в Западной Грузии, раскопанных еще в 40-х гг. XX в. под руководством грузинской исследовательницы Н. Хоштария (она считала, что в I в. н.э. на территории от Чхороцку до Цебельды проживали апсилы), М. М. Трапш пришел к выводу, что «апсильская культура обнаруживает связь с пред-

шествующими ей культурами (колхидской и кобанской). Такая связь прослеживается в законечниках копий, фибулах, очкообразных подвесках, шейных гривнах, браслетах, пифосах и т. д.» (Трапш, 1971. С. 213). С этим утверждением был полностью согласен и Г. К. Шамба. «Так, раскопки памятников Апсилии (I–VII вв. н.э.) показали, что основные руководящие формы этой вновь открытой культуры по существу есть почти повторение (или реплика) местных изделий более раннего периода, т. е. эпохи поздней бронзы – раннего железа» (Шамба, 2005а. С. 41), включая сюда и обрядность.

В своей ранней монографии «Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии» исследователь относил его «к числу двухобрядных, т.е. здесь представлено два способа захоронения – через трупосожжение и труположение». Более того, «обряд трупосожжения прослеживается у местного населения с эпохи бронзы», и его бытование, по мнению Г. К. Шамба, связано с различиями в верованиях, но не имеет никакого отношения к этническим различиям. Подобный обряд отмечен именно в Абхазии с древнейших времен (по крайней мере, с III тыс. до н.э.) до позднего средневековья. В результате, на основании анализа погребального обряда могильника Ахаччарху, Г. К. Шамба установил, что «жители древней Цебельды, проживая в одном и том же месте, ведя один и тот же образ жизни, пользуясь одними и теми же предметами материальной культуры и, что главное, владея общим кладбищем, не могли быть разноязычными, а скорее всего здесь мы имеем дело со смешанными культурами двух традиций одного этнического массива, причем число приверженцев кремационного обряда незначительно» (Шамба, 1970. С. 13–18). Как писал и З. В. Анчабадзе, «мы можем в данном случае говорить не об этнических различиях, а о различии в вероисповедании» (Анчабадзе, 2010. С. 217).

По сей день, в сохранившихся и сегодня родовых некрополях, повсеместно распространенных в Абхазии, погребение производится по религиозному признаку. Так, на одном родовом кладбище умершие могут быть похоронены и по христианскому, и по мусульманскому обряду, а также по языческому, традиционному. Как отмечал Г. К. Шамба, «тем самым опровергается мнение, существовавшее в специальной литературе, якобы в Цебельде и ее окрестностях труположение и трупосожжение располагались независимо друг от друга отдельными очагами, и что кремация присуща только апсилам, а ингумация – колхам» (Шамба, 1970. С. 17).

Как известно, одним из самых древних ремесел было гончарное дело. Керамика появилась на территории Абхазии в эпоху неолита (VI тыс. до н.э.), впоследствии широко распространившись в быту местного населения. Не исключением были и древние жители округа могильника Ахаччараху. Среди представленного здесь погребального инвентаря массовой находкой являлась керамическая посуда – кувшины, амфоры, пифосы, горшки и тарелки. В частности, Г. К. Шамба обратил внимание на то, что цебельдинская керамика, а именно ее «формы сосудов и их орнамент (тонкий волнистый узор) напоминают местные кувшины, происходящие из раннеэллинистических могильников Прибрежной Абхазии (Эшера, Очамчира)», что, по его мнению, «позволяет говорить о возможности преемственной связи позднеантичной культуры с культурой более раннего этапа» (Шамба, 1970. С. 31). Далее автор отмечал: «Сравнительный материал показывает, что позднеантичная керамическая посуда Цебельды по своему чашечкообразному венчику, служившему в качестве воронки, и по деталям орнамента не имеет себе аналогий среди известных нам глиняных изделий древности по всему Кавказу. Это дает нам основание вслед за М. М. Трапшем выделить памятники типа цебельдинской в особую археологическую культуру в истории позднеантичной и раннесредневековой Абхазии» (Шамба, 1970. С. 74). Г. К. Шамба некрополь Ахаччарху, на котором было исследовано 45 погребений, по способу захоронения и могильному инвентарю отнес к числу «позднеантичных памятников Цебельдинской культуры», т.е. к II–V вв. н.э. (Шамба, 1970. С. 69).

Как справедливо считал М. М. Трапш, наиболее важной и специфической особенностью цебельдинской культуры, четко выделявшей ее из всего окружения и указывающей на ее

самостоятельный характер, являлась определенная группа керамической посуды, а также железные топоры, указывавшие на локальную особенность цебельдинской культуры, что, в свою очередь, «позволяет отделить ее от других одновременных ей соседних культур Кавказа I–V вв. н.э.» (Трапш, 1963. С. 258). Дальнейшими своими исследованиями Г. К. Шамба полностью подтвердил данный тезис. На основе анализа погребального инвентаря им было доказано местное происхождение керамической посуды (в частности, цебельдинских амфор с чашечкообразными венчиками), оружия и орудий труда (мечи, наконечники копий, топоры и ножи). Присутствие однолезвийного меча среди изделий IV–V вв. н.э. в погребальных комплексах Ахаччарху свидетельствует, что «население нагорной части Абхазии было знакомо с этим видом оружия на самом раннем этапе его возникновения, когда, как известно, двухлезвийность меча стала излишней и появились первые однолезвийные мечи, являющиеся переходной формой между двухлезвийным мечом и саблей» (Шамба, 1970. С. 40).

Здесь же следует подчеркнуть и автохтонность цебельдинской культуры, отличающейся целым рядом совершенно неповторимых черт, отсутствующих или нехарактерных для любой другой области за пределами Абхазии. Так, более подробно остановившись на анализе истории апсилов и их культуры в своей полемика работы, включающей критический анализ статей М. В. Барамидзе и М. П. Инадзе, Г. К. Шамба, в частности, отметил (в ответ на замечания М. П. Инадзе по поводу сильного влияния лазов на культуру и язык апсилов), что «в развитии материальной культуры среди племен Кавказского Причерноморья выдающихся успехов добились апсило-абазгские племена». Исследователем совершенно справедливо было отмечено, что «апсильская культура, как весьма самобытная, продолжала процветать вплоть до VIII в., после чего закономерно вливалась в единую абхазскую этнополитическую и экономическую общность» (Шамба, 2005б, С. 92). Несмотря на то, что главным носителем позднеантичной и раннесредневековой цебельдинской культуры было племя апсилов, по мнению Г. К. Шамба, «судя по единичным находкам (топоры, фибулы), отдельные элементы Цебельдинской культуры присущи и другим племенам, в частности, абазгам, мисимианам и санигам, ставшим затем одним из компонентов абхазской феодальной народности» (Шамба, 1970. С. 80).

Таким образом, генезис апсильской или же цебельдинской культуры, ибо эти два понятия равнозначны для наименования данной культуры, в работах Г. К. Шамба был продемонстрирован путем анализа глубоких исторических корней древнеабхазского племени апсилов. Это Г. К. Шамба удалось сделать на высоком профессиональном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анчабадзе З. В. Избранные труды в двух томах. Сухум. 2010. Т. 1.
- Воронов Ю. Н. Древняя Аpsилия. Источники. Историография. Археология. Сухум. 1998.
- Гунба М. М., Шамба Г. К. История Абхазии с древнейших времен до XX века. Сухум. 2001.
- Трапш М. М. Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960–1962 гг. // Тр. АБИЯЛИ им. Д. И. Гулиа. Сухуми. 1963. Т. 33.
- Трапш М. М. Культура цебельдинских некрополей // М. М. Трапш. Труды. Тбилиси. 1971. Т. 3.
- Шамба Г. К. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии // СА. 1965. № 2.
- Шамба Г. К. Население Нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху (по археологическим материалам некрополя Ахаччархва): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси. 1966.
- Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми. 1970.
- Шамба Г. К. Михаил Трапш. Жизнь и деятельность. Сухуми. 1978 (на абхаз. яз.).
- Шамба Г. К. Новые археологические материалы из Ачандара // Актуальные проблемы истории народов Кавказа: Мат-лы научн. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. З. В. Анчабадзе. Сухум. 1996.
- Шамба Г. К. Абхазия в I тыс. до н.э. Сухум. 2000.

Шамба Г. К. Древний Сухум (поиски, находки, размышления). Сухум. 2005а.

Шамба Г. К. Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племен в сборнике грузинских авторов («Разыскания по истории Абхазия / Грузия». Тб., 1999) // Вестник АНА. Сухум. 2005. № 1.

ХРОНОЛОГИЯ ЦЕБЕЛЬДИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (II–VII вв.)

М. М. Казанский (г. Париж), А. В. Мастыкова (г. Москва)

Культура древних апсилов в римское и раннесредневековое время, получившая название цебельдинской, известна, в первую очередь, благодаря раскопкам больших некрополей (Трапш, 1971; Воронов, 2003; Voronov, 2007). В данной работе, на базе типологии и датировок абхазских древностей, разработанных О. А. Гей и И. А. Бажаном (Гей, Бажан, 1997), нами предложена уточненная хронология цебельдинской культуры (II–VII вв.), модифицированная в соответствии с датами центрально- и западноевропейских, а также северопонтийских древностей (Kazanski, Mastykova, 2007. P. 20–25). При этом абсолютная хронология стадий I–III достаточно точно определяется по разработанным датировкам древностей европейского Барбарикума и римских провинций, где имеется большое количество параллелей абхазскому материалу (см. Godlowski, 1970; Tejral, 1986; 1988; 1997; и др.).

Стадии I/1 (170/200–260/270 гг.) и I/2 (260/270–330/340 гг.) характеризуются распространением лучковых одночастных фибул группы I¹⁵, с верхней тетивой (рис. 1, 7, 9–10), а также подковообразных фибул (рис. 1, 5), пряжек с прогнутым язычком (рис. 1, 4), круглых ажурных блях, имитирующих римскую воинскую гарнитуру (рис. 1, 12), стержневых браслетов с расширенными концами и гравированным орнаментом (рис. 1, 8), луновидных подвесок (рис. 1, 14), коротких мечей с долом (рис. 1, 1) и длинных мечей типа 2-1-1 (рукоять переходит к клинку под тупым углом) (рис. 1, 2), листовидных копий с нервюрой вдоль наконечника (цебельдинский тип 1) (рис. 1, 6), топоров цебельдинского типа 1-1, с удлиненным обухом (рис. 1, 3), наиболее ранних умбонов щитов (Шаумяновка – рис. 1, 16), пифосов с ребром (рис. 1, 11), мисок на ножке (рис. 1, 15), кувшинов с туловом, расширенным в верхней части (тип 5) (рис. 1, 13).

На стадии I/2 появляются грибовидные янтарные подвески (рис. 1, 18), овальные пряжки с расширением в передней части рамки и сравнительно коротким профилированным язычком (тип 3) (рис. 1, 19), лучковые фибулы группы II (рис. 1, 24), профилированные фибулы (рис. 1, 25), которые получают наибольшее распространение уже в следующей стадии, прямоугольные железные пряжки (рис. 1, 17), ременные обоймицы с круглой рамкой (рис. 1, 20), овоидные и усеченно конические кубки с отогнутым краем (рис. 1, 22–23), приземистые кувшины с туловом, раздутым в нижней части (тип 2) (рис. 1, 21).

Начало **первой стадии** приходится на конец II–первую треть III в., о чем свидетельствуют характерные для этого времени одночастные лучковые фибулы, «солдатские» ажурные бляхи и луновидные подвески – эти вещи исчезают к середине III в. Конец стадии совпадает по времени с первой половиной IV в., когда бытуют римские овоидные стеклянные кубки с отогнутым краем. Некоторые пряжки этой стадии (рис. 1, 19) по центральноевропейским и северопонтийским аналогиям могут быть датированы второй третью IV в. Янтарные грибовидные подвески существуют как в III в., так и в IV в. (рис. 2, 7). В европейской хронологии стадия I соответствует фазам C1 и C2 (160/180–250/270 и 250/260–300/320 гг.).

На стадии II/3-4 (320/330–400/410 гг.) распространяются лучковые фибулы групп II-2 и II-3, с нижней тетивой (рис. 2, 14), в том числе с богатой инкрустацией (рис. 2, 13), фибулы с подвязной ножкой т.н. лебязьинской серии (рис. 2, 16), а также основная масса профили-

¹⁵ Здесь и далее типология дана по Гей, Бажан, 1997. С. 10–17, с модификациями по Kazanski, Mastykova, 2007. P. 25–53.

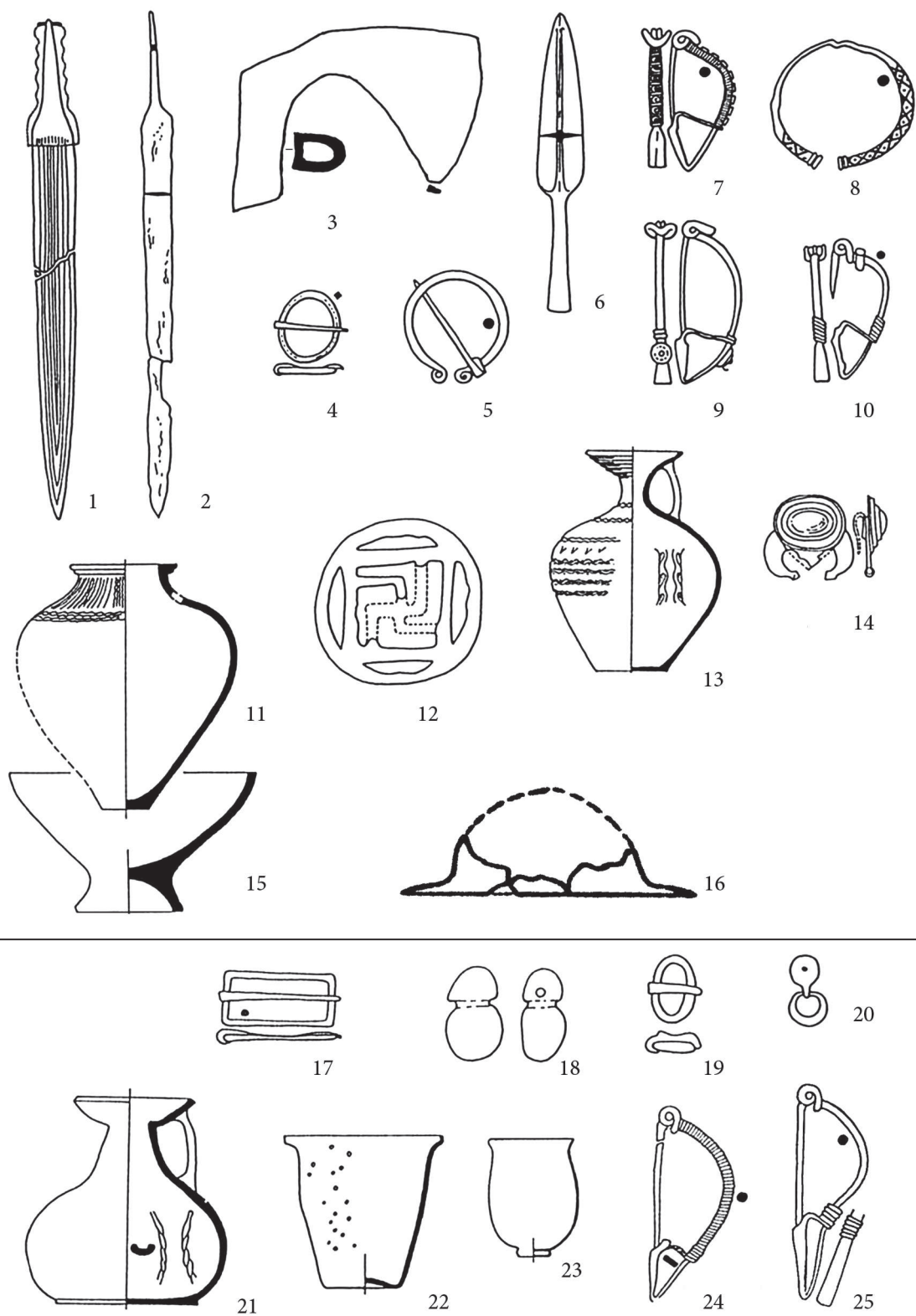

Рис. 1. Хронологически значимые предметы стадии I. 1–16 – стадия I/1; 17–25 – стадия I/2 (по Гей, Бажан 1997, с модификациями Kazanski, Mastukova 2007)

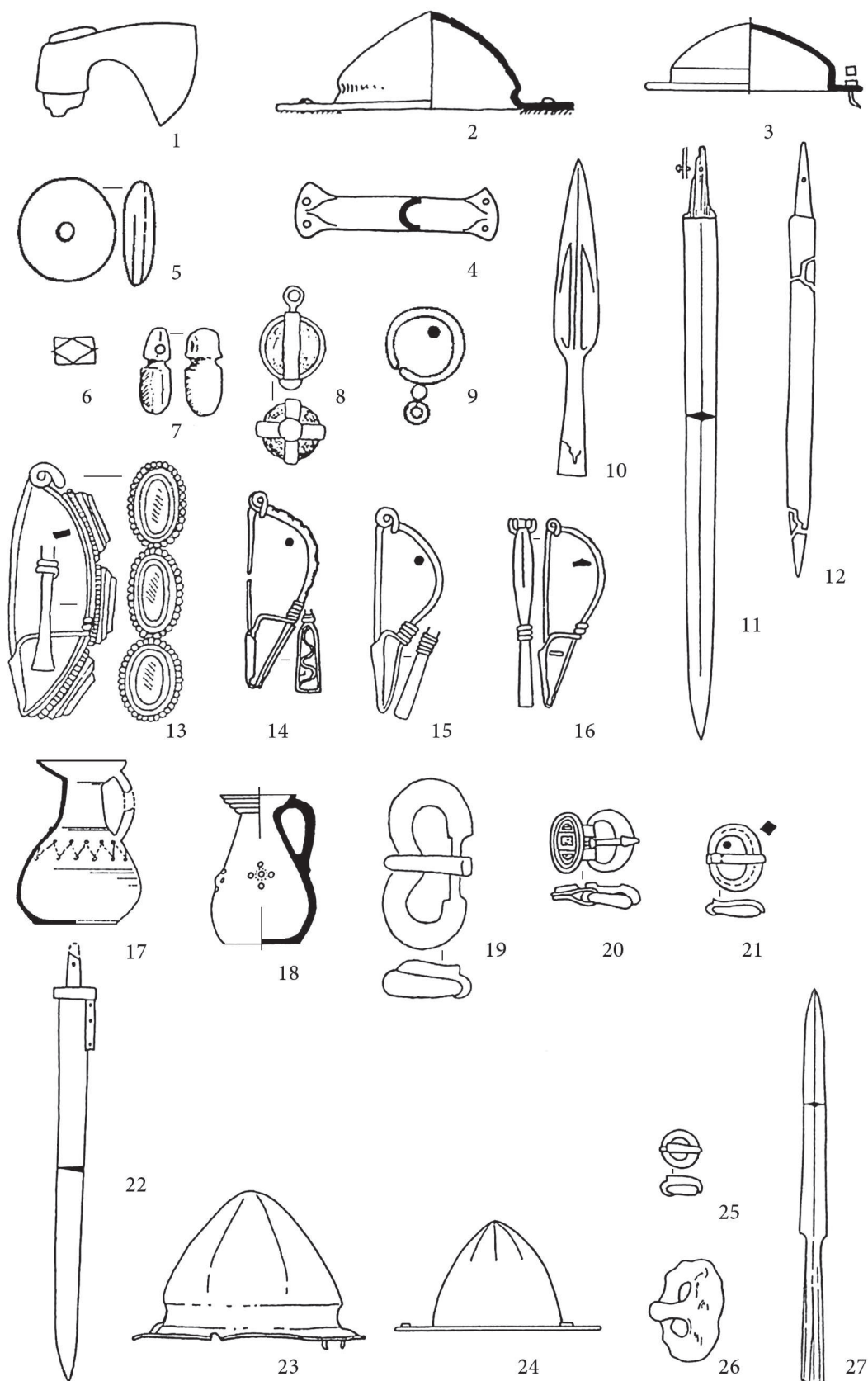

Рис. 2. Хронологически значимые предметы стадии II/3-4. 22–27 – предметы, появляющиеся в финале стадии II (по Гей, Бажан 1997, с модификациями Kazanski, Mastykova 2007)

рованных фибул, известных уже в предыдущей стадии (рис. 2, 15). Для этой стадии показаны различные типы пряжек с утолщенной рамкой и сравнительно коротким язычком, выступающим за края рамки (типы 4, 5, 7) (рис. 2, 20–21), В-образные, римской традиции (рис. 2, 19), металлические умбоны, в частности типов Ай-Тодор (рис. 2, 3) и Кожень (рис. 2, 2), металлические рукояти щитов (рис. 2, 4), копья цебельдинского типа 2, с короткой нервюрой, не достигающей верхней части пера (рис. 2, 10), длинные мечи типа 2/1-2 (рукоять переходит к клинку под прямым углом) (рис. 2, 11–12), топоры цебельдинского типа 1-2, с коротким обухом (рис. 2, 1), подвески в металлической арматуре (рис. 2, 8), серьги с подвеской в виде кольца (тип 3) (рис. 2, 9), малые полиэдрические бусы из сердолика (рис. 2, 6), в заметном количестве отмечены крупные бусы из янтаря (рис. 2, 5), кувшины с расширением тулова в нижней и средней части (типы 1 и 3) (рис. 2, 17–18). В конце этой стадии (II/4) появляются умбоны типа Добродзень (рис. 2, 23) и Малаешть (рис. 2, 24), скрамасаксы (рис. 2, 22), железные и бронзовые пряжки со слабопрофилированным, загнутым вниз язычком, выходящим за рамку (типы 6 и 8) (рис. 2, 25–26), копья с ромбическим в сечении узким кинжаловидным пером (тип 4) (рис. 2, 27).

По времени эта стадия соответствует периоду от второй четверти IV по начало V в., т.е. фазам С3 и D1 хронологии европейского Барбарикума. Показательными являются пряжки с расширением в передней части рамки и слабопрофилированным язычком, слегка выходящим за рамку, широко распространенные в Северном Причерноморье, а также умбоны типов Ай-Тодор и Кожень. Умбоны типов Добродзень и Малаешть типичны для европейской стадии D1 (360/370–400/410 гг.).

На стадии III/5-8 (380/400–440/450 гг.) появляются копья с очень короткой нервюрой в нижней части пера (тип 3), «пики» с очень узким пером (тип 5), а также копья с длинной металлической втулкой, т.н. пилумы (тип 10) (рис. 3, 26–28), иранские кинжалы с четырьмя выступами на ножнах (рис. 3, 33), «степные» трехлопастные стрелы (рис. 3, 18), умбоны типов Мизери (рис. 3, 24), Керчь-Госпитальная (рис. 3, 23), Либенау (рис. 3, 20), Цилинг К 2 (рис. 3, 25), удила со стержневыми псалиями с загнутым концом (рис. 3, 22), хоботковые пряжки (типы 9–15) (рис. 3, 16–17), поясные якорьковые накладки (рис. 3, 21), «крестовидные» фибулы группы II-4 (рис. 3, 7), серьги с подвеской в виде виноградной лозы (тип 2) (рис. 3, 1), стержневые гривны (рис. 3, 4), стержневые браслеты с зооморфными окончаниями (рис. 3, 2), туалетные наборы (рис. 3, 5), игольники (рис. 3, 6), крупные полиэдрические хрустальные бусы в ожерельях или в виде подвесок к мечам (рис. 3, 19), крупные полиэдрические бусы из сердолика (рис. 3, 11), стеклянные полихромные удлиненные бусы с накладным декором (рис. 3, 12–13) и крупные мозаичные бусы (рис. 3, 10), ребристые бусы из египетского фаянса (рис. 3, 9), стеклянные кубки с каплями синего стекла (рис. 3, 29) или с «сотовым» декором (рис. 3, 30), амфоры местного производства с перехватом тулова (рис. 3, 32), высокие кувшины с узким горлом (тип 4) (рис. 3, 31). Представлены вещи, происходящие из Барбарикума, такие как черняховская двупластинчатая фибула (рис. 3, 8), янтарные дисковидные бусы с нарезным линейным декором (рис. 3, 14) или зеркало типа Чми-Бригецио (рис. 3, 15). Впервые появляются предметы с христианской символикой (рис. 3, 3).

По многочисленным аналогиям в европейском Барбарикуме и на территории Римской империи: пряжки, оружие, стекло, бусы, – эта стадия датируется периодами D1 (360/370–400/410 гг.), D2 (380/400–440/450 гг.) и D2/D3 (430/440–460/470 гг.) «варварской» хронологии. Предложенное О. А. Гей и И. А. Бажаном разделение этой стадии на фазы 5–8 не может быть принято, поскольку даты по внешним параллелям такого подразделения не подтверждают.

Стадия IV/9 (450–550 гг.) характеризуется появлением вещей византийского происхождения, таких как средиземноморские пряжки с овальным кольцом и прямоугольной рамкой (рис. 4, 4), мечи с инкрустированной гардой или с ножнами с птицевидным декором (рис. 4, 8, 10), птицевидные фибулы (рис. 4, 1), нательные крестики (рис. 4, 6), некоторые типы стеклянных

Рис. 3. Хронологически значимые предметы стадии III/5-8 (по Гей, Бажан 1997, с модификациями Kazanski, Mastykova 2007)

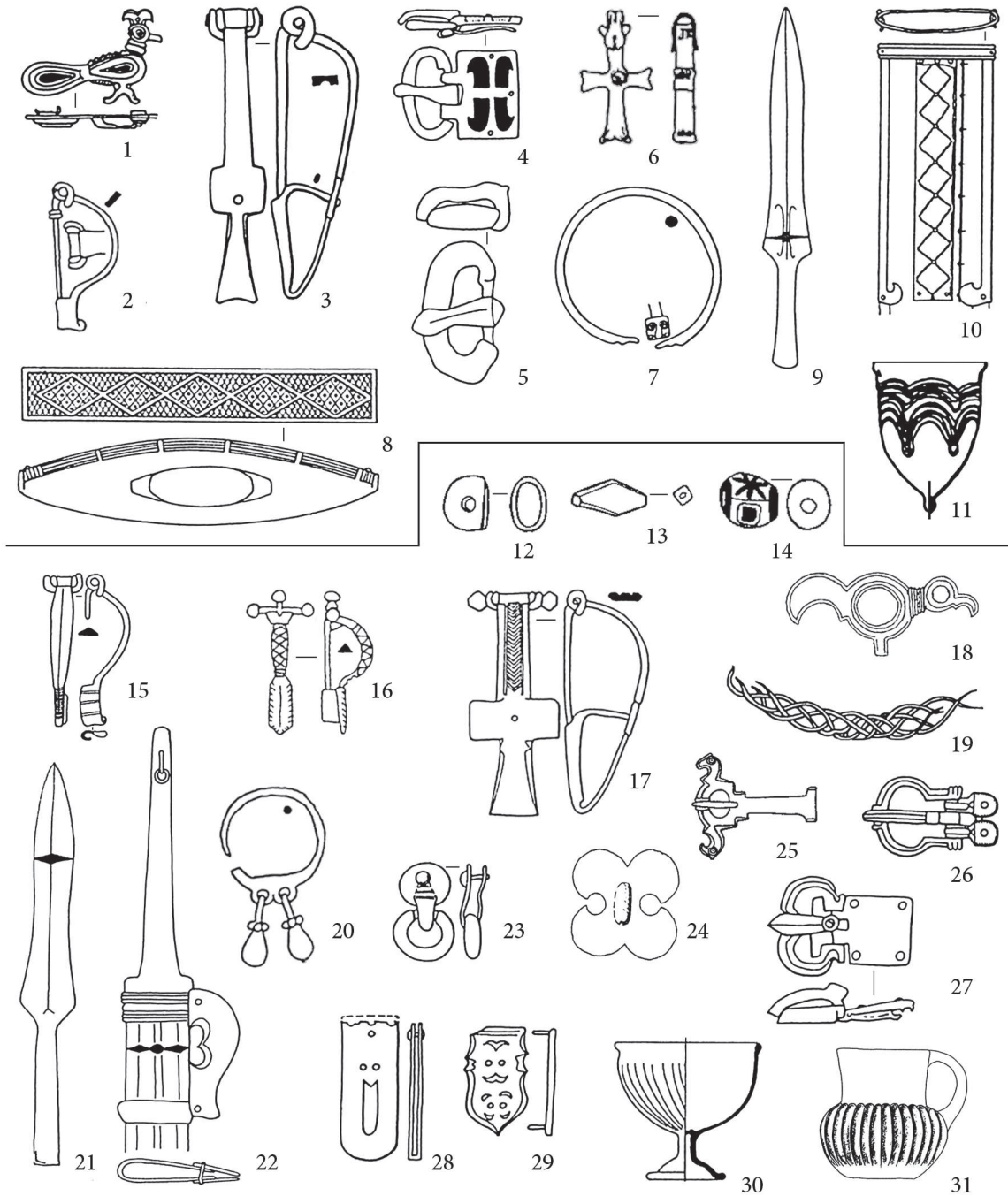

Рис. 4. Хронологически значимые предметы стадии IV. 1–11 – стадия IV/9; 12–31 – стадия IV/10–11 (по Гей, Бажан 1997, с модификациями Kazanski, Mastykova 2007)

кубков (рис. 4, 11). В то же время появляются копы с рудиментарной нервюрой в основании профилированного пера (тип 6) (рис. 4, 9), массивные овальные пряжки с резко выделенной частью в месте крепления язычка (тип 16) (рис. 4, 5), браслеты с расплюснутыми прямоугольными окончаниями с зооморфным декором (тип 8) (рис. 4, 7), поздние формы крестообразных фибул группы П-4 (рис. 4, 3), фибулы с завитком на ножке, восходящие к позднеримскому

типу Виминациум (рис. 4, 2). Хронология средиземноморских импортов подтверждает дату, предложенную О. А. Гей и И. А. Бажаном для этой стадии.

На стадии IV/10-11 (530/550–640/670 гг.) появляются копья «пламевидной» формы (тип 7) (рис. 4, 21), мечи с портупейной скобой в форме Р (рис. 4, 22), «геральдические» поясные гарнитуры с прорезным декором (рис. 4, 27–29), В-образные «геральдические» пряжки (рис. 4, 27), стеклянные кубки на ножке (рис. 4, 30), серьги с несколькими каплевидными подвесками (тип 6) (рис. 4, 20), ромбические бусы из янтаря (рис. 4, 13), каменные геммы-бусы (рис. 4, 12), стеклянные мозаичные бусы (рис. 4, 14), а также самые поздние фибулы группы III, с завитком на ножке (рис. 4, 15), птицевидные (рис. 4, 18), поздние формы крестовидных фибул, типа II-4-8 (рис. 4, 17) и Т-образные фибулы группы VI (рис. 4, 16), пряжки с «лировидной» рамкой (рис. 4, 26), плетеные проволочные гривны (рис. 4, 19). В это же время появляется импортная северокавказская керамика (рис. 4, 31), известна и северокавказская четырехлепестковая фибула (рис. 4, 24).

На датировке этой стадии надо остановиться подробнее. В отличие от предыдущих эпох, европейская хронология в данном случае не может быть прямо привлечена, поскольку в цебельдинской культуре определяющими являются другие артефакты, не типичные для Европы. Отчасти поэтому стадию IV/10-11 не представляется возможным разбить на более дробные фазы.

Важное значение для хронологии этой стадии имеют материалы крепости Цебельда (Воронов, Бгажба, 1985), построенной в 530–540-е гг. (монеты Юстиниана 528–538 гг. под фундаментами), со слоем пожара и разрушений, датированным 550/551 гг. (нападение апсиллов на сасанидский гарнизон, зафиксированное письменными источниками и подтвержденное находками сасанидской монеты 505 г. в горизонте разрушений). В слое, накопившемся в период от времени основания крепости в 530–540-е гг. и до пожара 550/551 гг., найдены типичные для стадии IV/10-11 крестообразные фибулы типов II-4-5 и II-4-6 и группы III, стеклянные сосуды на ножке, серьги типа 6 и пряжка с прорезным декором, близкая «геральдическому стилю»¹⁶.

Показательным для хронологии стадии IV/10-11 является погр. 3 на могильнике Шапка-Юстинианов Холм (Воронов, Юшин, 1971). В нем помимо монет Юстиниана найдены типичные вещи интересующего нас периода: Т-образная фибула и В-образная пряжка «геральдического» стиля. В то же время здесь присутствует поясная обоймица с рифленным декором (рис. 4, 23), характерным для средиземноморских пряжек второй половины V–первой половины VI в. Поэтому есть все основания датировать погребение по монете Юстиниана, найденной в этом закрытом комплексе.

Вещи, типичные для стадии IV/10-11 встречены в слоях Цебельдинской крепости и после разгрома 550/551 гг. Это конические кубки с протуберанцем в донной части, фибулы типа II-4-6 и группы VI, элементы поясной гарнитуры «геральдического» стиля с прорезным декором, стеклянные сосуды на ножке (рис. 4, 28–30). Характерные для этой стадии В-образные пряжки (рис. 4, 27) и портупейные скобы мечей (Пышта-Верхняя Эшера) (рис. 4, 22) датируются временем от 580-х гг. (Koch, 1998).

Стадия IV/10-11, несомненно, охватывает и первую половину–середину VII в. Об этом свидетельствуют находки в закрытых комплексах византийской сумочной пряжки типа Папа (рис. 4, 25), Т-образных фибул (рис. 4, 16), датированных на Северном Кавказе серединой VII в. и более поздним временем. К сожалению, для создания дробной хронологии заключительной фазы цебельдинской культуры пока недостаточно закрытых комплексов с предметами, которые датируются по внешним аналогиям.

¹⁶ Напомним, что гарнитура «геральдического стиля» широко распространилась в 530–580-е гг. от Черноморья до Альп, как свидетельствуют находки в крепости Садовец, разрушенной в начале 580-х гг., в погр. 33 некрополя Базель-Бернерринг с монетой 541–553 гг., в погр. 56 некрополя Суук-Су с монетой 527–565 гг., в погр. Е 199 некрополя Пьятра-Фрекацэй с монетой 518–527 гг., в погр. 132 Каллатиса с монетой 538–545 гг., в Царичен-Граде под слоем, датированным монетами 570–590-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Воронов Ю. Н. Могилы апсиров. Итоги исследований некрополя Цибиллиума в 1977–1986 годах. Пуццино. 2003.
- Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды. Тбилиси, 1985.
- Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Погребение VII в. н.э. в с. Цебельда в Абхазии // Памятники железного века на территории СССР. М. 1971 (КСИА. Вып. 128).
- Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М. 1997.
- Трапиш М. М. Культура цебельдинских некрополей // Трапиш М. М. Труды. Тбилиси. 1971. Т. III.
- Godlowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków, 1970.
- Kazanski M., Mastykova A. et alii. Tsibilium. La nécropole apsile de Tsibilium (VIIe s. av. J.-C. – VIIe s. ap. J.-C) (Abkhazie, Caucase). Vol. 2. L'étude du site. Oxford. 2007 (BAR. IS. 1731/2).
- Koch A. Überlegungen zum Transfer von Schwerttrag- und Kampfweise in frühen Mittelalter an Beispiel chinesischer Schwerter mit P-förmigen Tragriementhaltern aus dem 6.–8. Jahrhundert n. Chr. // Jahrbuch RGZM. Mainz 1998. Bd. 45.
- Tejral J. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // Peregrinatio Gothica. Lodz. 1988.
- Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaauraum // Archaeologia Austraica. 1988. Bd. 72.
- Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaauraum. Brno. 1997.
- Voronov Ju. Tsibilium. Vol. 1. La nécropole apsile de Tsibilium (Caucase, Abkhazie). Fouilles de 1977–1986. Oxford. 2007 (BAR. IS. 1721/1).

Каменный век и эпоха бронзы

СТРАНИЦЫ РАННЕЙ ПРЕИСТОРИИ АБХАЗИИ

В. П. Любин (г. Санкт-Петербург)

1. Первые находки раннего палеолита в бывшем СССР были сделаны в 1933–1935 гг. на территории Абхазии. Открытие это явилось величайшей сенсацией своего времени. На основе этих находок зародилось и стало развиваться отечественное «ашеловедение». Центральным объектом этих работ явилось уникальное Яштухское местонахождение к северу от Сухума, которое представляет собой скопление множества пунктов с разновременными палеолитическими материалами. Исследование этого памятника велось в течение более полувека (1933–1992 гг.) виднейшими специалистами в области четвертичной геологии и преистории из научных учреждений Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Сухума и Тбилиси.

Рис. 1. Карта района Яштухского палеолитического местонахождения с указанием палео-рек (на основе космоснимка Google Earth)

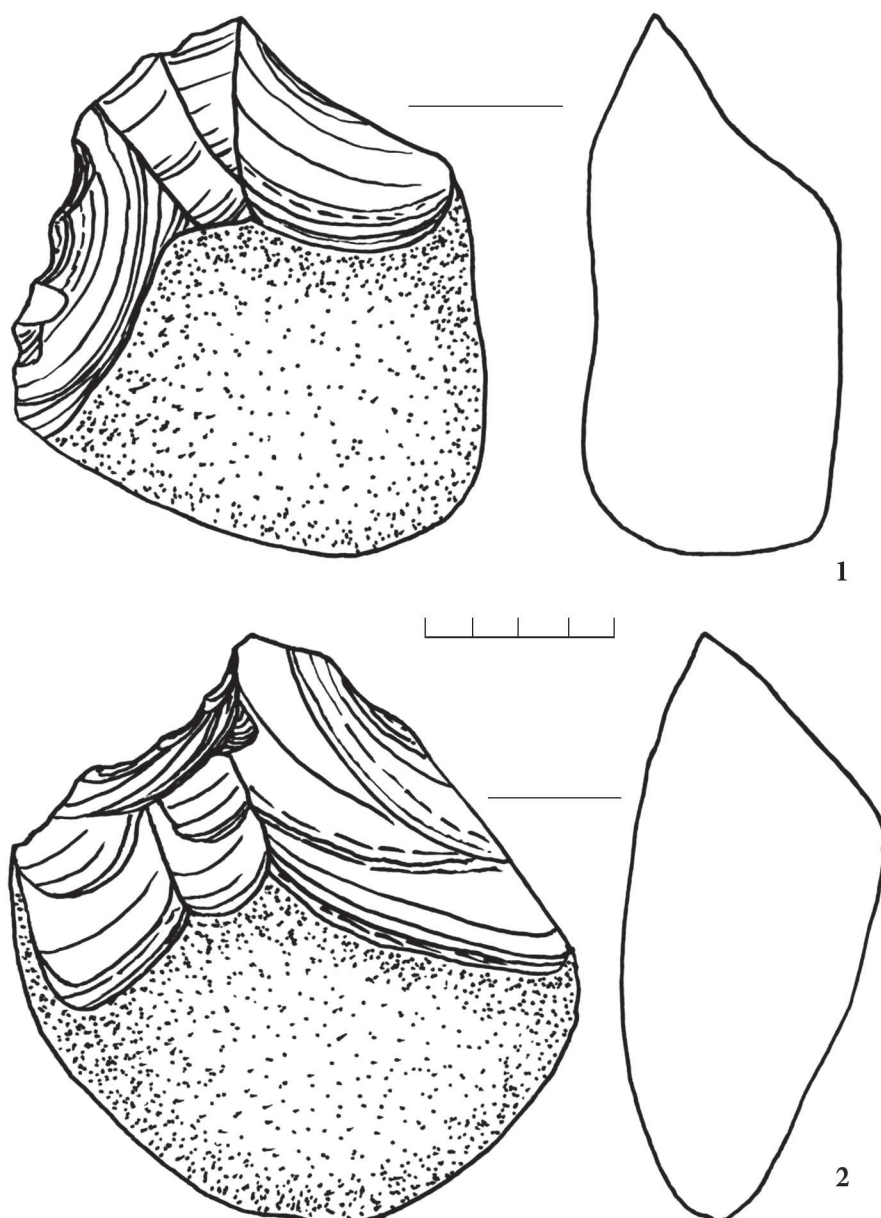

Рис. 2. Яштухское местонахождение. Образцы остроконечных чопперов из лавовой породы (1–2), найденных в горной зоне памятника (урочище Суходол)

2. Особенность Яштухского местонахождения заключается в том, что его формирование происходило при переплетении событий как человеческой, так и геологической истории (тектоника, перестройка речной сети, колебания уровня моря), которые происходили в этой зоне Черноморского побережья. На грани плейстоцена и палеоцена здесь происходило образование молодой складчатости в виде уваловидной Яштухской гряды, прорезаемой по мере ее поднятия палео-рекой Восточной Гумистой. В результате этого получилась форма рельефа, напоминающая разрезаемый ножом хлебный батон (рис. 1). В эти же, вероятно, сроки здесь произошла перестройка речной сети: палео-река Западная Палео-Гумиста перехватила палео-реку Восточную Гумисту, благодаря чему люди получили возможность заселить участок бывшего русла последней.

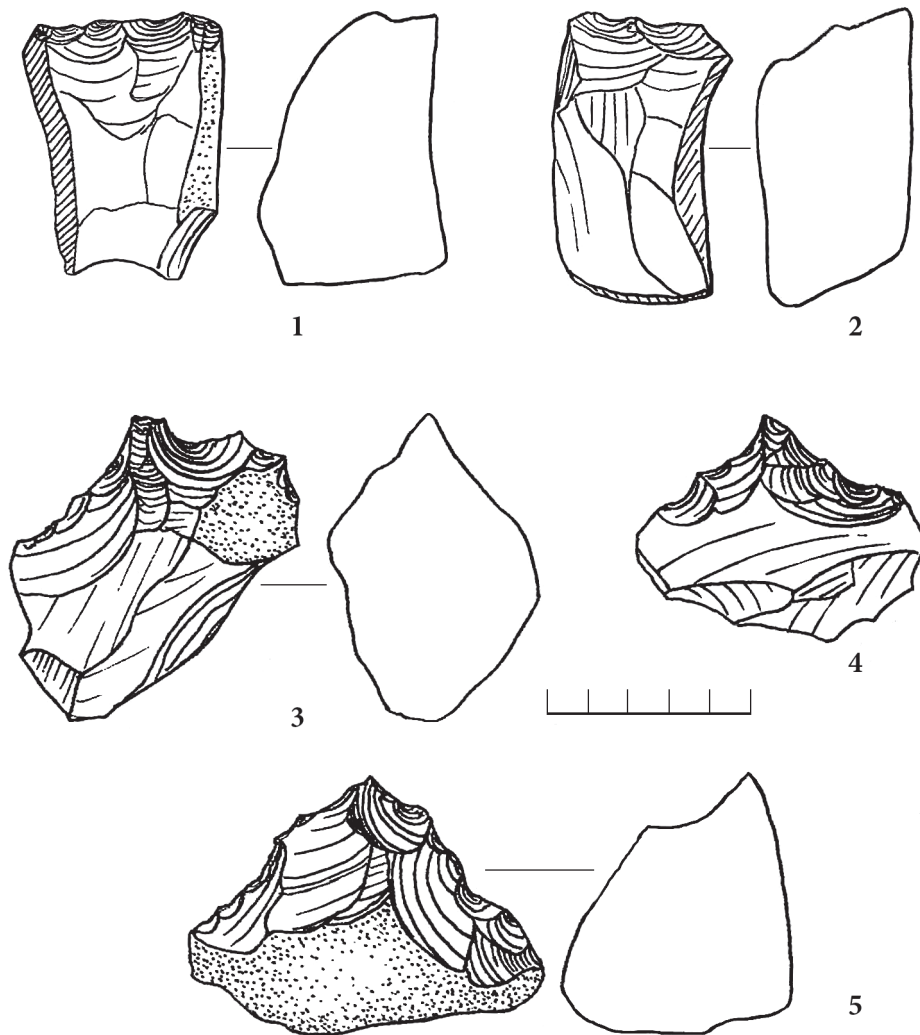

Рис. 3. Яштухское местонахождение. Образцы нуклевидных скребков (1–2) и массивных острий (3–5)

3. Следы наиболее раннего пребывания людей в районе Яштухского местонахождения обнаружены в его горной зоне, в урочище Суходол между параллельными грядами гор Яштух и Ахабиюк. Здесь найдена серия сильно выветрелых архаичных чопперов (рис. 2) доашельского (?) облика, которые сделаны из неместного вулканического сырья. Основная же масса палеолитических находок, среди которых преобладают ашельские изделия из местного кремня, была собрана, главным образом, на обширной территории, протянувшейся с запада на восток от р. Западной Гумисты до р. Баслы и с севера на юг – от горы Яштух до берега моря. В меньшем объеме палеолитические изделия встречены в горной зоне. Наиболее обильные находки ашельских изделий отмечены в пунктах, примыкающих к бывшему руслу палео-реки Восточной Гумисты (современная р. Восточная Сухумка), а наиболее архаичные ашельские изделия – на древних 60–80-метровых морских террасах. Сборы исчисляются тысячами артефактов. Значительная их часть хранится в настоящее время в музеях Санкт-Петербурга, Сухума и Тбилиси (коллекции С. Н. Замятнина, Л. Н. Соловьева, Н. З. Бердзенишвили и И. И. Коробкова). Основная часть сборов Л. Н. Соловьева, однако, погибла в октябре 1992 г. во время разгрома, учиненного «гвардейцами» Шеварднадзе в хранилищах Института языка, литературы и истории в Сухуме. Главный недостаток изысканий, выполненных на Яштухском

местонахождении названными исследователями, заключается в том, что они работали разрозненно и несогласованно, по-разному выделяли участки сборов и почти не производили вскрытий с целью получения стратифицированных материалов.

4. Доминирующие в Яштухских коллекциях ашельские материалы достаточно уверенно отчлняются от более поздних по технико-типологическим критериям. Неясность возникает лишь в отношении некоторых левалдуазских изделий, облик которых допускает их принадлежность как к среднему палеолиту, так и к позднему ашелю. Основная же масса выделяемых на Яштухском местонахождении ашельских изделий в целом достаточно однородна в технико-типологическом отношении и может быть охарактеризована суммарно. Среди ядрищ присутствуют дисковидные, вееровидные, одно- и двуплощадочные формы. Заготовками для орудий служили довольно массивные отщепы, плитчатые отдельности, образовавшиеся в результате кливажа, а также уплощенные речные и морские гальки. Вторичная обработка производилась оббивкой и ретушью – чаще всего, краевой, лицевой, полукрутой или крутой, нередко зубчатой, реже распространенной или бифасиальной.

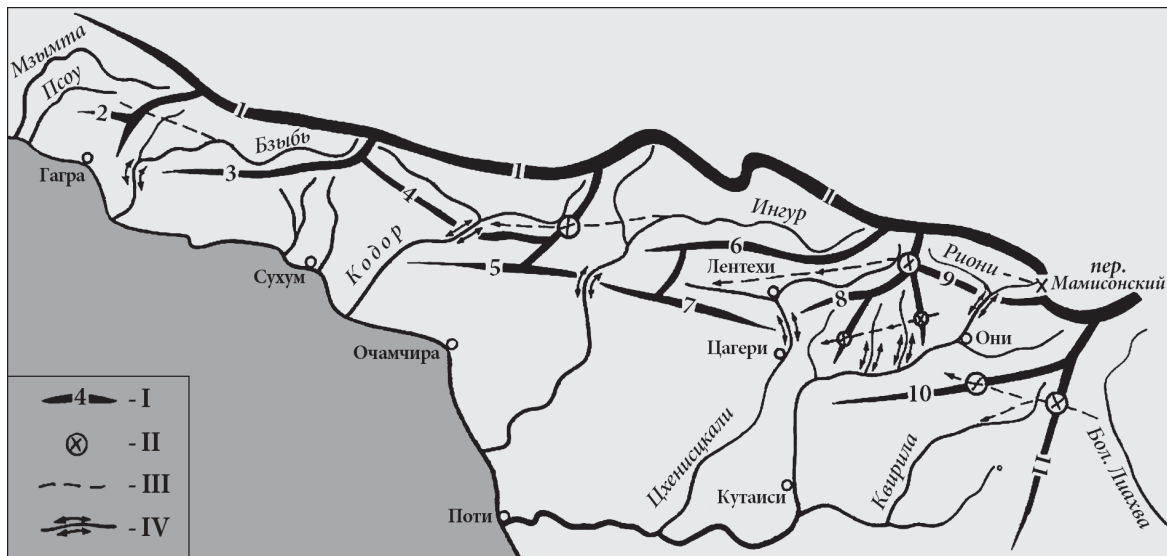

Рис. 4. Палеогеографическая схема южного склона Западного Кавказа. Условные обозначения: I – хребты (1 – Главный Кавказский; 2 – Гагринский; 3 – Бзыбский; 4 – Абхазский; 5 – Кодорский; 6 – Сванетский; 7 – Мегрельский; 8 – Лечхумский; 9 – Шодакедела; 10 – Рачинский; 11 – Лихский); II – остатки древних долин; III – предполагаемые направления палео-рек; IV – antecedентные участки современных долин (по Неманишвили, 1975. Рис. 1)

В наборе ашельских орудий выделяется группа макро-орудий: ручные рубила, чопперы, нуклевидные скребки и короткие массивные острья. Эти острья и подчетыреугольные нуклевидные скребки являются локальной особенностью яштухского ашеля (рис. 3). Рубила и чопперы изготовлены почти исключительно на уплощенных желваках и гальках, нуклевидные скребки – на массивных плитчатых отдельностях, массивные острья – на широких и толстых отщепах. Среди чопперов преобладают заостренные формы – с лезвиями, сходящимися под острым или тупым углом, иногда со слабо выраженными остриями. Наиболее архаичный облик имеют найденные в горной зоне остроконечные чопперы, изготовленные из лавовой породы. Как и во всей Абхазии, ручные рубила на Яштухе немногочисленны (10 экз.) и большинство их имеет верхнеашельский облик. Однако два наиболее крупных яштухских рубила выделяются более примитивной отделкой и большей выветрелостью поверхности. Одно из них сделано из неместной лавовой породы. Оба эти бифаса могут относиться к среднему ашелю,

тем более что второй бифас, сделанный из кремня и имеющий поперечный «совковидный» конец, находит аналогии среди среднеашельских рубил Ближнего Востока. Среди орудий на отщепках преобладают различные зубчатые и комбинированные формы, в то время как скребла, скребки и остроконечники немногочисленны.

В целом ашель Абхазии обладает определенной спецификой и не находит близких аналогов в других районах Кавказа.

5. Первоначальное заселение человеком территории Абхазии могло происходить двояким путем. Возможен путь с севера через более низкие в раннем – среднем плейстоцене перевалы Главного Кавказского хребта. Однако наиболее вероятным представляется движение по южному склону этого хребта, вдоль расположенной параллельно ему гипотетической продольной депрессии, отрезки которой представлены современными верхними течениями рек Риони, Цхенис-Цкали, Ингур, Кодор, Чхалта и Бзыбь. С юга эту депрессию окаймляют субширотные хребты Рачинский, Лечхумский, Сванетский, а на территории Абхазии – Кодорский, Абхазский и Бзыбский (рис. 4). Долины поперечных абхазских рек Бзыбь (в нижнем течении), Гумиста, Кяласур, Амткел и Джампал могли играть роль внутриабхазских коммуникаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Неманишвили С. Н. Развитие гидрографической сети южного склона Большого Кавказа // Изв. АН СССР. Серия географ., 1975, № 2.

АШЕЛЬСКИЕ РУБИЛА ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА

Е. В. Беляева (г. Санкт-Петербург)

Ручные рубила являются сложными орудийными формами, в которых наиболее ярко воплощаются морфолого-типологические особенности ашельских индустрий, связанные с культурными традициями, а также их технологический потенциал и характер каменного сырья. Одним из регионов, где в раннем палеолите господствовали индустрии с рубилами, является Кавказ, который выделяется как относительным богатством, так и определенной спецификой ашельских памятников.

На Кавказе большинство ашельских памятников с рубилами выявлено в южной части региона. Свыше двух тысяч таких орудий найдено на местонахождениях и стоянках Закавказского нагорья. Десятки рубил происходят из стоянок и местонахождений южного склона Центрального Кавказа. В других районах Кавказа на пространственно разбросанных памятниках обнаружено в общей сложности немногим более полусотни таких орудий. Более трех десятков из них найдены в полосе Черноморского побережья Кавказа, начиная с южных границ Абхазии вплоть до района Геленджика. Анализ именно этих рубил является целью данного сообщения.

Географически все известные в Причерноморье памятники с ручными рубилами можно подразделить на пять групп. Самая южная из них, включающая несколько местонахождений в Южной Абхазии [Речху (Речхи), Галл (Гали), Чубурхиндж (Чубурисхинджи), Ачгуара (Ачигвары)], может быть обозначена, следуя С. Н. Замятнину (Замятнин, 1961), как Гальско-Очамчирская. Сухумская группа пунктов с находками ручных рубил находится в окрестностях столицы Абхазии (Яштух, Кяласур (Келасури), г. Трапезия) (Замятнин, 1961; Любин, 1998). Третье скопление находок рубил отмечается у северо-западной границы Абхазии (Цандрипш (Гантиади), Амзара (Хейвани), Гечрипш (Леселидзе), Бароновка) и на сопредельной территории Краснодарского края (Блиново, пещеры Ахштырь и Хостинская 1) (Замятнин, 1961; Соловьев, 1971; Векилова, Грищенко, 1972; Любин, Беляева, 2004). Эта группа может быть условно

названа Цандрипш-Адлерской. Четвертая группа – Туапсинская – включает памятники Широкий Мыс и Кадошское (Щелинский, 2007). Пятый, самый северный район с находками ручных рубил в Причерноморье представлен пока единственным пунктом – местонахождением Адербиевское поблизости от Геленджика (Щелинский, 2007). Данная картина может отражать не только реальное распространение памятников с ручными рубилами, но и неравномерную изученность разных районов Восточного Причерноморья. Тем не менее, сегодня мы должны анализировать рубила в рамках именно этих групп.

Среди факторов, влиявших на изготовление каменных орудий и, в особенности, таких макро-орудий как рубила, большое значение имеет характер сырьевой базы. По наличию каменных пород, использовавшихся палеолитическим человеком, на Кавказе нами выделяются две основные петрографические провинции – Срединнокавказская и Большешкавказская (Любин, Беляева, 2009). Первая провинция, протягивающаяся от вулканических нагорий Закавказья через Центральный Кавказ вплоть до Минераловодских субвулканических гор, содержит различные магматические, а также метаморфические породы. Большешкавказская провинция включает, преимущественно, осадочные породы. Среди них разнообразные кремнистые породы, а также сланцы и песчаники, которые хорошо расщепляются в желаемом направлении и дают острые края.

Кремень являлся наилучшим сырьем, но он встречается лишь в отдельных районах Большешкавказской провинции, одним из которых является Сочинско-Абхазское Причерноморье. Увеличение доли кремня и, прежде всего, его высокосортных разновидностей заметно по мере приближения к территории Абхазии. В предгорной полосе южного склона Большого Кавказа от р. Псоу до р. Ингури, которую занимает Абхазия, находятся известняковые хребты Гагринский, Бзыбский, Абхазский и Кодорский, содержащие во многих местах весьма качественное кремневое сырье. В силу этого в палеолитических памятниках Абхазии повсеместно использовалась моносырьевая кремневая база. От места к месту кремни эти, разумеется, варьировали по происхождению, цвету, размерам и качеству. В северной Абхазии преобладали, по некоторым данным, светлые кремни датского яруса, в южной – розовые и красноватые кремни туронского яруса.

Первобытные люди едва ли могли добывать кремень непосредственно из месторождений в известняках и, вероятнее всего, использовали вторичные источники (россыпи, галечники), где сырье могло быть доступно в виде желваков, галек и разнородных обломков. Поскольку рубила обычно характеризуются крупными размерами (> 7 см) и уплощенностью поперечного сечения, для изготовления этих орудий требовались достаточно крупные отдельности сырья, которые либо позволяли получать большие отщепы-заготовки, либо сами имели подходящие пропорции (уплощенные гальки и плитчатые обломки). Такие требования должны были затруднять подбор кремневых заготовок для рубил, т. к. его природные отдельности редко имеют крупные размеры и отличаются вариабельностью форм. Возможно, это стало одной из причин относительно малого числа находок рубил в ашельских памятниках данного района.

К северу от Сочи также имеются источники кремнистых пород, но общая ситуация с сырьем была здесь, видимо, еще сложнее. Местное кремневое сырье – темно-серый и светло-серый кремень – неоднородно по качеству. Основная масса его отличается трещиноватостью и мало пригодна для изготовления орудий, а более качественные разновидности довольно редки. Соответственно, в этой части Черноморского побережья Кавказа широко использовались и другие местные окремненные породы – мергели, алевролиты и песчаники, доступные в виде галек или обломков (Щелинский, 2007). Такая сырьевая база допускала изготовление рубил, но, по-видимому, была еще менее благоприятной для широкого развития этой традиции.

Рассмотрим ручные рубила каждой из выделенных выше групп, начиная с Гальско-Очамчёрского района. На этой территории известны четыре пункта с единичными ручными

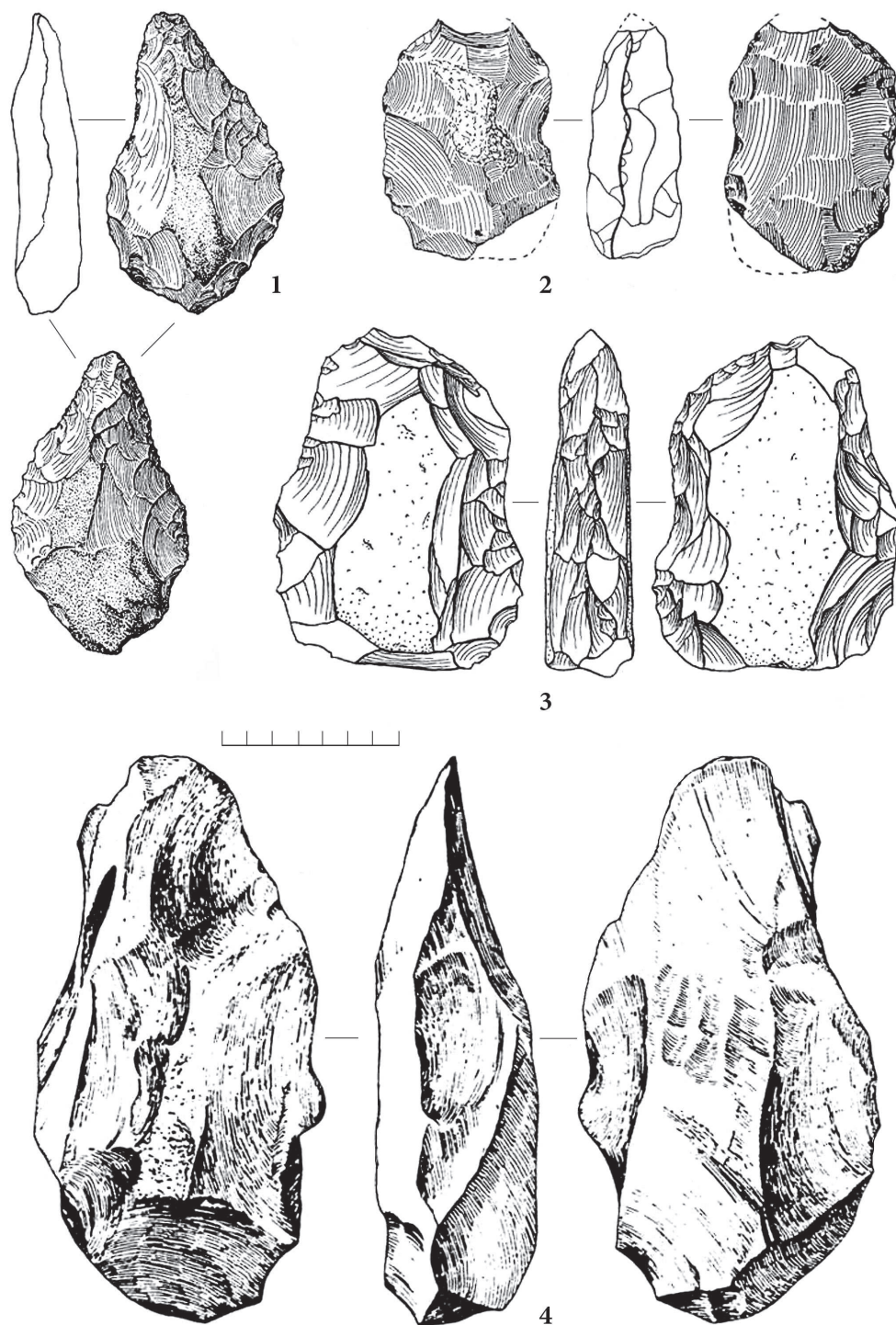

Рис. 1. Образцы рубил из памятников Черноморского побережья Кавказа. 1–2 – Яштух, Абхазия (по Замятнин, 1961. Табл. XIV, 1; XII, 1); 3 – Адзшибевское, район г. Геленджика (по Щелинский, 2007. Рис. 75); 4 – Яштух, Абхазия (по Бердзенишвили, 1979. Табл. XXX, 1)

рубилами из кремня. Три из них найдены С. Н. Замятниным (Гали, Чубурисхинджи, Ачигвары – Замятнин, 1961). К сожалению, все эти три орудия сломаны в древности, а в одном случае (Гали) базальная часть рубила искажена позднейшими сколами.

Рубило из Гали (Замятнин, 1961. Табл. XXXVIII, 2), насколько можно судить по его нынешнему виду, имело длину более 14 см, а ширина его превышала 9,5 см. Массивность этого рубила неизвестна, поскольку автором не указана толщина орудия и не приведен его продольный разрез. Сохранившиеся на нем древние негативы говорят о сплошной и интенсивной двусторонней обработке. Судя по пересечению их в срединной зоне корпуса, оббивка производилась, вероятнее всего, попеременно от обоих краев. Тип заготовки неясен, но, поскольку получение столь крупного отщепа из кремня кажется маловероятным, можно предполагать использование крупной гальки.

Рубило из Ачигвары (Ачгуары) (Замятнин, 1961. Табл. XXXVIII, 1) имеет менее крупные размеры ($> 10,3$ см) и, как представляется, сделано из обломка гальки или массивного полукраевого отщепа. Одна из сторон этого массивного орудия (ширина – 6,3 см, толщина – 4,3 см) полностью покрыта встречными негативами, а вторая, с остатками корки, несет следы продольных сколов, частично срезанных боковой оббивкой одного из краев. Лезвия тщательно выровнены ретушью, что С. Н. Замятнин справедливо считал явным признаком позднего возраста этого орудия (поздний ашель или мустье).

Рубило из Чубурисхинджи (Чубурхинджа) (Замятнин, 1961. Табл. XXIX, 1), длина которого без обломанного дистального конца немногим превышает 9 см, относится к плоским бифасам (ширина/толщина (В/Тh) = 2,38). С. Н. Замятнин считал, что это рубило изготовлено на нуклеусе. На наш взгляд, продольные сколы на одной из сторон и крупный негатив поперечного скола на другой говорят о том, что орудие подвергалось продольно-поперечному уплощению с временных площадок. Волнистость лезвий и лишь частичная их отделка указывают на то, что эта стадия обработки осталась незаконченной.

Рубило из Речхи (Речху) (Григолия, 1979) выделяется наиболее крупными размерами (16,0×8,9×5,3 см). Этот массивный бифас (В/Тh=1,7), сохранился небольшой участок корки в базальной части, имеет субпараллельные края и поперечное лезвие. Относительно близкие аналогии ему имеются в позднеашельских индустриях Армении и Центрального Кавказа.

В сухумской группе памятников найдено 11 рубил, включая 10 орудий, собранных на различных участках Яштухского местонахождения. С. Н. Замятнин (1961. С. 80) писал о вдвое большем количестве рубил на Яштухе, но рисунки многих из них не позволяют относить их к рубилам. За исключением трех крупных (22,0 см, 24,4 см и 18,5 см) бифасов (Бердзенишвили, 1979. Табл. XXX, 1; Любин, Беляева, 2006. Рис. 20; Коробков, 1964), большинство яштухских рубил отличаются небольшими размерами, длина – 10–12,5 см (рис. 1, 1–2). Однако среди них преобладают массивные, что, видимо, связано с особенностями местного сырья. Л. Н. Соловьев (1971) указывал, что на вершине и южном склоне горы Яштух выходят пласты известняков датского яруса, богатого кремневыми желваками. Именно небольшие желваки, а также их обломки, судя по остаткам корки на половине яштухских рубил, служили заготовками этих орудий. В одном случае была использована сланцевая галька (Замятнин, 1961. Табл. XIV, 2). Особо отметим крупный бифас (рис. 1, 4) из явно приносной вулканической породы (Бердзенишвили, 1979. Табл. XXX, 1).

Уплощенными (В/Тh $> 2,35$) являются только два яштухских рубила. Одно из них (Замятнин, 1961. Табл. XIV, 1; XV, 2) было изготовлено из довольно тонкой (2,7 см) плитки, остатки естественной корки которой сохранились на обеих сторонах орудия (рис. 1, 1), а другое (Бердзенишвили, 1979. Табл. XXX, 2) демонстрирует двустороннее поперечное встречное уплощение. Имеется еще одно рубило подпрямоугольной формы с односторонним поперечно-продольным уплощением (Замятнин, 1961. Табл. XII, 1), однако этот небольшой бифас (длина – ок. 10 см) сохранил массивность (В/Тh=1,85) (рис. 1, 2). Два разных по форме рубила – подпрямоугольное и крупное подтреугольное – выделяются плоско-выпуклым сечением, связанным с интенсивной уплощающей оббивкой одной из сторон (Замятнин, 1961. Табл. XV, 1; Коробков,

1964). Прочие кремневые рубила и сланцевое рубило сделаны с помощью интенсивной попеременной оббивки от краев желваков или обломков с сохранением пятки.

По очертаниям в плане три рубила могут быть отнесены к разным вариантам подсердцевидных: одно – ближе к овальным, одно имеет подтреугольную форму и еще три имеют субпараллельные края. Среди последних имеется очень массивный ($V/Th=1,5$) и довольно узкий (5,0 см) обломок, который, возможно, следует рассматривать не в качестве рубила, а как архаичную подлистовидную форму. Корреляция между формой и техническими аспектами не прослеживается. Все характеристики этих рубил позволяют помещать их в рамки позднего ашеля.

Особо остановимся на двух наиболее крупных и архаичных рубилах. Одно из них (22,0×12,0×6,0 см) сделано из вулканического сырья (Бердзенишвили, 1979. Табл. XXX, 1). Его отличает также удлиненная субовальная форма и плоско-выпуклое сечение (рис. 1, 4). Несмотря на неясность рисунка, есть основания предполагать, что плоская сторона представляет собой брюшко отщепы с единичными негативами, т.е. речь может идти о частичном бифасе на крупном сколе-заготовке. Все характеристики этого орудия, включая сырье, резко отличают его от прочих рубил Яштуха и, с другой стороны, позволяют говорить о сходстве с ранне-среднеашельскими рубилами, встречаемыми на местонахождениях севера Закавказского нагорья (Любин, Беляева, 2010). Еще одно рубило, найденное Л. Н. Соловьевым на горе Трапедия (Любин, 2006. Рис. 20), имеет сходные размеры (24,4×12,0×5,7 см) и очень архаичный облик. Копьевидная форма, грубая оббивка и характерный «совковидный» дистальный конец этого рубила позволили И. И. Коробкову сближать его с ближневосточными среднеашельскими рубилами т. н. убейдинско-латамнинской традиции (Коробков, 1995).

Единственное рубило в этом районе, найденное за пределами Яштухского местонахождения, в Келасури (Амичба, Габелия, 2001), принадлежит к типичным позднеашельским формам. Оно отличается от подобных яштухских бифасов более правильной формой и более совершенной отделкой, что объяснимо, возможно, лучшим качеством сырья. Этот довольно крупный бифас (15,5×9,0×4,6 см) изготовлен из гальки медового кремня. Поскольку обработка, несмотря на ее интенсивность и «ювелирность», велась без стадии уплощения путем интенсивной чередующейся оббивки обеих сторон от краев, рубило сохранило участки корки и значительную массивность ($V/Th=2,0$).

Цандрипш-Адлерская группа включает 10 ручных рубил. Три кремневых рубила найдены и опубликованы Л. Н. Соловьевым. Два из них [Блиново и Леселидзе (Гечрипш)] имеют длину 16,0 см и 11,5 см, соответственно, и удлиненно-сердцевидные очертания (Соловьев, 1987. Рис. CIV; CV, 2). Рубило из Блиново является очень уплощенным ($V/Th=3,25$), а данные о толщине и массивности рубила из Гечрипша отсутствуют. Рубило из Гантиади (Цандрипш) имеет длину 8,9 см и укорочено-сердцевидные очертания. Толщина его и продольный профиль не приведены. Характер рисунков не позволяет судить о приемах их обработки и заготовках, хотя отщеп, видимо, практически исключен.

Находка Н. И. Гумилевского в Бароновке представляет собой медиальную часть крупного и не очень массивного ($>10,1$)×7,1×3,5 см) кремневого бифаса с субпараллельными краями (Любин, Беляева, 2004. Рис. 120). Судить о его форме затруднительно, обработка обеих сторон велась, видимо, попеременно серией сколов от каждого из краев. Второе кремневое рубило подсердцевидной формы (13,1×8,0×6,0 см) найдено Н. И. Гумилевским в Хейвани (Амзара) (Любин, Беляева, 2004. Рис. 124). Одна сторона этого рубила более выпуклая, а другая уплощена. По характеру обработки и подтреугольному продольному профилю с массивной пяткой ($V/Th=1,3$) данное рубило напоминает один из бифасов Яштуха (Коробков, 1964).

В Адлерском районе сделаны находки рубил в пещерных стоянках. В самых низах отложенных пещеры Ахштырь найдены четыре небольших (длина – 8,2–13,0 см) рубила из сланцевых

галек (Замятнин, 1961; Векилова, Грищенко, 1972). Формы их различны: сердцевидное, сердцевидное удлинённое (Замятнин, 1961. Табл. LII, 1–2), подсердцевидное асимметричное и подромбовидное (Векилова, Грищенко, 1972. Рис. 4). Три рубила являются уплощенными. Два из них изготовлены путем частичной оббивки плоских галек, естественная поверхность которых сохранилась на обеих сторонах орудий. Третье плоское рубило оформлено грубой частичной оббивкой естественного или искусственного полукраевого скола типа «дольки». Единственное массивное и наиболее крупное рубило сделано, видимо, из расколотого валуна, корка которого сохранилась на пятке орудия. Обработка во всех случаях частичная и небрежная, сланцеватость сырья отражается в уплощенности заготовок и в ступенчатых заломах сколов. Отметим также найденную в шурфе в пещере Хостинская 1 крупную плоскую кремневую гальку с несколькими крупными сколами на обеих сторонах (Замятнин, 1961. Табл. XLI, 1) – рубило в начальной стадии обработки.

Туапсинская группа рубил представлена находками на местонахождениях Широкий Мыс и Кадошское. Сердцевидное рубило из Широкого Мыса оформлено на гальке окремнелого алевролита (Щелинский, 2007. Рис. 34). Оно является частичным бифасом, т. к. остатки естественной поверхности сохранились на обеих сторонах орудия. Соответственно, толщина гальки обусловила относительную массивность этого рубила ($V/Th=2,04$), несмотря на довольно интенсивную обработку и тщательное выравнивание лезвий, характерное для позднеашельских форм. Это рубило напоминает бифас на гальке из Келасури.

Два рубила были найдены в суглинках, относимых к концу среднего плейстоцена, на местонахождении Кадошское (Щелинский, 2007. Рис. 85; 87). Первое из них ($18,7 \times 11,9 \times 6,0$ см), изготовленное из обломка окремненного песчаника, имеет сердцевидную форму с закругленным дистальным концом. Орудие является относительно массивным ($V/Th=2,0$), но форма его и отделка исключительно совершенны, причем основание, что редкость для причерноморских рубил, также тщательно приострено. Второе рубило разбито ($>15,0$) $\times 9,8 \times 3,8$ см), но сохранило важные характеристики. Оно попадает в группу уплощенных бифасов ($V/Th=2,6$), поскольку сделано из довольно тонкой алевролитовой гальки, поверхность которой видна на обеих сторонах рубила и на участках края. Последнее обстоятельство, а также оформление пятки в виде площадки нуклеуса, с которой снята серия продольных сколов, наводит на мысль о возможной незаконченности операций по приострению основания и лезвий данного рубила, что сближает его с первым бифасом.

В Азербиевском местонахождении найдены четыре небольших ($10,3$ – $13,0$ см) рубила из песчаника (Щелинский, 2007. Рис. 63–64; 75–76). Три из них частичные и плоские благодаря малой толщине исходных галек. Эти рубила с большими участками галечной корки сходны своей подпрямоугольной формой. Два целых бифаса имеют закругленное поперечное лезвие, в двух случаях обрубками оформлены пятки (рис. 1, 3). Единственное почти полностью двусторонне обработанное рубило имеет субовальную форму с зауженным дистальным концом (рубило с «плечиками» – Щелинский, 2007. Рис. 76). Однако крупные сколы в дистальной части, искривляющие линии лезвия, могут также указывать на переоформление орудия после повреждения.

Рубила, найденные в Абхазии, отличаются разнообразием форм, что во многом отражает, видимо, варибельность заготовок (желваки, обломки кремня, гальки), но может быть связано также с их хронологической и культурной неоднородностью. Выделяются группы подпрямоугольных и подсердцевидных форм. Преобладают массивные рубила с пятками, но небольшие размеры и тщательная отделка лезвий указывают на принадлежность большинства рубил к позднему ашелю. Отмечены случаи продольного и поперечного уплощения бифасов по принципу плоских нуклеусов, что связывает подобные формы с леваллуазским контекстом. В то же время два рубила (Трапедия и Яштухское из вулканика) относятся, несомненно, к более

древнему пласту (средний или даже ранний ашель). Рубила северной части Причерноморья отличаются большей типологической и технологической однородностью внутри отдельных памятников (Кадошское, Адербиевское), что может отражать как фактор сырья, так и традиции. Явные аналогии между кремневыми рубилами абхазской части Причерноморья и рубилами из окремненного сланцевого, песчаникового и алевролитового сырья, найденными к северу от границ Абхазии не наблюдаются, исключая отмеченное сходство двух бифасов из Келасури и Широкого Мыса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амичба Г. А., Габелия А. Н. Новая находка раннего палеолита в Абхазии // Тр. АГУ. Сухум. 2001.
- Бердзенишвили Н. З. Нижнепалеолитические памятники предгорной зоны Абхазии // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. VIII. Тбилиси. 1979 (на груз. яз., рез. на рус. яз.).
- Векилова Е. А., Грищенко М. Н. Результаты исследования Ахштырской пещеры в 1961–1965 гг. // Палеолит и неолит СССР. 1972. Т. 7 (МИА. № 185).
- Григолия Г. Памятники нижнего палеолита ущелья Ингури // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси. 1979.
- Замятнин С. Н. Палеолитические местонахождения Восточного побережья Черного моря // Очерки по палеолиту. М.; Л. 1961.
- Коробков И. И. Новая находка ручного рубила на Яштухе // Памятники первобытного общества. М. 1964 (КСИА. Вып. 101).
- Коробков И. И. Яштухская палеолитическая стоянка (вопросы геологии и условий залегания палеолитических индустрий). Тезисы доклада по плановой теме 20 апреля 1992 г. // АВ. 1995. № 4.
- Любин В. П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб. 1998.
- Любин В. П., Беляева Е. В. Стоянка Homo Erectus в пещере Кударо I. Центральный Кавказ. СПб. 2004.
- Любин В. П., Беляева Е. В. Ранняя преистория Кавказа. СПб. 2006.
- Любин В. П., Беляева Е. В. Сырьевая база каменных индустрий Кавказа в раннем и среднем палеолите // С. Н. Бибииков и первобытная археология. СПб. 2009.
- Любин В. П., Беляева Е. В. Новые данные о раннем палеолите Армении // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб. 2010.
- Соловьев Л. Н. Первобытное общество на территории Абхазии. Природа и человек нижнего и среднего палеолита Абхазии. Сухуми. 1971.
- Соловьев Л. Н. Памятники каменного века Абхазии. Тбилиси. 1987.
- Щелинский В. Е. Палеолит Черноморского побережья северо-западного Кавказа (памятники открытого типа). СПб. 2007.

КОЛЛЕКЦИЯ ОРУДИЙ ЭПОХИ КАМНЯ В ФОНДАХ КГИАМЗ ИМ. Е. Д. ФЕЛИЦЫНА

Л. С. Тонкушина (г. Краснодар)

Кавказ принадлежит к числу тех районов нашей страны, которые были освоены человеком и густо заселены уже в глубокой древности. В Закубанье, в бассейне левых притоков р. Кубань, расположены почти все известные в настоящее время на Кавказе древнепалеолитические местонахождения. Большая часть археологических материалов поступает в фонды музея-заповедника благодаря археологическим экспедициям и сборам подъемного материала. В частности, в фондах КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына хранится большая коллекция каменных орудий эпохи палеолита–бронзы.

Первые архаичные находки *нижнего палеолита* (ашель) – два массивных кремневых отщепца, поступившие в музей из ст. Саратовской (р. Псекупс) (Замятнин, 1961; Формозов,

1961; и др.); 11 предметов из кремня, среди которых нуклеусы, отщепы, пластины и бифас из ст. Абадзехской, где П. У. Аутлевым было открыто самое богатое в Прикубанье в древнепалеолитическое местонахождение (Аутлев, 1963. С. 21–27); рубило-бифас, скребло, нож и отщеп из Абинска, 431 каменное орудие с местонахождения Шаханского.

Значительное количество каменных орудий относится к *мустье* – это орудия (скребло, остроконечник и отщепы) из Монашеской пещеры (р. Губс) (Аутлев, 1973; и др.). Большая коллекция камня – рубильца, скребла, остроконечники и отщепы (свыше 1000 ед.) – происходит со стоянки Ильская-2, которая является древним охотничьим лагерем открытого типа (р. Иль, левый приток р. Кубани), и свыше 700 ед. – с Хадыженского местонахождения; обе коллекции были сданы в музей В. Е. Щелинским (экспедиция ИИМК РАН) (Щелинский, 1983).

К *верхнему палеолиту* относятся материалы (два отщепа, скребок и нуклеус) с Губского навеса 1 (р. Губс, левый приток р. Лабы), открытого П. У. Аутлевым в 1962 г. (Аутлев, 1964. С. 172 сл.; 1973; и др.). Завершающую ступень верхнего палеолита характеризуют каменные орудия (шесть пластин, нуклеус и скребок) из Губского навеса № 7 (Сатанай) (Аутлев, Амирханов, 1977а; 1977б; и др.). Вместе с тем, «Губский навес 7 открывает ряд микролитических памятников северо-западного Кавказа, относящихся уже к эпохе мезолита и неолита» (Формозов, 1965. С. 52).

Памятники *мезолита* на территории нашего края изучены весьма неравномерно. В музее данный период представлен только находками из Гамовского ущелья (навес № 2) – это карандашевидный нуклеус и орудия на микропластинках (раскопки В. Н. Каминского).

Переход от мезолита к неолиту представлен находками из аула Тауыхабль.

Энеолит в фондах музея характеризует богатая индустрия камня из материалов Мешоко (Столяр, 1961), свидетельствующая о первостепенном значении орудий и изделий из камня в культуре кубанского медного века. Наибольшее внимание привлекают многочисленные каменные топоры. Почти все топоры, хранящиеся в фондах музея, являются подъемным материалом и случайными находками с разрушенных памятников. Существенное значение для характеристики энеолита Прикубанья имеют кремневые орудия (скребки, вкладыши серпов, сверла, проколки, отщепы с ретушью, отбойники, нуклеусы) из пос. Ясенова Поляна (р. Фарс) (Нехаев, 1990).

Исследования в бассейне р. Лабы привели к открытию группы поселений *энеолита–эпохи бронзы* (исследования В. Н. Каминского). В июне–октябре 1987 г. Восточно-Закубанская археологическая экспедиция КГИАМЗ проводила археологические раскопки в зоне строительства Краснодарской АЭС. В результате работ экспедиции было раскопано 55 курганов из двух курганных групп Свободный мир I и II, давших 22 отщепа со следами вторичного использования, 13 скребков, четыре скобеля, два скребла, два вкладыша и один проколку. На пос. Центр-Лаба был собран кремневый инвентарь – три нуклеуса конической формы, 14 вкладышей и кремневые отщепы со следами вторичного использования. С пос. Рватое (Мостовского р-на) поступили кремневые вкладыши (129 экз.) и 14 остроконечников, 12 скобелей, четыре отщепа со следами вторичного использования и один нуклеус. С пос. Чернореченское I – 62 скобеля, восемь вкладышей, девять проколки и два нуклеуса. При осмотре пос. Яйцоко (ст. Ахметовская) был собран значительный подъемный материал (более 10 тыс. кремневых изделий): вкладыши, скребки, скобели, геометрические микролиты, пластины, нуклеусы и отщепы (Каминский, Каминская, 1995). Достаточно разнообразный материал доставлен с пос. Смотровая Площадка (ст. Ахметовская) – это вкладыши орудий (194 экз.), скребки (17 экз.), микролиты, ножевидные пластины, дисковидные орудия и отщепы со следами использования в качестве орудий. После обследования Ахметовского пос. (р. Яйцоко) экспедицией В. Н. Каминского в музей поступил большой подъемный материал: кремневые наконечники дротиков, тесла, скребки (41 экз.), скобели (297 экз.), вкладыши (50 экз.), отщепы со следами использования в качестве орудий. В целом исследования в бассейне р. Лабы привели к пополнению фондов ярким набором кремневого инвентаря эпохи бронзы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аутлев П. У. Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка. Майкоп. 1963.
- Аутлев П. У. Губская палеолитическая стоянка // СА. 1964. № 4.
- Аутлев П. У. Мустьерская стоянка в Губском навесе № 1 // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. 1973.
- Аутлев П. У., Амирханов Х. А. Новая стоянка в Губском навесе № 1 и ее место в верхнем палеолите Кавказа // Сб. трудов по археологии Адыгеи. Майкоп. 1977а.
- Аутлев П. У., Амирханов Х. А. Костяной инвентарь стоянки Сатанай (Губского навеса № 7) // Сб. трудов по археологии Адыгеи. Майкоп. 1977б.
- Замятнин С. Н. Палеолитические местонахождения Восточного побережья Черного моря // Очерки по палеолиту. М.; Л. 1961.
- Каминский В. Н., Каминская И. В. Об одной группе поселений эпохи бронзы в бассейне реки Большой Лабы // Историко-археологический альманах. Армавир. 1995. Вып. 1.
- Нехаев А. А. Энеолитические поселения Закубанья // Древние памятники Кубани Краснодар. 1990.
- Столяр А. Д. Мешоко – поселение майкопской культуры (предварительное сообщение о результатах раскопок 1958–59 гг.) // Сб. материалов по археологии Адыгеи. Майкоп. 1961. Т. II.
- Формозов А. А. Археологические исследования пещер в верховьях р. Белой // Сб. материалов по археологии Адыгеи. Майкоп. 1961. Т. II.
- Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М. 1965.
- Щелинский В. Е. Новые местонахождения мустьерского времени близ Сочи // Каменный век. М. 1983 (КСИА. Вып. 173).

**КЕРАМИКА НИЖНИХ СЛОЕВ
НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ РАКУШЕЧНЫЙ ЯР¹⁷**

Г. Н. Поплевко (г. Санкт-Петербург)

В 1995 г. была опубликована монография Т. Д. Белановской «Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья», в которой дана общая характеристика многослойного поселения Ракушечный Яр и всего материала по слоям в целом. Т. Д. Белановская вела очень тщательную фиксацию находок во всех слоях поселения. Всего было обнаружено 23 слоя (Белановская, 1995). Материал в книге представлен по слоям и категориям. В настоящей работе будет рассмотрена керамика из нижних слоев поселения Ракушечный Яр.

Керамику всего поселения в целом по составу глиняного теста Т. Д. Белановская разделила на четыре группы: 1) с мелкой и крупной примесью толченой раковины; 2) с выгоревшей растительной примесью; 3) с примесью песка; 4) без видимой примеси (Белановская, 1995. С. 96–105). Особо хочется отметить, что при описании керамики Т. Д. Белановская привлекла данные петрографического анализа, выполненного снс дальневосточного геологического института ДВНЦ Б. Л. Залищакон (интерпретация Т. П. Бутылиной). По их данным основной отощающей примесью во всех выделенных Т. Д. Белановской группах керамики Ракушечного Яра был кварц, остальные примеси имели меньшее значение (Белановская, 1995. С. 98). Целью отощения было уменьшение усадки керамики при сушке и обжиге. В качестве плавней (флюсов) использовались полевые шпаты, плагиоклазы и др. Все описываемые ими образцы близки по составу песка, размеры частиц достигают 2–3 мг и снижаются до мельчайших. Частицы равномерно распределены в тесте и составляют примерно 50%. В керамике с двусторонним или внешним лощением, использовавшимся для придания прочности и водонепроницаемости, они фиксируют наличие

¹⁷ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проекты № 10-06-00096-а; № 11-06-10020к.

мелкообломочной примеси (не превышающей 0,3 мм). Они также отметили, что для глинистой массы характерно содержание слюд. Для неолитической керамики эти же исследователи отметили значительное температурное воздействие, которое они наблюдали по раскристаллизованности основной глинистой массы, а также по весьма характерной чистоте минералов. Для толсто-стенной неолитической керамики они зафиксировали высокую температуру обжига – 800–900 градусов. Помимо этого они подчеркнули, что для 23 слоя характерно употребление красящего пигмента, которым служили охры. В основном же цвет керамики зависел от условий обжига (Белановская, 1995. С. 98). К сожалению, Т. Д. Белановская не привела подробное описание керамики, сделанное исследователями, а лишь их обобщающие выводы. Было бы весьма интересно посмотреть состав глиняного теста керамики по слоям, чтобы проследить мельчайшие изменения в технологии изготовления, составе глиняного теста и обжига керамики. Прямой связи между орнаментом и составом глиняного теста нет, но Т. Д. Белановская также отметила изменения в составе глиняного теста по слоям. Лепка велась ленточным способом, поверхность сосудов заглаживали раковиной или плоским костяным инструментом, также она отмечает, что некоторые сосуды были залощены. Поскольку остатков гончарных печей не было обнаружено, то она предположила, что обжиг керамики проводили на костре, но он был не достаточно сильным, т.к. наблюдается слоистость излома – стенка прокаливалась неравномерно (Белановская, 1995. С. 99).

При поддержке проекта РФФИ в 2010 г. было начато детальное комплексное исследование материалов керамики пос. Ракушечный Яр. Вначале с помощью трасологического метода был исследован весь массив керамики из нижних слоев 23–20. Использовалось увеличение до 10 раз, изучались внешняя и внутренняя поверхности керамики, ее обработка, состав глиняного теста в изломе черепка, примеси, обжиг, обработка поверхностей, техника нанесения орнамента. Проведены замеры толщины стенок фрагментов керамики, прослежены некоторые детали в технике лепки керамики и обработке ее поверхностей, отмечены визуально наблюдаемые примеси в тесте керамики. Сделано описание керамики и фотофиксация фрагментов по слоям. Статистический анализ керамики пос. Ракушечный Яр с 23–12 слою приведен в отдельной работе (Поплевко, 2011а. С. 100–106).

23 слой. Описано 18 фр. керамики, просмотрено 41 фр. полевой описи. Здесь были обнаружены фр. двух плоских донцев, пяти фр. венчиков без орнамента, один фр. венчика сосуда с орнаментом из ряда ямок, один фр. венчика со сверлением снаружи, три фр. стенок сосудов с прочерченным орнаментом на внешней поверхности и несколько фрагментов с расчесами зубчатым штампом на внутренней поверхности. При исследовании структуры глиняного теста с увеличением в 10 раз можно отметить его однородность по всей толщине фрагмента, отсутствие видимых примесей; видны частицы песка, но они очень мелкие и могут быть, отчасти, естественной примесью в глине. Толщина стенок фрагментов керамики устойчива и одинакова по всей длине. Она колеблется в пределах 0,7–0,8 см, есть фрагменты толщиной всего 0,5 см. Толщина донца сосудов, на переходе к тулову, составляет от 1,0 до 1,5 см. Внешняя стенка керамики хорошо заглажена, выровнена по всей поверхности, на отдельных фрагментах удалось проследить отпечатки от разглаживания пальцами рук по сырой глине. Внутренняя поверхность у части фрагментов 23 слоя разглажена и выровнена зубчатым штампом (2, 4 и 6 зубов), расчесы сделаны по влажной поверхности (табл. 1).

На фрагментах керамики, в ее изломе, прослеживается ленточная лепка сосудов. Ширина лент у фрагментов керамики составляет 2–2,5 см, реже до 4 см. Ленты при лепке растянуты на краях (один край по внутренней стенке, второй – по внешней). Толщина стыков лент такая же, как и стенок без стыков, за редким исключением она превышает толщину фрагмента на 0,1–0,15 см. Лепка велась кольцевым или полукольцевым способом. Венчик у всех фрагментов прямой, прямо срезан горизонтально, очень гладкая поверхность среза. Складывается впечатление, что его намеренно выравнивали пришлифовкой, возможно, под деревянную крышку.

Венчики с орнаментом	Венчики без орнамента	Плоские донца	Фрагменты стенок сосудов с орнаментом	Фрагменты стенок без орнамента с расчесами изнутри	Фрагменты стенок сосудов без орнамента
1 – ряд ямок	5 – у трех есть отпечатки пальцев от разглаживания поверхности	2	2 – прочерченный орнамент	8 (-?)	18
1 – ряд наклонных вдавлений	1 – с начатым сверлением отверстия		1 – прочерченный орнамент, с внутренней стороны – расчесы	расчесы 4–6 зубчатого штампа	1 – проглаживание зубчатым штампом по влажной (2 и 4 зуба) поверхности
1 – оттиски треугольного штампа					
1 – следы орнамента					
Всего: 4	6	2	3	8	19
ИТОГО:	42				

Табл. 1. Поселение Ракушечный Яр. Распределение фрагментов керамики, слой 23

Толщина венчика по срезу – 0,5 см, при толщине стенки в 0,7–0,8 см, часто толщина венчика и стенок совпадают. Один фрагмент венчика бежевого цвета с начатым сверлением по внешней поверхности имеет скругленный венчик, сломан по стыку лент, в тесте примесь тонкоразмолотого шамота, прокален по всей толщине сосуда. Цвет фрагментов с внешней поверхности бежевый, серо-бежевый, иногда темный и оранжево-коричневый, с внутренней поверхности – бежевой, оранжевой и серый с темными пятнами. Единичные фрагменты прокалены по всей толщине стенки, у остальных в разрезе черный цвет поверхности. Внешняя поверхность хорошо разглажена, выровнена, у некоторых фрагментов слабо отмучена при длительном разглаживании. Внутренняя поверхность разглаживалась пальцами рук, зубчатым штампом и пучком сухой травы.

Орнамент встречается редко, в основном расположен под венчиком (у четырех фр.) и выполнен наколами из рядов овальных ямок, треугольными (иногда ромбическими) **вдавлениями**, в виде наклонных вытянутых вдавлений (Белановская, 1995. Рис. XVIII, 2), образующих 3–4 горизонтальных ряда. Наносился костяным орнаментиром с острым скругленным концом (как у проколов), в результате чего получались овальные ямки. Если же конец костяного орнаментира был треугольного сечения, то вдавления получались треугольной формы. Округлый конец орнаментира оставлял вдавления скругленной формы, но если его тело имело грани пришлифовки, образовавшиеся при его изготовлении, то после облома верхушки получались ромбические отпечатки. Чаще всего такие орудия при типологическом описании коллекции относят к проколам. Мною была исследована большая коллекция типологически выделенных костяных проколов из энеолитического поселения Мешоко, среди которых после

трасологического исследования были выделены орнаменты, шпатели и ложила, а также комбинированные сочетания этих функций на их поверхности (Поплевко, 2006; 2007).

Орнамент из оттисков зубчатого штампа сделан по влажной поверхности сосуда под углом друг к другу в виде одного ряда «елочки» под венчиком (Белановская, 1995. Рис. XVIII, 1). Такой орнамент мог наноситься, как костяным зубчатым штампом, так и штампом из камня (сланца) или фрагмента ракушки с нанесенными зубчиками. Экспериментально были смоделированы отпечатки из всех указанных материалов. На одном фрагменте орнамент прослеживается слабо в виде следов невыразительных отпечатков под венчиком, т.к. наносился на уже подсушенную поверхность (возможно из отпечатков костей рыбы -?). Прочерченный орнамент в виде параллельных 3–4 линий на стенках фрагментов наносился на просохшую поверхность (Белановская, 1995. Рис. XVIII, 3–4) (табл. 1). На стенках фрагментов встречаются короткие расчески на внешней поверхности в виде параллельных линий, выполненные зубчатым штампом. На двух фр. есть отпечатки в виде прочерченной линии под углом в 90 градусов (Белановская, 1995. Рис. XVIII, 3) – это, возможно, метки мастера (-?), а не элементы орнамента. Следует обратить внимание на то, что техника нанесения орнамента была разнообразной и одновременно включала *накольчатую технику* (ямки, вдавления), *гребенчатую технику* – обработка внутренней поверхности расчесами и отпечатки зубчатого штампа (гребенки), и *прочерченную технику* нанесения узора – прочерчивание по внешней поверхности.

Параллельно с трасологическим исследованием поверхности и техники изготовления сосудов были отобраны образцы для проведения петрографического и геохимического анализа керамики по слоям. Материалы из всех слоев были переданы доценту РПГУ им. А. И. Герцена М. А. Кульковой для изучения (Поплевко, Кулькова, 2011. С. 107–119). Результаты ее исследования представлены по образцам.

Образец: 0310 (325-33/26) сл. 23

Керамика тонкостенная (6 мм), плотная. Глины (жирные) гидрослюдистого состава, кластической составляющей: слюда и карбонат (15%). Большое количество включений разложенных остатков раковин и органики. Отощитель: алеврит (20%), размер зерен 0,07–0,7 мм, шамот (15%), размер зерен 0,5 мм. Состав алеврита: кварц, зерна средней окатанности. Источники вещества: сапропелевые, обогащенные органикой отложения из поймы и алеврит из береговых частей на суходоле. Заглаживание внешней поверхности и обработка внутренней. Обжиг среднетемпературный, кратковременный (650–800 С), центральная часть черного цвета, внешние поверхности – коричневого цвета (0,3 мм), граница резкая.

Образец: 319 (325 32/18 (3572)) сл. 23

Керамика тонкостенная (8 мм), плотная. Верхняя поверхность покрыта отмученной глиной, внутренняя поверхность заглажена травой или расчесы. Глины (тощие) гидрослюдистого состава, обогащенные карбонатом, кластической составляющей (25%): слюда, кварц, амфибол, зерна песчаника. Большое количество включений разложенных остатков раковин и органики. Отощитель: алеврит (10%), размер зерен 0,07–0,7 мм. Состав алеврита: кварц, зерна средней окатанности. Источники вещества: сапропелевые, обогащенные органикой отложения из поймы и алеврит из береговых частей на суходоле. Пористость (10%), тонкие, узкие, длинные поры от выгоревшей органики (болотного происхождения) и остатков мелких раковин, длина пор до 3 мм. Обжиг среднетемпературный, кратковременный (650–800 С), центральная часть черного цвета, внешние поверхности – коричневого цвета (0,3 мм), граница резкая.

Образец: 0338 (325 30/39) сл. 23

Керамика толстостенная (8 мм), плотная. Верхняя поверхность покрыта отмученной глиной другого, чем черепок состава (тощие гидрослюдистые глины), внутренняя поверхность заглажена материалом. Глины (жирные) гидрослюдистого состава, кластической составляющей (10%): слюда, кварц. Включения разложенных остатков раковин и органики. Отощитель:

алеврит (10%), размер зерен 0,07–0,7 мм. Состав алеврита: кварц, полевой шпат, зерна средней окатанности. Источники вещества: сапропелевые, обогащенные органикой отложения из поймы и алеврит из береговых частей на суходоле. Пористость (10%), тонкие, узкие, длинные поры от выгоревшей органики (болотного происхождения) и остатков мелких раковин, длина пор до 3 мм. Обжиг среднетемпературный, кратковременный (650–800 С), центральная часть черного цвета, внешние поверхности – бежевого цвета (0,3 мм), граница резкая, черепок науглерожен в результате не полностью выгоревшей органики.

Слой 22. Между слоями 23 и 22 было найдено три фр. стенок сосудов без орнамента. В 22 слое обнаружено пять фр., из них два фр. орнаментированных венчиков – с оттисками штампа и насечками на одном фр. (Белановская, 1995. Рис. XVIII, 5) и линейным орнаментом на втором; еще один венчик и два фр. стенок сосудов без орнамента (табл. 2). Тесто, цвет и обжиг аналогичны слою 23. Впервые появляется линейный орнамент. Венчики прямосрезанные, гладкие.

Венчики с орнаментом	Венчики без орнамента	Фрагменты плоского донца	Фрагменты стенок сосудов с орнаментом	Фрагменты стенок без орнамента с расчесами изнутри	Фрагменты стенок сосудов без орнамента
между 23-22 слоями					
-	-	-	-	-	3
22 слой					
1 – оттиски штампа и насечки	1	-	-	-	2
1 – линейный орнамент					
ИТОГО: 2	1	-	-	-	2

Табл. 2. Поселение Ракушечный Яр. Распределение фрагментов керамики, слой 22

21 слой. Всего описано 22 фр., просмотрено 55 фр. по полевой описи. В этом слое было обнаружено семь фр. орнаментированных венчиков и восемь венчиков без орнамента, у двух фр. венчиков есть по одному просверленному отверстию. Высота некоторых фрагментов венчиков достигает от 5 до 7,5 см. Еще найдено девять фр. плоских донцев (табл. 3). После реставрации было склеено два целых донца, диаметр их остается в пределах 9–10 см. У двух фр. стенок сосудов имеется орнамент: ямки от отпечатков раковины *Viviparus*, ее концевой части с небольшим выступом и еще один фр. с оттисками треугольного штампа. Всего стенок сосудов без орнамента 28 фр. и один фр. придонной части сосуда. Расчесы с внутренней стороны есть у пяти фр. стенок сосудов и четырех фр. венчиков. Стенки имеют слабый профиль, учитывая высокие фрагменты венчиков, придонную часть и реставрированные донца с придонными частями стенок можно утверждать, что для поселения в нижних слоях характерны баночные сосуды небольших размеров, хотя Т. Д. Белановская писала, что были найдены донца диаметром 11–46 см. Возможно, здесь небольшая опечатка, т.к. диаметр донцев был в пределах 11 см, а диаметр венчиков доходил до 46 см. Орнаменты керамики прежние (Белановская, 1995. Рис. XVIII, 6–9). Это ямки в виде наколов и отпечатков раковин *Viviparus*, тычковый орнамент – отпечатки штампа в три ряда под венчиком, несколько смазаны при разглаживании поверх-

ности сосуда. Оттиски отступающего и треугольного штампа, а также ногтевидные отпечатки раковины *Viviparus*. Линейный орнамент в виде двух горизонтальных линий.

Венчики с орнаментом	Венчики без орнамента	Фрагменты плоского донца	Фрагменты стенок сосудов с орнаментом	Фрагменты стенок без орнамента с расчесами изнутри	Фрагменты стенок сосудов без орнамента
21 слой				в том числе:	
1 – ряд ямок по краю	7 + 1 с отверстием	9	1 – оттиски треугольного штампа	(4 венчика)	28 + 1 придонная часть
1 – с ямочным орнаментом			1 – с ямочным орнаментом	(5)	
1 – тычковый орнамент					
1 – оттиски отступающего штампа					
1 – оттиски ногтевидного штампа					
1 – оттиски треугольного штампа					
1 – с 2-мя горизонтальными линиями + отверстие					
Всего: 7	8	9	2	(9)	29
ИТОГО:	55 (в т.ч. 9 фр. с расчесами внутренней поверхности)				

Табл. 3. Поселение Ракушечный Яр. Распределение фрагментов керамики, слой 21

Образец: 0337 (325 30/44) сл. 21

Керамика толстостенная (10 мм), плотная. Глины (жирные) гидрослюдистого состава, кластической составляющей (10%): слюда, кварц, амфибол, полевой шпат. Большое количество включений выгоревшей водной органики (ил, зоо- и фитопланктон: рачки, коловертки и т.д.), карбонатных включений очень мало. Отощитель: включения шамота (5%), высушенная растертая глина, размер 0,5 мм, возможно, в небольшом количестве был добавлен алеврит (5%), на поверхности обмазка более тощими глинами. Источники вещества: сапропелевые (илистый алеврит), обогащенные органикой отложения, алеврит. Пористость (15%), тонкие, узкие, длинные и округлые поры от выгоревшей органики (озерно-болотного происхождения), длина пор до 3–5 мм. Обжиг среднетемпературный, кратковременный (650–800 С), центральная часть черного цвета, внешние поверхности – бежевого цвета (0,3 мм), граница резкая.

Образец: 0337 (325 30/44) сл. 21

Керамика толстостенная (10 мм), плотная. Глины (жирные) гидрослюдистого состава, кла-

стической составляющей (10%): слюда, кварц, амфибол, полевой шпат. Большое количество включений выгоревшей водной органики (ил, зоо- и фитопланктон: рачки, коловертки и т.д.), карбонатных включений очень мало. Отощитель: включения шамота (5%), высушенная растертая глина, размер 0,5 мм, возможно, в небольшом количестве был добавлен алевроит (5%), на поверхности обмазка более тощими глинами. Источники вещества: сапропелевые (илистый алевроит), обогащенные органикой отложения, алевроит. Пористость (15%), тонкие, узкие, длинные и округлые поры от выгоревшей органики (озерно-болотного происхождения), длина пор до 3–5 мм. Обжиг среднетемпературный, кратковременный (650–800 С), центральная часть черного цвета, внешние поверхности – бежевого цвета (0,3 мм), граница резкая.

Образец: 0326 (325 30/32) сл. 21

Керамика толстостенная (10 мм), плотная. Внешняя и внутренняя поверхности покрыты отмученной глиной и заглажены. Глины (тощие) гидрослюдистого состава, с ожелезненными включениями, кластической составляющей (20%): слюда, кварц, амфибол. Большое количество включений выгоревшей водной органики (ил, в основном, фитопланктон). Отощитель: алевроит (20%), размер зерен 0,07–0,7 мм. Состав алевроита: кварц, полевой шпат, зерна плохо октаны. Источники вещества: сапропелевые (илистый алевроит), обогащенные органикой отложения, алевроит. Пористость (15%), округлые поры от выгоревшей органики (болотного происхождения), длина пор до 3 мм. Обжиг среднетемпературный, кратковременный (650–800 С), зерна полевого шпата растресканы, центральная часть черного цвета, внешние поверхности – бежевого цвета (0,3 мм), граница резкая.

20 слой. Описано мною 146 фр., просмотрено 201 фр. полевой описи. В этом слое было найдено 20 венчиков с орнаментом, 43 фр. венчиков без орнамента, девять стенок с орнаментом и 112 фр. стенок без орнаментов, в т.ч. 55 фр., наблюдаются расчесы зубчатого штампа или гребенки с внутренней стороны, а также восемь венчиков и четыре стенки имеют сквозное отверстие. В 20 слое впервые встречается один фр. острого донца с придонной частью маленького сосуда. Его внутренняя поверхность покрыта обильным слоем охры, возможно, это был сосуд для хранения или разведения краски при приготовлении ангоба, которым покрыта небольшая часть сосудов. Ангоб из охры хорошо сохранился у двух фр. Возможно, это было частью орнаментальной композиции, и краска из охры наносилась только на часть поверхности сосуда. Для остальной части сосудов в качестве ангоба пользовались сильно отмученной жидкой глиной, которой дополнительно покрывали поверхность сосудов перед их лощением с целью уплотнения внешней поверхности от трещин и улучшения влагонепроницаемости сосудов. Также впервые здесь появляется один фр. венчика с насечками по краю его среза. Еще один фр. с отпечатками треугольного штампа по краю среза является обломком стенки, а не венчика (как указано в полевой описи и в табл. 4), у него отпечатки штампа идут по краю сломана. Впервые обнаружен такой элемент орнамента как зигзаг, образованный наклонными насечками и рядом ямок под ним (табл. 4).

Орнамент включает такие элементы как насечки, ямки, отпечатки штампа, гребенки, отступающей лопаточки и четыре фр. имеют прочерченные линии (табл. 4) (Белановская, 1995. Рис. XVIII, 10–13). Как и в предыдущих слоях, в 20 слое также встречаются все техники нанесения орнамента одновременно. Следует отметить более богатое разнообразие орнамента, состоящего из нескольких рядов (2–8) отпечатков штампа, ямок или насечек, образующих геометрические композиции, перекрещивающиеся линии, зигзаг. Орнамент заходит на стенку сосудов, а не только под венчиком в 1–2 ряда, как в более нижних слоях. Появляется примесь шамота (10 фр.), лощение в обработке внешней поверхности (13 фр.). Внутренняя поверхность, наряду с расчесами гребенкой, часто обрабатывается влажными руками или пучком травы. Прочерченный орнамент встречается как по сырой, так и по сухой глине, в основном, это параллельные или перекрещивающиеся линии. Есть орнамент из прочерченных линий зубча-

Венчики с орнаментом	Венчики без орнамента	Фрагменты плоского донца	Фрагменты стенок сосудов с орнаментом	Фрагменты стенок без орнамента с расчесами изнутри	Фрагменты стенок сосудов без орнамента
20 слой				в том числе:	
1 – насечки по краю среза + <i>отверстие</i>	39 4 + <i>отверстие</i>	16	1 – 3 ряда насечек наклонных <i>отверстие</i>	(36)	105 2 – придонная часть 3 – с <i>отверстием</i>
1 – насечки подтреугольные		1 острое донце	1 – со следами орнамента	(19 венчиков)	1 – профиль сосуда без донца
1 – 3 ряда наклонных насечек + <i>отверстие</i>			1 – 2 ряда мелких ямок		1 – остродонного сосуда (склеены с донцем)
1 – ряд зигзага из наклонных насечек и под ним ряд ямок			1 – с 8-ью рядами ямок		
1 – 2 ряда крупной наклонной гребенки			1 – 2 ряда штампа		
треугольники, из 3 рядов мелкого треугольного штампа и по срезу венчика ряд штампа треугольного			1 – с 2-мя рядами крупного треугольного штампа		
3 ряда редкого и частого треугольного штампа			1 – 3 ряда гребенки, образующей зигзаг		
2 вертикально прочерченные полосы мелкозубчатого штампа			1 – с намеками из 3-х прочерченных линий, образующих елочку		
1 – со следами штампа			1 – с прочерченными перекрещивающимися линиями		
1 – 4 ряда наклонной двучастной гребенки					

1 – 6 рядов гребенки буквой «Х»					
2 – со следами орнамента					
1 – 4 ряда крупных ямок + <i>отверстие</i>					
беспорядочные наколы					
1 – 3 ряда отступающей лопаточки					
1 – 4 ряда отступающей лопаточки					
1 – 8 рядов отступающей лопаточки					
1 – линии прочерченные					
перекрещивающиеся пояски из 3 прочерченных линий + <i>отверстие</i>					
ИТОГО: 20	43	16+1	9	(55)	112
ИТОГО:	201 (в т.ч. 55 фр. с расчесами с внутренней стороны)				

Табл. 4. Поселение Ракушечный Яр. Распределение фрагментов керамики, слой 20

тым штампом, образующим вертикальную «елочку», т.е. они расположены под острым углом друг к другу, образуя треугольник вершиной вниз. Диаметр дна 7–10 см. Фрагменты венчиков от 3 до 10,5 см в высоту. Все они прямо срезанные. Появляются слабо оттянутые наружу венчики (20 фр.), один венчик с наклоном вовнутрь, один венчик со скругленным верхом, один венчик с изгибом на шейке и один косо срезанный, плоский, оттянутый наружу венчик с наплывом наружу, на наплыве или воротничке есть слабые пальцевые вдавления. Примерно у пяти фр. есть примесь травы или растительной органики из илистой глины, около 10 фр. имеют примесь рыбьей чешуи, примерно у трех фр. есть явная примесь мелкотолченой ракушки или извести. В изломе керамика 2-х или 3-х цветная, с черной внутренней частью, пять фр. имеют однотонный оранжевый обжиг – у всех их имеется примесь шамота или мелкотолченой сухой глины, 10 фр. имеют черный цвет в изломе. У нескольких фр. стенок и одного донца наблюдается расслоенность теста, 10 эфр. имеют трещенноватость. Впервые встречается фрагмент небольшого кубка с загнутым внутрь венчиком и тонкими лощеными стенками. В тесте у него и еще одного фр. имеется примесь золы. Лепка велась чаще всего для придонной части тонкими жгутами (1–1,5 см). Стенки лепили узкими (1,5–2,0 см) и широкими (2,5–3,0 см, иногда больше) лентами. Толщина остается прежней 0,7–0,8 см, реже 0,5 см.

Образец: 0346 (325 25/69 (3481)) сл. 20

Керамика тонкостенная (7 мм), плотная. Внешняя и внутренняя поверхности покрыты отмученной глиной. Глины (тощие) гидрослюдистого состава, с ожелезненными включениями,

кластической составляющей (30%): слюда, кварц, амфибол. Большое количество включений выгоревшей водной органики (ил, зоо- и фитопланктон). Отощитель: алеврит (10%), размер зерен 0,07–0,7 мм. Состав алеврита: кварц, полевой шпат, зерна хорошо октаны. Источники вещества: сапропелевые (илистый алеврит), обогащенные органикой отложения из поймы, алеврит. Пористость (15%), тонкие, узкие, длинные поры от выгоревшей органики (озерно-болотного происхождения), длина пор до 3–5 мм. Обжиг среднетемпературный, кратковременный (650–800 С), центральная часть черного цвета, внешние поверхности – коричневого цвета (0,3 мм), граница резкая.

Образец: 0360 (325 29/101 (4141)) сл. 20

Керамика тонкостенная (7 мм), плотная. Глины (тощие) гидрослюдистого состава, кластической составляющей (30%): слюда, кварц, амфибол, оливин, полевой шпат. Большое количество включений выгоревшей водной органики (ил, зоо- и фитопланктон: рачки, коловертки и т.д.). Отощитель: алеврит (10%), размер зерен 0,07–0,5 мм. Состав алеврита: кварц, плагиоклаз. Зерна хорошо окатаны. Источники вещества: сапропелевые (илистый алеврит), обогащенные органикой отложения, алеврит. Пористость (15%), тонкие, узкие, длинные и округлые поры от выгоревшей органики (озерно-болотного происхождения), длина пор до 3–5 мм. Обжиг среднетемпературный, кратковременный (650–800 С), центральная часть черного цвета, внешние поверхности – коричневого цвета (0,3 мм), граница резкая.

Образец: 0344 (325 29/58 (3508)) сл. 20

Керамика тонкостенная (8 мм), плотная. Внешняя и внутренняя поверхности покрыты отмученной глиной. Глины (тощие) гидрослюдистого состава, с ожелезненными включениями, кластической составляющей (20%): слюда, кварц, амфибол. Большое количество включений выгоревшей водной органики (ил, в основном, фитопланктон). Отощитель: алеврит (20%), размер зерен 0,07–0,7 мм. Состав алеврита: кварц, полевой шпат, зерна хорошо октаны. Источники вещества: сапропелевые (илистый алеврит), обогащенные органикой отложения, алеврит. Пористость (15%), округлые поры от выгоревшей органики (болотного происхождения), длина пор до 3 мм. Обжиг среднетемпературный, кратковременный (650–800 С), центральная часть черного цвета, внешние поверхности – коричневого цвета (0,3 мм), граница резкая.

Таким образом, из проведенного микроморфологического исследования видно, что на поселении использовали гидрослюдистые глины тощие и жирные, с отошителем из речного алеврита. Обжиг костровый, до 800 градусов, стенки сосудов не прокалены по всей толще и 3-х (реже 2-х) цветные на сломе. Основным источником глин при изготовления керамики в нижних слоях пос. Ракушечный Яр является использование илистых глинистых отложений. В Экспериментальной экспедиции 2010 г. были смоделированы техника лепки, а также основные приемы орнаментации и формы сосудов из нижних слоев пос. Ракушечный Яр (Поплевко, 2010. С. 173–176; 2011б. С. 24–27; 2011в. С. 399–401; 2011г. С. 136–139; 2011д. С. 45–52).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белановская Т. Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. СПб. 1995.
- Поплевко Г. Н. К методике определения орудий из кости и рога (проколки и ложила) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 5.
- Поплевко Г. Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб. 2007 (Тр. ИИМК РАН. Т. XXIII).
- Поплевко Г. Н. Экспериментальное моделирование керамических форм эпохи неолита // Геология, геоэкология, эволюционная география: Сб. научн. трудов. СПб. 2010. Т. X.
- Поплевко Г. Н. Статистический анализ керамики нижних слоев неолитического поселения Ракушечный Яр и некоторые экспериментальные наблюдения по ее орнаментированию // Археологические источники и культурогенез. Таксоны высокого порядка в системе понятий археологии каменного века. СПб. 2011а.

- Поплевко Г. Н. Эксперименты по лепке и обжигу лепной керамики // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии: Мат-лы междунар. науч. конф. Самара. 2011б.
- Поплевко Г. Н. Методика экспериментальных исследований по моделированию лепной керамики // Тр. III (XIX) Всероссийского АС. СПб; М.; Вел. Новгород. 2011в. Т. II.
- Поплевко Г. Н. Эксперименты по лепке сосудов из разных глин на твердой основе // Экология древних и традиционных обществ: Сб. докладов конференции. Тюмень. 2011г. Вып. 4.
- Поплевко Г. Н. Эксперименты по формовке и обжигу лепных керамических сосудов // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю. Н. Воронова): Сб. мат-лов междунар. научн. конф., посвящ. 70-летию Ю. Н. Воронова. Сухум. 2011д.
- Поплевко Г. Н., Кулькова М. А. Комплексное исследование керамики из нижних слоев поселения Ракушечный Яр и экспериментальных образцов из источников глин вблизи него // Археологические источники и культурогенез. Таксоны высокого порядка в системе понятий археологии каменного века. СПб. 2011.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРЕДКАВКАЗЬЕ В ОТРАЖЕНИИ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ И ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ В ЭПОХУ УРУКСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ОБЗОР АСПЕКТОВ ТЕМЫ)¹⁸

С. Н. Корневский (г. Москва)

Кардинальные изменения в развитии населения в долинах бассейнов р. Терека и Кубани в Предкавказье происходят в IV тыс. до н.э. Эти процессы были связаны со становлением майкопско-новосвободнеской общности (МНО), возникшей на фоне миграций сюга (Gimbutas, 1956. P. 59). МНО была неоднородна по своим типологическим компонентам: галюгаевско-серегинский или майкопский, псекупский, долинский, новосвободненский варианты (Корневский, 2004). Происхождение каждого из ее составляющих требует специального анализа, изучения путей формирования и исторической судьбы.

Согласно схеме климатических изменений Блитта-Сернандера, сложение МНО приходится на начало второй половины Атлантического периода голоцена. Оно произошло после спада максимального уровня жары климатического оптимума середины Атлантика. Климат был жарким и влажным, но с тенденцией изменения к засушливости. Уровни подъема вод Черного и Каспийского морей были максимальными (Варущенко и др., 1987. С. 58. Рис. 42).

Анализ керамического комплекса поселений и погребальных памятников МНО позволяет прийти к выводу, что галюгаевско-серегинский вариант (или собственно раннемайкопский вариант, по А. А. Иессену) имеет, прежде всего, аналогии с керамическими традициями лейлатепинской культуры и восточно-анатолийского халколита. С ними связан первый импульс южных влияний, который нашел отражение в распространении в Предкавказье круглодонной керамики высокого качества со знаками на плечиках.

Комплексы керамических изделий псекупского варианта МНО (в Закубанье), имеющего много общего с галюгаевско-серегинским (майкопским) вариантом, демонстрируют уже во многом адаптированное южное воздействие. Признаками своеобразия псекупского варианта являются формы уплощенных сосудов с круглым дном, глиняные пирамидки или конусы с грибовидной шляпкой.

¹⁸ Работа подготовлена при поддержке РФНФ, грант 11-01-00-131а.

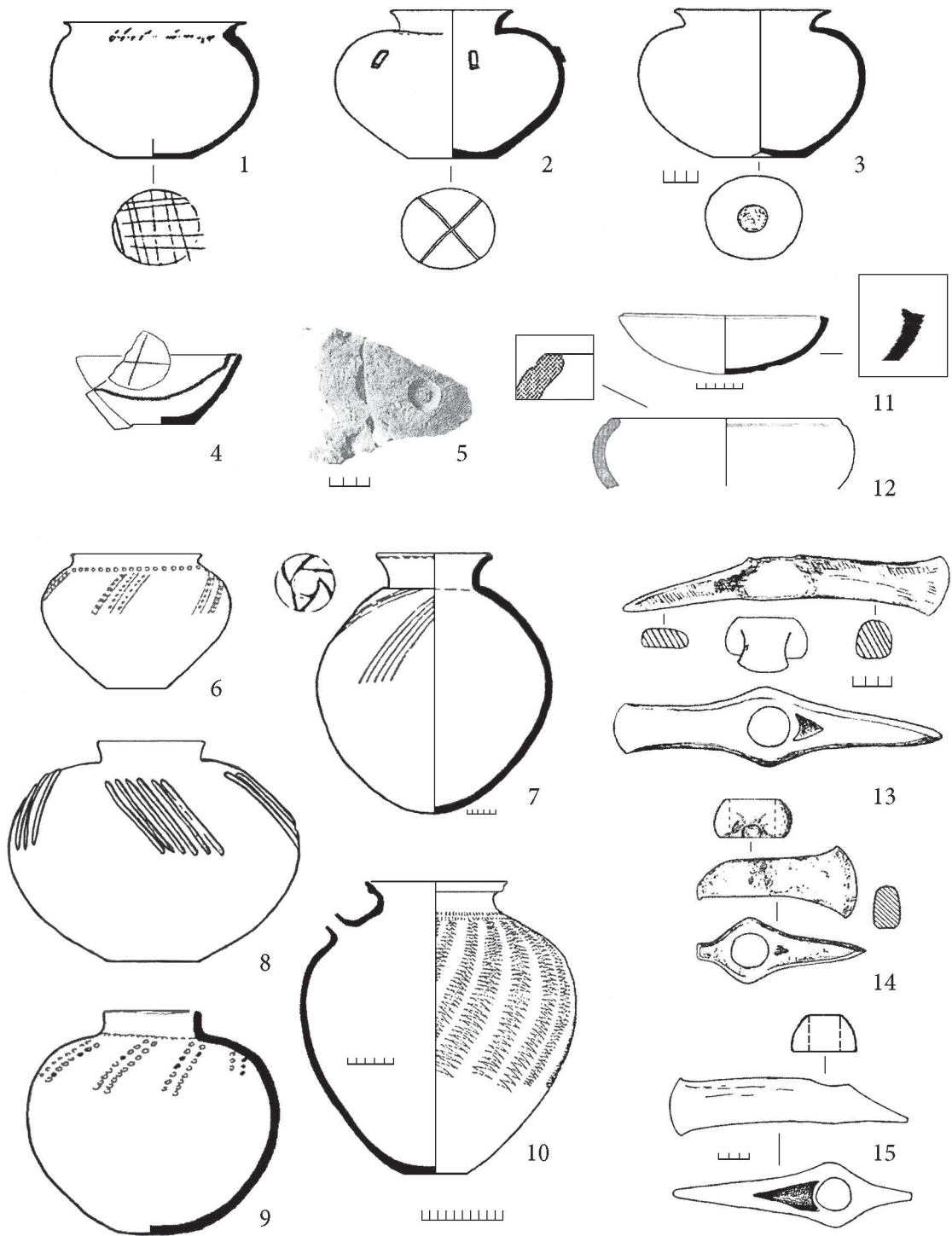

Рис. 1. Вещи майкопско-новосвободненской общности и их аналогии. 1–3 – керамика долинского варианта со знаками на доньях и отпечатком оси поворотного устройства (круга); 4–5 – керамика поселения Великент II со знаком на дне и отпечатком поворотного устройства (по Мунчаеву и др., 2010), 6–9 – керамика майкопско-новосвободненской общности с орнаментами в стиле наклонных композиций кругового вращения (6 – долинский вариант, 7–8 – псекупский вариант, 9 – новосвободненская группа); 10 – Тель Рубейде (по Мунчаеву и др., 2010), 11 – миска типа МФ-3, Клады, курган 11, погребение 48 (по Rezerkin, 2000); 12 – миска типа МФ-3, поселение Оулюм тепе (по Üzgen et al., 1999); 13 – топор-мотыга, станица Усть-Лабинская; 14 – топор типа Лечинкай (Лечинкай, курган 7, погребение 5); 15 – топор-клевец из Приереванского клада

Керамика с плоским дном высокого качества долинского варианта заметно отличается от глиняной посуды двух вышеназванных вариантов. Очень интересны ее аналогии с керамикой на пос. Великент II, которые нашли отражение в отпечатках оси круговых устройств на дне сосудов и прочерченных знаках (рис. 1, 1–5). Подобные признаки позволяют предполагать сходство в формировании керамического комплекса долинского варианта и отдельных типов керамических технологий у куро-аракских племен Дагестана, появившихся на Северном Кавказе в период распространения высококачественной керамики типа Великент II и Сержень-Юрт, примерно, во время слоя Арслантепе VIA (Мунчаев и др., 2010. С. 330, 337. Рис. 6–7).

Керамика новосвободненской группы включает некоторые формы долинского варианта МНО и ближневосточных типов посуды, но, вместе с тем, отличается собственным своеобразием, а также орнаментацией елочками и линиями штриховок. Некоторые рисунки контуров неорнаментированных высокогорлых или небольших тюльпановидных сосудов (кубков) новосвободненской группы напоминают посуду культуры воронковидных кубков Центральной Европы, как отмечает А. Д. Резепкин (1991. С. 190. Рис. 13; Rezerpin, 2000. S. 26–33), но такое сходство имеет более формальный характер. Подлинных сосудов культуры воронковидных кубков с ее характерной и часто встречаемой орнаментацией не зафиксировано на Западном Кавказе (см. Kossian, 2005. S. 547–785).

В целом можно еще раз подчеркнуть (Корневский, 2004), что историко-культурные процессы сложения и развития МНО в Кубанском бассейне несколько отличались от Центрального Предкавказья.

Сейчас трудно ответить на вопрос, сколько было южных импульсов в Предкавказье и как они были организованы. Пока можно лишь констатировать аналогии предметам МНО, отдельным морфологическим признакам керамики и ее орнаментации, которые явно имели южные параллели. Очень показательны в этом отношении, напр., миски с внутренним бортиком – тип МФ-3, по С. Н. Корневскому (рис. 1, 11). Они локализованы только в Прикубанье, где известны их круговые и лепные формы. В ареале памятников восточно-анатолийского халколита они зафиксированы на пос. Оулюм хуюк (рис. 1, 12), Зейтинли Бехче, Арслантепе VII в Восточной Анатолии и Северной Сирии времени среднего Урука.

К орнаментации сосудов, отражающей дальнейшее воздействие ближневосточных центров родового ремесла, относятся пролощенный орнамент на горшках псекупского и долинского вариантов, а также орнамент в стиле наклонных линий как показатель вращения керамики на кругу. Такой стиль орнаментации хорошо представлен на пос. Арслантепе VIA и Телль Рубейде (рис. 1, 10), а также на керамике различных вариантов МНО (рис. 1, 6–9).

Каковы были маршруты коммуникаций, по которым проникали ближневосточные влияния в Предкавказье? Один из них мог проходить по долине р. Куры и далее через перевалы центральной части Большого Кавказа. Здесь прослеживаются следы миграции носителей лейлатепинской (по сути, северо-месопотамской и восточно-анатолийской) керамической традиции с круговой круглодонной знаковой керамикой (Бериклдееби). По Куринской низменности в Центральное Предкавказье также шла трасса лазуритового пути. Еще одним путем проникновения влияний с Ю на СЗ мог быть Дагестан (Мунчаев и др., 2010. С. 321), но следов ранних влияний в керамике здесь пока не выявлено.

Позволяет ли современная источниковедческая база говорить о северных и северо-западных влияниях на материальную культуру майкопско-новосвободненской общности? Остановимся на одном из аспектов этой темы, рассмотрев в качестве примера особый тип оружия: топоры-клевцы или топоры-полуклевцы с выступом на обухе (рис. 1, 15).

Топоры-клевцы Южного Кавказа имеют одну особенность: по строению грибовидной в разрезе втулки они близки к майкопским топорам типа Лечинкай (рис. 1, 14) и к топорам-мотыгам дунайских форм, отливаемым в нижнюю часть орудия – брюшко (рис. 1, 13).

Для убейдского или урукского периодов на Переднем Востоке такие изделия не известны. Здесь комплексные орудия топоры-мотыги изготавливались по иной технологической схеме путем отливки предмета с цилиндрической втулкой в глиняные формы с открытой для литья спинкой изделия или с прикрытием ее крышкой (Тепе-Габристан II9) (Majidzadeh, 1979). Поэтому кавказские топоры-клевцы или топоры типа Лечинкай можно рассматривать как местные формы оружия, изготавливаемые из хорошо известного на Кавказе металла – мышьяково-никелевых и мышьяковых бронз (Геворкян, 1980. С. 104), но в традициях комплексных орудий дунайского энеолита. Нельзя не отметить, что бронзовый топор-мотыга Майкопского кургана отличается по своей форме от южно-кавказских комплексных орудий. Он тяготеет по способу заливки металла в спинку к иранским образцам мотыг или топоров-мотыг, хотя и не является точной аналогией последних. Таким образом, анализ комплексных втульчатых орудий Южного Кавказа и МНО позволяет говорить о сходстве их производственных традиций, свойственных различным металлургическим центрам, как более южным по отношению к МНО, так и более северным (придунайским), которые могли повлиять в местной переработке на типологию и технологию производства их собственных изделий.

Одним из важных показателей культурного развития эпохи урукской культуры на Кавказе является заметная военизация общества, отраженная в погребальных обрядах и типах изделий. В Предкавказье она приобрела характер сложения военно-элитарных структур, находящих отражение в «мифологии смерти» и погребальных обрядах, сопровождаемых огромными трудозатратами. Оружие доминирует в наиболее богатых по вещам захоронениях МНО. Важно отметить, что золото в майкопских погребениях, прежде всего, связано с находками предметов вооружения. Носители майкопско-новосвободненской общности обозначили новый виток военизации первобытных обществ. Вместе с другими племенами Южного Кавказа они стояли у истоков распространения на Кавказе металлического клинкового вооружения. Майкопские племена сформировали высокую культуру отношения к кинжалу, выработав форму не только боевого кинжала, но и малого подкинжального клинка. Бронзовый топор у них мог являться одним из символов власти и культа. Булава для таких целей не использовалась. Племена МНО, наследуя традиции энеолитических культур Подунавья, продолжили изготовление оружия «не для всех» и традицию украшения его рукоятей накладками из золота. Они изобрели настоящий меч, который по древности не уступает анатолийским находкам времени Арслантепе VIА.

Вместе с тем, для лидеров элиты МНО при похоронах был очень важен престиж трудовых занятий, лидерства в устройении пиров и в культовой сфере. Фаза социального развития племен майкопско-новосвободненской общности может быть определена как военизированное элитарное протОВОждество. Но дальнейший социальный порог не был преодолен, и общество не стало настоящим вождеством. МНО исчезла в начале III тыс. до н.э. с наступлением засушливого климата второй суббореальной фазы атлантического периода голоцена (Кореневский, 2004; 2008). Подлинные вождества на Кавказе возникают позже – во время существования блестящей культуры Триалети и Карашамба, в конце III тыс. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Варущенко С. И., Варущенко А. Н., Клиге Р. К.* Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М. 1987.
- Геворкян А. Ц.* Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван. 1980.
- Кореневский С. Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М. 2004.
- Кореневский С. Н.* Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока: сб. к 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р. М. Мунчаева. М. 2008.

- Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., Магомедов Р. Г.* Восточный Кавказ и проблема кавказо-месопотамских связей в IV тыс. до н.э. // Исследования первобытной археологии Евразии: Сб. статей к 60-летию члена-корреспондента РАН, профессора Х. А. Амирханова. Махачкала. 2010.
- Резепкин А. Д.* Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л. 1991
- Gimbutas M.* The Prehistory of Eastern Europe. Part I: Mesolithic, Neolithic and Copper Age cultures in Russia and the Baltic area. Cambridge (Mass.). 1956.
- Kossian R.* Nichtmegalithische Grabanlagen der Trichterbecherkultur in Deutschland und den Niederlanden. Halle (Saale). 2005 (Veröffentlichungen des Landesamtes für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen-Anhalt – Landesmuseum für Vorgeschichte. Bd. 58/2).
- Majidzadeh Youzef.* The Early Prehistoric Cultures of the central Iran Plateau. An Archaeological history its development during the fifth and fourth millennia BC: Dissertation submitted to the Faculty of the Division the humanitarians in candidacy for the degrees of Doctor of Philosophy. The University Chicago. 1979.
- Rezepkin A. D.* Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. Rahden/Westf. 2000 (Archäologie in Eurasien. Bd. 10).
- Üzgen E., Helwing B., Niewenhuysen O.* Oylum höyük 1997–1998. Die Spätchalkolithische Siedlung auf der Westterrasse // Anatolia Antiqua. 1999. VII.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ У СТ. НАТУХАЕВСКОЙ В 2007 Г.

А. В. Шишлов, А. В. Колпакова, Н. В. Федоренко (г. Новороссийск)

В 2007 г. при проведении археологической разведки в 18 км к СЗ от г. Новороссийска, было обнаружено ранее неизвестное поселение майкопской культуры Натухаевское-3 (Колпакова, 2008; Шишлов и др., 2010. С. 77–78; Shishlov, Kolpakova, 2010. P. 23–24). Поселение расположено на пологом участке северного склона, в бассейне р. Маскага, на левом берегу р. Котлома, на южной окраине ст. Натухаевской. На площади памятника зафиксированы культурные остатки двух эпох: ранней бронзы и античности. Территория памятника в прежние годы использовалась под виноградники и подвергалась глубокой вспашке, поэтому культурный слой поселения в разной степени поврежден пахотой, о чем свидетельствует обилие подъемного материала на поверхности. Площадь поселения майкопской культуры, согласно распространению подъемного материала, составляет около 9 га. В 2007 г. на поселении было заложено 15 шурфов, общей площадью 95 кв.м. В трех шурфах, расположенных в разных частях поселения, обнаружено и исследовано восемь хозяйственных ям, шесть из которых датируются периодом майкопской культуры. Хозяйственные ямы округлой и овальной в плане формы, размерами от 1,4×1,42 м до 2,34×1,96 м, глубиной от 0,29 до 1,24 м от уровня материка. Ямы №№ 1 и 7 со ступеньковидными площадками, глубиной – 0,3 и 0,38 м; их заполнение – коричневый или серо-коричневый суглинок с известковой крошкой.

Основной археологический материал представлен фрагментами керамических сосудов. Всего обнаружено 1938 фр. майкопской керамики, из них 508 фр. красноглиняных и сероглиняных сосудов без минеральных примесей технологического класса 1 (Кореневский, 2004. С. 22) и 1430 фр. лепных коричневоглиняных и сероглиняных сосудов второго класса с минеральными и органическими примесями в тесте (Там же).

Сосуды закрытого типа (93 фр. – здесь и далее количество сосудов дано по количеству найденных венчиков). Большинство сосудов (81 фр.) – лепные, второго класса и только 12 фр. – красноглиняные, первого класса. Тулово сосудов округлой, слегка уплощенной формы (рис. 2, 4) (два сосуда с туловом усечено биконической формы (рис. 1, 3–4)), горло

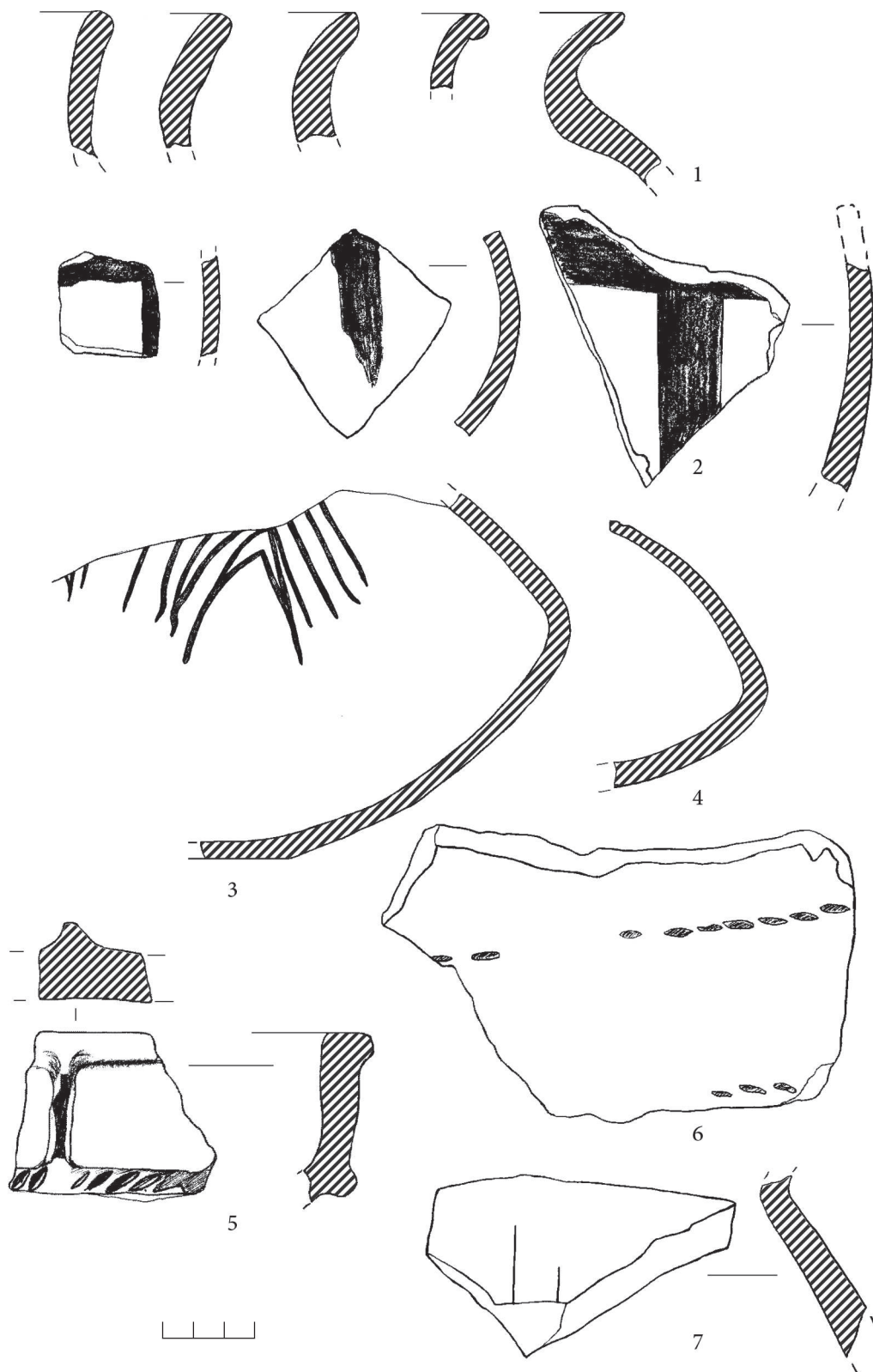

Рис. 1. Поселение майкопской культуры Натухаевское-3. Сосуды из качественной глины

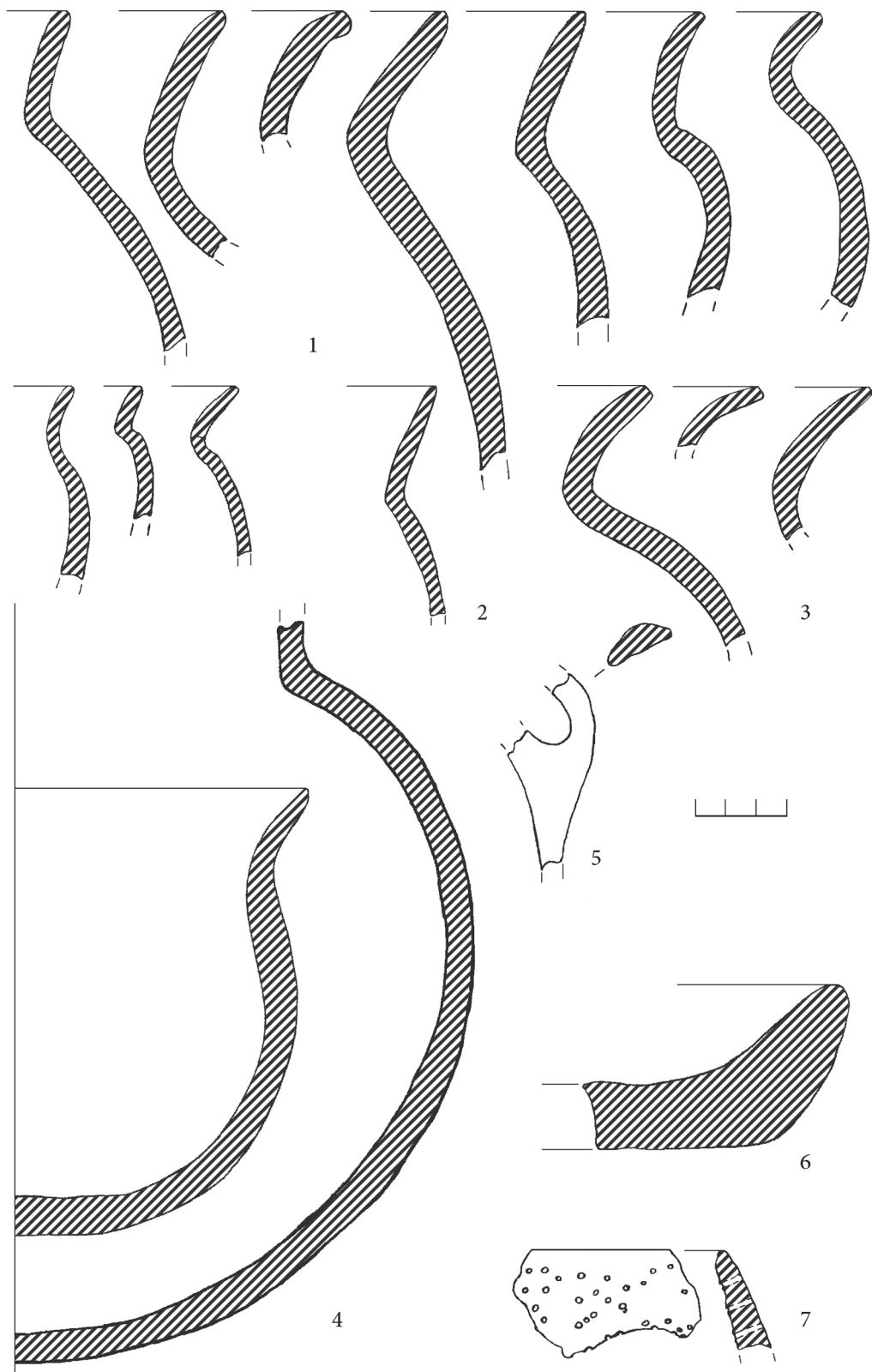

Рис. 2. Поселение майкопской культуры Натухаевское-3. Лепные сосуды

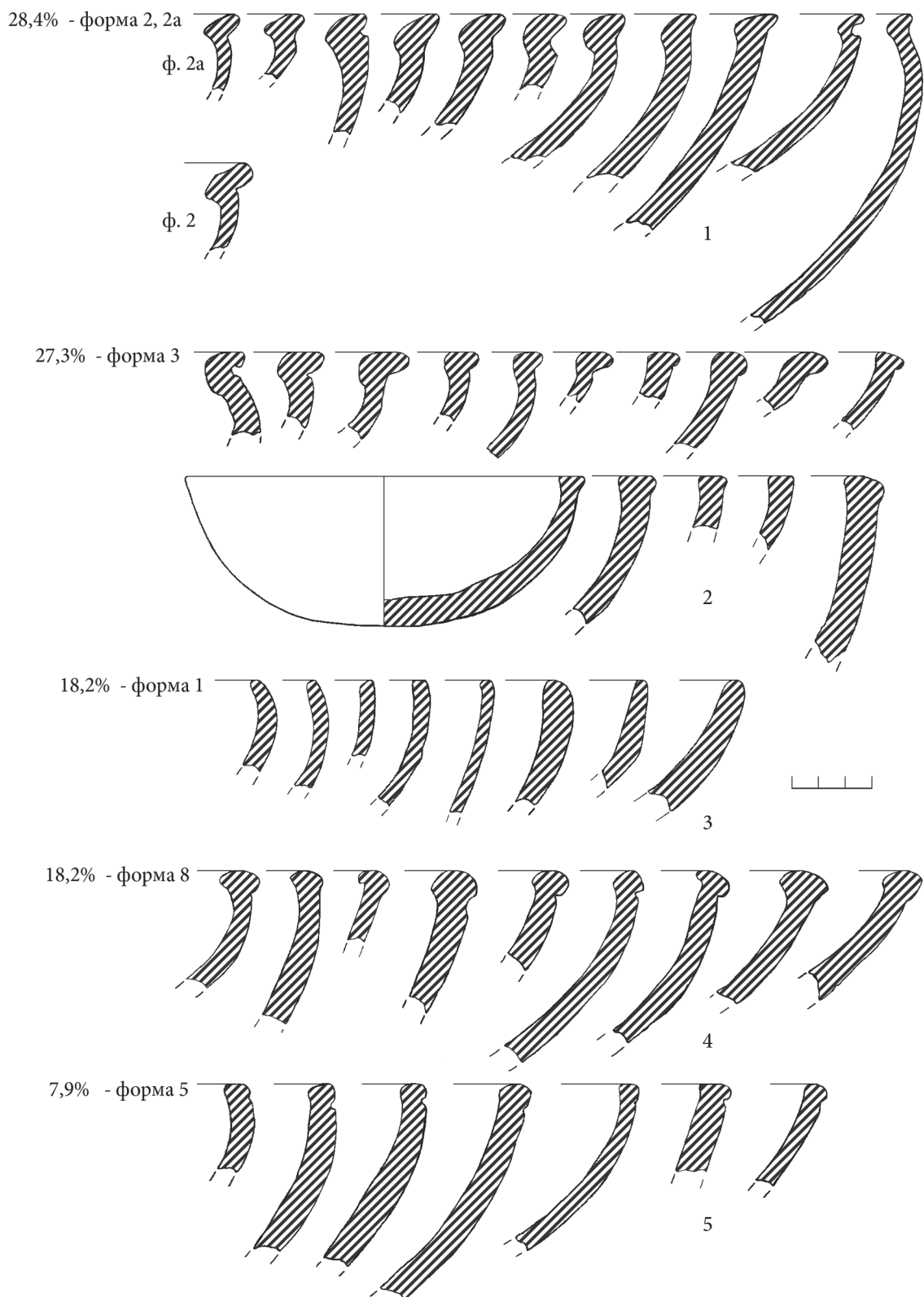

Рис. 3. Поселение майкопской культуры Натухаевское-3. Миски (формы венчиков – по классификации А. Д. Резепкина)

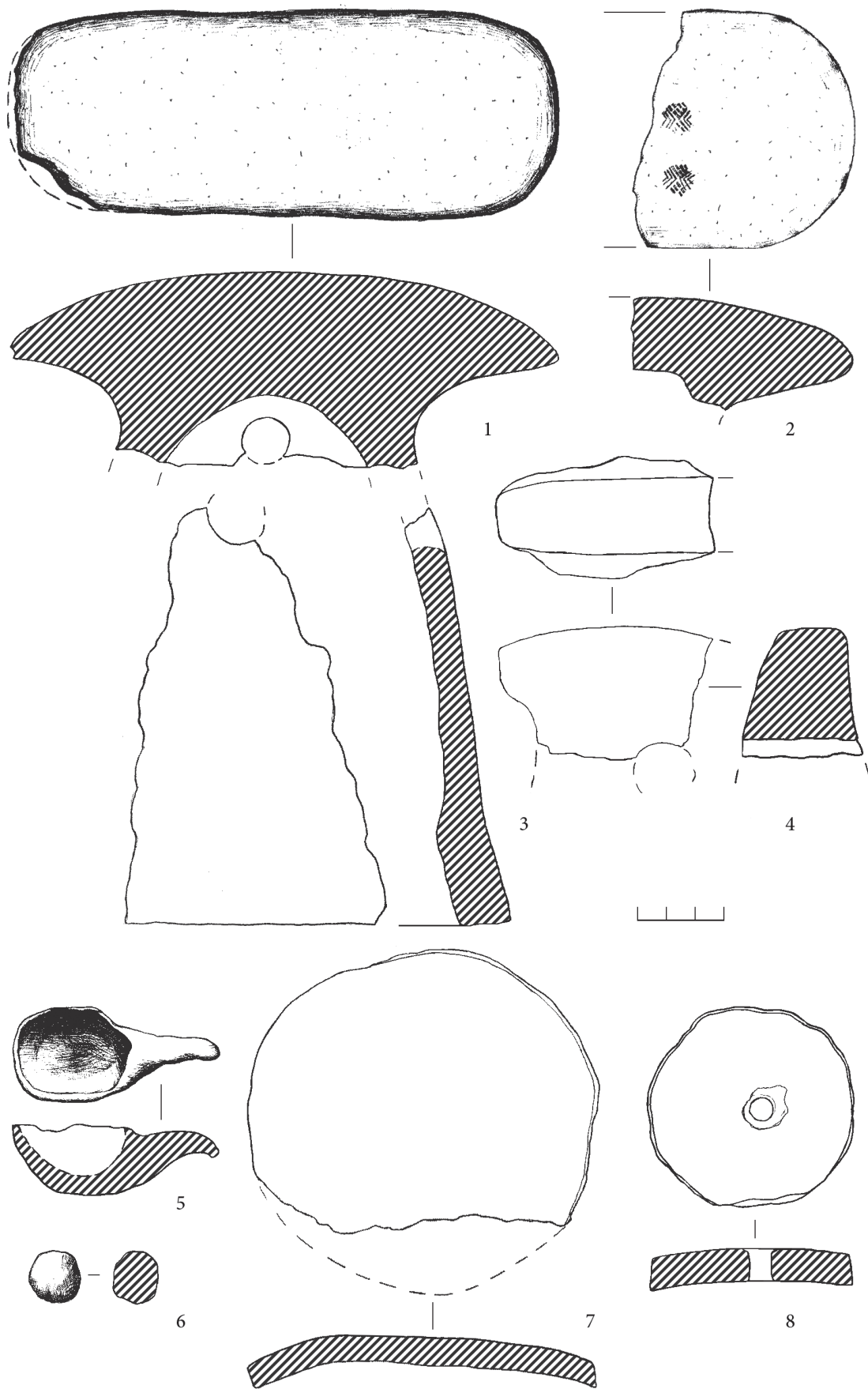

Рис. 4. Поселение майкопской культуры Натухаевское-3. Изделия из глины

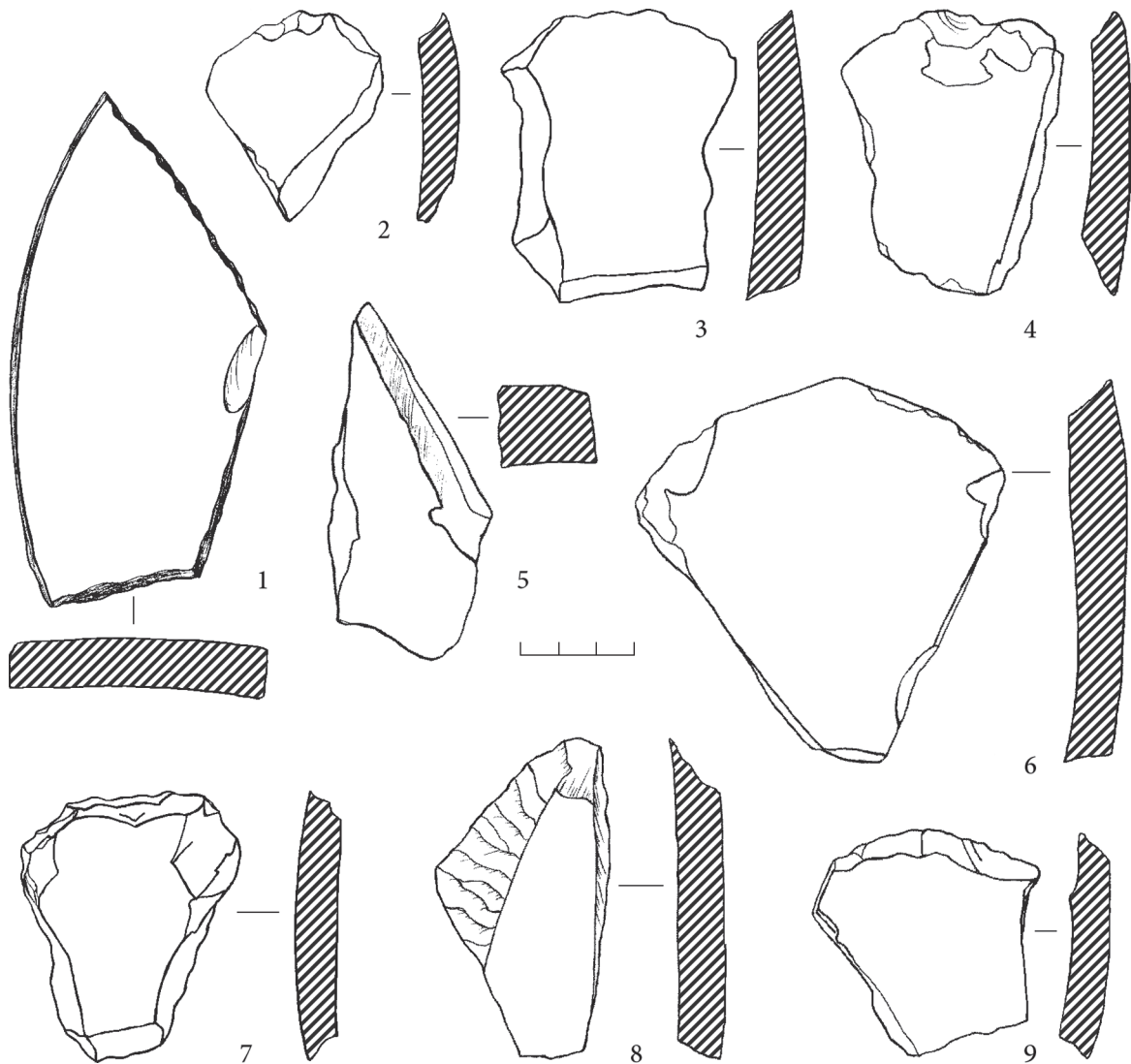

Рис. 5. Поселение майкопской культуры Натухаевское-3. Орудия из глины

широкое, венчик отогнут высоким раструбом под разным углом. Край венчиков в большинстве случаев закруглен (в двух случаях – валикообразный) (рис. 1, 1; 2, 1), уплощен (рис. 2, 2) или прямой (рис. 2, 3); диаметр венчиков от 16 до 30 см. Дно круглое или слегка уплощенное (рис. 1, 3; 2, 4). Найдена одна ручка лепного сосуда петлевидной формы, сегментовидная в сечении (рис. 3, 5).

Миски (88 фр.) представлены примерно в одинаковом соотношении: из керамики первого класса – 45 фр., второго класса – 43 фр. Все миски полусферической формы, круглодонные, покрыты лощением с двух сторон, часть мисок первого класса покрыта светлым ангобом. Диаметр венчиков от 15 до 30 см.

Согласно классификации форм венчиков мисок по А. Д. Резепкину (Резепкин, 2009. С. 319. Табл. 1), большинство найденных на поселении сосудов (28,4% – 25 фр.) составляет форма 2, 2а (венчик сложнопрофильный, расположен под углом к тулову миски, край заovalен, внутренняя часть вдаётся вовнутрь): 23 фр. – из глины первого класса, два фр. – второго класса, причем, преобладает форма 2а (всего один венчик формы 2) (рис. 3, 1). Немного меньше (27,3% – 24 фр.) составляет форма 3 (край венчика оттянут наружу, лежит горизонтально, иногда с наклоном вниз): 16 фр. – первого класса, восемь фр. – второго класса (в эту же форму мы включи-

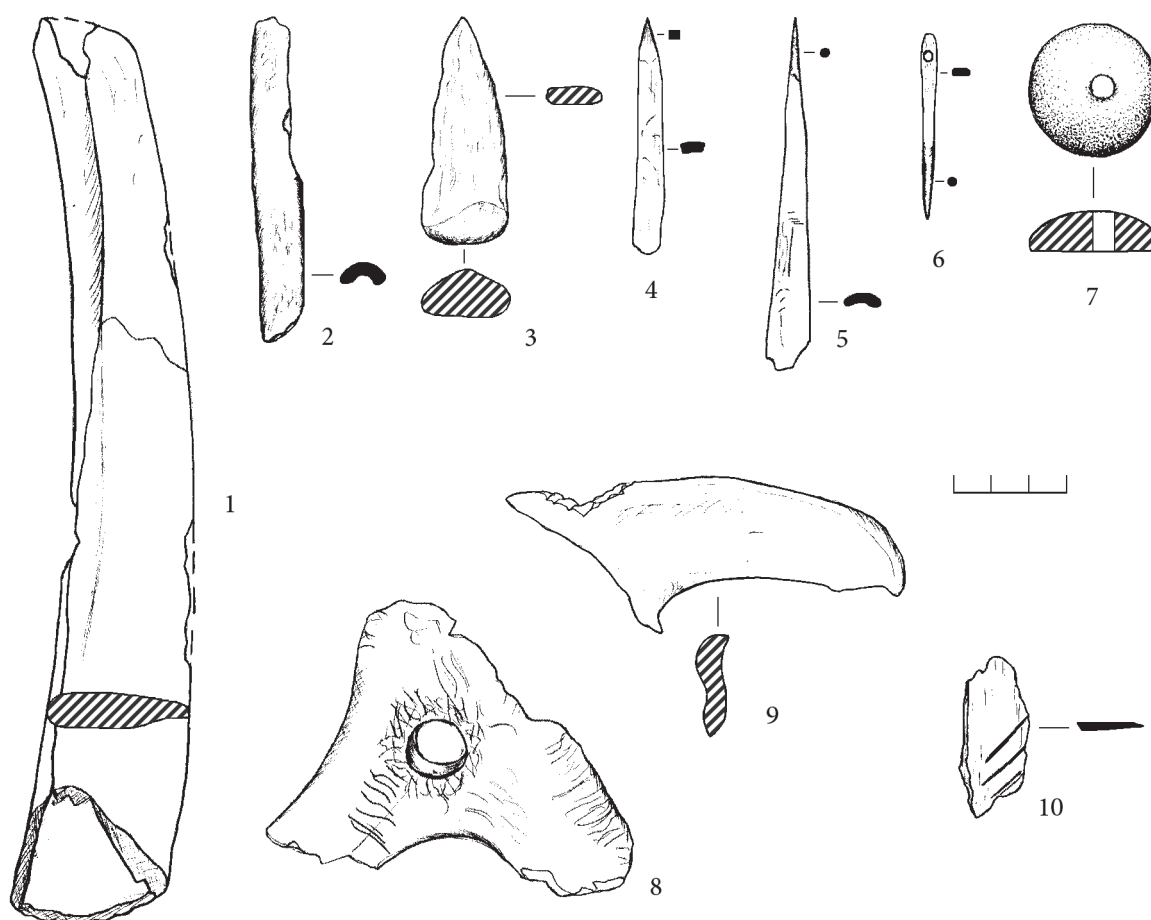

Рис. 6. Поселение майкопской культуры Натухаевское-3. Изделия из кости и рога

ли венчики с краем, оттянутым в обе стороны) (рис. 3, 2). Одинаковое количество (по 18,2% – по 16 фр.) составляют: форма 1 (венчик простой, край заовален или прямой: четыре фр. – первого класса, 12 фр. – второго класса (рис. 3, 3)) и форма 8 (венчик имеет округлое утолщение по краю: два фр. – первого класса, 14 фр. – второго класса (рис. 3, 4)); меньше всего (7,9% – 7 фр.) составляет форма 5 (венчик отделен от тулова внешним желобком), все лепные второго класса (рис. 3, 5). Преобладание венчиков формы 2, 2а над другими формами объединяет поселение Натухаевское-3 с закубанской группой поселений, но отличительной чертой Натухаевского поселения является большое количество венчиков формы 8, которая встречается на майкопских памятниках закубанской и среднекубанской групп (Резепкин, 2009. С. 318) в единичных экземплярах или отсутствует вообще.

Некоторые сосуды первого класса имели орнамент: на 64 фр. стенок (в основном мисок) сохранились остатки орнамента, нанесенного красной краской, чаще всего узор в виде полос (рис. 1, 2); у одного сосуда верхняя часть биконического тулова покрыта коричневой краской (рис. 1, 4); один сосуд – с «елочным» орнаментом, выполненным лощением (рис. 1, 3), один – с орнаментом в виде двух рядов миндалевидного штампа (веревочным оттиском) (рис. 1, 6); один – с процарапанным граффити в виде двух вертикальных параллельных друг другу линий (рис. 1, 7) и одна крупная миска (-?) с ребром покрыта бежевым ангобом, вдоль ребра налепной валик, украшенный миндалевидными насечками, в одном месте валикообразный венчик соединен с валиком на ребре вертикальным налепом, подтреугольным в сечении (рис. 1, 5).

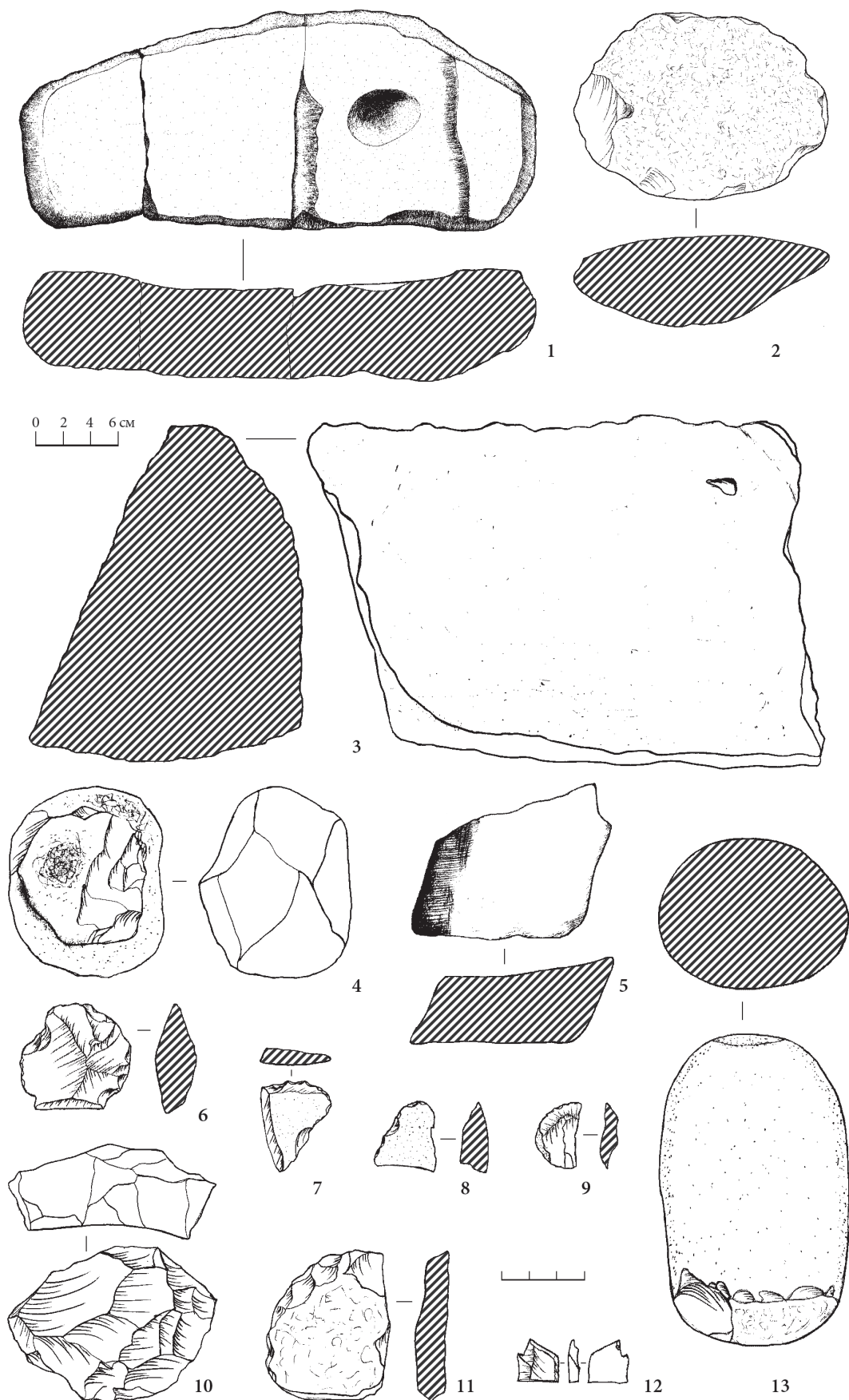

Рис. 7. Поселение майкопской культуры Натухаевское-3. Орудия из камня

Небольшим количеством представлены: **жаровни** (2 фр.) лепные с лошением, венчик уплощен, закруглен, бортик треугольный в сечении. Высота – 5,1 см, толщина дна – 2,2 см (рис. 2, 6); **цедилки** (4 фр.) лепные, венчик загнут внутрь, край прямой, по всей поверхности стенок по сырой глине проделаны отверстия разных размеров (рис. 2, 7).

Кроме фрагментов сосудов были найдены разнообразные изделия из глины – лепные и изготовленные из стенок сосудов. **Очажные приставки-конусы** (25 экз.) группы 3, по С. Н. Кореневскому (Кореневский, 2004. С. 40). Они лепные, изготовлены из светло-коричневой глины, колоколовидной формы, полые внутри, с двумя отверстиями, расположенными на стенках друг против друга, с грибовидной в плане головкой, овальной в сечении (в одном случае – прямоугольной в плане формы, трапециевидной в сечении) (рис. 4, 1–4). На головке одной из поставок – два одинаковых отиска знака-метки: от центра по одной оси расходятся в две стороны по три прямых угла, от большего к меньшему, по второй оси – косые пунктирные линии, параллельные одной стороне углов и перпендикулярные второй стороне этих углов (рис. 4, 2). **Ложка (лячка)** лепная, с короткой ручкой, сужающейся к концу (рис. 4, 5); **шарики** лепные (рис. 4, 6); **диски** (39 экз.) из стенок сосудов, из них пять – с отверстием в центре (рис. 4, 7–8). **Орудия из стенок** красноглиняных качественных сосудов (9 экз.) составили скребки (рис. 4, 2–4, 6–7) и ложила (?) (рис. 4, 1, 5).

Вторым по количеству после керамики является **каменный инвентарь**. Для исследованного участка поселения характерно обилие каменных изделий (186 экз.) различной формы и размеров, со следами обработки. Из общего числа можно выделить явно выраженные орудия: **отбойники** (17 экз.) округлой или овальной формы, со следами ударов со всех сторон (рис. 7, 4); **зернотерки** (12 экз.) овальной в плане формы, сегментовидные и ладьевидные в сечении, длина от 18 до 37 см (рис. 7, 1–2). Одна из них массивная, прямоугольной в плане формы, треугольная в сечении, рабочая часть вогнутая, размеры: 34,3×25,5×19,5 см (рис. 7, 3); **камни точильные** (22 экз.) разной формы, с гладкой, сточенной рабочей поверхностью (рис. 7, 5); **скребки** (16 экз.) сегментовидной в плане формы, полукруглый край обработан, заострен (рис. 7, 6–8, 11); **пестик** (1 экз.) из гальки вытянутой, овальной в плане формы, овальной в сечении, оба конца сбиты и затерты (рис. 7, 13); **нуклеусы** (6 экз.) многоугольные в плане, трапециевидные или треугольные в сечении (рис. 7, 10). **Микроорудия кремневые** (12 экз.), из них: **нуклеус** (1 экз.) сработанный, многоугольный в плане, треугольный в сечении; **резцы** (2 экз.) трапециевидной формы, один конец скошен, заострен, обработан ретушью (рис. 7, 12); **скребки** (3 экз.) сегментовидной и подтрапециевидной в плане формы, рабочие края обработаны ретушью (рис. 7, 9).

Костяной инвентарь. Всего было найдено 23 предмета из кости, из них: одна игла с ушком, округлым в плане, длина 4,7 см (рис. 6, 6); **проколки** (9 экз.) удлиненной формы, конец заострен, отполирован (рис. 6, 4–5); **ложила** (9 экз.) удлиненной формы, один конец закруглен, отполирован (рис. 6, 1–3); **застежка** с отверстием, округлой в плане формы, линзовидной в сечении (рис. 6, 7); **накладка**, поверхность отполирована, с орнаментом в виде процарапанных наклонных линий (рис. 6, 10); **жезл** из рога оленя с отверстием в центре (рис. 6, 8); **предмет (орудие-?)** с зубцами (рис. 6, 9).

Особенностью керамической коллекции поселения Натухаевское-3 (по материалам исследований 2007 г.) является существенное преобладание лепных сосудов закрытого типа второго класса (81 фр.) над качественными сосудами первого класса (12 фр.), а также наличие керамики, орнаментированной краской (64 фр. из 508 фр.). Керамические формы находят аналогии в памятниках майкопской культуры Закубанья, в ее псекупском варианте (Кореневский, 2004. С. 53, рис. 17; 95), в частности, в ближайшем расположенном в 17 км к югу от ст. Натухаевской поселении Дюрсо-1 (Кононенко, 2003. Рис. I–III).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Колпакова А. В. Отчет об археологических разведках поселений Натухаевское-3, Победа-2, Победа-4 в ст. Натухаевская г. Новороссийска Краснодарского края (в зоне земельных отводов) в 2007 г. Краснодар. 2008 // НИМЗ НА-8296.
- Кононенко А. П. Поселение майкопской культуры Дюрсо // Исторические записки (исследования и материалы). Новороссийск. 2003. Вып. 4.
- Кореневский С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М. 2004.
- Резепкин А. Д. Миски из поселений майкопской культуры. Классификация // Пятая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар. 2009.
- Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В. Работы Новороссийского исторического музея-заповедника // АО 2007 г. М. 2010.
- Shishlov A., Kolpakova A. A settlement of the Maikop Culture near Natukhaevskaya, the Black-Sea Region of the northwestern Caucasus // East Anatolian and Caucasian Bronze Age Cultures. 2nd International Congress of Eurasian Archaeology (ICEA-2010). Abstracts. 1–5 march 2010. Tire. 2010.

ТЕРМИНОЛОГИЯ И АТРИБУЦИЯ ГЛИНЯНЫХ КОНУСОВ И АНАЛОГИЧНЫХ ИМ ИЗДЕЛИЙ НА ПОСЕЛЕНИЯХ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А. П. Кононенко (г. Новороссийск)

При увеличении количества известных майкопских поселений возрастает и количество глиняных конусов-монолитов, которые на каждом отдельном поселении остаются достаточно редкой находкой. Относительно терминологии и атрибуции этой категории находок существуют различные мнения. Они рассматриваются как «очажные подставки» (однако на многих из их невозможно что-то поставить) либо в качестве «очажных приставок» по аналогии с «рогатыми кирпичами», являющимися составной частью разборного переносного очага.

В этой связи стоит обратить внимание на опубликованные в малоизвестном издании материалы исследования в 1974 г. остатков одного из самых маленьких поселений майкопской культуры Дюрсо-1 (Кононенко, 2003. С. 40–56) и на недавние находки на одном из самых больших поселений – Натухаевское-3 (Колпакова, 2008; Шишлов и др., 2010а. С. 77–78; Шишлов и др., 2010б. С. 374–377; Shishlov, Kolpakova, 2010. Р. 23–24). Эти два поселения можно объединить в черноморскую группу майкопских памятников на основании их территориальной близости, схожих природно-климатических и геологических условий, значительному количеству высококачественных сосудов, раскрашенных красной краской (до 27% – Дюрсо-1), и по ряду других признаков (Сизов, 1899. С. 94–95; Крушкол, 1963. С. 83–85; Мунчаев, 1975; Кононенко, 2003. С. 40–56; Шишлов, Федоренко, 2006. С. 205–208; 2008. С. 118–128).

Одной из самых распространенных форм на майкопских бытовых памятниках черноморской группы являются бокаловидные «сосуды» с ручкой-ухватом вместо дна. В одной хозяйственной яме могут встречаться обломки от 5–7 подобных «сосудов». Имеется такой «сосуд» и в тризне одного из курганов «Натухаевской» курганной группы (Шишлов и др., 2009. С. 443–447). Нижняя их часть (венчик) имеет неоднократный низкотемпературный вторичный пережог.

Учитывая наиболее вероятное функциональное назначение глиняных конусов-монолитов (для сохранения углей в очаге) предлагаем для их обозначения ввести термин «кипер» (с англ. «хранитель») (рис. 1, 1, 8–9).

Глиняные киперы поселения Дюрсо-1 изготовлены с использованием всех технологических приемов, характерных для майкопских «кухонных» сосудов. В одном из киперов прослежена

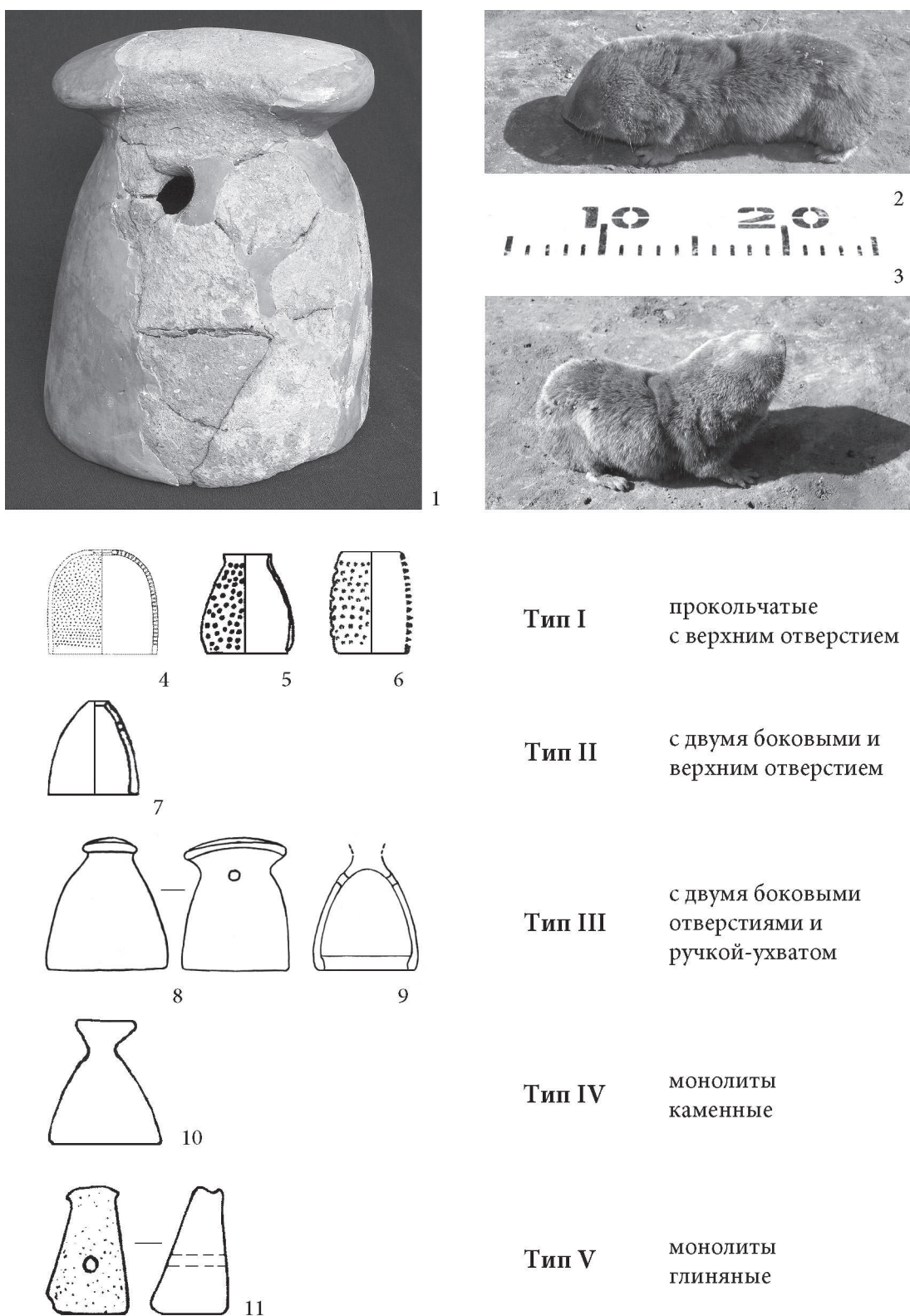

Рис. 1. Упомянутые в статье киперы (1, 4-11), фотографии слепыша (2-3) и классификация киперов (4-11). 1, 8-9 – поселение Дюрсо-1 (1, 8 – реставрация 1984 г.; 9 – реконструкция 1982 г.); 4 – поселение Мысхако; 5 – Серегинское поселение; 6, 11 – поселение Галюгай; 10 – поселение Натухаевское-3 (1 – фото Ю. Дубова; 2-3 – фото Н. Федоренко; 4 – реконструкция А. П. Кононенко; 5-6, 11 – по Кореневский, 2004; 1, 8 – реставрация А. П. Кононенко; 10 – реконструкция А. П. Кононенко по Колпакова, 2008) (1, 4-9 – глина; 10 – камень)

укладка жгутов в шахматном порядке, что не было отмечено в «кухонной» керамике, но встречается в «парадной». Форма их имеет вид перевернутого бокала (вертикальный усеченный эллипс), венчик с внутренней стороны утолщен, а нижний его торец плоский. Верхнее отверстие перекрывалось глиняным брусом, которому после обмазки и отделки придавалась зооморфная форма¹⁹. В верхней части тулова под брусом имеются два симметричных отверстия, перпендикулярных стенкам кипера и направленных под углом вниз. Отверстия, таким образом, не предназначались для сквозного продевания, отсутствуют и следы их повреждений (рис. 1, 1, 8–9). На этом же поселении имеются фрагменты от одного или двух киперов (одинаковый состав теста, обжиг, близкие пропорции), не имевших бруска. На вершине одного из них жгутом было оформлено третье отверстие, более крупное, чем стандартные боковые (рис. 1, 7).

Не отмечено ни одного случая наличия цельноглиняных киперов. Все киперы изготовлены по технологии глиняных сосудов. В редких случаях присутствуют цельные каменные конусы и их обломки. В одной из ям (шурф 1, яма 1, п/о 40, 82) были совместно обнаружены каменный конус и отбитая от него ручка-ухват (рис. 1, 10) (Колпакова, 2008. С. 199. Рис. 236: 4–5). Судя по обжигу нижней части, каменные конусы выполняли ту же функцию, что и глиняные киперы, но при общей с ними внешней форме и размерах не имели отверстий и внутренней полости.

Киперы отсутствуют на пос. Мысхако (нижний, энеолитический слой). Возможно, их пока нельзя выделить среди имеющихся фрагментов, но брусковидные навершия, которые невозможно не распознать, отсутствуют полностью.

Таким образом, можно полагать, что киперы составляют новую керамическую форму майкопской культуры. Однако, обращает на себя внимание такая категория глиняных изделий как «цедилки». Их фрагменты имеются, как на пос. Мысхако, так и на майкопских памятниках, однако, на последних пока не удалось собрать полную форму. Обращает на себя внимание, что на одном из обломков «цедилки» с пос. Мысхако имеется дополнительно отверстие, абсолютно непонятное в технологическом процессе и более того делающее этот процесс бессмысленным. По размерам оно идентично размерам боковых отверстий майкопских киперов (рис. 1, 4).

Майкопские и мысхацкие «цедилки» достаточно часто имеют не обработанную после проколов внутреннюю (рабочую для цедилок) поверхность при тщательной обработке внешней. По фрагментам «цедилок» пос. Натухаевское-3 восстанавливается частично их форма – высокая бокаловидная, аналогичная форме тулова киперов, а не «цедилок». Практически все фрагменты «цедилок» имеют, в т.ч. и после фрагментации, вторичный обжиг, что указывает на их связь с очагом, а не с процессом сжеживания. В тех случаях, когда вторичный обжиг происходил до фрагментации, край венчика имеет более сильный, неоднократный вторичный обжиг, характерный для киперов. «Цедилки» имеют более тонкие, чем у киперов стенки, ажурные от тонких проколов, и более качественное тесто (прочный черепок). По сравнению с ними киперы отличаются большей массивностью, но как для киперов, так и для «цедилок» использовался рецептурный состав теста, характерный для «кухонной» керамики, предназначенной для контакта с огнем.

Можно высказать предположение относительно пути развития формы киперов. При отжиге в очаге (отсюда и следы вторичного обжига) цедилок, пропитанных разлагающейся органикой, угли под ними должны были сохраниться дольше, чем на остальной площади очага. Отжиг цедилок не должен был мешать дневному процессу приготовления пищи и при наличии достаточного количества углей не требовал дополнительного наблюдения за ходом процесса отжига. Наиболее отвечает этим условиям ночной период, к тому же утром происходит облегченное разжигание очага, благодаря сохранным углям. Именно это могло привести к появлению нового функционального предмета с приданием ему своей семантической нагруз-

¹⁹ По нашему мнению, в качестве прообраза мог использоваться слепыш (*Spalax microphthalmus*, местное название на Кубани – земляной щенок) – житель подземного мира (рис. 1, 2–3).

ки. Наличие же нефункционального отверстия на одном из фрагментов мысхакской «цедилки», возможно, является свидетельством того, что она была изготовлена уже целенаправленно как кипер, и нефункциональное для цедилок отверстие значительно облегчало (на первичном этапе развития формы данного предмета) снятие кипера с очага.

Полученные данные в значительной мере позволяют предположить, что «цедилки» пос. Мысхако фактически являются прототипом майкопских киперов и как отдельный тип киперов продолжают изготавливаться на пос. Натухаевское-3.

Однако ни майкопские (пос. Натухаевское-3 и Дюрсо-1) киперы, включая каменные, ни мысхакские невозможно отнести к разряду глиняных кирпичей. Сложность их конструкций, технологии и законченность внешних контуров формы не позволяет рассматривать их как одну из деталей конструкции очага. Поэтому вызывает сомнение возможность происхождения майкопских киперов от «рогатых кирпичей», имеющих четкую линию развития от стационарных очагов к переносным и составным мангалам, а также упрощение формы их составляющих.

Более вероятным, на данном этапе исследования, нам представляется появление цельноглиняных (культовых?) киперов в результате стилизации и упрощения первоначальной формы. При этом в одних локальных группах развитие этой формы могло миновать стадию, описанную выше для рассматриваемой черноморской группы, и стилизовались непосредственно энеолитические киперы, а в других – киперы черноморской группы могли упрощаться. Не исключено, что развитие их формы происходило путем смешения двух отмеченных направлений.

Принимая во внимание культовую составляющую киперов (хранители огня), необходимо учитывать их возможную близость с культовыми очагами и их составляющими, что не исключает появление под влиянием майкопской культуры в сопредельных культурах майкопских киперов как дополнительных предметов в культе огня и домашнего очага. При этом представляется, что они могли выполнять функцию новых культовых предметов, но не представлять собой какие-то части конструкции очага. Здесь же необходимо отметить одинаковый внешний облик киперов и галюгаевских «конусов» и отсутствие внешнего сходства с очагами и их составляющими, известными, например, на Долинском поселении (Круглов, Подгаецкий, 1941. С. 193–196; Козенкова, 1964. С. 67–74).

Современное состояние источников позволяет предложить следующую **классификацию киперов**. Типологически они разделяются на два отдела: отдел I – киперы, изготовленные по технологии сосудов; отдел II – киперы-монолиты (каменные и глиняные), появившиеся в результате упрощения и стилизации первых. Отличие формы ручек-ухватов, венчиков, выемок в основании и т. д. следует рассматривать как варианты внутри определенного типа.

Отдел I (по технологии сосудов) составляют киперы трех типов: тип 1 – проколычатые с верхним отверстием (энеолит, майкоп) (рис. 1, 4–6); тип 2 – с двумя боковыми и верхним отверстием (рис. 1, 7); тип 3 – с двумя боковыми отверстиями и ручкой-ухватом (рис. 1, 1, 8–9).

Отдел II (монолиты) составляют киперы двух типов²⁰: тип 4 – каменные монолиты (рис. 1, 10); тип 5 – глиняные монолиты (рис. 1, 11).

Предлагаемая терминология (киперы) и классификация (отделы I–II, типы 1–5) рассматриваемых изделий, возможно, будет способствовать выявлению и выделению в уже имеющемся археологическом материале обломков от киперов, изготовленных по технологии глиняных сосудов.

²⁰ С учетом того, что в памятниках черноморской группы глиняные киперы-монолиты не обнаружены, а каменные встречаются пока столь же редко, как киперы первого и второго типов, киперы-монолиты следует разделить на два отдельных типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Долинское поселение у г. Нальчика // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. М. 1941 (МИА. № 3).
- Крушкоч Ю. С. Археологические исследования древней Синдики (Анапский район) экспедициями Московского Областного Педагогического Института им. Н. К. Крупской // УЗМОПИ. М. 1963. Вып. СХV.
- Козенкова В. И. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г. // Древности Северного Причерноморья. М. 1964 (КСИА. Вып. 103).
- Колпакова А. В. Отчет об археологических разведках поселений Натухаевское-3, Победа-2, Победа-4 в ст. Натухаевская г. Новороссийска Краснодарского края (в зоне земельных отводов) в 2007 г. Краснодар. 2008 // НИМЗ НА-8296.
- Кононенко А. П. Поселение майкопской культуры Дюрсо // Исторические записки (исследования и материалы). Новороссийск. 2003. Вып. 4.
- Корневский С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М. 2004.
- Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М. 1975.
- Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. СПб. 1899 (МАК. Т. II).
- Шишилов А. В., Федоренко Н. В. Памятники майкопской культуры в приморской части предгорий Северо-Западного Кавказа // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Нальчик. 2006.
- Шишилов А. В., Федоренко Н. В. Памятники майкопской культуры в приморской части предгорий Северо-Западного Кавказа // Наследие Кубани. Сб. научных статей. Краснодар. 2008. Вып. I.
- Шишилов А. В., Федоренко Н. В., Колпакова А. В., Кононенко А. П. Погребения майкопской культуры у ст. Натухаевской // Пятая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар. 2009.
- Шишилов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В. Работы Новороссийского исторического музея-заповедника // АО 2007 года. М. 2010а.
- Шишилов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В. Исследования поселения майкопской культуры у ст. Натухаевской // Проблемы периодизации и хронологии археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Магас. 2010б.
- Shishlov A., Kolpakova A. A settlement of the Maikop Culture near Natukhaevskaya, the Black-Sea Region of the northwestern Caucasus // East Anatolian and Caucasian Bronze Age Cultures. 2nd International Congress of Eurasian Archaeology (ICEA-2010). Abstracts. 1–5 march 2010. Tire. 2010.

АНАЛИЗ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ СТРОИТЕЛЬСТВА ДОЛЬМЕНОВ КАВКАЗА

А. С. Кизилев (г. Сочи/Майкоп)

Исследование особенностей сооружения дольменов Кавказа и экспериментальная проверка существующих предположений являются важным и необходимым этапом в изучении эпохи бронзы этого региона. За весь период исследования дольменов Кавказа изучение этих мегалитических сооружений не включало в себя полномасштабных практических экспериментов по воссозданию технологий постройки данных архитектурных конструкций. Это привело к появлению заблуждений и ошибок, в т.ч. среди местного населения возникли секты, использующие это незнание.

Опираясь на сохранившиеся принципы и технологии ручной обработки камня и учитывая существующие достижения в исследуемой области в других регионах, мною была пред-

Рис. 1. Дольмен в с. Отхара

принята попытка реконструировать весь цикл создания дольмена древними зодчими. Еще в 2006 г. была начата практическая исследовательская программа по воссозданию технологических процессов постройки дольменов Кавказа. Работы в этой области велись более пяти лет, и на данный момент выполнена основная часть запланированных экспериментов.

За весь период исследования дольменов специалисты разделяли эти сооружения на ряд типов, классифицируя их по различным принципам. Применяемая в наше время классификация, описанная у В. И. Марковина (Марковин, 1978. С. 281–282), отражает их конструктивные признаки, но в нее не включены архитектурные, строительные и декоративные составляющие, которые не менее важны в понимании сути самого строительства мегалитов. Так, используя существующую классификацию, можно прийти к неверным выводам о качественных характеристиках разных типов построек. Сравнивая дольмены одного и того же типа можно обнаружить существенную разницу в принципах обработки и подгонки плит. Временная классификация по периодам постройки также далека от истины, поскольку дольмены одного и того же типа и размера могут существенно отличаться друг от друга по трудозатратам. Поверхностное изучение технологий строительства дольменов и последовавшие за этим выводы породили немало заблуждений. Проведенные в течение нескольких лет практические эксперименты в области строительства дольменов дают возможность более реалистично оценить и эпоху создания дольменов, и имеющийся в то время человеческий потенциал.

На Кавказе встречается несколько типов дольменов, которые, с учетом принятой в науке на данный момент хронологии их постройки, можно рассмотреть именно со строительной, технологической точки зрения, учитывая особенности транспортировки и обработки камня. За исключением дольменов-монолитов, характерной особенностью остальных конструкций

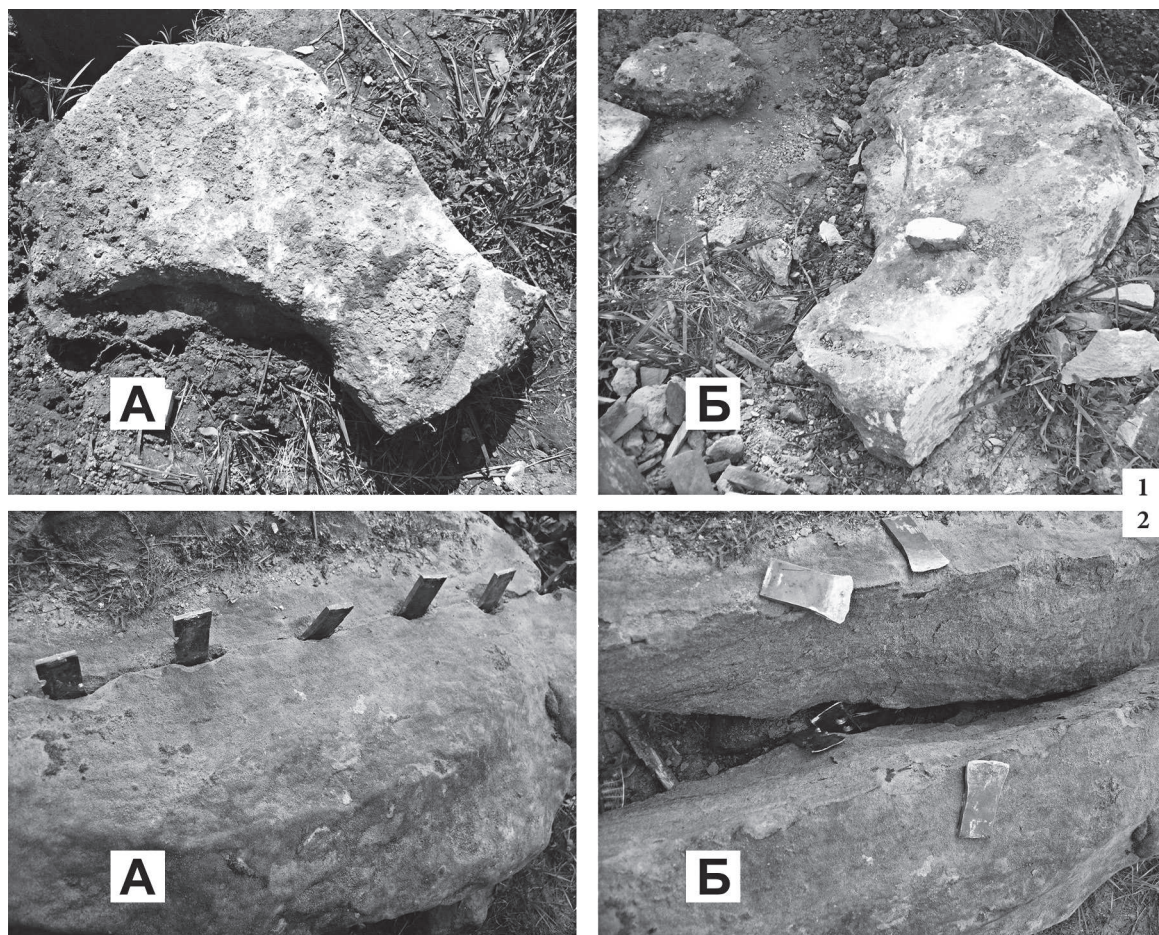

Рис. 2. Экспериментальные работы: 1 – обработка угла плиты с приданием ему прямого угла; 2 – раскол плиты песчаника бронзовыми клиньями

является использование многотонных плит. Особенно актуально это для плиточных сооружений, поскольку и стены, и крыша у них состоят из цельных плит. В процессе эволюции плиточные дольмены в своей конструкции отошли от кубизма и приобрели более устойчивую трапециевидную форму с определенными «каноническими» углами схождения стен и верхней плиты. Это конструктивное изменение стало возможным только при развитии техники обработки камня, поскольку в трехмерном понимании конструкции появились более сложные углы сопряжения ее элементов. Здесь заложены, пожалуй, самые загадочные проблемы, связанные со строительными вопросами при возведении дольменов – практически идеальная подгонка сопряжения стен дольмена в паз.

Первый этап строительных операций, необходимых для создания дольмена, – это добыча камня, пригодного для изготовления плит. Он может рассматриваться по двум сценариям, когда пригодного для работы камня в окрестностях места сооружения дольмена мало или когда его много. В случае дефицита материала древние строители максимально выработывали имеющиеся месторождения, и нынешние исследователи удивленно заявляют: «О чудо, да здесь ведь нет камня для строительства, где же они его взяли» (Шарииков, Комиссар, 2008. С. 14–16). Да потому-то и нет, что весь доступный строительный материал был выработан в процессе возведения дольменов, что породило сочетание в построенной группе дольменов плиточных и составных (на которые крупных плит на данном участке попросту не хватило) сооружений. Ярким примером такого неожиданного дефицита является дольмен, расположенный выше села Волконка, у которого всего на одну сторону не хватило цельной плиты. Всего одной пли-

Рис. 3. Операция по подъему плиты дольмена

ты, но дольмен уже автоматически по сути имеющейся системы классификации попадает в другую категорию, а ведь в действительности он ничем не отличается от плиточных. Кстати, район села Волконка Лазаревского р-на г. Сочи является уникальным в своем роде, т.к. здесь присутствуют все без исключения типы дольменов и поблизости каждого из них встречается немалое количество фракции камня, пригодного для строительства именно этого типа.

Стоит отметить, что неподалеку от большинства групп, состоящих из плиточных дольменов, как правило, имеются природные выходы песчаника, имеющего структуру залегания в форме плит. При этом многие плиты полностью подходят для строительства дольмена, требуется лишь небольшая доработка плиты до размера, который необходим при создании запланированного сооружения. Казалось бы, все просто и понятно – бери и строй. Но вот тут-то и возникают первые противоречия. В труде В. И. Марковина описана версия первичной обработки плит посредством откалывания лишних фрагментов плиты неправильной формы (Марковин, 1978. С. 201). Это делалось с помощью забивания шпуров вдоль линии предполагаемого скола камня. Казалось бы, прием этот хрестоматийный и описан в многочисленных публикациях по обработке камня в разные эпохи. Но применялся он, судя по малому количеству археологических подтверждений, довольно редко. Почему?

Геометрически неоспоримо, что для того, чтобы получить из плиты неправильной формы прямоугольник, необходимо отсечь от него в среднем четыре фрагмента в зависимости от исходных данных его первоначальной формы. По предполагаемой технологии полученный прямоугольник транспортировали к месту строительства и там уже дорабатывали и подгоняли в собираемую конструкцию. А вот какова же судьба четырех обломков в каменоломне? Ведь в каждом плиточном дольмене, помимо пяточных камней, пять прямоугольных плит. Следовательно, в месте добычи камня должно было остаться не четыре, а двадцать крупных обломков со следами отколки с использованием шпуров. На Кавказе известно более двух тысяч плиточных дольменов. Вопрос: почему крайне редко встречаются остатки, соответственно, из

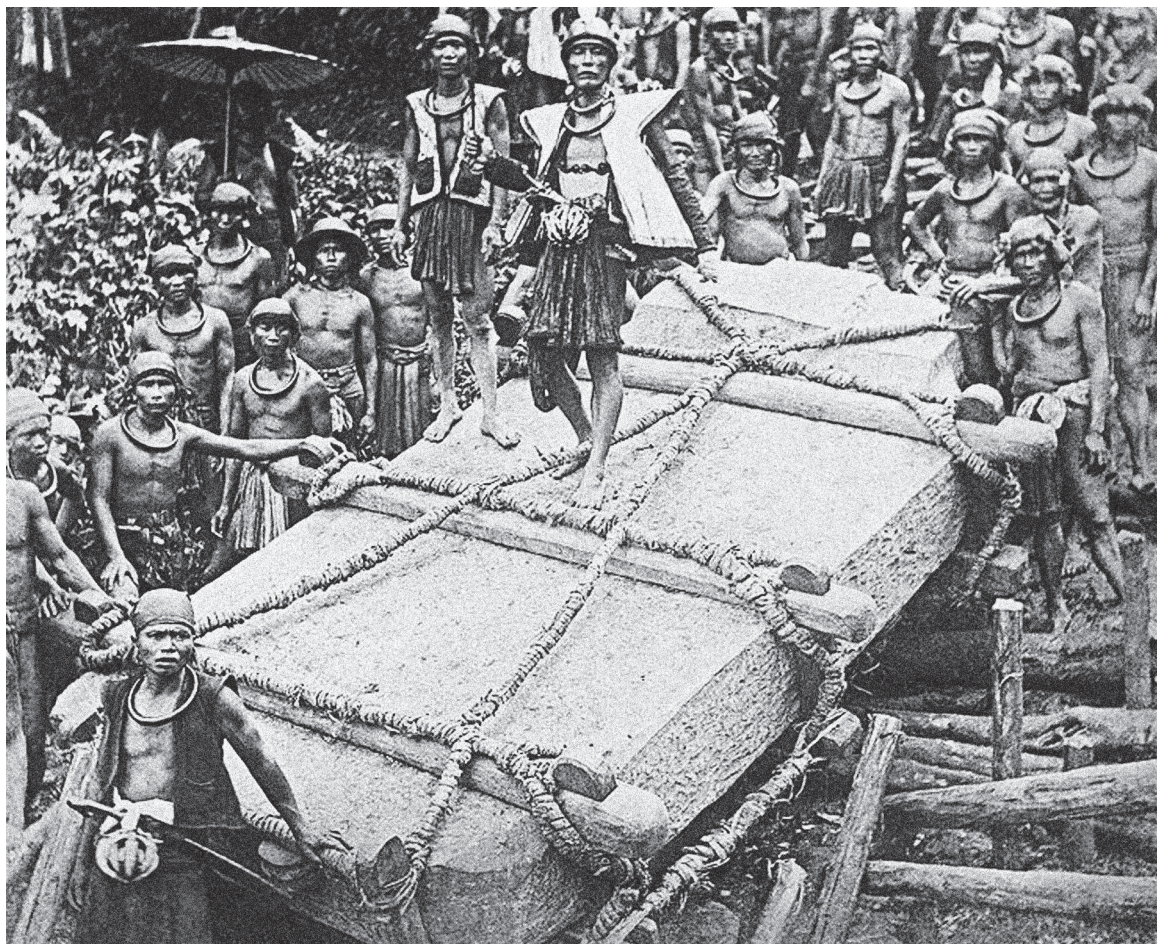

Рис. 4. Остров Сумба, строительство дольмена, 1919 г. (по Adams, Kusumawati, 2010)

сорока тысяч обломков строительной деятельности создателей мегалитов, которые бы явно свидетельствовали об их отчленении от бесформенной плиты с целью придания ей искомой формы. Случайные камни со следами попыток откола шпурами единичны и, зачастую, принадлежат к совершенно другим историческим эпохам.

Возможно, древние строители чаще пользовались совершенно иным способом для получения прямоугольных дольменных плит. Каков был этот способ? Вероятнее всего, что из всех известных технологий камнеобработки была использована техника выдалбливания вдоль искомой линии глубокой непрерывной борозды до тех пор, пока камень не раскалывался в нужном варианте. Отметим, что края плит центрального дольмена в Отхаре, к примеру, имеют форму, подтверждающую предполагаемую технологию (рис. 1). Похожие варианты решений имеют соединения плит дольменов в урочище Капибге, на горе Хунагет, в ущелье Виноградном (Солоники) и мн. др.

Следует отметить, что у многих плиточных дольменов на Кавказе края плит идут на сужение. И тут возникает еще один неоспоримый логический вывод: откалывание плиты шпурами – это технологический прием, который отнюдь не экономит трудозатраты по строительству дольмена. Можно сравнить трудозатраты на получение прямоугольной плиты двумя вышеупомянутыми способами.

Рассмотрим способ откалывания краев плиты методом забивания клиньев в углубления, расположенные вдоль предполагаемой линии скола. Даже при хорошем стечении обстоятельств, совершив удачный раскол заготовки и получив из нее прямоугольник, сразу же мож-

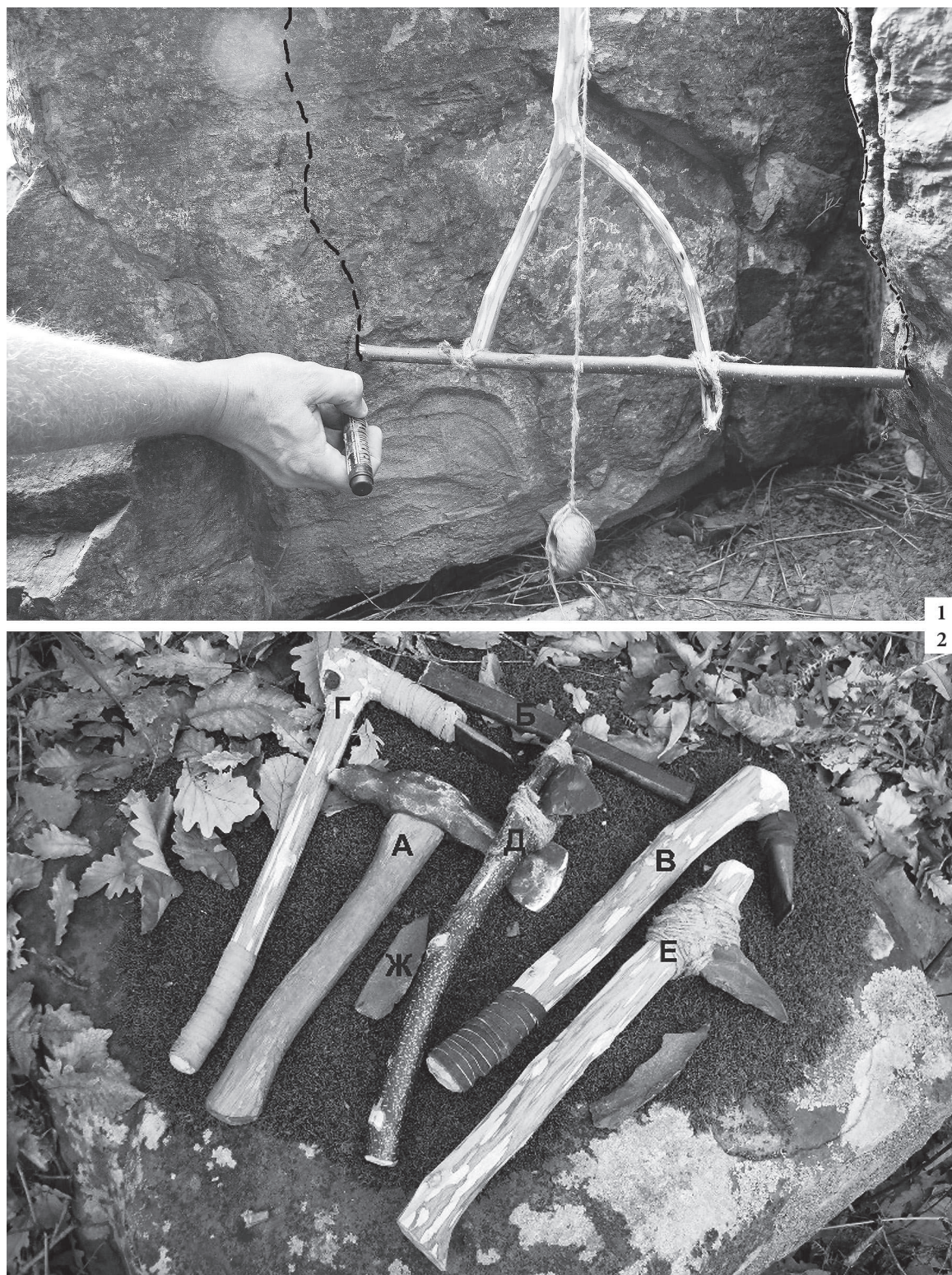

Рис. 5. Экспериментальные работы: 1 – визуализация демонстрационной подгонки; 2 – экспериментальные орудия обработки песчаника

Рис. 6. Экспериментальные работы – подготовительная операция

но столкнуться с проблемой подгонки края этой плиты в паз соседней с нею плиты в конструкции строящегося дольмена.

Обратимся к известным фактам соединения плит сохранившихся плиточных дольменов. Подавляющее число плиточных дольменов, обладая толщиной стен 20–40 см, имеют при этом ширину пазов менее 20 см. Наиболее часто встречающийся размер пазов составляет 12–15 см. Стоит обратить внимание на распространенную тенденцию намеренного сужения плит в сечении в зоне примыкания к другой плите. Это обусловлено тем, что подгонка сопряжения большой площади намного более трудоемкая операция, чем подгонка для узкой полосы стыка. Следовательно, как это видно на большинстве дольменов, выдалбливать край или фаску на плите строителям все равно приходилось. Если это так, то возникает вопрос: а зачем тогда необходим ненужный, рискованный и трудоемкий процесс раскалывания плиты клиньями?

Рассмотрим способ раскола плиты по линии направляющей штробы. Выполняя штробу в плите, мы сразу же осуществляем действие «два в одном». Мы получаем линию раскола плиты в безопасном варианте и делаем подготовительную операцию для будущего сопряжения плит в конструкции дольмена. Получается, что при выдалбливании каменной плиты дольмена с помощью шпуров мы не только теряем время на шпуровку, но еще рискуем испортить плиту и сделать ее в дальнейшем непригодной для строительства. К тому же, если подсчитать вес ненужного песчаника, который при использовании шпуров пришлось бы транспортировать к месту строительства дольмена, то все аргументы окажутся не в пользу клиновой системы раскола плиты.

Для обоснования этого утверждения мною был проведен практический эксперимент по приданию плите прямоугольной формы. Ориентировочный габарит предполагаемой плиты условно примем как квадрат полтора на полтора метра. На обработку погонного метра плиты ушло около шести часов, следовательно, при удачном стечении обстоятельств, одна плита смогла бы вырубиться за пять–семь дней. Разумеется, для выявления реального времени и

трудозатрат на обработку одной плиты совсем не обязательно вырубать ее всю полностью. Нами был выбран неправильной формы фрагмент плиты песчаника размером в четверть от натурального габарита средней порталной плиты и обработан до требуемой формы (рис. 2, 1/А–Б). В качестве инструмента использовалось бронзовое орудие труда. Бесспорно, что для вырубания подобного фрагмента из плиты менее удачной формы пришлось бы потратить в три–четыре раза больше времени. Путем несложных расчетов можно определить, что на вырубание полноценной плиты одному мастеру потребовалось бы четыре дня тяжелого труда при ежедневной 8-часовой работе. Способ этот очень трудоемкий, но с абсолютно реальными результатами.

Естественно, что способ раскола плиты песчаника с помощью клиньев не отвергается. Нами был проведен такой эксперимент, давший положительный результат. Для эксперимента действовали плиту аутентичного песчаника, находившуюся в нескольких метрах от дольмена-полумонолита, расположенного выше села Волконка. Для чистоты эксперимента были изготовлены восемь бронзовых клиньев. В заранее намеченном участке раскола плиты, по прямой линии с интервалом разметки в 10–12 см, были высечены лунки глубиной ок. 2 см, габаритами соответствовавшие параметрам клиньев. Бронзовыми клиньями, вставив их в вырубленные лунки, поочередно нанося удары киянкой, мы раскололи плиту песчаника вдоль намеченной линии (рис. 2, 2). Длина раскола составила чуть меньше одного метра, толщина плиты в районе раскола составляла более 20 см. Эти цифры не могут быть абсолютно точными по причине неправильной формы самого камня, поэтому они используются приблизительно. Временные затраты составили менее одного часа. Опираясь на полученные данные, можно утверждать, что раскол полноценной плиты будущего дольмена по одной стороне занял бы максимум четыре часа. Соответственно, придать ей форму прямоугольника можно было за два дня.

Таким образом, проанализировав оба способа раскола плит песчаника, можно с определенной долей уверенности полагать, что в зависимости от обстоятельств они оба применялись при строительстве дольменов Кавказа.

Следующим спорным вопросом является проблема транспортировки многотонных плит к месту строительства мегалитических конструкций. Транспортировка состоит, по сути, из двух основных операций. Первая операция – подъем плиты с поверхности земли на транспортную платформу, функцию последней могут выполнять подготовленные бревна, по которым (или на которых) в дальнейшем должна перемещаться плита. Вторая операция – транспортировка многотонной плиты по пересеченной местности.

При создании мегалитических сооружений, по всей видимости, использовались принципы рычага, но без практических экспериментальных данных можно получить весьма сомнительные выводы. Так, в трудах В. И. Марковина при описании вариантов возможной постройки дольменов приводятся подсчеты В. П. Пачулия, согласно которым для постройки достаточно крупного дольмена должны были неустанно работать 150 человек «от года до двух лет» (Марковин, 1978. С. 201). По подъему и транспортировке массивной плиты вручную был проведен эксперимент, для которого были привлечены восемь волонтеров из РГО. Подходящая плита песчаника была выбрана недалеко от двухпортального дольмена в урочище Каткова щель. Обмер кубатуры камня и пересчет веса показал, что плита весит около 3 тонн. Увлеченные исследованием дольменов добровольцы за один час, без специальной подготовки, оторвали крышку «будущего» дольмена на 30 см от земли (рис. 3). Сделали они это с помощью пяти 4-метровых кольев, пользуясь ими как рычагами и подкладывая под плиту камни, чтобы зафиксировать результаты каждого рывка. При этом многие наши попытки показывали нам, насколько четко отрабатывали свои строительные приемы древние зодчие за столетия бытования практики возведения мегалитических сооружений. Напр., камни, которые мы подкладывали под плиту, изначально были выбраны неправильно. Круглые и угловатые булыжники продавливались

в почву и сводили на нет все наши усилия, и только, применив плоские плиточные камни, мы смогли добиться результата. Опять же соотношение размеров рычажных бревен могло свести на нет все наши усилия. Идеальными оказались 4-метровые круглые брусья диаметром ок. 10 см, поскольку они хорошо входили в зазор между плитой и опорной плоскостью, были удобны с точки зрения эргономики и создавали оптимальный момент в рычажном усилии. Таким образом, нами было установлено опытным путем, что небольшая группа людей вполне может справляться с перемещением многотонных каменных плит.

Следующим сложным вопросом являлась транспортировка плит на дальние расстояния, но в этом случае суть заключается в необходимости собрать достаточное количество добровольцев для проведения транспортировки. Здесь можно привести этнографические данные. В Индонезии на о-ве Сумба до современности сохранилась традиция построения культовых мегалитических гробниц типа рассматриваемых нами дольменов. Конечно, конструктивно «дольмены» Сумбы отличаются от кавказских дольменов, но размеры плит в сооружениях соизмеримы. Нельзя не отметить, что ландшафты о-ва Сумба сопоставимы с предгорьями Кавказа. За несколько дней толпа индонезийцев дружными усилиями может переместить многотонную плиту на несколько сотен метров и далее без применения техники и тяглового скота (рис. 4). При этом следует отметить, что до недавнего времени такая транспортировка являлась частью ритуала, при котором недопустимо было применение тяглового скота или техники, и человеческий фактор являлся данью уважения соплеменников к тому, для кого сооружался дольмен (см. Adams, Kusumawati, 2010. P. 17–32). Таким образом, эта параллель делает вопрос о транспортировке мегалитов в целом понятным.

Произведенное нами перемещение трехтонной плиты лишь подтвердило тот факт, что при грамотном и оперативном проведении такие операции весьма эффективны даже при использовании небольшого числа работников. Кропотливое выдалбливание породы песчаника бронзовым орудием доказало возможность такого способа обработки плит дольменов, а также позволило определить трудозатраты на подобные операции.

Камнем преткновения в понимании загадки постройки дольменов является факт очень качественной подгонки сопряжения плит между собой. В современное время детали конструкций подгоняются путем прикладывания их друг к другу, тем самым выявляются несовпадающие места в сопряжении (так, в заводских условиях при сопряжении крупных и тяжелых элементов конструкции используются высокоточные современные приборы и инструменты). Дело усложняется тем, что плиты многих дольменов сопрягаются не по прямой, а по криволинейной поверхности.

Как древние зодчие могли решать такую сложную задачу с многотонными плитами? При современных вариантах полигональной кладки в декоративных целях имеются высокопродуктивные инструменты, и мастеру остается лишь обрезать эти несоответствия на камнерезном станке, что значительно ускоряет процесс и облегчает труд каменщика. В эпоху бронзы, когда скалывание каменной поверхности носило очень трудоемкий характер, компенсировать такие несовпадения можно было именно криволинейным сопряжением. Скалывать древним каменотесам приходилось лишь ненужные фрагменты плиты, мешавшие сопряжению, т.к. срубить по прямой большое количество камня было бы для них крайне нерационально. Вопрос заключался лишь в том, какие фрагменты необходимо отсечь.

Вопросом подгонки дольменных плит я занимался более двух лет и, изучив имевшиеся в различных источниках варианты приспособлений для подобного рода операций, сконструировал свою версию разметочного инструмента полигональной кладки. Вникнув в суть этого простейшего прибора, можно, пожалуй, сконструировать еще несколько его вариантов, ведь каждый из них будет содержать в себе общий физический принцип, а различие будет продиктовано лишь особенностями его применения в частном конкретном случае. Такого рода

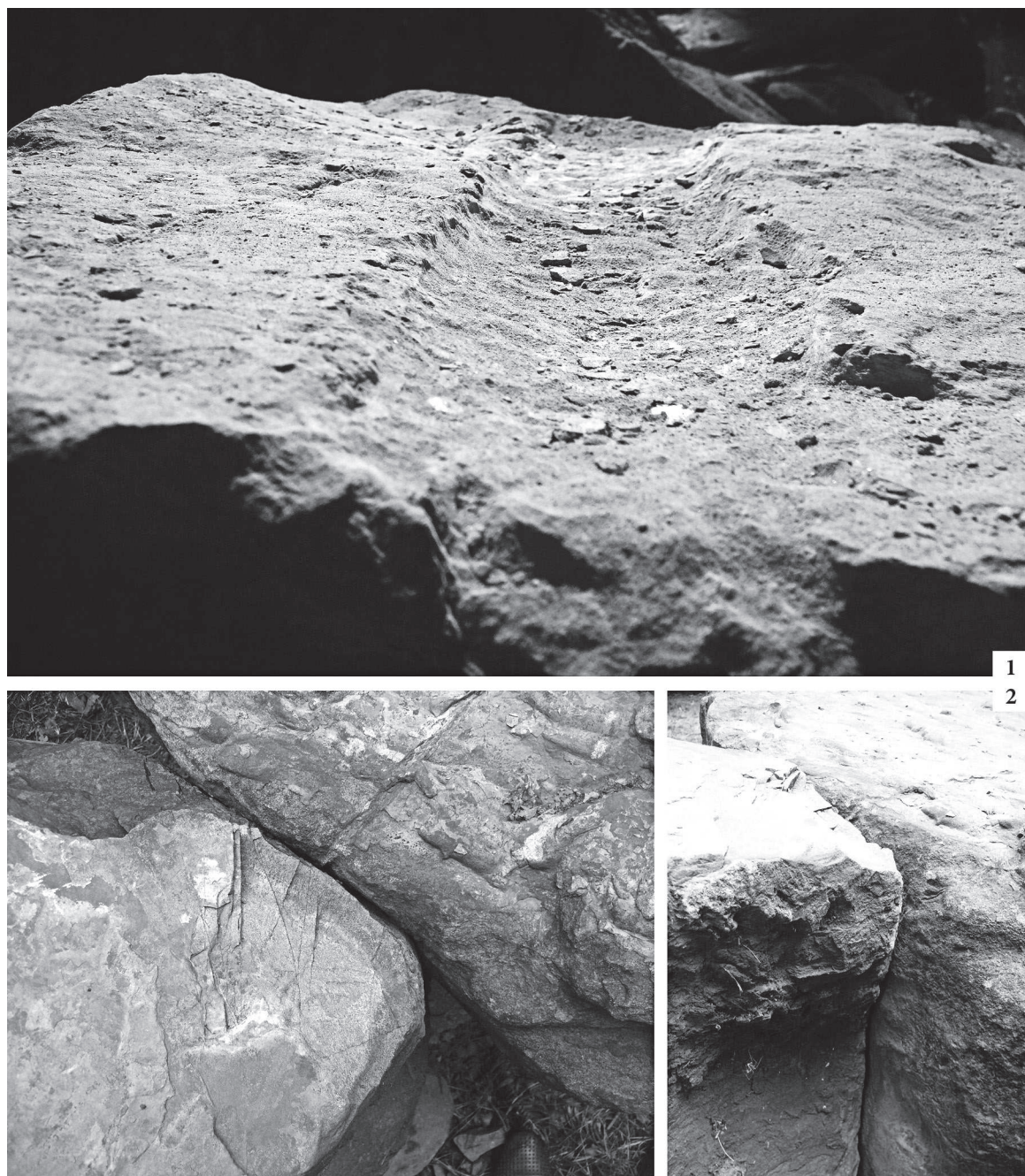

Рис. 7. Экспериментальные работы: 1 – паз, выдолбленный на одном из блоков; 2 – сопряжение блоков

приспособление позволяет подогнать сопряжение двух каменных плит. Проверя все точки, мы как бы проецируем одну форму поверхности на другую.

Для наглядности можно продемонстрировать применение подобного принципа на двух глыбах песчаника, отмечая пути следования концов измерительной рейки. В данном случае мы сможем, бесспорно, убедиться в простоте и гениальности способа, которым, вероятно, пользовались древние зодчие. Главным условием является соблюдение одного условия – нить отвеса должна быть в свободном натяжении и совпадать с риской фиксированного положения ее относительно инструмента. Таким образом, на всех этапах продвижения инструмента вдоль сопрягаемых блоков условные линии будущего стыка плит, которые будут соответство-

Рис. 8. Недостроенный дольмен-полумонолит в урочище Хамышки

вать пути следования концов мерного прута, будут идентичны между собой по своей форме в пространстве (рис. 5, 1). Обработывая таким методом сопрягаемые поверхности, мы сможем достигнуть (условно) конгруэнтности между ними. В евклидовой геометрии две фигуры называются конгруэнтными, если одна из них может быть переведена в другую сдвигом, вращением и зеркальным отображением. Именно первое условие и является искомым в нашей задаче. Плоскость паза должна совпасть с поверхностью сопрягаемого с ним блока.

После проведения пробных вариантов полигонального сопряжения было принято решение о выполнении эксперимента в реальных условиях, учитывая все объективные факторы. Для эксперимента были отобраны две глыбы подходящих габаритов. Поскольку они имели неплиточную форму, было решено провести эксперимент по совмещению блоков составного дольмена. При этом вес большего блока составлял полторы тонны, а меньшего блока – одну тонну. Вес этот абсолютно адекватен тем блокам, которые использовались в составных дольменах Северного Кавказа. Напр., хорошо известный составной дольмен на р. Жане имеет блоки, соизмеримые по своему весу с экспериментальными образцами.

Для физического выполнения эксперимента было задействовано одновременно только два человека. Это минимальное, но достаточное количество работников, которых хватает для выполнения подобного рода задачи. С помощью двух рычагов мы перевернули и пододвинули друг к другу два блока песчаника на расстояние, удобное для обработки и сопряжения этих камней (рис. 6). С помощью бронзового орудия за один час был высечен паз весьма распространенных в дольменном зодчестве параметров – 11 см в ширину и один см в глубину, длина паза была ок. 70 см (рис. 7, 1). Затем, пользуясь вышеописанным методом и расположив блоки на оптимальном расстоянии для работы, в течение полутора часов была проведена окончательная обработка сопрягаемых поверхностей. Причем необходимо было обработать как ту часть камня, которая садилась в паз, так и прилегающие к сопряжению поверхности.

Для выполнения конечной операции – соединения плит – пришлось потратить немало усилий. Все же вес песчаника и его габариты оказались серьезным испытанием для двух энтузиастов, но конечный результат был успешно достигнут. На фотографии видно, что криволинейные поверхности двух блоков соединились с качеством, не уступающим сопряжению плит в существующих известных нам подлинных дольменах (рис. 7, 2). Суммарно временные

затраты на проведение эксперимента составили четыре с половиной часа. Имея полученные данные и проведя простые геометрические обмеры, мы можем теперь подсчитать, сколько времени было потрачено на построение и сборку какого-либо конкретного дольмена в эпоху бронзы.

За время проведения экспериментов были апробированы также и методы строительства дольменов-полумонолитов. В период строительства дольменов население уже пользовалось бронзовыми орудиями труда наряду с каменными инструментами. Было решено провести эксперимент по обработке каменных глыб, находящихся в непосредственной близости от дольменов. В состав экспериментальных орудий (рис. 5, 2) вошли следующие реплики возможных инструментов: а) бронзовый топор с молоточковидным обухом; б) бронзовое тесло-зубило; в) медное тесло типа кельт; г) медное тесло клиновидного типа; д) кремневый топор клиновидного типа; е) диабазовый топор клиновидного типа; ж) ручное рубило из диабазы. Помимо перечисленных инструментов в эксперименте был задействован плоский эллиптический камень-галька, наподобие тех, что нередко находят недалеко от дольменов. Камень имел габариты 25×10×3 см и идеально подходил для обработки в технике пикетажа, к тому же он также был найден недалеко от дольмена. Таким образом, мы задействовали практически весь ряд инструментов, которые могли использоваться в период существования дольменной культуры на Кавказе. Естественно, можно было бы расширить ряд предложенных орудий за счет комбинирования типа крепежа рубящей части к древку, но это было уже нецелесообразно. Ведь тип крепления к древку лишь влияет на срок службы инструмента, но не изменяет его рабочие характеристики.

Эксперименты были проведены с интервалом в пять лет, что позволяет сравнить состояние обрабатываемых поверхностей и их изменение под воздействием внешней среды. Следы современной экспериментальной обработки, оставшиеся на поверхности песчаника, вполне сопоставимы с сохранившимися подлинными следами обработки на плитах и фасадах дольменов. Это позволяет сделать вывод о том, что в эпоху бронзы при мегалитическом строительстве использовались как бронзовые, так и каменные орудия обработки поверхностей (Семенов, 1968. С. 81–83).

Засекая время обработки песчаника бронзовым орудием, мы получили следующие результаты – за 10 минут непрерывной обработки была получена лунка объемом 0,5 л. Далее можно произвести простой арифметический расчет: за час интенсивной работы можно выбрать 3 л породы, за 10 часов (т. е. за световой день) – 30 л. Несложно подсчитать, что за месяц двое каменотесов, сменяющих друг друга, выдолбят в скале полость объемом около одного кубометра, что адекватно камере среднего полумонолитного дольмена.

Дальнейшие трудозатраты на создание портала и лаза легко просчитываются при пересчете их геометрического объема. Следует отметить, что на обнаруженных недостроенных дольменах-полумонолитах прослеживается технический прием контурной выборки породы, который ускорял процесс создания камеры. Нами были обнаружены такие недостроенные дольмены-полумонолиты в Виноградном ущелье (Солоники) и в урочище Хамышки (рис. 8). Центральный фрагмент породы впоследствии легко раскалывали на крупные фрагменты, поскольку контурная пустота значительно облегчала этот процесс.

Таким образом, проблема трудоемкости строительства дольменов в фазе обработки плит и выдалбливания камер в полумонолитных и монолитных конструкциях обретает реальную фактологическую базу. При этом следует обратить внимание на прочностные и химические особенности песчаника, который использовался в подавляющем большинстве дольменных сооружений. При обработке песчаника возле дольменов «Сортучастка» (село Волконка) было отмечено, что после прохождения слоя окисленного поверхностного покрытия глыбы песчаника внутри плиты значительно мягче и послушней в обработке. Поверхностный же слой

песчаника впоследствии при химическом взаимодействии с воздухом набирает прочность. Не исключено, что знание этих особенностей во многом облегчало работу строителям дольменов, но спустя тысячелетия обнаженные слои камня набрали прочность, которая может создавать не совсем правильное представление о трудоемкости обработки дольменных плит.

Подводя итоги проведенного цикла экспериментов, можно сделать некоторые выводы о технологиях строительства дольменов Кавказа. Очевидно, что операции по обработке песчаника, из которого построены мегалитические конструкции, могли быть осуществлены даже без применения металлических инструментов. Об этом свидетельствуют не только следы подлинной обработки, сохранившиеся на плитах и корпусах дольменов, но и эффективная реализация этого метода в современных экспериментах. Отмечено использование комбинированных технологий, что подтверждается, как очевидным присутствием различий в обработке конструктивных элементов мегалитических конструкций, так подтвердившим это дифференцированным применением различных приемов в современных экспериментах. Дальнейшие исследования древних технологий строительства дольменов и их апробация в ходе современных экспериментальных работ позволят в совокупности с имеющимися и новыми археологическими данными получить более целостную картину эволюции культуры мегалитов Кавказа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М. 1978.
 Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л. 1968.
 Шариков Ю. Н., Комиссар О. Н. Древние технологии дольменов Кавказа. Краснодар. 2008.
 Adams Ron L., Kusumawati Ayu. The Social Life of Tombs in West Sumba, Indonesia // Archeological Papers of the American Anthropological Association. 2010. Vol. 20, Issue 1.

НЕДОСТРОЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И СТРОИТЕЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ДОЛЬМЕНОВ КАВКАЗА

М. И. Кудин (г. Сочи/Майкоп)

Археологические находки из дольменов Кавказа, как правило, фрагментарны и неполны. Заметные и легкодоступные памятники еще в древности неоднократно грабились и переиспользовались. Дольменов *in situ*, содержащих в неповрежденном виде изначальный культурный слой, практически не сохранилось. Поэтому установить время возникновения и существования дольменной культуры крайне сложно. У некоторых исследователей вызывает сомнение достоверность радиоуглеродного датирования дольменных памятников, т.к. отобранные для анализа образцы могут не принадлежать ко времени возведения дольмена (Мелешко, 2010. С. 203). Это привело Б. В. Мелешко к радикальным выводам о том, что дольменная культура древнее новосвободненских гробниц, строители которых переиспользовали плиты памятников исчезнувшей к тому времени дольменной культуры (Там же. С. 212).

Скудный археологический материал, с одной стороны, и впечатляющая архитектура, с другой, привели к тому, что с самого начала изучения дольменов большое внимание уделялось конструктивным особенностям памятников, их типологии и классификации (Уваров, 1876; Фелицин, 1904; Лавров, 1960; Марковин, 1974; 1978; Ловпаче, 1997). Из-за фактического отсутствия артефактов, позволяющих надежно датировать время возведения дольменов, в вопросах возникновения и развития их различных видов и конструкций у исследователей существуют различные точки зрения.

В. И. Марковин считал, что наиболее древними являлись плиточные дольмены, от которых позднее произошли все остальные типы и виды памятников (Марковин, 1978. С. 185; 1997.

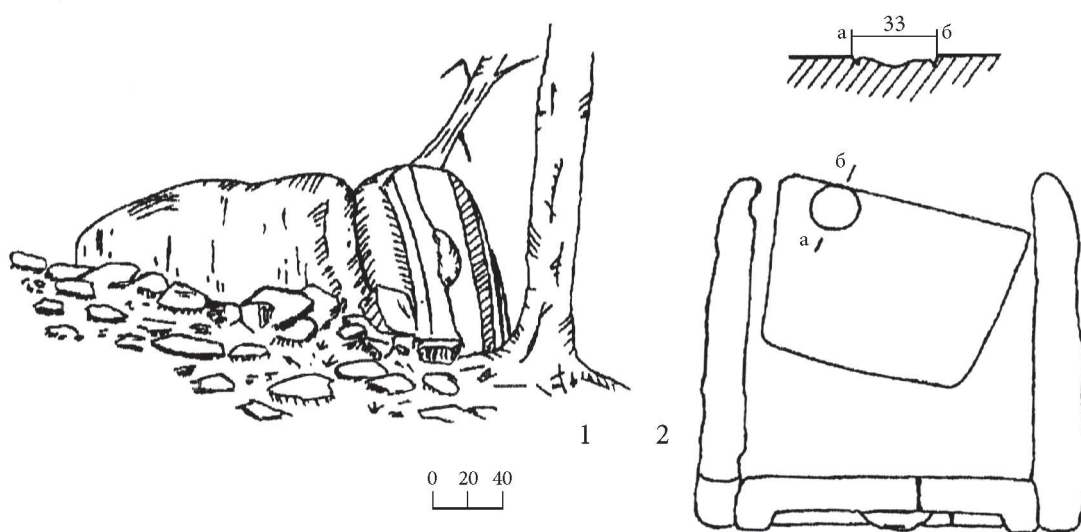

Рис. 1. Недостроенный плиточный дольмен с ложным входом группы «Волчьи ворота»: 1 – общий вид; 2 – план (а–б – разрез недоделанного лаза)

С. 398). Иных взглядов на типологию и генезис дольменов придерживается А. Д. Резепкин. Он рассматривает эволюцию форм дольменов как переосмысление и развитие на Кавказе западноевропейских галерейных (новосвободненские двух- и однокамерные) и коридорных гробниц – подковообразные составные гробницы, эволюционирующие в трапециевидные дольмены (Резепкин, 1988. С. 156–163). Оригинальную точку зрения о возможности происхождения всех типов дольменов от составных круглоплановых конструкций предложил В. А. Трифонов (2001. С. 29–30). Он указывает на возможность одновременного возведения дольменных памятников разных конструкций. Надо признать, что такую возможность отмечал и В. И. Марковин (1978. С. 202). Основываясь на положении отдельных памятников в общем архитектурном ансамбле, мнение об одновременном возведении разнотипных памятников поддерживают и другие исследователи (Бианки, 2010. С. 99; Мелешко, 2010. С. 204). Однако это предположение можно оспорить, т. к. дольмены других типов могли встраиваться в архитектурный ансамбль почитаемого (священного) места гораздо позднее. Напр., в дольменном ансамбле Жане боковые составные дольмены могли быть возведены на сотни лет позднее центрального плиточного памятника. Точно также можно объяснить и сосуществование в одной насыпи корытообразных и плиточных дольменов группы Цыганков аул. При этом вовсе не обязательно, чтобы более поздние памятники располагались на периферии ансамбля – они легко могли быть встроены и в его центральную часть.

По-видимому, наиболее ранним типом памятников были, как и полагал В. И. Марковин, плиточные дольмены. Все остальные типы дольменов строились в подражание им. Эту точку зрения подтверждает наличие имитации выступов боковых плит у всех остальных видов памятников: составных, корытообразных и монолитных дольменов. Если бы существовала лишь необходимость сакрального выделения порталного пространства перед входом, то, в случае строительства полумонолитных памятников, достаточно было бы ограничиться высеканием в скале порталной ниши. Но у многих памятников, напр., у групп «Виноградное», «Солоники-2», «Три дуба» (Кондряков, 2010. С. 26–27) и мн. др., в камне высечены выступы, имитирующие выступающие вперед боковые плиты. То же самое можно увидеть и у составных памятников. Напр., выступы, имитирующие выступы боковых плит, высечены на перед-

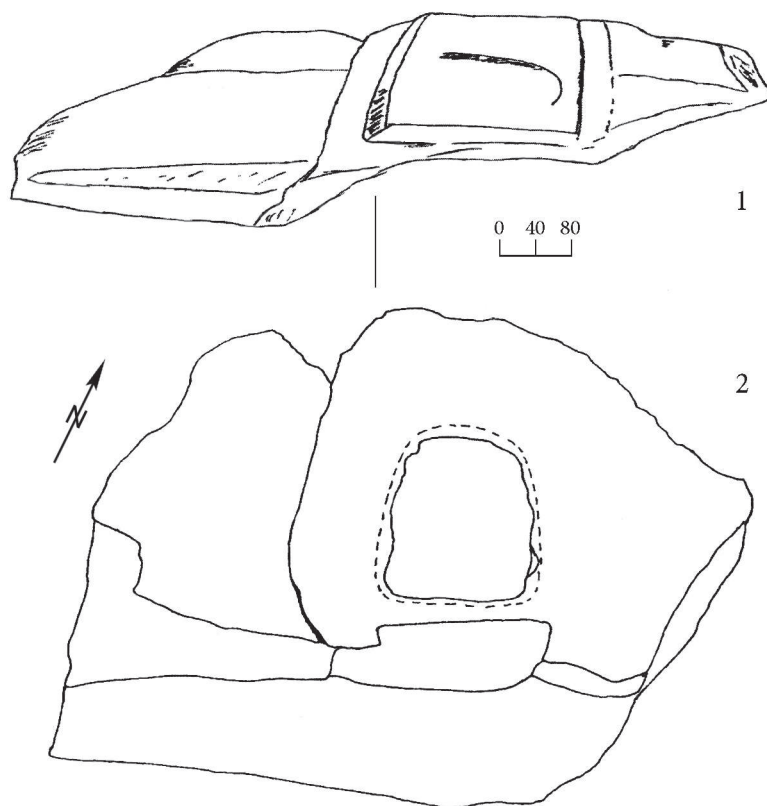

Рис. 2 Недостроенный дольмен-полумонолит группы «Волчы ворота»: 1 – фасад; 2 – план

них плитах составных дольменов групп «Волчы ворота», «Капибге», «Кирово-2» (Кудин, 2000. С. 127). У дольменов-монолитов трапециевидная передняя стена явно имитирует переднюю стену плиточных памятников. У монолита в селе Береговое хорошо видны выступы имитации боковых плит (Марковин, 1978. Рис. 103, 2), а у монолита в селе Волконка имитируется выступ нависающей над фасадом плиты перекрытия (Марковин, 1997. Рис. 184).

Гипертрофированное выражение эта подражательная идея нашла у плиточных дольменов с ложным входом. При наличии боковых плит, тем не менее высекается на передней стене имитация их выступов. При этом боковые плиты установлены на уровне передней стены и не выступают вперед, как у обычных плиточных памятников (рис. 1, 2) (Кудин, 2000. Рис. 2, 3). Но это вовсе не означает, что при появлении новых форм памятников строители отказались от старых конструкций обычных плиточных дольменов. По-видимому, во многом тип памятника определялся величиной и наличием подходящего для строительства камня. Необходимо также учитывать и локальные особенности конструкций и предпочтения местных «архитектурных школ».

То, что разные архитектурные формы (типы) дольменных памятников строились одновременно, хорошо подтверждается сохранившимися до наших дней единичными недостроенными дольменами, относящимися ко всем основным типам памятников и свидетельствующим о внезапном прекращении строительства дольменов. Недостающие элементы у некоторых дольменов можно объяснить переиспользованием дольменных плит в конструкциях более поздних цистовых захоронений. Напр., в дольменной группе в верховьях р. Цусквадже рядом с обычным плиточным дольменом есть цистовые подкурганые гробницы. В одной из них переиспользованная трапециевидная плита с отверстием установлена в перевернутом виде, а боковыми стенами служат плохо обработанные тонкие плиты без пазов (Кудин, 2004. С. 45).

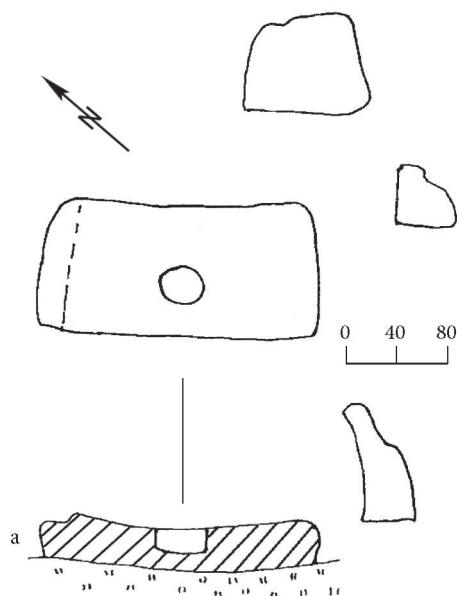

Рис. 3. Недостроенный составной дольмен группы «Джималта» (а – разрез фасадной плиты с недоделанным лазом)

Но известно несколько памятников, строительство которых явно не было завершено. Это два дольмена-монолита в Абинском р-не (Гей, 2008. С. 294). Недостроенный дольмен-монолит у станицы Шапсугской представляет собой прямоугольную глыбу песчаника. На ее восточной стороне высечен округлый лаз (диаметр 0,3 м и глубина 0,55 м) и правый порталый выступ. На южной стене имеется еще один начатый лаз диаметром 0,38 м и глубиной 0,47 м (Шариков, Комиссар, 2008. С. 52–54). Дольмен-монолит у станицы Эриванской подвергся большей обработке. В скале была высечена порталая ниша высотой 2 м и шириной 3 м. В нижней части выбито входное отверстие диаметром 0,35 м, ведущее в крохотную, по-видимому, незаконченную камеру размером 0,6×0,4 м (Шариков, Комиссар, 2008. С. 8). Возможно, прекращение строительства было вызвано обрушением слабосцементированного песчаника порталой стены.

Недостроенный составной дольмен в бассейне р. Шахе (группа «Три дуба») был обнаружен и описан В. Н. Костиниковым и К. А. Глазовым (Галищева, Глазов, 2007. С. 163–165). На платформу из плоских пяточных плит установлена фасадная стена и часть закругленных секторов блоков первого яруса боковых и задней стен. Неподалеку лежит несколько блоков, которые так и не были установлены. В 10 м от дольмена лежит огромная плита перекрытия размером 4,65×3,87×0,45 м. Плита покоится на примерно 10 округлых камнях диаметром 0,35–0,40 м, образующих зазор 0,2–0,3 м между землей и плитой, в который можно было вставить рычаги и другие приспособления для транспортировки перекрытия к месту установки (Галищева, Глазов, 2007. С. 164).

Два недостроенных дольмена (плиточный и корытообразный) находятся в группе «Волчьи ворота» в верховьях р. Неожиданной (Мыжогопс). Еще один недостроенный составной дольмен расположен в соседней группе на водораздельном хребте между р. Неожиданной (Мыжогопс) и Джималта. Ниже приведено их краткое описание.

Недостроенный корытообразный дольмен группы «Волчьи ворота» высечен в большой глыбе песчаника (рис. 2). Скала, вытянутая с В на З, имеет треугольную форму, ее общая длина – 7 м, наибольшая ширина – 6,2 м, она плавно повышается к З, достигая высоты 3,2 м. В центре глыбы высечена дольменная камера трапециевидной формы с закругленными углами и задней стеной. Кверху камера суживается. Она заполнена землей, наибольшая видимая

глубина – 0,6 м. Размеры камеры: длина – 2,04 м, наибольшая ширина – 1,57 м, ширина порталной стены – 0,32 м. В ЮВ части скалы высечена порталная ниша трапециевидной формы глубиной 0,43 м и высотой 2,06 м. Ширина портала в нижней части – 2,24 м, вверху – 1,95 м, азимут фасада – 1520. На высоте 0,8 м от верхнего края портала песчаник частично обрушился, образовав нишу (рис. 2, 1). Справа и слева от порталной стены скала также частично обработана. Входное отверстие в камеру так и не было выбито, плита перекрытия отсутствует.

В 250 м южнее, также относящийся к группе «Волчьи ворота», находится еще один недостроенный плиточный дольмен с ложным входом, ранее уже упоминаемый в литературе (Кудин, 2000. С. 127. Рис. 1, 1). У этого памятника отсутствует перекрытие, а входное отверстие в задней стене лишь слегка намечено (рис. 1).

В 700 м западнее, на водораздельном хребте между р. Неожиданной (Мыжогопс) и Джималта, расположена дольменная группа «Джималта», обнаруженная М. И. Кудиным и А. М. Бианки в 2009 г. и состоящая из трех памятников: корытообразного, разрушенного плиточного и недостроенного составного дольмена. К последнему относится фасадная стена дольмена, которая лежит на небольшой искусственной каменной насыпи и не была закончена. Плита имеет чуть трапециевидную закругленную форму, размером 2,15–2,0×1,2×0,36 м (рис. 3). На высоте 0,25 м от нижнего широкого края в ней выбито округлое отверстие 0,37×0,36 м, оно углублено в плиту на 0,22 м и не было завершено (рис. 3, 1). С правой стороны в плите выбит паз для подгонки боковых блоков. Рядом с фасадной плитой лежат еще два слегка обработанных камня, видимо, заготовки блоков для боковых стен.

Внезапное прекращение строительства дольменов, отмеченное незавершенными памятниками, свидетельствует о вытеснении или покорении (ассимиляции) носителей дольменной культуры иными племенами. Возможно, эти события связаны с вытеснением в горы племен северокавказской культуры степняками – представителями срубной и катакомбной культур (Марковин, 1994. С. 272, 277).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бианки А. М. Группа дольменов как тип памятника // Древние культуры Евразии: Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. Н. Бернштама. СПб. 2010.
- Галищева Е. В., Глазов К. А. Новые данные по Солохаульской дольменной группе // Доклады Сочинского отделения РГО. Сочи. 2007. Вып. 4.
- Гей А. Н. Исследования дольменных памятников Западного Кавказа в 2005–2007 г. // Тр. II (XVIII) Всероссийского АС в Суздале. М. 2008. Т. 1.
- Кондряков Н. В. Тайны сочинских дольменов. Майкоп. 2010.
- Кудин М. И. К вопросу о ложнопортальных дольменах Причерноморья // Античная цивилизация и варварский мир: Мат-лы 7-го археол. семинара. Краснодар. 2000.
- Кудин М. И. Бронзовый топор из дольмена на р. Цусквадже // Сочинский краевед. Сочи. 2004. Вып. 12.
- Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Тр. АБИЯЛИ. Сухуми. 1960. Вып. XXXI.
- Ловпаче Н. Г. Этническая история Западной Черкесии. Майкоп. 1997.
- Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик. 1974.
- Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М. 1978.
- Марковин В. И. Северокавказская культурно-историческая общность // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М. 1994 (Археология СССР).
- Марковин В. И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М. 1997.
- Мелешко Б. В. О финальной дате дольменных памятников Кавказа // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии М. 2010 (КСИА. Вып. 224).
- Резепкин А. Д. Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. 1988.

Трифонов В. А. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения // Дольмены современники древних цивилизаций. Краснодар. 2001.

Уваров А. С. Мегалитические памятники в России. // Древности. М. 1876. Т. VI. Вып. III.

Фелицин Е. Д. Западно-кавказские дольмены // МАК. М. 1904. Т. IX.

Шарилов Ю. Н., Комиссар О. Н. Древние технологии дольменов Кавказа. Краснодар. 2008.

КОМПЛЕКС УКРАШЕНИЙ ИЗ ДОЛЬМЕНА МОГИЛЬНИКА ШУШУК В АДЫГЕЕ

А. Д. Резепкин (г. Санкт-Петербург)

Исследования В. И. Марковина положили начало новому этапу в изучении дольменов Северо-Западного Кавказа. Он, как никто другой, раскопал и ввел в научный оборот значительное количество материала, без которого невозможно обойтись при любых исследованиях мегалитов Кавказа. Итогом десятилетних (1967–1976 гг.) полевых работ было издание четырех монографий, в которых были опубликованы результаты этих исследований и высказано несколько предположений относительно происхождения, классификации и хронологии дольменов. В последнее время и мной были опубликованы некоторые результаты исследований дольменов (Резепкин, 2010. С. 412–422).

Майкопской экспедицией ИИМК РАН близ поселка Каменноостский в Майкопском р-не Республики Адыгее в 2009 г. было раскопано три дольмена. Особая ценность полученной информации из этих раскопок состоит в том, что один из этих дольменов оказался неграбленным, хотя и нарушенным при карьерных работах. Он сложен из пяти плит, трапециевидный в плане и профиле, в нижней части передней плиты имеется отверстие арочной формы, заткнутое пробкой.

Помимо керамики и бронзовых подвесок в один и полтора оборота, бронзовых спиралек-наконечников, бронзовой и каменных бусин (рис. 1, I/1–10), в этом дольмене была найдена бронзовая височная подвеска редкой формы. Особая ценность этой находки состоит в том, что она была найдена в неграбленном дольмене. Подвеска представляет собой довольно широкое и плоское кольцо в один оборот, концы которого, поднимаясь на две трети его высоты, закручены в спиральки, обращенные наружу плоской стороной (рис. 1, I/5).

Аналогия этому предмету имеется в склеповом погребении, раскопанном в 1976 г. М. Б. Мужухоевым у села Эгикал в горной части Ингушетии. Находки из погребения были опубликованы В. И. Марковиным. Часть предметов: обломки кинжала закавказского типа, наконечник копья, сурьмяная поделка (рис. 1, III/2, 6–7), – он склонен отнести к концу II тыс. до н.э., а остальные – «к середине, скорее всего к началу второй половины II тыс. до н.э.» (Марковин, 1982. С. 29). К первой группе предметов я бы добавил, судя по высокому содержанию сурьмы, еще и булавку (рис. 1, III/5). К тому же, в этой группе предметов содержание мышьяка не превышает одного процента, тогда как у остальных находок, кроме одного предмета, оно более процента (см. Марковин, 1982. С. 29). Эту же группу объединяет еще и то обстоятельство, что все эти находки были найдены на дне склепа, кроме копья, которое находилось на 0,15 м выше камеры. Все остальные находки, кроме кремневого наконечника стрелы и пастовых бус, которые были разбросаны по всей глубине и площади в заполнении ящика, были найдены в заполнении (Там же). Как мы видим, простое стратиграфическое положение предметов в склепе, позволяет предполагать, что эта группа предметов является более ранней, чем остальные вещи из склепа, а не наоборот, как считал В. И. Марковин (Там же). Но в данном случае, нас интересует только одна из находок – это бронзовая фигурная височная подвеска (рис. 1, III/2), поскольку аналогичный предмет, как упоминалось выше, был обнаружен и в дольмене I мог-ка Шушук.

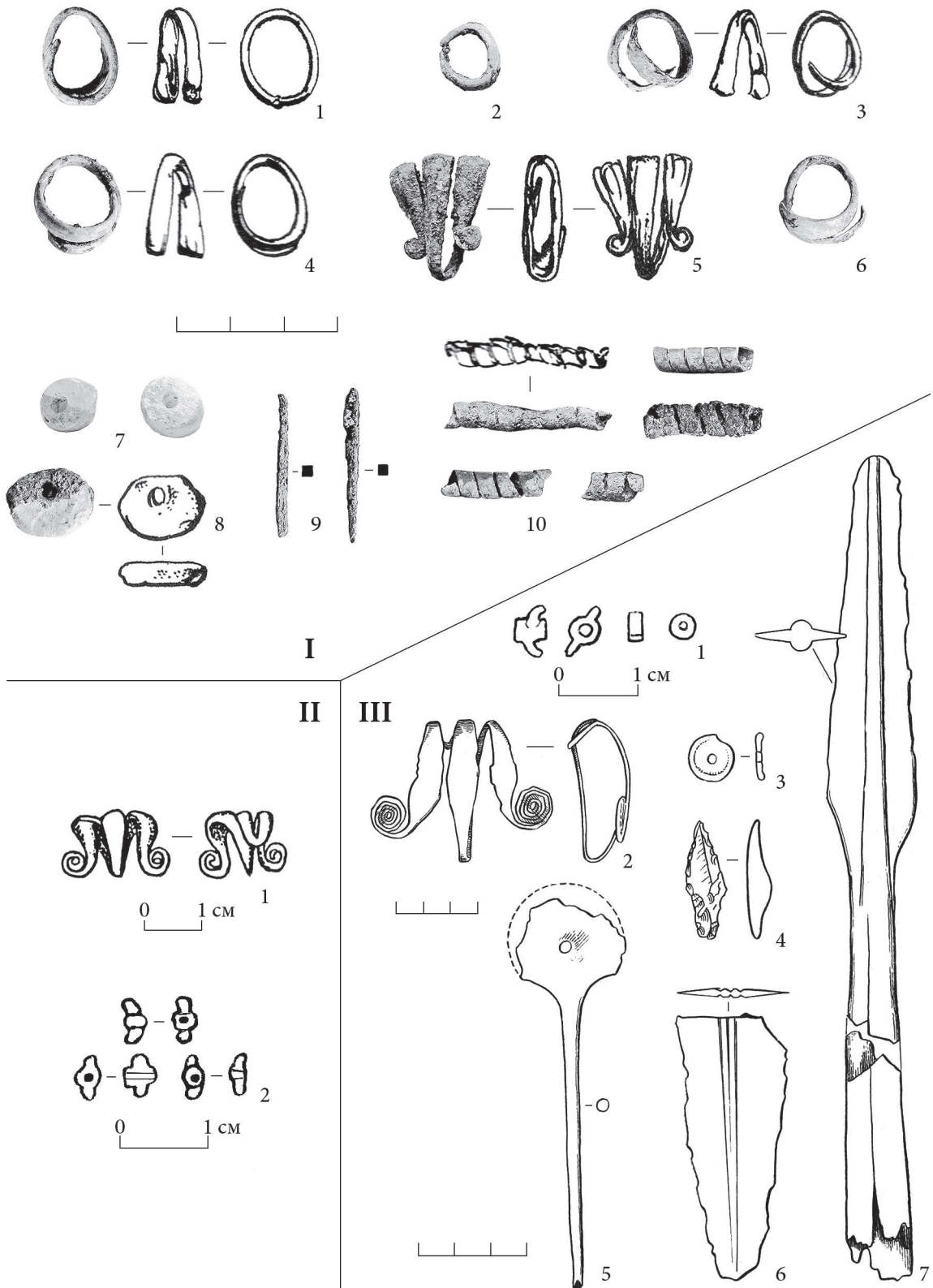

Рис. 1. Украшения из дольмена I могильника Шушук (I) и их аналогии (II-III). I – могильник Шушук, дольмен I (1, 3-4, 6 – кольца в 1,5 оборота; 2 – кольцо с сомкнутыми концами; 5 – подвеска; 7-8 – бусы; 9 – шильца; 10 – подвески; 1-6, 8-10 – бронза, 7 – камень); II – станица Архонская, курган 2, погребение 2 (1 – подвеска из золота; 2 – двухрожковые бусы из фаянса; по Корневский, Мимоход 2011); III – склеп у села Эгикал, предметы (1 – бусы; 2-3 – подвески; 4 – наконечник; 5 – булавка; 6 – обломок кинжала; 7 – наконечник копья; 1 – фаянс, 2, 5-7 – бронза, 3 – камень, 4 – кремень; по Марковин 1982)

Еще одна подвеска, но из золота и меньшей формы, была найдена в Северной Осетии у станицы Архонской в кург. 2 погр. 2 (Кореневский, Мимоход, 2011. С. 58, 106, рис. 8, 3). Авторы, это погребение достаточно аргументировано относят ко второму этапу архонской культурной группы, который, согласно их исследованиям, можно датировать XXII–XVIII вв. до н.э. с возможным омоложением верхней границы до XVI в. до н.э. (Там же. С. 65, 71). Но это, надо полагать, является нижней границей времени существования подвесок этого типа, поскольку мы их видим и в поздних комплексах (Техов, 1977. Рис. 114, 7–8, 15, 30), что и отмечают авторы (Кореневский, Мимоход, 2011. С. 59).

Относительно датировки подвески из склепа у села Этикал, то достаточно надежное обоснование она получает благодаря обнаруженной там фаянсовой двухрожковой бусине (рис. 1, III/1). Согласно выводам С. Н. Кореневого и Р. А. Мимохода, они доживают до развитого этапа в лолинской культуре, и время их существования не заходит в начало эпохи поздней бронзы, поскольку в комплексах носителей ранних колесничных культурных образований они не встречены (Там же. С. 53). Иными словами, тот комплекс предметов, который вместе с подвеской найден на дне склепа, датируется не позже конца III тыс. до н.э.

Все же представляется крайне сомнительным, чтобы подвески такого типа, если учитывать их позднюю датировку по находкам из Тлийского мог-ка, существовали не менее 800 лет. Остальные типы украшений из дольмена I мог-ка Шушук: подвески в полтора оборота с расплюснутыми концами (рис. 1, I/1 3–4), наконечники (рис. 1, I/10), – также имеют широкие временной диапазон и ареал распространения. В свете вышеизложенного, какие-либо узкие хронологические рамки этого дольменного комплекса по данной категории инвентаря определить невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кореневский С. Н., Мимоход Р. А.* Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонской в Северной Осетии. М. 2011.
- Марковин В. И.* К вопросу о происхождении склепов и распространении составных дольменов на Северном Кавказе // Памятники эпохи неолита и бронзы. М. 1982 (КСИА. Вып. 169).
- Резепкин А. Д.* К вопросу о классификации дольменов и погребальном обряде «дольменной культуры» // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) М. 2010.
- Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М. 1977.

ОРУЖИЕ И ПРОБЛЕМА ПЕРЕСМОТРА ДАТИРОВКИ ПАМЯТНИКОВ «ЦВЕТУЩЕЙ ПОРЫ» ТРИАЛЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

М. Б. Рысин (г. Санкт-Петербург)

«Цветущая пора» триалетской культуры стала известна по пышным погребениям представителей элиты кавказского общества. Первооткрыватель триалетских памятников Б. А. Куфтин (1941) датировал богатые курганы «цветущей поры» серединой II тыс. до н.э. О. М. Джапаридзе (1969. С. 270), а вслед за ним Э. М. Гогодзе (1972), определили время их сооружения в пределах первой половины II тыс. до н.э. В результате появилась «короткая» и «длинная» хронология триалетских курганов. К этой проблеме позднее обращались многие исследователи (Shaeffer, 1943; Minns, 1943; Kuftin, Field, 1946; Мартиросян, 1964; Gimbutas, 1965; Rubinson, 1977; Нариманишвили, 2006; Zischow, 2006; подробно см. Кушнарева, 1993. С. 93–98). Почти все они отнесли курганы «цветущей поры» к первой половине II тыс. до н.э.

При обосновании времени сооружения курганов «цветущей поры» мы опираемся главным образом на металлическое оружие. Из-за постоянной тенденции к совершенствованию

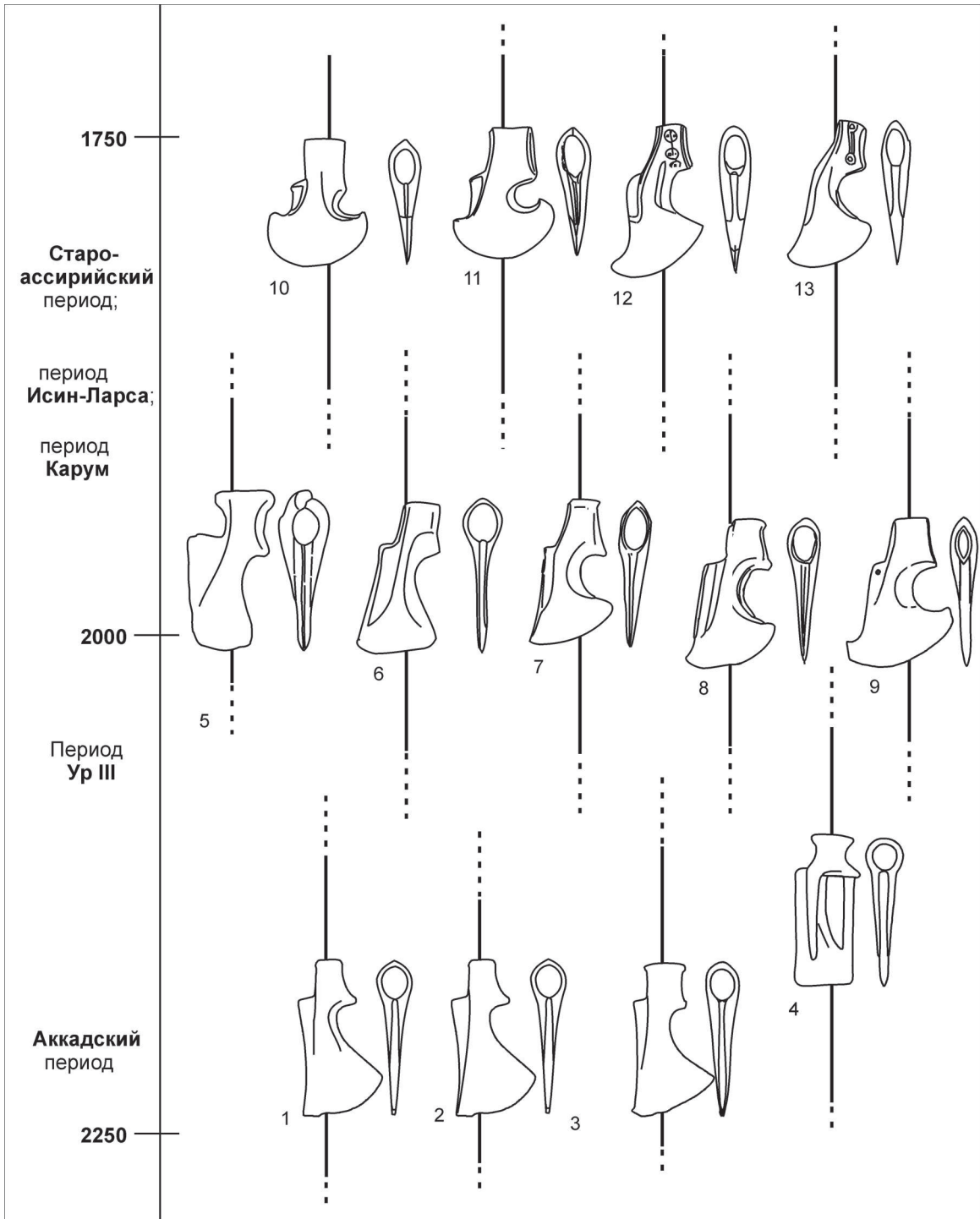

Рис. 1. Проушные топоры (тип Тепе-Гавра). 1 – Карс; 2 – Тепе-Гавра VI; 3 – Билла; 4 – Кюдурли; 5 – Кюльтепе; 6 – Лениакан; 7–8 – Навур; 9 – Луристан; 10 – Кировакан; 11 – Хоредж; 12 – Грма-геле; 13 – Бодорна

его образцы имеют особое значение для проблемы датировки и периодизации памятников. В сфере вооружения в этот период ситуация качественно меняется – появляются новые образцы оружия: топоры-секиры, копьё со втульчатым наконечником, рубящие мечи, колющее оружие – «рапиры».

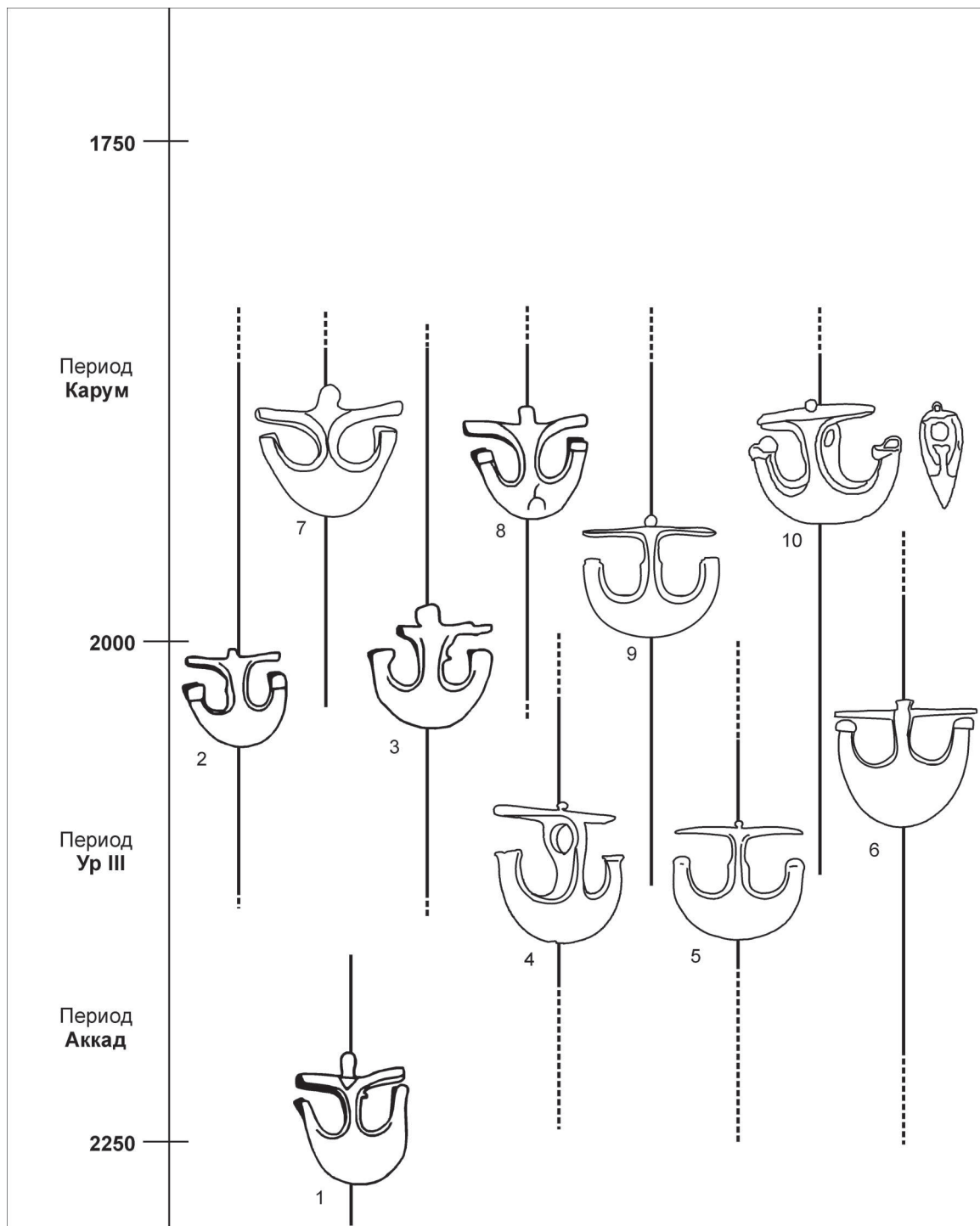

Рис. 2. Якоревидные топоры-секиры. 1 – Ур; 2 – Абидос; 3 – Библ; 4 – Бедени; 5 – Кюдурли; 6 – Луристан; 7 – Хелуан; 8 – Сирия; 9 – Карашамб; 10 – Иджеван

Проушные топоры. В отличие от многообразия боевых проушных топоров на предшествующем бедено-алазанском этапе, на триалетско-кировкаканском этапе среднего бронзового века (далее – СБВ) представлены топоры только двух типов. Топоры этого этапа обладают широким прочным клином с серповидным (расширенным) лезвием – они предназначались для рассекающих ударов, т.е. являлись боевыми секирами. Все секиры триалетско-кировкаканского этапа, кроме экземпляров из «царского» кургана в Кировакане и погр. 80 на Аликемектепе,

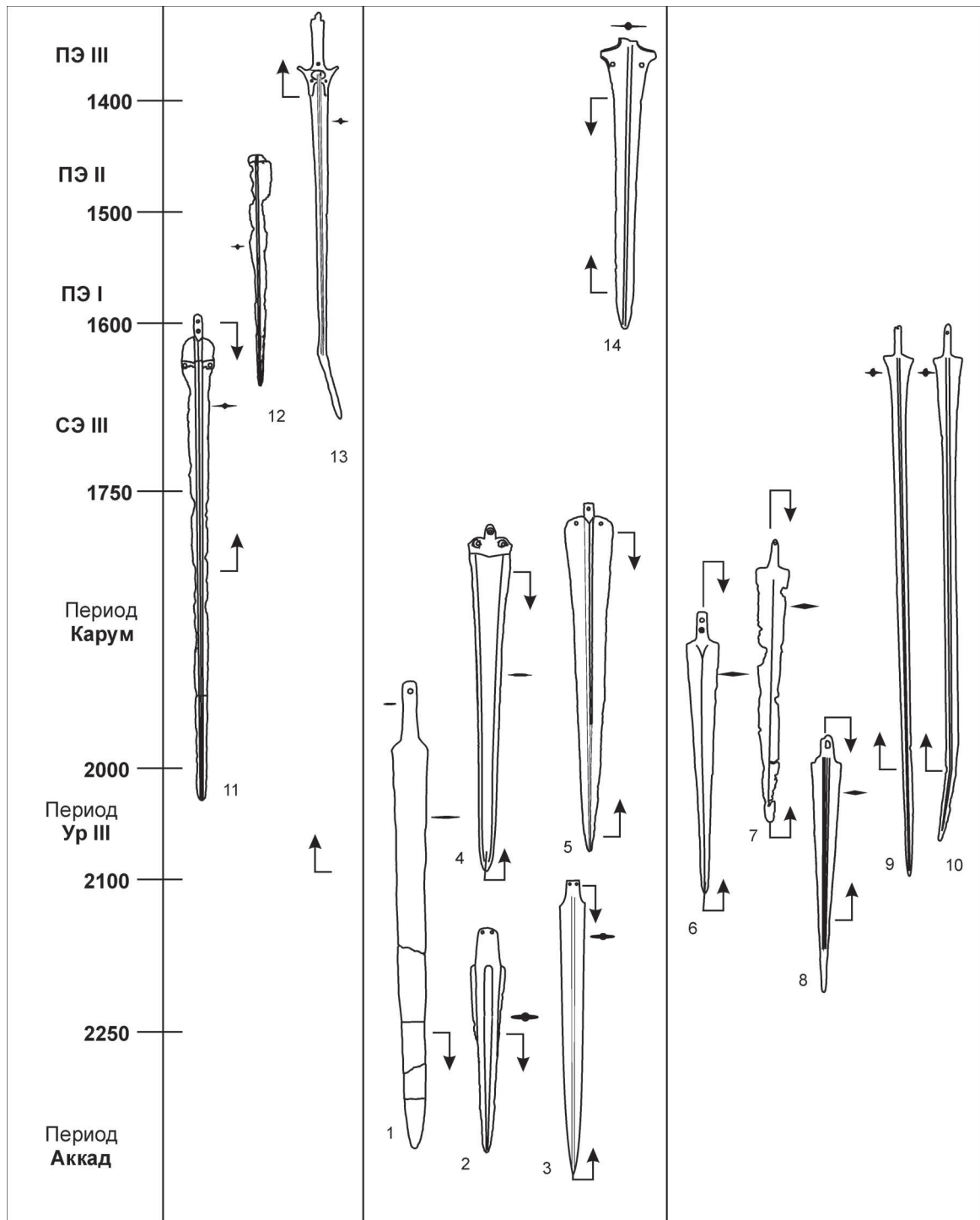

Рис. 3. Мечи и «рапиры». 1–2 – Аладжа; 3 – Хорозтепе; 4 – Карум; 5 – Библ; 6 – Дилича; 7 – Садуга, курган 2; 8 – Садуга, курган 3; 9 – Лило; 10 – Самтавро; 11 – Маллия; 12 – Аморгос; 13 – Микены

найлены случайно: это экземпляры из Ленинакана, Мцхеты, Навура, Карса, Шамшадина, Хореджа, Грма-геле и Бодорна – *тип Тепе-Гавра* (рис. 1). Для них характерна овальная форма проушного отверстия, выступ на спинке перед передней стенкой втулки и ребра жесткости на клине. Их прототипами являлись северомесопотамские экземпляры XXIII–XX вв. до н.э. (Тепе-Гавра, слой VI; Телль Билла; Müller-Karpe M., 1996. Abb. 13, 12–13). Топоры типа Тепе-Гавра распространились во время расцвета ассирийских торговых колоний через Северную

Месопотамию до Центральной Анатолии (Кюльтепе – Каниш, Алишар; Erkanal, 1977. S. 19) и Ирана. Типологическая близость кавказских секир (со слабо изогнутым лезвием) с северомесопотамскими позволяет датировать первые также последней третью III тыс. до н.э. Во всяком случае, для отнесения их к середине II тыс. до н.э. нет оснований. Верхний хронологический диапазон секир с асимметрично расширенным клином укладывается в староассирийский период (XIX–XVIII вв. до н.э.; Müller-Karpe M., 1996. S. 272, 274. Abb. 13). При этом, кироваканская секира, скорее, несколько моложе орудий с асимметрично расширенным клином.

В «царском» кургане в Карашамбе недавно была обнаружена серебряная секира другого типа (Оганесян, 1990) – т.н. **якоревидный топор** (тип В-2, по Maxwell-Hyslop, 1949. P. 119). Второй экземпляр (бронзовый) найден в беденском кургане 12 (Шатберашвили, 1998. С. 125). Еще одна якоревидная секира найдена в Кюдурлинском кургане 14 с инвентарем беденского облика (Ахундов, 2001. Рис. 35, 3). Наконец, четвертая миниатюрная секира найдена случайно в Иджеване (Мартиросян, 1964. С. 72. Рис. 36). На Древнем Востоке якоревидные секиры обнаружены в Южной Месопотамии (Ур), в Луристане, Сирии (Библ) Ливане и Египте (рис. 2). Эти топоры изучены Ю. Таббом (Tubb 1982. P. 1–12. Fig. 1, 1–4), установившим, что единственный надежно датированный экземпляр происходит из погребения могильника в Уре, средне- или позднеаккадского периода (XXIII–XXII вв. до н.э.). Типологическое родство всех древневосточных образцов, архаичный способ насада (круглое проушное отверстие) и ареал находок (Сирия, Египет) позволяют отнести их выпуск к последней трети III–первой четверти II тыс. до н.э., к периоду активизации связей Египта с Левантом.

Напомним, что инвентарь бедено-алазанских комплексов синхронизируется с аккадским периодом на Древнем Востоке (Кушнарева, Рысин, 2000). Этим временем, соответственно, датируются закавказские якоревидные секиры из Бедени и Кюдурли. Учитывая сходство с последними серебряной секиры из Карашамба – типичного комплекса «цветущей поры» – нет никаких оснований для ее датировки первой половиной II тыс. до н.э. Таким образом, кавказские экземпляры якоревидных секир следует датировать не позднее конца III–начала II тыс. до н.э.

Кинжалы. Кинжалы в триалетско-кироваканских комплексах имеют прямоугольный, реже трапециевидный черенок, удлинненно-подтреугольный клинок с прямыми, изредка слегка выгнутыми лезвиями и округлый конец; сечение клинка плоское, линзовидное, реже подромбическое с центральным ребром; отверстия для заклепок пробиты на черенке и плечиках; длина оружия 18–30 см (Picchelaugi, 1997. Taf. 48–49). В курганах Триалети обнаружены три кинжала с продольными каннелюрами вдоль клинка (Куфтин, 1941). Близкие кавказским по форме и пропорциям черенковые кинжалы обнаружены на Переднем Востоке в памятниках конца III–начала II тыс. до н.э. – Библ, Рас-Шамра, Мегиддо, Иерихон, Соли, Кюльтепе у Кайсери, Сакчагезу, Чогар Базар, Ашшур и др. (Stronach, 1957. Fig. 2, 16; Erkanal, 1977. Taf. 12, 20–22; Müller-Karpe M., 1996. Abb. 4, 11–12). Каннелюры украшают клинки кинжалов из Рас-Шамры (слой РБВ-3; Schaeffer, 1962. P. 234. Fig. 28, C–D) и Кюльтепе-Каниша (Карум, слой I b; Ozguc, 1959. Fig. 71).

Рубящие мечи. Первые мечи на Южном Кавказе появились в памятниках триалетско-кироваканского этапа: Дилича курган 1 (Дедабришвили, Русишвили, 1984. Т. XXIX, 4), Садуга курган 2 (Махарадзе, 1986. С. 132. Рис. 1). Эти изделия имеют узкий прямоугольный черенок, прямые слегка опущенные плечики и удлинненно-подтреугольный клинок с острым концом; сечение клинка подромбическое; на черенке пробиты отверстия для заклепок, прикрепляющих деревянную рукоятку (рис. 3). Длина мечей 47,5 и 50 см. Рубяще-колющие мечи с острым концом клинка впервые появляются во второй половине III тыс. до н.э. в Центральной Анатолии (Аладжа, Хорозтепе) и в Сирии (Библ; Sandars, 1961. Pl. 15, 16). Рубежом III–II тыс. до н.э. датируются рубяще-колющие мечи из Сакчагезу и «Корум» в Центральной Анатолии (Müller-

Karpe A., 1994. Abb. 1). По наличию черенка, форме и пропорциям клинка, а также по расположению заклепочных отверстий кавказские мечи ближе всего к центрально-анатолийским образцам рубежа III–II тыс. до н.э.

«Рапиры». Это оружие, как и мечи, найдено в элитных погребениях триалетско-кироваканского этапа, а также в погребениях ПБВ – Талыш, Дагестан. «Рапиры» имеют узкий прямоугольный черенок, прямые слегка (или сильно) опущенные плечики; клинок узкий, постепенно суживающийся к острому концу; с обеих сторон вдоль клинка проходит резко выступающее центральное ребро; на конце черенка у некоторых экземпляров имеется отверстие для крепления деревянной рукоятки (Кушнарева, 1993. Рис. 41, 1; 44, 1–4; Picchelaury, 1997. Taf. 36; Burger, 1994. Taf. V–VI).

По вопросу происхождения кавказских «рапир» существуют различные мнения. Часть исследователей объясняет их появление заимствованием оружия из Эгейского региона, где «рапиры» известны с конца среднеэлладского периода. Однако все больше специалистов склоняется к мнению о независимом (от эгейских) происхождении триалетских «рапир» (Чубинишвили; Джапаридзе; Ломтатидзе; Гогадзе; Бургер). На наш взгляд, это подтверждается более архаичным обликом кавказских экземпляров: рукоятка кавказских «рапир» крепилась на одной заклепке, расположенной на краю черенка, не обеспечивая надежного соединения, тогда как уже наиболее древняя эгейская «рапира» из Маллии на Крите периода СМ-II (1800–1700 гг. до н.э.) имела глубоко заходящую на клинок рукоятку, а заклепки располагались на черенке и на плечиках (Sandars, 1961. Pl. 17, 1), что обеспечивало надежное соединение и было прогрессивной новацией. Однако трудно согласиться с предположением, что подобное высокоспециализированное оружие могло быть спонтанно изобретено кавказскими мастерами путем простого удлинения мечей (Гогадзе, 1972). Такая характерная для «рапир» деталь, как выступающее центральное ребро, у кавказских кинжалов и мечей отсутствует. Ребро впервые появилось у мечей второй половины III тыс. до н.э. из Центральной Анатолии (Аладжа, Хорозтепе; Stronach, 1957. P. 99. Fig. 3, 4), Палестине (Газа, Гидеон; Pritchard, 1962. P. 16, lower row, left), Сирии (Библ; Sandars, 1961. Pl. 16, 6) и Киликии (Соли; Sandars, 1961. Pl. 16, 4). Именно анатолийские и сирийские мечи могли послужить прототипами для «рапир» Южного Кавказа. В качестве нижней границы возможного появления «рапир» на Кавказе мы принимаем датировку передневожосточных мечей с острым концом клинка и с выступающим ребром – XXII–XIX вв. до н.э.

Наконечник копья с втулкой для насада. Впервые бронзовое копье со свернутой втулкой было обнаружено Б. А. Куфтиным в одном из «царских» курганов Триалети (курган XV; Куфтин, 1941. С. 96. Табл. 106). В дальнейшем была открыта серия погребений этого времени, как с парадными копьями в элитных могилах (Месхети, Кировакан, Арич), так и с обычными боевыми экземплярами в могилах рядовых воинов (Нули, Квасатали, Цагвли, Метехи, Кистаури и др.; Picchelaury, 1997. Taf. 70).

Б. А. Куфтин, а вслед за ним К. Шеффер, М. Гимбутас (Куфтин, 1941. С. 96; Schaeffer, 1943. P. 184; Gimbutas, 1965. P. 92) в качестве первой параллели триалетскому копью указывали на копье из погребения X в Просимне на Кефаларском холме, относящееся к периоду «позднеэлладский II и III» (XV–XIII вв. до н.э.). К. Рубинсон привела в качестве параллели также копья из погребения IV в Ялисосе на Родосе (Rubinson, 1977. P. 247). Названные параллели были приняты и отечественными исследователями. Лишь Г. Л. Кавтарадзе (1983. С. 131) справедливо указал на существование на Переднем Востоке копий со свернутой втулкой уже в конце III тыс. до н.э., к сожалению, не пытаясь обосновать приведенные им параллели триалетскому копью при помощи сравнительно-типологического метода. Накопившиеся за прошедшие десятилетия экземпляры копий в эгейском, передневожосточном и кавказском ареалах (Avila, 1983; Maigret, 1976; Erkanal, 1977; Müller-Karpe M., 1996; Picchelaury, 1997), побуждают к проведению сравнительного анализа всех известных сегодня находок.

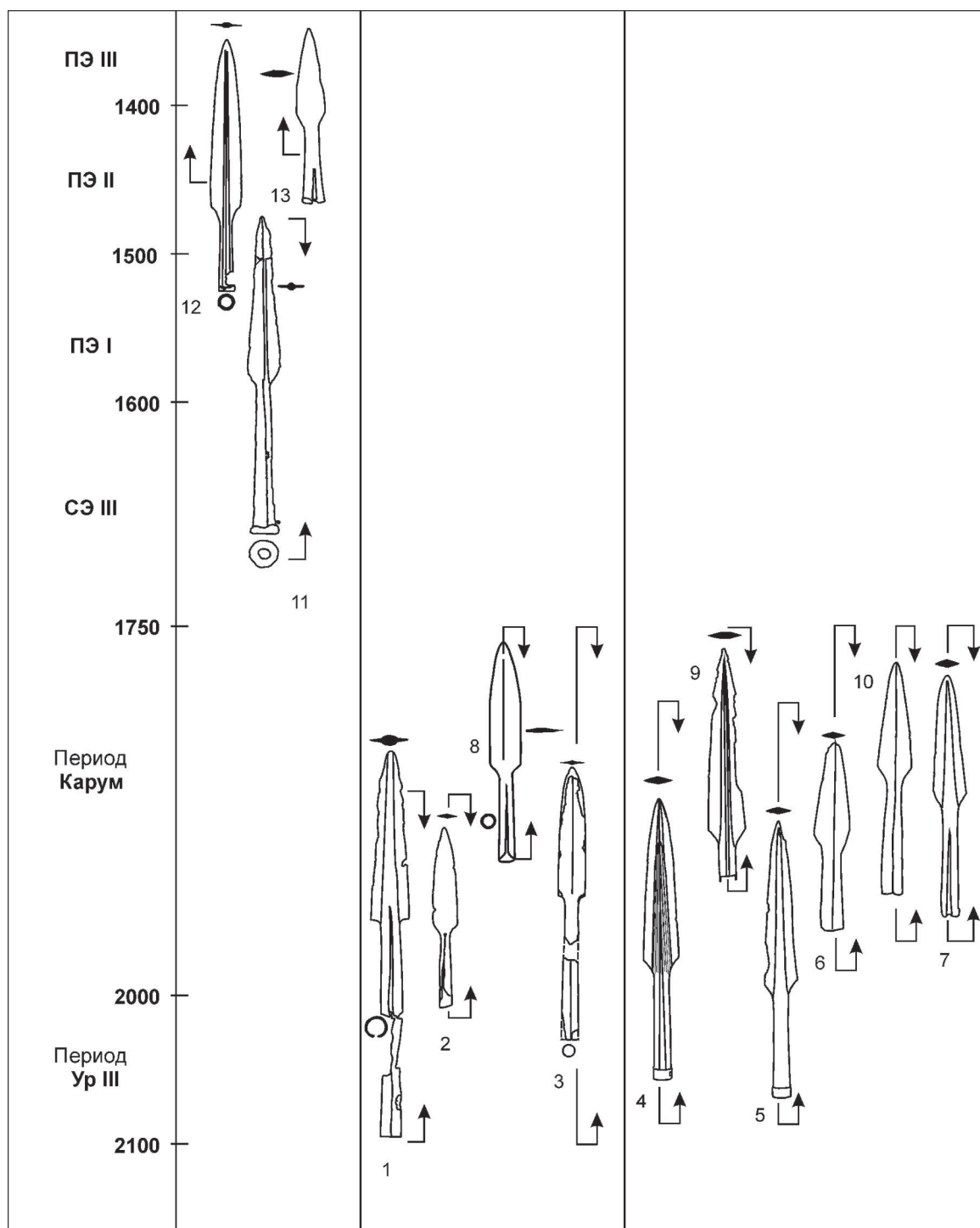

Рис. 4. Втульчатые наконечники копий. 1 – Рас-Шамра; 2 – Кюльтепе II; 3 – Ашшур; 4 – Триалети; 5 – Месхети; 6 – Квасатали; 7 – Нули; 8 – Кюльтепе I b; 9 – Кировакан; 10 – Кистаури; 11 – Микены; 12 – Просимна; 13 – Ялисос

В результате проведенного сравнительного анализа было установлено, что эгейские копья отличаются от кавказских и передневосточных по ряду параметров. Первое отличие относится к технологии их изготовления. В Эгейском регионе отливалась втулка со шлицем, края которой затем расковывались; а на Кавказе, как и на Переднем Востоке, отливали плоскую лопатообразную заготовку, затем широкая ее часть расковывалась и формовалась во втулку

(Avila, 1983. S. 81; Müller-Karpe M., 1996. S. 290). Принципиально отличается также способ фиксации наконечника на древке. Эгейские наконечники имеют в основании втулки литое кольцо, а выше кольца (на расстоянии одной пятой длины втулки) имеются отверстия для штифта, фиксирующего наконечник; у большинства же кавказских и передневосточных копий кольцо отсутствует, а отверстия для штифта располагаются у самого края втулки. Эгейские наконечники отличаются от кавказских и по своим пропорциям: у эгейских (в том числе у копий из Просимны и Ялисоса) длина пера в два–три раза больше длины втулки, а у кавказских перо либо равно втулке, либо длиннее ее максимум в 1,5 раза.

Наконец, эгейские копья отличаются от кавказских по форме пера и по поперечному сечению центрального ребра. Среди эгейских наконечников по этим двум параметрам выделено девять типов (Avila, 1983. S. 5). У большинства эгейских копий центральное ребро в сечении подтрапециевидное. Кавказские же наконечники более однородны: их перо имеет удлиненно-подтреугольную форму с выгнутыми боковыми лезвиями, приостренным концом и вогнутыми плечиками; центральное ребро в поперечном сечении подтреугольное или округлое. По форме пера к кавказским копьям близки наконечники типов V и VI (по Р. Авиле) из Просимны и Ялисоса, однако последние отличаются от триалетских пропорциями и подтрапециевидным в сечении центральным ребром (Avila, 1983. S. 35–40. Taf. 12–14). Таким образом, кавказские копья отличаются от эгейских орудий. Это обстоятельство не дает возможности для их синхронизации.

Наибольшую близость по пропорциям, форме пера и поперечному сечению центрального ребра с триалетскими наконечниками демонстрируют экземпляры из Рас-Шамры и Библа (СБВ I – 2100–1900 гг. до н.э.), Кюльтепе (Карум, слой II – 2100–1780 гг. до н.э.), Ашшура (старо-ассирийский период – 2100–1750 гг. до н.э.). Копье из Кировакана с подтрапециевидным сечением центрального ребра находит типологическую параллель в парадном экземпляре с золотым кольцом на втулке из слоя I b в Каруме Кюльтепе (Erkanal, 1977. S. 43. Taf. 15, 15). Верхняя граница бытования на Переднем Востоке возможных прототипов кавказских копий совпадает с концом карумского периода в Центральной Анатолии (XVIII в. до н.э.), поскольку в хеттскую эпоху здесь распространяются иные, более совершенные типы копий. Нижнюю границу появления прототипов триалетских копий на Переднем Востоке образует начало карумского периода в Центральной Анатолии, начало СБВ в Сирии и период правления династий Исина и Ларсы в Месопотамии (XXI–XX вв. до н.э.). Более древние наконечники копий со свернутой втулкой на Древнем Востоке из Ура, Тепе-Гийяна, Рас-Шамры и Мегиддо отличаются от кавказских по пропорциям и по форме пера. Таким образом, сравнительный анализ позволяет установить, что близкие к триалетским наконечники – вероятные их прототипы – выпускались южными мастерскими на рубеже III–II и в начале II тыс. до н.э. (рис. 4).

Учитывая сумму приведенных сопоставлений, следует сделать вывод о дате памятников «цветущей поры» СБВ. Памятники этого этапа сооружались в конце III–начале II тыс. до н.э. В этот период население Южного Кавказа поддерживало активные связи с Передневосточным регионом: с Каппадокией, Сирией, Северной Месопотамией и Северо-Западным Ираном. Не подтверждаются предположения о связях Закавказья с Эгейским регионом, даже опосредованных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арешян Г. Е., Оганесян В. Э., Мурадян Ф. М., Аветисян П. С. Конец среднего бронзового века в между-
речье Аракса и Куры // Историко-филологический журнал. Ереван. 1990. № 1.
Ахундов Т. И. Северо-Западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Махачкала. 2001.
Гогадзе Э. М. Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси. 1972.
Дедабришвили Ш. Ш., Русишвили Р. И. Среднебронзовый курган № 2 в Садугской долине // Труды Ка-

- хетской археологической экспедиции. Тбилиси. 1984. VI.
- Джапаридзе О. М.* Археологические раскопки в Тrialeti. Тбилиси. 1969.
- Кавтарадзе Г. Л.* К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси. 1983.
- Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Тrialeti. Тбилиси. 1941. I.
- Кушнарева К. Х.* Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э. СПб. 1993 (Археологические изыскания. Вып. 9).
- Кушнарева К. Х., Рысин М. Б.* Бедено-алазанская группа памятников Кавказа: (к пересмотру хронологии, периодизации и культурно-экономических связей) // Взаимодействие культур и цивилизаций. СПб. 2000.
- Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван. 1964.
- Махарадзе З. Э.* Курган 1 в долине Дилича // Археологические изыскания. Тбилиси. 1986.
- Нариманишвили Г.* Тrialeti во II тыс. до н.э.: Автореф. докт. дисс. Тбилиси. 2006.
- Оганесян В. Э.* Культура первой половины II тыс. до н.э. в среднем течении р. Раздан: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван. 1990.
- Шатберашвили З.* Вопросы беденской культуры. Тбилиси. 1998.
- Avila A. J.* Bronzene Lanzen- und Pfeilspitzen der griechischen Spätbronzezeit. München. 1983 (PBF. V/1).
- Burger G.* Die Transkaukasischen Rapiere und die Möglichkeit ihrer Verbindung mit anderen Rapierezentren im Zirkumpontischen Gebiet // Relations Thraco-Ilyro-Helleniques. București. 1994.
- Calmeyer P.* Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah // Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. München. 1969. 5.
- Dunand M.* Fouilles de Byblos I. Atlas // BAH. Paris. 1937. 24.
- Erkanal H.* Die Äxte und Beile des 2. Jahrtausends in Zentralanatolien. München. 1977 (PBF IX/8).
- Kuftin B. A., Field H.* Prehistoric culture sequence in Transcaucasia // Southwestern Journal of Anthropology. 1946. 2.
- De Maigret A.* Le lance nell Asia Anteriore nell eta del bronzo. Roma. 1976.
- Maxwell-Hyslop R.* Western Asiatic Shaft-Hole Axes // Iraq. 1949. 11.
- Minns E. H.* Review of archaeological excavations in Trialety / By B. A. Kuftin // Antiquity. 1943. 17.
- Müller-Karpe A.* Anatolische Bronzeschwerter und Sudosteuroopa // Festschrift für Otto-Herman Frey. Marburg. 1994. (Marburger Studien zur Vor- und Frühgeschichte. 16).
- Müller-Karpe M.* Zu den Erdgrabern 18, 20 und 21 von Assur. Ein Beitrag zur Kenntnis Mesopotamischer Metallgefäße und -Waffen von der Wende des 3. Zum 2. Jahrtausend v. Chr. // Jahrbuch RGZ. Mainz. 1996. 42, 1.
- Ozguc T.* Kultepe-Kanis // TTKY. Ankara. 1959. 19, 5.
- Ozguc T.* Kultepe-Kanis II // TTKY. Ankara. 1986. 41, 5.
- Pichelauri K.* Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien. Espelkamp. 1997 (Archäologie in Eurasien. Bd. 4).
- Pritchard J. B.* Civil defense at Gibeon // Expedition. 1962. 5, 1.
- Rubinson K.* The Chronology of the Middle Bronze Age Kurgan at Trialeti // Bibliotheca Mesopotamica. Malibu. 1977. 7.
- Sandars N.* The First Aegean Swords and their Ancestry // American Journal of Archaeology. 1961. 65, 1.
- Schaeffer C. F. A.* La date de Kurgans de Trialeti // Antiquity. 1943. 17.
- Schaeffer C. F. A.* Ugaritica IV. Mission de Ras Shamra // BAH. Paris. 1962. 74.
- Stonach D.* The Development and Diffusion of Metal Types in Early Bronze Age Anatolia // Anatolian Studies. Ankara. 1957. 7.
- Tubb J. N.* A crescentic Axehead from Amarna (Syria) and an examination of similar Axeheads from the Near East // Iraq. 1982. 44, 1.
- Zischow A.* Die Hochebene von Calka in der Bronzezeit // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin. 2006. Bd. 38.

О РАННИХ КАТАКОМБНЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ

В. Я. Стеганцева (г. Санкт-Петербург)

Катакомбные памятники Восточного Причерноморья и Северного Приазовья представлены донецкой, днепро-азовской, манычской и предкавказской культурами. С 1970-х гг. по мере накопления материалов для этой территории часть погребений стали определять как более ранние по отношению к донецким, традиционно считавшимся наиболее древним относительно харьковско-воронежских и предкавказских памятников.

В 1974 г. В. Я. Кияшко в своей диссертации выделил группу «преддонецких» погребений и охарактеризовал их. К этой группе он отнес погребения Т-образной конструкции со слабоскорченными на правом боку скелетами и немногочисленным инвентарем, состоящим из серебряных и бронзовых височных колец, ножей и жаровен из частей сосудов (Кияшко, 1974). В 1979 г. Г. Л. Евдокимов выделил группу раннекатакомбных погребений по материалам Северного Приазовья. Он отметил, что выделяемый раннекатакомбный этап прослеживается также на соседних территориях, в Крыму и Нижнем Подонье, определил относительную хронологию между позднеямными и донецкими, но сделал это в тезисной форме (Евдокимов, 1979. С. 45). С. Н. Братченко всегда рассматривал эти погребения как относящиеся к раннему этапу донецкой и азово-днепровской культур (Братченко, 2001; Братченко, Шапошникова, 1985. С. 414).

В. А. Трифонов выделил три хронологических этапа катакомбной культуры для степного Прикубанья и отметил, что памятники первого из них, с прямоугольными камерами и шахтами, встречаются и на соседних территориях, в Приазовье и на Нижнем Дону, причем всюду они по стратиграфическим данным и по инвентарю относятся к наиболее ранним. Он же, ссылаясь на А. М. Смирнова, отметил, что катакомбы с овальными камерами распространены шире и часть их тоже относится к преддонецкому времени (Трифонов, 1991. С. 149).

Наиболее подробно проблему раннекатакомбного этапа рассмотрел А. М. Смирнов. В эту группу он включил редко встречающиеся энеолитические погребения в катакомбах, а для преддонецких установил стратиграфическое положение их по отношению к ямным, разделив последние на несколько групп. Автор отметил «следы преемственности с погребальными мегалитическими традициями», выражающимися в использовании камней и плит для заслонов входа и прочерчивания знаков на предвходовой стене входных шахт, уточняя при этом, что «речь должна идти о возможных контактах, но не о трансформации идеи ящика или дольмена в катакомбу» (Смирнов, 1991. С. 84).

Ранее В. Я. Кияшко сообщил о сходстве в погребальных обрядах памятников Приазовья и Западного Кавказа. Он определил хронологическую последовательность для Восточного Приазовья следующим образом: «а) прямоугольные ямы с деревянными обшивками и перекрытиями, б) катакомбы с вытянутыми прямоугольными колодцами и уплощенными прямоугольными шахтами, в) катакомбы с трапециевидными колодцами и купольными овальными камерами, г) катакомбы с округлыми колодцами и округлыми полусферическими камерами». В. Я. Кияшко сравнил эту последовательность с эволюцией дольменов Западного Кавказа²¹ и пришел к выводу о конструктивном сходстве дольменов-монолитов с катакомбами. В качестве других аргументов он выдвинул «портальное» оформление входов, схожие ориентировки конструкций и использование их как склепов (Кияшко, 1979. С. 49).

В недавно опубликованных работах автора статьи черты сходства катакомбных и дольменных конструкций были разработаны более полно (Стеганцева, 2010. С. 123–134; 2012.

²¹ Позднее В. А. Трифонов предложил другую схему развития дольменной архитектуры – от сложной к более простой, от округлых к составным прямоугольным и трапециевидным (Трифонов, 2001. С. 31, 37).

ный дромос соединяется с входной шахтой прямоугольной формы с угловыми ступеньками и ступеньками-уступами, ограничивающими лоткообразный спуск к входу и дромосу.

Форма II – Т-образная конструкция, входная шахта практически без изменений, дромос присутствует, камера уже начинает приобретать округлые очертания, но некоторые углы еще проработаны, т.е. жесткость принципа смягчается.

Форма III – Т-образная конструкция, камера овальной или округлой формы, стенки и потолок выпуклые, дромос стал гораздо короче, входная шахта прямоугольная со слегка скругленными углами, угловых ступенек нет, остаются только ступеньки-уступы.

Форма IV – Т-образная конструкция, камера овальной или округлой формы, стенки и потолок выпуклые, дромоса практически нет, углы шахты сильно скруглены, ступеньки-уступы все еще присутствуют.

Для всех форм описанных погребальных сооружений существуют общие черты погребального обряда. Это, прежде всего, одинаковая поза погребенных, слабоскорченная на правом боку, иногда череп лежит в стороне, а верхний отдел позвоночника настолько согнут вперед, что можно предположить, что покойника уложили на высокую подушку. На дне погребальной камеры, под скелетом обычно находятся тлены белого, коричневого, иногда и черного цвета. В погребальном ритуале используется огонь, от которого остается прокаленная земля или угли в жаровнях из части сосуда.

У катакомб форм I и II входные отверстия заложены только камнями, для формы III используется и камень и древесные плахи, в одном случае одновременно, для формы IV изредка применяются оба способа, часто только глиняными пробками.

По стратиграфическому положению катакомбные погребения формы I всегда либо основные, либо впущены в ямные курганы. Последующие формы могут быть основными или впускными в ямные курганы или в насыпи погребений формы I. В любом случае, погребения форм I–IV более ранние по отношению к донецким или маньчским погребениям.

Что касается инвентаря, то для формы I характерно отсутствие его или малочисленность. Изредка встречаются серебряные или бронзовые височные подвески в 1,5 или 2,5 оборота, подвески-стерженьки, бронзовые ножи и шилья, роговые молоточковидные булавки, иногда жаровни из днища плоскодонных или боковых частей сосудов. Входное отверстие чаще всего закрыто камнями.

Для последующих форм характерно некоторое увеличение количества и видов инвентаря (рис. 1). На таблице видно, что некоторые типы вещей, а именно: металлические подвески с заходящими концами в 1,5 и 2,5 оборота, ножи и шилья, – встречаются во всех формах погребений. Это свидетельствует о том, что развитие форм катакомбных погребений произошло достаточно быстро или украшения и орудия из металла использовались и хранились в течение долгого времени и их не всегда можно использовать в качестве хронологических реперов.

Все исследователи отмечают, что в позднемных и раннекатакомбных погребениях встречаются металлические орудия и украшения одних типов, а для жаровен используются части сосудов ямного облика. Это совершенно верно. С. Н. Братченко приводит в своей книге аналогии не только для Северского Донца, но и для других территорий. Так, например, в ямном погребении из Соколовского мог-ка найдено бронзовое тесло привольненского этапа (Каталог, 1985. С. 28. Рис. 26; 31, 7). Такое же тесло обнаружено в погребении из мог-ка Зимогорье с классическим донецким шнуровым кубком (Братченко, 2001. С. 39, 42–43. Рис. 36; 39–40). В погребении из мог-ка Сватово, в закрытом комплексе, найдены ножи таких же типов, что и в погребениях из Зимогорья и Александровска.

Аналогии ножу с округлым окончанием, зафиксированному в погр. 9 кург. 2 Красная Заря, имеются в инвентаре ямного погр. 2 из кург. 2 мог-ка Колдыри, погр. из кург. 3 у станицы Ко-стромской и многогранного дольмена у станицы Новосвободной (Братченко, 2001. С. 98. Рис. 96).

Металлические изделия изготовлены из мышьяковистых бронз и имеют кавказское происхождение (Галибин, 1991. С. 60).

В качестве жаровен в погребениях форм II–IV используются боковые части сосудов ямного облика с характерным профилем и орнаментом в виде зон различной направленности, выполненного оттисками веревочного штампа и гребенки. Использование в качестве жаровен позднейших сосудов, безусловно, свидетельствует о сосуществовании ямной и катакомбной культур.

Обращает на себя внимание то, что при большем количестве раннекатакомбных погребений I формы в Прикубанье там редки находки металлических изделий и керамики. На Дону таких погребений меньше, но находок больше, а в бассейне Северского Донца катакомб формы I почти нет, но в последующих формах встречаются погребения с обильным металлическим инвентарем.

С. Н. Братченко отмечал, что раннекатакомбные погребения располагаются полосой по берегам Азовского моря до Днепра и убывают к северу, востоку и западу от него. Исследователь видит в этом очаг культурогенеза катакомбной культуры и считает, что в каждом районе катакомбная культура складывалась из местной ямной под влиянием пришельцев (Братченко, 1989. С. 28). Что касается северного побережья, то здесь присутствуют и в очень небольших количествах погребения уже измененных форм, формы I там нет. Отдельные погребения форм III–IV встречаются восточнее Приазовья, на Левобережье Нижнего Дона, в бассейнах рек Маныча и Сала (Стеганцева, 2004. С. 145–146), вплоть до Цимлянского водохранилища.

Для южнорусских степей бесспорно установлено (Братченко, 1989; 2001; Смирнов 1981; 1996; Кияшко А. В., 1999) существование пласта раннекатакомбных погребений, в котором с достаточно большой долей вероятности можно выделить несколько этапов. Погребения I этапа, с наиболее сильным признаком «чужеродности» материала располагаются довольно узкой полосой вдоль Восточного Приазовья. Их отличает ряд общих черт, о которых было сказано выше. Число их уменьшается по направлению к северу. Это можно рассматривать как направление импульса движения носителей идеи катакомбного способа захоронения. Погребения следующих этапов встречаются на гораздо более широкой территории, в их инвентаре прослеживаются следы контактов с местным ямным населением. Не исключено, что упомянутых импульсов было несколько.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев. 1976.
- Братченко С. Н. Катакомбные культуры Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. ТД. Донецк. 1989.
- Братченко С. Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Ч. I–II. Луганськ. 2001.
- Братченко С. Н., Шапошникова О. Г. Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. Киев. 1985. Т. 1.
- Галибин В. А. Изделия из цветного и благородного металла памятников эпохи ранней и средней бронзы Северного Кавказа // Древние культуры Прикубанья. Ленинград. 1991.
- Евдокимов Г. Л. О раннем этапе катакомбной культуры в Северном Причерноморье // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. ТД. Донецк. 1979.
- Каталог археологических коллекций (Соколовский курганный могильник). Новочеркасск. 1985.
- Кияшко А. В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград. 1999.
- Кияшко В. Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Москва. 1974.
- Кияшко В. Я. Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. ТД. Донецк. 1979.
- Санжаров С. Н., Бритюк А. А. Краснозоринский курганный могильник в бассейне Лугани // Древние

- культуры Восточной Украины. Луганск. 1996.
- Смирнов А. М. Еще раз о происхождении раннекатакомбных памятников // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Киев. 1981.
- Смирнов А. М. Раннекатакомбные погребения на Северском Донце // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста. 1991.
- Смирнов А. М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М. 1996.
- Стеганцева В. Я. Погребения ранней и средней бронзы Сагванского I могильника // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Азов. 2004.
- Стеганцева В. Я. Еще раз о сходстве погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Восточном Приазовье и на Западном Кавказе // Записки ИИМК РАН. СПб. 2010. № 5.
- Стеганцева В. Я. Металлические украшения северокавказских типов в катакомбных погребениях эпохи бронзы Северо-Восточного приазовья и Нижнего подонья // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации: XXVII Крупновские чтения. Махачкала. 2012.
- Трифонов В. А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы // Древние культуры Прикубанья. Ленинград. 1991.
- Трифонов В. А. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения // Дольмены – современники древних цивилизаций. Краснодар. 2001.

ОСОБЫЙ ТИП РАННЕКАТАКОМБНЫХ КУРИЛЬНИЦ

Н. В. Панасюк (г. Москва)

На сегодняшний день выявлена целая серия курильниц, обнаруженных на территории степного Предкавказья, относящихся к раннекатакомбному периоду (рис. 1). Данные курильницы представляют собой совершенно особый тип ритуальных чаш, привлекавший внимание исследователей, когда находки были еще единичны (Державин, 1991. С. 37). Типологический анализ находок и сопоставление данных погребального обряда позволяют выявить тенденции эволюции курильниц, как специфической формы керамики, использовавшейся в погребальном обряде. Исследования последних двух десятилетий позволяют сделать вывод о том, что данная форма керамики появляется уже на раннем этапе формирования катакомбной культуры и выполняет сходную с жаровнями функцию (Кияшко, 2002. С. 139). Археологические исследования могильников в Ставропольском крае и на юго-востоке Ростовской области последних десяти лет позволяют расширить число находок и поставить вопрос о более дробной хронологии и классификации ранних типов курильниц (Панасюк, 2010).

Впервые серия раннекатакомбных ритуальных чаш была выделена В. Л. Державиным, куда он отнес курильницы, обнаруженные как в катакомбах, так и в узких ямах (Державин, 1991. Рис. 4). Они обладают устойчивой формой: широкая округлая приземистая чаша (соотношение высоты и диаметра чаши составляет, в среднем, 1:2,5), в некоторых случаях скорее даже миска, на четырех низеньких отдельных ножках, которые размещены по внешней окружности чаши. Характерной морфологической чертой является наличие отверстий, которые проделаны в стенке чаши. Другой морфологической особенностью являются два выступа, напоминающие ручки, – в таком случае тоже присутствуют сквозные отверстия, но они вертикальные. Во всех случаях отделение, практически обязательное для более поздних типов курильниц и располагающееся на внутренней стенке чаши, здесь отсутствует.

Очевидно, что раннекатакомбный период представляет собой этап, когда складываются основные морфологические характеристики курильниц, появляются практически все основные разновидности форм чаш, поддонов, формируется идея маленького отделения внутри чаши. В ранних типах курильниц, помимо отдельных ножек, мы видим прообразы других

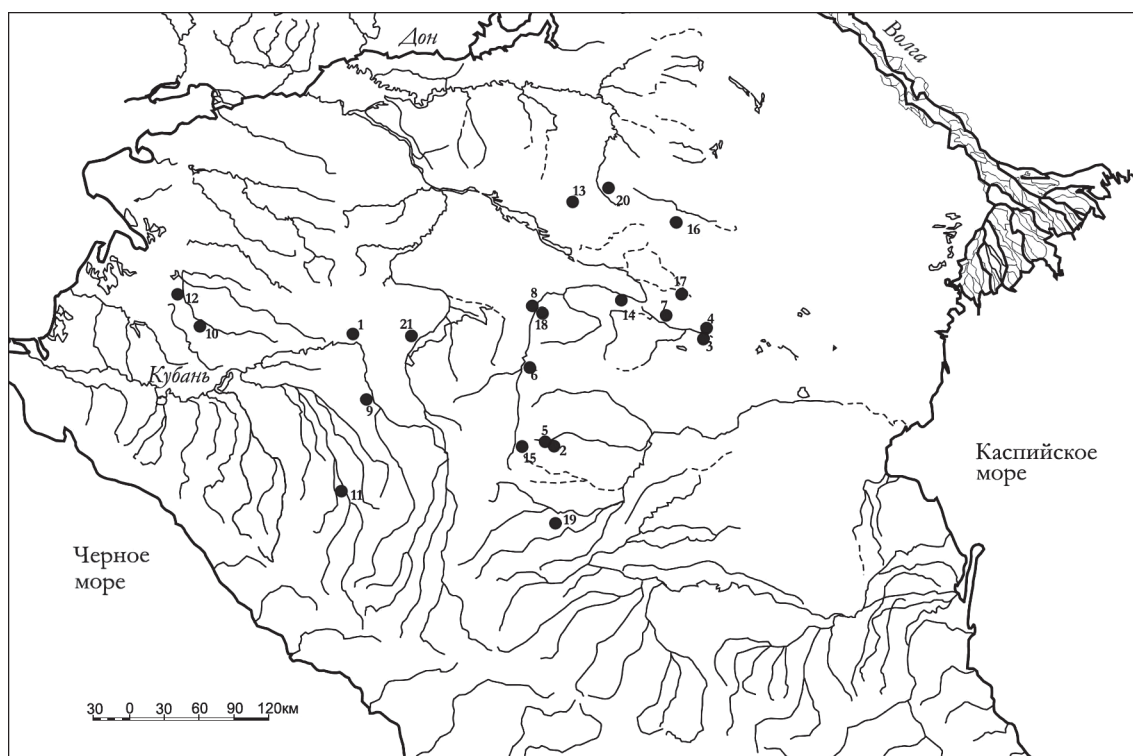

Рис. 1. Распространение раннекатакомбных курильниц. 1 – Расшеватский-1; 2 – Веселая Роща II, III; 3 – Восточный Маныч (правый берег); 4 – Восточный маныч (левый берег) III (66); 5 – Китаевка; 6 – Светлоград; 7 – Зунда-Толга-6; 8 – Ипатово 3; 9 – Новокубанский; 10 – Пролетарский; 11 – Ипподромный; 12 – Брюховецкий; 13 – Лысянский II; 14 – Шарахалсун 2; 15 – Красное Знамя II; 16 – Три Брата I; 17 – Чограйский V; 18 – Барханчак-2; 19 – Конзавод; 20 – Термта III; 21 – Птичьё I

морфологических вариантов катакомбных курильниц: квадратный или круглый поддон, крестовидную четырехлепестковую ножку (Панасюк, 2010). Также можно проследить и основные этапы эволюции отделения: на чаше имеются выступы с отверстиями, отверстия в стенке, существует и вариант изготовления двух отделений, которые имеют отверстия во внешней стенке (Панасюк, 2010. Рис. 7).

Не менее интересным представляется изучение орнаментальных композиций. Технические приемы и основные мотивы удивительно схожи – чаще всего применялись отпечатки шнура, которые заполняли большую часть внешней поверхности чаши, образуя треугольные фигуры, расположенные между ножками, рядами шнура подчеркивалось и углубление или выпуклость на внешней стороне дна курильницы. Не касаясь вопроса о семантике данных композиционных схем, отметим лишь, что декоративное пространство представляет собой четырехчастную структуру с кругом-центром. Эта четырехчастность является основной схемой орнаментальной композиции и на манычских катакомбных курильницах (Панасюк, 2008. С. 205–206), что лишний раз подтверждает преемственность традиции между раннекатакомбными памятниками и следующими за ними курильницами развитых катакомбных культур.

По результатам новейших археологических исследований в Степном Предкавказье стало возможным выделение курильниц совершенно особого типа, что, вероятно, заставит по-иному взглянуть на проблему сложения традиции изготовления этой категории ритуальной посуды. Речь идет о курильницах без ножек (рис. 2). Так, в кург. 5 мог-ка Песчаный-V (Ростовская обл., Ремонтненский р-н) было исследовано раннекатакомбное погр. 2, где были захоронены женщина и ребенок. Инвентарь был представлен костяной стержневидной булавкой, костяными бляшками и курильницей (Шишлина, 2006). Курильница имела форму миски с

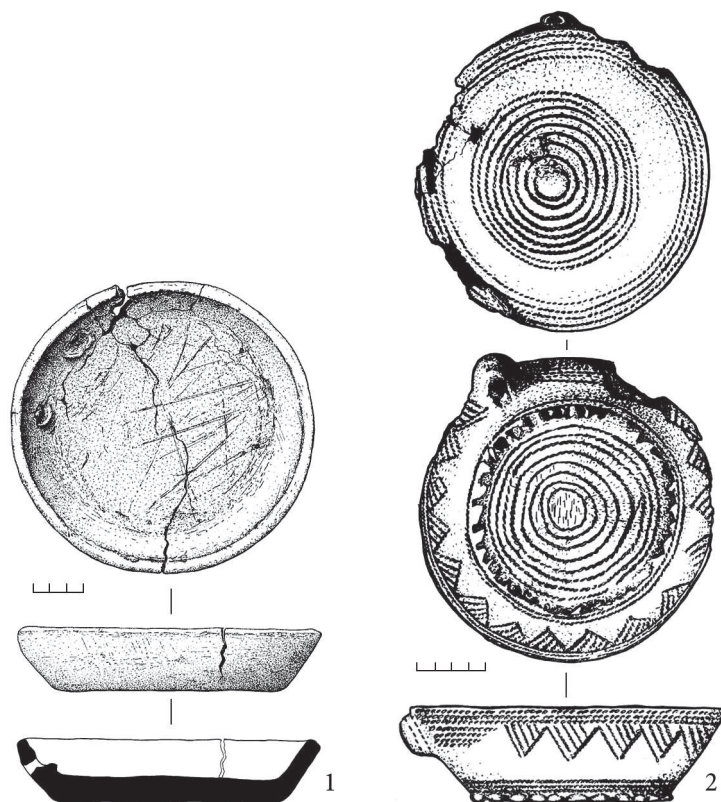

Рис. 2. Раннекатакомбные курильницы без ножек (тип XII). 1 – Песчаный-V, погребение 2 курган 5 (по Шишлина, 2007); 2 – гора Ракитная, погребение 11 курган 2 (по Корневский, 1990)

плоским дном, без ножек, с двумя сквозными отверстиями в стенке, без орнамента (рис. 2, 1).

Аналогичные раннекатакомбные погребения с богатым инвентарем и курильницей без ножек были исследованы в мог-ке Расшеватский-1 (погр. 2 кург. 14 – Ростунов, 2000) и в мог-ке Барханчак-2 (погр. 5 кург. 7 – Бабенко, 2001) Ставропольского края. В связи с этими находками расширяется число разновидностей ритуальных чаш раннекатакомбного времени. К этому типу следует отнести и чашу, случайно обнаруженную А. П. Руничем на горе Ракитная (Корневский, 1990. Рис. 41). Она представляет собой миску с плоским дном, без отделения, с выступом-прилепом на внешней стороне чаши, имеющим вертикальное отверстие (судя по всему, был и второй выступ, который не сохранился). Орнаментация данной курильницы вполне соответствует той традиции, которая фиксируется у раннекатакомбных чаш: концентрическая круговая композиция по дну чаши (изнутри и снаружи) и орнаментальный пояс из заштрихованных треугольников по внешней поверхности стенки. Дно по внешнему краю обозначено также специально выделенным валиком из отдельных мелких налепов (рис. 2, 2). Подобная чаша без ножек, без отделения, но с двумя отверстиями в стенке, украшенная шнуровым орнаментом, известна из погр. 2 кург. 13 мог-ка Чограйский V (Гаврилина, Шишлина, 1986).

Раннекатакомбные курильницы без ножек (тип XII) сближаются по своим основным характеристикам с другими типами ритуальных чаш этого периода: при отсутствии ножек они имеют отверстия или выступы в стенке чаш и орнаментальную композицию, основанную на четырехчастной фигуре, образованной шнуром. С другой стороны, они близки по своей форме к жаровням, для которых использовались чаще всего именно донца сосудов. Вполне вероятно, что в такой тип курильниц демонстрирует процесс перехода к использованию специально изготовленного для ритуальных целей сосуда, форма которого довольно значительно

эволюционирует во времени. Анализ сопровождающего инвентаря и погребального обряда курильниц без ножек позволяет датировать время их существования наиболее ранним периодом в формировании катакомбной традиции в степном Предкавказье – преддонецким горизонтом (Мимоход, 2009; Панасюк, 2010).

Однако процесс расширения серии подобных курильниц сталкивается с проблемой правильной интерпретации таких сосудов в контексте погребального обряда. К сожалению, изучение результатов научных исследований предшествующих десятилетий позволяет констатировать факт того, что курильницы без ножек зачастую не воспринимались как собственно курильницы. В отчетах присутствует тенденция интерпретировать подобные сосуды как «глиняные миски с орнаментом», что при отсутствии другого диагностирующего инвентаря, даже не позволяло правильно датировать и культурно атрибутировать погребения с такими сосудами. В связи с этим наиболее актуальной проблемой на сегодняшний день становится адекватная атрибуция подобной категории посуды и привязка связанных с ней захоронений к раннекатакомбному горизонту. На наш взгляд, сосуды этого типа, встреченные в захоронениях, присущих раннекатакомбному хронологическому периоду (Братченко, 1976; Кияшко, 1999; Шишлина, 2007): где присутствует катакомбная конструкция могилы или погребения в узких ямах; вытянутое или слабо скорченное положение погребенных, обильно посыпанных охрой, особенно в районе стоп; довольно устойчивый набор инвентаря, который представлен, помимо курильниц, костяными или бронзовыми украшениями (подвесками, пронизками, медальонами), костяными или бронзовыми молоточковидными булавами, каменными изделиями, – можно с уверенностью относить к курильницам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабенко В. А. Отчет о раскопках курганного могильника «Барханчак-2» в окрестностях г. Ипатово Ипатовского района Ставропольского края в 2001 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. №№ 26055, 26056.
- Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев. 1976.
- Гаврилина Л. М., Шишлина Н. И. Об исследованиях Чограйского отряда Калмыцкой археологической экспедиции в зоне строительства орошаемого участка совхоза «Чограйский» Ики-Бурульского района КАССР в 1986 г. Элиста. 1987 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. №№ 11331, 11331б.
- Державин В. Л. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М. 1991.
- Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград. 2002.
- Кияшко А. В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград. 1999.
- Корневский С. Н. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М. 1990.
- Мимоход Р. А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М. 2009 (Материалы охранных археологических исследований. Т. 10).
- Панасюк Н. В. Орнаментация курильниц катакомбной культуры – анализ композиционных схем // *Ното eurasicus* в глубинах и пространствах истории. Сб. трудов междунар. конф. СПб. 2008.
- Панасюк Н. В. Раннекатакомбные курильницы степного Предкавказья // РА. 2010. № 2.
- Ростунов В. Л. Отчет о раскопках курганных могильников «Расшеватский-1» и «Расшеватский-5» на территории Новоалександровского района Ставропольского края в 2000 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН №№ 26769, 26770.
- Шишлина Н. И. Отчет об археологических исследованиях в Ремонтненском районе Ростовской области в 2006 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН.
- Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы. М. 2007.

Ранний железный век, античность и эпоха переселения народов

КОМПЛЕКС ПРЕДМЕТОВ УПРЯЖИ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СТ. ПЕРЕПРАВНОЙ МОСТОВСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

А. В. Пьянков, Е. А. Хачатурова (г. Краснодар)

В начале 2011 г. в фонды КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына поступила небольшая коллекция археологических предметов. Вещи были переданы сотрудниками милиции и прокуратуры Мостовского р-на, после того как были изъяты у грабителя древностей. Со слов задержанного, он нашел предметы в сентябре 2010 г. с помощью металлоискателя на западной окраине станицы Переправной, на малой глубине, вероятно, на месте небольшого распаханного кургана.

Коллекция насчитывала 18 предметов: 17 из них относились к раннему железному веку, один предмет – к новому или новейшему времени. Наиболее ранняя часть коллекции состояла в основном из деталей конской упряжи. Эти находки в настоящей статье вводятся в научный оборот (рис. 1–4).

Описание изделий из станицы Переправной

1–4. Удила, 4 экз. (рис. 1, 2–3; 2, 2–3) стержневидные, двухзвенные, с двуколычатыми внешними окончаниями. Внутренние кольца подовальные, внешние – округлые. Сечение стержней – округленный квадрат. На стержнях двурядный рельеф с заостренно-пирамидальными шипами. Внутри отверстий – заусеницы, на кольцах и стержнях – зубрины, неровности, кусочки металла, оставшиеся после литья. Удила отлиты из сплава на основе меди. Длина удил колеблется в пределах 21,5–20,4 см, диаметр стержня – 1,1 см.

5–12. Псалии, 8 экз. (рис. 3, 1–2, 4–5; 4, 1–2, 4, б) имеют стержневую основу, с одним прямым концом, завершающимся дисковидной шляпкой с круглым выступом в центре. Другой конец псалиев расширен в виде лопасти лавролистной формы и изогнут во внешнюю сторону, лопасти в разрезе треугольные, в области петель сечение округло-подквадратной формы. Элементы крепления представляют собой три петли на внутренней стороне основы, выполненные в виде круглых колец. Псалии отлиты из сплава на основе меди. На нижней стороне лопастей возле колец и на верхней стороне стержня у шляпки имеются излишки металла в виде рельефного шва, отдельных кусочков, приставших к поверхности и не зашлифованных. Такие особенности деталей упряжи, а также то, что поверхность шести предметов имеет трещины и шероховатости, свидетельствуют в пользу того, что эти псалии не использовались по назначению. Исключения составляют два псалия, сохранившиеся во фрагментах, лопасти которых заметно менее расширены, чем у целых экземпляров (рис. 4, 1–2). Это половины разных псалиев, состоящих из двух фрагментов каждый. Причем оба псалия были специально поломаны так, что сохранились лопасти и часть стержня с одним кольцом. Лопасть одного псалия была

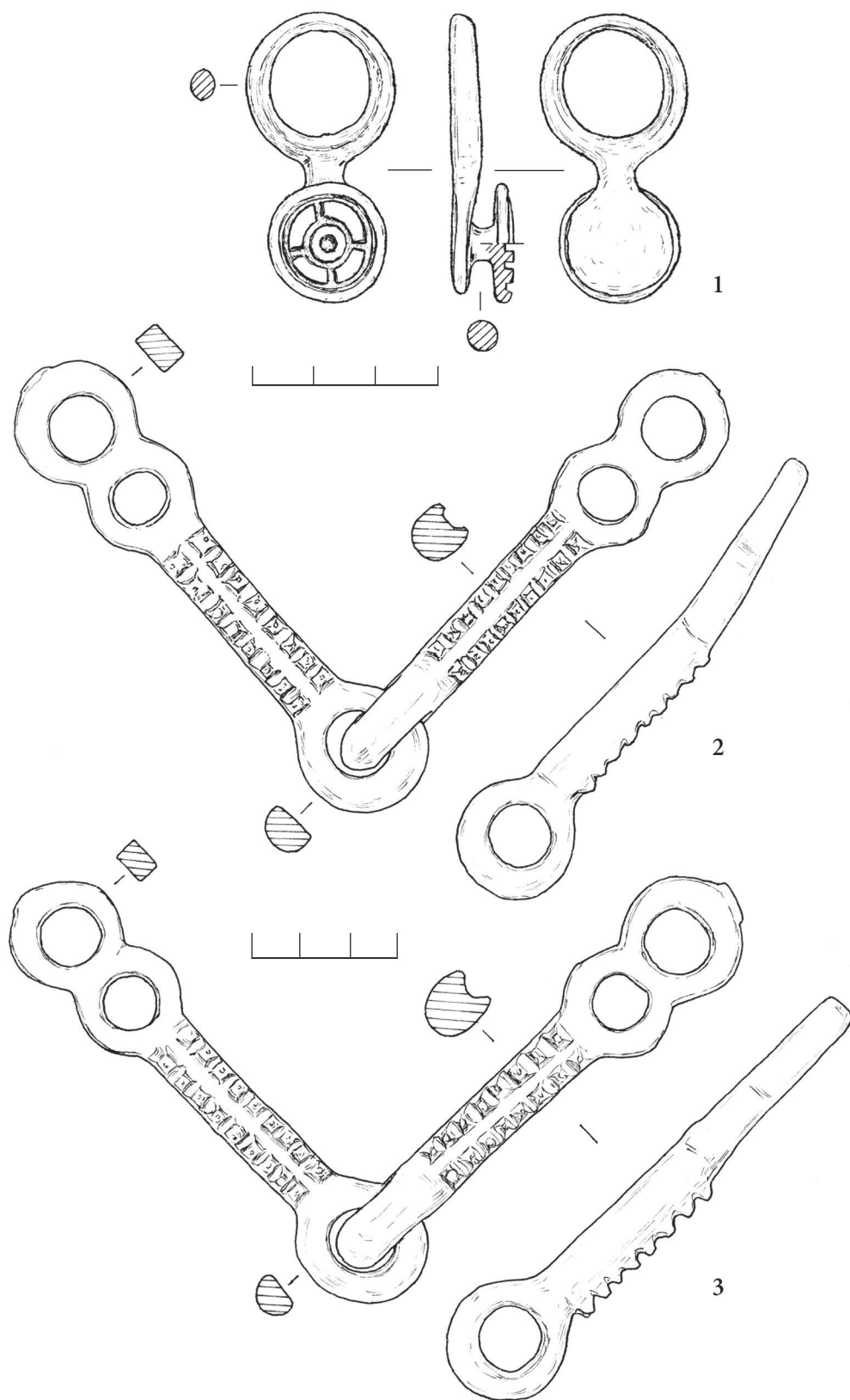

Рис. 1. Предметы предскифского времени из ст. Переправной Мостовского района Краснодарского края: 1 – дополнительное звено удил, 2–3 – удила с двукольчатыми концами (1–3 – бронза)

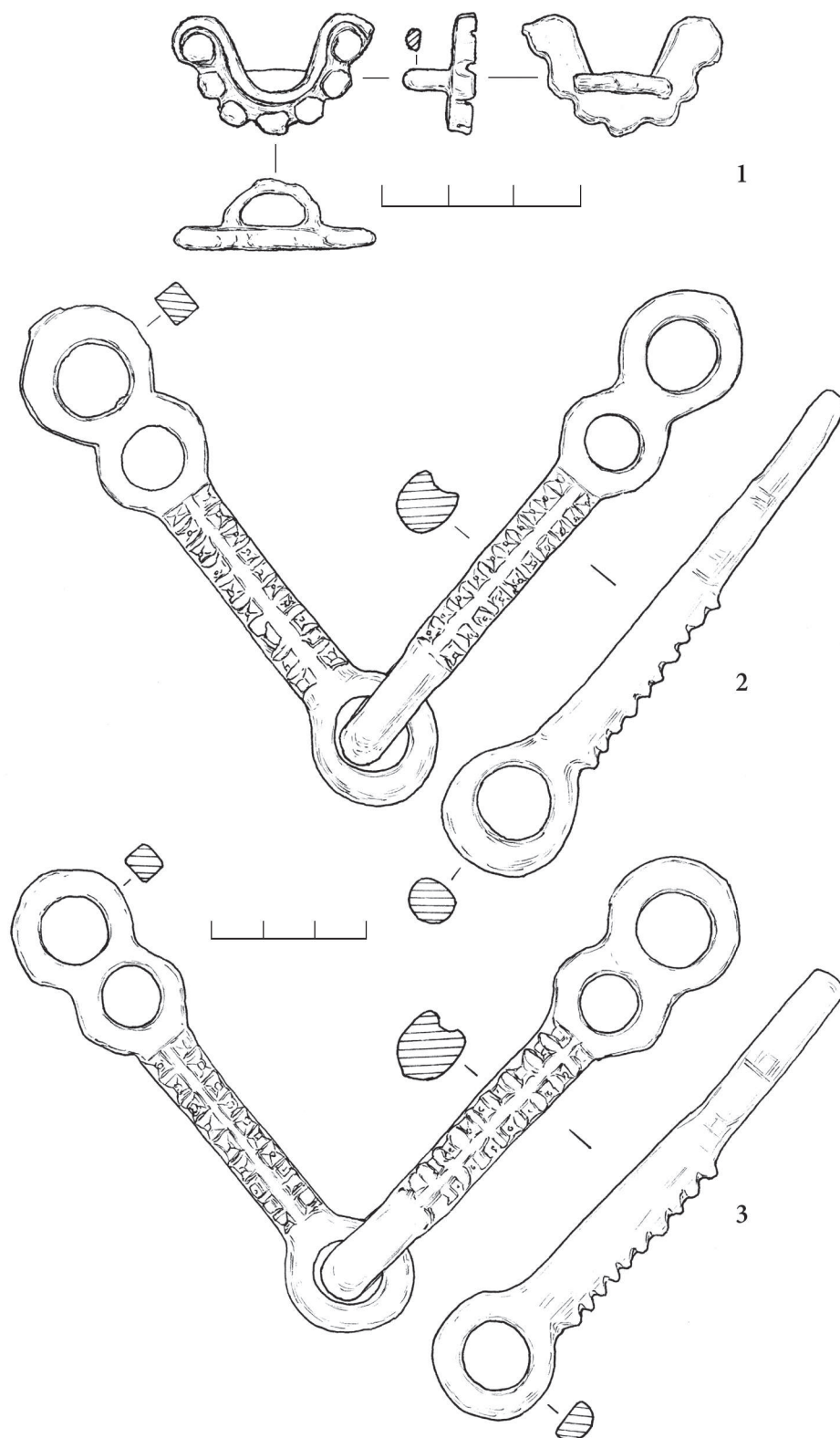

Рис. 2. Предметы предскифского времени из ст. Переправной Мостовского района Краснодарского края: 1 – бляха-лунница, 2–3 – удила с двукольчатыми концами (1–3 – бронза)

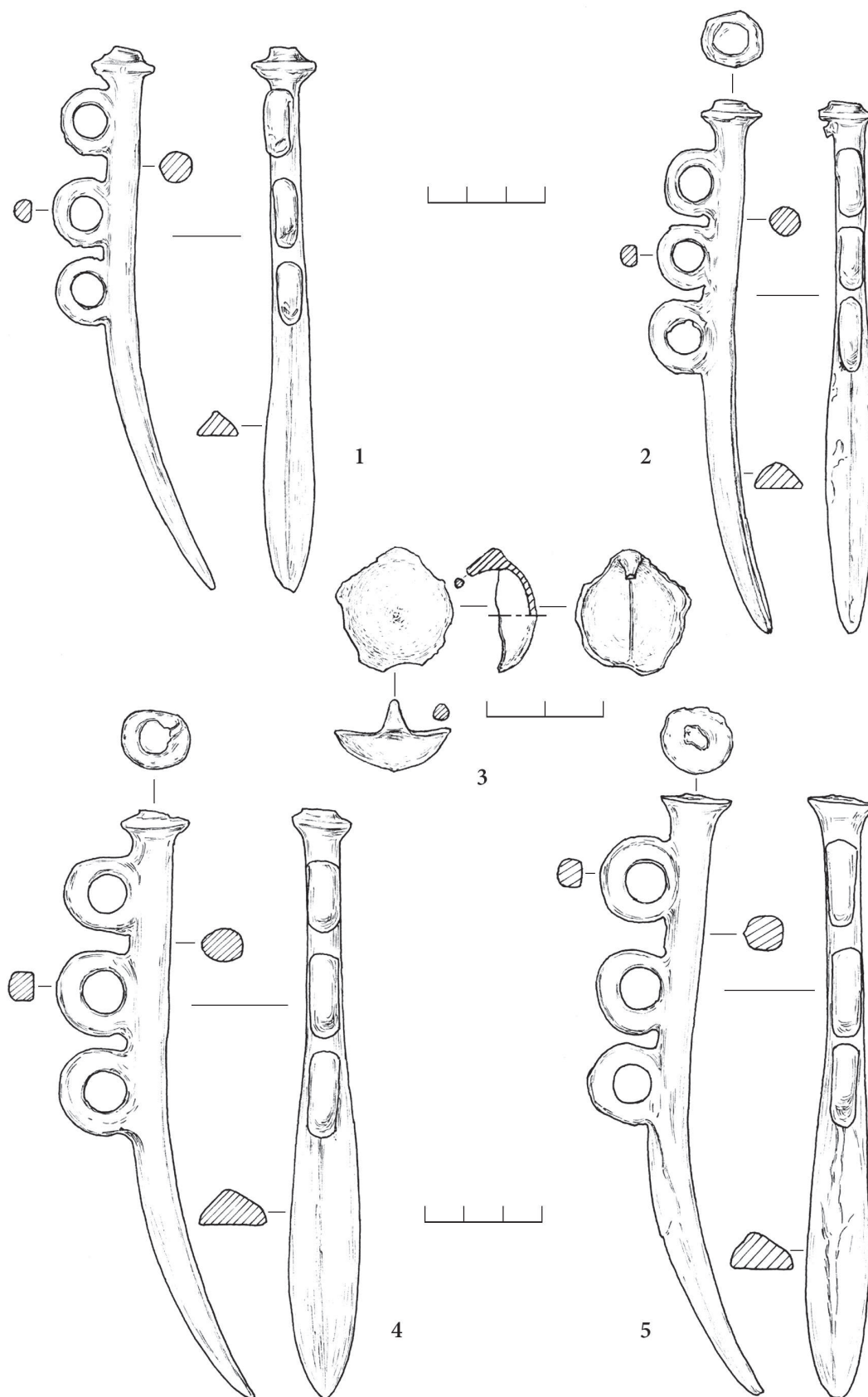

Рис. 3. Предметы предскифского времени из ст. Переправной Мостовского района Краснодарского края: 1-2, 4-5 – псалии трехпестельчатые с лопастью, 3 – бляха перстневидная (1-5 – бронза)

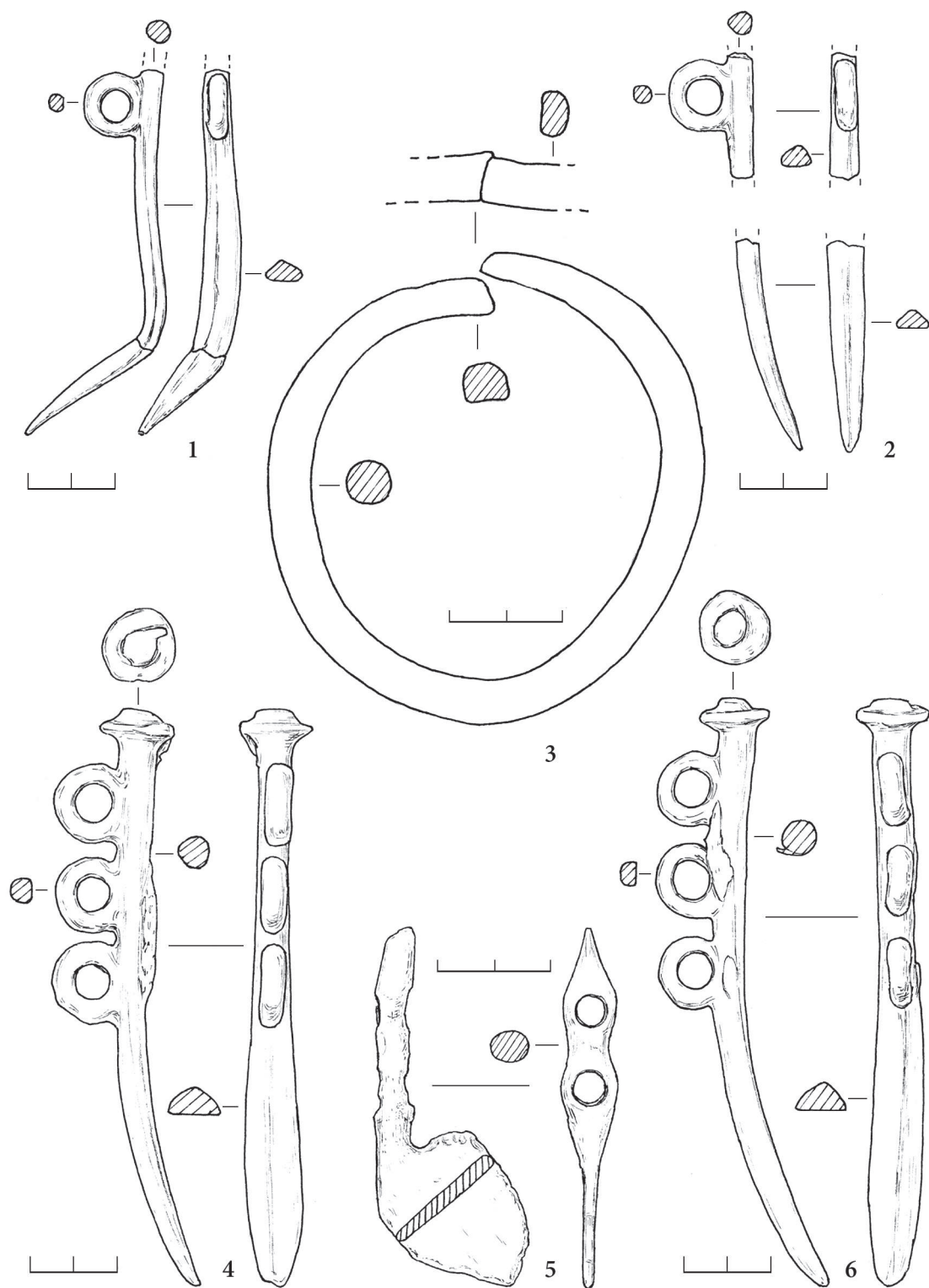

Рис. 4. Предметы предскифского времени из ст. Переправной Мостовского района Краснодарского края: 1–2, 4, 6 – псаля трихпательчатые с лопастью, 3 – браслет с разомкнутыми концами, 5 – псаля двухдырчатый, S-овидно изогнутый с секировидно расширенными окончаниями, обломок (1–6 – бронза)

выгнута назад (рис. 4, 1), а у лопасти второго псалия не достает фрагмента (рис. 4, 2). Размеры целых псалиев: длина – 15–13,4 см, диаметр шляпки – 1,8–1,6 см; сохранившаяся длина полуманых псалиев – 12,5 см.

13. Дополнительное звено удил, 1 экз. (рис. 1, 1), состоит из кольца, от которого отходит короткий уплощенный стержень, расширяющийся на конце в диск. Короткий массивный шпек соединяет это расширение с дисковидной шляпкой, украшенной врезным орнаментом из двух концентрических углубленных окружностей с углубленным кружком в центре и четырехлепестковой розеткой вокруг кружка. Дополнительное звено отлито из сплава на основе меди. Общая длина звена – 4,5 см, диаметр кольца – 2,4 см, диаметр диска – 2 см.

14. Бляха-лунница, 1 экз. (рис. 2, 1) – упряжная бляха в виде серпообразно изогнутой пластины, с арочной петлей на оборотной стороне. На лицевой стороне выделены рельефом семь кружков и волнистая линия, идущая вдоль верхнего края бляхи. Бляха отлита из сплава на основе меди. Длина лунницы – 3,2 см, ширина – 0,6 см.

15. Бляха-пуговица, 1 экз. (рис. 3, 3), выпукло-вогнутой формы, неорнаментированная, с петлей на обороте, соединяющей края диска посередине. Бляха отлита из сплава на основе меди. Большая часть петли утрачена, имеются повреждения края бляхи. Диаметр – 2,1 см.

16. Браслет, 1 экз. (рис. 4, 3) в виде крупного кольца, изготовленного из литого прута круглого сечения, с несомкнутыми, прокованными концами, один конец слегка уплощен, второй имеет форму трапеции. Стержень браслета отлит из сплава на основе меди. Диаметр браслета – 8,3 см, диаметр стержня – 0,8 см.

17. Псалий, 1 экз. (рис. 4, 5), двухдырчатый, S-овидно изогнутый с секировидно расширенным окончанием, фрагмент. Псалий отлит из сплава на основе меди. Размеры: длина обломка 6,7 см²².

Характеристика изделий из станицы Переправной

Все четверо удил с двуколычатыми внешними окончаниями, по С. Б. Вальчаку, относятся к подгруппе 2, тип 1, вариант 1, подвариант 1 (Вальчак, 2009. С. 34–36). Удила подобного типа стали популярны на позднем этапе предскифского времени и производились в северокавказских мастерских. Рельеф из граненых приостренных шипов на удилах также характерен для Северного Кавказа (Вальчак, 2009. С. 42).

Псалии, подобные нашим, отнесены С. Б. Вальчаком к отделу 2, группа 4, тип 6, вариант 2. Это псалии типа Новочеркасск, вариант классический, широко представленный в памятниках предскифского времени Восточной Европы – наиболее многочисленные находки происходят с территории Северо-Западного Кавказа (Вальчак, 2009. С. 72–73).

Дополнительное звено удил, по С. Б. Вальчаку, относится к группе 3, тип 1. Эта форма «характерна для двуколычатых удил предскифского времени юга Восточной Европы» (Вальчак, 2009. С. 46).

Бляха-лунница служила украшением оголовью и находилась на наносном или на лобном ремне. Лунницы с сильным арочным прогибом характерны для новочеркасского периода (Эрлих, 2007. С. 133). Ближайшая аналогия нашей бляхе происходит из Эссентуков (Тереножкин, 1976. С. 176–177. Рис. 93, 16).

Бляха-пуговица близка по форме типу 1 варианту 2, по В. Р. Эрлиху (Эрлих, 2007. С. 131. Рис. 195, 5). Но наша бляха несколько меньших размеров и имеет большую выпуклость. Бляхи-пуговицы подобные нашей встречаются на Северном Кавказе в комплексах с псалиями классического новочеркасского типа в мог-ке Беляевский (Вальчак, 2009. С. 277, рис. 90, 2) и в кург. 46 мог-ка Фарс/Клады (Лесков, Эрлих, 1999. Рис. 58, 6; Эрлих, 2007. Рис. 195, 5).

Браслет из массивного круглого в сечении дрота – довольно редкий тип на Кубани. Известен только один аналогичный наруч, найденный Н. В. Анфимовым в погр. 60 Николаевского

²² Фрагмент этого псалия, хотя и относится к раннему железному веку, но традиционно датируется в пределах V в. до н.э. (см. Лесков и др., 2005. С. 64, 76. Рис. 221, 3), поэтому в настоящей статье он далее не рассматривается.

мог-ка. Этот браслет опубликован В. Р. Эрлихом, который выделил его в тип 3 вариант 1 (Эрлих, 2007. С. 158. Рис. 73, 1; 218, 8).

Сочетания двукольчатых удил и псалиев 2-го варианта типа Новочеркасск, являются поздними для предскифского периода и датируются концом VIII–первой половиной VII в. до н.э. (Вальчак, Потапов, 2010. С. 34). Описанные предметы могли представлять один комплекс, поскольку собраны, по словам нашедшего, в одном месте. Удила и псалии близки по формам и размерам, четверо удил соответствуют четырем комплектам с восемью псалиями. На них сохранились заусенцы и фрагменты металла – остатки литья. Вероятно, эти предметы по прямому назначению не были использованы. В то же время, пара поломанных псалиев вместе с неиспользованными деталями узды и браслетом, могут свидетельствовать в пользу того, что перед нами остатки ритуального комплекса или клад (запас металла и готовой продукции) литейщика.

Интересно, что у станицы Переправной были найдены и другие находки предскифского времени, подаренные впоследствии в ГИМ. Речь идет о бронзовых деталях конской упряжи: удилах с двукольчатыми внешними окончаниями, рельефными шипами на стержнях и трехпетельчатых псалиях с гвоздевидной шляпкой на одном конце стержня и изогнутой лопастью на другом (Конь и всадник, 2003. С. 24. Кат. 31). Эти находки синхронны по времени нашим удилам и псалиям, возможно, они происходят из одного памятника.

Кроме станицы Переправной в Мостовском р-не известны и другие находки предскифского времени новочеркасского периода: 1) разрушенное погребение из станицы Баговской (Вальчак, 2009. Рис. 99, 2); 2) вещи из разрушенных курганов у горы Рязанова (Вальчак, 2009. Рис. 73, 4–6); 3) вещи, включающие конскую узду, поступившие в Эрмитаж из грабительских раскопок 1895 г. у ст. Махошевской (Иессен, 1953. С. 60–66. Рис. 7, 1; Эрлих, 2007. С. 53. Рис. 126, 1–10); 4) у С. Б. Вальчака упоминается находка псалиев новочеркасского периода в поселке Псебай (Вальчак, 2009. Карта 13). К этим находкам можно добавить бронзовый топор кобанского облика из станицы Бесленевской (Шабардин, 1996. С. 160; Пелих, 2003. С. 68–69. Рис. 4, 3).

Любопытны два местонахождения предскифских древностей, совершенные в Мостовском р-не в разное время. Имеются в виду вещи, поступившие в Эрмитаж из окрестностей станицы Махошевской в 1895 г. и находки у горы Рязанова, совершенные в 1980-х гг. Дело в том, что гора Рязанова и станица Махошевская находятся в непосредственной близости друг от друга, поэтому не исключено происхождение этих предметов с одного памятника. Однако такое предположение требует тщательной проверки. Таким образом, Мостовской р-н Краснодарского края оказывается перспективным в плане поиска и исследования памятников предскифского времени, и начинать эту работу можно с обследования мест, уже отмеченных находками древностей этого периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вальчак С. Б. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М. 2009.
- Вальчак С. Б., Потапов В. В. Новые находки предметов упряжи предскифского времени в Кабардино-Балкарии // Древности Кубани. Краснодар, 2010.
- Конь и всадник. Взгляд сквозь века. Каталог выставки. М., 2003.
- Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья в середине VI – начале III века до н.э.: Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М. 2005.
- Лесков А. М., Эрлих В. Р. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М. 1999.
- Пелих А. Л. Топоры верхнекубанского типа позднебронзового века // МИАСК. Армавир. 2003. Вып. 1.
- Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев. 1976.
- Шабардин А. А. Бронзовый топор кобанского облика из станицы Бесленевской // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: XIX «Крупновские чтения». М. 1996.
- Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М. 2007.

«ФРАКО-КИММЕРИЙСКИЙ» КОМПЛЕКС КАРПАТСКОГО БАССЕЙНА И СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ: 100 ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ «ЗА» И «ПРОТИВ»²³

М. Т. Кашуба (г. Санкт-Петербург)

Специфические изделия и обозначающий их термин «фрако-киммерийский» комплекс имеют непосредственное отношение к древностям раннего железного века Кавказа. Известно, что основными критериями выделения «фрако-киммерийского» комплекса Карпатского бассейна и западных областей Средней Европы явились определенные находки (кавказские и восточноевропейских степей), имеющие хождение далеко к западу от регионов своего происхождения. В археологии раннего железного века этот термин применяется уже более столетия, в течение которого он не раз уточнялся и пересматривался. Тем не менее, в последнее десятилетие он оказался вновь востребованным, однако исследователи вспомнили о нем, исходя из диаметрально противоположных точек зрения: от полного отказа (Kemenczei, 1994. P. 591 ff.; 2005. S. 1 ff.; 33; Metzner-Nebelsick, 1998. S. 361 ff.; 2000. S. 520; 2002. S. 32 ff.; 2005. S. 507) до возврата к нему (Teržan, 2009. S. 190 ff.; Kłosińska, 2008. S. 266 ff., 292).

В отношении культурно-исторической ситуации VIII в. до н.э. в Среднеднестровском регионе, который непосредственно граничит с Карпатским бассейном, в литературе также появились мнения о возможности бытования здесь неких «фрако-киммерийских» комплексов, что с оговорками было поддержано и автором настоящей статьи (Бруяко, 2005. С. 76 сл.; 2009. С. 52–55; Левицкий, Кашуба, 2011. С. 239 сл.; Кашуба, Левицкий, 2011. С. 344–345). Однако только что вышедшие из печати работы продемонстрировали две взаимоисключающие точки зрения. В одной из них для обозначения некоторых предскифских материалов, происходящих из рассматриваемого региона, однозначно используется термин «фрако-киммерийский» горизонт (см. Топал, Бруяко, 2012. С. 133 сл. Рис. 2). Но в монографии, посвященной Михалковскимкладам из Среднего Поднестровья, которые выступали в качестве весомого аргумента существования «фрако-киммерийского» комплекса как такового, речь о последнем вообще не идет (Бандрівський, Крушельницька 2012).

Действительно ли термин «фрако-киммерийский» комплекс исчерпал первоначально заложенный в него исследовательский потенциал? Имеются ли т. н. внутренние ресурсы для дальнейшего его применения в археологии раннего железного века рассматриваемых территорий?

История этого термина рассмотрена в нескольких обобщающих статьях и монографиях разных специалистов (наприм., Sauter, 2000. S. 32 ff.; Metzner-Nebelsick, 2000. S. 517–519; 2002. S. 32 ff.; 2005. S. 504–508; Kemenczei, 2005. S. 1 ff.; и др.), в том числе в русскоязычной археологической литературе (Махортых, 2003. С. 6 сл.). Используя вышеупомянутые работы К. Метцнер-Небельзик для целей настоящей статьи, заострю внимание на отдельных основополагающих характеристиках: появление, этническая составляющая, хронология, особенности применения.

Термином «фрако-киммерийский» комплекс обозначаются находки конского снаряжения (удила, псалии, детали ремней оголовья), отдельные предметы вооружения и некоторые церемониальные изделия (наприм., скипетры)²⁴ кавказского и восточноевропейского (степного) происхождения, которые имели хождение в Карпатском бассейне и Средней Европе, особенно в Баварии, Богемии и Моравии.

В основе его выделения лежит гипотетическое представление о предскифской, «киммерийской» миграции на запад в Карпато-Дунайские земли. Считается, что термин был обоснован и введен в научный оборот П. Райнеке (Reinecke, 1925. S. 50–54). Основой этого послужили несколько работ. С одной стороны, статья М. Эберта, который соединил в единый горизонт неко-

²³ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 13-01-0016.

²⁴ Сюда же отдельные исследователи причисляют и некоторые украшения.

торые изделия золотых кладов из Михалкова (Средний Днестр), Фокору (Восточная Венгрия), Даль (Словения) и обозначил его Михалков–Фокору–Даль комплекс/круг изделий (Ebert, 1908. S. 259 ff.). С другой, разработки Г. Шмидта, который появление чуждой буккель-керамики в слое Троя VIIb связывал с упомянутыми у античных авторов трерами и киммерийцами VII в. до н.э. (см. Metzner-Nebelsick, 2000. S. 517). Опираясь на эти исследования, П. Райнеке привязал к кругу Михалков–Фокору–Даль находки из золотого клада Вылчетрын из Болгарии²⁵, а также некоторые погребения (напр., Батина), что позволило ему выделить «северофракийский-киммерийский культурный круг младшей половины гальштаттского периода, с востока примыкающий к иллирийскому кругу Восточных Альп и прилегающих к ним восточных и северных территорий» (Reinecke, 1925. S. 51 f.). Расставленные П. Райнеке акценты: территория исторических фракийцев и северопричерноморские/северокавказские изделия, – оказались основой закрепления этого термина в археологии раннего железного века.

Именно эти положения получили дальнейшее развитие в трудах И. Нестора (Nestor, 1934. S. 108 ff.; 1934a. S. 175 ff.), который объединил комплексы с предметами конского снаряжения рассматриваемого времени из Карпатского бассейна в единую группу «находок фрако-киммерийских племен». Выделив ведущие типы конского снаряжения, имеющие широкий ареал своего распространения на востоке вплоть до Кавказа включительно, И. Нестор посчитал, что они представляют собой часть «многокомпонентной культуры», появившейся «от Днестра до Средней Европы вследствие продвижения к западу изгнанных из Южной России киммерийцев и последовавшему далее их смешению с фракийцами» (Nestor, 1934. S. 127 ff.). В дальнейшем Ф. Хольсте представил две существенные разработки. Он уточнил хронологическую позицию этих материалов в пределах «развитого гальштаттского периода» (HaC), а также снял появившейся после работ И. Нестора ярко выраженный этнический характер термина, предложив использовать его со словом-приставкой «так называемый» и в кавычках (Holste, 1940. S. 7 ff.). Это последнее устоялось в специальной литературе вплоть до настоящего времени.

В середине–начале второй половины XX в. благодаря усилиям Г. Коссака, Г. Мюллера-Карпе, Я. Вернера и др. прояснилась и хронология комплексов – от конца периода HaB3, что тогда означало поздний VIII в. до н.э. Стоит отметить и тот факт, что в венгерской археологической литературе для обозначения рассматриваемых здесь находок практически равнозначно использовались термины «фрако-киммерийский» и «предскифский», хотя последнему все-таки больше отдавали предпочтение (см. Metzner-Nebelsick, 2005. S. 506).

Дальнейшее накопление археологического материала, его анализ и разработка проблематики периода поздней Урненфельдеркультуры и раннегальштаттской культуры в Средней Европе и Карпатском бассейне, с одной стороны, и предскифского периода в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе, с другой, способствовали существенным сдвигам в интерпретации «фрако-киммерийских» находок. Безусловно, этому способствовали важные открытия и разработки по проблематике, сделанные отечественными археологами в Северном Причерноморье и на Кавказе. Здесь нельзя не упомянуть выдающуюся работу А. И. Тереножкина, которая во многом оказала определяющее влияние на решение накопившихся вопросов и задала векторы будущих исследований (Тереножкин, 1976). Так или иначе, она способствовала тому, что исследователи «фрако-киммерийского» комплекса сконцентрировались на разработках типологии и хронологии изделий, а также значению и роли в Карпатском бассейне и Средней Европе восточных раннекочевнических культур (наприм., Chochorowski, 1993; и др.). При этом его «фракийская» составляющая постепенно перестала быть равнозначной, уступив главенство «киммерийскому» (восточноевропейскому раннекочевническому) компоненту. Именно хронологии был посвящен ряд работ Г. Коссака, ко-

²⁵ Как выяснилось позднее – ошибочно.

торый предложил свою интерпретацию достаточно длительному бытованию «киммерийских» изделий на западе, сосредоточив внимание на отдельных предскифских культурах и комплексах из лесостепной зоны Северного Причерноморья, а также Северного Кавказа (Kossack, 1980. S. 109 ff.).

Главным итогом дискуссии первой половины 1990-х гг. в русскоязычной специальной литературе был выход проблематики по исследованию киммерийцев на качественно новые рубежи, что привело к отказу большого числа ученых от расширительного толкования этнонима «киммерийский» в отношении предскифских (раннекочевнических) древностей из Северного Причерноморья (см. Медведская, 1992. С. 86 сл.; Алексеев и др., 1993; Алексеев, 2003; Иванчик, 2001; и мн. др.). Хотя в большей своей части полученные результаты до сих пор имеют дискуссионный характер, они существенно повлияли на изучение «фрако-киммерийского» комплекса Карпатского бассейна и Средней Европы. К рубежу XX–XXI вв. от этого понятия фактически ничего не осталось, т. к. в последних исследованиях речь идет о множественных формах взаимоотношений в IX–VIII вв. до н.э. между культурами Карпатского бассейна и Средней Европы с различными культурами и культурными группами из восточноевропейских степей и Кавказа (см. Metzner-Nebelsick, 2002; Kemenczei, 2005).

Историографическая иллюзия и необходимость ее преодоления. Значение проделанных исследований по «фрако-киммерийскому» комплексу оказалось столь велико, что отдельные исследователи, в т.ч. автор настоящей статьи, сделали попытки оставить в специальной литературе этот термин. Это прозвучало в отношении предскифских материалов из бассейна Среднего Днестра и было сделано с разных позиций: единство материальной культур населения степи и лесостепи Северо-Западного Причерноморья в раннем железном веке и фрако-киммерийский диалог (Бруяко, 2005. С. 76 сл.; 2009. С. 52–55); наличие некоего единства («фрако-киммерийцы») на «общей» обширной территории между Кавказом, Днестровским бассейном и Восточноальпийской зоной, маркированной золотыми кладами Михалков–Фокору–Даль (Teržan, 2009. S. 190 ff.); курганные захоронения на «фракийской» территории, в которых прослежено сочетание погребальных традиций степных раннекочевнических культур и керамики гальштаттских (карпато-дунайских) типов (Левицкий, Кашуба, 2011. С. 239 сл.; Кашуба, Левицкий, 2011. С. 344–345). Несмотря на использование в этих работах термина «фрако-киммерийский» комплекс с оговорками, все же правы исследователи, предложившие от него отказаться. И главное здесь – недопустимость равнозначного соотнесения археологической культуры и этноса (см. Sauter, 2000. S. 32 ff.; Metzner-Nebelsick, 2000. S. 517; 2005. S. 507; Kemenczei, 2005. S. 1). Аналогичная ситуация была в отношении широко применявшегося в русскоязычной литературе советского периода термина «фракийский гальштатт», который по предложению автора больше не используется (Кашуба, 2003. С. 261–262; подробнее – см. Кашуба, 2012. С. 234–235).

Преодолевая историографическую иллюзию, стоит подчеркнуть, что выявленная специфика предскифских древностей Среднеднестровского региона является отражением особых форм взаимоотношений между оседлыми, преимущественно, земледельческими общностями и объединениями мобильных степняков (ранних кочевников). Эти факты не укладываются в рамки антагонизма и противостояния, постулируемые как наиболее типичные взаимоотношения между оседлыми и мобильными (кочевыми) сообществами. Поэтому необходимы дальнейшие исследования в этом направлении.

Выводы. Представленный обзор показывает, что термин «фрако-киммерийский» комплекс Карпатского бассейна и Средней Европы действительно имел значительный исследовательский потенциал. Среди всего прочего самым фактом своего существования он сформировал единый информационно-исследовательский полигон от Кавказа до Средней Европы. Предпринятые в последние годы попытки его «реанимации» путем новых интерпретаций и расширением к востоку географии находок, без сомнения, были вызваны «очарованием от

его историографической значимости». Однако реальная источниковедческая база для дальнейшего использования термина отсутствует. Последнее, когда потенциальные возможности исчерпали себя, представляется важным и закономерным итогом. Почти 100-летняя история существования в археологии термина «фрако-киммерийский» комплекс заложила прочный фундамент будущих исследований в области изучения взаимоотношений между оседлыми и мобильными (кочевыми) сообществами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А. Ю., Качалова Н. К., Тохтасьев С. Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб. 1993.
- Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб. 2003.
- Бандрівський М., Крушельницька Л. Золоті Михалківські скарби та їх доля. Львів. 2012.
- Бруяко И. В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до н.э.). Кишинев. 2005.
- Бруяко И. В. Киммерийский псалий из окрестностей городища Картал на Нижнем Дунае // Эпоха раннего железа. Сб. науч. трудов к 60-летию С. А. Скорого. Киев; Полтава. 2009.
- Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М. 2001 (Степные народы Евразии; Т. 2).
- Кашуба М. Т. Дополняя среднегалыштатские древности в Хлижень II или «рваный край» VII в. до н. э. в Бессарабии // *Stratum plus*. СПб; Кишинев; Одесса; Бухарест. 2003. № 3(2001–2002) (Старая Скифия).
- Кашуба М. Т. О гальштатте и Гальштатте в Северном Причерноморье – современное состояние исследований // *АВ*. 2012. № 18.
- Кашуба М. Т., Левицкий О. Г. Раннекочевнические комплексы IX–VIII вв. до н.э. из Днестровского региона в свете «фрако-киммерийского» феномена // *Тр. III (XIX) Всероссийского АС*. СПб; М.; Вел. Новгород. 2011. Т. I.
- Левицкий О. Г., Кашуба М. Т. Курганы у с. Котюжень на юге Среднего Поднестровья и проблема «фрако-киммерийских» древностей (опыт изучения «пустых» погребений) // *АВ*. 2011. № 17.
- Махортых С. В. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. Киев. 2003.
- Медведская И. Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // *СА*. 1992. № 3.
- Топал Д. А., Бруяко И. В. Находки клинкового оружия ранних кочевников из Оргеевского района (Республика Молдова) // *Stratum plus*. 2012. № 3.
- Chochorowski J. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Kraków. 1993.
- Ebert M. Der Goldfund von Dalj // *Jahreshefte des Österreichischen archäologischen Institutes*. Wien. 1908. 11.
- Holste F. Zur Bedeutung und Zeitstellung der sog. „thrako-kimmerischen“ Pferdegeschirrbronzen. Ein Urnengrab von Steinkirchen, Landkreis Deggendorf // *Wiener Prähistorischen Zeitschrift*. 1940. 27.
- Kemenczei T. Hungarian Early Iron Age Metal Finds and Their Relations to the Steppes // *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies: Papers from the International Symposium held in Naples 1992*. Napoli. 1994 (Dipartimento di studi Asiatici. Series Minor XLIV).
- Kemenczei T. Funde ostkarpatenländischen Typs im Karpatenbecken. Stuttgart. 2005 (PBF. XX/10).
- Kłosińska E. Unique finds of ornaments of horse bridle from the South-East part of Lublin region // *Sprawozdania Archeologiczne*. Kraków. 2008. T. 60.
- Kossack G. „Kimmerische“ Bronzen. Bemerkungen zur Zeitstellung in Ost- und Mitteleuropa // *Situla*. Ljubljana. 1980. 20/21 (Zbornik posvečen Stanetu Gabrovcu ob šestdesetletnici).
- Metzner-Nebelsick C. Abschied von den „Thrako-Kimmeriern“? – Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppe // *Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000–500 v.Chr.): Symposium Mogilany 1995*. München; Rahden/Westf. 1998.

- Metzner-Nebelsick C.* *Kimmerier // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde.* Berlin; New York. 2000. Bd. 16.
- Metzner-Nebelsick C.* Der „Thrako-Kimmerische“ Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien. Rahden/Westf. 2002 (Vogerschlische Forschungen. Bd. 23).
- Metzner-Nebelsick C.* Thrako-kimmerischer Formenkreis // *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde.* Berlin; New York. 2005. Bd. 30.
- Nestor I.* Zu den Pferdegeschirrbronzen aus Stillfried a. March, N. Ö. // *Wiener Prähistorischen Zeitschrift.* 1934. 21.
- Nestor I.* Ein thrako-kimmerischer Goldfund aus Rumänien // *ESA.* 1934a. 9.
- Reinecke P.* Ein neuer Goldfund aus Bulgarien // *Germania.* 1925. 9.
- Sauter H.* Studien zum Kimmerierproblem. Bonn. 2000 (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde; Bd. 72).
- Teržan B.* Kaukasisches Symbolgut in Südosteuropa – Bemerkungen zu Goldfibeln von Michalków-Fokoru-Dalj // Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000–500 v. Chr.). Kommunikationsebenen zwischen Kaukasien und Karpaten. Internationale Fachtagung von Humboldtianern für Humboldtianer im Humboldt-Kolleg in Tiflis/Georgien (17.–20. Mai 2007). Rahden/Westf. 2009 (PAS. Bd. 25).

К УТОЧНЕНИЮ АТРИБУЦИИ БРОНЗОВОЙ СИТУЛЫ ИЗ АНУХВЫ²⁶

В. Р. Эрлих (г. Москва)

Памяти Д. С. Бжания

В сборнике материалов Первой Абхазской международной археологической конференции Д. С. Бжания и Б. В. Гунба был опубликован бронзовый котел-ситула, хранящийся ныне в отделе археологии Гудаутского краеведческого музея. Этот склепанный из трех бронзовых листов бронзовый плоскодонный сосуд имел яйцевидное тулово, плечики практически отсутствовали. Венчик сосуда оформлен следующим образом: край «отогнут наружу и свернут в трубочку, в полость которой вставлен железный прут сечением 3,0 мм». Сосуд имеет две литые ручки высотой 7 см, расположенные непосредственно у края и прилитые уже к готовому сосуду (Бжания, Гунба, 2006. С. 115–116). Размеры сосуда: высота – 38 см, диаметр устья – 18 см, максимальный диаметр тулова – 35 см (рис. 1, 1).

О происхождении сосуда известно немного: он обнаружен в селе Анухва (Анхуа) Гудаутского р-на и в 80-е гг. XX в. хранился в запасниках Ново-Афонского монастыря. Опубликовавшие этот сосуд авторы справедливо отметили уникальность находки подобного котла, сопоставили его с бронзовыми клепаннными ситулами с зооморфными ручками конца VIII–VII в. до н.э. и отнесли сосуд из Анухвы к этому же времени (Бжания, Гунба, 2006. С. 116). Однако атрибуция котла из Анухвы требует уточнения.

Среди металлических котлов кавказского производства, клепанных из бронзового листа, выделяются два основных типа: ситулы с зооморфными «ушастыми» ручками и ситулы-ведерки. Учитывая это, анухвская ситула, безусловно, относится к сосудам с зооморфными «ушастыми» ручками (рис. 2).

Наиболее представительная сводка ситул с литыми зооморфными ручками (см. Эрлих, 2007. С. 82; 2011. С. 505–514) имеется в работе В. Г. Петренко (2006. С. 85. Табл. V). Она включает в себя 15 экземпляров. Эту сводку на сегодняшний день можно несколько расширить, включив в нее ранее неучтенные экземпляры: один сосуд из Кескемского клада в Ингушетии (Дударев, 2005. С. 87. Рис. 8, 9) (рис. 2, 14); четыре экземпляра с территории северо-западного

²⁶ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 11-01-00532а «Культуры скифского круга эпохи архаики на территории Северного Кавказа и Причерноморья (VII–VI вв. до н.э.). Новые данные и подходы».

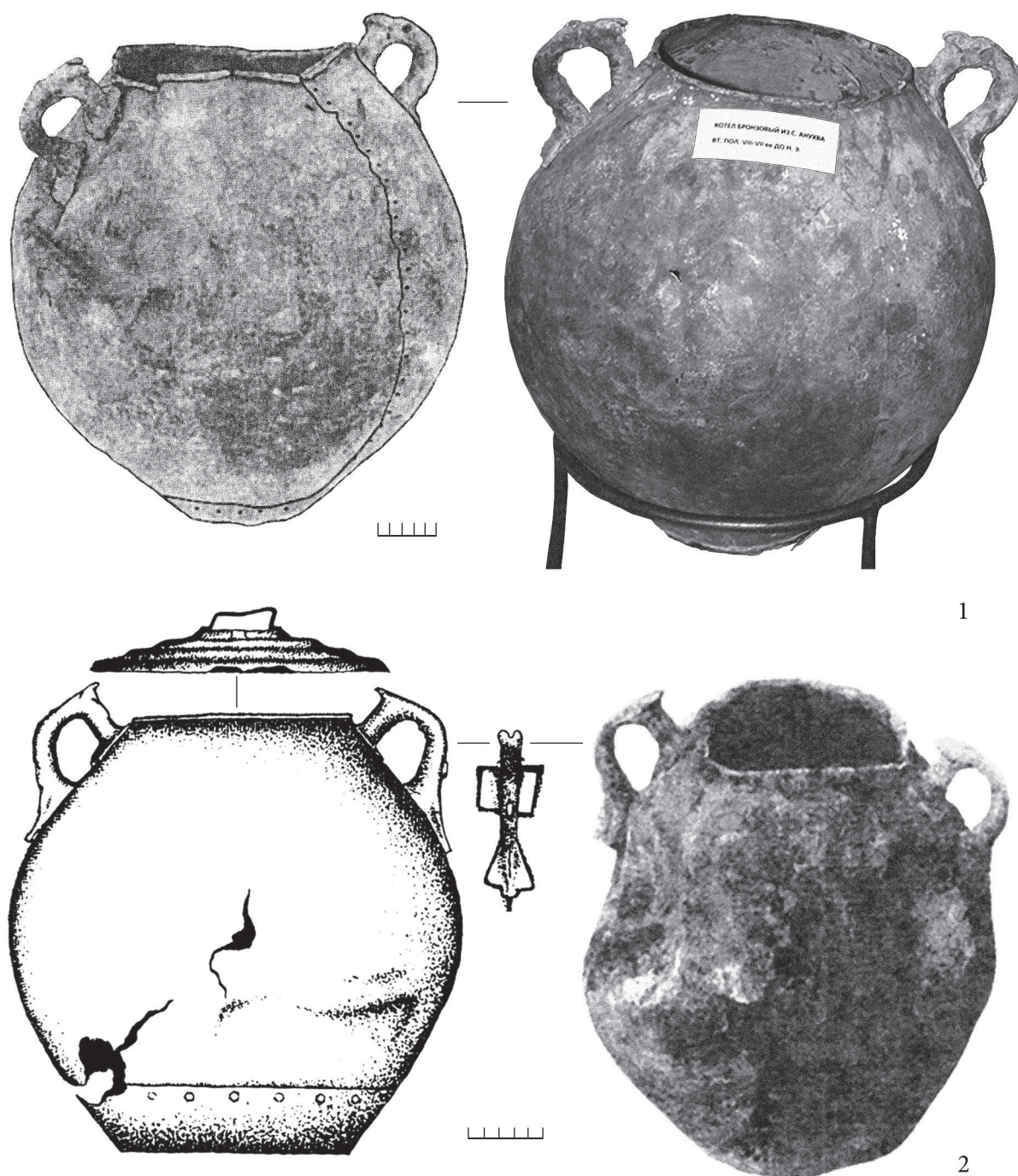

Рис. 1. Бронзовые ситуды из Анухвы (1) и Вани, погребение 13 (2) (1 – рис. по Бжания, Гунба, 2006; фото автора статьи; 2 – по Матиашвили, 1977)

Кавказа: мог-к Пшиш, погр. 110 (рис. 2, 6); погр. 9, кург. 2 мог-ка Уашхиту-I (рис. 2, 9), а также случайная находка такой ситуды (рис. 2, 7) и бронзовая «ушастая» ручка от такой же ситуды из р-на аула Уляп (Адыгея) (Сазонов, 2004. С. 397. Рис. V; Эрлих, 2007. С. 82–83, 339. Цв. вкл. Рис. 13; 14, 1; 146, 1; Эрлих и др. 2009. Рис. 8, 7; 10; Эрлих, 2011. Рис. 1). Сюда же можно добавить и знаменитую жемталинскую амфору (рис. 2, 10), которая, несмотря на свое несколько узкое горло, по размерам и функциональному назначению являлась тем же, что остальные «ситуды»

с «ушастыми» ручками – переносным котлом для варки мяса и кипячения воды. Всего в настоящее время автору известно 25 сосудов этого типа.

подавляющее большинство таких находок происходит с территории Северного Кавказа и датируется по находкам из комплексов концом VIII–VII в. до н.э. Четыре сосуда происходят с лесостепной части Северного Причерноморья – Жаботин (2 экз.), Квитки и Таганча. В то же время на территории Закавказья ситул с зооморфными ручками известно лишь пять – из них к ранним ситулам конца VIII–VII вв. до н.э. можно отнести только ситулу из клада в Лечхуми (Куфтин, 1944. С. 25–33. Рис. 25, 1. Табл. XII, 3; Крупнов, 1952. Табл. V. Рис. 1, 5). Остальные закавказские ситулы датируются более поздним временем.

Две ситулы с зооморфными ручками, обнаружены в богатых колхидских погребениях V в. до н.э. с многочисленными находками – мог-к Вани, погр. 11 (рис. 2, 18) и мог-к Саирхе, погр. 13 (рис. 2, 17). По своей форме они практически идентичны ранним котлам, обнаруженным к северу от Кавказского хребта (Вани-1. Рис. 186; Maxaradze, Tsereteli, 2007. Photo 163). Сосуды имеют шейку и высокий венчик, а ручка приливалась к плечикам сосуда.

Еще один котел, происходящий из погр. 13 (1975 г.) мог-ка Вани является полной аналогией ситуле из Анухвы (рис. 1, 2). Он имеет такую же яйцевидную форму тулова, у него также отсутствует горло, край сосуда оформлен аналогичным образом – отогнут наружу и закручен в трубочку. Сразу под краем к сосуду прикреплены литые зооморфные ручки, имеющие уже не «ушастые», а «рогатые» выступы. Размеры сосуда: высота – 32 см, диаметр края – 18 см. Он имел крышку, украшенную рельефными концентрическими ребрами (Матиашвили, 1977. С. 190. Рис. 92; 97). Этот сосуд был найден в углу погребальной камеры богатого, но, к сожалению, ограбленного «всаднического» погребения. Однако обнаруженные здесь украшения, включавшие ожерелье из агата и халцедона, серебряные пронизи с розетками и амфоровидными подвесками, позволили исследователям справедливо отнести погребение и, соответственно, котел уже к эллинистическому времени и датировать его концом IV–III в. до н.э. (Каچارва и др., 1979. С. 149; Матиашвили, 1977. С. 190. Рис. 92; 97; Bill, 2003. S. 236–237. Taf. 180; 181, 1–9).

Можно сделать вывод, что сосуд из погр. 13 мог-ка Вани и котел из Анухвы составляют один, вероятно, наиболее поздний вариант кавказских котлов-ситул. Соответственно, датировать котел из Анухвы следует тем же временем, что и аналогичный котел из Вани – т.е. эпохой эллинизма.

Говоря о центре производства в бронзовых ситул с «зооморфными ручками», отметим, что по этому поводу мнения исследователей разделились. Еще в 1935 г. А. А. Иессен предположил, что все кавказские сосуды являлись продукцией Западного Закавказья, связанной с Лечхумскими и Рачинскими месторождениями меди (Иессен, 1935). Этой же точки зрения придерживались грузинские исследователи О. Д. Лордкипанидзе и Л. С. Сахарова, считая, что одним из производственных центров могла быть Колхида (Лордкипанидзе, 1972. С. 61; Сахарова, 1965). Е. И. Крупнов, картировав находки бронзовой посуды, включил в область производства этих сосудов и северные склоны Большого Кавказского хребта (Крупнов, 1952. С. 29–30). Эти представления отчасти разделяет В. И. Козенкова, которая считает, что «ситулы» первого типа с «ушастыми» ручками производились в северо-западной части Кавказа (Козенкова, 1998. С. 110). Однако этому выводу противоречит относительная редкость бронзовой посуды в целом в ареале западно-кобанской культуры и протомеотской группы памятников.

Находки огромного количества бронзовой посуды в Тлийском могильнике, прежде всего, ситул второго типа (ситулы-ведерки), кружек с зооморфными ручками и мисок позволяют значительной группе исследователей считать, что центр производства бронзовой посуды в конце VIII–VI в. до н.э. находился на южных склонах Центрального Кавказа (Галанина, 1997. С. 150; Техов, 2002. С. 182–183; Петренко, 2006. С. 84, 86; Эрлих, 2007. С. 84; 2011) Здесь бронзовая посуда была обыденным явлением. Б. В. Техов (2002. С. 182) специально подчеркнул, что она присутствует не только в наиболее богатых воинских погребениях, но и в могилах женщин и детей.

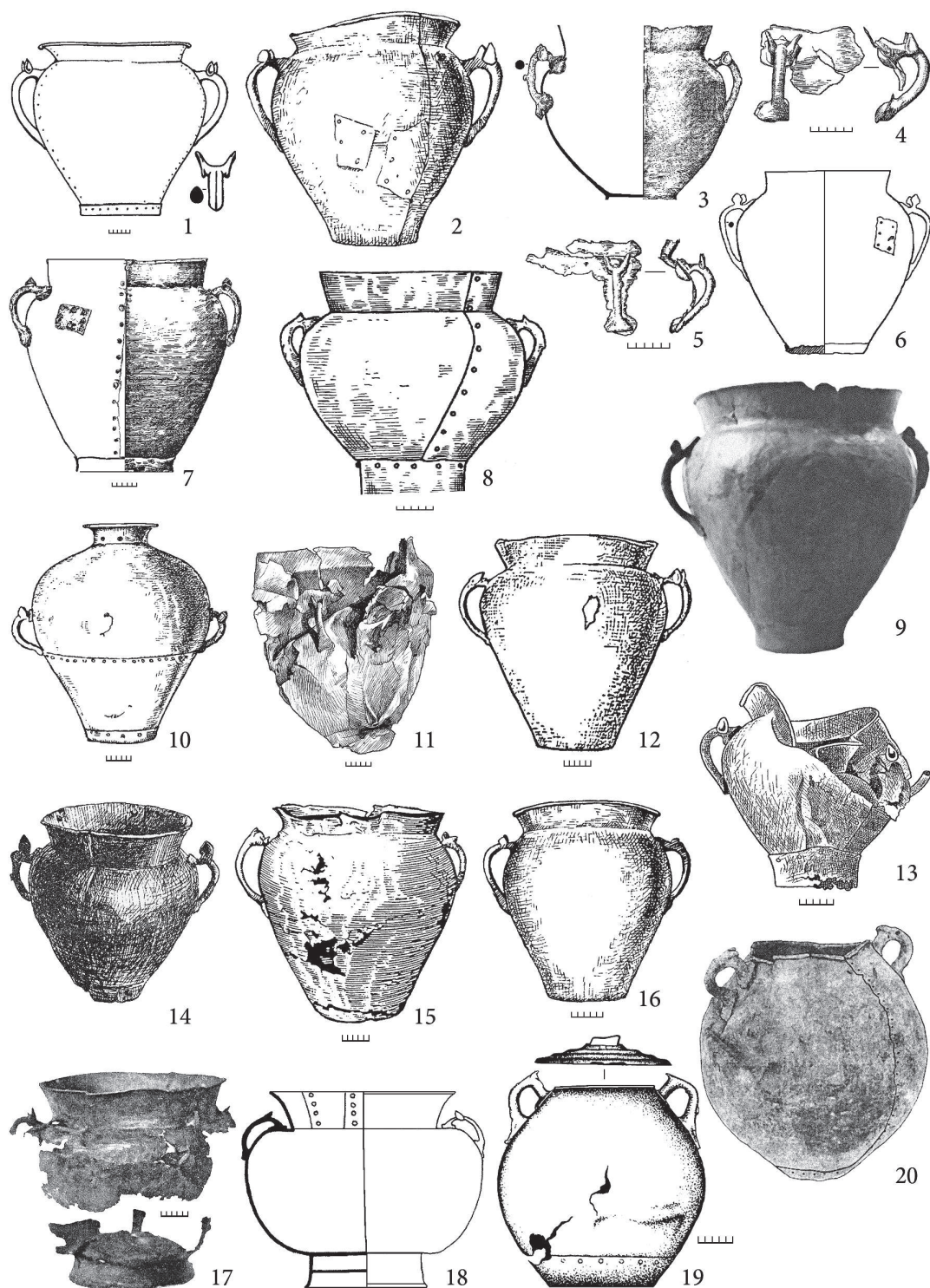

Рис. 2. Бронзовые ситулы с «ушастыми» ручками I типа на Кавказе, Закавказье и лесостепи Северного Причерноморья. 1 – Квитки; 2 – Жаботин; 3 – Уашхиту-I, курган 1; 4 – Келермес, курган 2/В; 5 – Келермес, курган 19 погребение 5; 6 – Пшиш, погребение 110; 7 – аул Уляп; 8 – Холмский, курган 4 погребение 1; 9 – Уашхиту-I, курган 2 погребение 9; 10 – Жемталинский клад; 11 – Красное Знамя, курган 6; 12 – Пятигорск; 13 – Нартан, курган 20; 14 – Кескем, клад; 15 – Терезе, гробница 3; 16 – Лечхуми, клад; 17 – Саирхе, погребение 13; 18 – Вани, погребение 11; 19 – Вани, погребение 13; 20 – Анухва (Абхазия) (по Ильинская, 1975; Эрлих, 2007; 2011; Галанина, 1997; 1999; Крупнов, 1952; Куфтин, 1944; Петренко, 2006; Дударев, 2005; Сазонов, 2004; Матиашвили, 1977; Эрлих и др., 2009; Козенкова, 1998; Махарадзе, Tsereteli, 2007; Бжания, Гунба, 2006)

В. Г. Петренко и В. Р. Эрлих предположили, что большие бронзовые котлы с «ушастыми ручками» I типа, не встречавшиеся в предскифский и раннескифский период в Глийском могильнике, производились здесь специально «на заказ» для формирующейся северокавказской элиты времени древнейших походов в Закавказье и Переднюю Азию (Петренко, 2006. С. 84, 86; Эрлих, 2007. С. 84; 2011). В связи с этим интересна находка таких же котлов в двух наиболее богатых колхидских комплексах V в. до н.э. Вероятно, «отзвук» раннескифской моды на бронзовые «ситулы» первого типа, как престижный предмет, сохраняется в Закавказье и в то время, когда к северу от Кавказского хребта уже более столетия использовались литые котлы. Котлы без выраженного горла с литыми ручками и «зооморфными» рогатыми выступами из погр. 13 мог-ка Вани и села Анухва являются наиболее поздними образцами этой серии и датируются раннеэллинистическим временем.

Судя по имеющимся данным, к V в. до н.э. центр производства кавказской бронзовой посуды смещается в Колхиду. Сосуды становятся более разнообразными по форме и размерам, у них появляются крышки, встречаются серебряные подражания бронзовым ситулам второго типа. В более позднее время в колхидском очаге производства бронзовой посуды процесс формотворчества приводит к появлению новых типов, неизвестных к северу от Кавказского хребта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батчаев В. М.* 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. В. М. Батчаев, Т. Б. Барцева, Б. М. Кеферов. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н. э. – II в. н. э.). Нальчик. 1985.
- Бжания Д. С., Гунба Б. В.* Бронзовый котел из Гудаутского музея // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухум. 2006.
- Вани-І.* Археологические раскопки 1947–1969 гг. Тбилиси. 1972.
- Галанина Л. К.* Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи. М. 1997 (Степные народы Евразии. I).
- Дударев С. Л.* «Кескемский» клад бронзовых предметов (полная публикация) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир. 2005. Вып. 5.
- Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. // Известия ГАИМК. Л. 1935. Вып. 120.
- Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н.э.). Киев. 1975.
- Качарава Д. Д., Кипиани Г. Г., Лордкипанидзе О. Д., Путуридзе Р. В.* Археологические раскопки на Верхней террасе Ванского городища (1970–1977 гг.) // Вани-IV. Тбилиси. 1979.
- Козенкова В. И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М. 1998 (САИ. В2-5).
- Крупнов Е. И.* Жемталинский клад. М. 1952.
- Куфтин Б. А.* Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит // Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси. 1944. Т. XIII-В.
- Лордкипанидзе О. Д.* Ванское городище (Раскопки. История. Проблемы) // Вани-І. Археологические раскопки 1947–1969 гг. Тбилиси. 1972.
- Матиашвили Н. Н.* Металлические сосуды // Вани-III. Археологические раскопки. Тбилиси. 1977.
- Петренко В. Г.* Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо. 2006 (Степные народы Евразии. III; Corpus Tumulorum Scythicorum et Sarmaticorum. I).
- Сазонов А. А.* О хронологии протомеотских погребений Закубанья // *Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego.* Kraków, 2004.
- Сахарова Л. С.* Бронзовые художественные сосуды Грузии // Сабчота хеловнеба. Тбилиси. 1965. № 12.
- Техов Б. В.* Тайны древних погребений. Владикавказ. 2002.
- Эрлих В. Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М. 2007.

Эрлих В. Р. Бронзовые ситулы из элитных погребений Кавказа как пример внутрикавказской коммуникации (к вопросу о центре производства и верхней дате бытования) // Боспорский феномен. Население, языки, контакты: Мат-лы междунар. научн. конф. СПб. 2011.

Эрлих В. Р., Вальчак С. Б., Маслов В. Е. Протомеотские погребения из кургана 2 могильника Уашхиту-I // Эпоха раннего железа. Сб. научн. трудов к 60-летию С. А. Скорого. Киев; Полтава. 2009.

Bill A. Studien zu den Gräbern des 6. bis I. Jahrhunderts v. Chr. in Georgien unter besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zu den Steppenvölkern. Bonn. 2003.

Maxaradze G., Tsereteli M. Sairkhe. Tbilisi. 2007 (на груз. яз., рез. на англ. яз.).

О ГРЕЧЕСКИХ ПОНОЖАХ ИЗ РАЙОНА ДИОСКУРИАДЫ²⁷

С. Чандрасекаран (г. Берлин)

Одним из свидетельств контактов с греками в Причерноморье являются находки предметов греческого доспеха (шлемов и поножей). На территории Колхиды известно довольно много шлемов греческого типа и всего лишь три пары греческих поножей (рис. 1): одна пара происходит из Вани (рис. 2, 3), другие две – из погребений Ахул-абаа, в районе древней Диоскуриады (рис. 2, 1–2), – которые в публикациях были обобщенно охарактеризованы. Проведенный в настоящей работе более детальный анализ этих поножей (на основе фотографий и доступных в публикациях рисунков) доказывает не только их сходство с кнемидами, происходящими с территории Греции, но также еще раз подчеркивает необходимость изучения всех кнемид и других подобных предметов непосредственно или «в живом виде».

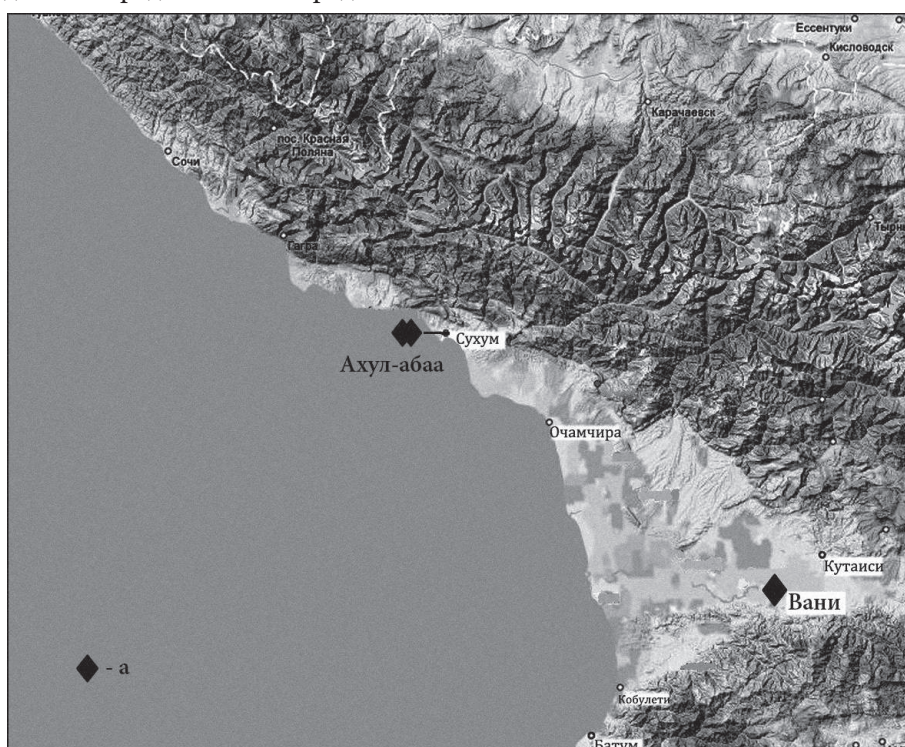

Рис. 1. Находки кнемид греческого типа на территории Колхиды. Условные обозначения: а – места находок (пары)

²⁷ Выражаю благодарность Оргкомитету Третьей Абхазской международной археологической конференции за возможность представить свою работу, в частности, А. И. Джопуа и В. Р. Эрлиху, которые впервые познакомили меня с поножами из Ахул-абаа.

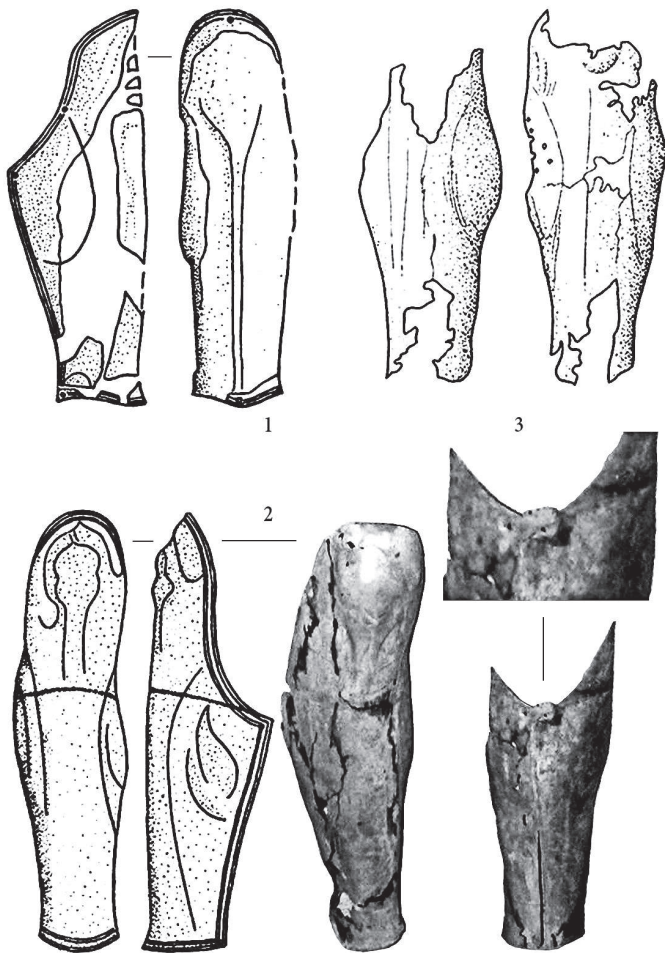

Рис. 2. Кнемиды из Колхиды: 1 – левый понож из погребения 1979 г. в Ахул-абаа (по Воронов, 1991. Рис. 3, 2); 2 – кнемиды из погребения 1985 г. в Ахул-абаа (по Воронов, 1991. Рис. 2, 1–2; фотография В. Р. Эрлиха); 3 – поножи из Вани (по Chernenko, 2006. Taf. 33, № 693c–d)

тактах жителей этого поселения с греками, а впоследствии и с эллинистической культурой, говорит незначительный объем греческих импортов, в частности, керамики, датированной IV–III вв. до н.э.

В 70–80-х гг. XX в. на возвышениях холма были исследованы два погребения, в комплексах которых оказались предметы греческой паноплии: шлемы и поножи. Первый комплекс был изучен в 1979 г. местным краеведом В. А. Юшином (Там же). Комплекс включал в себя фрагменты бронзового халкидского шлема и пары бронзовых поножей греческого типа, а также обломки других видов оружия, в т.ч. наконечников копий, кинжалов, меча, махайры и ножа. Кроме того были найдены остатки серебряных и чернолаковых сосудов и другие находки. Второе захоронение, немного сходное с первым, было обнаружено на северном склоне холма в 1985 г. (Там же). Это захоронение было частично разрушено, но сохранился следующий инвентарь: пара бронзовых кнемид со следами подколенной перевязи, бронзовый аттический шлем, золотая массивная шейная гривна, кремневый отщеп, фрагмент чернолакового сосуда, предметы вооружения из железа (топор, обломки пяти железных наконечников копий), а также предметы уздечного набора. Оба комплекса датируются IV–III вв. до н.э. (Там же).

Поножи из Ахул-абаа были найдены в конце 70-х–начале 80-х гг. прошлого века. Информация о них довольно скудна. В своей статье 1991 г., посвященной новым материалам античной эпохой из окрестностей Диоскуриады, Ю. Н. Воронов описывает поножи из Ахул-абаа как «бронзовые пластинчатые кнемиды, из которых лучше сохранилась левая» или «пара бронзовых кнемид со следами подколенной перевязи». Он также отмечает, что эти поножи отличаются от поножей из Вани. Других сведений о поножах из Ахул-абаа нет. К счастью, в статью были включены рисунки обеих пар поножей, которые до сих пор являются единственными опубликованными изображениями этих вещей (рис. 2). Хотя Ю. Н. Воронов детально не занимался изучением этих поножей, однако для того, чтобы понять, как они соотносятся с подобными находками на территории Колхиды и Причерноморья в целом, стоит рассмотреть эти поножи более подробно.

Описание места находки. Холм Ахул-абаа находится к востоку от г. Сухум, между р. Беслеткой и Дзегутой. В древности, начиная с VI в. до н.э., здесь располагалось большое поселение (Воронов, 1991. С. 227). О контактах жителей этого поселения с греками, а впоследствии и с эллинистической культурой, говорит незначительный объем греческих импортов, в частности, керамики, датированной IV–III вв. до н.э.

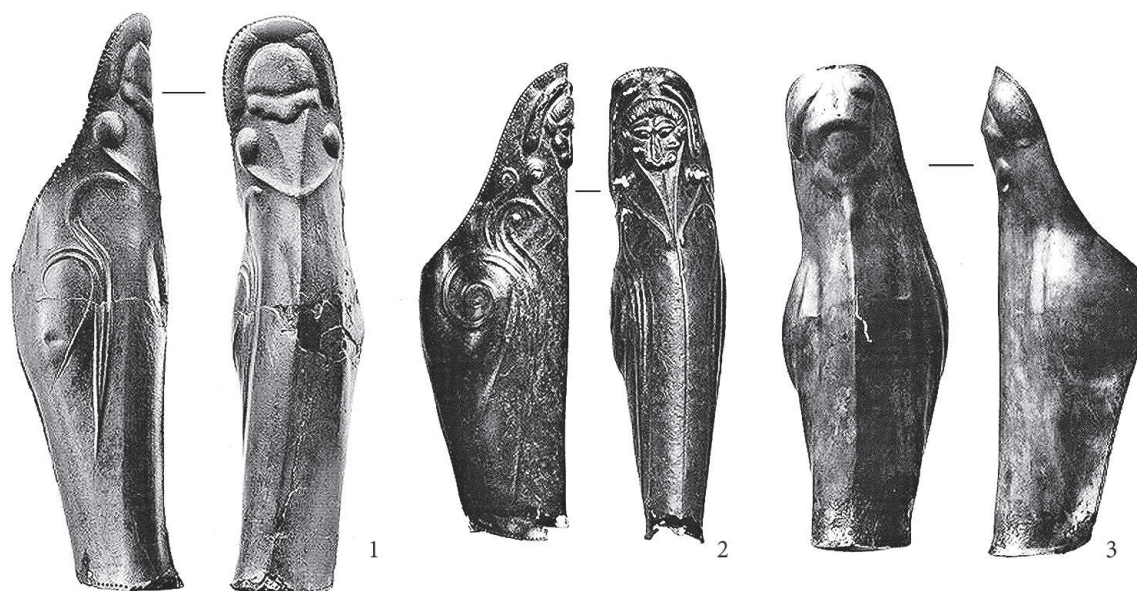

Рис. 3. Бронзовые кнемиды из Олимпии и других мест: 1 – Олимпия, архаический период (по Kunze, 1991. Taf. 23, 1–2); 2 – неизвестное происхождение, период поздней архаики (по Kunze, 1991. Taf. 37, 1–2); 3 – Южная Италия, классический период (по Kunze, 1991. Taf. 53, 2–3)

Типология поножей по Э. Кунце. Перед тем, как приступить к детальному изучению рассматриваемых поножей, обратимся к типологии греческих поножей архаического и классического периода, разработанной Э. Кунце на основе поножей, найденных в Олимпии и других местах (Kunze, 1991. S. 102, 116, 121. № 13; p; f/g) (рис. 3). Все поножи этих периодов объединяют два признака: техника производства и общая форма. Поножи были изготовлены из одного листа относительно тонкой ковanej бронзы. Сначала из такого листа вырезали общие контуры так, чтобы закрыть ногу от колена до лодыжки. Вертикальные края поножей не соединялись – таким образом, при их надевании оставалась открытой тонкая вертикальная полоса с задней стороны

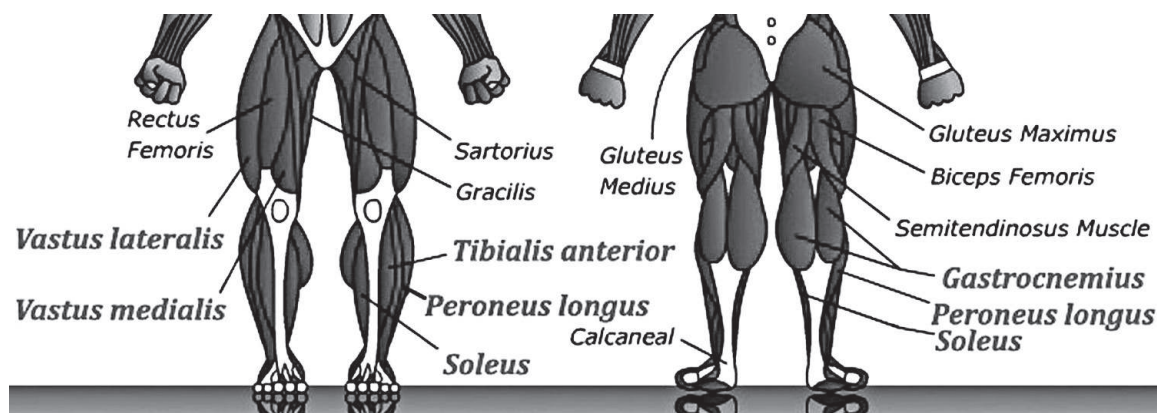

Рис. 4. Анатомия человеческих ног (по Martin Vidic, [Электронный ресурс]: URL: <http://www.flashmavi.com> (дата обращения 02.11.2011)

ноги. Почти на всех экземплярах есть отверстия по краям, которые использовались для прикрепления внутренней подкладки или шнура для стягивания (Kunze, 1991. S. 6, 67, 77) (рис. 3, 1–2).

На всех поножах обозначены анатомические детали голени (рис. 4). Это имело, с одной стороны, чисто декоративную функцию, а с другой, должно было демонстрировать линии и контуры мышц и костей голени в *напряженном* состоянии. В области колена – это нижние части широких мышц бедра (*vastus*), а также выпуклость коленной чашечки и верхней части

Рис. 5. Золотой гребень из Солохи и деталь кнемид всадника (по Cat. Paris, 2001. Fig. p. 47)

большеберцовой кости под ней. У остальной части голени – это короткая, толстая икра и длинные мышцы – передняя большеберцовая (*tibialis anterior*), камбаловидная (*soleus*) и длинная малоберцовая (*peroneus longus*). Иногда обе мышцы обозначались как одна удлинённая выпуклость. Указывался еще и длинный выступ берцовой кости.

Описание поножей из Ахул-абаа. Поножи из погребения 1979 г. сохранились лишь фрагментарно – из них в лучшем состоянии сохранился левый понож. Его реконструкция представлена на рисунке Ю. Н. Воронова (рис. 2, 1). Поскольку поножи из данного погребения раньше не представлялись, и нет опубликованных фотографий, анализ проводился исключительно по данному рисунку. Понож сохранился в полную длину. Он состоит из округленной надколенной части, расширенной средней икроножной части и суженной нижней части. Стоит отметить, что нижняя часть голени не сужается к лодыжке, а спускается почти вертикально, как штанина. С передней стороны нижний край поножей слегка выступает. Пластично моделированы анатомические детали голени – это нижняя выпуклость колена, выступ большой берцовой кости, большая выпуклость икры и «намеки» на камбаловидную мышцу. Отметим, что все эти детали представлены очень «мягко», в сглаженном виде. По всем сохранившимся краям поножей идет орнаментальный бордюр, состоящий либо из трех гравированных линий, либо из двух тонких полос, выполненных в рельефе. Особого внимания заслуживают одинаковые отверстия, расположенные по самым «выдающимся» точкам краевого бордюра по

ножей. Это с фаса – самая верхняя и самая нижняя точка, по внешней боковой стороне – верхняя точка икровой мышцы, кончик самой широкой части икры и самая нижняя точка голени. Можно предположить, что эти отверстия использовались для прикрепления подкладки изнутри или прикрепления шнуров для стягивания поножей.

Оба кованых поножа из погребения 1985 г. – в сравнительно хорошем состоянии (рис. 2, 2). Они представляют типичную форму кнемид в полную длину, с округленной коленной частью, расширенной средней икроножной частью и сужающейся нижней частью, которая идет до лодыжки. С передней стороны нижний край поножей выступает слегка, но более проявлено, чем у первой пары. В отличие от поножей 1979 г., здесь наблюдается постоянное сужение нижней части голени. К пластично моделированным анатомическим деталям голени относятся выпуклости нижних латеральных и медиальных широких мышц бедра, коленная чашечка и нижняя выпуклость колена, выступ верхней части большой берцовой кости, большая выпуклость икроножной мышцы, более мягкие линии внешних и внутренних камбаловидных мышц. Выступ большой берцовой кости тоже обозначен. Отметим, что все эти детали представлены смягченным способом, но выработаны более ярко, чем на поножах 1979 г. Все края обрамлены орнаментальным бордюром, более или менее подобным тому, что изображен на первой паре.

Самая интересная деталь – тонкая, темная горизонтальная полоса под выступом верхней части большой берцовой кости на обоих поножах (рис. 2, 2). При этом на самом деле, эта полоса не совсем горизонтальная, а сгибается вниз по сторонам. Это полоса может быть результатом какого-то бинтования обоих поножей, возможно, чтобы сделать их более прилегаемыми. Подобная ситуация наблюдается на известном золотом гребне из кургана Солоха, где изображенный воин-всадник над своими штанами носит металлические кнемиды, прикрепленные путем бинтования у лодыжки (рис. 5) (Власова, 2011. С. 124).

Также отметим наличие отверстий разных размеров непосредственно под описанной выше полосой – на правом поноже одно, на левом – два (рис. 2, 2). Эти отверстия не видны на рисунке Ю. Н. Воронова, а только на самих экземплярах или на их фотографиях. Они явно были пробиты не первоначально, а в ходе использования, возможно, для прикрепления шнуров или чего-то подобного, напр., специальной подкладки для заполнения лишнего места между металлом изделия и ногой, что свидетельствует о плохой прилегаемости кнемид. Подобная плохая прилегаемость, возможно, указывает на вторичное использование кнемид, или же на их изготовление не по заказу, а по шаблону²⁸. Еще одна деталь заслуживает внимания: в настоящее время на левом поноже отсутствует верхняя коленная часть. Судя по фотографии, она была отделена. На правом поноже видно, что коленную часть отломили одним фрагментом. Таким образом, возникает вопрос о существовании в античности практики намеренного повреждения коленной части поножей.

Поножи из Ахул-абая в сравнении с экземплярами из Западного Кавказа и Греции. Обе пары рассмотренных поножей похожи. Основное отличие между ними состоит в следующем: если рисунок поножей 1979 г. точен, то форма нижней части голени на данной паре оказывается более прямой, чем у пары 1985 г. – она меньше сужается и является более широкой. Также отметим, что на паре 1979 г. не указаны выпуклости широких мышц бедра.

Рассматриваемые кнемиды обнаруживают сходство с изделиями из Вани (рис. 2, 3). Они также похожи и на некоторые экземпляры с территории Западного Кавказа и соседних регионов. К лучшим по сохранности экземплярам относятся поножи с территории Краснодарского края, точное место находки которых неизвестно (рис. 6, 1)²⁹, а также из Куль-Обы (рис. 6, 2) (Власова, 2011), кургана Кекуватского (рис. 6, 3) (Галанина, 1965. № 1; Кат. Эрмитаж, 2007. № 65)

28 Выражаю благодарность реставратору по металлу Увэ Пельцу (Uwe Peltz, Государственные музея Берлина) за консультацию по данному вопросу.

29 Ныне хранятся в Краснодарском музее. Благодарю Е. Хачатурову за предоставленную возможность изучения оригинала.

Рис. 6. Кнемиды: 1 – понож неизвестного происхождения из Краснодарского края (по Хачатурова, 2002. № 627); 2 – левый понож из Куль-Обы (по Власова, 2011. Рис. 1, 1); 3 – кнемиды из кургана Кекуватского (по Кат. Эрмитаж, 2007. Рис. № 65); 4 – понож из кургана 17 Нимфея (по Chernenko, 2006. Taf. 33, № 683); 5 – одна пара кнемид из Вергины (по Touratsoglou, 2000. № 151); 6 – кнемиды из Дервени (Themelis, Touratsoglou, 1997. Pl. 7, A15)

и кургана 17 Нимфея (рис. 6, 4) (Галанина, 1965. № 4)³⁰. Находок поножей в хорошем состоянии на Западном Кавказе очень мало, поэтому важно их детальное изучение.

³⁰ Выражаю свою благодарность сотрудникам ОАМ Гос. Эрмитажа за предоставленную возможность изучить оригиналы из курганов Куль-Оба, Кекуватского и Нимфея.

Кнемиды из Ахул-абаа имеют особое значение среди предметов греческой паноплии раннеэллинистического периода. С другой стороны, поножи на Западном Кавказе не пользовались таким же успехом, как шлемы греческого типа. Греческие шлемы, особенно халкидские, были столь популярными³¹, что на Кавказе появились местные имитации этого типа. Мы имеем в виду кованые шлемы из Даховской (Эрлих, 1996) и Мезмая (Шевченко и др. 2011. С. 135–136, 143. Рис. 7, 1–3; 20, 2). Судя по небольшому количеству находок поножей на Западном Кавказе, можно полагать, что поножи не имели такого большого спроса, как шлемы. Все известные экземпляры поножей были изготовлены *вне* данной территории. Но их появление, также как и появление кнемид на территории Причерноморья, – значительное явление в изучении происхождения и типологии греческих кнемид всего античного мира.

Находки данных изделий указывают на то, что кнемиды греческого типа занимают второе по популярности место среди предметов греческой паноплии по всему античному миру, особенно в классический и эллинистический периоды³². Их популярность уступает лишь популярности шлемов. Отметим при этом неравномерное распространение этих кнемид. Главные центры концентрации кнемид в Греции–Македонии расположены на западе, а в Причерноморье – на востоке. Примерно 40–50% известных нам находок происходят с территории континентальной Греции, больше всего из Олимпии, где они выступают в качестве votivных дарений³³. Столько же находок происходит из захоронений в Северном и Западном Причерноморье. Это, в основном, Приднепровье и Фракия (Chernenko, 2006. S. 101–104). С территории Западного Кавказа и Боспорского царства происходит несколько экземпляров³⁴. Еще пара экземпляров известна из погребальных комплексов в Македонии и Великой Греции³⁵.

Различие между западными и восточными находками. Основное различие между западными и восточными находками заключается в их датировке. Почти все западные (греческие экземпляры из Олимпии) датируются не позже середины IV в. до н.э., т. е. архаическим или классическим периодом. Датируются они довольно точно из-за votivных надписей, оставленных дарителями. Стоит отметить, что у поножей из Причерноморья почти нет надписей. Восточные находки (экземпляры из Причерноморья) происходят из классических и, в основном, эллинистических погребальных комплексов. Классические образцы, как, напр., из Нимфея (рис. 6, 4), можно достаточно точно датировать по греческим аналогиям³⁶. Экземпляры из эллинистических комплексов обычно датируются по дате самого комплекса или имеют общую датировку IV в. до н.э., хотя всегда имеется в виду, что они могут быть старше комплекса.

Различие в датировке «западных» и «восточных» находок весьма важна при обсуждении вопроса о возможном продолжении типологического развития поножей после середины V в. до н.э., особенно, учитывая сравнительно небольшое количество находок поножей из эллинистических контекстов в самой Греции. Среди материалов IV в. до н.э. из Греции известны три экземпляра поножей – это две пары из царской гробницы в Вергине (рис. 6, 5), т. н. «гробница Филиппа» (Touratsoglou, 2000. № 151) и одна пара из погребения в Дервени (рис. 6, 6) (Themelis, Touratsoglou, 1997. Pl. 7, A15).

Сравнение греческих экземпляров с экземплярами из Ахул-абаа показывает их общее сходство. Особенно важен богатый погребальный комплекс в Вергине, принадлежащий члену ма-

31 Преобладание шлемов над кнемидами на Западном Кавказе хорошо показано в каталоге Е. В. Черненко (Chernenko, 2006. S. 85–96).

32 См. описание и каталог кнемид у Е. В. Черненко (Chernenko, 2006. S. 86–89, 98–105).

33 Все проценты рассчитаны автором по общему объему изданного материала.

34 См. Е. В. Черненко (Chernenko, 2006. Taf. 44, b) о распространении кнемид на Боспоре и Скифии.

35 Э. Кунце (Kunze, 1991. S. 3) также упоминает кнемиды из погребений на Пелопоннесе и в Средней Италии.

36 Ср., напр., кнемиды из Олимпии В 7175 (Kunze, 1991. Taf. 50, 1), В 4863 (Kunze, 1991. Taf. 51, 1–2).

кедонской царской семьи. Этот комплекс относится ко второй половине IV в. до н.э.³⁷ Поскольку этот комплекс царский, логично предполагать, что предметы из погребения были сделаны специально для этого захоронения, или то, что для обряда взяли предметы, которые использовались самим покойником и которые, таким образом, являются современными ингумации. Следовательно, поножи из Вергины должны быть синхронны времени жизни погребенного и датироваться IV в. до н.э., точнее, серединой или третьей четвертью IV в. до н.э. Аналогичную ситуацию можно предположить и для богатого погребения в Дервени.

Тем самым, сходство рассматриваемых поножей с поножами из Вергины становится важным для уточнения вопроса о датировке поножей из комплексов IV–III вв. до н.э. на Западном Кавказе, а также для разработки типологии всех поножей эллинистического периода. Таким образом, только тщательное изучение всех поножей, найденных на территории Западного Кавказа, в частности, хорошо сохранившихся экземпляров из Ахул-абаа, а также их сравнение с известными греческими образцами может дать представление о развитии и путях их проникновения на Кавказ в позднеклассический и эллинистический периоды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Власова Е. В.* Предметы вооружения из кургана Куль-Оба // Боспорский феномен. Население, языки, контакты: Мат-лы междунар. конф. (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.). СПб. 2011.
- Воронов Ю. Н.* Ахул-Абаа – поселение античного времени в окрестностях Сухуми // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси. 1979.
- Воронов Ю. Н.* Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады // СА. 1991. № 1.
- Галанина Л. К.* Греческие поножи Северного Причерноморья // АСГЭ. 1965. Вып. 7.
- Кат. Эрмитаж: А. А. Трофимова (науч. ред.).* Александр Великий – Путь на восток. ГЭ. СПб. 2007.
- Хачатурова Е. А.* Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Евксинского. М. 2002.
- Шевченко Н. Ф., Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.* Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мезмай (Северо-Западный Кавказ) // ВДИ. 2011. № 1.
- Эрлих В. Р.* Об одной серии шлемов из Закубанья // РА. 1996. № 3.
- Cat. Paris: V. Schiltz (ed.).* L'Or des Amazons. Peuples nomades entre Asie et Europe VIe siècle av. J.-C. – IVe siècle apr. J.-C. Musée Cernuschi, musée des Arts de l'Asie de la Ville de Paris, 16 mars – 15 juillet 2001. Paris. 2001.
- Chernenko E.* Schutzaffen der Skythen. Mainz. 2006 (PBF. III.2).
- Hammond N. G. L.* The Royal Tombs at Vergina: Evolution and Identities // The Annual of the British School at Athens. 1991. № 86.
- Kunze E.* Beinschienen // Olympische Forschungen. Berlin; New York. 1991. XXI.
- Themelis P. G., Touratsoglou I. P.* Οι τάφοι του Δερβενίου. Athens. 1997.
- Touratsoglou I. P.* Macedonia: history, monuments, museums. Athens. 2000.

КОМПЛЕКТ УЗДЕЧНЫХ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ВЫСТУПА ЦИТАДЕЛИ ТЕЙШЕБАИНИ³⁸

Т. В. Рябкова (г. Санкт-Петербург)

На высоком левом берегу Раздана в пределах городской черты Еревана высится холм, заметный издали. Это Кармир-Блур – «красный холм». Само название свидетельствует о силе

³⁷ См. Hammond, 1991 с детальным обсуждением датировки находок из погребения.

³⁸ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 11-01-00532а «Культуры скифского круга эпохи архаики на территории Северного Кавказа и Причерноморья (VII–VI вв. до н.э.). Новые данные и подходы».

Рис. 1. Предметы конской упряжи из Тейшебаини (а–б), Луристана (в–г), кургана у хут. Шумейко (д) (а–б – по Пиотровский, 2011; в–г – по Mahboubian, 1997; д – по Ильинская, 1968)

бушевавшего здесь некогда пожара, уничтожившего древний город и придавшего его стенам из сырцового кирпича цвет обожженной глины. Сгоревшие и обвалившиеся стены на долгие столетия сделали это место недосягаемым для искателей сокровищ – пожар сохранил в неприкосновенности следы жизни древнего города и трагедии, уничтожившей его. Исчезли из человеческой памяти имена великих царей, повелевших строить город-крепость и наполнявших сокровищницы его храмов драгоценными дарами, имена зодчих, мастерство которых было столь велико, что каменное основание цитадели выстояло, несмотря на землетрясения и обвалы, не говоря уже об именах каменотесов и земледельцев, руками которых создавалось все это великолепие. Однако Кармир Блур тысячелетиями хранил следы жизни древнего города, о котором стало известно благодаря деятельности совместной археологической экспедиции Академии наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа под руководством Б. Б. Пиотровского. На протяжении 1939–1971 гг. урартская крепость Тейшебаини на Кармир-Блуре была исследована полностью. Многолетние археологические исследования дали богатейший материал, характеризующий различные стороны жизни одного из последних урартских цен-

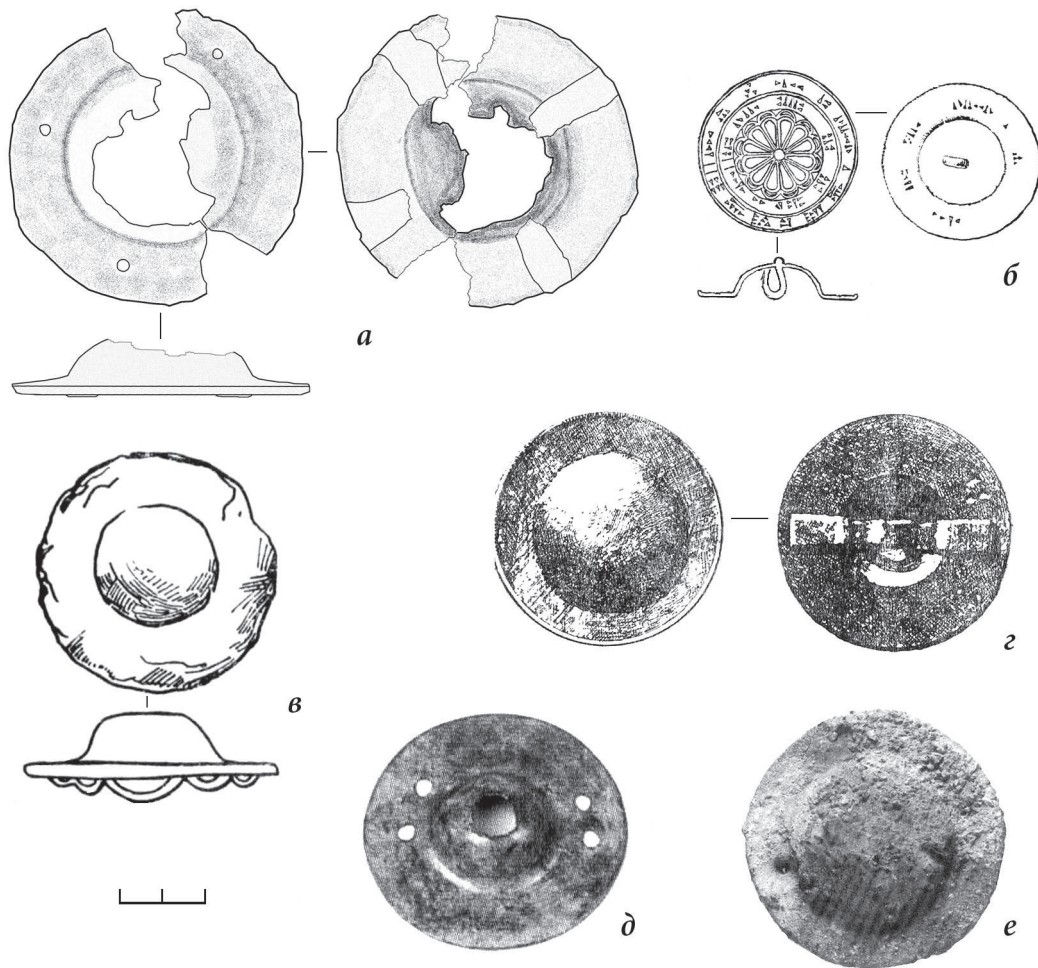

Рис. 2. Бляхи – украшения конской узда и доспехов: а – Тейшебаини (по Рябкова, 2012); б, г – Тейшебаини (по Пиотровский, 1955); в – Аргиштихинили (по Есяян, Погребова, 1985); д – Северный Луристан (по Mahboubian, 1997); е – Хасанлу (по Muscarella, 1988)

тров, его связи с Закавказьем, Передней Азией и скифским миром (Пиотровский, 1954. С. 142).

Трудно переоценить значение этих исследований для скифологии: в зависимости от изменений представлений о дате гибели последних урартских центров меняются и представления о времени возникновения ряда важнейших скифских памятников. Уздечные принадлежности скифских типов из Тейшебаини неоднократно привлекали внимание исследователей, поскольку позволяют синхронизировать скифские комплексы из Предкавказья и Приднепровья с урартскими памятниками, имеющими выход на переднеазиатскую хронологическую шкалу (Пиотровский, 1954; Ильинская, Тереножкин, 1983; Есяян, Погребова, 1985; Иванчик, 2001; Рябкова, 2012).

Уже Б. Б. Пиотровский отметил, что скифские конские уборы из Тешебаини относятся к трем различным типам (Пиотровский, 1954. С. 142): и если два комплекта, спрятанные в помещениях 18 и 25 после штурма (Пиотровский, 1950. С. 57, 92–93. Рис. 61–62), действительно относятся к предметам, серийно представленным в скифских памятниках Причерноморья (Рябкова, 2012. С. 378), то уздечный убор лошади, погибшей при штурме цитадели, косяк которой был обнаружен в помещении северо-западного выступа (Пиотровский, 1954. С. 142), прямых аналогий среди предметов раннескифского времени в Северном Причерноморье не имеет.

В этот последний набор входят дисковидный фалар с полушаровидной выпуклостью в средней части и четыре пронози – две в виде птичьего клюва и две другие с изображением

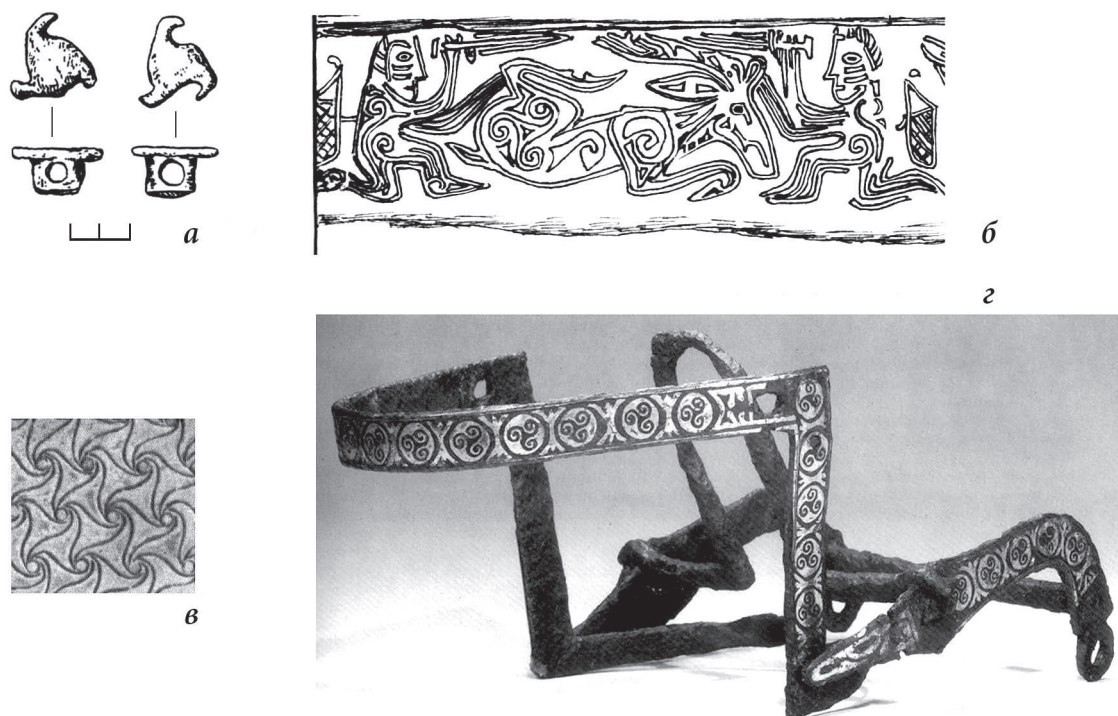

Рис. 3. Пронизи с трехлучевой свастикой и аналогии изображениям: а – Тейшебаини (по Пиотровский, 1954); б – курган 4 могильника Филипповка 1 (по Рукавишников, 2011); в – Марлик (по Negahban, 1964); г – Персия (?) (по Muscarella, 1988)

трехлопастной свастики на щитке (Пиотровский, 1954. С. 143. Рис. 2). Часть предметов из этого набора хранятся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа (Пиотровский, 2011. Кат. 976–977) (рис. 1, а–б). К сожалению, пока не удалось установить, где именно хранятся пронизи с изображением свастики на щитке (рис. 3, а). При изучении фалара выяснилось, что он изготовлен из бронзы, на его внешнем диске отчетливо видны три заклепки (четвертая, вероятно, скрыта слоями коррозии), при помощи которых крепились крестообразно расположенные петли на обратной стороне предмета (рис. 2, а).

Ознакомление с материалами раскопок Тейшебаини, хранящимися в Музее истории Армении³⁹ показало, что подобные предметы, которые сам Б. Б. Пиотровский называл бляшками (Пиотровский, 1955. С. 44) относятся к весьма распространенной категории вещей (инв. №№ 2783/63, 67, 72, 89, 98, 148). Сходные по форме и размерам, эти бляшки отличаются формой и способом крепления петель. Иногда на обратной стороне имеется одна горизонтально расположенная приклепанная петля из плоской полоски металла (рис. 2, з), иногда в центре – петелька из проволоки, как на пуговице от панциря Аргишти 1 (рис. 2, б), иногда петли расположены также, как и на эрмитажном экземпляре. Подобные бляшки известны и в других памятниках: вероятно, полной аналогией является бляшка из Хасанлу, (рис. 2, е) экземпляр из Аргиштихинили отличается формой петли (рис. 2, в). Таким образом, подобные уздечные украшения имели распространение в переднеазиатских памятниках и практически отсутствуют в материалах к северу от Кавказского хребта. Вероятно, их происхождение связано регионом юго-западного Прикаспия, где также обнаружены сходные по форме и функциональному назначению предметы – напр., подобный предмет обнаружен в северном Луристане (Mahboubian. 1997. Кат. 98) (рис. 2, д).

³⁹ Выражаю искреннюю благодарность директору музея А. Г. Григорян и коллегам Л. М. Мхшарян и Л. Е. Хачатрян за возможность ознакомиться с материалами раскопок Тейшебаини.

Пронизи уздечных ремней в виде клюва (когтя) представлены в кочевнических древностях Северного Причерноморья очень широко (Рябкова, 2012. С. 375). Однако кармир-блурские экземпляры из рассматриваемого комплекта (рис. 1, б) отличаются пропорциями и формой: необычно длинная форма изогнутого когтя встречается редко – она известна лишь в материалах кургана у хут. Шумейко (рис. 1, д) и в погр. 70 Старшего Ахмыловского могильника (Халиков, 1977. С. 41). Собственно, эти пронизи уникальны и для кармир-блурской коллекции – все прочие относятся к обычным скифским типам. Необходимо отметить, что подобные пронизи с длинными когтевидными окончаниями бытовали в районе Северо-Западного Ирана, известны в материалах коллекции Mahboubian (рис. 1, в-г), где они широко датируются в пределах IX–VII вв. до н. э. (Mahboubian, 1997. P. 121).

Пронизи с пятью отверстиями, из которых четыре, расположенные по бокам, для перекрещивающихся ремней – типичный скифский предмет. Тем не менее, подобные кармир-блурским с изображением трелучевой свастики на щитке (рис. 3, а) вообще не известны. Мотив трелучевой свастики не распространен в репертуаре раннескифского искусства Северного Причерноморья, в отличие от изображений четырехлучевой свастики. Подобные изображения, по всей видимости, бытовали на территориях к югу от Кавказа – таким же мотивом декорировано дно сосуда из Марлика (Negahban, 1964. Fig. 110) (рис. 3, в). В репертуаре скифского искусства мотив трелучевой свастики появляется позднее: так, подобным изображением декорированы крупы животных на золотой обкладке железного меча из кург. 4 мог-ка Филипповка 1 (Рукавишникова, 2011. Рис. 1) (рис. 3, б). В переднеазиатском регионе мотив трелучевой свастики существовал и в более позднее время – напр., узда лошади из музея Метрополитен, датируемая сасанидским временем, декорирована подобным образом (Muscarella, 1988. Kat. 431) (рис. 3, г).

Таким образом, имеющиеся аналогии предметам конской узды из северо-западного выступа цитадели Тейшебаини позволяют утверждать, что практически все уздечные принадлежности, безусловно, относятся к предметам кочевнических типов. Однако они демонстрируют значительное влияние переднеазиатских традиций, что, вероятно, может свидетельствовать о тесных связях штурмовавших Тейшебаини кочевнических группировок с регионами северо-западного Прикаспия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М. 1985.
- Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. М. 2001.
- Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев. 1968.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев. 1983.
- Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур. I. Ереван. 1950.
- Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур. III. Ереван. 1955.
- Пиотровский Б. Б. Скифы и Древний Восток // СА. 1954. Т. XIX.
- Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. СПб. 2011.
- Рукавишникова И. В. Многофигурные композиции с антропоморфными сценами в контексте звериного стиля // Тр. III(XIX) Всероссийского АС. СПб; М.; Вел. Новгород. 2011. Т. I.
- Рябкова Т. В. Уздечные принадлежности скифского типа из Тейшебаини // РАЕ. 2012. № 2.
- Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII–VI вв. до н.э. М. 1977.
- Mahboubian H. Art of Ancient Iran. London. 1997.
- Muscarella O. W. Bronze and iron. Ancient Near Eastern Artifacts in The Metropolitan Museum of Art. New York. 1988.
- Negahban O Ezat. Marlik. Tehran. 1964.

РЕДКИЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ В СОСТАВЕ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ИЗ ГРОБНИЦ СКИФСКОЙ ЗНАТИ⁴⁰

В. Е. Маслов (г. Москва)

С появлением в Центральном Предкавказье памятников скифской архаической культуры связан своеобразный расцвет керамического производства (Маслов, 2006). Тесная связь между конструктивными и орнаментальными характеристиками различных сосудов данной группы позволяет рассматривать их как устойчивый комплекс керамики, относящийся к числу культурных инноваций новой эпохи. Конструктивной особенностью сосудов различных категорий является подчеркнутая геометризация формы, что делает их легко узнаваемыми. Для внешней обработки этой посуды характерна блестящая чернолощенная поверхность. Только некоторые орнаментальные мотивы и композиции указывают на связь с предшествующим горизонтом древностей. Данная посуда, бесспорно, изготовлялась на территории кобанских поселений, однако ряд орнаментальных композиций демонстрирует влияние скифской культуры. В. И. Козенкова включила некоторые их керамических форм скифского горизонта в свод кобанских древностей западного варианта (Козенкова, 1998).

Однако, вероятно, центр производства подобной посуды находился на территории предгорных районов Центрального Предкавказья – в бассейне Терека, от Баксана до Моздока, там, где сосредоточен значительный массив аланских и средневековых городищ и могильников. Хотя памятники скифской эпохи в этом ареале изучены крайне плохо, есть все основания предполагать, что концентрация оседлого населения в этих районах и в скифское время была весьма высокой. Сюда непосредственно выходили маршруты путей из нескольких больших ущелий, ведущих через перевалы в Закавказье. Здесь, судя по случайным находкам, осуществлялось производство широкого ассортимента бронзовых

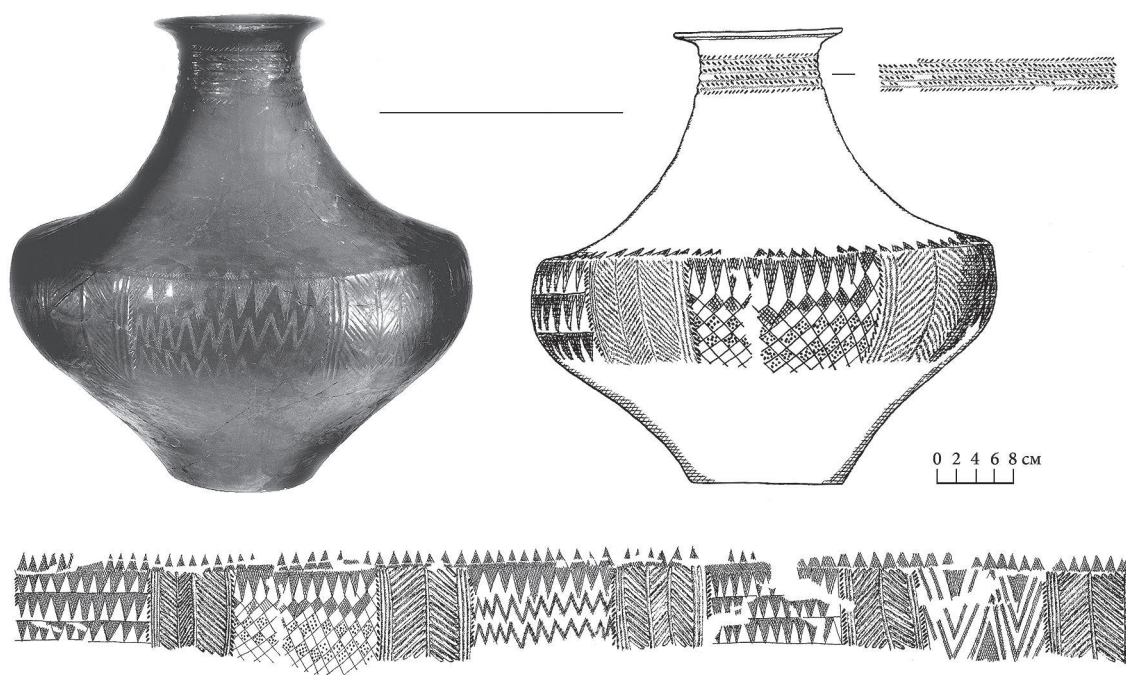

Рис. 1. Корчага из Южной гробницы кургана № 1 Краснознаменского могильника (по Петренко, 2006)

⁴⁰ Работа выполнена при поддержке РГНФ – грант 11-01-00278а.

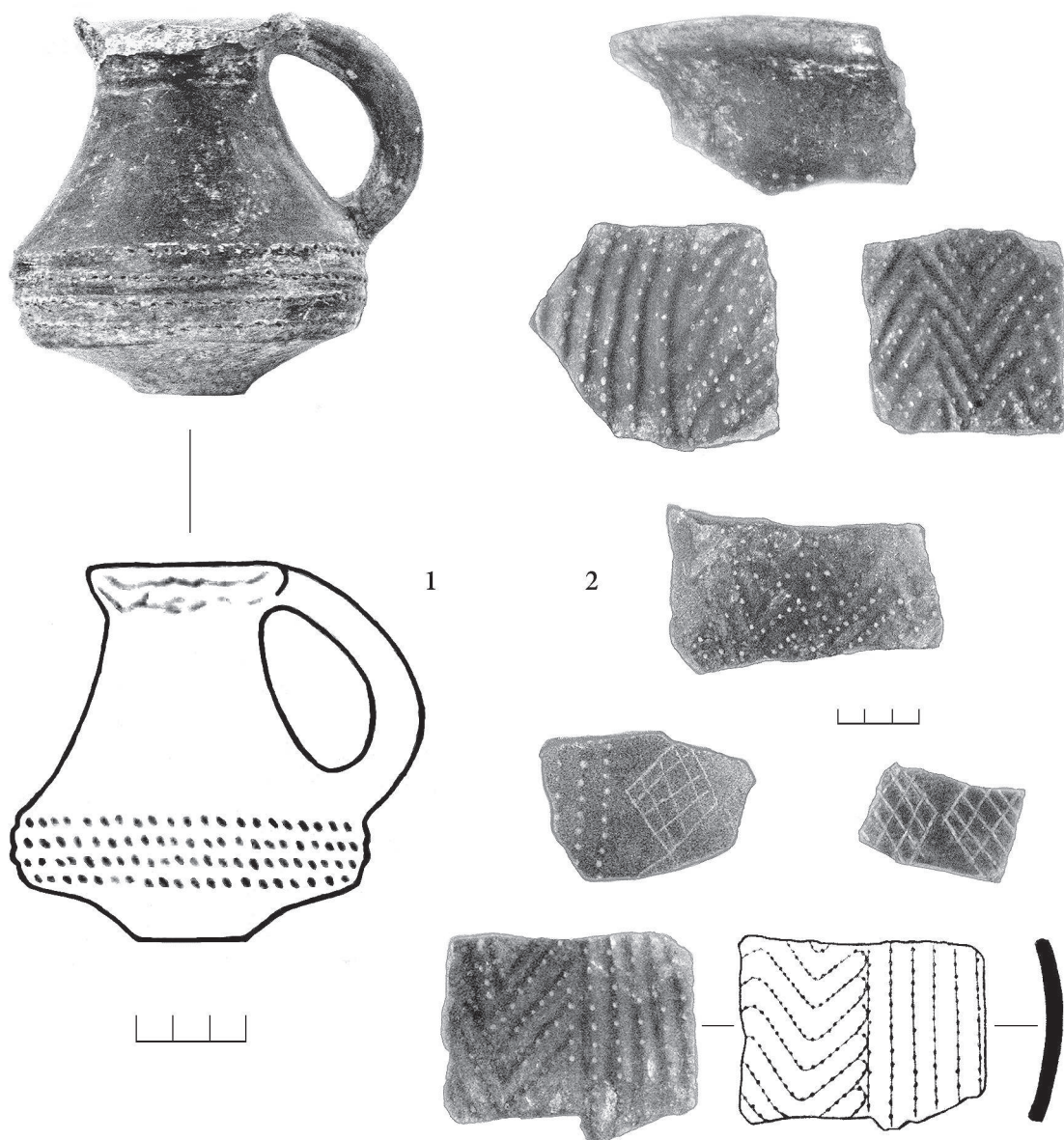

Рис. 2. Керамика из кургана № 20 Нартанского могильника: 1 – кувшинчик, 2 – фрагменты корчаги (по Батчаев, 1985)

изделий (Батчаев, 1985. Табл. 2; 5–6). В скифское время выходцы из этих районов приняли участие в освоении бассейна р. Кумы, где ранее обосновались племена, выдвинувшиеся из района современных Кавказских Минеральных Вод. Нельзя также совсем исключать того, что расселение новых групп населения проводилось под руководством или контролем скифских племенных вождей.

В этой связи интересно рассмотреть некоторые редкие формы керамики и элементы орнаментальных композиций, представленные на керамике из могильников скифской знати Нартанского и Краснознаменского могильников, могильника Новозаведенное-II, которые позволяют выстроить горизонтальные связи этих ключевых памятников, а также уточнить хронологию бытования отдельных редких типов керамической посуды.

М. П. Абрамова отметила, что орнаментация сосудов последних веков до н.э. выполнялась лощилом в отличие от скифского времени, когда декор был врезным (Абрамова, 1993.

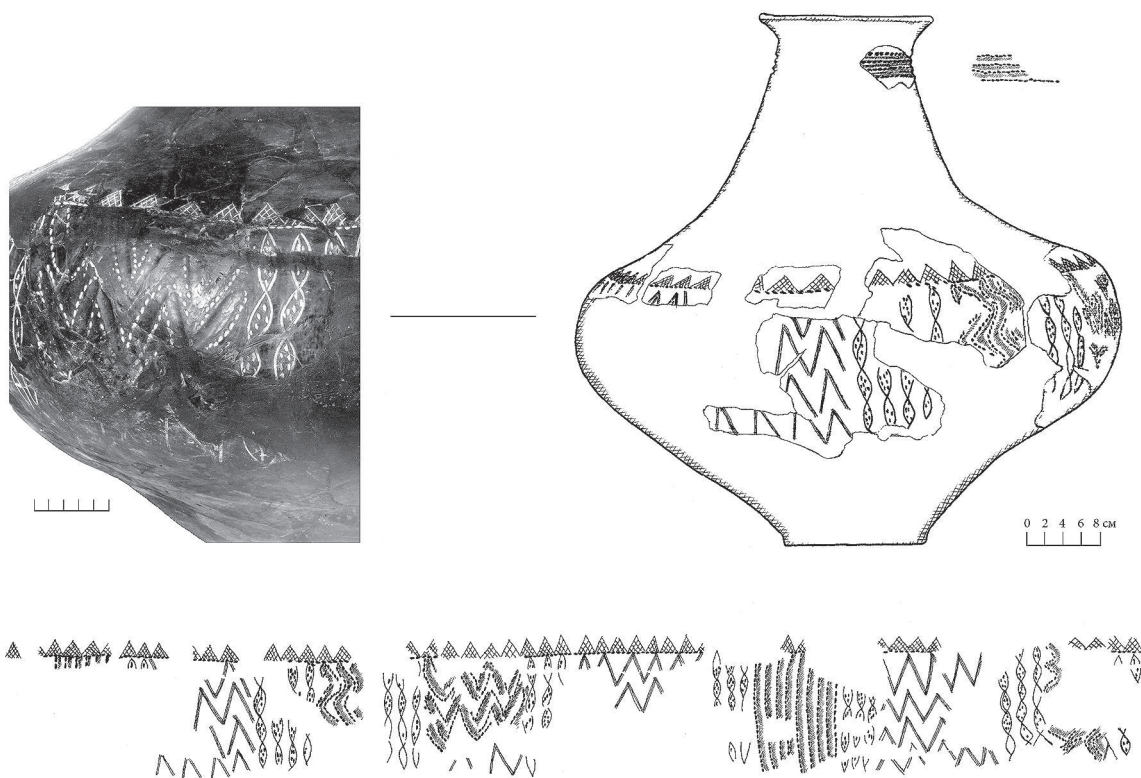

Рис. 3. Корчага из кургана № 3 Краснознаменского могильника (по Петренко, 2006)

С. 63). Однако это совсем не так. На ряде сосудов скифской эпохи пролощенный орнамент соседствует с прочерченным. На других встречается исключительно пролощенный орнамент. В качестве примера можно привести парадную корчагу из Южной гробницы кург. 1 Краснознаменского мог-ка (Петренко, 2006. Табл. 65. Кат. 113) (рис. 1). На ней под венчиком лощением выделены пять горизонтальных рельефных полос, между которыми заключены четыре ряда наклонных семечковидных оттисков. Два ряда аналогичных оттисков, направленных в другую сторону, окаймляют композицию. Основной орнаментальный фриз расположен в области плеча-предплечья четырьмя вертикальными полями пролощенного орнамента в виде «елочек», ограниченных вертикальными полосами с наружной окантовкой из наклонных оттисков, он разбит на отдельные орнаментальные поля, каждое из которых составляет самостоятельный орнаментальный сюжет.

Параллели орнаменту, составленному из пролощенных линий и дополненных оттисками, имеются в кург. № 20 Нартанского мог-ка. Здесь был найден кувшинчик, плечевой пояс которого был декорирован горизонтальными рельефными полосами, дополненными точечными и пунктирными оттисками (Батчаев, 1985. Табл. 48, 48) (рис. 2, 1). Кроме того из этого же кургана происходит серия фрагментов крупной корчаги, по форме аналогичной краснознаменской. Ее основной орнаментальный фриз состоит из пролощенного орнамента, дополненного точечными оттисками – вертикальные полосы, чередующиеся с горизонтальными зигзагами (Батчаев, 1985. С. 41. Табл. 48, 49) (рис. 2, 2). Под венчиком был нанесен декор из горизонтальных пролощенных полос, также дополненных точечными оттисками.

Декор нартанской корчаги можно сопоставить с декором на одной из корчаг, найденных в кург. № 3 Краснознаменского мог-ка (Петренко, 2006. Табл. 70. Кат. 140) (рис. 3). Под венчиком этого сосуда также имеются выполненные лощением горизонтальные рельефные полосы,

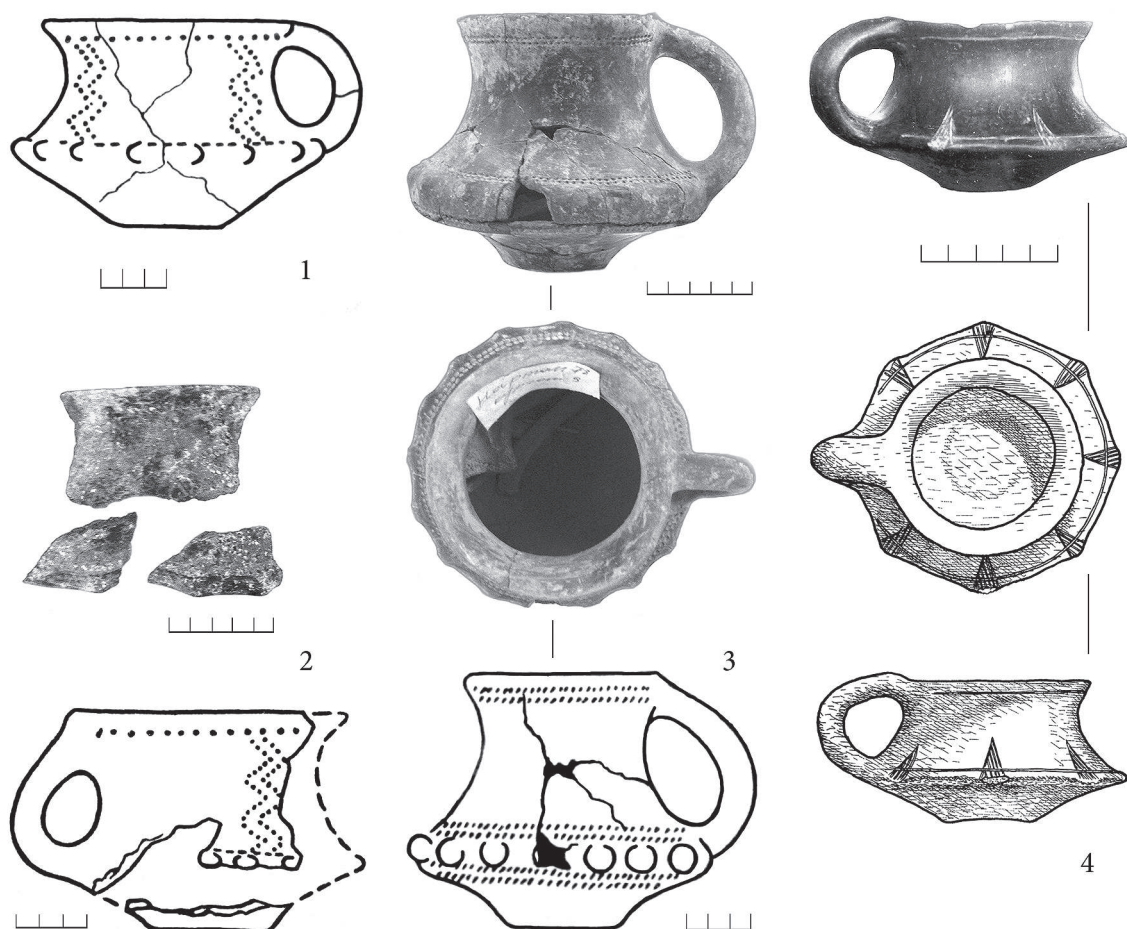

Рис. 4. Кружки. 1–3 – Нартанский могильник (1 – курган № 6; 2 – курган № 7; 3 – курган № 9); 4 – курган № 12, могильник Новозаведенное-II (1–3 – по Батчаев, 1985; 4 – по Маслов, Петренко, 1998)

дополненные семечковидными оттисками. В состав основного орнаментального фриза этого сосуда входят шесть различных орнаментальных «полей», четыре из которых, составленные из пролощенных линий, дополненные семечковидными оттисками. Они не идентичны: представлены сплошные вертикальные каннелюры, а также горизонтально и вертикально направленные ряды зигзагообразных полос. Также как и на корчагах из Краснознаменского мог-ка, на нартанской корчаге пролощенный орнамент сочетался с полями прочерченного орнамента: сетки, составленной из рядов вертикально ориентированных косо заштрихованных ромбов.

Из трех рассмотренных комплексов, в которых найдена редкая орнаментация керамики, наиболее ранним выглядит кург. № 20 Нартанского мог-ка, но представляется, что хронологический разрыв между ними очень небольшой – не более одного-двух десятилетий в рамках середины–третьей четверти VII в. до н.э.

Из курганов №№ 6 и 7 Нартанского мог-ка происходят две практически идентичные чернолощенные кружки редкой формы, декорированные аналогичным орнаментом: вертикальные змейки-молнии, составленные из парных оттисков (рис. 4, 1–2). К сожалению, они сохранились во фрагментах. Однако их осмотр позволяет понять, что эти сосуды имели на ребре перегиба серию остроугольных выступов, которые придавали им необычную многоугольную форму. Скорее всего, появление подобной формы следует объяснять подражанием металлической посуде. Сами кружки, возможно, были изготовлены в одной мастерской, что позволяет син-

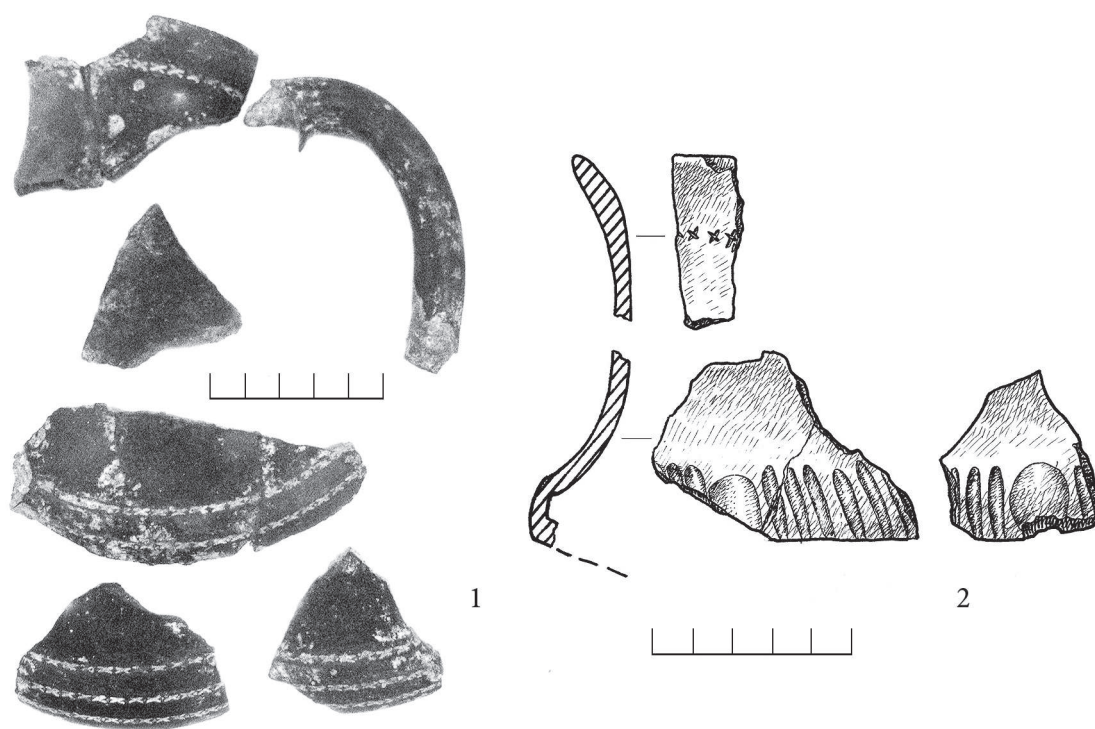

Рис. 5. Кружки. 1 – курган № 18, Нартанский могильник; 2 – курган № 16, могильник Новозаведенное-II (1 – по Батчаев, 1985; 2 – по Петренко и др., 2000)

хронизировать эти погребения. Другая кружка, плечевой пояс которой снабжен округлыми выступами, происходит из кургана № 9 Нартанского могильника (рис. 4, 3). Однако кружки из курганов №№ 6, 7 и 9 несколько различаются морфологически: пропорциями, шириной пояска-предплечья, сечением ручек, которые в первом случае уплощенные, а во втором – округлые (Батчаев, 1985. Табл. 21, 4; 23, 4; 27, 13).

Ближайшей аналогией нартанским многоугольным кружкам являются кружки из курганов №№ 12 и 17 мог-ка Новозаведенное-II (Маслов, Петренко, 1998. Рис. 7, 2). Целым сохранился только экземпляр из кургана № 12, имеющий подчеркнуто биконическую форму, что демонстрирует индекс соотношения высоты и наибольшего диаметра – 1,65. На ребре находятся семь остроугольных выступов, над которыми на плечике сосуда прочерчены треугольники, заполненные штриховкой. Также, как и нартанские экземпляры, он имеет ручку с уплощенной поверхностью (рис. 4, 4).

Если рассматривать хронологию вышеперечисленных комплексов, то курганы №№ 6, 7 мог-ка Нартан, очевидно, синхронны келермесским курганам раскопок Шульца и могут быть датированы в пределах третьей четверти VII–рубежа VII/VI вв. до н.э. Особенно показательна находка в кургане № 7 золотой серьги, имеющей параллели среди находок в Ульском кургане № 4 (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913. С. 152. Рис. 219). К этому же времени относится и кург. № 12 мог-ка Новозаведенное-II, который, судя по золотым накладкам, близок по времени к кург. №№ 13 и 16 этого могильника (Петренко и др. 2000. С. 238 сл.). В последнем, как известно, была найдена греческая керамика, позволяющая датировать этот комплекс около 600 г. до н.э. (Маслов, 2010). Наиболее поздним является кург. № 17 мог-ка Новозаведенное-II, который по стрелковому набору не может быть датирован ранее середины–второй половины VI в. до н.э. (Петренко и др. 2006. С. 388 сл.).

В свою очередь, для кург. № 16 Новозаведеннского-II мог-ка можно отметить еще одну редкую параллель с орнаментацией посуды из Нартанского мог-ка. Здесь были собраны фрагменты чернолощеной небольшой кружки, декорированной по плечикам пролощенным орнаментом. Венчик этого сосуда обрамляла линия, составленная из прочерченных косых крестиков. Линии декора, составленные из подобных крестиков, известны мне только на фрагментах кружки из кург. № 18 Нартанского мог-ка, которая только упомянута в тексте публикации (Батчаев, 1985. С. 39) (рис. 5).

При дальнейшем детальном изучении керамических материалов из двух могильников число сопоставлений, видимо, только возрастет. Кроме того следует учитывать, что здесь специально рассматриваются только редкие приемы декора, пока не встреченные нигде более. Все это указывает на то, что в скифское время происходило перемещение готовых керамических изделий из предгорных районов в степную зону. Несомненно, разнообразный керамический импорт есть и в составе керамических наборов мог-ка Новозаведенное-2, но там его выделить значительно сложнее, поскольку в бассейне р. Кумы расселилась новая группа населения, которая, по всей вероятности, принесла с собой новые культурные традиции и связи. Комплексы парадной посуды в могилах скифской знати формировались по тому же принципу, что и остальной набор инвентаря – отбирались только ценные/престижные вещи различного происхождения, которые могли иметь дополнительный семантический или культовый контекст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV н. э.). М. 1993.
- Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. В. М. Батчаев, Т. Б. Барцева, Б. М. Кеферов. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н. э. – II в. н. э.). Нальчик. 1985.
- Козенкова В. И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М. 1998 (САИ. Вып. В2-5).
- Маслов В. Е. К вопросу о формировании керамического комплекса раннескифского времени в Центральном Предкавказье // РА. 2006. № 1.
- Маслов В. Е. Фрагменты ионийских сосудов из кургана № 16 могильника Новозаведенное-II // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. М. 2010. (МИАР. № 13).
- Маслов В. Е., Петренко В. Г. Курган № 12 могильника Новозаведенное-II // МИАСК. Ставрополь. 1998. Вып. 1. ОИАК за 1909–1910 гг. СПб. 1913.
- Петренко В. Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо. 2006 (Степные народы Евразии. III).
- Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. Хронология центральной группы могильников Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М. 2000.
- Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. Погребение подростков в могильнике Новозаведенное-II // Древности скифской эпохи. М. 2006 (МИАР. № 7).

ЭВОЛЮЦИЯ И МОДИФИКАЦИЯ ТЕМЫ ЛОСЯ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ⁴¹

А. Р. Канторович (г. Москва)

Образ лося и, особенно, мотив обособленной лосиной головы, играет заметную роль в восточноевропейской зоне скифо-сибирского звериного стиля – территории степного причерно-

⁴¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 11-01-00532а «Культуры скифского круга эпохи архаики на территории Северного Кавказа и Причерноморья (VII–VI вв. до н.э.). Новые данные и подходы».

морского, лесостепного приднепровско-подонского и северокавказского локальных вариантов скифского звериного стиля. Более 30 лет назад А. И. Шкурко посвятил специальную работу теме полнофигурного и редуцированного воплощения образа лося в восточноевропейском скифском зверином стиле (Шкурко, 1980. С. 71–78). Хотя исследователь характеризовал, преимущественно, лесостепной локальный вариант скифского звериного стиля, он привлек и практически все известные на тот момент основные аналогии с территории степной Скифии и Прикубанья.

По существу, А. И. Шкурко в своей работе обозначил две основные вехи в реализации образа лося:

1) VII в. до н.э. – полнофигурное отображение лосей на знаменитых уздечных пластинах и бляшках из 2-го Жаботинского кургана. По мнению А. И. Шкурко (1980. С. 71, 76), при отсутствии в восточноевропейском скифском зверином стиле готовой иконографической схемы лося, для создания жаботинских образов были применены технические приемы скифского звериного стиля (гравировка на плоскости, контурный силуэтный рисунок) и иконографические элементы уже разработанных образов этого искусства (олени и горного козла). Сама же идея данной многофигурной композиции на жаботинских пластинах (предполагаемая сцена рождения лосенка и т.д. (Вязьмитина, 1963. С. 160–161)⁴² и связанные с нею сюжеты на жаботинских бляшках, как считает А. И. Шкурко, заимствованы из древневосточного контекста⁴³;

2) V в. до н.э., т.е. после более чем столетнего перерыва – отображение лося в редуцированном виде (обособленная голова). По мнению А. И. Шкурко (1980. С. 72–76), именно в V в. до н.э. в лесостепной (преимущественно) и в степной Скифии складывается собственная иконография лося.

Позднее появилась еще одна работа, в которой специально рассматривалась тема лося в восточноевропейском скифском зверином стиле, – статья С.А. Скорого, однако в соответствии с общими задачами своего исследования автор рассматривал в ней только редуцированные изображения лося, т.е. лосиные головы (Скорый, 2006. С. 155–156).

Недавно автором данной статьи была составлена по возможности полная сводка изображений лося в восточноевропейском скифском зверином стиле, предпринята их классификация и типология, учитывающая значительный прирост археологического материала за период времени, прошедший с момента публикации статей А. И. Шкурко и С. А. Скорого (Канторович, 2013). В основу систематизации были положены общие принципы классифицирования произведений скифского звериного стиля, предложенные автором и примененные ранее к анализу ряда других зооморфных образов скифского искусства (Канторович, 2008; 2009; 2011а. С. 29–38; 2011б. С. 34–42).

В качестве базового критерия отбора систематизируемых изображений лося, помимо обшестилевых признаков (об этих признаках – см. Канторович, 2011а. С. 34), было принято их соответствие природному прототипу, каковым являются особи единственного вида Лоси (*Alces alces*) единственного рода *Alces* подсемейства *Alcinae* Семейства Олени (*Cervidae*) (рис. 1, А). В природе важнейшими отличительными чертами лося на фоне остальных оленьих, помимо размера, пропорций, формы туловища и ног, являются в первую очередь мощная горбоносая морда, вздутая верхняя губа, сильно нависающая над нижней, кожно-шерстный вырост под горлом («серьга»), достигающий 40 см, а также специфической формы рога (у четырехлетних и более старших самцов), состоящие из короткого ствола и широкой уплощенной, несколько вогнутой «лопаты», от которой вперед, вбок и назад отходят отростки; вместе с тем у лосей

⁴² При этом следует учитывать мнение В. А. Ильинской, которая отвергла предложенную М. И. Вязьмитиной интерпретацию этой сцены (облизывание лосихой новорожденного лосенка) и указала на парадоксальное наличие рогов у «лосихи». В. А. Ильинская в принципе трактовала позу безрогаго лося как стоящего, но помещенного вниз головой из-за недостатка места на пластине (Ильинская, 1975. С. 158).

⁴³ А. И. Шкурко исходил из того, что эти композиции обязаны своим появлением «еще живым воспоминаниям о древневосточных представлениях, связанных с идеями плодоносящих сил природы» (Шкурко, 1980. С. 71).

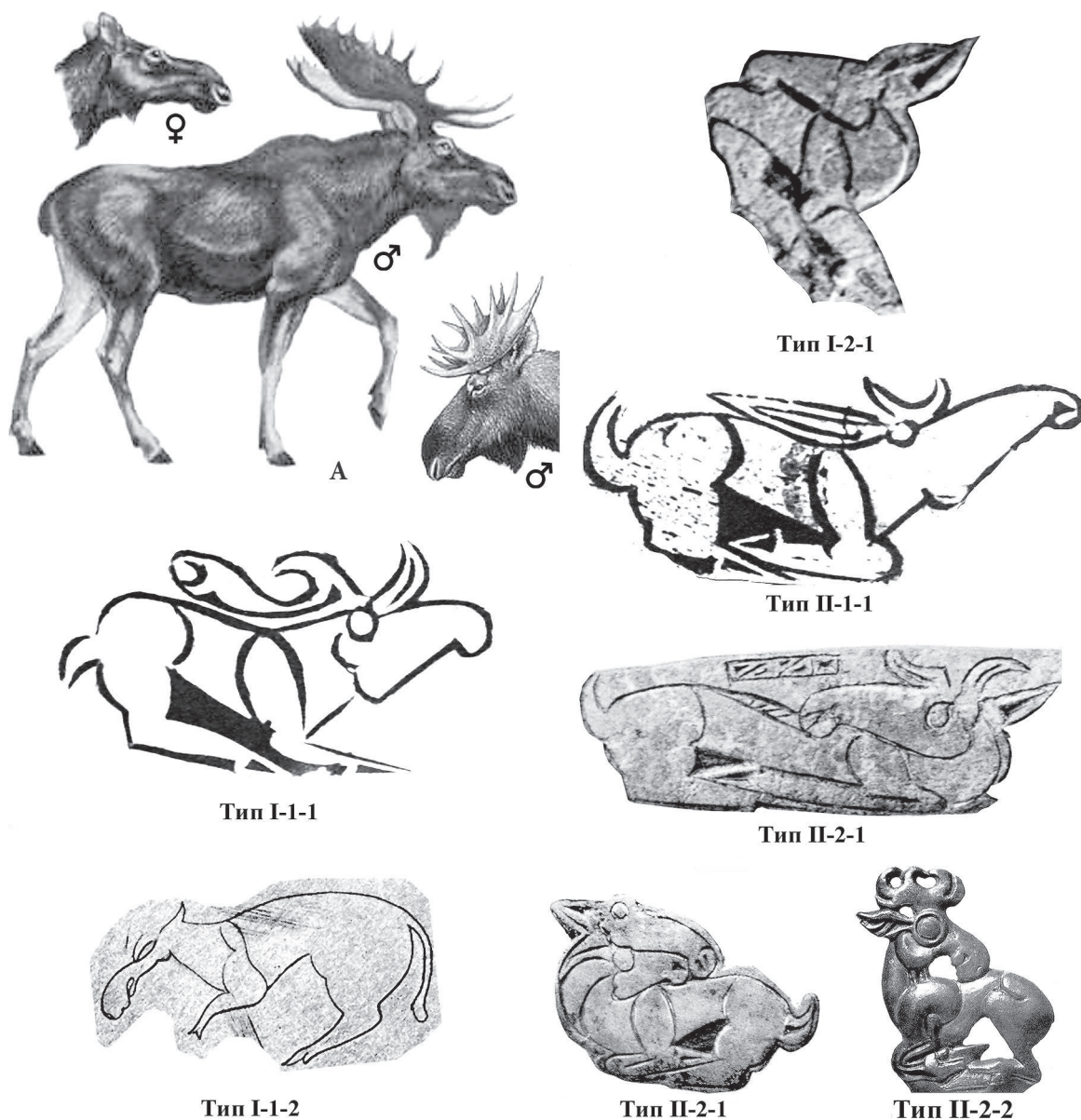

Рис. 1. Типы полнофигурных изображений лося в восточноевропейском скифском зверином стиле и их природные прототипы: А – природные прототипы (по [электронный ресурс]: URL: www.ecosystema.ru, www.clas.ufl.edu); далее представлены эталонные изображения типов (номера изображений соответствуют кодам классификации типов): тип I-1-1 – 2-ой Жаботинский курган (по Древности Приднестровья 1900. Табл. LXI, № 540 нижний), тип I-1-2 – могила 41 Ольвийского некрополя (Скуднава 1962. Рис. 4), тип I-2-1 – 2-ой Жаботинский курган (Древности Приднестровья 1900, табл. LXI, № 540 нижний), тип II-1-1 – 2-ой Жаботинский курган (Древности Приднестровья 1900, табл. LXI, № 540 средний), тип II-2-1 – 2-ой Жаботинский курган (Древности Приднестровья 1900, табл. LXI, № 540 нижний), тип II-2-2 – курган Г у с. Журовка (Вороновка, 1928. Pl. 5, B)

бывают и рога оленьего типа, т.е. с отростками, прямо отходящими от ствола, без «лопаты» (Жизнь животных, 1971. С. 473, 476)⁴⁴.

⁴⁴ Именно эти критерии следует применить к известной дискуссии между В. А. Ильинской (Ильинская, 1965. С. 89; Ильинская, 1976. С. 18. Рис. 1) и Б. А. Шрамко (1971. С. 7–13. Рис. 4) о видовой атрибуции изображений копытных с вытянутой вперед мордой и прижатым к шее длинным ухом, оформляющих окончания костяных псалий из Среднего Поднепровья. Мнение В. А. Ильинской, считающей их конскими, представляется более соответствующим природным реалиям, нежели позиция Б. А. Шрамко, соотносящего их с образом лося и лосихи. Поэтому данные изображения в настоящей работе не рассматриваются.

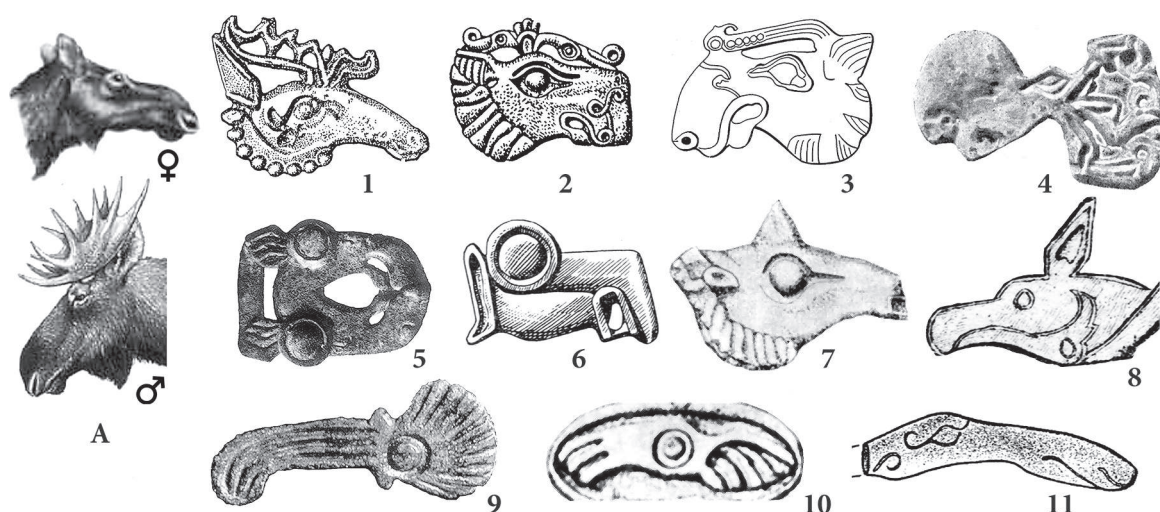

Рис. 2. Типы редуцированных изображений лося (лосиных голов) в восточноевропейском скифском зверином стиле и их природные прототипы: А – природные прототипы (по [электронный ресурс]: URL: www.ecosystema.ru, www.clas.ufl.edu); далее – эталонные изображения типов (номера изображений соответствуют порядковым номерам типов по кодам классификации, ссылки на источники изображений см. в тексте статьи)

В результате автором было выявлено 17 типов изображений лося (6 типов полнофигурных изображений и 11 типов редуцированных изображений, т.е. обособленных голов), к которым относятся 88 оригинальных изображений (без учета копий и зеркальных отображений) (соответственно, 19 полнофигурных и 69 редуцированных), датированных совокупно в пределах VII–начала III в. до н.э. Каждый тип, помимо словесного наименования по эталонным изображениям, получил цифровое обозначение, соответствующее его месту в классификационной системе. Результаты проведенной классификации представлены в данной статье в обобщенном виде (табл. 1–2), также дается графическая сводка эталонных изображений каждого типа и их природных прототипов (рис. 1–2).

Автором было осуществлено описание типов изображений лося и обоснована их хронология на базе дат оформляющих вещи изображений, происходящие из комплексов, датированных по объективным критериям (в первую очередь, по античным импортам). Кроме того, при построении хронологии учитывалась т.н. внутритиповая иконографическая эволюция, а также стилистические параллели изображений лося с объективно датированными изображениями других персонажей репертуара скифского звериного стиля. В результате были установлены предельные хронологические рамки каждого типа (подробнее – см. Канторович, 2013). Совокупная хронология типов изображений лося представлена в таблице 3.

Настоящая статья, являясь продолжением вышеуказанной работы автора по классификации, типологии и хронологии изображений лося, имеет своей целью охарактеризовать иконографическую динамику этого образа в целом, представить стилистическую взаимосвязь типов, а также выявить случаи его контаминации и конвергенции с другими образами восточноевропейского скифского звериного стиля.

Ниже приведен список выявленных типов, указаны их предельные хронологические границы, названы важнейшие признаки каждого типа и перечислены оригинальные изображения каждого типа (без учета копий и зеркальных отображений) – см. распределение местонахождений изображений лося в восточноевропейском скифском зверином стиле в соответствии с их типами (рис. 3).

Рис. 3. Картография типов изображений лося в восточноевропейском скифском зверином стиле. Номера типов изображений на карте, указанные рядом с названием местонахождения, соответствуют кодам классификации. В квадратной рамке указаны коды типов полнофигурных изображений, в круглой рамке – коды типов редуцированных изображений. Местонахождение разрушенных погребений (на карте – «р.п.») обозначено ориентировочно

Типы полнофигурных изображений лося (рис. 1)

Тип I-1-1 (жаботинский) середины–второй половины VII в. до н.э. Этот тип представляет собой отображение рогатого лося (т.е. взрослого самца) в строго профильном ракурсе, с полусогнутыми ногами, направленными в нижней части – ниже локтевого сустава (передняя нога) и сустава заплюсны-пятки (задняя нога) – наискось вперед, т.е. в позе быстрого бега или «внезапной остановки», с прогнутой спиной в районе лопатки, с головой, вытянутой вперед по линии шеи.

Одно изображение: на роговой пластине – детали конского снаряжения из 2-ого Жаботинского кургана (Древности Приднепровья, 1900. Табл. LXI, № 540 нижний).

Тип I-1-2 (ольвийский) последней трети VI в. до н.э. Этот тип представлен изображением лося в позе «внезапной остановки», с прогнутой спиной, с головой, перпендикулярной шее и опущенной параллельно ногам.

Одно изображение: на диске бронзового зеркала «ольвийского типа» (Скуднева, 1962. Рис. 4; Кузнецова, 2002. Табл. 82. Рис. 27. Кат. № 404).

Тип I-2-1 (жаботинский) середины–второй половины VII в. до н.э. Этот тип представляет собой отображение безрогатого представителя вида *Alces alces* – лосенка, молодого лося или лосихи – в строго профильном ракурсе с полусогнутыми ногами, направленными в нижней части наискось вперед, с дуговидно изогнутой шеей, с головой, обращенной назад и полностью опирающейся на спину.

Два изображения: на роговой пластине – детали конского снаряжения из 2-ого Жаботинского кургана (Древности Приднепровья, 1900. Табл. LXI, № 540 нижний, средний).

Тип II-1-1 (жаботинский) середины–второй половины VII в. до н.э. Это отображение взрослого самца в строго профильном ракурсе с согнутыми ногами, подложенными под туловище (ноги ниже сгиба запястья (передняя нога) и сустава заплюсны – пятки (задняя нога) парал-

лельны оси туловища, так что передняя нога заходит на заднюю), с прогнутой спиной в районе лопатки, с головой, вытянутой вперед и вверх по линии шеи.

Одно изображение: на роговой пластине – детали конского снаряжения из 2-ого Жаботинского кургана (Древности Приднепровья, 1900. Табл. LXI, № 540 *нижний*).

Тип II-2-1 (жаботинский) середины–второй половины VII в. до н.э. Этот тип представляет собой отображение лося в строго профильном ракурсе с согнутыми ногами, подложенными под туловище, с прогнутой спиной в районе лопатки, с головой, обращенной назад и опирающейся на спину.

Три оригинальных изображения: два – на роговой пластине – детали конского снаряжения из 2-го Жаботинского кургана (Древности Приднепровья, 1900. Табл. LXI, № 540 *средний*), одно – на роговых уздечных бляшках (два экз. с зеркальными изображениями) из того же комплекса (Древности Приднепровья, 1900. Табл. LXI, № 540 *средний*).

Тип II-2-2 (жуrowsко-ольвийский) конца VI–первой половины IV в. до н.э. Этот тип представляет собой отображение взрослого самца в строго профильном ракурсе с согнутыми ногами, подложенными под туловище, с дуговидно изогнутой шеей, с головой, обращенной назад и опирающейся носовой частью в спину над бедром.

11 изображений: на бронзовых уздечных бляхах из кург. Г у с. Журовка (Бобринский, 1905. Рис. 67; Воронка, 1928, Pl. 5, B; Петренко, 1967. Табл. 29, 21), из Каневского уезда Киевской губернии (покупка) (Бобринской, 1916. Рис. 13), из кург. 484 у с. Плавинищи (Шкурко, 1976. Рис. 3, 3; Галанина, 1977. Табл. 17, 14), из кург. 7 мог-ка Скоробор (Шрамко, 1994а. Рис. 6, 22), из Ольвии (Островерхов, 1994. Рис. 2, 9), из Никония (Островерхов, 2005. С. 239. Рис. 7, 4), с городища Городище близ Огульцов (Могилов, 2008. Рис. 95, 119), из кург. 8 группы Частых (раскопки ВУАК в 1910–1915 гг.) (Либеров, 1965. Рис. 2, 199), из кург. 91 Елизаветовского мог-ка (Брашинский, 1980б. Фото на с. 100), из разрушенных курганов в Ингушетии (Прокопенко, 2011. Рис. 4, 1); также на бронзовой пряжке из Ольвии, яма № 15 (Леви, 1954. С. 336. Рис. 15, 1).

Типы редуцированных изображений (головы) (рис. 2)

Тип 1 («Скифская могила–Кошеватое») второй половины V–IV в. до н.э. Изображения данного типа представляют собой голову взрослого лося-самца с несколько удлинённой мордой, с отходящим наискось вверх ухом, с рогами, структура которых практически повторяет (в схематичном виде) структуру рогов лося в природе.

Три изображения: на бронзовых уздечных бляхах из Боковой гробницы Скифской могилы (рис. 2, 1) (Скорый, Хохоровски, 2009. Рис. 28, 1–11; 29), из кург. у с. Кошеватое (Петренко, 1967. Табл. 31, 1; Могилов, 2008. Рис. 96, 17), из культурного слоя Грушевского городища (Найденко, Прокопенко, 1996. С. 28, 37. Табл. 4, 6; Прокопенко, 2005. Рис. 187, 1).

Тип 2 (нимфейско-жуrowsкий) V – середины IV в. до н.э. К данному типу относятся изображения головы взрослого лося-самца с предельно акцентированными видовыми чертами: с двумя короткими симметричными ветвями рогов, формирующими своего рода «корону», с тупой горбоносой, «переломанной» мордой и нависающей верхней губой, с рельефно моделированной кожно-шерстной складкой на нижней челюсти – «подвесом», переходящим в «серьгу».

15 изображений: на бронзовых уздечных бляхах из Жовнино (Ильинская, Горишний, 1975. С. 207–210. Рис. 1), из Журовки, кург. 401 (Бобринской, 1906. Рис. 33; Воронка, 1928, Pl. 5, A; Петренко, 1967. Табл. 31, 12), из Турьи, кург. 459 (рис. 2, 2) (Бобринской, 1906. Рис. 5; Воронка, 1928. Pl. 5, C; Петренко, 1967. Табл. 31, 19), из Табаевки, кург. 2 (Яценко, 1959. Табл. V, 4; Ильинская, 1968. С. 41. Табл. XXXI, 11)⁴⁵, из Грищенцов (Петренко, 1967. Табл. 31, 9; Галанина, 1977. Табл. 31, 5), из Большой Яблоновки, мог-к Д, кург. 198 (Бобринской, 1894. Табл. IV, 5; Пе-

⁴⁵ Комплекс из Табаевки был ошибочно атрибутирован В. А. Ильинской как кург. 1 у с. Борзна. Комплекс находится в ГИМ, Инв. № 4539. Оп. Б 580/6. Комплекс описан – см. Императорский российский..., 1893, 151–152) (автор благодарит К. Б. Фирсова, предоставившего возможность ознакомиться с картотекой фондов ГИМ).

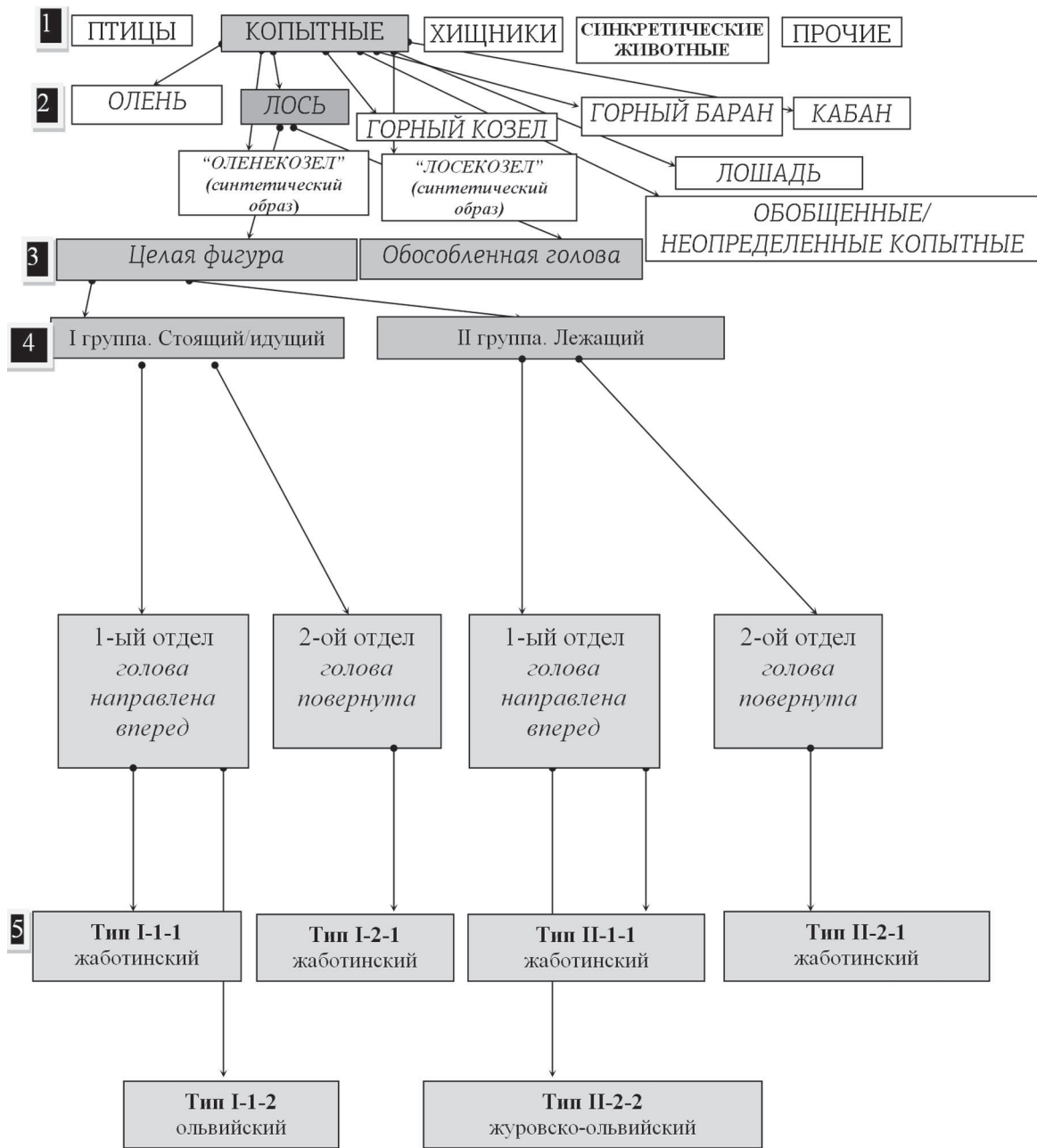

Табл. 1. Классификация полнофигурных изображений лоса в контексте образов восточноевропейского скифского звериного стиля. Цифрами слева обозначены таксономические уровни: 1) семантическая группа образов (критерий дифференцирования – биологические признаки надвидовых уровней); 2) образ (критерий – биологические признаки видовых уровней); 3) степень воспроизведения образа (полностью или pars pro toto); 4) сюжет (для полнофигурных изображений), в том числе: сюжетные группы (критерий – позиция ног относительно туловища); сюжетные отделы (критерий – позиция головы относительно туловища); 5) типы (критерии – остальные композиционные особенности, пропорции и морфологические особенности анатомических деталей)

тренко, 1967. Табл. 31, 5; Шкурко, 1976. Рис. 3, 7), из г. Воронежа (случайная находка, возможно, из кургана Староживотинного мог-ка) (Березуцкий, Маликов, 1999. С. 113–114. Рис. 1), из кургана Кара-Меркит у Ак-Мечети (Яковенко, 1976. С. 133. Рис. 8, 2), из Нимфейского некрополя, кург. 1, гробница 14, раскопки 1878 г., кург. 32, гробница 14, раскопки 1876 г. (Силантьева, 1959. С. 83, 106. Рис. 47, 5; 48, 3), из Малых Семибратних курганов (Rostovtseff, 1922.

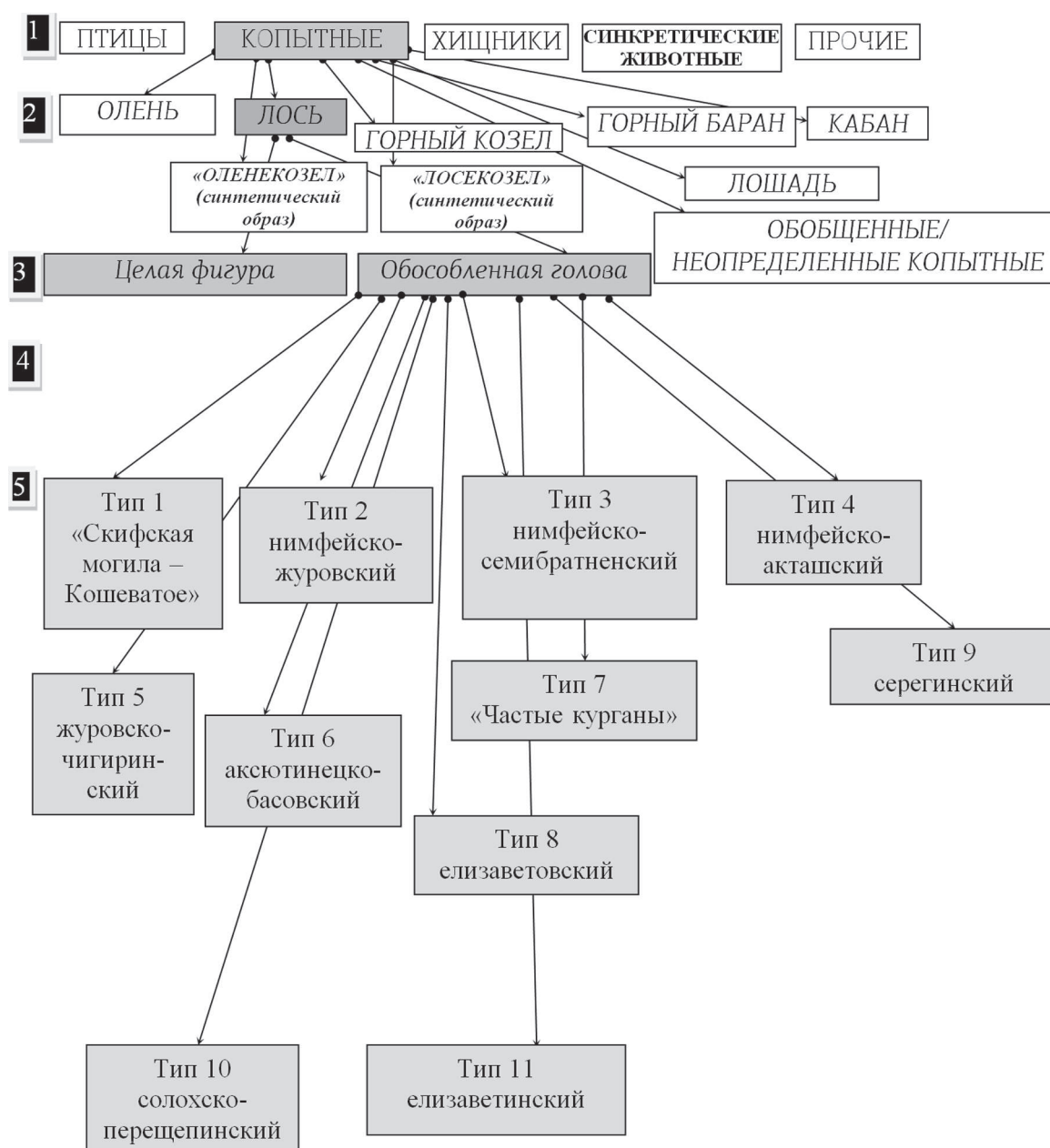

Табл. 2. Классификация редуцированных изображений лося в контексте образов восточноевропейского скифского звериного стиля. Цифрами слева обозначены таксономические уровни (см. подпись к табл. 1)

Р. 196. Fig. 22, A; Borovka, 1928. Pl. 5, B), находка близ Тилигула (?) из коллекции «Майкопского клада» (Leskov, 2008. P. 207–208. Cat. № 284); также изображения на бронзовых пластинах колчана из кургана у с. Новая Розановка (Шапошникова, 1970. С. 212. Рис. 5), из кург. 7 у г. Жданова/Мариуполя (Яценко, 1959. Табл. V, 4; Черненко, 1970. С. 180. Рис. 2, 4; Мурзин, 1984. С. 20–21. Рис. 9, 3; Легенди степу, 2004. С. 58. Ил. 3) и головы на золотой диадеме из Новоселки, кург. 4 (Бессонова, 1994. Фото 3).

Тип 3 (нимфейско-семибратненский) V в. до н.э. Это тип объединяет изображения головы лося с единственным передним отростком рогов, направленным от уха наискось вперед над глазом.

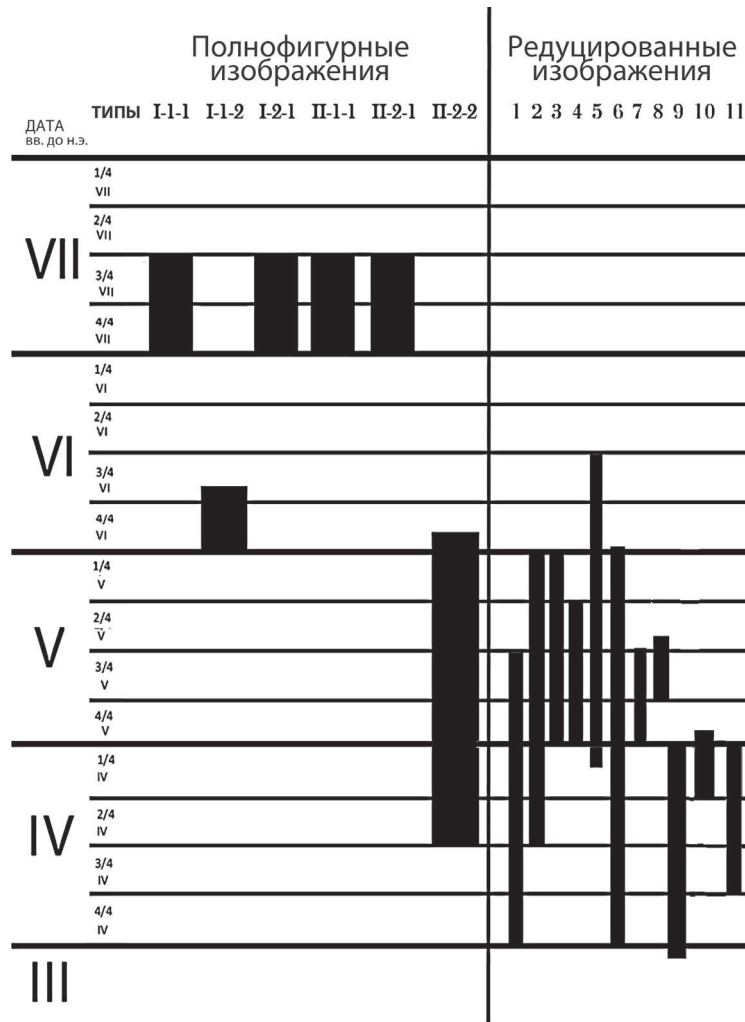

Табл. 3. Хронология типов изображений лося в восточноевропейском скифском зверином стиле. Номера типов, приведенные в таблице, соответствуют кодам классификации

Пять изображений: на бронзовых уздечных бляхах из разрушенного погребения на Ворскле (Ролле Р. и др., 2004. С. 71–72. Рис. 1; Ролле Р. и др., 2006. Рис. 1, 1–4)⁴⁶, из Никония (случайная находка) (Бруяко, Островерхов, 2010. Рис. 1, 1. Фото 2), из «Майкопского клада» (Leskov, 2008. Р. 122–123. Cat. № 156), из Малых Семибратних курганов (Власова, 2010. Рис. 37); также на бронзовом нагрудном украшении пластинчатого панциря из Нимфейского мог-ка, погр. VI (грабительские раскопки 1868 г., хранится в Эшмолен-музее) (рис. 2, 3) (Rostovtzeff, 1929. Pl. 10, 7; Potratz, 1963. Taf. 77; Vickers, 1979. Tab. XVI, a). К тому же типу следует относить изображения, происходящие из памятников за пределами скифской культуры (в общем подсчете они не учитываются): три различных изображения на бронзовых налобниках из погребения у с. Хошеутово в Нижнем Поволжье⁴⁷, а также изображение, оформляющее бронзовую уздечную бляху с городища Аргамум в Добрудже (Simion, 2003. Р. 236. Fig. 12, c).

⁴⁶ Несмотря на фрагментированность рога ворсклинских лосей (четыре бляхи), их принадлежность к данному типу не вызывает сомнений: как указывают авторы публикации, рог лося оформлен «в виде длинной дугообразно изогнутой шеи, оканчивающейся обращенной вертикально орлиной головкой» (Ролле Р. и др., 2004. С. 71).

⁴⁷ Один из этих налобников хорошей сохранности, а два остальных сильно фрагментированы, но, по мнению авторов публикации, воспроизводят аналогичный образ (Дворниченко, Очир-Горяева, 1997. С. 108–109. Рис. 1, 10–12).

Тип 4 (нимфейско-акташский) второй четверти–второй половины V в. до н.э. Это тип объединяет изображения головы лося, одновременно являющейся обособленными конечностями хищника.

Два изображения: на бронзовых уздечных бляхах из Нимфейского некрополя, кург. 1, гробница 14 (раскопки 1878 г.) (рис. 2, 4) (Vorovka, 1928. Pl. 19, B; Силантьева, 1959. Рис. 47, 7) и Акташского мог-ка, кург. 48 (Бессонова, Скорый, 1986. Рис. 6, 5, 6; 7).

Тип 5 (журовско-чигиринский) второй половины VI–начала IV в. до н.э. Данный тип объединяет геометризованные головы, имеющие подпрямоугольный или сегментовидный контур, как правило, безрогие, но четко атрибутируемые как лосиные по форме мощной и вислой носовой части.

19 изображений: на золотой подвеске из кургана Близначь-2 (Ромашко, Скорый, 2009. Рис. 12, 21; 63, 4); на костяной уздечной бляхе из курганов у г. Чигирина (Vorovka, 1928. Pl. 32, E); на бронзовых пряжках, трактуемых как застежки панциря (Петренко, 1967. С. 50) или же подпружного/нагрудного уздечного ремня (Могилов, 2008. С. 65) из курганов Журовка В (рис. 2, 5) (Бобринской, 1905. Рис. 59; Vorovka, 1928. Pl. 5, D; Петренко, 1967. Табл. 37, 3)⁴⁸ и Журовка 400 (Бобринской, 1905. Рис. 24; Петренко, 1967. Табл. 37, 4)⁴⁹; на золотой пластине – обивке колчана из кург. 2 раскопок 1883–1885 гг. у с. Аксютинцы (Бобринской, 1894. С. 162–164. Табл. XXI, 3; Ильинская, 1968. С. 34. Рис. 18); на лопастях S-видных бронзовых псалиев из кург. 522 у м. Смелы (Юрьева гора) (Бобринской, 1914. Рис. 14; Петренко, 1967. Табл. 26, 11) и из Харьковского музея (Вальчак, 1998. Рис. 6; Могилов, 2008. Рис. 71, 9); зооморфное превращение лопатки оленя на золотой пластине – обивке деревянного сосуда у дер. Дубовой Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии⁵⁰; зооморфное превращение лопатки хищника, оформляющего бронзовую уздечную бляху из кургана у с. Ковалевка (Ковпаненко, Бунятян, 1978, С. 136. Рис. 1, 39); зооморфное превращение плечевого отдела хищника, оформляющего более крупную бронзовую уздечную бляху из кургана Кулаковского (Артамонов, 1966. Табл. 78; Яковенко, 1976. Рис. 6; Канторович, 2002. Рис. 1, 6), зооморфное превращение лопатки хищника, оформляющего меньшую бронзовую уздечную бляху из того же кургана (Артамонов, 1966. Рис. 24; Яковенко, 1976. Рис. 7); зооморфное превращение плеча хищника на бронзовом псалии из Ульского кург. 2 раскопок 1909 г. (ОИАК за 1909–1910 гг. С. 150. Рис. 214; Канторович, 2010. Рис. 5), зооморфное превращение плеча большого и малого хищника, плеча оленя, плеча неопределенного копытного, а также голова лося под глазом основной птичьей головы на серебряных псалиях из того же комплекса (ОИАК за 1909–1910 гг. С. 150. Рис. 213); голова лося между ног сдвоенных грифонов на золотой нашивной бляшке из кург. 5 у с. Мастюгино (раскопки Н. Е. Макаренко 1908 г.) (Макаренко, 1911. С. 59, 73. Табл. I, 14) и на практически тождественных ей бляшках, собранных А. А. Спицыным из грабительских раскопок кургана у того же села в 1905 г. (ОИАК за 1905 г. С. 82–83, 96. Рис. 119, 8; Шкурко, 1980. С. 75)⁵¹.

⁴⁸ А. А. Бобринской интерпретировал это изображение как «головку хищника» (Бобринской, 1905. С. 26). Действительно, совокупно сдвоенные лосиные профили походят на фас кошачьего хищника. Это зооморфная трансформация, результатом которой является амбивалентное изображение

⁴⁹ А. А. Бобринской полагал, что эта бляха выполнена «в виде грубо намеченной головы коровы» (Бобринской, 1905. С. 12).

⁵⁰ Данная обивка воспроизводится в литературе, начиная с первой публикации, в зеркальном отображении как на фото, так и в рисунках (см. Vorovka, 1928. Pl. 3, A; Ebert, 1929. Taf. 35, B; Членова, 1962. Табл. IV, 5; Potratz, 1963. Taf. 39; Королькова, 2006. Табл. 7, 3); исключения: Манцевич, 1967. Рис. 4, 19; На краю Ойкумены, 2002. Кат. № 456. Фото на с. 102). В картотеке ГИМ эта обкладка характеризуется как «дар Войновича Л. В.» и неясно, что именно здесь указано – местонахождение вещи или место жительства дарителя – «Екатеринославская губерния, Верхнеднепровский уезд, д. Дубовая».

⁵¹ Еще Н. Е. Макаренко (1911. С. 73) обратил внимание на наличие «внизу, между ног животных, как бы головы животного же с большими глазами»; А. И. Шкурко однозначно трактовал эту голову как лосиную, а ее позицию как свидетельство «второстепенной роли этого мотива в IV–III вв. до н.э.» (Шкурко, 1980. С. 75).

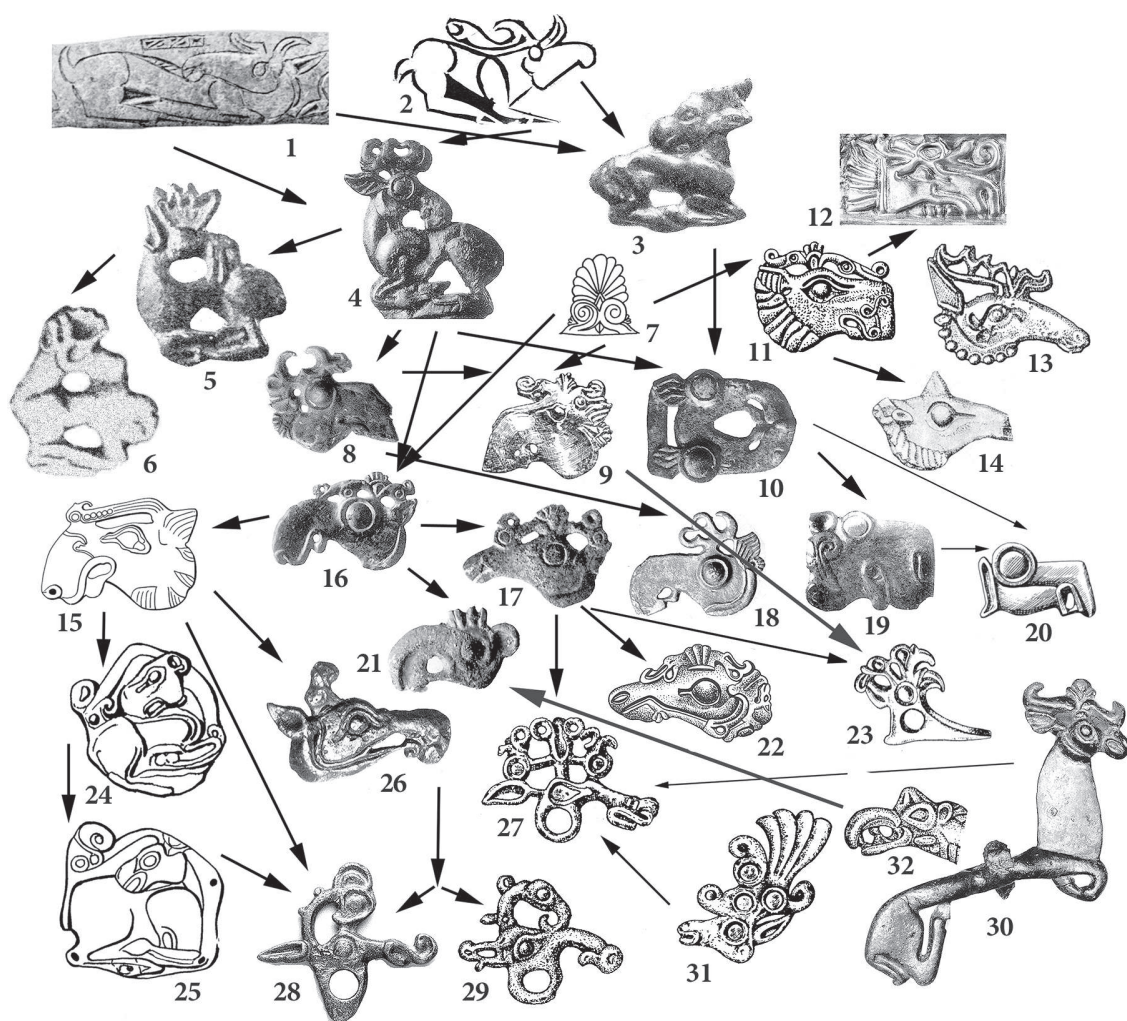

Рис. 4. Эволюция иконографии лося в восточноевропейском скифском зверином стиле (1–6, 8–16, 18–20, 26) и сопредельные образы (7, 17, 21–25, 27–32). 1–2 – 2-ой Жаботинский курган (Древности Приднепровья 1900, табл. LXI, № 540 *средний и нижний*); 3 – Ольвия, яма № 15 (Леви, 1954. Рис. 15, 1); 4 – курган Г у с. Журовка (Ворогва, 1928, Pl. 5, B); 5 – из Каневского уезда Киевской губернии (покупка) (Бобринской, 1916. Рис. 13); 6 – курган 8 группы Частых, раскопки ВУАК (Либеров, 1965. Рис. 2, 199); 7 – мотив пальметки; 8 – Большая Яблонька, могильный Д, курган 198 (Бобринской, 1894. Табл. IV, 5); 9 – Журовка, курган 401 (Петренко, 1967. Табл. 31, 12); 10 – Журовка, курган В (Ворогва, 1928. Pl. 5, D); 11 – Турья, курган 459 (Петренко, 1967. Табл. 31, 19); 12 – Новоселка, курган 4 (Бессонова, 1994. Фото 3); 13 – Боковая гробница Скифской могилы (Скорый, Хохоровски, 2009. Рис. 29); 14 – Частые курганы, курган 4, раскопки ВУАК (Шкурко, 1976. Рис. 3, 8); 15 – Нимфейский могильный, погребение VI, грабительские раскопки 1868 г. (Vickers, 1979. Tab. XVI, a); 16 – Малые Семибратние курганы (Власова, 2010. Рис. 37); 17 – «оленелось», Акташский могильный, курган 7 (Бессонова и др. 1988. Фото 1, 2); 18 – курган у с. Новая Розановка (Шапошникова, 1970. Рис. 5); 19 – курган у г. Чигирина (Ворогва, 1928. Pl. 32, E); 20 – курган 499 у с. Басовка (Галанина, 1977. Табл. 26, 11); 21 – «грифонолось» или грифоноподобный верблюд, Аксютинцы/Стайкин верх, курган 12 (Самоковасов, 1908. Альбом, № 1606); 22 – «оленелось», Нартанский второй могильный, курган 1 (Керефов, Кармов, 2009. Рис. 3, 1); 23 – «лосептица», курган у с. Кошеватое (Петренко, 1967. Табл. 29, 8); 24 – «лосекозел», Нимфейский некрополь, курган 17 (Артамонов, 1966. Табл. 102); 25 – «лосекозел», Уляпский могильный, курган 4, ритуальный комплекс 1 (Шедевры..., 1987. Кат. 70); 26 – «Майкопский клад» (Leskov, 2008. Cat. № 156); 27 – голова оленя, 8-й Уляпский курган (Масленицына, 1992. Рис. 4, 4); 28 – «оленекозел», Филипповка, курган 3, подножие насыпи (The Golden Deer of Eurasia, 2000. Cat. № 105); 29 – «оленекозел», ст. Тенгинская, курган 1 (Эрлих, 2002. Рис. 4, 3); 30 – фигура оленя, 2-ой Уляпский курган (Канторович, Эрлих, 2006. Кат. № 67); 31 – голова оленя, 4-й Семибратний курган (Масленицына, 1992. Рис. 4, 3); 32 – голова верблюда, Хошеутово (Ocir-Gorjaeva, 2005. Kat. Nr. 5)

Тип 6 (аксютинецко-басовский) рубежа VI/V–IV в. до н.э. Данный тип объединяет изображения безрогой безухой лосиной головы, при первоначальном впечатлении – «лопоухой», но в действительности лишенной уха, место которого отчасти занимает преувеличенная вертикальная шерстная складка в основании головы, непосредственно примыкающая к глазу.

Пять изображений: на бронзовых уздечных бляхах из кург. 12 у Аксютинцев/Стайки-на верха (Ильинская, 1968. Табл. X, 7), из кург. 499 у с. Басовка (рис. 2, 6) (Ильинская, 1968. Табл. XXVIII, 11; Галанина, 1977. Табл. 26, 11), из кург. 10 погр. 1 у с. Перещепино (Махортих, 2006. Рис. 10, 4–6; Могилов, 2008. Рис. 97, 1–3); из Частых курганов, кург. 10/10 (Либеров, 1965. Табл. 24, 2; Шкурко, 1976. Рис. 3, 10; Пузикова, 2001. С. 28. Рис. 5, 2); из Елизаветовского могильника (Копылов, 2000. Рис. 5, 1).

Тип 7 («Частые курганы») второй половины V в. до н.э. Одно изображение – весьма специфичное рельефное изображение сегментовидной головы с плавно изогнутой (без явного перелома) мордой на бронзовой уздечной бляхе из кург. 4 группы Частые (раскопки ВУАК 1910 г.) (рис. 2, 7) (Замятнин, 1946. Рис. 14, 6; Либеров, 1965. Табл. 2, 195; Шкурко, 1976. Рис. 3, 8; Пузикова, 1995. Табл. 19)⁵².

Тип 8 (елизаветовский) середины–третьей четверти V в. до н.э. Одно изображение – плоскостное резное изображение шеи и головы безрогого лося с торчащим вверх ухом на фрагментированной костяной пластине из Елизаветовского могильника, кург. 5, раскопки 1911 г. (рис. 2, 8) (Миллер, 1914. С. 228. Рис. 19).

Тип 9 (серегинский) IV–начала III в. до н.э. Одно изображение – крайне условное рельефное изображение тонкой длинной головы с круто изогнутой, почти переломанной мордой, с рудиментарным рогом, сведенным к корню и с чрезвычайно широкой шерстной складкой в основании головы. Это изображение оформляет бронзовую уздечную бляху из Серегинского мог-ка, погр. 69 (рис. 2, 9) (I Tesori..., 1990. Cat. № 14378).

Тип 10 (солохско-перещепинский) конца V–первой четверти IV в. до н.э. К данному типу относятся весьма условные изображения узкой головы, с плавно изогнутой мордой с расширением или переломом на конце, без рогов, с длинным «мохнатым» ухом, соразмерным голове, с крупным глазом в центре композиции.

Девять изображений: на золотой обкладке рукояти меча из Боковой могилы кургана Солоха – две головки на самой рукояти и головка на перекрестье (Манцевич, 1969. Рис. 4; 1987. Кат. 48); на золотой обкладке рукояти меча из погр. 2 кург. 3 Перещепинского мог-ка – две головки на самой рукояти и головка на перекрестье (Шрамко, 19946. Рис. 7, 1, 4; 8; Национальный музей..., 2001. С. 23. Кат. 35); непосредственно на рукояти меча, найденного случайно у с. Ключ Курской обл. – головка на навершии, две головки на самой рукояти и головка на перекрестье (рис. 2, 10) (Пузикова, 1984. Рис. 1); на золотой обкладке перекрестья меча из кург. 3 погр. 2 мог-ка Житков-II (L'Or des Amazones, 2001. Cat. 31); непосредственно на перекрестье меча, найденного случайно в ур. Хутир и хранящегося в музее с. Медвин Киевской обл. (Ковпаненко, Левченко, 1977. Рис. на с. 60).

Тип 11 (елизаветинский) первой–третьей четверти IV в. до н.э. Данный тип составляют крайне условные изображения тонкой длинной головы с расширением на конце, с плавно изогнутой мордой, без рогов и без ушей. Это амбивалентные изображения, выполненные «в виде ноги копытного животного, превращенной <...> с помощью гравированных деталей (глаз со слезницей, линия рта и др.) в голову лося или оленя» (Галанина, 2010. С. 109). То, что здесь изображен, скорее, лось, а не олень, определяется не только плавным изгибом морды, но и наличием крупной овальной ноздри, а также, в некоторых случаях, акцентированного подбородочного выступа: данная деталь более отчетлива в природе у лося, нежели у оленя.

⁵² А. И. Пузикова определяет материал данного предмета как бронзу, тогда как в первой публикации С. Н. Замятнин указывает, что вещь сделана из «белого сплава (серебро?)» (Замятнин, 1946. С. 28).

Восемь изображений: изображения оформляют (с одной стороны или полностью) стержневидную часть Г-образных бронзовых псалиев, противоположную их плоскому щитку, из курганов Елизаветинской группы: из Южного кургана (кург. 4 1913 г.) (рис. 2, 13) (Галанина, 2005. Табл. 3, 8–10), из кург. 7 1917 г. (Галанина, 2010. Табл. 4, 8; 5, 6, 8) и из неустановленных курганов данной группы (Там же. Табл. 3, 19–20).

* * *

Вышеприведенный список показывает, что изображения лося в восточноевропейском скифском зверином стиле оформляли, в первую очередь, уздечные принадлежности – чаще всего бронзовые наременные бляхи. Значительно реже они украшали вооружение: накладки колчана из Мариуполя, Новорозановки и Аксютинцев (головка лося на лопатке оленя), бляха щита из Нимфейского могильника (погр. VI, грабительские раскопки 1868 г), рукояти мечей). В единичных случаях этот образ помещался на детали костюма или предметы туалета: диадема из Новоселок; нашивные бляшки, найденные в районе шеи покойного из кург. 5 1908 г. у с. Мастюгино и их аналоги из разграбленного кургана у того же села, зеркало из Ольвийского некрополя.

Среди выявленных типов присутствуют типы как объединяющие значительное число изображений, так и представленные единичными экземплярами. Картографирование предметов с изображениями лося в восточноевропейском скифском зверином стиле (рис. 3) продемонстрировало, что одни из изобразительных типов, даже при наличии достаточного количества относящихся к ним изображений, локальны (напр., «елизаветинский тип» лосиных головок (тип 11) связан только с Прикубаньем), другие имеют более широкую распространенность. Так, «журовско-ольвийский тип» полнофигурных изображений лося (тип II-2-2) покрывает территории Среднего Поднепровья, Нижнего Поднепровья, Среднего Подонья, Нижнего Подонья и Центрального Предкавказья; «нимфейско-журовский тип» лосиных головок (тип 2) локализуется в Среднем и Нижнем Поднепровье, Нижнем Побужье-Поднестровье, Крыму, Приазовье, Среднем Подонье и Прикубанье – т.е. на всей территории скифской археологической культуры и в зоне ее непосредственного влияния.

Как видно из таблицы 3, в восточноевропейском скифском зверином стиле мастера обращались к теме лося с середины VII в. до н.э. вплоть до начала III в. до н.э. При этом пик популярности образа приходится на период V–первую половину IV в. до н.э., к которому относится наибольшее количество изображений и типов. Лось представлен чаще в редуцированном виде: в виде головы (около 79% оригинальных изображений), реже (около 21%) – полнофигурно, при этом почти все изображения обособленной головы связаны с периодом «скифской классики» V–IV вв. до н.э. Мотив головы лося активно используется как элемент зооморфных трансформаций частей тела других животных и сам подвержен зооморфным превращениям – оформление рогов и шейной складки в виде птичьих голов. В V в. до н.э. иконография лося и пограничных мотивов активно «абсорбирует» античный мотив пальметки с волютами, приспособившая его для конструирования схемы рогов и для заполнения пустого пространства (рис. 4, 7, 9, 11, 16, 17, 22) (см. Канторович, 1997).

Хронологический анализ с учетом новых данных подтвердил вывод А. И. Шкурко (сделанный в конце 1970-х гг. на основе значительно меньшего объема материала) о непопулярности темы лося для скифской культуры Северного Причерноморья периода «архаики». Несмотря на то, что пять из шести типов полнофигурных изображений лося ограничены пределами VII–VI вв. до н.э., четыре из них связаны с одним комплексом – 2-ым Жаботинским курганом середины-второй половины VII в. до н.э. Наиболее популярной и долгосрочной в рамках полнофигурной реализации темы лося является иконография «журовско-ольвийского типа» (тип II-2-2), изображения которого датируются в рамках конца VI–V вв. до н.э., исключая провинциальное нижнедонское подражание из Елизаветовской, относящееся к первой половине IV в. до н.э.

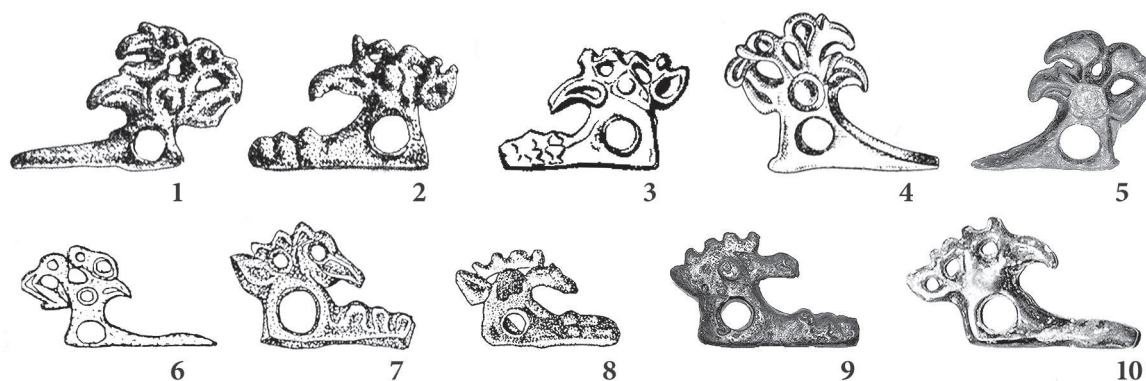

Рис. 5. Образ «лосептицы». 1, 2 – Петровка, курган 2 погребение 3 (Братченко и др., 1989. С. 173. Рис. 3, 8, 11); 3 – Чертомлык (Алексеев и др., 1991. Рис. 56, 5); 4 – Кошеватое (Петренко, 1967. Табл. 29, 8); 5 – курган 206 у Шполы (Могилов, 2008. Рис. 167, 11); 6 – Уляпский могильник, курган 8 (Канторович, Эрлих, 2006. Кат. 74); 7 – Бабина могила (Мозолевский, Полин, 2005. Рис. 53, 2); 8 – Гайманова могила (Бидзиля, Полин, 2012. Рис. 130, 4); 9 – Шолоховский курган (L'Or des Amazones, 2001. P. 91. Cat. № 29); 10 – могильник Прикубанский (Лимберис, Марченко, 2010. Рис. 26)

Редуцированные изображения (головы) лосей в период «скифской архаики» практически неизвестны, исключая наиболее ранние и несамостоятельные (элементы зооморфных превращений) изображения второй половины VI в. до н.э., входящие в «журовско-чигиринский тип» (тип 5). Наиболее популярным в рамках редуцированной версии образа лося является «нимфейско-журовский тип» (тип 2) и тесно связанные с ним типы – «нимфейско-семибратненский» (тип 3) и «журовско-чигиринский» (тип 5).

По итогам проведенной классификации и типологии можно наметить **основные направления развития иконографии лося** в восточноевропейском скифском зверином стиле (рис. 4). Ее начало, как уже было известно, связано с жаботинскими изображениями. Они весьма разнообразны в половозрастном и сюжетном отношении, но составляют в совокупности стилистическое единство, соответствующее изначальным традициям скифо-сибирского звериного стиля. Ближайшую стилистическую аналогию, как уже указывал А. И. Шкурко (1980. С. 71), им составляют олени нижнедонской константиновской пластины из погребения в остатках скифского кургана, обнаруженном при раскопках энеолитического поселения у г. Константиновска-на-Дону (Кияшко, Кореняко, 1976. Рис. 3).

Для жаботинских изображений лося пока не представляется возможным установить непосредственных предшественников в рамках образа лося в скифо-сибирском зверином стиле: если не считать изображение на зеркале из кург. 21 Уйгарака (Вишневская, 1973. Табл. VI, 4), скорее, не предшествующее, а близкое по времени жаботинским пластинам и бляшкам). А от известных и многочисленных лосиных изображений эпохи неолита и бронзы скифские изображения отделены значительным хронологическим разрывом (ср. Ильинская, 1976. Рис. 2)⁵³. Переднеазиатские корни данного образа маловероятны, т.к. в Передней Азии для темы лося отсутствовала природная подоснова. Отсюда впечатление вторичности изображений лосей на рукояти Келермесской секиры (18-ая, 22-ая и 24-ая фигура от верха рукояти) (Кисель, 1997. С. 10–11. Рис. 2, 25, 29, 31), – возможно, они возникли как ответ переднеазиатских мастеров на скифский запрос⁵⁴.

⁵³ См. дискуссию о происхождении образов Жаботинских пластин и блях и их датировке в работах Г. Т. Ковпаненко, С. С. Бессоновой и С. А. Скорого, В. Ю. Зуева, М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского (Ковпаненко и др., 1989. С. 159; Зуев, 1993; Погребова, Раевский, 1999; и др.).

⁵⁴ Лоси Келермесской секиры не включены в нашу сводку изображений лося, поскольку эти изображения находятся на грани переднеазиатско-закавказской и скифо-сибирской иконографии, как и большинство остальных фигур на секире (Переводчикова, 1979. С. 138–155; Кисель, 2003. С. 44).

Во всяком случае, лоси Келермесской секиры достаточно далеки в композиционно-стилистическом отношении от жаботинских и не могут быть их прототипами.

Таким образом, истоки возникновения образа лося в восточноевропейском скифском зверином стиле эпохи «архаики» остаются неясными. В какой-то мере, возможно, специфическая иконография «скифского лося» (в первую очередь, форма рогов, трактовка морды, обозначение «серьги») была обусловлена непосредственно природными прототипами и возникла в процессе формирования звериного стиля как такового, при одновременном воздействии иконографии биологически и ландшафтно близкого благородного оленя, порой наделенного в скифском искусстве вислой лосевидной мордой (ср. изображения фигур и обособленных голов оленей на Константиновской пластине). В свою очередь, иконография оленя зарождалась в данном регионе под влиянием несомненных импульсов из восточных зон скифо-сибирского мира (изображения на бляхах из Гумарова и из 5-ого Чиликтинского кургана) и при участии переднеазиатского искусства (Зивие, Келермесская секира, Мельгуновский и Келермесский мечи).

Композиционно-стилистические традиции, заложенные иконографией «жаботинских типов», продолжают в наиболее ранних и относительно натуралистичных изображениях «журовско-ольвийского типа» (рис. 4, 3–6), и, в первую очередь, в самом журовском изображении (курганы Г) (рис. 4, 4), но почти вековой разрыв и большой натурализм последних не позволяют рассматривать жаботинские и журовское изображения в рамках единого типа. Именно в журовском изображении (курганы Г) впервые в иконографии лося в восточноевропейском зверином стиле отчетливо проработана такая важная видовая деталь, как «серьга». С учетом остальных композиционно-стилистических признаков журовского изображения перед нами действительно сформировавшаяся иконографическая схема лосиной головки, где реализм и стилизация находятся в гармонии друг с другом.

Видимо, именно полнофигурные изображения «журовско-ольвийского типа» стали образцом для разработки мотива обособленной головы лося, в первую очередь, «нимфейско-журовского типа» (рис. 4, 16). При этом постепенное усиление стилизационных процессов на протяжении V в. до н.э. приводило к превращению преувеличенной щеки с «серьгой» в орнаментальную полоску у основания головы, к разложению конгломерата рогов на две симметричные ветви, к сжатию морды животного с усилением ее изломанности в целях общей симметрии.

В свою очередь, несомненным дериватом «нимфейско-журовского типа» являются изображения животного с лосиными рогами (стандартная «корона» рогов с зооморфными превращениями в птичьи головы), но с узкой оленьей мордой на бронзовых уздечных бляхах из Крыма (Акташский мог-к, кург. 7 – Бессонова и др., 1988. Фото 1, 2. Рис. 7, 3) (рис. 4, 17) и из Центрального Предкавказья (Нартанский второй мог-к, кург. 1 – Керфов, Кармов, 2009. Рис. 3, 1) (рис. 4, 22). Эти изображения отнесены нами к синтетическому образу «оленелося» и, соответственно, составляют другой классификационный таксон. Сюда же можно условно отнести изображение с неоформленной носовой частью на бронзовой уздечной бляхе из с. Колоски (кург. 7 погр. 3) в Крыму (Ольховский, 1982. С. 61–81. Рис. 6)⁵⁵, с учетом его морфологического сходства с территориально близким изображением из Акташского могильника.

Эта «акташская» линия, в свою очередь, могла дать в своем развитии известный мотив схематизированной обособленной головы оленя с мощной носовой частью и рогами в виде двух симметричных пар противоположенных птичьих головок – оформление уздечных блях из Прикубанья, Центрального Предкавказья и Среднего Поднепровья (рис. 4, 27). Вместе с тем, эти олени головы могли быть и прямым производным лосиных голов «журовско-ольвийского типа» или же полнофигурных изображений оленя со сходной схемой рогов –

⁵⁵ В. С. Ольховский трактует головку на бляхе из Колосков как оленю.

в виде двух противоположенных симметричных волотовидных отростков и пальметкой между ними (рис. 4, 30).

«Нимфейско-семибратненский тип» головы одного лося (рис. 4, 15, 26) может квалифицироваться в качестве бокового ответвления традиции как полнофигурного, так и редуцированного воспроизведения лося в скифском зверином стиле V в. до н.э. – т.е. как модификация трактовки лося с двумя симметрично разложенными рогами, образующими «корону». Наличие в азиатской части «скифского мира» параллели данному мотиву (алтайско-тувинские (Бородаев, 1998. С. 57, 66, 69–70. Рис. 7, 11; 8, 1–5) и тасмолинское (Кадырбаев 1966. Рис. 7, 1) изображения), как уже отмечалось (Канторович, Эрлих, 2006. С. 69), является примером конвергентного развития другого образа – образа оленя, а именно, следствием редуцирования таких изображений оленя с полным воспроизведением рогов, как фигуры на оленном камне из кургана Аржан-1 и на бухтарминском зеркале (Бородаев, 1998. С. 66. Рис. 8, 1–5).

Кроме того, в результате смешивания образов лося, оленя и горного козла в V–IV вв. до н.э. в скифском искусстве зарождаются и развиваются весьма устойчивые образы «лосекозла» (V–IV вв. до н.э.) (Канторович, 1995) (рис. 4, 24–25) и «оленекозла» (IV в. до н.э.) (Канторович, 2003) (рис. 4, 28–29).

В V–IV вв. до н.э. в скифском искусстве наблюдается своего рода контаминация, смешение образов лося и хищной птицы, ведущие к появлению относительно устойчивых «пограничных» образов. Создание таких образов упрощается тем, что иконографии лося в скифском искусстве были изначально присущи такие элементы, как мощная горбатая морда, сходная по своим очертаниям с загнутым птичьим клювом, и, очень часто, крупный округлый глаз. Эти черты облегчали ассоциирование обособленной головы лося с обособленной птичьей головой, а широко распространенный в скифском искусстве обычай наделять птиц ушами (напр., полнофигурные изображения птиц на навершии с фигурой Папая из-под Днепропетровска) еще более способствовал сближению этих образов.

Гибридизация мотивов обособленной головы лося и хищной птицы, осуществляется, очевидно, путем уподобления лосиной морды птичьему клюву⁵⁶ при сохранении у животного симметричной «короны» лосиных рогов. В этом случае возникает синкретический образ, который можно условно именовать «лосептицей» (рис. 4, 23; 5). Это существо наделено птичьим клювом и лосиными рогами, часто трансформированными в парные птичьи головки, обращенные в противоположные стороны. К данному образу относятся головы животных, оформляющие уздечные бляхи (бронзовые налобники и наносники), происходящие с территории Среднего Поднепровья (курган у с. Кошеватое (два экз.), кург. 206 у Шполы), Нижнего Поднепровья (кург. 2 погр. 3 у с. Петровка Донецкой обл. (два различных оригинальных изображения – наносники из Петровки позолочены), насыпь и южная конская могила кургана Чертомлык (40 экз.), Бабина могила, комплекс коня 8 Северной гробницы Гаймановой могилы), Среднего Подонья (Шолоховский курган) и Прикубанья (1-ый ритуальный комплекс кург. 8 Уляпского мог-ка, мог-к Прикубанский). Всего насчитывается 10 оригинальных изображений «лосептицы», с учетом копий – 50 изображений⁵⁷.

Другой пограничный с лосем образ – голова некоего существа, трактуемого одними исследователями как грифон (Ильинская, 1968. С. 31; Галанина 1977. С. 53), другими – как «лось с чубчиком» (Могилов, 2008. С. 48). Это изображения на уздечных бляхах из могильников у с. Аксютинцы/Стайкин верх, кург. 12 (рис. 4, 21) (Галанина 1977. Табл. 30, 13), у с. Броварки,

⁵⁶ Эта тенденция намечается уже в изображениях безрогого лося конца «скифской архаики» – начала «скифской классики», таких как вышеупомянутые головы лосей – элементы зооморфных превращений – на псалях из Ульского кургана 2 раскопок 1909 г. и на малой бляхе из кургана Кулаковского.

⁵⁷ Основная масса предметов с образом «лосептицы» происходит из Чертомлыка (40 экз.). Подробнее об этом образе – см. Канторович, 2004.

кург. 505 (Ильинская 1968. Табл. X, 6; Галанина 1977. Табл. 30, 13) и у с. Макеевка (Покровська, 1957. Рис. 3, 3–4). Данный мотив мог возникнуть в результате упрощения «короны» рогов, уподобляемой птичьему или грифоньему хохолку, при этом морда лося сохраняется неизменной. Очевидно, здесь сказывается влияние местных трактовок грифона и, возможно, пришедшего в Северное Причерноморье из Нижнего Поволжья «савроматского» поволжско-приуральского мотива грифоноподобного верблюда с маленьким гребнем и овальным ухом (типа Пятимар, Филипповки и Хошеутова) (рис. 4, 32)⁵⁸.

Таким образом, в семантическом отношении образ лося в эпоху «скифской архаики» VII–VI вв. до н.э. относительно обособлен в рамках местного репертуара. Но с конца VI в. до н.э. и позднее, в период «скифской классики» V–IV вв. до н.э., этот мотив, с одной стороны, в значительной мере смыкается с образом оленя, что закономерно в биологическом и географическом отношении, а также горного козла (отсюда пограничные изображения «оленелосей», «лосекозлов» и др.), с другой, – тема лося порой оказывается на грани иного семантического контекста, будучи контаминированной с образами хищной птицы, грифона и грифоноподобного верблюда. Как таковой образ лося реализуется, как минимум, с середины IV в. до н.э. только редуцированно (голова), постепенно утрачивает свою специфику, сохраняясь лишь в крайне стилизованных вариациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев. 1991.
- Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага. 1966.
- Березуцкий В. Д., Маликов А. В. Находка изделия в зверином стиле с окраины г. Воронежа // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. ТД науч. конф. Липецк. 1999.
- Бессонова С. С. Курганы Лесостепного Побужья // Древности скифов. Киев. 1994.
- Бессонова С. С., Скорый С. А. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // СА. 1986. № 4.
- Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев. 1988.
- Бидзиля В. И., Полин С. В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев. 2012.
- Бобринской А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб. 1894. Т. 2.
- Бобринской А. А. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губ. // Известия ИАК. СПб. 1905. Вып. 14.
- Бобринской А. А. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1905 году // Известия ИАК. Вып. 20. СПб. 1906. Вып. 20.
- Бобринской А. А. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1912 году // Известия ИАК. Пгт. 1914. Вып. 54.
- Бобринской А. А. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1913 году // Известия ИАК. Пгт. 1916. Вып. 60.
- Бородаев В. В. Вакулихинский клад (комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-I) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул. 1998.
- Братченко С. Н., Швецов М. Л., Дубовская О. Р. Курган IV в. до н.э. в бассейне Северского Донца // СА. 1989. № 1.
- Брашинский И. Б. Результаты раскопок Елизаветовского городища и могильника // АО в 1979 года. М. 1980.
- Бруйко И. В., Островерхов А. С. Новые памятники звериного стиля из Нижнего Поднестровья // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Одесса. 2010. I.

⁵⁸ Ср. изображения, оформляющие уздечные бляхи из мог-ка Гастон Уота, погр. 19 (Мошинский, 2006. Рис. 15, 9–10), из Майкопа (покупка) (Переводчикова, 2000, рис. 1, 9) и из мог-ка Уллу (раскопки А. Б. Белинского, А. Р. Канторовича, В. Е. Маслова и С. Райнхольд в 2012 г.).

- Вальчак С. Б. Предметы эпохи поздней бронзы – раннего железа из коллекций Восточной Украины и их аналогии // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава. 1998. №№ 1–2.
- Вишневецкая О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. М. 1973.
- Власова Е. В. Древности эллинические и местные // Античное наследие Кубани: В 3-х томах. М. 2010. Т. 3.
- Вязьмитина М. И. Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. 1963. № 2.
- Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга). М. 1977 (САИ. Вып. Д1-33).
- Галанина Л. К. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н.э. (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н. И. Веселовским в 1913 г.) // АСГЭ. СПб. 2005. Вып. 37.
- Галанина Л. К. Конское снаряжение из коллекции елизаветинских древностей, хранящихся в Государственном Эрмитаже (раскопки Н. И. Веселовского 1914, 1915, 1917 гг.) // АСГЭ. СПб. 2010. Вып. 38.
- Дворниченко В. В., Очир-Горяева М. А. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Донские древности. Азов. 1997. Вып. 5.
- Древности Приднепровья, вып. III. Собрание Б. Н. и В. И. Ханенко. Эпоха предшествующая Великому переселению народов (ч. II) Киев. 1900.
- Жизнь животных. М. 1971. Т. 6.
- Замятнин С. Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910–1915 гг.) // СА. 1946. Т. VIII.
- Зув В. Ю. Изучение жаботинских гравировок и проблема развития звериного стиля в европейской Скифии на рубеже VII–VI вв. до Р.Хр. // Скифы, сарматы, славяне, Русь. Сб. археологических статей в честь 56-летия Дмитрия Алексеевича Мачинского. СПб. 1993 (ПАВ. № 6).
- Ильинская В. А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. 1965. № 1.
- Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев. 1968.
- Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н.э.). Киев. 1975.
- Ильинская В. А. Современное состояние проблемы скифского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М. 1976.
- Ильинская В. А., Горишний П. А. Бронзовая бляха из кургана у села Жовнино // Скифский мир. Киев. 1975.
- Императорский российский исторический музей. Указатель памятников. М. 1893.
- Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата. 1966.
- Канторович А. Р. Один из образов копытного животного в искусстве скифского звериного стиля // РА. 1995. № 4.
- Канторович А. Р. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля степной Скифии // МИАР. 1997. № 1.
- Канторович А. Р. Классификация и типология элементов «зооморфных превращений» в зверином стиле степной Скифии // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк. 2002. Т. 1.
- Канторович А. Р. Эволюция некоторых образов скифского звериного стиля и проблема контактов Прикубанья, Подонья, Нижнего Поволжья и Южного Приуралья // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. М. 2003. Ч. II.
- Канторович А. Р. «Пограничные» образы в искусстве скифского звериного стиля // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя. 2004. Т. XI.
- Канторович А. Р. Редуцированные изображения конечностей хищников в восточноевропейском скифском зверином стиле // Труды II (XVIII) Всероссийского АС (Суздаль, 20–24 октября 2008 г.). М. 2008.
- Канторович А. Р. Сюжет стоящего/идущего оленя в восточноевропейском скифском зверином стиле // Диалог городской и степной культуры на евразийском пространстве: Мат-лы IV междунар. конф. памяти проф. МГУ Г. А. Федорова-Давыдова, 30 сентября – 3 октября 2008 года. Азов. 2009 (Донские древности. Вып. 10).

- Канторович А. Р. Меото-скифское искусство Прикубанья (VII – начало III в. до н.э.) // Античное наследие Кубани: В 3-х томах. М. 2010. Т. 1. Ч. III.
- Канторович А. Р. К вопросу об основных принципах классификации изображений скифского звериного стиля // От палеолита до средневековья. Сб. научных статей. М. 2011а.
- Канторович А. Р. Кабан в восточноевропейском скифском зверином стиле: типы изображений и истоки образа // Диалог городской и степной культур: Мат-лы V междунар. науч. конф., посвящ. памяти Г. А. Федорова-Давыдова (2–6 октября 2011 г.). Казань; Астрахань. 2011б.
- Канторович А. Р. Изображения лося в восточноевропейском скифском зверином стиле (классификация, типология, хронология) // Scripta antiqua. К 70-летию Э. В. Ртвеладзе. М. 2013 (Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Вып. 3) (в печати).
- Канторович А. Р., Эрлих В. Р. Бронзолитное искусство VIII–III вв. до н.э. из курганов Адыгеи. М. 2006.
- Керефов Б. М., Кармов Т. М. Нартан-2. Курганный могильник скифского времени. Нальчик. 2009.
- Кисель В. А. Священная секира скифов. Об одной находке из Келермеса. СПб. 1997.
- Кисель В. А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб. 2003.
- Кияшко В. Я., Коренько В. А. Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону // СА. 1976. № 1.
- Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья. Киев. 1989.
- Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П. Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области // Курганы на Южном Буге. Киев. 1978.
- Ковпаненко Г. Т., Левченко Б. М. Скифский меч из с. Медвин Киевской обл. // Археология. 1977. № 23.
- Копылов В. П. Население дельты Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.
- Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). СПб. 2006.
- Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. М. 2002. Т. I.
- Леви Е. И. К вопросу об ольвийской агоре // СА. 1954. Т. XXI.
- Легенди степу. Фотоальбом укр. та англ. мовами. Донецк. 2004.
- Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М. 1965 (САИ. Вып. Д1-31).
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Меоты // Античное наследие Кубани: В 3-х томах. М. 2010. Т. 1. Ч. III.
- Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907–1909 годов // Известия ИАК. СПб. 1911. Вып. 43.
- Манцевич А. П. Деревянные сосуды скифской эпохи // АГСЭ. 1967. Вып. 8.
- Манцевич А. П. Парадный меч из кургана Солоха // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М. 1969 (МИА. № 150).
- Манцевич А. П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л. 1987.
- Масленицына Е. С. Некоторые стилистические группы памятников в искусстве Прикубанья в конце V–IV вв. до н.э. // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ. М. 1992.
- Махортих С. В. Скіфська вузда Перещепинського могильника // Більське городище та його округ (до 100-річчя початку польових досліджень). Київ. 2006.
- Миллер А. А. Раскопки у станицы Елисаветовской в 1914 году // Известия ИАК. Пгг. 1914. Вып. 56.
- Могилов О. Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Ка'мянець-Подільський. 2008.
- Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев. 2005.
- Мошинский А. П. Древности горной Дигории VII–IV вв. до н.э. систематизация и хронология. М. 2006.
- Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев. 1984.
- Найденко А. В., Прокопенко Ю. А. Археологические материалы Грушевского городища VIII–III вв. до н.э. как исторический источник по истории края (исследование пряслиц) // Ставропольская зем-

- ля в прошлом и настоящем: Мат-лы науч. конф. Ставрополь. 1996. Ч. 1.
- Национальный музей истории Украины. Фотоальбом. Київ. 2001.
- На краю ойкумены. Греки и варвары на северному берегу Понта Эвксинского. М. 2002.
- ОИАК за 1905 г. СПб. 1908.
- ОИАК за 1909–1910 гг. СПб. 1913.
- Ольховский В. С. О населении Крыма в скифское время // СА. 1982. № 4.
- Островецков А. С. Звіриний стиль у культурі Ольвії // Археологія. 1994. № 2.
- Островецков А. С. Памятники звериного стиля из ольвийской и Никонийской округ (кон. VI–III в. до н.э.) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк. 2005. Т. 2.
- Переводчикова Е. В. Келермесская секира и формирование скифского звериного стиля // Проблемы истории античности и средних веков. М. 1979.
- Переводчикова Е. В. К вопросу о связях Нижнего Поволжья, Прикубанья и Нижнего Подонья (по материалам скифского звериного стиля) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М. 2000.
- Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. М. 1967 (САИ. Вып. Д1-4).
- Погребова М. Н., Раевский Д. С. К культурно-исторической интерпретации памятников звериного стиля из Жаботинского кургана № 2 // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М. 1999.
- Покровська Є. Ф. Розкопки курганів V ст. до н.е. поблизу Шполи // Археологія. 1957. Вип. IX.
- Прокопенко Ю. А. Историко-культурное развитие Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь. 2005.
- Прокопенко Ю. А. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля V–IV вв. до н.э. Центрального Предкавказья // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный; М. 2011.
- Пузикова А. И. Акинак из с. Ключ Курской обл. // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. 1984.
- Пузикова А. И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М. 2001.
- Ролле Р., Черненко Е. В., Махортых С. В. Комплекс уздечных принадлежностей середины I тыс. до н.э. из бассейна Ворсклы // Від Кіммерії до Сарматії. 60 років відділу скіфо-сарматської археології (Матеріали Міжнародної наукової конференції). Київ. 2004.
- Ролле Р., Махортых С. В., Черненко Е. В. Комплекс кінського спорядження середини I тис. до н.е. з басейну Ворскли // Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень). Київ. 2006.
- Ромашко В. А., Скорый С. А. Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском Правобережном Надпорожье. Днепропетровск. 2009.
- Самоковасов Д. Я. Могилы русской земли. М. 1908.
- Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея. М.; Л. 1959 (МИА. № 69).
- Скорый С. А. Ранние скифы в Добрудже: историография проблемы и археологические реалии // Древности скифской эпохи. Сб. статей. М. 2006.
- Скорый С. А., Хохоровски Я. Аристократический курган Скифская могила близ Мотронинского городища (Украинская Правобережная лесостепь) // Скифские интерпретации (Stratum plus. № 3(2005–2009). 2009.
- Скуднова В. М. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // Труды ГЭ. 1962. VII.
- Черненко Е. В. Скіфські кургани V ст. до н.э. поблизу м. Жданова // Археологія. 1970. Вип. XXIII.
- Членова Н. Л. Скифский олень // Памятники скифо-сарматской культуры. М. 1962 (МИА. № 115).
- Шапошникова О. Г. Погребение скифского воина на реке Ингул // СА. 1970. № 3.
- Шедевры древнего искусства Кубани. М. 1987
- Шкурко А. И. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М. 1976.
- Шкурко А. И. Образ лося в искусстве Лесостепной Скифии // История и культура Евразии по археоло-

- гическим данным. М. 1980 (Труды ГИМ. Вып. 51).
- Шрамко Б. А. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей Степной и Лесостепной Скифии // Проблемы скифской археологии. М. 1971 (МИА. № 177).
- Шрамко Б. А. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор // Древности. Харьков. 1994а.
- Шрамко Б. О. Розкопки курганів VII–IV ст. до н.е. поблизу Більська // Археологія. 1994б. № 4.
- Яковенко Э. В. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М. 1976.
- Яценко И. В. Скифия VII–V веков до н.э. М. 1959 (Труды ГИМ. Вып. 36).
- Borovka G. Scythian Art. London. 1928.
- Ebert M. Südrussland: Skytho-Sarmatische Periode // Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin. 1928. XIII.
- I Tesori dei kurgani del Caucaso Settentrionale. Roma. 1990.
- Leskov A. M. The Maykop Treasure. Philadelphia. 2008.
- L'or des Amazones peuples nomades entre Asie et Europe, VIe siècle av. J.-C. – IVe siècle apr. J.-C.: Musée Cernuschi, Musée des arts de l'Asie de la ville de Paris, 16 mars – 15 juillet. Paris. 2001.
- Očir-Gorjaeva M. Pferdegeschirr aus Chošeutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga. Berlin. 2005 (Archäologie in Eurasien. Bd. 19).
- Potratz J. Die Skythen in Südrussland. Basel. 1963.
- Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford. 1922.
- Rostovtzeff M. The animal style in South Russia and China. Princeton; N. Y. 1929.
- Simion G. Culturi antice în zona Gurilor Dunării, I. Preistorie și protoistorie. Cluj-Napoca. 2003 (Biblioteca Istro-Pontica. Seria Arheologie; 5).
- The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes (Metropolitan Museum of Art. October 12, 2000 – February 14, 2001). New York. 2000.
- Vickers M. Scythian Treasures in Oxford. Oxford. 1979.

КАВКАЗСКИЕ НАХОДКИ С ЗООМОРФНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ИЗ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ УКРАИНЫ

Г. Н. Вольная (г. Владикавказ)

В Национальном музее истории Украины (далее – НМИУ) хранится т.н. кавказская коллекция древностей, которая поступила в Киевский исторический музей (как он тогда назывался) в 1936 г. Ранее, до 1904 г., она хранилась в Киевском художественно-промышленном и научном музее им. Государя Императора Николая Александровича. Ряд находок происходит из коллекции К. И. Ольшевского – они были сделаны до 1901 г. и поступили в «Киевский художественно-промышленный и научный музей» в 1904 г. Коллекция Киевского Национального музея во время Великой отечественной войны вывозилась в Уфу и Харьков. В 1944 г. музейные экспонаты вернулись обратно в Киев (см. [электронный ресурс]: URL: <http://www.mykiev.info/ru/museums/national-museum-of-art.html>; Рукописный каталог...). Перемещение коллекций негативно сказалось на их атрибуции. Часто место время находки и условия приобретения предметов неизвестно – в этих случаях они хранятся в запасниках как находки с Кавказа.

Одним из таких предметов является **бронзовая «эгретка»** с изображением двух всадников на конях. Высота 63 мм, длина 170 мм. Инв. №2699 (Scythian gold, 1992. Tab. 9; Gold aus Kiew, 1993. P. 83. Kat. № 8) (рис. 1, 1). Всадники помещены на горизонтальную площадку, состоящую из четырех пар спиралей. К этим спиральям с помощью колец прикреплены шесть бараньих головок, держащих во рту колокольчики. Одна головка барана и колокольчик утеряны. Площадку продолжают три перевитых прута, соединяющиеся на концах. У коней передние и задние ноги совмещены и изображены в виде двух цилиндров. Уши коня – длинные, вертикально

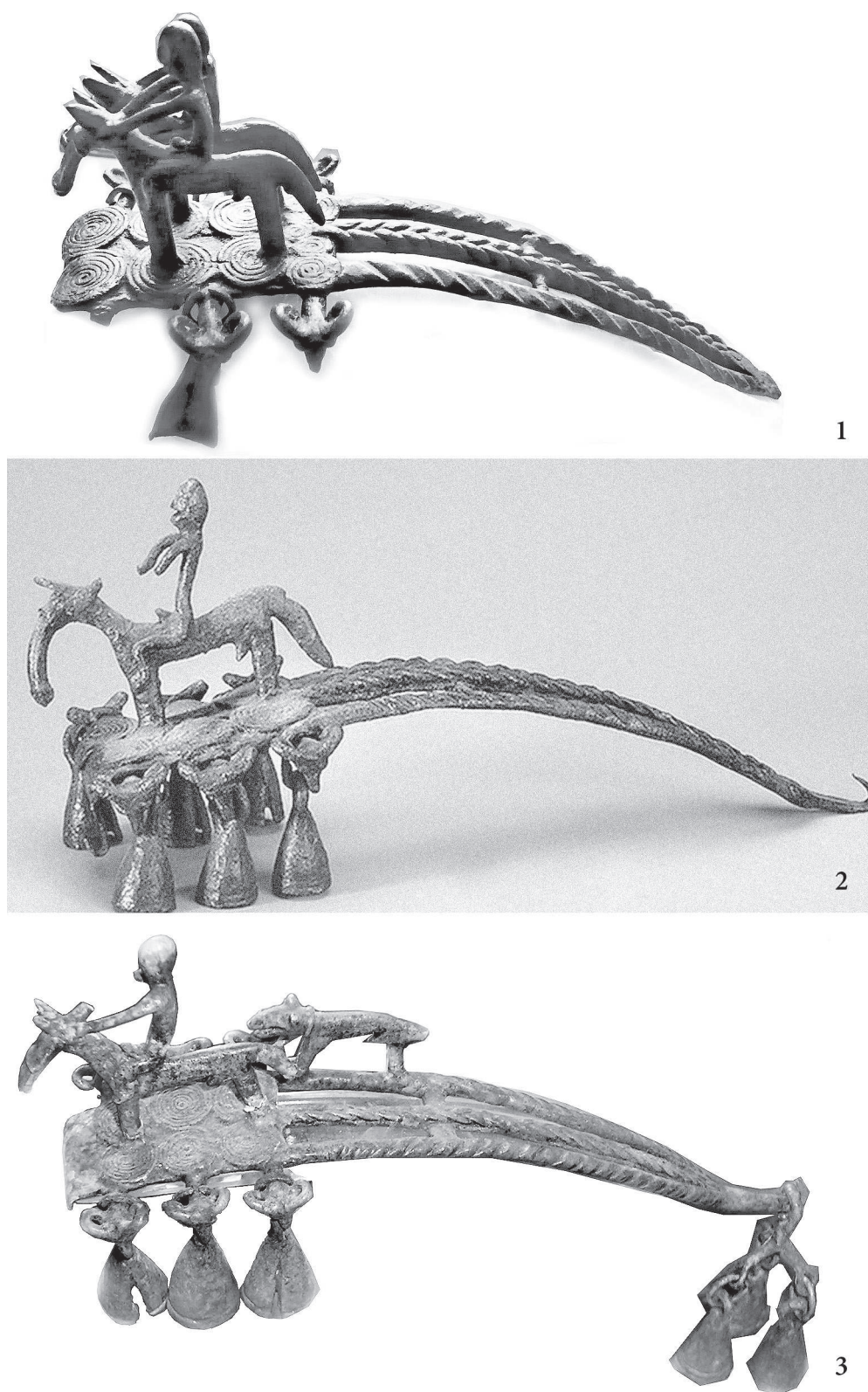

Рис. 1. Бронзовая «эгретка» из Национального музея истории Украины (1) и ее аналогии (2-3).
1 – «эгретка», Бамборская поляна (1 – НМИУ; 3 – АГМ); 2 – «эгретка», Нижняя Эшера (ГЭ)

торчат, что характерно для изображений коня в мелкой бронзовой пластике кобанской и колхидской культур. На морде коня показана сбруя. Собака изображена остроносой с торчащими вверх ушами, на шее изображен ошейник, хвост торчит горизонтально, прорезью изображена пасть. Фигурки коней находят аналогии на изделиях из Северного Кавказа и Ирана (Там же).

Фигурка всадника представляет собой изображение сидящего человека, руки широко расставлены, вытянуты вперед, переходят в поводья. Правая рука фрагментирована, ноги согнуты в коленях, голова овальной формы без головного убора, прорезью изображен рот.

Эта эгретка и некоторые другие предметы из запасников музея опубликованы в каталогах. Авторы каталогов датировали этот предмет VII–VI вв. до н.э. и атрибутировали его как жезл, по мнению специалистов, в этом изображении прослеживаются иранское и северокавказское влияния. Также отмечается, что место находки неизвестно (Scythian gold, 1992. Tab. 9). Однако еще А. Л. Лукин писал, что в 1912 г. в Исторический музей Украины в Киеве поступила «эгретка» из Бамборской поляны (Лукин, 1941. С. 71. Табл. 22–23). Очевидно, как также полагают А. Ю. Скаков и А. И. Джопуа (Скаков, Джопуа, 2004. С. 27), описываемый нами предмет и является этой «эгреткой».

Этот предмет аналогичен другим «эгреткам», найденным на территории Абхазии (рис. 1, 2–3): из мог-ка в с. Нижняя Эшера (Шамба, 2000. Табл. 73; 2005. Рис. 17), из с. Гуадику и из Бамборской поляны (V–V вв. до н.э.) (Лукин, 1941. С. 62, 70. Табл. XXII; Куфтин, 1949. С. 243–245. Рис. 55; Доманский, 1984. Фото 191; Скаков, Джопуа, 2004. С. 27–46; Шамба, 2005. С. 62). Г. К. Шамба неоднократно обращался к проблеме изучения «эгреток» (Шамба, 2000. С. 191–192; 2005. С. 62–63), являясь автором находки одной из них в 1967 г. в погребении IV в. до н.э. рядом с Эшерским городищем.

Другим предметом, происходящим с территории Кавказа и хранящимся в НМИУ, является **бронзовая ажурная поясная пряжка «рачинского типа»** (рис. 2, 1). Она отмечена как находка из святилища Реком у с. Цей (Северная Осетия) (инв. № В-52698) (Scythian gold, 1992. Tab. 11; Scythian gold, 1999. Кат. № 7; Gold aus Kiev, 1993. Кат. № 9). Пряжка с квадратной рамкой со стороной 95 мм (Инв. № В-2698). На оборотной стороне фрагмент крючка с одной стороны пряжки, с другой – кольцо. Эта находка из коллекции К. И. Ольшевского поступила сначала (до 1901 г.) в Археологический музей древностей и искусств при университете св. Владимира, а потом была куплена в 1912 г. Киевским художественно-промышленным и научным музеем имени Государя Императора Николая Александровича. Контекст находки неизвестен. В изданиях, где эта пряжка была опубликована, ее необоснованно датируют VII–V вв. до н.э., однако совершенно справедливо связывают с влиянием искусства позднего бронзового и раннего железного века Кавказа (Scythian gold, 1999. P. 109; Gold aus Kiev, 1993. P. 84). На самом деле круг приводимых аналогий (см. ниже) позволяет эту пряжку датировать II в. до н.э. – I в. н.э.

На пряжке изображена сцена терзания оленя хищником семейства псовых, о чем свидетельствует длинный изогнутый хвост, закинутый за спину, вытянутая морда. Центральная фигура оленя на пряжке изображена стоящей в профиль с головой повернутой назад и «древовидными» рогами. Под центральной фигурой изображена профильная фигурка хищника меньших размеров, стоящего на задних лапах, с поднятыми передними, пасть хищника соприкасается с бедром оленя.

Изображения оленя с повернутой головой и «древовидными рогами» известны в памятниках с территории Центрального Кавказа (рис. 2, 2–10) из мог-ка Триалети близ Манглиси (Куфтин, 1941. Рис. 29; Unterwegs..., 1995. Fig. 328), Монастерского могильника (Гаглоев, 1980. Табл. XCIX, 2), из селений Геби (Unterwegs..., 1995. Fig. 331), Урсдзуар (Техов, 1971. Рис. 91), Брилли (Unterwegs..., 1995. Fig. 330), Цалка (Вольная, 2006. Рис. 1, 4). Также они известны среди находок из Грузии в ГЭ (Хидашели, 1972. № 16. Табл. III), ГМИГ (2 экз.) (Хидашели, 1972. № № 8, 29. Табл. I; II, № 17), музее «Метехи» (Амиранашвили, 1950. Табл. 19; Хидашели, 1972. № 1.

Рис. 2. Бронзовая поясная пряжка «рачинского типа» из Национального музея истории Украины (1) и ее аналогии (2–17). 1 – поясная пряжка, Цей, Северная Осетия (НМИУ); 2 – поясная пряжка, Грузия (Британский музей); 3–4 – поясные пряжки, Грузия (ГМИГ); 5 – поясная пряжка, Грузия (Музей Метехи); 6 – поясная пряжка, могильник близ Манглиси (ГМИГ); 7 – поясная пряжка, Монастырский могильник, погребальный комплекс № 16; 8 – поясная пряжка, Кавказ (ГИМ); 9 – поясная пряжка, Брили (ГМИГ); 10 – поясная пряжка, Грузия (ГМИГ); 11 – фибула, Верхняя Рутха (Музей пре- и ранней истории, Берлин); 12 – пластина, Кобанский могильник; 13, 16–17 – поясные пряжки, Тлийский могильник; 14 – поясная пряжка, Цоисское ущелье; 15 – изображение на поясе, Ксанское ущелье

Табл. I), Боржомском краеведческом музее (Хидашели, 1972. №№ 167–168. Табл. XVII), из Кавказа в собрании ГИМ, из Северной Осетии в собрании СОГОМИАЛ (Инв. № 3855). В нижней части этих пряжек изображены фигуры птиц или головы быков.

Но наиболее близкими аналогиями прямоугольной пряжке «рачинского типа» из НМИУ являются поясные пряжки из Грузии, выполненные по одной модели и хранящиеся в Британском музее (Ancient Caucasian..., 2002. Pl. 8, № 133) и ГМИГ (Хидашели, 1972. № 29. Табл. II). На них также изображена сцена терзания, т.е. под центральной крупной фигурой оленя с «древовидными рогами» изображена фигурка хищника семейства псовых. Вышеописанные пряжки и пряжка из НМИУ отличаются в деталях, как в изображении оленя (расположение уха, форма головы, языка, наличие или отсутствие концентрических окружностей на бедрах животных, рифления на морде и шее животного), так и хищника (расположение пасти относительно бедра оленя), а также орнаментальным оформлением рамки пряжек (бегущая волна и ряды плетенки). Однако поза оленя, поворот головы, крупный круглый глаз из концентрических окружностей, открытый рот с языком, рисунок веточек рогов свидетельствуют о том, что эти пряжки были выполнены по одному образцу.

Симметричное изображение веточек рогов может свидетельствовать о влиянии на эти пряжки кобанского и колхидского искусства. Изображения фигурки стоящего оленя с повернутой назад головой, ромбовидным абрисом морды и симметрично расположенными веточками рогов известны в искусстве центрального варианта кобанской культуры в VIII–V вв. до н.э. (рис. 2, 11–17): на топоре из «Цоисской коллекции» VIII в. до н. э. (Техов, 2006. С. 196, 258. Рис. 3), на поясных пряжках из Тлийского мог-ка, на фибуле из Верхней Рутхи (Motzenbäcker, 1996. Taf. 28, 5), на поясе из Ксанского ущелья. В скифское время появляются фигурки оленя с подогнутыми ногами, известные, в частности, на пластине из Кобанского могильника (Вольная, 2002. С. 70–71. Рис. 16).

Если принимать во внимание, что этот тип пряжек бытовал с III в. до н.э. по II в. н.э., то рассматриваемый экземпляр этот экземпляр можно отнести к одному из поздних вариантов (Вольная, 2008. С. 734). Соответственно, пряжку из НМИУ можно датировать I–II вв. до н.э. Однако известные аналогии не позволяют точно определить место производства пряжек такого типа.

Целой группой предметов в Киеве представлены бронзовые **ажурные поясные пряжки «бежтинского типа»** – в каталогах НМИУ такие пряжки датируются V–VII вв. н.э. В НМИУ хранятся три таких пряжки.

1. Бронзовая ажурная поясная пряжка «бежтинского типа» (рис. 3, 1) (Инв. № В-2526). Длина – 155 мм, ширина – 143 мм. Найдена в с. Верхний Кобан (Северная Осетия) (Scythian gold, 1992. Tab. 10). Пряжка с одной стороны на обороте имеет крючок-застежку, с другой – пять петель для крепления к поясу. Пряжка разделена полосками, декорированными елочным орнаментом на три части по горизонтали (исходя из ее функционального использования). В первых двух рядах помещены головы хищников и козлов, в третьем ряду – симметрично изображенные композиции из фигурок коней, которых терзают хищники. Третий ряд разделен полосой с елочным орнаментом, на которой помещена голова животного. По краю пряжки расположен елочный орнамент. Близкими аналогиями этому изделию являются находки из Цунтинского р-на Дагестана: Бежтинского мог-ка, с. Бежта, с. Кидеро, урочища Тлярохотль; недокументированная находка из Дагестана; а также находка из Кахетии в мог-ке Арещи (Давудов, 1974. С. 106. Рис. 26, 3; 27, 1–4; Чилашвили, 1992. Табл. XCL, 1);

2. Бронзовая ажурная поясная пряжка «бежтинского типа» аналогична первой и не опубликована (Инв. № В-8334);

3. Бронзовая ажурная поясная пряжка «бежтинского типа» (рис. 3, 5). Место находки неизвестно (Scythian gold, 1992. Tab. 12). (Инв. № В-2526). Длина – 127 мм, ширина – 100 мм.

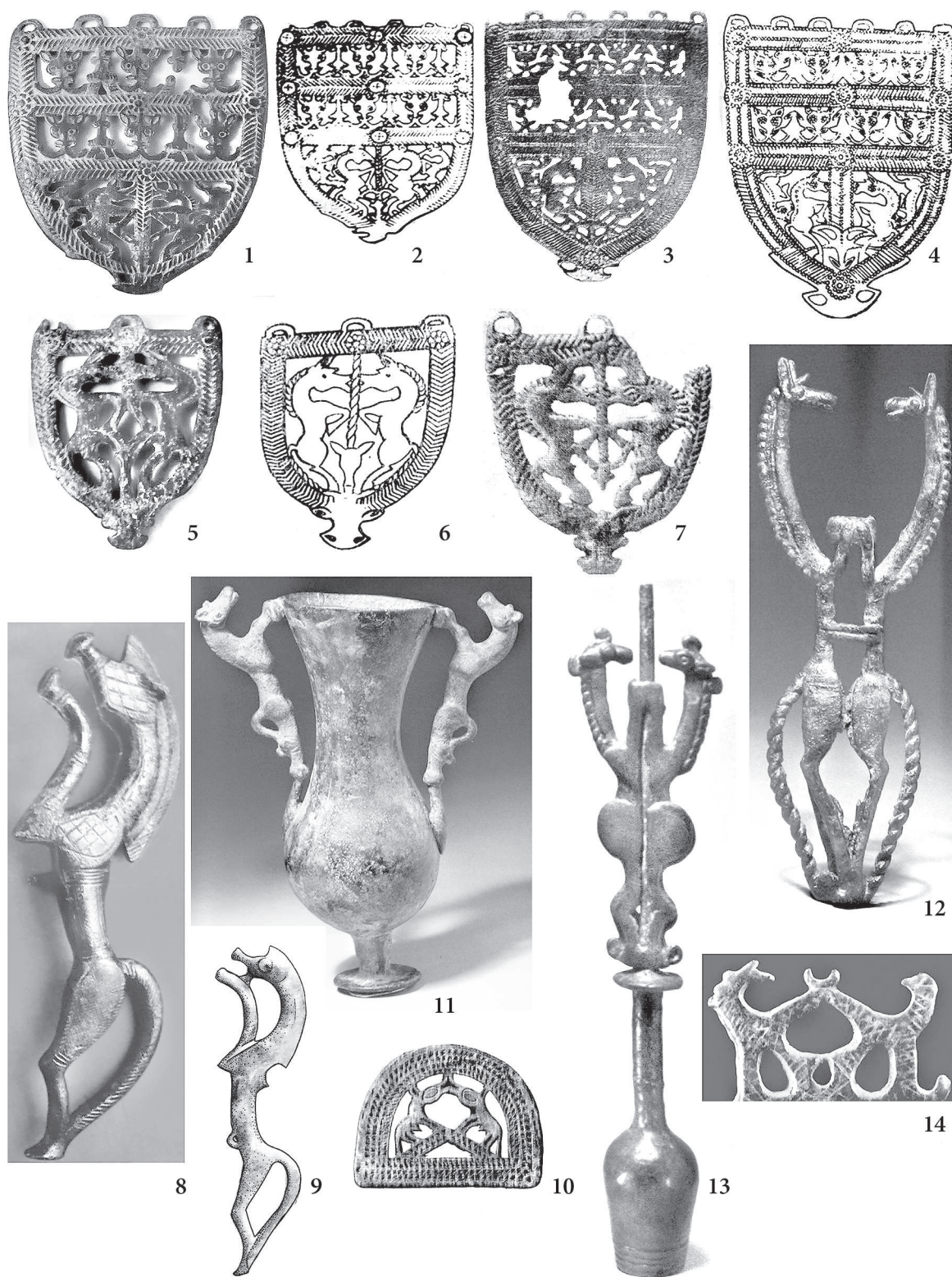

Рис. 3. Бронзовые пряжки «бештинского типа» из Национального музея истории Украины (1, 5) и их аналогии (2–4, 6–14). 1 – поясная пряжка, Верхний Кобан, Северная Осетия (НМИУ); 2 – поясная пряжка, Бежта, Дагестан; 3 – поясная пряжка, Ареша; 4, 7 – поясные пряжки, Бежтинский могильник, Дагестан; 5 – поясная пряжка, Кавказ (НМИУ); 6 – поясная пряжка, Глядал, Дагестан; 8, 10 – поясная пряжка, Кобанский могильник; 9 – поясная пряжка, Терская область; 11 – бронзовый сосуд, Луристан; 12–13 – навершия жезлов, Луристан; 14 – булавка, Кобанский могильник

Пряжка с одной стороны имеет крючок, с другой три петли. На ней симметрично изображены две антитетично расположенные фигурки коней, морды коней и их передние ноги разделены полосой. По краю рамки пряжки идет елочный орнамент. Для этого экземпляра близкими аналогиями являются находки из Бежтинского мог-ка и из с. Глядал (Давудов, 1974. Рис. 26, 1, Мамаев, 1989. Рис. 41).

В настоящее время известно более 80 экз. таких пряжек, обнаруженных в различных районах Дагестана – наибольшее их количество найдено в окрестностях с. Бежта (Мамаев, 1989. С. 34–35). Некоторые пряжки этого типа хранились в коллекциях Харьковского областного музея, который во время Великой Отечественной войны был разграблен. Возможно, поясные пряжки из НМИУ происходят из Харьковской коллекции.

Среди пряжек данного типа в большом числе представлены экземпляры, изготовленные в технике литья по восковой модели (Мамаев, 1963. С. 35). Также среди них имеются и экземпляры, которые были отлиты в разъемных двухстворчатых формах. При этом в качестве модели использовали готовую пряжку, отлитую по восковой модели. По мнению В. И. Марковина, стилистически они очень близки литым фигуркам, вероятно, их отливали в то же время. Исследователь также отметил «некоторую долю скифского влияния в создании этих произведений самобытного дагестанского «звериного стиля»...» (Марковин, 1974. С. 17).

О. М. Давудов полагает, что их вероятными прототипами могли служить дигорские пряжки подковообразной формы, украшенные объемно выполненными головками животных. Эти пряжки встречаются в памятниках кобанской культуры и относятся к IX–IV вв. до н.э. (Давудов, 1974. С. 114). Все это позволяет нам рассматривать высокогорную часть юго-западного Дагестана, где обнаружено наибольшее количество пряжек «бежтинского типа», в качестве мощного очага художественной культуры, который функционировал в течение длительного времени (Там же. С. 119).

Аналогиями пряжек «бежтинского типа» являются также изображения противостоящих коней в луристанском искусстве X–VIII вв. до н.э. Связаны с ними и композиции из фигурок противостоящих коней на полукруглых пряжках конца II тыс. до н.э. кобанской культуры (рис. 2, 10), а также изображения коней на пряжках и булавках VI–IV вв. до н.э. (рис. 2, 8–9, 14).

Если производство массивных гравированных и ажурных пряжек в различных районах Кавказа в основном прекращается к началу средневековья, то в высокогорном Дагестане они продолжают бытовать и в средневековую эпоху. Таким образом, в раннесредневековых ажурных пряжках с зооморфными изображениями из Нагорного Дагестана прослеживаются очень древние и глубокие традиции искусства племен кобанской культуры Центрального Кавказа. Архаические черты сохраняются не только в форме и декоративном убранстве пряжек, но и других изделиях декоративно-прикладного искусства (Давудов, Мамаев, 2008. С. 812).

В настоящей статье была рассмотрена лишь небольшая часть кавказских находок, хранящихся в Национальном музее истории Украины, – многие из них еще предстоит ввести в научный оборот.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амиранашвили Ш. Б. История грузинского искусства. М. 1950.
- Вольная Г. Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тыс. до н.э. Владикавказ. 2002.
- Вольная Г. Н. Мотивы скифо-сибирского звериного стиля в «сценах охоты» на кавказских бронзовых ажурных поясах и пряжках // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк. 2006. Т. 3.
- Вольная Г. Н. К вопросу о типологии бронзовых ажурных прямоугольных пряжек // Крупновские чтения 1971–2006. М. 2008 (МИИХНСК. Вып. VIII).

- Гаглов Р. Археологические изыскания на Монастырском могильнике // Полевые археологические исследования в 1977 году. Тбилиси. 1980.
- Давудов О. М. Еще раз о пряжках бежтинского типа // Древности Дагестана. Махачкала. 1974.
- Давудов О. М., Мамаев М. М. Традиции прикладного искусства племен кобанской культуры Центрального Кавказа в металлопластике раннесредневекового Западного Дагестана // Крупновские чтения 1971–2006. М. 2008 (МИИХНСК. Вып. VIII).
- Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М. 1984.
- Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. I. 1941.
- Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. I. Тбилиси. 1949.
- Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии // Труды Отдела истории первобытной культуры ГЭ. Л. 1941. Т. I.
- Мамаев М. М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала. 1963.
- Мамаев М. М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Махачкала. 1989.
- Марковин В. И. Дорогами и тропами Дагестана. М. 1974.
- Рукописный каталог археологического музея памятников древностей и искусств при Киевском университете св. Владимира // Архив Национального музея истории Украины.
- Скаков А. Ю., Джоуа А. И. Комплексы второй половины V–IV вв. до н.э. с бронзовыми «эгретками» из Абхазии // БИ. 2004. Вып. VII.
- Техов Б. В. Очерки древнейшей истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси. 1971.
- Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ. 2006.
- Чилашвили Л. А. Ареш. Историко-археологическое исследование. Тбилиси. 1992.
- Шамба Г. К. Абхазия в первом тысячелетии до н.э. Сухум. 2000.
- Шамба Г. К. Древний Сухум. Сухум. 2005.
- Хидашели М. Ш. К истории художественной обработки бронзы в античной Грузии. Тбилиси. 1972.
- Ancient Caucasian and Related Material in the British Museum.* London. 2002.
- Gold aus Kiew.* 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. Wien. 1993.
- Motzenbäcker I.* Sammlung Kossnierska. Der Digorische Formenkreis der Kaukasischen Bronzezeit. Berlin. 1996 (Museum für Vor- und Frühgeschichte Staatliche Museen zu Berlin, Bestandskataloge 3).
- Scythian gold.* Museum of Historic Treasures of Ukraine. Tokyo. 1992.
- Scythian gold: Treasures from Ancient Ukraine.* New York. 1999.
- Unterwegs zum goldenen Vlies: Archäologische Funde aus Georgien.* Saarbrücken. 1995.

ОБ ОДНОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ ИЗ КЛИВАНСКОГО МОГИЛЬНИКА ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

А. Х. Сланов, А. А. Сланов (г. Владикавказ)

В эпоху широкого освоения железа на Кавказе интенсивно шли многие исторические процессы, включая развитие культур, ярким свидетельством чего являются многочисленные археологические материалы из памятников Центрального Кавказа. Среди них особое место занимают еще не введенные в научный оборот находки из Кливанского могильника. Он расположен в 200 м к СВ от одноименного населенного пункта. В ходе охранный-спасательных работ было раскопано 45 грунтовых могил позднекобанской культуры Центрального Кавказа.

Среди раскопанных захоронений своеобразной конструкцией погребальной камеры и набором вещей выделяется **погребение № 34** (предварительно датируемая второй половиной V–IV в. до н.э.), где над скелетом наклонно (под углом 45%) стояли в ряд каменные плиты, образуя искусственный навес. Этот элемент обряда не типичен не только для кобанских древностей Центрального Кавказа, но и для памятников сопредельных областей, где в поздний период эпохи

бронзы и в раннем железном веке основными типами захоронений являлись каменные ящики и грунтовые могилы. Нахождение каменных плит над скелетом, а также преднамеренную порчу и деформацию погребального инвентаря, видимо, следует объяснить страхом перед умершим. Этот элемент погребального ритуала наиболее характерен для савроматских племен юга России.

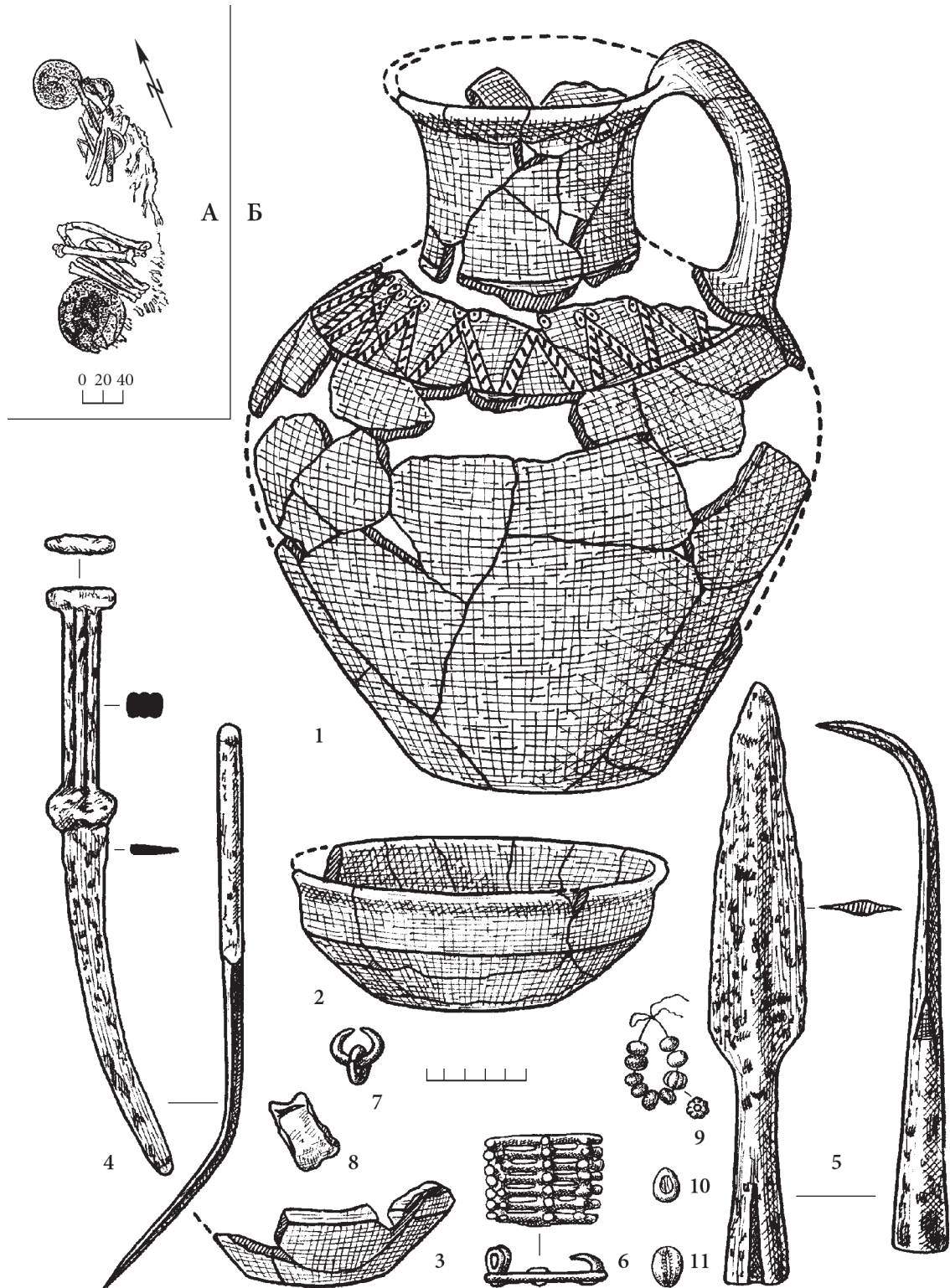

Рис. 1. Погребение № 34 Кливанского могильника: А – план; Б/1–11 – погребальный инвентарь

Смещение элементов различных культур особенно ясно прослеживается в составе погребального инвентаря (рис. 1, Б/1–11). Так, имеющийся в этом комплексе керамический кувшин (рис. 1, Б/1) по форме, орнаментации и технологии изготовления наиболее близок к глиняным сосудам Центрального Закавказья. В то же время, глиняная миска из того же комплекса (рис. 1, Б/2) практически полностью повторяет форму бронзовых мисок кобанской культуры.

Такое же сочетание элементов различных культур наблюдается в технике изготовления железного ножа (рис. 1, Б/4), рукоять которого аналогична рукояткам скифских акинаков с брусковидным навершием и почковидным перекрестием, тогда как лезвие его больше напоминает форму режущей части железных изогнутых однолезвийных ножей-кинжалов закавказского типа. Далека от кобанских культурных традиций бронзовая ажурная поясная пряжка (рис. 1, Б/6), отдаленно более напоминающая многочисленные ажурные поясные пластины урало-сибирского региона, нежели классические кобанские или центрально-закавказские.

Железный наконечник копья, бронзовые кольца, бусы, раковины-каури и альчик из этого же погребального комплекса находят многочисленные аналогии во многих синхронных памятниках Кавказа, Скифии и античного мира, вследствие чего малоинформативны как для установления хронологии, так и для определения их культурной принадлежности.

Наличие в погребальных комплексах Кливанского могильника разнообразных разнотипных вещей указывает, в частности, на включение населения Центрального Кавказа в широкие торгово-экономические и культурные связи не только с жителями сопредельных районов Кавказа, но также с народами более отдаленных и развитых регионов Евразии. Этому в немалой степени способствовало географическое положение края с достаточно доступными перевальными путями, служившими с древнейших времен своеобразным связующим звеном между Северным Кавказом и Закавказьем.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕКОРАЦИИ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА В НИЖНЕМ ПОДОНЬЕ В VII–VI вв. до н.э.

В. П. Копылов, Н. В. Андрианова (г. Ростов-на-Дону)

В работах Георгия Кучовича Шамба большое внимание было уделено изучению памятников раннеантичного времени в северо-западной историко-географической области Колхиды (Шамба, 1977. С. 23–29; 1979а. С. 22–31. Рис. 21–23; 1979б. С. 446–449; 1980; 1983. С. 33–37; 1988. С. 229–231; Шамба, Шамба 1985; Шамба и др., 2005. С. 566–567; и др.). Именно он отмечал, что формирование самобытной культуры местных племен в этом регионе непосредственно связано с гео-климатическими условиями и богатством рудных залежей, а появление в среде местных племен греческих поселений Диоскурии и Гюэноса относил ко времени не позднее первой половины VI в. до н.э. (Шамба, 1988. С. 230–231).

На северном побережье Понта Эвксинского греки вошли в непосредственное соприкосновение с местными племенами позже, чем на южном берегу Понта. Самые ранние греческие колонии были основаны на всем протяжении северного побережья Черного моря от устья Истра до устья Фасиса во второй половине VII–начале VI в. до н.э. Проблемам возникновения и развития греческих колоний, становления социально-экономических отношений у местных туземных племен, а также вопросам взаимодействия эллинов и варваров в Причерноморье специалисты уделяют большое внимание. Однако следует отметить, что без точного выяснения экологических особенностей природной среды, а также основных направлений ее антропогенной трансформации в I тыс. до н.э., довольно сложно объективно судить о специфике исторического процесса в различных историко-географических районах этого обширного региона.

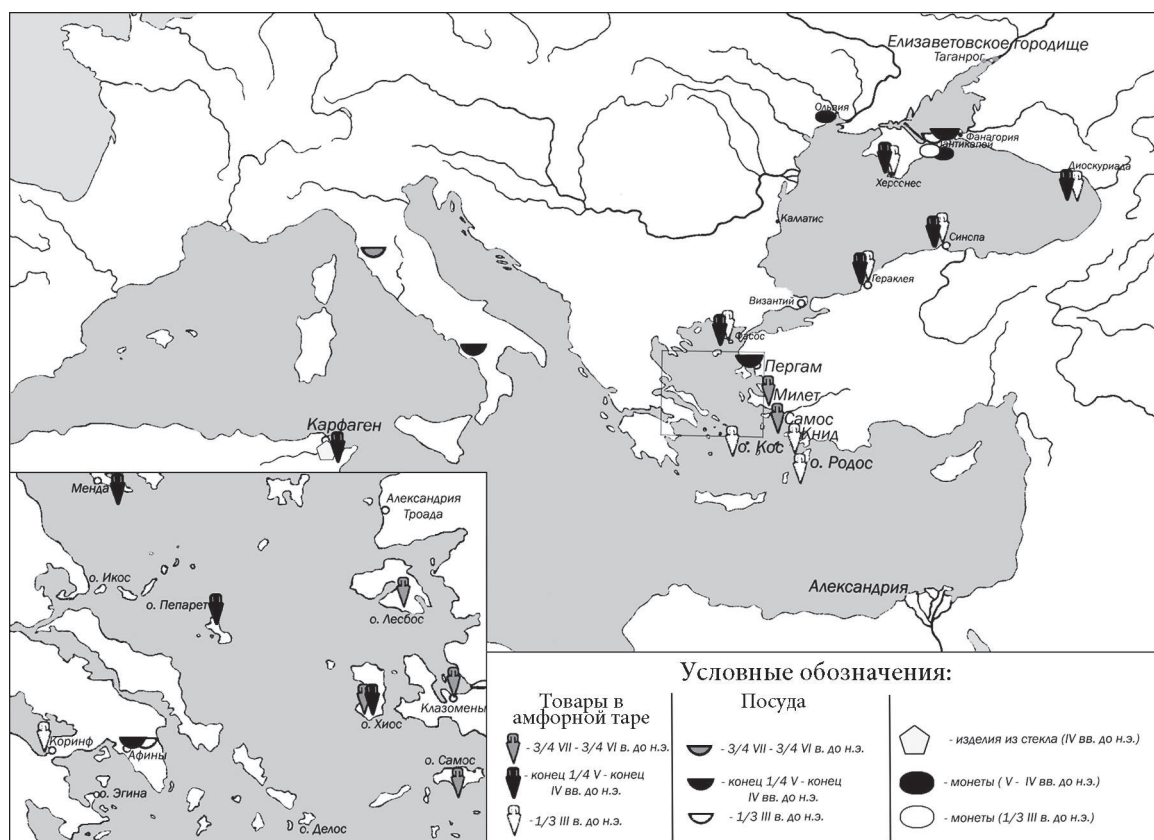

Рис. 1. Международные связи устьевой области реки Танаис в VII – первой трети III в. до н.э.

В истории Северного Причерноморья скифо-античного времени Северо-Восточное Приазовье занимает важное место, что во многом определялось его географическим положением. С древнейших времен именно в этом регионе археологически фиксируются межплеменные, межцивилизационные и межэтнические контакты и это, несомненно, отразилось на своеобразии его культурно-исторического, экономического и этнического развития. Особое значение региона в античный период определялось его расположением на стыке крупных варварских массивов того времени, населявших Северное Причерноморье, Северный Кавказ и Поволжье. В силу удобного географического расположения устьевой район дельты Дона в это время превращается в важный узел пересечения сухопутных и водных коммуникаций, а уже во второй половине VII в. до н.э. становится зоной политической и экономической активности греков. Это один из немногих районов Северного Причерноморья, где прослеживается наиболее ранний этап процесса развития непосредственных связей эллинской цивилизации (с традиционно оседло-земледельческим укладом хозяйства) и варварской, преимущественно, с кочевым и полукочевым укладом хозяйства.

Анализ обширных археологических источников позволил нам выделить этапы в развитии международных отношений в Нижнедонском культурно-историческом районе и определить роль устьевой области р. Танаис, как одного из основных районов Северного Причерноморья, где международные контакты фиксируются археологически наиболее четко на протяжении всего античного периода (Копылов, 2009. С. 225–230) (рис. 1). В частности, был выделен I этап (третья четверть VII–третья четверть VI в. до н.э.), который хронологически совпадает с периодом функционирования Таганрогского поселения – милетской колонии, которую мы считаем возможным идентифицировать с гаванью Кремны, упоминаемой Геродотом. На сегодняшний день можно

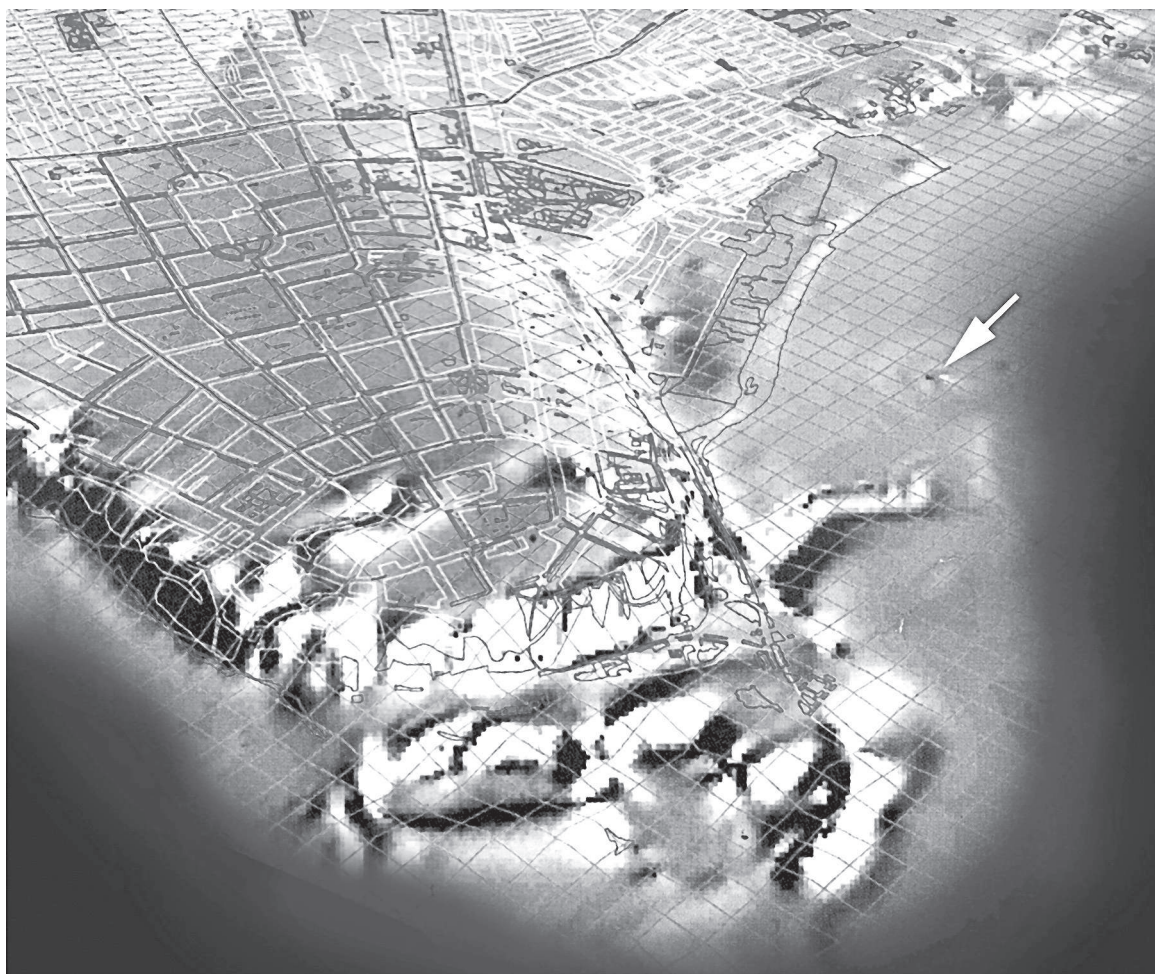

Рис. 2. Таганрогская бухта, вид с космоса

уверенно говорить, что эта греческая колония полностью поглощена водами Таганрогского залива (рис. 2).

В предложенной работе, используя всю совокупность имеющихся в нашем распоряжении источников, будет проанализирована история развития природно-территориального комплекса устьевой области р. Танаис, ландшафт и растительность, являвшихся в прошлом фоном, на котором разворачивался культуругенез в Нижнедонском историко-географическом районе Причерноморья в период Великой греческой колонизации. Тем более что в ходе обширных археологических исследований в дельте Дона и разведок в районе береговой линии Таганрогского залива, проводимых в последние годы экспедициями НМЦА ПИ ЮФУ, а также естественнонаучных разработок была получена новая информация, которая позволяет более объективно реконструировать характер формирования устьевой области р. Танаис и степень ее заселенности в разные хронологические отрезки времени.

Отметим, что специалисты в области археологии раннего железного века неоднократно обращались к вопросам экологической ситуации, сложившейся в предскифский и скифо-античный периоды в устьевой области р. Танаис (Миллер, 1929. С. 81, сл.; Шелов, 1970. С. 70–75; Житников, 1992. С. 8–17; Лукьяшко, 1992. С. 18–24; Марченко, 1995. С. 3–20). Однако общим недостатком всех этих работ является оценка процессов, протекавших в этом регионе, без должного учета конкретной гео-исторической ситуации, имевшей место в различные хронологические этапы античного периода. Эти исследователи, сталкиваясь с необходимостью

палеографической реконструкции береговой линии, преимущественно исходили из современного гидрологического состояния устьевой области р. Дон, в должной мере не учитывая, что в древности трансгрессивно-регрессивные процессы в Черноморско-Азовском бассейне коренным образом влияли на формирование экологии этого региона.

В этой связи следует напомнить высказывание А. Н. Щеглова о том, что природная среда и геоморфологическая обстановка в районе Таганрога за последние тысячелетия изменилась значительно, а уровень Азовского моря в эпоху греческой колонизации стоял на 4–5 м ниже современного (Щеглов, 1981. С. 112–113). Именно этот исследователь справедливо отметил, что многие десятки, если не сотни метров прибрежной линии, в настоящее время «съедены» морем, а в период греческой колонизации «прибрежные районы были совершенно неузнаваемы и несопоставимы с нынешними» (Там же. С. 113). Мы, в свою очередь, к этому добавим, что изучение современных абразионных процессов береговой зоны, которое проводилось в устьевой области реки Дон и в Азовском море, показали высокую их скорость и, особенно в Северо-таганрогском районе, где она колеблется от 1,1 до 0,6 м/г (Матишов и др., 2006. С. 152–155). Следовательно, при решении вопросов, связанных с наличием или отсутствием участков, где располагалась хора причерноморских греческих колоний, следует обязательно учитывать то обстоятельство, что значительные площади прибрежной зоны большинства этих колоний сегодня находятся на дне моря.

Комплексный анализ всей совокупности источников с широким привлечением данных новейших естественнонаучных исследований позволил установить, что в VII–VI вв. до н.э., т.е. в период, приходящийся на пик «фанагорийской регрессии», когда уровень Азовского моря был на 5,0–5,5 м ниже современного, Таганрогского залива не существовало (Копылов, Рылов, 2006. С. 91). Было установлено, что во время относительно краткосрочной фанагорийской регрессивной фазы, в результате отступления вод Азовского моря, в вершинной части Таганрогского залива образовалась суша площадью около 1500 кв.км с чрезвычайно плодородными землями. Следовательно, греческие колонисты, появившиеся и обосновавшиеся в районе Таганрогского мыса в третьей четверти VII в. до н.э., располагали значительными запасами высокоплодородных земель, которые ныне скрыты водами Таганрогского залива. Именно здесь должна была находиться хора милетской колонии Кремны. Сопоставление разновременных палеогеографических карт с современными наблюдениями за интенсивностью абразии берегов показали, что максимальная величина разрушений происходила в юго-восточной части Таганрогского залива, где древнеазовская береговая линия проходила в 3–6 км севернее современной. Реконструкция уровня «фанагорийской регрессии» показывает, что к пику этой фазы море прекратило свое отступление, достигнув отметки 5,0–5,5 м. Впоследствии замедление оттока воды приводит сначала к заболачиванию устьевой области р. Танаис, а затем и к полному восстановлению исходных контуров древнеазовского залива. Окончательно береговая линия складывается в ходе наступившей нимфейской фазы трансгрессивного развития Азово-Черноморского бассейна.

Результаты палеогеографической реконструкции позволяют считать, что ранняя греческая колония гавань Кремны располагалась на низкой террасе под береговым обрывом у основания Таганрогского мыса, на берегу исключительно богатого рыбными запасами пресноводного озера (рис. 3). Именно это место являлось наиболее предпочтительным для основания гавани. В этой связи интерес представляет тот факт, что Меотида в античных источниках неизменно представляется озером. Согласно Арриану [29. (19 Н)]⁵⁹ Танаис «вытекает из Меотийского озера и впадает в море Эвксинского Понта».

Важным компонентом окружающей среды является климат, однако воссоздание клима-

⁵⁹ Цитируется в соответствии с переводом П. И. Прозорова – Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-на-Дону. 1990. С. 313.

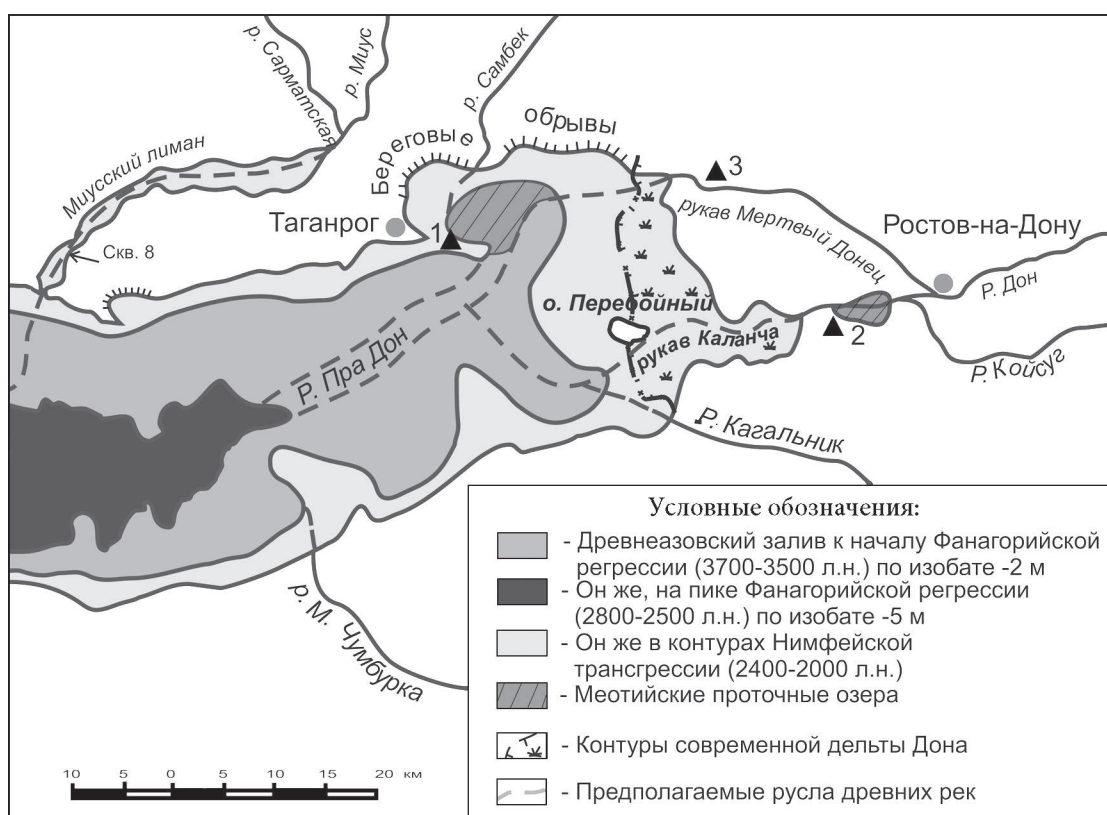

Рис. 3. Палеогеографическая реконструкция береговой линии вершины Таганрогского залива и места греческих поселений: 1 – Таганрогское поселение; 2 – Елизаветовское поселение; 3 – Танаис

тических условий рассматриваемого региона для первой половины I тыс. до н.э., сопряжено с большими трудностями (Синицын, 1980. С. 202). Тем не менее, большинство исследователей единодушны в том, что в голоцене на юге Русской равнины отсутствуют следы единой ксеротермической эпохи, катастрофической по своим последствиям (Гаврилюк, 1989. С. 7 сл.).

Так, наши исследования в 2005–2007 гг. долговременного поселения скотоводов и рыбаков позднего периода эпохи бронзы Малахов Ерик II в дельте Дона, позволяет утверждать, что в тот период уровень стояния грунтовых вод на островной части дельты Дона был значительно ниже современного (Копылов и др., 2008. С. 106–107). Открытие в северной, самой высокой части «акрополя» Елизаветовского поселения остатков слоя позднего периода эпохи бронзы (кобяковская культура), на существование которого указывала в свое время Т. Н. Книпович (Книпович, 1935. С. 175), позволяет утверждать, что в поздний период эпохи бронзы дельта Дона была заселена значительно шире, чем это представлялось раньше. Данные, полученные в ходе раскопок курганов Елизаветовского могильника (Брашинский и др., 1978. С. 109), свидетельствуют, что в эпоху ранней и средней бронзы уровень грунтовых вод в дельте Дона был ниже современного. Следовательно, утверждение о том, что в III–II тыс. до н.э., в период «ново-черноморской трансгрессии», произошло затопление большинства участков донской дельты и «лишь небольшая гряда островков одиноко возвышалась над водой» (Лукьяшко, 1992. С. 19), очевидно, не соответствует истинному положению дел. В противном случае высокий уровень стояния грунтовых вод, последовавший при таком глобальном затоплении, не позволил бы сооружать в дельте Дона глубокие могильные ямы для погребений, относящихся к раннему и среднему бронзовому веку.

Новые материалы исследований, в сопоставлении с результатами обобщения уже имеющихся данных по реконструкции природно-климатической и палеогеографической обстанов-

ки в позднем голоцене для восточного и северного районов Азовского моря (Хрусталева, Ивлиева, 2001. С. 79–88; Федоров, Беляев, 2004. С. 16; Горлов и др., 2002. С. 248–256; Болиховская и др. 2002. С. 257–271; Горлов и др., 2005. с. 97–101), позволили с новых позиций обратиться к проблемам, связанным с началом освоения греками устьевой области р. Танаис.

Самой крупной водной артерией региона является р. Дон, водный сток которого в прошлом веке измерялся в пределах 29–22 куб. км/год (Кутилин, Смагина, 1995. С. 45–47). Очевидно также, что и т.н. малые реки: Миус, Кагальник, Мокрый Еланчик, Самбек, Морской Чулек, Сухая и Мокрая Чубурка, – судя по их хорошо выраженным долинам, были в античное время намного полноводнее и поэтому могли быть пригодными для судоходства.

В водоемах Нижнего Дона еще недавно встречалось свыше 80 видов рыб, относящихся к 11 семействам: осетровые (белуга, стерлядь, осетр, севрюга), сельдевые (4 вида), карповые (27 видов), сомовые, тресковые (налим) и окуневые (судак, окунь, берш). Мелководное, хорошо вентилируемое и прогреваемое, насыщенное органическими, а также минеральными веществами Азовское море исключительно богато рыбой. По относительной эффективности рыбного промысла оно не имело себе равных в мире (Ростовская область, 1957. С. 19). До 1941 г. на одном гектаре морской площади вылавливали 74 кг рыбы. Распределение отдельных видов рыб в Азовском море зависит от географии, количества и качества кормовой массы и солености воды. Если соленость воды у Керченского пролива достигает 17,5%, в центральной части моря – 10–11%, то в восточной всего 2–3%. Вследствие этого в Таганрогском заливе хорошо приживаются судак, лещ, карповые. Рыбные богатства Меотиды в античное время нашли свое отражение в нумизматике Пантикапея – столицы Боспорского государства. На монетах этого полиса представлены практически все виды осетровых: белуга, севрюга, стерлядь (Stolba, 2003. Р. 122–123. Fig. 3). О рыбных богатствах устьевой области р. Танаис в античное время свидетельствуют данные, полученные в ходе недавних исследований, проведенных в Мадридском университете (Morales et al., 2007. Р. 117–172).

Имеющиеся данные о фауне Нижнего Подонья в I тыс. до н.э. позволяют также говорить о ее богатстве. Только изучение костных остатков млекопитающих из Елизаветовского городища свидетельствует о том, что в V–начале III в. до н.э. в устьевой области р. Танаис водились: олень благородный, лось, сайга, тур, дикий кабан, лисица, волк, рысь, заяц, бобр (Мягкова, Байгушева, 1996. С. 95. Табл. 1).

Для Нижнего Дона, по данным метеонаблюдений, преобладающими являются ветры восточных и западных составляющих, на долю которых приходится, соответственно, 53% и 35%. Практический интерес для древних греков могли представлять сильные ветры (более 15 м/с). Их средняя повторяемость для акватории Таганрогского залива составляет до 54 дней в году. Восточный ветер – «верховка», на долю которого приходится 31%, может вызвать сгон воды из Дона и Таганрогского залива и привести к значительному (до 2,5 м) понижению их уровня. Сильный юго-западный нагонный ветер – «низовка», наоборот, повышает уровень воды в этой части Азовского моря до 2 м. Наиболее интенсивные сгоны воды наблюдаются в сентябре–ноябре, нагоны – в июле–августе (Кутилин, Смагина, 1995. С. 45–47). Ветры юго-западных румбов сильно увеличивают придонные течения в водах Таганрогского залива, схема направлений которых была составлена по данным дешифрирования аэро- и космоснимков.

О сильных зимних ветрах в степях Нижнего Дона в древности свидетельствует информация, которую мы находим в «Описании ойкумены» Дионисия Александрийского (Перизгета) труде, созданном между 117 и 138 гг. при императоре Адриане (Илюшечкина, 2005. С. 214 сл.). Дионисий, использовавший, по мнению М. И. Ростовцева, сведения восходящие еще к древнеионийским авторам (Ростовцев, 1925. С. 81 сл.), давая описание Танаиса отмечает, что эта река, «...кружа по земле савроматов, протекает по Скифии и впадает в Меотийское озеро»

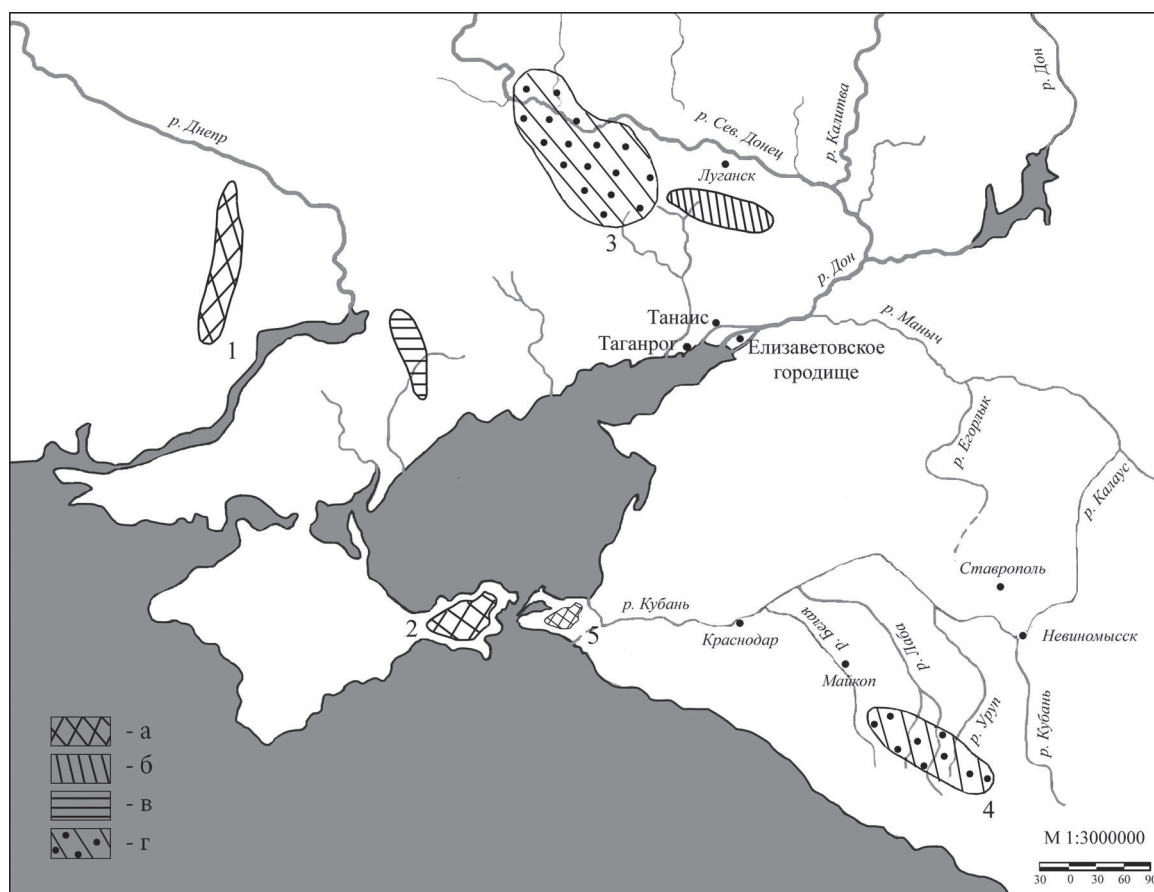

Рис. 4. Карта-схема важнейших горнорудных месторождений. Условные обозначения: а – железорудные районы (1 – Криворожский, 2 – Керченский, 5 – Таманский); б – золото-полиметаллические месторождения Нагольного кряжа; в – марганцевые руды; г – золото-меднорудные районы (3 – Бахмутская котловина, 4 – Урупо-Лабинский горный узел)

[Dion. Per. 10–15]. О суровом климате Скифии свидетельствует и Геродот [Hdt. IV. 28]. Страбон также отмечает, что «вся эта страна очень холодна вплоть до мест, лежащих между Борисфеном и устьем Меотиды: из приморских областей холодным климатом отличаются самые северные, именно устье Меотиды...» [Strabo IV. 3, 18].

Результаты палинологических исследований донных отложений Таманского полуострова с параллельным определением их радиоуглеродного возраста позволяют соотнести хронологический интервал, связанный с появлением греков в районе Таганрогского мыса с максимумом «фанагорийской регрессии» (2700–2500 л.н.) и отметить подавляющее господство открытых степных ландшафтов на исследуемой территории (Болиховская и др., 2002. С. 257–272).

Реконструкция климата степного Приазовья по палеопочвенным материалам позволила Л. С. Песочиной установить цикличность развития почвообразовательных процессов в голоцене и разработать концептуальную модель разнопериодной динамики природных условий Приазовья (Песочина, 2007. С. 121). По ее данным чередование аридных и гумидных фаз вызывало смену подтипа черноземообразования и цикличность изменчивости многих процессов, а рубежи оптимума, который имеет ярко выраженный 2000-летний ритм, фиксируются в середине III тыс. до н.э. и в середине I тыс. до н.э., которые свидетельствуют о наиболее благоприятных условиях для гумусообразования за последние 5000 лет (Там же. С. 122). Далее Л. С. Песочина отмечает, что по палеогеографическим данным эти периоды фиксируются

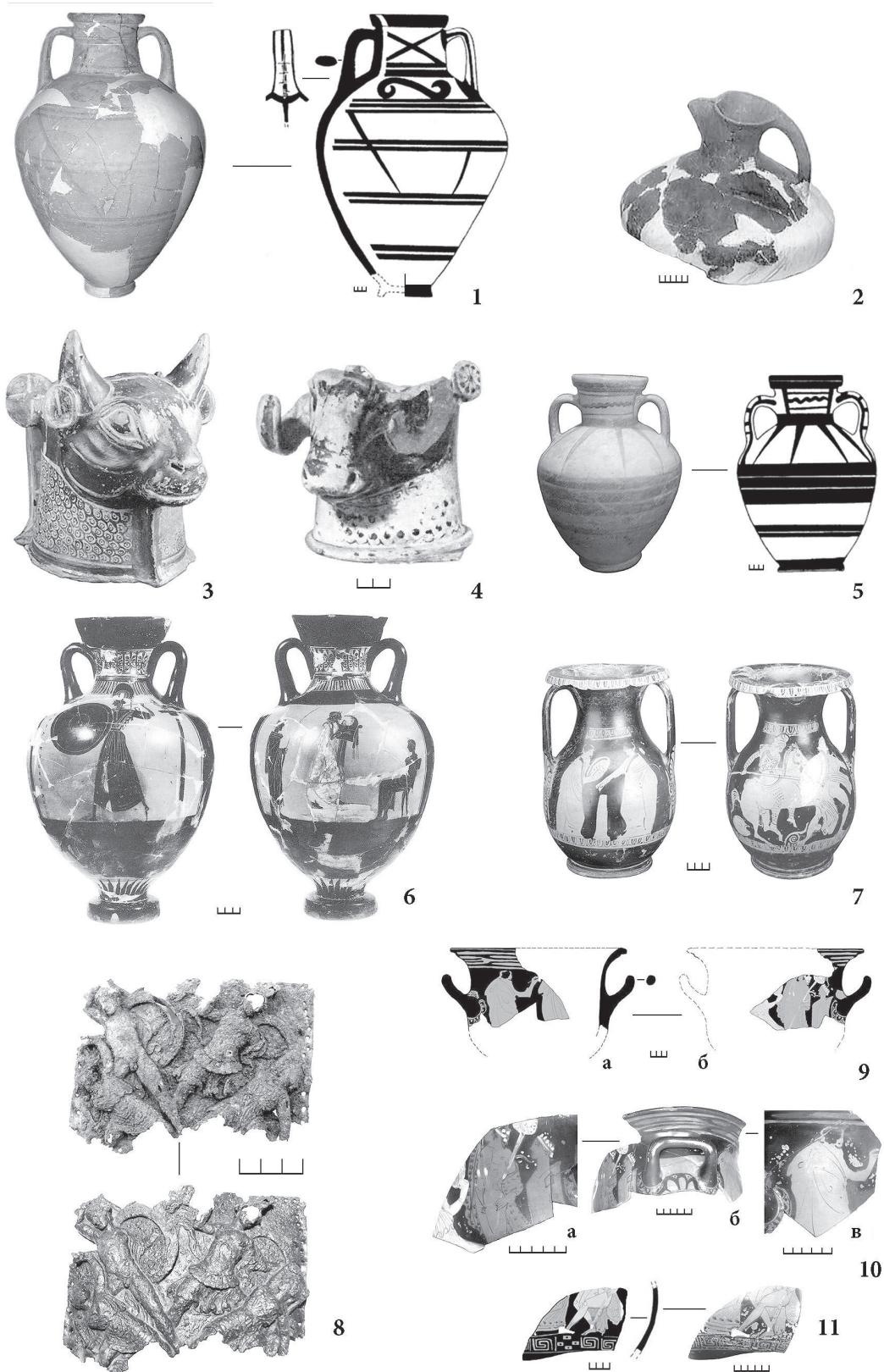

Рис. 5. Престижные предметы из скифских памятников Нижнего Дона: 1-5 – греческая импортная керамика из элитных скифских погребений VII-VI вв. до н.э.; 6-8 – престижные предметы из погребений Елизаветовского могильника V-IV вв. до н.э.; 9-11 – фрагменты двух краснофигурных кратеров из Елизаветовского городища

вались как высокообводненные, отмечалось резкое похолодание, и они соответствуют пониженной солнечной активности (Там же). Следовательно, данные естественнонаучных дисциплин подтверждают сведения античных письменных источников о характере климата в скифо-античный период в Нижнедонском историко-культурном районе.

Давая оценку минерально-сырьевых ресурсов Подонья современные специалисты отмечают, что эта область бедна рудными ресурсами. Однако расположение устьевой области р. Дон на пересечении основных водных и сухопутных транспортных коммуникаций (Копылов, 1994. С. 89–91) позволяло получать древнему населению этого района медь, серебро, золото и другие металлы из металлорудных районов уже в эпоху ранней бронзы, когда начала формироваться Циркумпонтийская металлургическая провинция (Иванова, 2010. С. 198). Специалисты прослеживают уже в эпоху бронзы пути движения кавказского металла и, отчасти, готовых изделий. Один из таких путей пролегал вдоль побережья Азовского и Черного морей, другой, менее интенсивный – по Волге до Южного Урала (Там же. С. 200).

Комплексное изучение хозяйства катакомбных племен и основных рудопроявлений позволило утверждать, что уже катакомбные племена донецкой культуры активно разрабатывали не кавказские, а местные месторождения Донбасса. Важно отметить, что только на горных выработках, где имеются непромышленные залежи медных руд, которые расположены недалеко от современной станции Попастная, за все время (до XVII в.) было добыто 30 тыс. тонн руды, из которой получено не менее 3 тыс. тонн металла (Дорофеев и др., 2002. С. 94). Кроме того, на Нагольном кряже около современного села Нагольная Тарасовка были обнаружены следы древних горных работ на полиметаллическом рудопроявлении. Свинцово-цинковое оруденение известно также в Бахмутской котловине недалеко от меднорудных карьеров (Там же. С. 94). Именно поэтому уже в памятниках позднего энеолита–ранней бронзы большинство металлов в погребениях и производственный инвентарь, связанный с металлообработкой, концентрируется в Донецко-Луганском регионе и Северо-Восточном Приазовье (Иванова, 2002. С. 25). Довольно убедительным представляется поступление металлов населению Приазовья из района Бахмутской котловины по речным коммуникациям и, прежде всего, по р. Крынка, являющейся правым притоком р. Миус⁶⁰.

Металл и изделия из меди, обнаруженные в Волго-Уралье и на территории Среднего Поволжья, по своему происхождению в подавляющем большинстве случаев из Каргалинского меднорудного месторождения (Оренбургская обл.), которое функционирует как важный центр горняков и металлургов уже в середине II тыс. до н.э. (Черных, Мартинес-Наваррете, 2005. С. 66–68). Исследования Е. И. Черных показали, что доля импортного металла кавказского происхождения возрастает только на Дону и в Приазовье (Черных, 1997. С. 77). Однако Э. С. Шарафутдинова отметила, что по химическому составу металл отдельных изделий, обнаруженных на памятниках кобяковской культуры, связывается с волго-камской и волго-уральской химико-металлургическими группами, что свидетельствует о поступлении этого металла из Прикамья и с Урала. Далее она указывала, что металлообработка у кобяковских племен находилась под влиянием нескольких металлургических очагов: волго-уральского по химическому составу и северопричерноморского по типологии изделий, а также не исключает и влияния прикубанского очага (Шарафутдинова, 1980. С. 64). Анализ археологических материалов, проведенный В. С. Бочкаревым, свидетельствует, что прикубанский очаг металлургии также функционировал с эпохи бронзы (Бочкарев, 1996. С. 96–97). Кобяковское поселение на Нижнем Дону существовало в промежутке, определяемым X–началом VIII в. до н.э., и радиоуглеродный анализ по жилищу 1, открытому на Кобяковском поселении, согласуется с археологической датировкой кобяковской культуры (Шарафутдинова. 1980. С. 69–70).

⁶⁰ Искренне признательны к.г.-м.н, доценту кафедры полезных ископаемых ЮФУ В. Г. Рылову за консультации и советы.

Железо населению степного Приазовья в рассматриваемый период поступало, очевидно, с Тамани, где месторождения железных руд осмотрел еще в 1795 г. академик А. С. Палас (Черницын и др., 1971. С. 25). По мнению Н. Е. Ефремова, изучившего минеральный состав железных руд Тамани и Северного Кавказа, железо, перенесенное древней Кубанью, было отложено в лагуне, существовавшей на территории Таманского полуострова, и эти залежи сформировались за счет разрушения первоосновных пород Передового хребта (Там же. С. 28). Местонахождение железных руд на северном склоне Главного Кавказского хребта известно в Зеленчук-Белоречинском бассейне и Малкинском бассейне (Там же. С. 135). Можно предположить, что железо могло поступать в устьевую область р. Танаис и из этих месторождений, а уже оттуда, в виде металла или железных изделий, расходилось по степному Приазовью (рис. 4).

Открытия, сделанные на Нижнем Дону, позволяют переоценить значимость устьевой области р. Дон в структуре Северного Причерноморья и рассматривать ее как один из основных районов «Великой Скифии», где международные контакты фиксируются археологически наиболее четко на протяжении всего скифо-античного периода.

Присутствие престижной импортной греческой керамики последней трети VII–первой половины VI в. до н.э. в составе погребального инвентаря скифских захоронений на Нижнем Дону (рис. 5, 1–5) служит свидетельством особого статуса нарождающейся здесь элиты скифского общества (царские скифы). Характерно, что этот признак обнаруживается только в тех регионах, к которым греки проявляли особый интерес. Очевидно, геополитическая ситуация в устьевой области р. Танаис в этот период еще не способствовала созданию «разделяющего греков и варваров барьера взаимного отчуждения» (Андреев, Марченко, 2005. С. 404). Именно поэтому основная концентрация раннескифских погребальных памятников фиксируется в низовьях Танаиса, где еще в поздний период эпохи бронзы функционировала одна из основных переправ, которая в представлении греков являлась связующим звеном между Европой и Азией. После основания в дельте Дона скифского городища основная масса престижных греческих предметов встречена в элитных погребениях Елизаветовского могильника (рис. 5, 6–8), а также в слоях скифского времени одноименного городища (рис. 5, 9–11).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев Ю. В., Марченко К. К. Основные теоретические и методологические аспекты греко-варварских контактов в Северном Причерноморье скифской эпохи // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. Коллективное исследование. СПб. 2005.
- Болиховская Н. С., Горлов Ю. В., Кайтамба М. Д., Мюллер К., Поротов А. В., Парунин О. Б., Фуаш Э. Изменения ландшафтно-климатических условий Таманского полуострова на протяжении последних 6000 лет // ПИФК. М.; Магнитогорск. 2002. Вып. XII.
- Бочкарев В. С. Новые данные о прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э.: Мат-лы конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. А. Иессена. СПб. 1996.
- Брашинский И. Б., Копылов В. П., Яковенко Э. В. Раскопки Елизаветовского могильника // АО 1977 года М. 1978.
- Гаврилюк Н. А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев. 1989.
- Горлов Ю. В., Поротов А. В., Янина Т. А., Фуаш Э., Мюллер К. К вопросу о историко-географической ситуации на Таманском полуострове в период греческой колонизации // ПИФК. М.; Магнитогорск. 2002. Вып. XII.
- Горлов Ю. В., Кайтамба М. Д., Поротов А. В. Палеоэкологический фактор в социально-экономическом развитии Боспора Киммерийского // Боспорский феномен. Проблемы соотношения письменных и археологических источников. СПб. 2005.
- Дорофеев В. Н., Горовой А. Ф., Бровендер Ю. М. Полезные ископаемые Донбасса в доугольный период //

- Проблемы геологии, полезных ископаемых и экологии Юга России и Кавказа: Мат-лы III междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию проф. А. В. Пэка. Т. I. Минерагеня, полезные ископаемые и минералогия. Новочеркасск. 2002.
- Житников В. Г. Дельта Дона в скифское время // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону. 1992.
- Иванова С. В. 2002. Ямные погребения Северо-Западного Причерноморья с украшениями из металла // ДА. 2002. № 3–4.
- Иванова С. В. Торговые пути в Юго-Восточной Европе в раннем бронзовом веке // Terra cognoscibilis: культурное пространство между Балканами и Великой Степью в эпоху камня – бронзы. Одесса. 2010 (МАСП. Вып. 11).
- Илюшечкина Е. В. Дионисий Александрийский (Периэтет). Описание ойкумены / Вступительная статья, перевод с древнегреч. и коммент. // ВДИ. 2005. № 4.
- Книпович Т. Н. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 104.
- Копылов В. П. О транспортных сухопутных коммуникациях, проходящих через дельту Дона, в скифское время // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. ТД междунар. конф., посвящ. 95-летию Б. Н. Гракова. Запорожье. 1994.
- Копылов В. П. Этапы развития греко-варварских отношений в Нижнедонском культурно-историческом регионе в скифо-античный период // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы: X Боспорские чтения. Керчь. 2009.
- Копылов В. П., Коваленко А. Н., Андрианова Н. В., Янгулов С. Ю. Исследования совместной Южно-Донской экспедиции на островной части дельты Дона // ИАИАНД. 2006. Азов. 2008. Вып. 23.
- Копылов В. П., Рылов В. Г. Историко-географические предпосылки начала освоения греками устьевой области реки Танаис // Древнее Причерноморье. Сб. статей, посвящ. 85-летию со дня рожд. проф. П. О. Карышковского. Одесса. 2006.
- Кутилин В. С., Смагина Т. А. Природа, население и хозяйство Ростовской области. Ч. 1. Ростов-на-Дону. 1995.
- Лукьяшко С. И. Природные условия и ресурсы Нижнего Дона в I тысячелетии до н.э. // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону. 1992.
- Марченко К. К. Экологическая ситуация и культуругенез в Северо-Восточном Приазовье – Нижнем Подонье скифской эпохи // ВДИ. 1995. № 4.
- Матишов Д. Г., Иевлева О. В., Беспалова Л. А., Сорокина В. В., Иевлев П. П. Современные скорости абразии и состояние берегоукрепительных сооружений российского побережья Азовского моря // Тр. ЮНЦ. Т. I. Геология. Ростов-на-Дону. 2006.
- Миллер А. А. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры в 1926 и 1927 гг. // СГАИМК. 1929. Т. II.
- Мягкова Ю. Я., Байгушева В. С. Этнические и экологические аспекты в использовании млекопитающих Елизаветовского городища // МОБЧМ. ТД VIII междунар. научн. конф. (20–25 мая 1996 г.). Ростов-на-Дону. 1996.
- Песочина Л. С. Палеоэкологические условия степного Приазовья в эпоху раннего железа и средневековья // МОБЧМ: Мат-лы XII междунар. научн. конф. (26–31 мая 2007 г.). Ростов-на-Дону. 2007.
- Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л. 1925.
- Ростовская область за 40 лет / Науч. ред. А. И. Газулов, А. М. Литвинов, П. Г. Шумилин. Ростов-на-Дону. 1957.
- Синицин В. М. Введение в палеоклиматологию. Л. 1980.
- Федоров Ю. А., Беляев А. Г. Биогенные вещества в зоне смешения река Дон – Азовское море. Ростов-на-Дону. 2004.

- Хрусталеv Ю. П., Ивлиева О. В. Ландшафты Азовского моря // Среда, биота и моделирование экологических процессов в Азовском море. Апатиты. 2001
- Щеглов А. Н. Выступление в дискуссии // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации: Мат-лы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо–1979. Тбилиси. 1981.
- Черницын В. Б., Андрущук В. Л., Рубцов Н. Ф. Металлогенические зоны Центрального и Северо-Западного Кавказа. М. 1971.
- Черных Е. И. Каргалы. Забытый мир. М. 1997.
- Черных Е. Н., Мартинес-Наваррете М. И. Распределение радиоуглеродных дат в культурном слое и за его пределами (поселение Горный, Каргалы) // Археология и естественно-научные методы. Сб. статей. М. 2005.
- Шамба Г. К. Предварительные итоги работ на Эшерском городище // Античные памятники Колхиды и Иберии. М. 1977 (КСИА. Вып. 151).
- Шамба Г. К. Раннеантичный импорт Эшерского городища (керамика) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси. 1979а.
- Шамба Г. К. Раскопки Эшерского городища и некоторые вопросы истории Диоскурии // Проблемы античной истории и культуры (Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран «Эйрене»). Ереван. 1979б.
- Шамба Г. К. Эшерское городище. Тбилиси, 1980.
- Шамба Г. К. Погребение VI в. до н.э. близ Сухуми // Античная археология. М. 1983 (КСИА. Вып. 174).
- Шамба Г. К. Северо-западная Колхида в VI в. до н.э. // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э.: Мат-лы IV Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-Вани 1985. Тбилиси. 1988.
- Шамба С. М., Шамба Г. К. Гиэнос – раннеантичный город Восточного Причерноморья. // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докл. и сообщ. семинара. Парутино. 1985.
- Шамба Г. К., Эрлих В. Р., Ксенофонтова И. В., Джопуа А. И. Работы на Эшерском городище в Абхазии // АО 2004 года. М. 2005.
- Шарафутдинова Э. С. Памятники предскифского периода на Нижнем Дону (кобьяковская культура). Л. 1980 (САИ. Вып. В1-11).
- Шеллов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М. 1970.
- Morales A., Antipina E., Antipina A., Roselló E. An ichthyoarchaeological survey of the ancient fisheries from the Northern Black Sea Coast // Archeofauna. 2007. Т. 16.
- Stolba V. F. Numismatic Evidence for Black Sea Fishing // Ancient Fishing and Fish processing in the Black Sea Region. 2003.

ВОЗМОЖНОСТИ СРАВНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ПРЕДМЕТОВ V–III вв. до н.э.

Е. М. Черных (г. Ижевск)

Этнокультурные связи ананьинского населения Западного Приуралья на всем протяжении существования этого культурного образования носили разносторонний характер и имели широкую пространственную ориентацию. Кавказ и, прежде всего, кобанская культура, в этом пространстве занимали весьма заметное место. Неудивительно, что кавказский вектор связей оказался наиболее полно изучен для раннего этапа ананьинской КИО (VIII–VI вв. до н.э.). В работах специалистов неоднократно рассматривались как формы этих связей, так их хронология и сами изделия (Tallgren, 1919; Збруева, 1952; Иессен, 1952; Смирнов, 1973; Халиков, 1977; 1989; Кузьминых, 1983; Членова, 1988; Погребова, Раевский, 1992; Терехова и др., 1997; Коренюк, 2000;

Васильев, 2002; 2004; Чижевский, 2005). В литературе сложилось мнение, что с VI в. до н.э. направление внешних связей ананьинцев меняется на степной (савромато-сакский) и восточный (сибирский) миры. Тем не менее, отдельные материалы из могильников и поселений Прикамья убеждают, что взаимоотношения местных племен с Кавказским регионом на позднем этапе АКИО отнюдь не исчерпали себя и заслуживают более детального рассмотрения.

Рис. 1. 1 – наносник с Эшерского городища; 2 – рукоять ножа с Зуевключевского I городища

К написанию данной работы автора статьи подтолкнула публикация любопытного предмета с Эшерского городища в Абхазии, датированного IV в. до н.э. (Шамба и др., 2005. С. 567). Он удивительным образом соотносится с некоторыми ананьинскими костяными изделиями V–IV вв. до н.э. с вятских и камских городищ (Ашихмина, Черных, 2006. Рис. 67–70). Предмет представляет собой деталь конской сбруи – наносник, украшенный тонкой гравировкой по кости. Образ животного (кабан) передан в сильно стилизованном виде (рис. 1, 1). В целом этот зверь довольно популярен в скифском искусстве, в т. ч. на предметах, связанных с убранством коня (псалии, уздечные бляхи, привески к сбруе). Для всех известных на Кавказе образцов общим является скифский канон, что, наверное, неудивительно, если принять во внимание особенности кавказского искусства времени скифской архаики (Виноградов, 1976. С. 148; Переводчикова, 1994). Изделия из кабаньих клыков появляются на Кавказе, по мнению Г. Н. Вольной, благодаря влиянию кочевников «второй волны» (Вольная, 2002. С. 91–92) как прямое заимствование или подражание известным савроматским подвескам-амулетам (Королькова, 2006. С. 105–124). Сами авторы находки и публикации видят за появлением подобных изображений в Центральной Абхазии влияние меото-скифского звериного стиля (Эрлих, Шамба, 2005. С. 164–171).

Близкая, на мой взгляд, аналогия эшерскому образцу имеется в коллекции Зуевключевского I городища на Каме (Черных, 2004. Рис. 9, 5). Это рукоять ножа, длиной 9,5 см, овально-прямоугольная в сечении; размеры сечения: внешние 2,4×1,5 см, внутренние 1,3×0,4 см. Рисунок на рукояти двухсторонний, выполнен в технике гравировки (рис. 1, 2). Это профильное изображение головы животного с неясными видовыми признаками. Характерным можно назвать изображение удлинённой морды, носогубных складок, зубастой пасти. Глаз показан в виде ромба, ноздри – уголком, большое ухо расположено на одной линии с глазом и ноздрей, заканчивается завитком. Такими же завитками обозначены углы пасти. В целом изображение чрезвычайно стилизовано, лишено выразительных акцентов, позволяющих определить вид животного, но перечисленные признаки выдают, скорее, хищника. Для ананьинской резной кости такая манера в целом не свойственна. Местные резчики по кости и рогу предпочтение отдавали технике объёмной и плоскорельефной резьбы, передаче наиболее существенных черт зверя минимумом выразительных средств (Ашихмина и др., 2006. С. 94). Предметы, подобные зуевключевской рукояти, также известны на Вятке, в коллекциях Буйского и Кривоборского городищ, где они, впрочем, выглядят одиночными и датируются не ранее IV–III вв. до н.э. По всей видимости, за этим соотношением двух весьма пространственно отдалённых предметов можно усматривать нацеленность векторов влияния, исходящих из одного очага, а именно, савромато-сарматского.

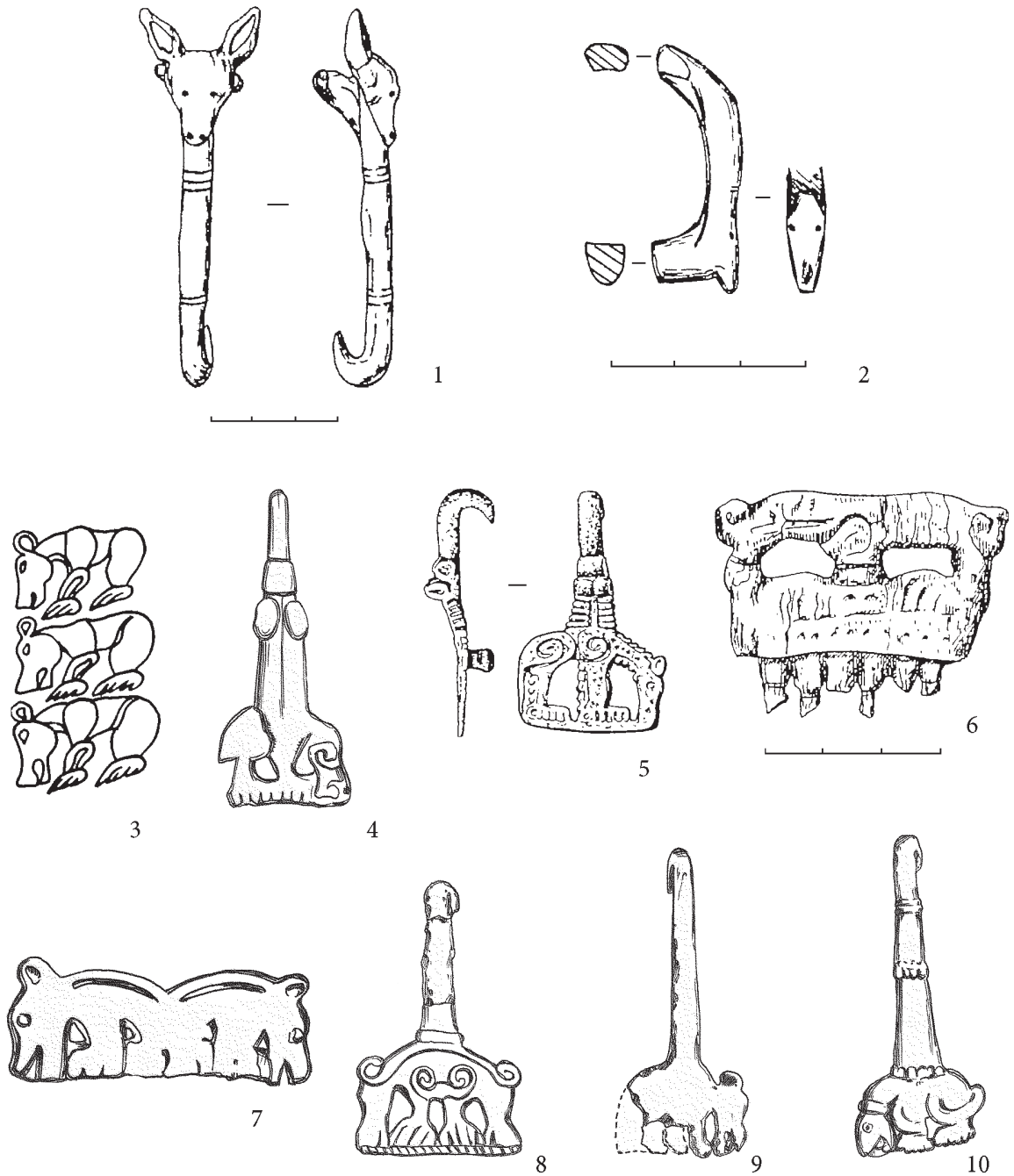

Рис. 2. Изделия с зооморфными изображениями с Кавказа (1, 5), Прикамья (2–3, 6–9) и Подонья (4, 10) (1–2, 6 – кость; остальное – бронза; 3 – прорисовка изображения на бронзовом чекане)

Среди находок с того же Зуевключевского I городища имеется предмет, представляющий собой, очевидно, обломок костяной пряжки, на тыльной стороне которой чудом сохранилось изображение головы животного с удлинённой мордой (рис. 2, 2). Глаза показаны небольшими круглыми углублениями, нос – углублением овальной формы, ушей нет. Это обстоятельство затрудняет атрибуцию зверя. В первоначальной версии хотелось бы увидеть изображение зайца. Этот образ в ананьинском зверином стиле не известен, но в скифском искусстве (откуда генерировались многие идеи в начале железного века) изображения зайца довольно многочисленны (Полидович, Вольная, 2005. С. 415–429), хотя их происхождение может и не быть

Рис. 3. Карта памятников, упоминаемых в статье: 1 – р. Сарабаиха; 2 – Гляденовское костеище; 3 – Пижемское городище; 4 – Буйское городище; 5 – Аргыжское городище; 6 – Ананьинский могильник; 7 – Шиповские курганы; 8 – Охлебининский могильник; 9 – Чурачикский могильник; 10 – «Частые» курганы; 11 – Мастюгино; 12 – Терновое-Колбино; 13 – Дуровка; 14 – Русская Тростянка; 15 – Кашеевка; 16 – Бажиган; 17 – Сержень-Юрт; 18 – Эшерское городище

связано собственно со скифами. Неожиданная параллель зувеключевской находке, как представляется, может быть найдена среди кобанских древностей. Е. Е. Васильева опубликовала несколько поясных крючков из дореволюционных находок в Кобани. Все крючки отлиты из бронзы. Изображение молодого бычка на одном из них (рис. 2, 1) общей манерой напоминает наше. Допускаю, что указанное сходство может быть случайным, однако, не кажутся случайными аналогии на предметах, относящихся к поясной гарнитуре. Специалистам по искусству звериного стиля поясные крючки такой конструкции хорошо известны: они имеют на одном конце расширение – зооморфный щиток со шпеньком с тыльной стороны, а на другом – собственно крючок, оформленный в виде головы/клюва хищной птицы. Е. Е. Васильева

(2005. С. 34–35) совершенно справедливо заметила, что традиция в изготовлении таких крючков на Дону и Кавказе формируется несколько позднее, чем в Прикамье, хотя, безусловно, подражание и копирование мотивов имело место во всех указанных областях.

В этой связи весьма любопытное сходство обнаруживается в изображении медведя на бронзовом поясном крючке, найденном у с. Бажиган (Северный Кавказ) и костяном гребне с ананьинского Буйского городища (рис. 2, 5–6). Совпадает и поза стоящего в профиль с опущенной головой («пьющего») зверя, и приемы его декорировки, несмотря на различия материала изготовления. Третьей областью, где известен данный мотив (помимо Прикамья и Кавказа), является район Среднего Дона (воронежская группа курганов). Идентичные изображения здесь встречены как на поясных металлических крючках (рис. 2, 4), так и на уздечных бляшках (Колбино, кург. 1, 6, 17; Русская Тростянка, кург. 1; Дуровка, кург. 9; Мастюгино, кург. 29/21; «Частые курганы»), датированных концом V–IV в. до н.э. (Либеров, 1965. Рис. 32, 13–14; Пузикова, 2001; Гуляев, 2010б. С. 219–221).

Стилистическое сходство всех указанных изображений зверя очевидно, на что обращали внимание многие исследователи. В своей ранней работе В. И. Гуляев (1969. С. 122–125) допускал, что донские экземпляры могли представлять собой заимствование от прикамских ананьинцев. Ананьинский импульс в появлении данного мотива на Дону не исключали В. С. Ольховский (1999. С. 185) и Л. Ю. Гончарова (2000. С. 59). В недавних тезисах В. И. Гуляева прозвучала мысль о независимом от мировоззрения лесных народов Прикамья генезисе культа медведя (и, очевидно, изобразительного мотива) в лесостепной и степной Скифии (Гуляев, 2010а. С. 198–199). Тем не менее, в искусстве донских племен середины I тыс. до н.э. этот образ был широко тиражирован (Гуляев, 2010б. С. 219–221).

В Прикамье количество находок того же хронологического диапазона меньше, но здесь известны и значительно более ранние артефакты, напр., трехфигурное изображение медведей на бронзовом чекане из-под Перми (рис. 2, 3), датирующемся не позднее VII в. до н.э. (Денисов, Коренюк, 2001. С. 141–142). Наиболее поздние поясные крючки с изображением стоящего медведя происходят из караабызских могильников среднего течения р. Белой в Башкирии Охлебининского и Шиповских курганов (рис. 2, 8–9), где они датируются IV–III вв. до н.э. (Овсяников, 2006. С. 173). Налицо и длительное переживание подобных изображений – до первых веков н.э. Примером могут служить металлические накладки из пьяноборских погребений Усть-Сарапульского и Красноярского (рис. 2, 7), и еще более многочисленные пронизки, выполненные в технике объемного литья (Первомайский, Тарасовский, Нармонский могильники, Гляденовское костыще).

Картографирование находок изделий с изображением стоящего в профиль медведя (рис. 3) позволяет наглядно реконструировать направление «дрейфа» данного мотива. Представляется, что именно в Прикамье он оформился в некий концепт (известен на костяных и металлических рукоятях, крючках, гребнях). Импульс из Прикамья был передан в донскую лесостепь, где его бытование оказалось ограничено только зооморфными крючками и бляшками узды, т. е. всаднической субкультурой IV в. до н.э. Находка подобного металлического крючка в Чурачикском могильнике на р. Цивиль в Чувашии наглядно демонстрирует это «продвижение». Дальнейший путь образа стоящего в профиль медведя на Кавказ отмечен находкой бронзового крючка в кургане IV в. до н.э. у хутора Кашеевка на Нижнем Дону (рис. 2, 10). Указанный путь хорошо укладывается в контекст историко-культурной ситуации второй половины IV–начала III в. до н.э. в Северо-Восточном Приазовье и Прикубанье, характеризующейся усилением Боспора, его торгово-обменных связей с варварской периферией и заключением союзнических связей с сарматами (Прокопенко, 1999. С. 20–30; Лукьяшко, 2000. С. 167–181). Можно допустить, что эти обстоятельства способствовали восстановлению прерванных в VI в. до н.э. связей между Кавказом и Прикамьем. Основным транслятором идей,

Рис. 4. Глиняная пластика: 1 – Сержень-Юрт; 2–11 – Прикамье

по всей видимости, в данной цепочке следует рассматривать Среднее Подонье, хотя бы по той простой причине, что количество находок здесь превосходит все известные подобные изделия из Прикамья и Кавказа.

Еще одна категория находок – это глиняная пластика. Она редко рассматривается в сравнительно-сопоставительном контексте, тем более, что в данном случае сравнение касается слишком далеких областей, принадлежащих к разным культурным системам.

Проведенное Т. А. Колобовой (2006) специальное исследование прикамской глиняной пластики с достаточной полнотой показало ее общие черты и особенности. Абсолютное большинство известных в Прикамье антропоморфов, датируемых IV–III вв. до н.э., – это миниатюрные скульптуры геометрической (конусовидной, призматической, цилиндрической) формы, богато декорированные резными, рельефными линиями, окружностями, насечками, ногтевидными отпечатками (рис. 4, 6–11). В семантической нагрузке этих предметов видят синтез мужских и женских образов, идеи рождения, творения, воспроизводства всего сущего, составлявшего мир древнего человека (Черных, Колобова, 2006. С. 147–149). Среди основной массы таких скульптурных изображений одинокими выглядят фигурки с выделенными руками и головой, моделированными в виде «буторков». В большой серии пластики (свыше 360 образцов) они составляют около 3%. Некоторые из этих фигурок поразительно напоминают позднекобанские, в частности, из коллекции поселения у аула Сержень-Юрт (рис. 4, 1). В коллекции уже упоминавшегося Зуевключевского I городища в Удмуртском Прикамье известны две подобных статуэтки, «руки»-выступы которых плавно переходят в конусовидный выступ головы (рис. 4, 2). Подобная натуралистическая манера для ананьинской глиняной пластики совершенно не свойственна. В то же время они обнаруживают близкие аналогии в памятниках лесостепных районов Скифии (Шрамко, 1999), Западной Сибири (Молодин и др., 2009), а также на Кавказе (Козенкова, 2001. С. 39).

За распространением антропоморфной глиняной пластики в лесостепной Скифии Б. А. Шрамко видит культ плодородия с присущими ему символическими обрядами и ритуалами. Кобанские статуэтки В. И. Козенкова связывает с ритуальными церемониями, направленными на задабривание и защиту от грозных сил природы, предков-покровителей; в некоторых из них, по ее мнению, можно усматривать изображения и живых людей, участников магических обрядов (Козенкова, 2001. С. 40). Изображения человека в пластическом искусстве Прикамья редки. Ананьинцам эта традиция была знакома, но для ранних памятников (VIII–VI вв. до н.э.) известны исключительно изображения человека в виде бронзовых литых фигурок из Старшего Ахмыловского могильника и бронзовых же личин. Что касается глиняной антропоморфной пластики, то время ее бытования приходится на завершающий этап АКЮ – IV–III вв. до н.э. Кардинально меняется и стилистика пластического искусства, но она вполне вписывается в те стереотипы, что распространяются в это время на обширных пространствах лесной зоны Восточной Европы и Сибири.

Пластика Бельского городища, Сержень-Юрта и отдельные находки с прикамских ананьинско-пьяноборских поселений хронологически одновременны, но территориальный разрыв между ними достаточно велик. Это сходство нельзя объяснить близостью хозяйственных занятий и природной среды. Можно допустить, что в какой-то исторический момент, а именно в третьей четверти I тыс. до н.э., для населения этих трех областей оказались общими мировоззренческие стереотипы, обусловившие сходство формальных характеристик культовой атрибутики. Любопытно, что в коллекции Зуевключевского I городища имеется уникальная фигурка, имеющая буквально «лицо». Глаза у антропоморфа (рис. 4, 3) показаны большими углублениями, еще более подчеркивающими большой и прямой «кавказский» нос.

Принимая во внимание высказанные наблюдения о сходстве отдельных категорий древностей из весьма удаленных друг от друга территорий и изобразительных приемов, использовавшихся их создателями, полагаю, что нельзя абсолютно исключать и какие-то прямые или опосредованные культурные контакты между ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ашихмина Л. И., Черных Е. М., Шталов В. А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н.э.). Ижевск. 2006.

- Васильев С. А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 2002.
- Васильев С. А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // АВ. 2004. № 11.
- Васильева Е. Е. Бронзовые зооморфные крючки кобанской культуры в собрании Государственного Эрмитажа // АСГЭ. 2005. Вып. 37.
- Виноградов В. Б. К характеристике кобанского варианта в скифо-сибирском зверином стиле // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М. 1976.
- Вольная Г. Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. (на материале скифо-сибирского звериного стиля). Владикавказ. 2002.
- Гончарова Л. Ю. Иконографические аспекты звериного стиля лесостепного Подонья V – начала III в. до н.э. // ДА. 2000. № 3-4.
- Гуляев В. И. Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время. М. 1969.
- Гуляев В. И. Культ медведя у населения Среднего Дона в скифскую эпоху // XVIII Уральское археологическое совещание: Культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа. 2010а.
- Гуляев В. И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М. 2010б.
- Денисов В. П., Коренюк С. Н. Чекан с р. Сарабаихи // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники. 2001. Вып. 1.
- Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. 5. М. 1952 (МИА. № 30).
- Иессен А. А. Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. 1952. Т. XVI.
- Козенкова В. И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М. 2001.
- Колобова Т. А. Глиняная пластика Прикамья: Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИИКНП УдГУ. Ижевск. 2006. Ф. 4/1. Д. 111.
- Коренюк С. Н. Ананьинская культура в трудах А. П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Мат-лы науч. конф. М. 2000 (Тр. ГИМ. Вып. 122).
- Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–V вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб. 2006.
- Кузьминых С. В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М. 1983.
- Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М. 1965 (САИ. Вып. Д1-31).
- Лукьяшко С. И. К реконструкции событий конца IV – начала III вв. до н.э. на Нижнем Дону // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М. 2000.
- Молодин В. И., Соловьев А. И., Соловьева Е. А., Чемякина М. А. 2009. Мелкая глиняная пластика Евразии (неожиданные параллели) // Проблемы археологии и истории Северной Евразии: Сб., посв. юбилею Л. А. Чиндиной. Томск. 2009.
- Овсянников В. В. Зооморфная металлопластика кара-абызской культуры // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию А. Х. Пшеничнюка. Уфа. 2006.
- Ольховский В. С. О поясных крючках эпохи раннего железа // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. ТД. Запорожье. 1999.
- Переводчикова Е. В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М. 1994.
- Погрехова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. М. 1992.
- Полидович Ю. Б., Вольная Г. Н. Образ зайца в скифском искусстве // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М. 2005.

- Прокопенко Ю. А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. Ставрополь. 1999.
- Пузикова А. И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М. 2001.
- Смирнов А. П. О культурных связях Кавказа с Поволжьем // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. 1973.
- Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М. 1997.
- Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М. 1977.
- Халиков А. Х. Ранние ананьинцы и киммерийцы // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов. 1989.
- Черных Е. М. Зуевоключевское I городище в Удмуртском Прикамье: некоторые итоги исследований // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет. Ижевск. 2004.
- Черных Е. М., Колобова Т. А. Глиняные фигурки Зуевоключевского I городища и некоторые вопросы их назначения и семантики // РА. 2006. №4.
- Чижевский А. А. Ананьинские (постмаклашевские) стелы // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М. 2005.
- Членова Н. Л. О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стелах и «отделившихся скифов» // Железный век. М. 1988. (КСИА. Вып. 194).
- Шамба Г. К., Эрлих В. Р., Ксенофонтова И. В., Джопуа А. И. Работы на Эшерском городище в Абхазии // АО 2004 года. М. 2005.
- Шрамко Б. А. Глиняные скульптуры лесостепной Скифии // СА. 1999. № 3.
- Эрлих В. Р., Шамба Г. К. К вопросу о влиянии прикубанского искусства на звериный стиль Центральной Абхазии // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. 2005. Вып. 5.
- Tallgren A. M. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie Orientale. Helsinki. 1919.

НИЖНЕДОНСКИЕ ДИАГОНАЛЬНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ IV в. до н.э.

И. Н. Парусимов (г. Ростов-на-Дону)

В настоящей статье речь идет о захоронениях, в которых погребенные лежат по диагонали по отношению к могильной яме. На Нижнем Дону погребения IV в. до н.э. с таким обрядом довольно редки: всего раскопано три могилы на территории современной Ростовской обл. (рис. 1). Из них только одно погребение дважды было полностью опубликовано. Остальные эпизодически упоминались в литературе, а их отдельные рисунки, не всегда правдоподобные, встречались в статьях.

Высочино VII, кург. 17 погр. 3 (рис. 2). Впервые диагональное захоронение было обнаружено в 1981 г. Е. И. Беспалым при раскопках мог-ка Высочино VII. Памятник располагался 3 км к СВ от с. Высочино в Азовском р-не. Курганы были вытянуты цепочкой по направлению ВЮВ–ЗСЗ. Погр. 3 было обнаружено в кург. 17, расположенном в восточной части группы.

До начала раскопок кург. 17 распахивался, имел высоту 0,67 м и диаметр 30 м (рис. 2, 1). В СЗ поле кургана было совершено погр. 3 (рис. 2, 2). Могильная яма в плане подпрямоугольной формы с сильно округленными углами, ориентирована по линии ЮЗ–СВ (ее размеры по верхнему контуру – 1,75×2,5 м, по дну – 2,1×2,9 м). Могила была впущена от уровня погребенной почвы на гл. 1,6 м. По ее периметру прослежен слой натоптанной глины. Яма засыпалась вырытым, слегка перемешавшимся, грунтом. Дно могилы покрыто камышовой подстилкой.

Погребенная взрослая женщина лежала в вытянутом положении на спине по диагонали по отношению к могильной яме, ориентирована на ЮЮЗ. Голова повернута, слегка наклонена влево. Руки расставлены в стороны от туловища. Левая нога слегка повернута влево.

Рис. 1. Расположение нижнедонских диагональных погребений IV в. до н.э. на территории Ростовской области: 1 – Высочино VII; 2 – Житков II; 3 – Приморский I

В погребении обнаружено два мясных отруба частей лошади, использованных в качестве ритуальной пищи: в Ю углу ямы – лопатка с конечностью и частью грудины лошади, в СВ углу – задняя конечность с тазом, позвонками и хвостом.

Погребальный инвентарь. В Ю углу ямы среди ребер лошади найден железный нож с горбатой спинкой и костяной рукоятью (рис. 2, 11). В СВ углу ямы, к Ю от костей лошади стоял лепной горшок с косыми насечками по венчику (рис. 2, 10). К Ю от него найден гончарный серолощенный двуручный сосуд (рис. 2, 13), а в СЗ части ямы – серолощенный кувшин (рис. 2, 5). К ЮЗ от последнего был обнаружен крупный фрагмент стенки оранжевоглиняной амфоры.

К западу от головы погребенной лежал комок румян темно-бурого цвета с мелкими включениями малинового оттенка. К ЮЗ от них обнаружены остатки деревянного сосуда с бронзовыми и серебряными скобами. К западу от левого плеча найдены фрагменты деревянного сосуда с золотыми и серебряной пластинчатыми орнаментированными обкладками (рис. 2, 9). Можно предположить, что фрагменты со скрепами и обкладками относились к одному деревянному сосуду – миске (чаше). Между левым предплечьем и тазом была обнаружена закопченная галька (рис. 2, 3).

По-видимому, на черепе погребенной был головной убор, расшитый в шесть горизонтальных рядов полусферическими золотыми бляшками – 668 экз. (рис. 2, 6). В расшивку головного убора, возможно, также входили миниатюрные бусины из желтого стекла. Грудная часть одежды была расшита золотыми бляшками в виде скругленного конуса в один горизонтальный ряд – 253 экз. (рис. 2, 6). Обшлага рукавов, вероятно, были расшиты стеклянными бусами (рис. 2, 4). На шее погребенной найдена золотая гривна (рис. 2, 8). Золотое кольцо было надето на безымянный палец правой руки (рис. 2, 7). Бронзовое зеркало в древности было сломано на три части и располагалось справа у головы (рис. 2, 12).

Житков II, кург. 3 погр. 2 (рис. 3). Еще одно погребение обнаружено Е. И. Беспалым и И. Н. Парусимовым в 1986 г. при раскопках мог-ка Житков II. Курганный могильник находил-

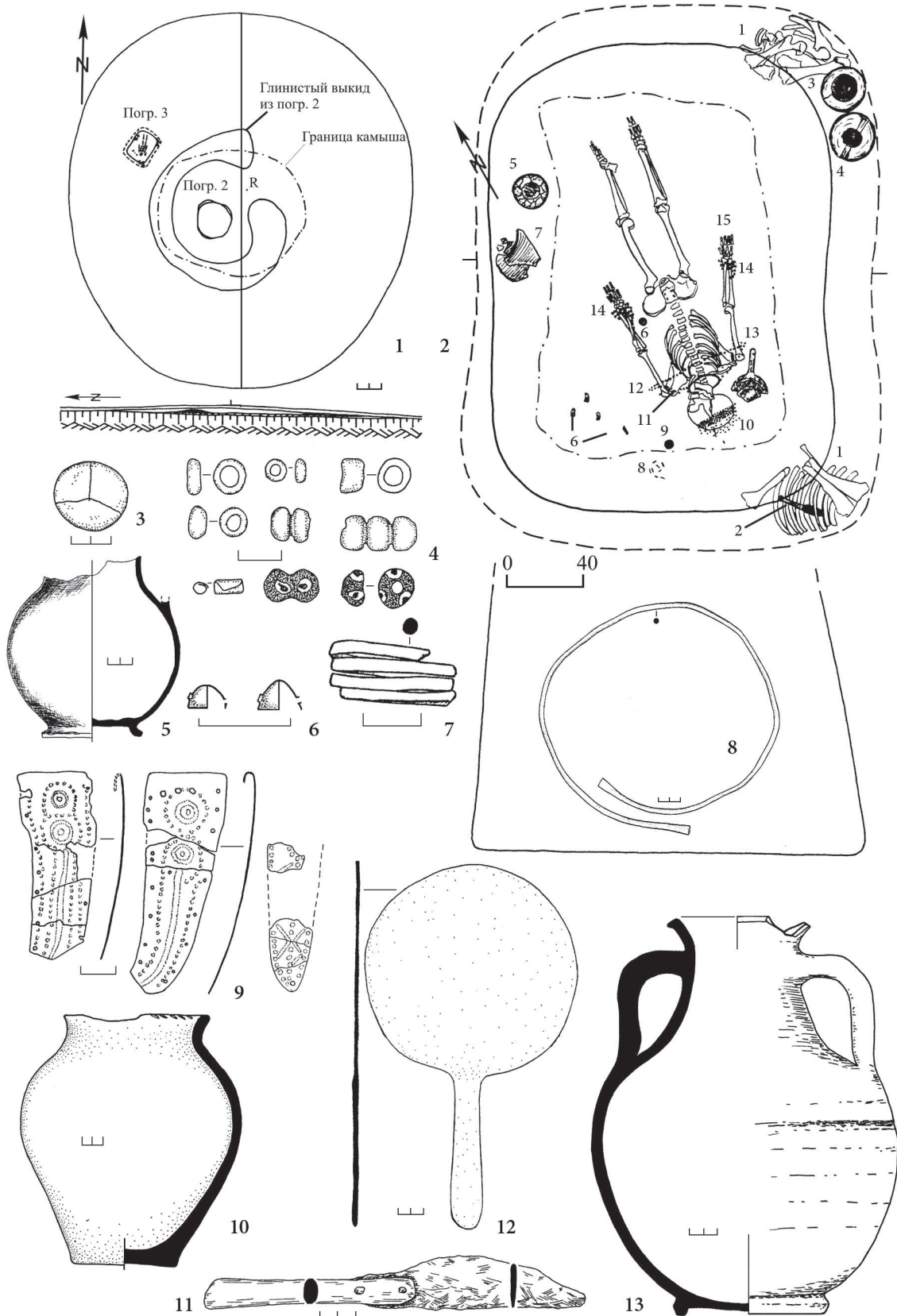

Рис. 2. Высочино VII, курган 17 погребение 3: 1 – план и профиль кургана; 2 – план и разрез погребения; 3–13 – погребальный инвентарь (3 – камень; 4 – стекло; 5, 10, 13 – глина; 6–8 – золото; 9 – золото и серебро; 11 – железо, кость; 12 – бронза)

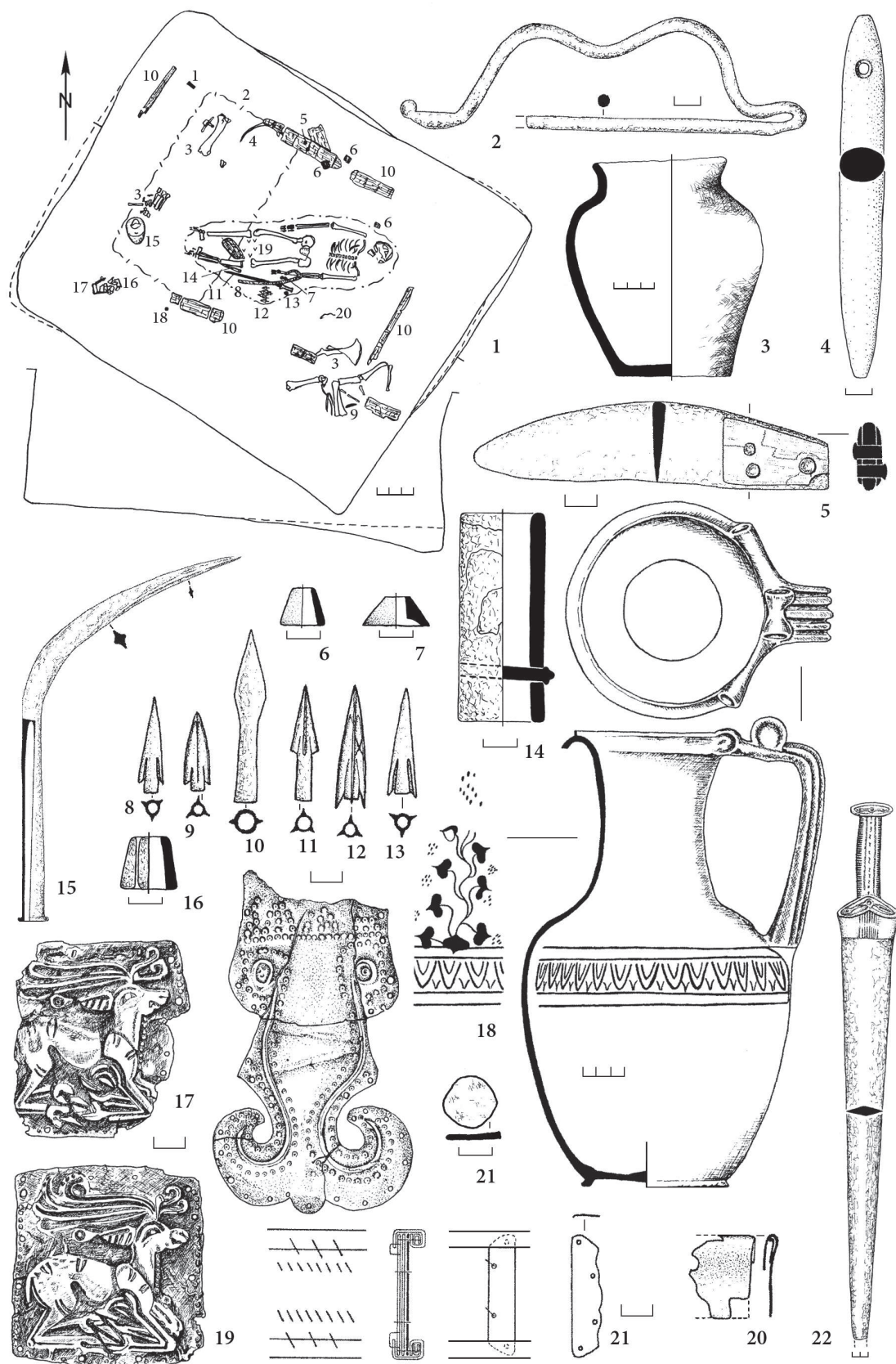

Рис. 3. Житков II, курган 3 погребение 2: 1 – план и разрез погребения; 2–22 – погребальный инвентарь (2, 10, 15–16 – железо; 3, 18 – глина; 4 – камень; 5 – железо, кость; 6–9, 12–13, 19–20 – бронза; 17 – золото; 22 – железо, плакировка золотом)

Рис. 4. Приморский I, курган 81 погребение: 1 – план и профиль кургана; 2 – план и разрез погребения; 3–13 – находки и погребальный инвентарь (3, 11 – бронза; 4 – кость; 5 – глина; 6–7, 9, 12–13 – железо; 8 – камень; 10 – железо, кость)

ся на водоразделе балок Житкова и Казачий Хомутец, на левом берегу р. Маныч, в 5 км к Ю от поселка Веселый одноименного р-на. Кург. 3 был высотой 0,35 м и диаметром 20 м. Погр. 2 было совершено на гл. 2,87 м. Могильная яма размерами 3×3,7 м была ориентирована по оси СЗ–ЮВ (рис. 3, 1). Дно ямы от середины длины понижалось к В на 0,25 м, перед совершением погребения было подсыпано до горизонтального уровня глиной. В гумусном заполнении обнаружены кости лошади и остатки перекрытия: плахи, камыш, ветки, кожа. Под ЮВ стенкой вертикально стояли деревянные столбики диам. до 5 см.

На дне расчищен саркофаг, состоящий из деревянной рамы размерами 1,6×3 м, собранной из плах размерами 7×12 см и 9×20 см. Плахи рамы соединялись между собой шиповым способом, были перекрыты слоями веток и камыша.

Погребенный мужчина лежал вытянуто на спине, головой на В. Голова повернута вправо. Ноги слегка согнуты в коленях. Правая рука чуть согнута в локте. В ногах, на дне ямы расчищена камышовая подстилка размерами 1×1,7 м. Под погребенным прослежен коричневый тлен. Между колен были найдены отдельные угольки.

Ритуальная пища состояла из частей туши лошади: к СЗ от стоп находилась часть хребта, к С – бедренная кость и позвонок, а в Ю части ямы лежали грудная часть с ребрами, передняя и задняя конечности, включая лопатку и таз, до метаподий.

Погребальный инвентарь. Среди костей конечностей лошади обнаружен нож с костяной рукоятью (рис. 3, 5).

К ЗЮЗ от левой стопы найдена подшлифованная теменная кость сайгака с рогами, к В от которой стоял горшок (рис. 3, 3). К З от правой стопы стояла лощеная расписная ваза (рис. 3, 18).

У левого колена обнаружен оселок из плотного серого мелкозернистого песчаника (рис. 3, 4). Вдоль левой ноги лежал меч в деревянных ножнах, с плакированной золотыми пластинами рукоятью, украшенной зооморфным орнаментом (рис. 3, 22). К Ю от меча найдены остатки колчана шириной 12 см. К ним относятся кожаная пуговица и наконечники стрел. Последних всего обнаружено 58 бронзовых (рис. 3, 8–9, 12–13) и не менее 133 железных – двухлопастной (рис. 3, 10) и не менее 132 трехлопастных (рис. 3, 10). Анализ древесины древков стрел показал преобладание березовых (13) над липовыми (6) и тополевыми (1). Поверх меча лежал в разобранном виде кожаный пояс с бронзовыми пластинками (рис. 3, 19). К югу от левой стопы лежала бронзовая пластинка с заклепкой, возможно, имеющая отношение к поясу (рис. 3, 20). У левой кисти найдены две бронзовые ворворки (рис. 3, 6–7).

К югу от левого колена найдена железная модель лука (рис. 3, 2). К С от правой руки обнаружен железный наконечник копья, согнутый в древности (рис. 3, 15). Копье было положено в могилу сломанным, железный цилиндрический вток копья лежал в северном углу рамы (рис. 3, 14). У втулки копья найдены две железные незамкнутые ворворки, возможно, подвешивавшиеся к наконечнику (рис. 3, 16). К С от правого локтя и перед лицом найдены остатки деревянного сосуда, украшенного по венчику тремя золотыми зооморфными обкладками (рис. 3, 17). В заполнении под ЮВ стенкой ямы обнаружены фрагменты двух сшитых по краю полосок кожи и кожаного ремешка.

Приморский I, курган 81 погребение (рис. 4). Третье захоронение раскопано В. В. Потаповым в 1991 г. при исследовании мог-ка Приморский I. Курганная группа располагалась между берегом Таганрогского залива и а/д Ростов–Таганрог, от балки Морской Чулек до ст. Морская в Неклиновском р-не. Курган 81 был высотой 0,17 м и диаметром 14 м (рис. 4, 1). В кромлехе из камней песчаника найдены фрагмент горшка, железные звено удил (рис. 4, 9) и псалии (рис. 4, 12–13). Насыпь окружал ровик. Погребение совершено в яме размерами 3,2×3,5 м, ориентированной углами по сторонам света, на гл. 3,11 м. Могила была перекрыта каменным набросом. Захоронение ограблено в древности.

Погребенный мужчина (20–30 лет) лежал в вытянутом положении на спине, головой на ВСВ. В южном углу ямы найдены остатки туш двух особей козы (овцы) и конечность с лопаткой лошади.

Погребальный инвентарь. Среди костей конечности лошади был найден железный нож с костяной рукоятью (рис. 4, 10). Слева от погребенного, у костей животных, найдены фрагменты бронзовых пластин наборного пояса (рис. 4, 3). Справа от него лежала бронзовая поясная пластина (рис. 4, 11).

В С углу ямы находился горшок с прочерченным орнаментом (рис. 4, 5). К ЮЗ от него лежала обработанная плитка желтоватого песчаника (рис. 4, 8). К ЮЗ от плитки найдены фрагменты железных накладок с округлым краем и заклепкой, крепившихся к деревянной основе (рис. 4, 7), а также кусок реальгара со следами сточенности.

Остальной инвентарь был найден в заполнении: обломок верхней части метаподии МРС с просверленным отверстием (рис. 4, 4). По-видимому, ранее это была рукоять шила. После поломки, ее острый конец мог быть использован в качестве проколки; фрагменты железных скоб (?) на деревянную основу; железная ворворка (рис. 4, 6).

Рассмотренные погребения были впущены с уровня погребенной почвы, все они по инвентарю датируются IV в. до н. э. По расположению скелета по отношению к могильной яме эти три захоронения относятся к числу диагональных. До сих пор нет единого мнения относительно подобного расположения погребенных. Ранние захоронения с такими обрядовыми традициями, в т.ч. с южной ориентировкой погребенных, известны на территории Южного Приуралья. Распространение их на запад приходится на IV в. до н.э. На Нижнем Дону известно три надежно прослеженных погребения с таким элементом погребального обряда. Также на данной территории известно несколько захоронений (Азов, Керчик и др.), где из-за разрушения погребальных конструкций нельзя точно проследить положение покойника, но высока вероятность его диагонального расположения в могиле. Оставляя вопрос о социальной позиции и этнической принадлежности погребенных открытым, замечу, что ни в одном случае скелеты тщательно не исследовались антропологами. Это, возможно, позволило бы сравнить их между собой, с нижнедонскими группами захоронений с иными погребальными конструкциями, а также с антропологическими материалами из территорий, откуда шло продвижение этого редкого обряда.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕОТСКИХ ПАМЯТНИКОВ КУБАНИ

А. В. Иванов (г. Краснодар)

Осенью-зимой 2010 г. Краснодарским археологическим отрядом Южно-российского ЦАИ (г. Краснодар) были проведены крупномасштабные научно-исследовательские работы на памятниках меотской культуры, расположенных в Крымском и Абинском р-нах Краснодарского края. Их результатом стало исследование значительной части отлично укрепленной цитадели городища, нескольких поселений и курганной группы. Последняя была обнаружена отрядом в ходе разведок 2009 г., получив наименование «Фурожан-3», и в составе двух насыпей нами была раскопана.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют материалы кург. 2, который был насыпан над ритуальным комплексом эпохи бронзы. В дальнейшем, в пределах кургана, начал функционировать меотский могильник, первые погребения которого совершались в предскифское время. Основная же часть исследованных комплексов относится к IV в. до н.э. Настоящая небольшая статья посвящена именно этим материалам.

Безусловно, Погребальные памятники меотов IV в. до н.э., безусловно, хорошо знакомы ис-

следователям, поэтому здесь остановимся лишь на некоторых выявленных особенностях этого могильника и отдельных чертах погребального ритуала, на которые, как представляется, стоит обратить внимание.

Краткая общая характеристика могильника Фурожан-3. Всего исследовано 30 комплексов, материалы которых укладываются в обозначенные временные рамки. В основной своей массе погребения совершались в узких прямоугольных ямах, реже в подквадратных. Всегда вытянуто на спине. Подавляющее число погребенных ориентировано на СВ, реже на В. Характерное расположение погребального инвентаря – в ногах погребенного. В большинстве комплексов именно там располагается типичный набор: амфора, вазочка, миска, железный нож, части жертвенного животного. В зависимости от пола и статуса погребенного этот набор дополнялся различной местной гончарной посудой, второй амфорой, разнообразной чернолаковой посудой, синдо-меотскими мечами, наконечниками копий и стрел, бронзовыми и серебряными височными кольцами, перстнями, браслетами, зеркалами. Некоторые воинские погребения сопровождалось взнузданным боевым конем.

Особенности могильника Фурожан-3. На меотских памятниках IV в. до н.э. СВ ориентировка является нетипичной и встречается крайне редко. Северо-восточный сектор присутствует на мог-ке Лебеди III (Гей, Каменецкий, 1986. С. 42), но, по-видимому, там имело место сезонное отклонение восточной ориентировки. В нашем же случае этот признак устойчивый и, очевидно, напрямую увязан с СВ ориентировкой более древнего погребения предскифского времени, располагавшегося в центре кургана. Оно, безусловно, являлось неким «доминантом», определившим направление ориентировки для всего могильника.

Расположение инвентаря, в целом подобное синхронным могильникам, имеет целый ряд особенностей. Так, ни в одном случае амфора не была зафиксирована в головах погребенного – всегда только в ногах. Не лишним будет отметить и то, что почти на три десятка амфор приходится только два центра – Фасос и, в подавляющем большинстве, Гераклея. Фрагменты амфорной тары других центров, напр., Синопы, Коса и т. д. зафиксированы только в обширном поминальном комплексе тризны, которая, по нашему мнению, является также одной из особенностей этого могильника.

Относительно самого инвентаря стоит отметить малое присутствие в погребениях лепной керамики и значительное количество чернолаковой посуды. Этот «перевес» выглядит менее странно, если учесть непосредственную близость памятника к рубежам Боспора. Возможно, западными инокультурными влияниями объясняется присутствие в некоторых женских комплексах в кувшинчиках или кубышках вотивного тандема – небольшой яйцевидной гальки и крохотного пряслица. Интересно и расположение копий. В большей части комплексов, где сохранилась эта категория вооружения, основной набор копий (до 13 экз.) располагался вдоль тела слева от погребенного, наконечниками вверх, но всегда одно или два (в зависимости от количества основного набора) были развернуты в противоположном направлении, и их наконечники располагались в ногах. Часто в погребальном обряде использовались керамические фрагменты: от нижней части амфоры до небольших отдельных фрагментов красноглиняных гончарных сосудов.

Говоря о погребальном инвентаре нельзя обойти вниманием миски. Их много, различны размеры и формы. Миски местного изготовления в основной своей массе плоскодонные – признак на Кубани, характерный для более позднего, сарматского времени. В большей части они – гончарные, серо- и коричневоглиняные, реже, импортные красноглиняные и чернолаковые, совсем редко – лепные. Основное положение миски – в ногах, либо на стопах погребенного. В редких случаях, когда миска была расположена у головы, в ноги покойного ставилось отдельно донце миски. В единичных случаях в донцах мисок и рыбных блюд проделывались небольшие отверстия, которые, по мнению некоторых исследователей, символизируют пере-

ход в другой мир (Марченко и др., 2001. С. 92). Видимо, особая роль донца связана и с частым положением мисок вверх дном, также это подчеркивают и символы, нанесенные на донцах некоторых мисок.

В заключении обратим внимание на то, что данный могильник на сегодняшний день является самым западным из обнаруженных и исследованных меотских могильников IV в. до н.э., что также его выделяет на фоне остальных синхронных памятников. Хотя настоящая работа носит предварительный характер и основана на полевых наблюдениях, есть уверенность, что при дальнейших исследованиях полученных материалов выявятся новые, не менее интересные детали.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гей А. Н., Каменецкий И. С. Северо-Кавказская экспедиция в 1979–1983 гг. // Археологические исследования на новостройках. М. 1986 (КСИА. Вып. 188).

Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Бочковой В. В. Новый меотский могильник у хут. Прикубанский // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар; Анапа, 2001.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ФИБУЛ-БРОШЕЙ II–I вв. до н.э. ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Ю. А. Прокопенко (г. Ставрополь)

Фибулы-броши (отдел II, по классификации автора) изготавливались из золотого листа, обычно были украшены полудрагоценными камнями, сканью, зернью и эмалью. Они крепились при помощи пружинной двойной иглы. Аналогичные броши – подражания античным – были выделены А. К. Амброзом в группу 8 полихромного типа, которые, по его мнению, датируются II–I вв. до н.э. (Амброз, 1966. С. 30–33, 92).

М. П. Абрамова в числе украшений из памятников Центрального Предкавказья отметила пять таких фибул (Абрамова, 1993. С. 88). В настоящее время известно 11 случаев их обнаружения. Почти все украшения выявлены в памятниках Притеречья – как в могильниках западной, так и в погребениях восточной группы. В единичных случаях броши отмечены в памятниках северной группы. Все находки относятся к двум разделам.

Раздел I – щитковые полихромные. В памятниках Центрального Предкавказья выявлено 11 экз., которые относятся к 4 типам:

I тип – круглые броши (тип I, по классификации И. И. Марченко). Известны пять экземпляров: круглая золотая фибула со сканным узором и гнездами для вставок. Центральное гнездо и край щитка окантованы перевитой проволокой – вариант 1 (Алды); мелкая круглая фибула (диаметр 2 см) из позолоченной бронзы. Щиток украшен концентрическими кругами из рядов округлых выпуклостей – вариант 2 (Ханкальский мог-к, погр. 64); золотая круглая фибула с инкрустацией на внешней стороне и дужкой-замком на внутренней – вариант 3 (Ипатовский кург., погр. 14 – не опубликована); круглая золотая фибула со щитком, украшенным вставкой из морской раковины (по Б. А. Раеву) или сердолика (по В. В. Кропоткину) – вариант 4 (Чернышовский кург. у ст. Щедринской); круглая золотая фибула со щитком, украшенным вставкой из сердолика с изображением женской фигуры в длинной одежде – вариант 5 (Чернышовский кург. у ст. Щедринской) (Абрамова, 1993. Рис. 28, 2–3; Белинский, 2001. С. 28; Раев, 2000. С. 198; Кропоткин, 1967. С. 95);

II тип – овальные броши (тип II, по классификации И. И. Марченко). Такая золотая брошь с пастовой вставкой обнаружена в мог-ке Ореховка (кург. 2 погр. 4). Это украшение состоит из овальной тонкой золотой пластинки, спереди имеющей овальное гнездо с перекрестием.

Размеры – 4,3×3,4 см. С оборотной стороны сохранились петли запора. Лицевую сторону украшают напайки из перевитой золотой проволоки, уложенной уголками. По краю гнезда перевитая проволока уложена в четыре ряда в виде шнура. Край гнезда оформлен в виде треугольных зубчиков. По крестовине, также, напаяна перевитая проволока, но более толстая, чем на краях. Вставка сделана из серой, белой и сиренево-черной пасты, удачно имитирующей прожилки камня – агата (Прокопенко, 2005. Рис. 212, А, 5).

Броши, покрытые разноцветной перегородчатой эмалью, характерны для комплексов II–III вв. н.э. Однако овальная форма щитка, украшенного сканью, аналогична подобным фибулам-брошам со вставками II–I вв. до н.э. Разноцветные части вставки не отделены перегородками. Скорее всего, ореховская фибула датируется концом II–I в. до н.э., поскольку в данном комплексе присутствовал бронзовый эллинистический шлем, который Г. А. Павлович датировала серединой IV–I в. до н.э. (Павлович, 1995. С. 204), а также колчаный набор, состоявший из втульчатых и черешковых наконечников. Как известно, черешковые наконечники появляются в памятниках Прикубанья уже во второй четверти II в. до н.э. (Марченко, 1996. С. 66);

III тип – лепестковые пружинные броши с завитками на концах лепестков (тип III, по классификации И. И. Марченко). И. И. Марченко отнес к данному типу только ромбические броши (Марченко, 1996. С. 30), на самом деле форма щитка может быть различной. В памятниках Центрального Предкавказья выявлены три варианта таких фибул (4 экз.):

1) однолепестковая серебряная позолоченная брошь, имеющая овальный щиток, орнаментированный по краю тремя рядами из перевитой проволоки (гнездо для вставки -?), завершается лепестком с тремя закруглениями на концах и впаянными в них шариками диам. 1 мм (мог. Нижний Джулат, погр. 13);

2) четырехлепестковые ромбические золотые броши (2 экз.). Изделие состоит из сочлененных дуг, образующих в плане крест. Дуги, выполненные из перевитой проволоки диам. 1 мм, завершаются четырьмя лепестками с тремя закруглениями на концах и впаянными в них шариками диам. 1 мм. Они припаяны к ромбическому щитку из золотой фольги, повторяющему форму дуг. В центре «креста» напаян круг из крученой проволоки. Длина между противоположными точками лопастей – 24 мм. На оборотной стороне – «скоба» с остатками железной иглы (мог-к на землях колхоза им. С. М. Кирова (с. Киевское), кург. 4 погр. 11; пос. «Георгиевская станица-2») (Прокопенко, 2005. Рис. 212, А, 1; Березин, Колесниченко, 2009. С. 53);

3) восьмилепестковая золотая брошь, имеющая щиток в форме восьмилучевой звезды, орнаментированный по краю дугами из золотой перевитой проволоки. Их соединения в углах звезды составляют лепестки из трех закруглений на концах с впаянными в них шариками. Весь щиток покрыт зернью. Лепестки отходят от круга (гнездо для вставки -?), также выполненного из перевитой проволоки. Круг с лепестками соединяется посредством коротких лучиков из такой же проволоки (Комарово, кург. 1 погр. 24 – не опубликована).

А. К. Амброс (1966. С. 33) ромбические фибулы этого типа датировал II–I вв. до н.э. По мнению Н. Н. Погребовой, брошь из каменной гробницы Мавзолея Неаполя Скифского не выходит за рамки середины II в. до н.э. (Погрובה, 1961. С. 111, 175). Как считает И. И. Марченко, этой дате не противоречат датировки фибулы неапольского варианта и обнаруженных здесь же унгентариев. Соответственно, он ромбическую брошь из кург. 18 погр. 5 у Раздольной (Прикубанье), аналогичную отмеченной фибуле из мог-ка у с. Киевское, датировал II в. до н.э. (Марченко, 1996. С. 30, 44). Захоронение, в котором обнаружена аналогичная фибула (мог-к Пролетарский 1986 г., кург. 5 погр. 3), Н. Ф. Шевченко датирует II–I вв. до н.э. (Шевченко, 2008. С. 355–356, рис. 4, 7);

IV тип – золотая X-видная фибула. Щиток представляет собой пластинку прямоугольной формы, украшенную тремя рядами зерни. С обоих концов она завершается двумя парами округлых лепестков, направленных в противоположные стороны, что делает щиток похожим

на букву Х. На оборотной стороне расположен шарнир из проволоочной петли (Абрамова, 1993. Рис. 28, 1).

В заключение отметим, что распространение фибул-брошей в Центральном Предкавказье, скорее всего, связано с участием местных сарматских группировок в совместных походах с сираками Прикубанья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М. 1993.
- Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. М. 1966 (САИ. Вып. Д 1-30).
- Белинский А. Б. Тайна «Ипатовской принцессы» // Памятники Отечества. Вся Россия. Земля Ставропольская. Иллюстрированный альманах. М. 2001. Т. 1.
- Березин Я. Б., Колесниченко К. Б. Знаки на керамике сарматского времени с поселения «Георгиевская станица-2» // Историко-археологический альманах. Армавир; Краснодар; М. 2009. Вып. 9.
- Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н.э. М. 1967.
- Марченко И. И. Сираки Кубани. Краснодар. 1996.
- Павлович А. П. Греческий шлем эллинистического времени из Ставропольского края // РА. 1995. № 3.
- Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Северном Причерноморье. М. 1961 (МИА. № 96).
- Прокопенко Ю. А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь. 2005.
- Раев Б. А. Северо-кавказские древности римского времени в коллекции музея Грузии (Тбилиси) (о времени и путях проникновения ранних алан на Северный Кавказ) // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время (тезисы конференции 30–31 мая 2000 года). Пятигорск. 2000.
- Шевченко Н. Ф. Погребения с фибулами из курганных могильников у хутора Пролетарского // Древности Юга России. Памяти Г. А. Атавина. М. 2008.

О ХРОНОЛОГИИ СЕМИБРАТНИХ КУРГАНОВ

В. А. Горончаровский (г. Санкт-Петербург)

Проблема хронологии Семибратних курганов (далее – СК) по своему значению выходит далеко за рамки определения временных границ возведения этих погребальных комплексов. Напомним, что эти курганы, наряду со сходными по конструкции погребальных сооружений и сопровождающему инвентарю захоронениями варварской знати, являются единственными археологическими памятниками, которые можно более или менее надежно соотнести с синдами – племенем, территория которого охватывала часть Таманского полуострова вплоть до левого берега Кубани и Черного моря в районе современной Анапы. Рядом с Семибратними курганами, считающимися захоронениями синдских царей, находится городище с таким же названием, сейчас известное как античный город Лабрис. Вряд ли его можно рассматривать в полном смысле слова как столицу синдсов, скорее как полностью подконтрольный им греческий полис, который в случае военных действий можно было использовать как опорный пункт, и где могла находиться периодически посещаемая царская резиденция (Горончаровский, 2009. С. 150–187). Таким образом, этот район Азиатского Боспора, как показывает известная посвятельная надпись Левкона I (389/8–349/8 гг. до н.э.), оказался неразрывно связан с исторически недолгой судьбой т. н. Синдского царства.

Еще М. И. Ростовцев предполагал несомненную связь Семибратнего городища с одноименными курганами и писал о том, «сколько свету пролило бы серьезное исследование на быт и культуру синдсов и какую реальную основу подвело бы оно под краткие сообщения»

античных авторов (Ростовцев, 2002. С. 93). Если ранее придерживались условного деления неграбленных Семибратних курганов на две группы: старшие (СК 2 и 4) – первая половина V в. до н.э. и младшие (СК 3 и 6), которые относили к IV в. до н.э. (Стефани, 1879. С. 117 сл.; 1880. С. 7, 15), или предлагали обобщенную дату – IV–II вв. до н.э. (Толстой, Кондаков, 1889. С. 114), то М. И. Ростовцев в своей монографии «Скифия и Боспор» предложил для ряда комплексов более детальную датировку: СК 2, 4 и 7 – V или рубеж V–IV вв. до н.э., СК 3 и 6 – IV в. до н.э. (для СК 6, скорее, вторая половина IV в. до н.э.).

Позднее Г. Боровка, проведя сравнительный анализ изделий в зверином стиле из СК 2 и 4 и соответствующих находок из других памятников Северного Причерноморья, как в свое время Л. Стефани, отнес их к первой половине V в. до н.э. (Borovka, 1928). Стилистическими соображениями и аналогиями в основном руководствовался также К. Шефольд, рассматривая главным образом серебряные и золотые сосуды из Семибратних курганов. Он предпринял попытку датировать некоторые из них с точностью до десятилетия: СК 2 – ок. 440 г. до н.э., СК 3 – начало IV вв. до н.э., СК 4 – ок. 470 г. до н.э., СК 6 – ок. 420 г. до н.э. (Schefold, 1938. S. 14).

Первая попытка обосновать хронологию всей курганной группы (табл. 1) принадлежит А. К. Коровиной (Коровина, 1957. С. 180, 186), а ее детализация – Н. Ф. Силантьевой (Силантьева, 1967. С. 46–48). В обоих случаях существование двух хронологических групп курганов, граница между которыми проходит по рубежу V–IV вв. до н.э., не вызывало сомнений, как, впрочем, и у других исследователей, занимавшихся этими комплексами (Бутягин, 1996. С. 44–45; Виноградов, 2005. С. 211–296; Vlasova, 2005. P. 276–296). Новая схема была предложена только А. Ю. Алексеевым: 460–425 гг. до н.э. – старшая группа, 425–375 гг. до н.э. – младшая группа (Алексеев, 2003. С. 296).

Автором настоящей статьи в рамках проекта «Курганные древности Боспора Киммерийского» программы Президиума РАН № 29 «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» была проведена ревизия архивных и опубликованных материалов по Семибратним курганам. В итоге удалось установить, что линия из пяти курганов (СК 2, 4–7), судя по анализу находок и конструкции погребальных сооружений, возникла в процессе постепенного возведения соответствующих насыпей в направлении с запада на восток. СК 3, втиснутый в пространство между СК 2 и 4, является более поздним по отношению к СК 7. Возможно, это объясняется, как невозможностью продолжить цепочку курганов по условиям рельефа местности, так и спешкой при погребении, когда изначально не ставилась задача сооружения крупного погребального памятника. Самым поздним в этой группе оказывается СК 1, ранее как таковой не рассматривавшийся. Для его возведения было выбрано место к югу от СК 2, с которого собственно все и началось (табл. 1).

На протяжении примерно восьмидесяти лет обряд погребения синдских царей, отличавшийся определенным своеобразием, претерпел значительные изменения, пройдя в своем развитии не два, а три этапа:

1. В третьей четверти V в. до н.э. захоронения совершаются в сырцовых склепах, возведенных на материке (СК 2 и 4). Погребенные, ориентированные головой на В или с небольшими отклонениями от этого направления, помещались в специальные отделения, отгороженные стенкой из сырцовых кирпичей или досками. В пределах склепа или отдельно захоронены лошади, число которых может достигать 13;

2. В последней трети V в. до н.э. для погребений, ориентированных на В или СВ, использовались каменные гробницы, впущенные в угол сырцового склепа. СК 5 в какой-то мере является погребальным сооружением переходного типа, поскольку, как и в предшествовавший период, сырцовый склеп в нем был сооружен на материке в отличие от более позднего СК 6, где погребальная камера врезана в материк. Подобные изменения сопровождаются постепенным увеличением предметов греческого импорта вплоть до использования для захоронения

деревянного резного саркофага и присутствия в составе погребального инвентаря типичного греческого клине (СК 6). Погребения ориентированы на В или СВ. Число захороненных лошадей снижается с тринадцати до семи;

3. Начиная с рубежа V–IV вв. до н.э., царские погребения связаны с отдельными каменными гробницами вытянутой формы, впущенными в материк. По соседству с ними располагаются сырцовые склепы с конскими скелетами (СК 1, 3, 7). В одном случае зафиксировано такое новшество как каменная крепида (СК 7). Ориентация погребенных – на В или ЮВ. В самом позднем СК 1 захоронение лошадей носит символический характер – их всего две.

СК 1 во всех отношениях является особенным. Во-первых, он самый большой (высота 14,9 м, окружность 260 м); во-вторых, скрывает под собой самую крупную каменную гробницу (23 кв. м), скорее всего, сооруженную при участии греческого архитектора. Напомним, что на территории Боспора по высоте этот курган уступает только Кара-обе (25,6 м), Царскому (18,5 м), Острому и четырем курганам Юз-обы (16–17 м), а сразу по двум показателям одному Золотому кургану (площадь погребальной камеры 31 кв. м, общая высота >21 м). С большой долей вероятности именно СК 1 можно связать с погребением последнего синдского царя Гекатея.

Табл. 1. Сводная таблица вариантов датировки Семибратних курганов

№ кург.	Ростовцев, 1925	Schefold, 1938	Коровина, 1957	Силантьева, 1967	Бутягин, 1996	Виноградов, 2005	Vlasova, 2005	Горончаровский, совр. представл.
1	?	?	IV в. до н.э.	начало IV в. до н.э.	начало IV в. до н.э.	начало IV в. до н.э.	конец V – начало IV в. до н.э.	≈ 380–370 гг. до н.э. (краснофигурная пелика)
2	рубеж V–IV вв. до н.э.	≈ 440 г. до н.э.	вторая половина V в. до н.э.	третья четверть V в. до н.э.	третья четверть V в. до н.э.	середина V в. до н.э.	середина V в. до н.э.	≈ 450–440 гг. до н.э. (чернолак. сосуд со штампованным орнаментом)
3	IV в. до н.э.	начало IV в. до н.э.	IV в. до н.э.	первая четверть IV в. до н.э.	первая четверть IV в. до н.э.	первая четверть IV в. до н.э.	первая четверть IV в. до н.э.	≈ 390–380 гг. до н.э. (фасосское клеймо)
4	рубеж V–IV вв. до н.э.	≈ 470 г. до н.э.	вторая половина V в. до н.э.	середина V в. до н.э.	середина V в. до н.э.	третья четверть V в. до н.э.	середина – третья четверть V в. до н.э.	≈ 440–430 гг. до н.э. (чернолак. чашки)
5	?	?	вторая половина V в. до н.э.	середина V в. до н.э.	третья четверть V в. до н.э.	третья четверть V в. до н.э.	середина – третья четверть V в. до н.э.	≈ 430–420 гг. до н.э. (уздечный набор)
6	вторая половина IV в. до н.э.	≈ 420 г. до н.э.	вторая – третья четверти IV в. до н.э.	конец V в. до н.э.	начало IV в. до н.э.	начало IV в. до н.э.	400–390 до н.э.	≈ 410–400 гг. до н.э. (краснофигурный аск)
7	V в. до н.э.?	?	вторая – третья четверти IV в. до н.э.	начало IV в. до н.э.	начало IV в. до н.э.	начало IV в. до н.э.	первая четверть IV в. до н.э.	≈ рубеж V–IV вв. до н.э. (псалий)

Таким образом, период возведения Семибратних курганов (середина V–начало IV в. до н.э.) практически совпадает со временем расцвета Синдского царства, отмеченного чеканкой нескольких серий серебряных монет от имени всего племени. Это свидетельствует о боль-

шой роли племенной знати, погребальные памятники которой синхронны царским, но меньших размеров (Малые Семибратние курганы), рассеяны на территории к западу от Лабриса. В данном случае состав находок даже из ограбленных комплексов говорит о значительной роли синдской аристократии в сфере внешних сношений как области, где имели хождение престижные предметы, определявшие место человека в социальной структуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб. 2003.
- Бутягин А. М.* Хронология Семибратних курганов и история Синдики // Курганы: историко-культурные исследования и реконструкции. СПб. 1996.
- Виноградов Ю. А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в античную эпоху. СПб. 2005.
- Горнчаровский В. А.* Лабрис (Семибратнее городище) и синды (по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2008 гг.) // БИ. 2009. Вып. XXII.
- Коровина А. К.* К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 1957. № 2.
- Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Пгг. 1925.
- Ростовцев М. И.* Эллинизация и иранство на юге России. М. 2002.
- Силантьева Л. Ф.* Семибратние курганы и их значение для изучения культуры синдов // ТД науч. сессии Гос. Эрмитажа. Л. 1967.
- Стефани Л.* Объяснение некоторых художественных произведений, открытых в Южной России в 1875 году // Отчет ИАК за 1876 год. СПб. 1879.
- Стефани Л.* Объяснение нескольких художественных произведений, найденных в 1876 году в Южной России // Отчет ИАК за 1877 год. СПб. 1880.
- Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. СПб. 1889. Вып. 1.
- Vorovka G.* Scythian Art. Leningrad. 1928.
- Schefold K.* Der scythische Tierstil in Südrussland // ESA. 1938. Т. XII.
- Vlasova E. V.* Les kourganes des Sept-Frères et les Sindes // Etudes et Travaux. Warszawa. 2005. Т. XX.

ИССЛЕДОВАНИЕ АНТИЧНОГО ГОРОДА ПОРФМИЙ И ЕГО НЕКРОПОЛЯ

М. Ю. Вахтина (г. Санкт-Петербург)

Боспорский город Порфмий традиционно отождествляют с античным городищем, расположенным к СВ от г. Керчь, на возвышенном плато (рис. 1) недалеко от побережья Керченского пролива (Веселов, 1952. С. 227–237; 2005. С. 14; Шургая, 1984. С. 69–71). Происхождение названия этого города от греческого слова *πορθμός* – «переправа» – достаточно прозрачно и не вызывает сомнений у исследователей. Действительно, данные письменных и археологических источников позволяют реконструировать в непосредственной близости от города одну из традиционных переправ через Керченский пролив (Вахтина и др., 1980; Виноградов, 2005. С. 214 сл.).

Порфмий был основан около середины VI в. до н.э. и просуществовал до середины–третьей четверти I в. до н.э. Раскопки позволили выявить следы пожаров и разрушений, разделившие историю этого маленького города на несколько периодов. Эти катастрофы, периодически нарушавшие стабильность жизни Порфмий, отражают ситуацию, складывавшуюся в районе пролива на разных исторических этапах.

Первые исследования города были проведены Боспорской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР (ныне – ИИМК РАН) под руководством В. Ф. Гайдукевича в 1953 г. В по-

Рис. 1. Городище Порфмий (вид с запада)

следующие годы памятник регулярно исследовался отрядом этой экспедиции, возглавляемом Е. Г. Кастанаян. Под ее руководством были проведены масштабные исследования Порфмия эллинистического времени. В результате этих работ мы можем составить представление о системе укреплений, планировке, хозяйственном укладе небольшой боспорской крепости со второй половины III до середины I вв. до н.э. (Кастанаян, 1971; 1972; 1975; 1983). В 1980-е – 1990-е гг. основное внимание уделялось слоям и объектам, связанным с ранним периодом существования города, а также обследованию его окрестностей. С 2002 г. начались исследования некрополя Порфмия эллинистического времени. Таким образом, за несколько десятилетий систематических раскопок был накоплен значительный археологический материал, позволяющий реконструировать облик и материальную культуру этого «малого» боспорского города.

Древний Порфмий располагался на скалистом плато, откуда хорошо просматривались как сухопутные, так и морские пути. Отчетливо виден и берег по другую сторону пролива. Здесь удобнее всего переправляться с Азиатского Боспора на Европейский и двигаться далее вдоль побережья в сторону Мирмекия и Пантикапея. Расположенное на этом пути небольшое укрепленное поселение, несомненно, служило прекрасным опорно-наблюдательным пунктом.

Строительные остатки, относящиеся к начальному периоду существования города, были выявлены, преимущественно, в В и ЮВ частях городища на площади более 400 кв.м. Здесь были обнаружены следы архаических фортификационных сооружений, являющихся не только древнейшими для данного памятника, но также одними из самых ранних, открытых на Боспоре. По времени возведения и технике сооружения их можно сопоставлять лишь с оборонительными стенами древнего Мирмекия (Vinogradov, 1999. Fig. 3, 1–2; Вахтина, Виноградов, 2001. С. 41–45).

Рис. 2. Порфмий. 1 – фрагмент цоколя восточной архаической оборонительной стены; 2 – фрагмент жилой застройки позднеархаического времени

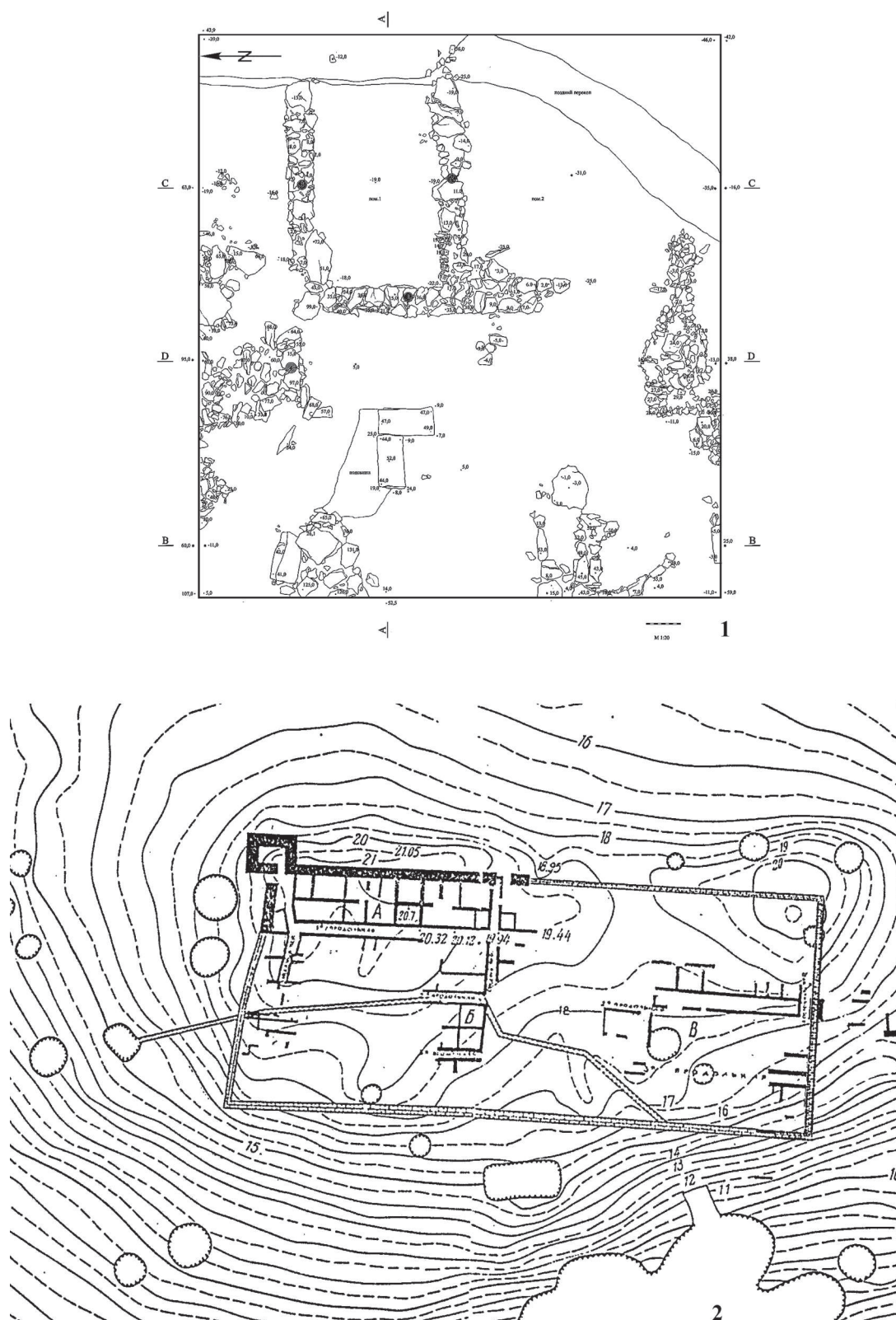

Рис. 3. Порфмий. 1 – объекты IV в. до н.э. в восточной части городища; 2 – план эллинистического времени

1

2

Рис. 4. Порфмий. 1 – фрагмент основания северной эллинистической оборонительной стены; 2 – остатки северо-западной эллинистической башни

Цоколь восточной архаической оборонительной стены Порфмия (рис. 2, 1) был раскрыт на протяжении более чем 12 м. Южная линия обороны Порфмия сохранилась гораздо хуже. Фрагмент ранней оборонительной стены городища был обнаружен при раскопках жилых кварталов позднеэллинистического времени в ЮЗ части памятника (Вахтина, 2006. С. 35. Рис. 5). Все эти оборонительные сооружения связаны с начальным периодом существования города. Археологический материал позволяет отнести их ко второй половине VI в. до н.э. (Vakhtina, 2003. Fig. 9–12; Вахтина, 2006. С. 36. Рис. 7).

В конце периода, *на рубеже VI–V вв. до н.э., Порфмий переживает первую катастрофу* – на всей площади, где были выявлены архаические остатки, прослежены следы пожара. Следует отметить, что следы разрушений и пожаров позднеархаического времени повсеместно фиксируются на участках, где культурный слой был исследован до материка.

На уровне материка в восточной части городища удалось выявить фрагменты оснований и развалы сырцовых стен, по-видимому, возведенных непосредственно на древней дневной поверхности. Вероятно, их можно интерпретировать как остатки жилищ первых колонистов (Вахтина, 2003; 2006. С. 38–39). Примечательно, что в Порфмии пока не известны заглубленные в землю жилища типа землянок, характерные для начального этапа существования целого ряда греческих поселений Северного Причерноморья (Виноградов, Рогов, 1997).

В комплексе находок этого времени представлены категории импортной тарной и столовой посуды, характерной и для других боспорских колоний. Среди амфор преобладает продукция Клазомен, Хиоса, Эолии, среди обломков столовой керамики представлены образцы расписной восточногреческой, коринфской, аттической посуды. К числу предметов обихода первых жителей Порфмия принадлежат и фрагменты двух орнаментированных подставок-жаровен для очага, которые можно датировать временем не позднее рубежа VI–V вв. до н.э. (Вахтина, 1997. Рис. 1; Грицик, 2004. С. 152–156. Рис. 1). Эти фрагменты, очевидно, происходили из разрушенных жилищ городской застройки древнейшего периода. В составе керамического комплекса следует отметить небольшое количество фрагментов лепной посуды: основная часть профилированных частей принадлежала неорнаментированным горшкам со слегка отогнутыми наружу венчиками, характерными для «степных» типов. Следует также отметить находки стенок колхидского пифоса с рельефным орнаментом, одного из самых ранних экземпляров, известных на Боспоре, что, возможно, свидетельствует о контактах жителей Порфмия с населением более восточных областей, лежащих по другую сторону Понта.

После пожаров и разрушений конца VI–рубежа VI/V вв. до н.э. в домостроительстве позднеархаического Порфмия, по-видимому, наступает новый этап. Здесь появляются постройки, возведенные в технике, известной по исследованиям других боспорских памятников. К западной, внутренней стороне восточной оборонительной стены был пристроен большой жилой наземный комплекс (рис. 2, 2). Ориентировка его хорошо «увязывается» с ориентировкой оборонительных стен. Это комплекс был раскрыт на площади 16×10 м и состоял не менее чем из девяти небольших помещений (Вахтина, 2006. С. 39–41. Рис. 10–11). Обнаруженный в помещениях материал датируется в пределах последней четверти VI–первой трети V в. до н.э.

Позднеархаический большой наземный комплекс, возведенный на горелом слое, связанном с какой-то ранней катастрофой, был перекрыт другим горелым слоем, свидетельствующим о новом, *более позднем по времени, пожаре*. Его можно датировать концом первой трети V в. до н.э. Остатки пожаров этого времени прослеживаются на всех раскрытых до его уровня участках памятника, что свидетельствует о масштабности катастрофы. С этим периодом разрушений, вероятно, связана и находка дна чернолаковой аттической чаши начала V в. до н.э. с граффито [...] Ε ΠΑΡΘΕΝΩ [...] на внешней стороне дна (Тохтасев, 1993. С. 74–75).

Таким образом, мы можем наметить *два основных этапа в развитии архаического Порфмия*, отделенных друг от друга и от последующего этапа слоями пожаров и разрушений.

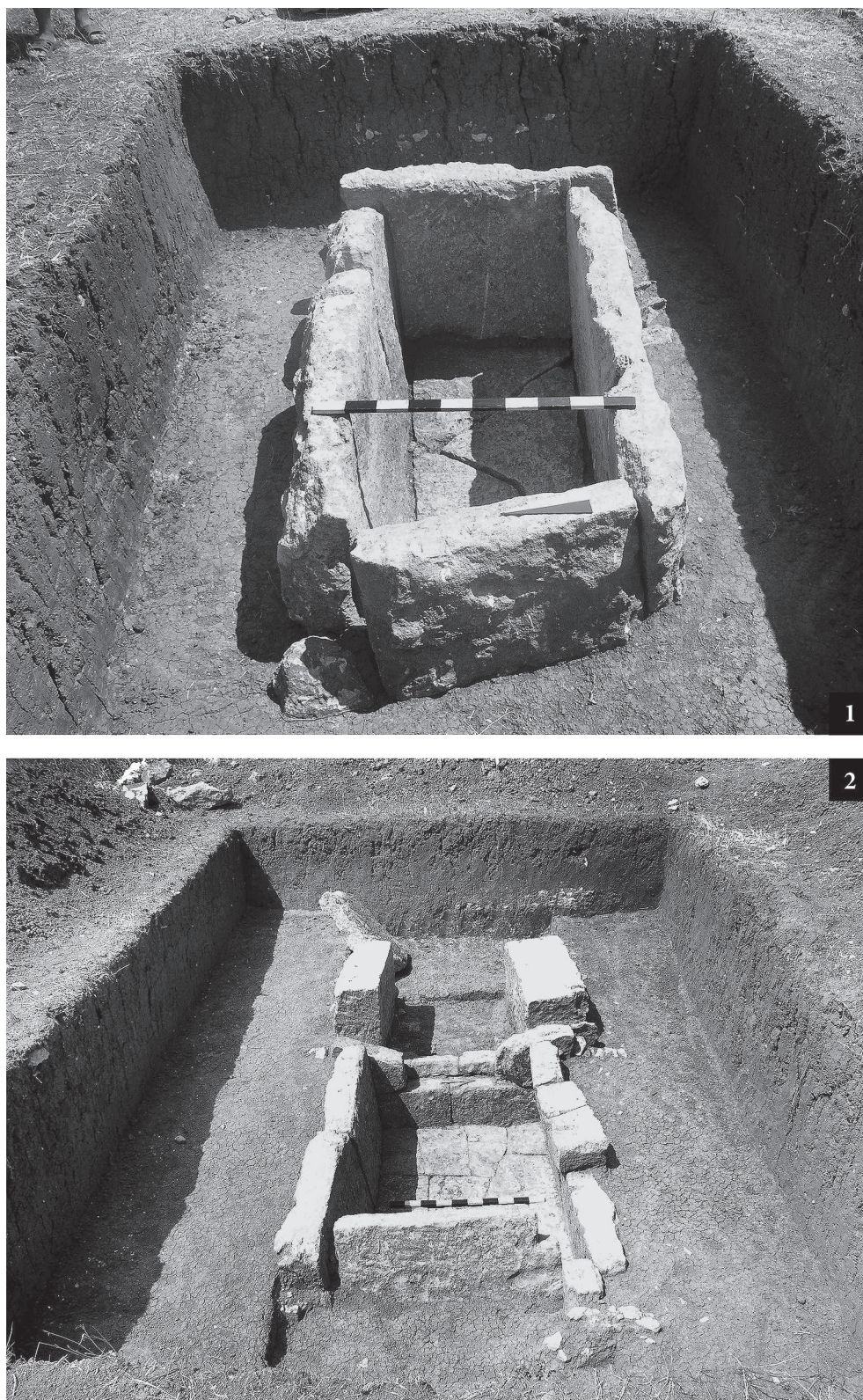

Рис. 5. Некрополь Порфмия. 1 – склеп № 5; 2 – склеп № 1

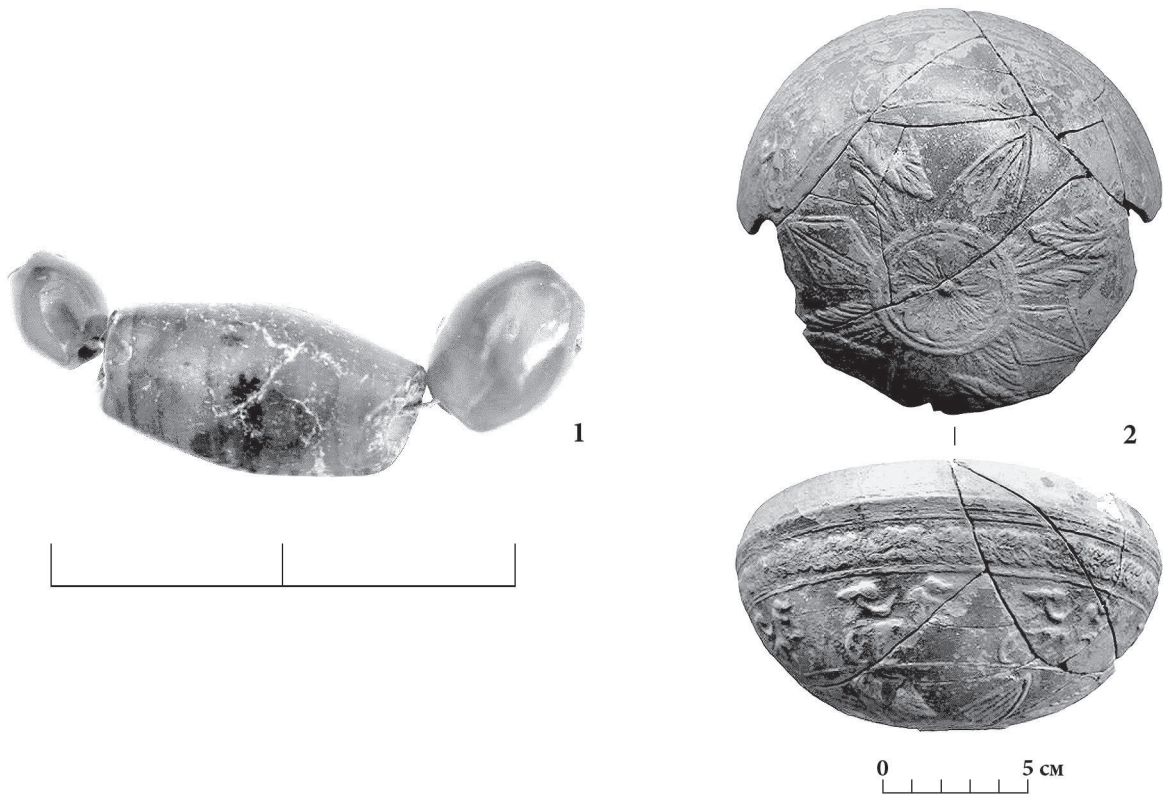

Рис. 6. Некрополь Порфмия, находки из склепа № 6: 1 – сердоликовые бусины; 2 – «мегарская» чаша

Эти разрушения отражают ситуацию, существовавшую в эпоху архаики в районе Киммерийского Боспора. Сооружение оборонительных стен в Порфмии практически с самого начала его существования, очевидно, диктовалось суровыми реалиями жизни.

Говоря о более позднем времени, необходимо признать, что мы пока не располагаем достаточными данными, чтобы реконструировать **облик Порфмия IV в. до н.э.** Строительные остатки этого времени удастся выявлять лишь фрагментарно, т.к. они еще в древности были в значительной мере разрушены в результате нивелировки площадей под застройку III в. до н.э., речь о которой пойдет ниже. В последние годы в СВ части городища был обнаружен ряд объектов, которые можно отнести к IV в. до н.э. (рис. 3, 1). К ним принадлежат остатки большого строительного комплекса площадью 6,5×6 м, от которого сохранились два помещения: «улица» к 3 от него, идущая в направлении С–Ю, а также часть монументального алтаря прямоугольной формы, сложенного из крупных рустованных известняковых блоков (сохранились два из них). Блоки, имевшие руст на внешних сторонах, изготовлены из светлого, мягкого известняка и лежат под прямым углом друг к другу, соприкасаясь узкими гранями. «Рустованные» поверхности в древности, несомненно, являлись внешними сторонами конструкции. Таким образом, сохранившиеся блоки в древности ограничивали небольшое сооружение почти квадратной формы, северная сторона которого имела длину 2,05 м, а восточная – 1,37 м. При его расчистке был найден керамический материал, в основном, принадлежавший к IV в. до н.э. и фрагмент терракотовой статуэтки.

Во второй половине III в. до н.э. происходит глобальная перестройка существовавшего ранее поселения. В результате многолетних исследований были выявлены топография и планировка «нового города», построенного по единому плану после единовременной разборки построек более раннего времени и перепланировки всего городища (Кастанаян, 1968; 1971; 1972; 1983). Перестройка и перепланировка Порфмия, строительство новых оборонительных сооружений, по

Рис. 7. Некрополь Порфмия. 1–2 – антропоморфные надгробия

всей вероятности, были продиктованы, прежде всего, изменениями в демографической и общеполитической ситуации на Боспоре, связанными, прежде всего, с появлением и утверждением с северопричерноморских степях новой волны кочевников. О том, что «новый Порфмий» был сооружен как крепость, свидетельствует тот факт, что городские кварталы возводились одновременно с оборонительными стенами, по единому, регулярному плану.

В последние годы было продолжено изучение эллинистических оборонительных стен в СВ части скального плато, на котором располагался город. Исследования позволили внести уточнения в план Порфмия эллинистического времени (рис. 3, 2), опубликованный Е. Г. Кастанаян (1983). Вероятнее всего, городские укрепления этого времени имели одну СЗ угловую башню. Трасса восточной оборонительной стены, скорее всего, не имела вид ломаной линии, а была прямой.

Порфмий является одним из самых ранних городов-крепостей позднеэллинистического времени, открытых на Боспоре. Оборонительные стены города и его жилые постройки были ориентированы по сторонам света. Стены, частично выявленные по всему периметру города (рис. 4, 1), были сложены из крупных, почти необработанных глыб мшанкового известняка, грубо стесанных по фасадам. Они возводились на бутовом фундаменте высотой 1 м. Раскрыта одна из башен новой оборонительной линии (рис. 4, 2), расположенная в северо-западном углу и имевшая в плане прямоугольную форму (9,97×9 м). Башня имела внутреннее помещение площадью 26 кв.м. У его северной стены на вымостке было расчищено погребение собаки, над которым был насыпан земляной холмик, обложенный мелким бутовым камнем. Вход в башню находился в ее южной стене. Башня защищала городские ворота в западной оборонительной стене. Об облике башни и примыкающих к ней построек можно судить по реконструкции, сделанной В. П. Толстиковым (Tolstikov, 1997. S. 226. Fig. 23).

Эллинистический Порфмий, очевидно, представлял собой небольшое военное поселение. Как полагала Е. Г. Кастанаян, в таком городе могло проживать до 400 человек. Город состоял

из восьми прямоугольных кварталов шириной 11 м, вытянутых с востока на запад. Каждый из них представлял собой единый строительный блок. Кварталы были разделены тремя продольными улицами и переулками. Срединный переулок делил город на две части – западную и восточную. Вдоль восточной и западной оборонительных стен также были проложены переулки. Ширина продольных улиц составляла 1,50–1,75 м; переулков – 1,50 м. Жилые дома сгруппированы в блоки по кварталам; каждый квартал был разделен поперечными стенами на отдельные участки с домом и двориком. Дома состояли из одной, либо нескольких комнат. Площадь жилых помещений – 15–20 кв.м; некоторые из них достигали площади 35 кв.м. Площадь дворов – около 50 кв.м.

Планировка Порфмия этого периода, для которой характерна «правильность», компактность, максимальное освоение небольшого пространства на вершине природной возвышенности, находит ближайшие параллели в планировке больших укрепленных усадеб и поселений Восточного Крыма и Крымского Приазовья, существовавших в то же время.

Материалы, обнаруженные при раскопках эллинистических комплексов, свидетельствуют, что жители города занимались сельским хозяйством, рыболовством и охотой. Импортная керамика представлена эллинистическими амфорами, черно- и краснолаковой керамикой, керамикой с накладным орнаментом, «мегарскими» чашами, малоазиатскими рельефными сосудами. За годы раскопок Порфмия собрана большая коллекция терракотовых статуэток (Кастанаян, 1970), среди найденных экземпляров широко представлены изображения женских божеств.

При обследовании окрестностей городища здесь были зафиксированы остатки небольших каменных построек, к сожалению, почти полностью уничтоженных современной распашкой. Примечательно, что все они располагались в непосредственной близости от укрепленной цитадели. К В от городища были раскопаны остатки небольшой усадьбы, построенной, скорее всего, во второй половине IV в. до н.э. и просуществовавшей до конца II в. до н.э. (Вахтина, 2002). Эти данные свидетельствуют о том, что жители Порфмия активно использовали территорию вокруг поселения.

В последние годы ведутся исследования на **некрополе Порфмия**. Раскапывается участок, функционировавший в позднеэллинистическое время, т.е. синхронный позднему периоду существования города, расположенный примерно в 300 м к З от городища⁶¹. Были обнаружены могилы разных типов: погребения в простых грунтовых ямах, плитовые гробницы и склепы, сложенные из крупных обтесанных блоков известняка (Вахтина, Стоянов, 2006). В настоящее время раскопано семь склепов (рис. 5), содержащих коллективные захоронения людей, очевидно, связанных родственными узами. Положение костных останков позволяет прийти к заключению, что умершие были погребены в вытянутом положении, головой на В. Грунтовые могилы содержали одиночные захоронения. К сожалению, склепы были ограблены (некоторые еще в древности), однако сохранившиеся материалы позволяют судить об относительном богатстве и разнообразии погребального инвентаря (рис. 6), представленного обломками столовых сосудов, бусами, металлическими изделиями и монетами. Найдены два фрагмента антропоморфных надгробий (рис. 7). Особенности погребального обряда, сопровождающий инвентарь позволяют сравнивать некрополь Порфмия с некрополями других городов Европейского Боспора, прежде всего, с эллинистическим некрополем Мирмекия.

Примерно в **середине I в. до н.э.** (или чуть позже) город был заброшен и никогда больше не восстанавливался. Никаких разрушений или пожаров этого времени на памятнике выявлено не было – очевидно, он был просто оставлен жителями. Бурный период в истории Боспора,

⁶¹ В 2003–2004 гг. работы на некрополе велись под руководством научного сотрудника ИИМК РАН Р. В. Стоянова, а в 2008 г. – под руководством научного сотрудника Керченского историко-культурного заповедника П. Г. Столяренко, которым автор выражает свою признательность.

начавшийся после Митридатовых войн, повлек за собой дестабилизацию общеполитической ситуации и, вероятно, переориентировку многих «векторов» в политике государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вахтина М. Ю. Фрагменты жаровни из Порфмий // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Псков, 1997. Т. 1.
- Вахтина М. Ю. Материалы домашнего святилища из усадьбы близ Порфмий // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. ТД науч. конф. СПб. 2002. Ч. 1.
- Вахтина М. Ю. Об одном уникальном архаическом комплексе из раскопок античного городища Порфмий в Восточном Крыму // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. IV Боспорские чтения. ТД науч. конф. Керчь. 2003.
- Вахтина М. Ю. Об архаическом Порфмий // БИ. 2006. Т. XIII.
- Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен. Колонизация региона. Становление полисов. Возникновение государства. ТД науч. конф. СПб. 2001. Ч. I.
- Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Рогов Е. Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4.
- Вахтина М. Ю., Стоянов Р. В. Новые данные о некрополе Порфмий // Археологические Вести. СПб. 2006. № 13.
- Веселов В. В. Древние городища в районе Сипягино (к вопросу о местоположении Парфения и Порфмий) // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952. Т. 1.
- Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // Древности Боспора. М. 2005. Supplementum II.
- Виноградов Ю. А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб. 2005.
- Виноградов Ю. А., Рогов Е. Я. Некоторые закономерности становления и развития греческих государств в Северном Причерноморье // Stratum+ПАВ. СПб; Кишинев. 1997.
- Грицик Е. В. О датировке жаровен из Порфмий // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. ТД науч. конф. СПб. 2004. Ч. I.
- Кастанаян Е. Г. Терракоты из Порфмий. М. 1970 (САИ. Вып. Г1-11).
- Кастанаян Е. Г. Раскопки Порфмий // АИУ. Киев. 1971. Вып. 3.
- Кастанаян Е. Г. Раскопки Порфмий в 1968 г. // Античные памятники на территории СССР. М. 1972 (КСИА. Вып. 130).
- Кастанаян Е. Г. Итоги раскопок Порфмий эллинистической эпохи // Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции). Киев. 1975. Ч. II.
- Кастанаян Е. Г. Порфмий // Centre d'archéologie Méditerranéenne de l'Académie Polonaise des Sciences. Etudes et Travaux. 1983. Т. 13.
- Тохтасьев С. Р. Посвятительное граффито из Порфмий // Древнее Причерноморье. Одесса. 1993 (Краткие сообщения Одесского Археологического общества).
- Шургая И. Г. Порфмий // Античные государства Северного Причерноморья. М. 1984 (Археология СССР).
- Tolstikov V. P. Descriptions of Fortifications of the Classical Cities in the Region to the North of the Black Sea // Ancient Civilizations. Leiden. 1997. N. 4, 3.
- Vachtina M. Ju. Archaic Buildings of Porthmion // The Cauldron of Ariantas. Aarhus. 2003 (Black Sea Studies. Vol. 1).
- Vinogradov Yuri A. Selected Findings from the Myrmekion Acropolis // Centre d'archéologie Méditerranéenne de l'Académie Polonaise des Sciences. Etudes et Travaux. 1999. Т. 18.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКРОПОЛЯ АРТЮЩЕНКО-2 (2003–2010 гг.)

С. В. Кашаев (г. Санкт-Петербург)

Древнее поселение и грунтовый некрополь Артющенко-2 расположены на обрывистом берегу Черного моря, в 17 км к ЮВ от станицы Тамань и в четырех км к ЮВ от поселка Артющенко (Новотаманский сельский округ, Темрюкский р-н, Краснодарский край). Грунтовый некрополь Артющенко-2 был обнаружен в 2002 г., а его регулярные раскопки начались с 2003 г. Высокий берег, на котором расположен памятник, постоянно разрушается в результате мощной абразии, характер и интенсивность которой обусловлены геологическими особенностями данной местности. Под воздействием грунтовых вод и собственной тяжести значительные участки грунта откалываются от коренного берега и сползают по наклонным пластам глины в сторону моря. Разрушения берега в результате абразии в районе памятника археологии Артющенко-2 фиксируются каждый год. Напр., очень значительные осыпи произошли в апреле 2010 г., когда от коренного берега откололся и съехал в сторону моря участок размером ок. 150–200×100 м и площадью до 20000 кв. м.

В 2003–2010 гг. на некрополе вскрыта площадь 2914 кв. м (табл. 1). Всего исследовано 110 погребений, среди них обнаружены индивидуальные мужские, женские и детские захоронения и парные захоронения, в которых, как правило, находились останки мужчины и женщины. Самые ранние захоронения по инвентарю датируются концом VI в. до н.э., самые поздние – первой четвертью II в. до н.э. Наибольшее количество исследованных погребений относится к началу V – началу IV в. до н.э., небольшая часть – к IV–III вв. до н.э., отдельные – к началу II в. до н.э.

Погребения V–IV вв. до н.э. расположены на всей площади исследованного участка. На самых северных и восточных исследованных квадратах помимо ранних находятся могилы IV–II вв. до н.э. Это позволяет предположить, что топографически некрополь развивался с ЮЗ на В и СВ. Таким образом, на южных и западных участках могильника находятся погребения архаического периода, а на северных и восточных участках – могилы периода эллинизма.

Весной 2009 г. на некрополе впервые были зафиксированы следы крупномасштабных грабительских работ, чрез год (весна 2010 г.) ситуация повторилась. Следы мелкого грабежа фиксировались на некрополе и ранее, но никогда разрушения и ущерб не имели столь значительного и катастрофического для памятника характера. Грабители орудовали в зимне-весенний период. В общей сложности на поверхности некрополя было обнаружено около 50 грабительских шурфов. В отвалах многих из них обнаружены фрагменты человеческих костей, керамики, железных предметов и пр. (в этих случаях грабительские шурфы попали на погребения).

С помощью своих методик грабители определяли места погребений, находящихся на глубине 1,5–1,8 м от поверхности, с поразительной точностью. Для этого могла быть использована и современная аппаратура и экстрасенсорные методы. Также активно использовались длинные щупы, следы которых постоянно фиксируются при проведении раскопок. После определения места расположения могилы грабители закладывали один или два шурфа в пределах могильной ямы, далее делали подбой во все стороны и выбирали археологический материал. Все шурфы были засыпаны самими грабителями и иногда замаскированы травой и дерном. По прошествии времени определить точные размеры шурфов без раскопок очень затруднительно, поэтому фиксировались примерные размеры пятна и площадь заметного на поверхности отвала.

Все грабительские шурфы были нами зафиксированы, для каждого были взяты отметки координат JPS, проведена фотофиксация его общего вида и находок с поверхности. По результатам фиксации все обнаруженные шурфы наносились на план некрополя. Полученная картина позволяет оценить площадь некрополя и примерные места расположения погребений.

ний. О незаконном повреждении памятника было информировано Управление по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края (г. Краснодар) и органы полиции.

В случае, когда погребения, уничтоженные грабителями, попадали в площадь нашего раскопа, проводилось их доследование. Чаще всего они уничтожены практически полностью, изредка остается минимальное количество данных для фиксации. Такие погребения получили собственную нумерацию с литерой «Г» (табл. 1).

Помимо раскопок на некрополе были проведены разведочные работы с использованием естественнонаучных методов. Проводилась съемка участков, локализация аномалий и отрабатывалась методика поиска захоронений, тризн и границ памятника с помощью георадара и магнетометра. На данном типе памятника наиболее достоверные результаты показали данные георадара.

Табл. 1. Исследования на некрополе Артющенко-2

Год исследования	Вскрытая площадь, кв. м	№№ исследованных погребений	Количество исследованных погребений
2002	0	1–2	2
2003	43	3–6	4
2004	133	7–13	7
2005	320	14–25	12
2006	470	26–35	10
2007	494	36–51	16
2008	495	52–66	15
2009	570	67–81; Г1–Г5	16; 5
2010	389	82–101; Г6–Г9	20; 4
ИТОГО	2914	1–101; Г1–Г9	101; 9

Материалы, полученные в ходе раскопок некрополя Артющенко-2, позволяют сделать выводы о конструкции погребальных сооружений и погребальном обряде некрополя, разнообразии погребального инвентаря и культуре древнего населения.

Выделяются такие элементы погребального обряда как погребальные сооружения, ориентация погребенных, сопровождающий инвентарь, тризны, надмогильные сооружения, кенотафы, повторные захоронения (подзахоронения).

Обычно погребения впущены в однородный материковый суглинок, цвет которого варьирует от светло-серого у поверхности до светло-бежевого или желтоватого на гл. 1,5–1,7 м. В таком однородном по цвету и консистенции грунте могильные пятна удается зафиксировать только в отдельных случаях; иногда контуры могилы проступали на уровне скелета.

Погребения некрополя находятся на глубине 1,0–1,6 м от современной поверхности. Сохранность скелетов в большинстве могил можно определить как плохую или очень плохую, в редких случаях она удовлетворительная. Скелеты в могилах лежат вытянуто на спине, руки вдоль туловища, чаще всего ориентированы головой на В, иногда с небольшим отклонением к С. Практически всегда захоронение совершено по обряду трупоположения, встречено лишь два случая кремации (предположительно на стороне).

В некрополе удалось зафиксировать следующие конструкции погребальных сооружений:

1) простые грунтовые ямы. Они сразу засыпались грунтом, в них отсутствовало перекрытие и воздушное пространство над захороненным. В таких погребениях наблюдаются две осо-

бенности – это не сдвинутые со своих мест кости и слегка «подогнутое» положение черепа. Эти факты свидетельствуют о том, что могильные ямы были относительно небольшого размера, и тело покойного по длине слегка не помещалось в нее;

2) грунтовые ямы с перекрытием. Такие ямы, скорее всего, имели заплечики, на которые укладывалось перекрытие. Ввиду сложности и однородности грунта, зафиксировать наличие заплечиков пока не удалось, но по косвенным признакам такой тип сооружений выделяется. Перекрытие, видимо, было из досок (дерева) и, как правило, не сохранилось. Только изредка удавалось обнаружить следы древесного тлена. В могилах такой конструкции имелось небольшое свободное пространство над телом. Это приводило к тому, что после разложения мягких тканей кости скелета часто были сдвинуты. Кости могли быть сдвинуты вследствие разных причин – деятельности грызунов, процессов разложения, обрушения свода или проседания грунта;

3) грунтовые ямы с комбинированным деревянным и сырцовым перекрытием. Эта конструкция очень близка предыдущему варианту с тем отличием, что поверх деревянного перекрытия выкладывался слой сырцовых кирпичей;

4) еще одной разновидностью ям с перекрытием являются могилы детей 1–3 лет. В этом случае в дне обычной могилы устраивалось небольшое углубление для помещения детского тела, а дно использовалось как заплечики для укладки перекрытия;

5) детские погребения в амфорах. Их обнаружено несколько, однако контуры и устройство могильных ям зафиксировать не удалось. Предположительно, они не имели перекрытия и просто засыпались грунтом;

6) сырцовые склепы – они являются наиболее сложными погребальными сооружениями. Для их строительства выкапывали котлован, в котором из сырцовых кирпичей выкладывали стены склепов, затем делали перекрытие. Оно могло быть двух видов: с горизонтальным настилом из досок и слоем сырцовых кирпичей или в виде свода, сложенного из сырцовых кирпичей. Конструкции стен и полов склепов также имеет разные варианты исполнения;

7) к редкому типу относятся могилы с большой погребальной камерой (ок. 2×3 м). На дне их устраивались четыре округлых углубления, предназначенные для установки ножек саркофага. Возможно, стены и перекрытия таких могил были укреплены деревянными конструкциями.

В большинстве исследованных могил погребенные ориентированы головой на В. Иногда наблюдается небольшое отклонение к С или Ю. Помимо основной восточной ориентации, встречены погребения, расположенные головой на З. Сочетание погребений с восточной и западной ориентацией является традиционным для боспорских некрополей V–IV вв. до н.э. Погребения с южной ориентацией могут иметь отклонения к З или В. Как правило, они относятся к наиболее позднему периоду – III–II вв. до н.э. Встречены погребения с северной ориентацией без инвентаря, вследствие чего их точная датировка затруднительна.

Обнаруженный погребальный инвентарь можно разделить на семь основных групп: керамические сосуды, оружие, украшения, предметы обихода и инструменты, монеты, кости животных, необычные (редкие) предметы. Как правило, в погребениях с восточной ориентацией инвентарь расположен у южной и частично у западной стенки могилы. Конечно, имеются исключения, но создается впечатление, что у северной стенки могилы располагались только определенные предметы инвентаря, напр., лекифы.

Наиболее массовой категорией находок в погребениях являются различные керамические сосуды. Только в очень редких случаях при наличии в погребении других предметов керамика отсутствует. Для керамических сосудов, как основной составляющей инвентаря, в могиле имеется определенное место. Они обычно расположены вдоль левой части тела погребенного, что соответствует расположению вдоль южной стенки могилы. Встречены самые разнообразные керамические сосуды греческого и местного производства: амфоры, чернолаковые сосуды, простые гончарные и лепные сосуды. Весь комплекс этих находок можно разбить на

несколько подгрупп, но в большинстве могил присутствует «основной набор» керамических изделий, состоящий из трех предметов: сосуд для вина (амфора, кувшин, ойнохоя), чаша для питья (килик, кубок, канфар) и миска (гончарная, чернолаковая, с ручкой).

Оружие, обнаруженное в погребениях некрополя, в основном, сделано из железа, только наконечники стрел изготавливались как из железа, так и из бронзы. Зафиксированы различные виды наступательного вооружения: мечи (акинаки), копья, стрелы, ножи (кинжалы). Оружие, подобно керамическим сосудам, является довольно многочисленной категорией находок.

Разнообразные украшения, как правило, находятся в женских и детских могилах, индивидуальных или коллективных. В редких случаях украшения (перстни) присутствуют и в мужских захоронениях. Украшения различны: простые бронзовые колечки; бронзовые и серебряные перстни со щитками; бронзовые, серебряные и комбинированные спиральные подвески; бусы и подвески из разных материалов (паста, стекло, гагат, лигнит), мелкий пастовый бисер; подвески и бусины из золота и серебра; украшения из раковин моллюсков.

К предметам обихода и инструментам относится множество находок различного назначения: пиксиды; шкатулки; бронзовые зеркала и черпаки (киафы); иглы и шилья; керамические и свинцовые пряслица; бронзовые ворворки и колокольчики; астрагалы. Пиксиды, шкатулки, зеркала, иглы, пряслица обнаружены в женских погребениях; киафы, колокольчики и ворворки – в мужских; астрагалы найдены в детском.

Имеется только один случай обнаружения монеты в погребении. Бронзовая боспорская монета с надчеканкой в виде звезды может быть датирована серединой III в. до н.э.

Во многих погребениях встречены кости животных. По определению к.и.н. А. К. Каспарова, это кости коровы и козы. Имеется исключительный случай (погр. 15), когда кроме кости животного в могиле не обнаружено ничего. Таким образом, можно утверждать, что заупокойная пища является в некрополе Артющенко-2 устойчивым элементом погребального обряда.

В группу необычных (редких) находок выделены скелеты змей и различные камни небольших размеров. Их наличие в погребениях представляется явно не случайным, но окончательные выводы об их предназначении пока делать рано. На этот счет имеются некоторые предположения. Скелеты змей обнаружены в нескольких погребениях. Все они не имели голов, что затрудняет точное определение вида пресмыкающихся. Змеи обнаружены в женских погребениях или в коллективных, где имеется скелет женщины. Если удавалось зафиксировать положение скелета змеи, то он был положен в виде буквы «S». Можно предположить, что змей клали в могилы женщин в ритуальных целях. Возможно, змея считалась неким оберегом или же воспринималась как проводница, союзница или помощница женщин в загробном мире.

Вторым видом необычных находок являются небольшие камни диаметром 3–6 см. Они были обнаружены среди инвентаря или в нескольких случаях – между костей. Место положения камешков в погребениях указывает на их не случайное происхождение. По определению геологов (Горный институт, СПб), это пористая вулканическая порода явно не местного происхождения, т. е. привезенная издалека.

При раскопках в слое некрополя встречено несколько комплексов, которые можно идентифицировать с тризнами. Это развалы амфор или части амфор, залегающие примерно на одной глубине – ок. 0,4–0,55 м от поверхности.

В нескольких случаях обнаружены комплексы, содержавшие останки лошадей, они получили наименование «погребение коня» (далее «ПК»). В них встречены целые скелеты коней или только черепа коней, часто с бронзовыми деталями конской упряжи.

В некрополе зафиксировано несколько погребений, идентифицированных как кенотафы: в них отсутствовали какие-либо костные останки, но находились керамические сосуды и другие предметы. Можно отметить, что инвентарь кенотафов всегда отличается своей немногочисленностью.

Представленная общая характеристика некрополя Артющенко-2 подчеркивает его индивидуальные особенности и своеобразие. В то же время можно констатировать, что он вполне вписывается в традиционный обряд, характерный для боспорских некрополей.

В 2008 г. участок площадью более 120 га, на котором расположены поселение и некрополь Артющенко-2, а также другие археологические памятники был выкуплен частной фирмой и предназначен под застройку. В результате чего эти археологические объекты могут быть уничтожены. Перечисленные проблемы (деятельность грабителей, абразия берега) обозначил круг незамедлительных мероприятий по изучению памятника: требуется проведение безотлагательных планомерных спасательных работ на некрополе Артющенко-2; предотвращение дальнейшего разграбления некрополя, организация его охраны. Только в таком случае возможно постоянное изучение и пополнение информации о его структуре, площади, хронологии, культурно-этнографической атрибуции, а также экономических и политических связях оставившего его древнего населения. В случае остановки археологических работ для науки будет безвозвратно потерян значительный объем научного материала, который уменьшается каждый год.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ УЧАСТОК КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ КИТЕЯ

Е. А. Молев (г. Нижний Новгород)

Война в любом греческом государстве была регулярно повторяющимся фактором общественной жизни (Медовичев, 2004. С. 31). Не случайно греки, прибывающие в колонии на новое место жительства, первым делом старались построить оборонительные сооружения. Вероятность военного противостояния полисов Боспора друг с другом и соседними варварами, по мере роста численности их населения с целью обеспечения перспективы своего развития вполне реальна. Это подтверждается и характером их оборонительных сооружений.

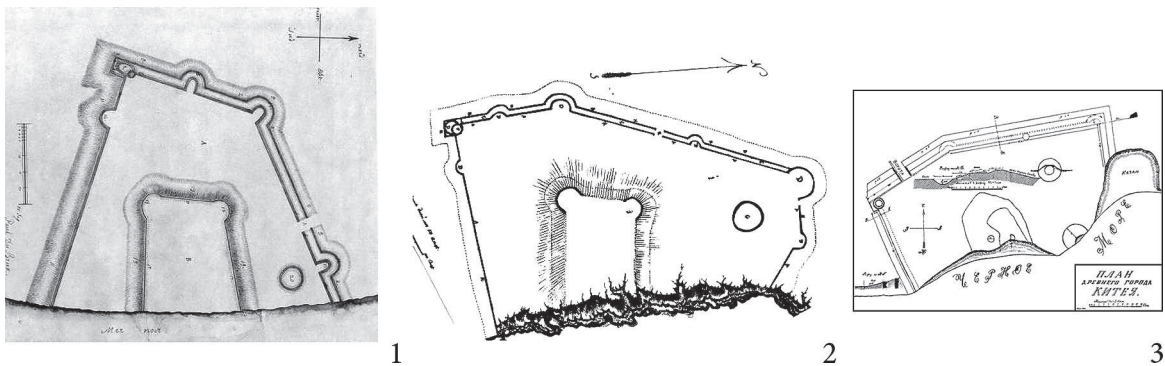

Рис. 1. Планы Китея XIX–начала XX в. 1 – план Китея, составленный П. Дюбрюксом в 1821 г.; 2 – копия плана П. Дюбрюкса, выполненная П. И. Кеппенем в 1834 г.; 3 – план Китея, составленный Ю. Ю. Марти в 1927 г.

Боспорский город Китея имел сухопутную границу со скифским миром, а с моря была постоянная опасность нападений пиратствующих кавказских племен зихов, гениохов и ахейцев. Это требовало строительства в городе надежных укреплений. Нам уже приходилось отмечать, что наиболее мощными были укрепления в приморской части, что, как будто дает основание думать о большей роли военной угрозы именно отсюда (Молев, 2002. С. 304). Западная линия укреплений города до недавнего времени оставалась наименее исследованной. Однако за три последних года был открыт ее ЮЗ участок и оказалось, что и с этой стороны город был укреплен достаточно основательно.

Рис. 2. Китей, башня «И» и стена 79 с запада

Любопытно, что на первых планах городища, снятых в XIX и начале XX вв. кроме линии крепостной стены никаких дополнительных укреплений с западной стороны города не обозначено (рис. 1, 1–3) (Дюбрюкс, 1858. С. 69; Марти, 1929). Не выявлено здесь, кроме небольшого участка крепостной стены, никаких дополнительных укреплений и раскопками Н. С. Беловой в 1957 г. (Белова, 1961. С. 83–90). Материалы аэрофотосъемки и топоъемки городища в 1970–1996 гг. также только уточнили картину укреплений Китея, не меняя ее кардинально (Молев, 1999. С. 49).

В 2005 г. было продолжено исследование ЮЗ участка крепостной стены города, где еще в 1995 г. была открыта кладка, идущая перпендикулярно линии крепостной стены и принятая нами за южную стену крепостной башни. В настоящее время новая башня вскрыта полностью, и результаты ее исследования несколько меняют картину исторических событий, происходивших в городе в последний период его существования.

Новая башня, получившая наименование «И», была заполнена серым, рыхлым суглинком с включениями камки, камней и большого количества фрагментов керамики. В центральной и южной частях слоя внутрибашенного пространства наблюдаются существенные включения камки. По всей территории внутри башни зафиксированы также включения обожженного камня, сажи, золы и отдельных угольков. В северной части помещения вдоль кладки 92 есть включения створок раковин мидий. В основании слоя почти по всей площади зафиксирована тонкая прослойка желтой плотной глины. На этом же уровне и чуть ниже лежат основания кладок стен башни.

Описание башни: Внешние размеры башни 7,5×5,5 м (рис. 4). Южную ее стену составляет кладка 82, открытая в сезоне 1993 г. и доследованная в сезоне 1995 г. Северная стена (кладка 92) сложена также, как и кладка 82, впереплет с линией крепостной стены (кладка 79). Кладка эта трехслойная. Внешние ее панцири выложены крупными, подтесанными с внешней стороны или даже выпиленными блоками (реперная отметка 29.16). Внутри стена забутована мелким и средним щебнем, глиной и грунтом; ее ширина 1,4–1,48 м.

Между кладками 82 и 92 расположена кладка 93, соединенная с ними впереплет и сложенная по такому же принципу. Эта кладка представляла собой лобовую стену башни. Внешняя ее

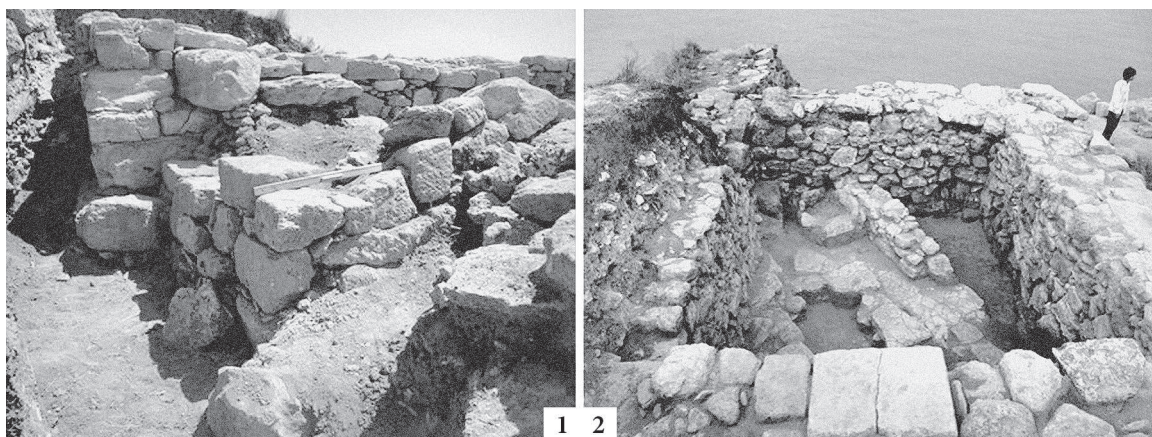

Рис. 3. Китей. 1 – уступ в линии стены 93 башни «И»; 2 – внутренняя часть башни «И»

часть представляла собой сплошной каменный завал. Толщина ее части, расчищенной в 2010 г., составляла 1,5–1,7 м. Однако в полевом сезоне 2011 г. было установлено, что часть каменных плит кладки выходит далее на запад от линии стены, а каменный завал перед этой кладкой образовался в результате разрушения ее позднейшими выборками и попаданием снарядов времен Великой Отечественной войны. Причем продолжающаяся часть кладки имеет с левой стороны (вид с запада) прямоугольный уступ (ок. 0,45 м), от линии стены башни открытой в сезоне 2010 г. (рис. 3, 1). Таким образом, на самом деле мощность лобовой части башни была значительно больше – до 4 м.

Все стены внутри башни имеют розоватый оттенок от обжига и легко осыпаются (рис. 3, 2). Это подтверждает отмеченное нами уже в 1993 г. наблюдение, что башня могла погибнуть в пожаре (Молев, 1993. С. 13; 1995, С. 12). Дата ее вероятного строительства также совпадает с нашими тогдашними наблюдениями. Хронология находок слоя внутри башни, а также то, что он отделен от предыдущего слоя, датирующегося IV–II вв. до н.э., прослойкой желтой глины позволяет говорить о формировании этого слоя и строительстве новой линии укреплений с открытой нами башней на этом участке во второй половине–конце II в. до н.э. Это было время подчинения Боспора Митридату Евпатору и могло быть связано с деятельностью его наместника по укреплению подступов к Боспорскому государству со стороны моря. Гибель же башни, вероятнее всего, следует относить ко времени середины–второй половины III в. н.э. Это было время варварских походов на территорию Боспора и далее и могло быть следствием этих вторжений.

Среди находок слоя большинство составляют фрагменты амфор (72,1% от общего числа находок), далее – находки посуды (23,5%), среди которой количественно преобладает красноглиняная столовая (около 53%), и лепная керамика. Датированный материал дает очень широкие хронологические рамки: от середины IV в. до н.э. до III–IV вв. н.э., причем преобладают материалы IV–III вв. до н.э. и I–II вв. н.э. Это связано с тем, что башня строилась на сnivelированном участке культурного слоя города более раннего времени. Среди находок слоя наиболее интересен фрагментированный лепной светильник, изготовленный из местной коричнево-серой глины с включениями толченой ракушки. Светильники аналогичной формы есть в Танаисе, где они датируются I–II вв. н.э. (Арсентьева, 1988. С. 85. Табл. XXIX, 1). Есть такие светильники и в более ранних находках в Китее (Молев, 2010. С. 223. Табл. 81, 14; 82, 1).

Таким образом, полученные нами материалы свидетельствуют, что в истории города во II в. до н.э. были какие-то трудности с защитой города с западной стороны – возможно и разрушение западной части города в результате военного нападения. Это вынудило горожан перенести линию западной стены на район городских кварталов, частично сnivelированных в результате строительных работ.

Позднее, вероятнее всего, в III в. н.э., эта линия обороны подверглась новому разрушению, что засвидетельствовано мощным пожаром внутри башни «И». Но и после этого линия обороны в этой части города продолжала функционировать, и окончательное разрушение ее произошло не ранее конца IV в. н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсентьева Т. М.* Светильники Танаиса. М. 1988.
- Белова Н. С.* Археологические разведки в Китее // КСИА. 1961. № 83.
- Дюбрюкс П. И.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского // Записки Одесского общества истории и древностей. 1858. № 4.
- Марти Ю. Ю.* Раскопки городища Китя в 1928 г. // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь. 1929. Т. III.
- Медовичев А. Е.* Война как культурный и социальный фактор: Очерки по изучению войны в античном мире // Война и античное общество. Современная зарубежная историография. Реферативный сборник. М. 2004.
- Молев Е. А.* Отчет о раскопках городища Китя в 1993 г. // Архив ИА НАНУ. № 125/36.
- Молев Е. А.* Отчет о раскопках Китя в 1995 г. // Архив ИА НАНУ.
- Молев Е. А.* Планы Китя, составленные П. Дюбрюксом и Ю. Ю. Марти, как источник по топографии города // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира: Мат-лы Междунар. конф. СПб. 1999.
- Молев Е. А.* Система обороны Китя // БИ. 2002. Т. II.
- Молев Е. А.* Боспорский город Китей. Симферополь; Керчь. 2010.

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ТАНАИСА С ПОНТИЙСКИМ РЕГИОНОМ

С. А. Науменко (г. Ростов-на-Дону)

Танаис является самым крайним северо-восточным пунктом античной цивилизации, расположенным на правом коренном берегу дельты Дона (в древности – Танаиса) (рис. 1). Город основали греческие переселенцы с Боспора Киммерийского в первой трети III в. до н.э. Вскоре он стал крупным торговым центром огромного региона, населенного степными кочевниками. Товары, главным образом, вино (реже оливковое масло) в амфорах поставлялись из разных производственных центров Понтийских и Восточно-Средиземноморских областей, а также из более удаленных мест. Спрос на эти товары был огромен и поэтому находки именно этой керамической группы в Танаисе столь многочисленны.

В силу особых исторических условий, связанных с постигшими город катастрофами, последовавшими одна за другой: в конце I в. до н.э. (разгром города боспорским царем Полемоном – см. Шелов, 1970. С. 226–229), около середины II в. н.э. (Арсентьева, Науменко, 2004. С. 37; Науменко, 2005. С. 123, 134) и, наконец, в середине III в. н.э. (Шелов, 1972. С. 299–304), в Танаисе образовались закрытые комплексы, содержащие огромное число амфор различных типов, бытовавших в одно и то же время в античном мире. Учет общего состава целых форм амфор и их профильных частей дает нам огромное число – свыше 94000 ед. (по состоянию на 2002 г.). В результате статистической обработки получается минимальное количество сосудов – свыше 15000 ед. на раскопанную на сегодняшний день площадь, составляющую где-то одну десятую часть всей территории Танаиса. Экстраполяция на общую площадь города составила бы около 150000 амфор за всю историю существования этого торгового центра. И это далеко не полные данные, учитывая неполноту

Рис. 1. Карта

информацию о точных границах города, времени существования тех или иных его составных частей и местоположении мусорных свалок.

Полностью исследованные археологические комплексы, содержащие амфорный материал, на сегодняшний день насчитывают около 150. Большая часть их открыта на территории цитадели (рис. 2) и более 30 – на территории некрополя. К III–I вв. до н.э. относятся всего шесть комплексов, остальные – к первым векам н.э.

В эллинистический период (III–I вв. до н.э.) важными торговыми партнерами Танаиса наряду с Родосом были Синопа, в меньшей степени – Гераклея Понтийская, Херсонес и район Колхиды, где производились т.н. колхидские амфоры. Статистика дает следующее минимальное количество сосудов на исследованную площадь городища (по состоянию исследований на 2000 г.): Синопа – 89, Херсонес – 10, Гераклея – 7, Колхида – 5. Для сравнения приведем Родос: 433 – минимальное число амфор, клейм – более 726.

Синопа – один из важнейших торговых партнеров Танаиса. Она имела торговые связи с этим городом и огромным регионом – Северо-Восточным Приазовьем, населенным кочевниками, на протяжении всего времени существования Танаиса вплоть до поздней античности. Самые ранние для Танаиса синопские клейма относятся к концу 80-х гг. III в. до н.э. Однако, основная масса синопских клейм приходится на 60–40 гг. III в. до н.э. В этот период Синопа производила сосуды типа III, которые, по мнению С. Ю. Монахова, появляются со второй четверти III в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 152). Примером таких амфор может служить сосуд емкостью 19,5 л из подвала ИО (раскоп VI) с клеймом группы Vb астинома Антипатра сына Никона – около 248 г. до н.э. (рис. 3, 1). Эта амфора обнаружена в комплексе с родосской амфорой с клеймом (Шелов, 1993. С. 28. № 150) и чернолаковым кубком конца IV в. до н.э., (Арсеньева и др., 2001. С. 92 сл. Рис. 26–31). К концу III–началу II вв. до н.э. в Танаисе появляются сосуды, относящиеся к завершающему этапу синопского клеймения (Монахов, 1999. С. 556–559; 2003. С. 154). Представление о форме сосудов дают нам находки из некрополя. На одной из амфор емкостью 17,9 л имеется клеймо с именем фабриканта Невмения (рис. 3, 2), К концу II в. до н.э. сосуды отличает меньший диаметр тулова, цилиндрическое горло, коническая ножка, являющаяся продолжением конического тулова, иногда со следами прокручивания. Емкость таких сосудов 13,0–13,6 л (рис. 3, 3). Такая форма амфор сохраняется, очевидно, и в I в. до н.э.

Рис. 2. План цитадели Танаиса I–середины III в. н.э.

Для римского времени основные формы синопской тары выделены С. Ю. Внуковым, доказавшим их синопское происхождение. На рубеже н.э. происходит смена форм амфор.

Синоп, как и Гераклея Понтийская, производила псевдокосские амфоры с двуствольными ручками. Эта форма появляется в конце I в. до н.э. и, по мнению С. Ю. Внукова, бытует в течение всего I в. н.э. (Внуков, 2006. С. 167. Рис. 1, 13 (тип Син III)). Их емкость 14–15 л. Они близки по форме псевдокосским позднегераклейским сосудам, емкость которых колеблется от 10 до 14 л. Визуально фрагментированные сосуды обоих центров трудно различимы (рис. 4). Поэтому они не отражены и в статистике псевдокосских амфор, насчитывающих ок. 600 сосудов минимально.

В конце I–первой половине II в. н.э. в Танаисе бытует форма амфор, похожая на сосуды II–I вв. до н.э., но с некоторыми морфологическими отличиями: желобок под треугольным в сечении венчиком. Сосуды намного крупнее, их емкость 22 л (рис. 3, 4). По мнению С. Ю. Внукова, эти амфоры (тип Син II) производились и после середины III в. н.э. Однако в многочисленных закрытых комплексах Танаиса середины III в. н.э. они отсутствуют. Другая форма сосудов на широком плоском дне со слабо выделенным кольцевым поддоном типа Син IV6 емкостью 15–16 л (Внуков, 2006. С. 16. Рис. 1, 15) = Зеест 78 (Зеест, 1960. С. 116. Табл. XXXIII, 78) отмечена в закрытых комплексах Танаиса около середины II и середины III вв. н.э. (рис. 3, 5).

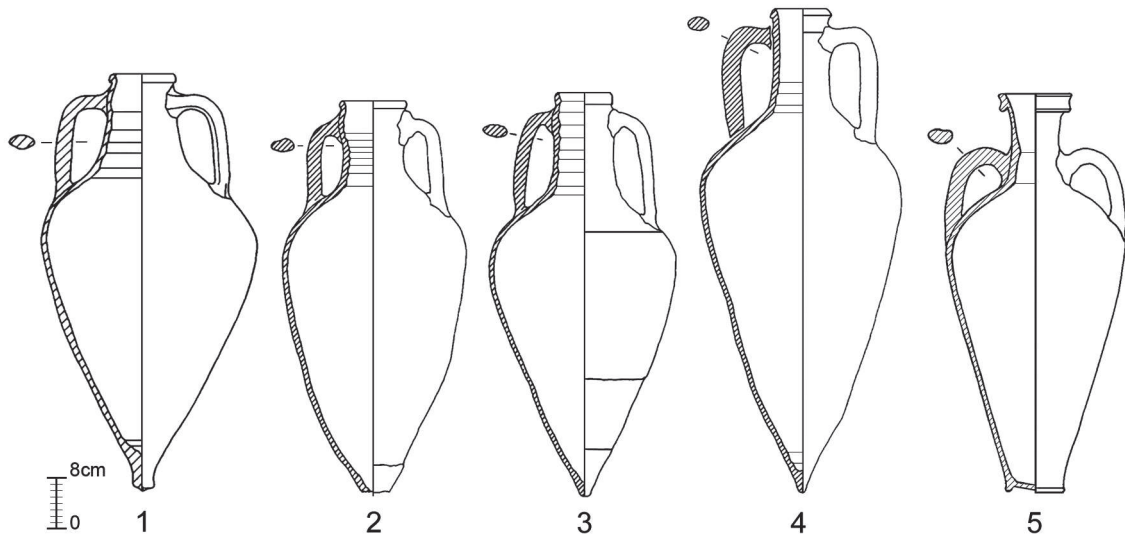

Рис. 3. Синопские амфоры III в. до н.э. – III в. н.э.

Учтено их минимальное количество 70 ед. Что касается нижней границы этой формы сосудов, то они возникают, по мнению С. Ю. Внукова, еще в середине II в. до н.э.

Во II–III вв. н.э. в Танаисе бытует и крупная форма транспортных сосудов, высотой около 1,0 м и емкостью 70 л (рис. 5). Она отмечена во многих комплексах этого времени вместе с крупными амфорами из оранжевой, фиолетовой и красной глины разных, чаще пока неопределенных центров производства. Доказано их синопское происхождение (Kassab Tezgör, Tatlıcan, 1998. S. 424. Abb. 5–6). Эта форма амфор поставлялась в больших количествах и в Горгиппию. В таких сосудах, очевидно, перевозилось вино, в то время как в Танаисе они использовались для хранения зерна.

В позднеантичную эпоху Синопа не прекращает своих отношений с поселением, возникшим на развалинах античного Танаиса.

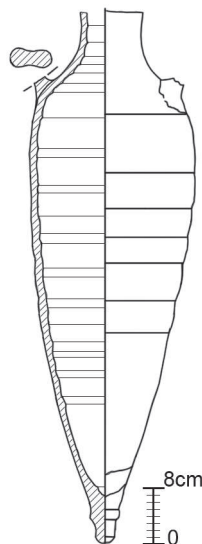

Рис. 4. Синопская амфора I в. до н.э. – I в.н.э.

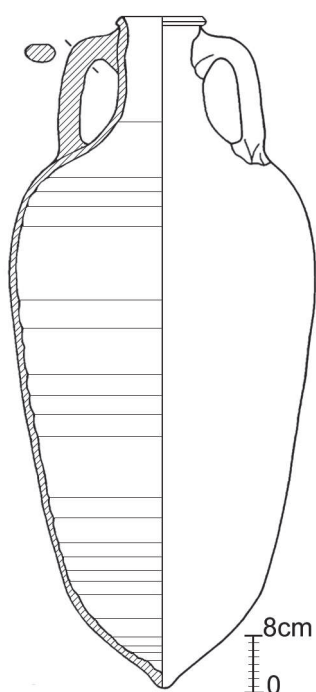

Рис. 5. Синопская транспортная амфора II–III вв. н.э.

Херсонес представлен единичными находками фрагментов амфор (минимальное количество 10 ед.) и клейм. Известны клейма группы I В астинома Мейриоса 315–300 гг. до н.э., позволяющие наряду с другими ранними артефактами предположить более раннее время основания Танаиса.

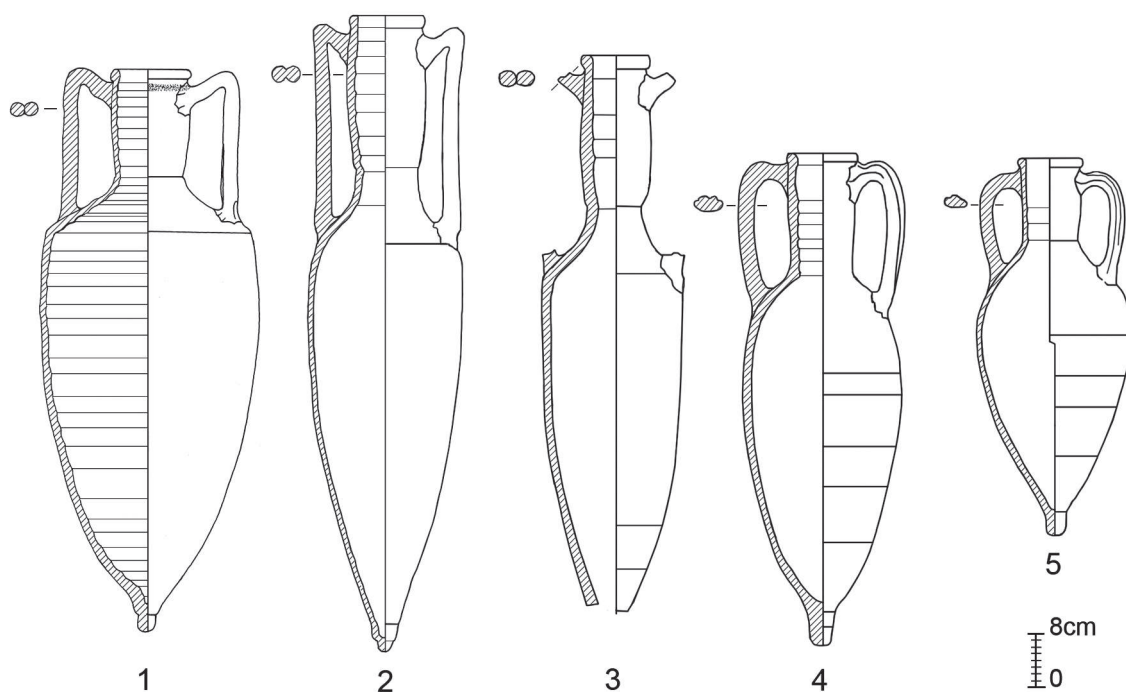

Рис. 6. Гераклеийские амфоры I в. до н.э. – I в. н.э.

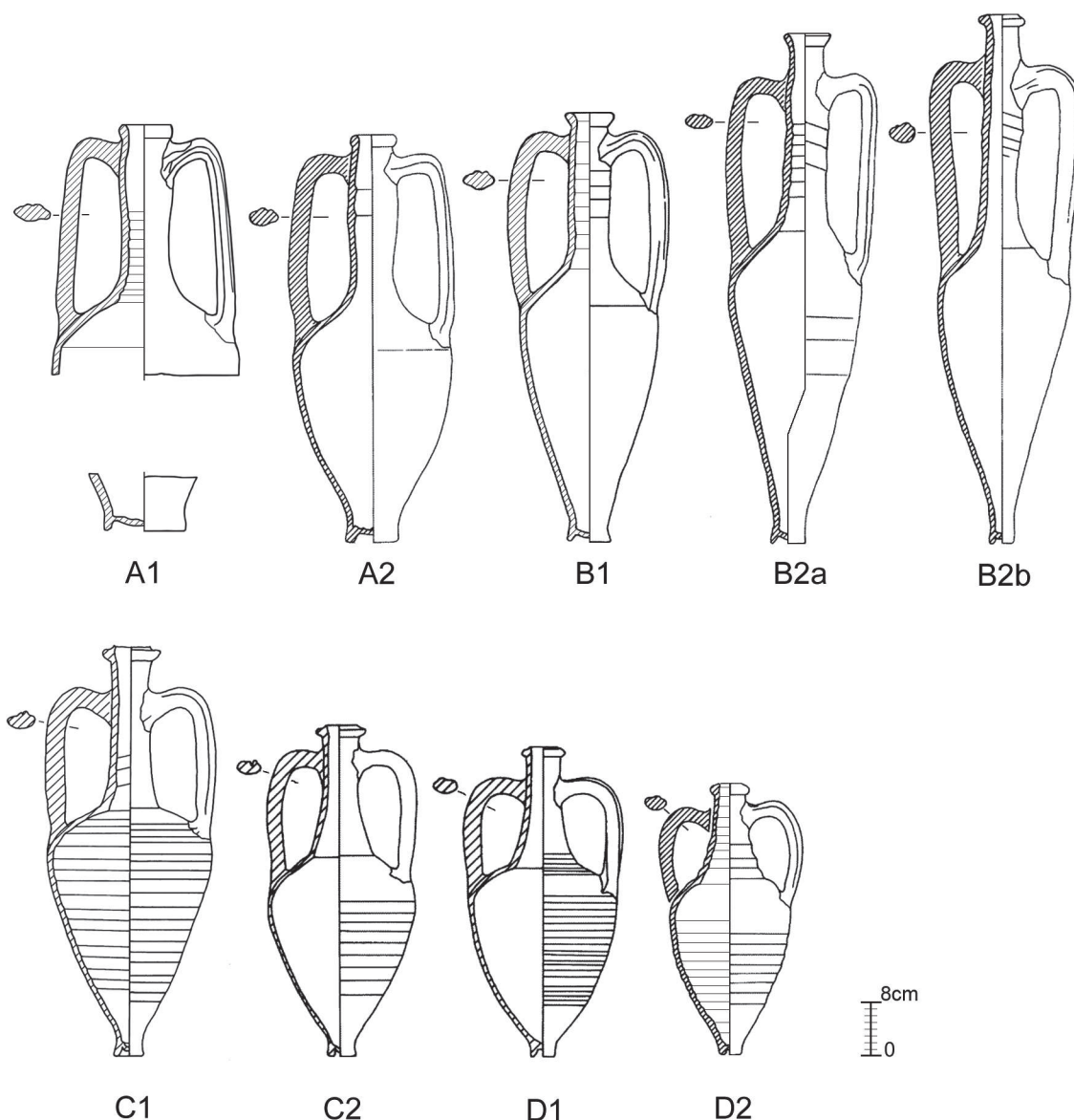

Рис. 7. Гераклейские амфоры типа CIV I–III вв. н.э.

Импорт товаров из метрополии Херсонеса – Гераклеи Понтийской в начальный период существования Танаиса незначителен. В комплексах встречены, в основном, обломки ручки с клеймами. Настоящий интерес к Танаису Гераклея проявляет лишь к концу эллинистической эпохи. Так называемые псевдокосские амфоры типа C1a, производившиеся в Гераклее с рубежа 60–50 гг. I в. до н.э. по первую четверть I в. н.э. (Внуков, 2006. С. 167, рис. 1, 1) начинают активно пробивать себе дорогу на Нижний Дон. С этого времени и вплоть до гибели города в середине III в. н.э. Гераклея является одним из самых важных торговых партнеров Танаиса. Несмотря на незначительное количество закрытых комплексов I в. н.э. по вполне понятным причинам, в Танаисе засвидетельствовано огромное число позднегераклейских псевдокосских амфор типа C1. Минимальное учтенное количество – около 600 сосудов. Емкость ранних сосудов 30,7 л (рис. 6, 1). Поздний вариант типа C1b, изменился в пропорциях. Корпус стал более вытянутым и узким, объем уменьшился до 10–14 л. (рис. 6, 2–3). Время производства – I в. н.э. и первая треть II в. н.э. В Танаисе обломки этих сосудов в огромных количествах встречены в мусорных слоях I в. Ими вымощены улицы и площади.

В последней трети I в. до н.э. из Гераклеи в Танаис ввозилось вино и в сосудах, выделенных С. Ю. Внуковым в тип СIII (Внуков, 2006. С. 167. Рис. 1, 4–5). В Танаисе небольшая статистика минимального количества сосудов (всего 15 единиц). Однако, это связано с тем, что морфологически венчики и ручки амфор этого типа имеют большое сходство с другим типом позднегераклейской тары – типом CIVА. Тем не менее, имеющиеся целые экземпляры дают нам представление о танаисских сосудах, емкость которых колеблется от 7 л (рис. 6, 4) до 10 л (рис. 6, 5).

Один из самых репрезентативных для Танаиса типов позднегераклейской тары – это узкогорлые светлоглиняные амфоры типа CIV, вариантов А-D (Внуков, 2006. С. 16. Рис 1, 7–10). Они поступали в город в огромных количествах в период с I по III вв. н.э. В закрытых комплексах Танаиса – складах купцов, особенно середины III в. н.э., их находят большими партиями по 200–300 ед.

Самым ранним в этом хронологическом ряду являются амфоры типа CIVА, производившиеся в I в. н.э. Среди них выделяются два варианта, отличающихся размером поддона. Емкость сосудов 6,7–7,6 л (рис. 7, А1, А2). Учтено их минимальное количество – 84 ед.

На смену этой форме сосудов приходит тип CIVВ, производство которого началось в последней трети I в. н.э. и продолжалось вплоть до начала II в. (до 40-х гг. II в., по мнению С. Ю. Внукова). Меняется не только форма сосудов, но и их объем. Корпус резко удлиняется, а поддон уменьшается. Причем амфоры с относительно широкими поддонами имеют широкие ручки (CIVВ1) – их объем 6,1 л (рис. 7, В1). У сосудов с узкими поддонами соответственно узкие ручки (CIVВ2), горла у этого варианта массивные, высокие и узкие, слегка перекрученные, а оформление венчиков бывают различные. Это валики с максимальным расширением в верхней части (В2а) или с максимальным расширением в средней части (В2b) (рис. 7, В2а, В2b). Объем сосудов колеблется от 5,4 до 6 л. Для типа CIVВ статистика дает нам минимальное количество – 163 сосуда.

Следующий тип амфор CIVС, по мнению С. Ю. Внукова, производился со второй четверти по конец II в. н.э. Однако исследования в Танаисе показывают, что эта форма амфор появляется значительно раньше, по-видимому, на рубеже I–II вв., а, возможно, и чуть раньше. В одном из закрытых комплексов Танаиса последней трети I в. н.э. вместе с амфорами типа CIVВ2 отмечено и горло раннего варианта амфоры CIVС (Науменко, 2008. С. 271). Оно массивное невысокое, но уже с наметившимся ребром вдоль задней стенки венчика. По материалам Танаиса выделяются два варианта этой формы. Сосуды емкостью от 7 до 7,5 л с высокими почти цилиндрическими горлами, массивными венчиками диаметром около 8–10 см (CIVС1 – рис. 7, С1) отмечены в комплексах, погибших в пожаре около середины II в. н.э. Сосуды емкостью около 6 л (CIVС2 – рис. 7, С2) бытуют в течение второй половины II в., постепенно сменяясь следующим хронологическим типом CIVD, очевидно на рубеже II–III вв. или в последние десятилетия II в. н.э. Минимальное количество сосудов типа CIVС – 4169 ед.

Следующий тип CIVD появляется в последней четверти II в. и производится в течение всего III в. Минимальное количество сосудов в Танаисе свыше 6000 ед. Емкость амфор колеблется от 2,8 до 4,9 л у самых ранних экземпляров (рис. 7, D1). В середине III в. отмечены и совсем мелкие образцы сосудов, у которых иногда отсутствует на ножке кольцевой поддон, емкость таких амфор около 2,0–2,1 л (рис. 7, D2).

Не исключено, что и в позднеантичное время Гераклея являлась производителем продукции, транспортировавшейся в Танаис в сосудах типа E, F.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсеньева Т. М., Науменко С. А. Новые данные о фортификации Танаиса // Древности Боспора. М. 2004. Т. 7.
Арсеньева Т. М., Беттгер Б., Науменко С. А. К истории эллинистического Танаиса // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск. 2001. Т. XI.

- Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II. СПб. 2006.
- Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. М. 1960 (МИА. № 83).
- Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов. 1999.
- Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов. 2003.
- Науменко С. А. Амфоры из закрытых комплексов Танаиса римского времени // *Nowensia*. Warszawa. 2008. № 18–19.
- Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М. 1970.
- Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М. 1972.
- Шелов Д. Б. Новая коллекция эллинистических керамических клейм из Танаиса // *Вестник Танаиса*. Ростов-на-Дону. 1993 (1994). № 1.
- Naumenko S. Neue Forschungen zur westlichen Verteidigungsanlage von Tanais // *Eurasia Antiqua*. 2005. Bd. 11.
- Kassab Tezgör D., Tatlican I. Fouilles des ateliers d'amphores a Demirci pris de Sinopen 1996 et 1997 // *Anatolia Antiqua*. 1998. № VI.

РЕДКАЯ ПАРАДНАЯ ПОСУДА КРЕПОСТНОГО ГОРОДИЩА (г. АЗОВ)

А. А. Горбенко, В. М. Косяненко (г. Азов)

Крепостное городище и некрополь расположены в центральной части г. Азова (Ростовская обл.). Раскопано около 300 погребений, датируемых I–II вв. н.э. Обнаруженный погребальный инвентарь весьма разнообразен и представлен украшениями, предметами быта и вооружения, керамическими изделиями. Среди керамики преобладают сероглиняные кружальные сосуды местного производства из гончарных мастерских, открытых на Кобяковом (г. Ростов-на-Дону) и Подазовском (г. Азов) городищах, или из Прикубанья. Реже встречается лепная керамика, изделия боспорских мастерских, Малой Азии и римских провинций. Наше сообщение посвящено редким парадным сосудам, открытым в некрополе Крепостного городища.

Единичной находкой является фрагмент чаши, выполненный из черепа человека (рис. 1, 1), обнаруженный в средневековом рве XVI в., который был вырыт в античном слое I–II вв. н.э. В ходе исследования проведен соответствующий визуальный осмотр костной структуры чаши археологами, антропологами, палеонтологами и специалистами судебной медицины. Был сделан вывод, что «по общим признакам и отдельным деталям (выпукло-вогнутая форма, толщина и структура пластины, характерные углубления на частично сохранившейся естественной поверхности вогнутой стороны) представленный фрагмент проявляет наибольшее сходство с лобной частью взрослого человека» (Батиева, 2004. С. 465). Судя по фрагменту, чаша имела скошенный наружу венчик и закругляющийся бортик, переходящий, видимо, в основание чаши. Поверхность тщательно обработана, есть следы лощения и подправки края.

Многие племена поддерживали ненависть к врагу и воинственную гордость при помощи таких трофеев, как высушенная голова врага, вывешивая ее в виде украшения на своей хижине или превращая череп в кубок (Тейлор, 1939. С. 119). Культ черепов у живущих в Северном Причерноморье скифов описывал Геродот. Те же черты в описании ираноязычных номадов отметил в I в. н.э. Помпоний Мела. В средневековье, кроме хрестоматийного свидетельства с черепом князя Святослава на Руси (Повесть временных лет. 1950. Ч. I. С. 53), можно найти и другие примеры.

Обычай изготовления чаш из черепов врагов был распространен на разных территориях, диапазон его существования достаточно широк и во времени. Однако это явление не было отмечено в письменных источниках относительно оседлого населения Нижнего Дона, меотов

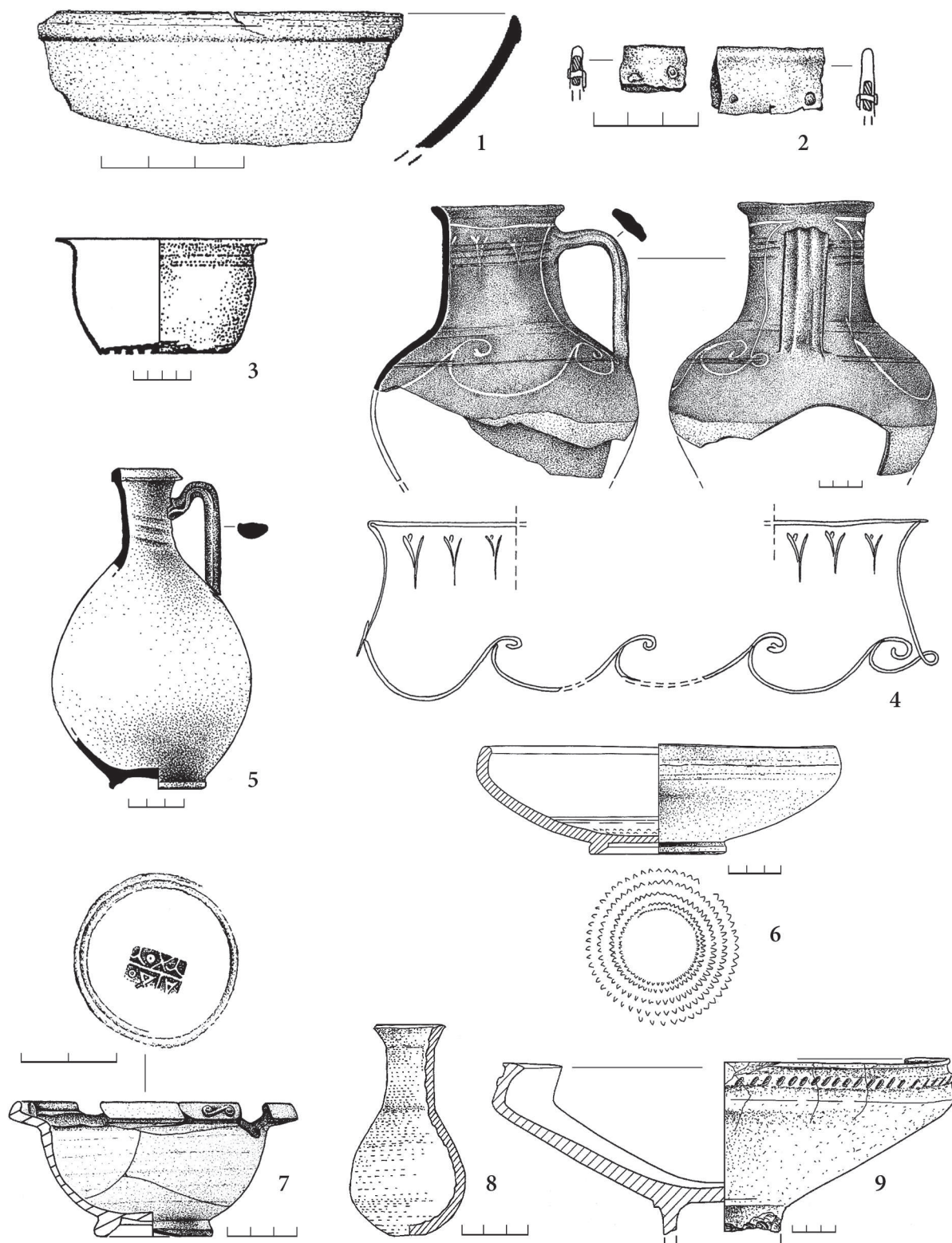

Рис. 1. Редкая парадная посуда из некрополя Крепостного городища (1 – кость; 2 – дерево, бронза; 3 – бронза; 4–9 – обожженная глина)

и сарматов, живших здесь в первые века н.э. Только в нартском эпосе упоминаются случаи, когда рубят головы врагов, привозя их в качестве трофея, а из скальпов и из снятой кожи поверженных изготавливают одежду (Дюмезиль, 1990. С. 40, 192–193). В целом же, священное отношение к чаше наблюдается у оседлого населения Дона и Кубани в обряде, когда чаша (миска, блюдо) подкладывается под голову (Косяненко, 2008. С. 214–215).

Только в двух погребениях некрополя Крепостного городища мы обнаружили присутствие *деревянного сосуда*, от которого остались тонкие прямоугольной формы пластины, согнутые пополам, со штифтами для крепления. Внутри и на них сохранились остатки древесины. Это бронзовые накладки на край, скорее всего, чаши (рис. 1, 2). Подобные чаши открыты в донских сарматских курганах, но с золотыми обивками. Как нам представляется, деревянные полусферические чаши с обкладками из золота и бронзы могли быть символом мужества и имитировали чаши из черепов врагов.

Бронзовая посуда обнаружена только в одном погр. 1(Д)1997 (рис. 1, 3). Сосуд чашеобразной формы, скорее всего, является частью ковша. Подобная трактовка изделия вполне оправдана, т.к. отсутствует часть венчика и тулова, где и могла быть ручка. Сохранившаяся часть ковша имеет отогнутый наружу венчик, плавно переходящий в округлое приземистое тулово, слегка сужающееся к дну. Под венчиком на тулове расположен врезной кольцевой орнамент. Плоское дно с внешней стороны украшено рельефным узором из пяти окружностей. Внутри на дне медальон с коническим углублением в центре. Он ограничен неглубокой врезной линией. Аналогичные оформления дна характерны именно для ковшей. Присутствие бронзового ковша в могильнике Крепостного городища – пока единственный случай. В погребениях 1956–1962 гг. из некрополя Кобякова городища бронзовая посуда не встречена. Из дореволюционных находок известен бронзовый ковш с надписью из некрополя Нижне-Гниловского городища (Книпович, 1949. С. 145. Рис. 52; Кропоткин, 1970. С. 25. Рис. 64, 4). Авторы отнесли его к италийскому производству, датирован ковш второй половиной I в. н.э. В Танаисе бронзовые ковши известны с территории городища – так одна танаисская ручка принадлежала ковшу I в. н.э. (Шелов, 1972. С. 149. Рис. на с. 145, 150).

Встречаются ковши и в сарматских древностях, в т.ч. в донских курганах. Бронзовый ковш был обнаружен в сарматском кургане у хут. Кудинова. Дата I в. н.э. (Капошина, 1967. С. 212–213; Кропоткин, 1970. С. 25). Некоторые ковш, в т.ч. из Ростовской обл. опубликованы В. В. Кропоткиным. Морфологически по чашеобразной части ковш относится ко второй половине I в. н.э., поэтому, фрагментированный ковш из некрополя Крепостного городища может быть отнесен именно к этому времени.

Гораздо чаще встречается в некрополе *краснолаковая керамика*, среди которой также имеются редкие экземпляры. Прежде всего, остановимся на краснолаковом кувшине с росписью (рис. 1, 4) из погребения 1982 г. Кувшин имеет отогнутый наружу венчик, со скосом внутрь, цилиндрическое горло, округлое тулово и вертикальную, уплощенную в сечении, профилированную ручку. Скорее всего, он имел поддон, как подобные ему, но в данном случае придонная часть не сохранилась. В отличие от других, на этом экземпляре в месте присоединения ручки к горлу прочерчены четыре горизонтальные линии, а в месте перехода к тулову имеется выпуклый ободок. На уровне нижнего крепления ручки, по тулову, прочерчена горизонтальная линия. Внешняя поверхность кувшина почти до середины тулова покрыта красным лаком. По горлу и верхней части тулова проходит орнамент, исполненный накладкой белой краской. В связи с тем, что фрагмент пережжен, возможно, во время пожара, краснолаковое покрытие стало пятнистым до коричневатого-черного, а белая краска потемнела и имеет желтоватый оттенок. Орнамент состоит из двух схем: по горлу вертикально расположены шесть двулистников с «бутонами», по венчику проходит горизонтальная линия, которая обрисовывает ручку с одной стороны, спускаясь на тулово, далее образует

четыре завитка, поднимается вдоль другой стороны ручки и соединяется с горизонтальной линией под венчиком (рис. 1, 4).

Кувшины, близкие по морфологическим признакам, но без рисунка, известны в мог-ке Золотое в Крыму, где датируются I в. до н.э. (Корпусова, 1983. Табл. XVIII, 22; XXXIII, 10). Ближайшим памятником, где обнаружен аналогичный кувшин, является Танаис – погр. 220, датируемое I в. до н.э. (на этом кувшине также имеется зигзагообразная линия, выполненная белой краской – Арсеньева, 1977. С. 54. Табл. XXV, 5). Судя по форме, сложности и законченности рисунка, мы считаем возможным датировать кувшин с рисунком из мог-ка Крепостного городища концом I в. до н.э. – началом I в. н.э.

В единственном экземпляре в материалах некрополя Крепостного городища имеется краснолаковый лекифообразный кувшинчик – находка строителей в 1972 г. Лекиф имеет скошенный наружу венчик, узкое цилиндрическое горло, округло-вытянутое яйцевидное тулово на поддоне, вертикальную профилированную ручку с характерным изгибом (рис. 1, 5). Рассматриваемый экземпляр вообрал в себя черты первого и второго вариантов второго типа кувшинов из мог-ка Золотое в Крыму, известны они и в Румынии. Такие сосуды датируются концом I в. до н.э. – началом I в. н.э. (Корпусова, 1983. С. 38, 110. Табл. 10, 5–6).

К еще одной редкой форме относится краснолаковый флакон, обнаруженный в погребении некрополя в 2006 г. Сосуд имеет отогнутый наружу край, цилиндрическое узкое горло, округлое приземистое тулово и плоское дно (рис. 1, 8). Подобные флаконы датируются первой половиной I в. н.э. (Корпусова, 1983. Рис. 13, 8, 11; Вязьмитина, 1972. С. 19. Рис. 6, 18).

Остановимся и на двух чашах, редких для Нижнего Подонья форм. Чашка, найденная в 2007 г., имеет скошенный наружу бортик с выемкой внутри, глубокое полусферическое тулово и четко оформленный кольцевой поддон (рис. 1, 7). Внутри чаши на дне помещено клеймо, состоящее из двух строчек в круглом медальоне, оформленном двумя желобками. На внешней стороне имеется рельефный знак «И» и два симметрично расположенных косых налета с закрученными концами. Морфологические особенности чашки, наличие именного клейма свидетельствуют о возможности ее датировки концом I в. до н.э. – рубежом н.э. Позже клейма мастеров или владельцев керамических мастерских заменяются на фигурные (Книпович, 1952. С. 290). Состав глины, качество лакового покрытия, четкость профилировки бортика и кольцевого поддона позволяют отнести изделие к итальяским мастерским (Там же. С. 291). Более поздние варианты этой формы, относящиеся к I–началу II в. н.э., известны из Танаиса и памятников Крыма. Они имеют морфологические отличия (высота бортика, другие налеты), а главное – отсутствие или упрощение клейма (напр., розетка).

Вторая чашка имеет загнутый край, округлую форму и невысокий поддон. Форма таких чаш известна в памятниках Нижнего Дона, но наша отличается орнаментом на внутренней поверхности тулова в виде штампованных треугольников, расположенных по спирали (рис. 1, 6). Подобные чаши датируются I в. н.э. (Силантьева, 1958. С. 293).

При наличии большого количества *сероглиняной гончарной керамики* местного производства на поселениях Нижнего Подонья в первые века н.э. в некоторых комплексах мы обнаружили посуду редкой формы, скорее всего, кубанских мастерских. К таким изделиям относится ваза из погребения 1(КЛ)1988 I в. н.э. из некрополя Крепостного городища (рис. 1, 9). Она чашеобразной формы на подставке-ножке. Нижняя часть ножки отсутствует. Не исключено, как и на подобных сосудах, что ножка переходила в круглое плоское основание. Один из валиков рифленого бортика украшен косыми насечками. Типологически близкая ваза найдена в сарматском кургане гр. Высочино V близ Азова. Подставка от чаши в погребении Кобяковского некрополя была поставлена открытой частью вверх, т.е. использована в качестве «чашки» (Косяненко, 2008. С. 73–74. Рис. 73, 3).

Завершая обзор редких экземпляров посуды из некрополя Крепостного городища, следует

остановиться на *стеклянной посуде*. Как известно, в античное время стеклянные сосуды ценились дороже золотых и серебряных, стеклянная посуда в памятниках Нижнего Дона – большая редкость. Только в одном погребении некрополя Крепостного городища обнаружен обломок стенки стеклянного сосуда I в. н.э. Погребение принадлежало состоятельному человеку, т.к. в инвентаре присутствуют детали защитного доспеха – пластины и бляха. Погребение разрушено в 1984 г. современной траншеей – сохранилась только верхняя часть скелета, где находились вышеупомянутые предметы, а в засыпе над ним был обнаружен обломок стеклянного сосуда. С оговоркой, можно считать, что он был положен в качестве оберега, т.к. такие случаи известны (Косяненко, 2008. С. 41).

При раскопках других аналогичных памятников, расположенных в районе античного города Танаиса, наблюдается похожая картина: немного бронзовой, стеклянной посуды, гораздо больше – краснолаковой, среди которой есть редкие образцы. То же характерно и для Танаиса, только в больших количествах.

Редкие экземпляры парадной посуды некрополя Крепостного городища обнаружены в погребениях состоятельной части населения. В погребальном инвентаре рядом с подобной посудой присутствуют фибулы оригинальных форм, бусы из полудрагоценных камней, зеркала, иногда предметы вооружения, а также местная посуда. Как правило, приток столь важной для населения посуды угасает к середине II в. н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М. 1977.
- Батиева Е. Ф. Костный фрагмент из могильника Крепостного городища // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Азов. 2004. Вып. 20.
- Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник. Киев. 1972.
- Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М. 1990.
- Книпович Т. Н. Танаис. М.; Л. 1949.
- Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из Боспорской экспедиции 1935–1940 гг. // Боспорские города. I – Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. М.; Л. 1952 (МИА. № 25).
- Косяненко В. М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) // Донские древности. Азов. 2008. Вып. 9.
- Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э.–V в. н.э.). М. 1970 (САИ. Вып. Д 1-27).
- Капошина С. И. Связи сарматских племен Нижнего Подонья со Средиземноморьем в I в. до н.э. и первые века нашей эры // Античное общество. М. 1967.
- Корпусова В. П. Некрополь Золотое. Киев. 1983.
- Повесть временных лет / Подгот. текста Д. С. Лихачева; Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; Под. ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л. 1950. Ч. I–II (Серия «Литературные памятники»).
- Силантьева Л. Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // Боспорские города. Работы Боспорской экспедиции. 1946–1953 гг. М.; Л. 1958 (МИА. № 85).
- Тейлор Э. Б. Первобытная культура. М. 1939.
- Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М. 1972.

РИМСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ В СЕБАСТОПОЛИСЕ

А. Н. Габелия (г. Сухум)

На рубеже эр Рим, стремясь защитить малоазийские земли империи от набегов врагов, постоянно вторгавшихся через Колхиду, тратил огромные материальные и духовные усилия на укрепление своих границ. Именно в связи с этим Рим начинает размещение в Восточном Причерноморье регулярных войск, положив начало созданию «Понтийского лимеса» – цепи причерноморских укреплений с гарнизонами, в задачу которых входила охрана подступов к восточным границам империи. Под «лимесом» подразумевается система организации обороны границ, «включавшая в себя сторожевую службу специальных воинских подразделений, а также строительство различных фортификационных сооружений и коммуникаций» (Воронов, 2006б. С. 314).

Рис. 1. Римские крепости на восточном побережье Черного моря (линией показан маршрут Флавия Арриана)

В. А. Леквинадзе в конце 1960-х гг., исследовав римские укрепления Причерноморья, включил их в общую систему стандартных укреплений, одновременно выявив их особенности. Это позволило ему выделить их из всей «Восточной границы» и назвать ее «Понтийской» в соответствии с местонахождением (Леквинадзе, 1969. С. 75) (рис. 1).

Римские гарнизоны в Восточном Причерноморье появились сразу после размещения Веспасианом двух легионов в Каппадокии, и в I–II вв. н.э. эти укрепления находились в ведомстве каппадокийских правителей, а после образования провинции Полемоновский Понт все колхидские укрепления были переданы в ее подчинение. Это объединение причерноморских укреплений в IV в. включало более десятка крепостей и являлось оплотом сначала римлян, затем и византийцев в Восточном Причерноморье (Воронов, 2006б. С. 314).

По мнению В. А. Леквинадзе, именно резкое увлечение количества постоянных римских войск в Каппадокии дало возможность римлянам начать размещение своих гарнизонов в Восточном Причерноморье. Создание «Понтийского лимеса» являлось органической частью военного преобразования Каппадокии, осуществленного Веспасианом. Об этом свидетельствует и инспекционное их посещение по поручению римского императора Адриана легатом Каппадокии Флавием Аррианом (Леквинадзе, 1961. С. 76).

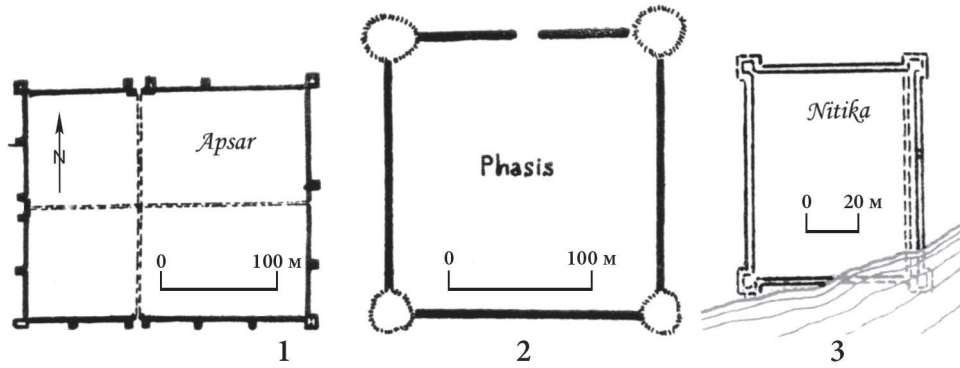

Рис. 2. План крепостей Апсар (1), Фазис (2) (по Дюбуа де Монперэ) и Нитика (3)

Как отмечено выше, римские гарнизоны были размещены по всему Восточному Причерноморью. Самой южной крепостью в Причерноморье был Апсар (рис. 2, 1), локализуемый в селе Гонио, к югу от современного г. Батуми в Грузии. Апсар упоминается в «Естественной истории» Плиния Старшего в качестве крепости – кастелла. Именно так назывались рядовые римские пограничные крепости, входящие в систему лимесов. Кастелл Апсара прямоугольной формы, характерной для большинства римских крепостей, является одним из редчайших сохранившихся памятников античной крепостной архитектуры.

Флавий Арриан в своем перипле дает описание еще одной прямоугольной римской крепости (Фазис) в районе современного г. Поти в Грузии. Ее схематический план сохранил для нас Дюбуа де Монперэ (рис. 2, 2). Арриан сообщает и о поселении вне крепости – «канаве», подобные которой обычно возникали возле римских пограничных крепостей.

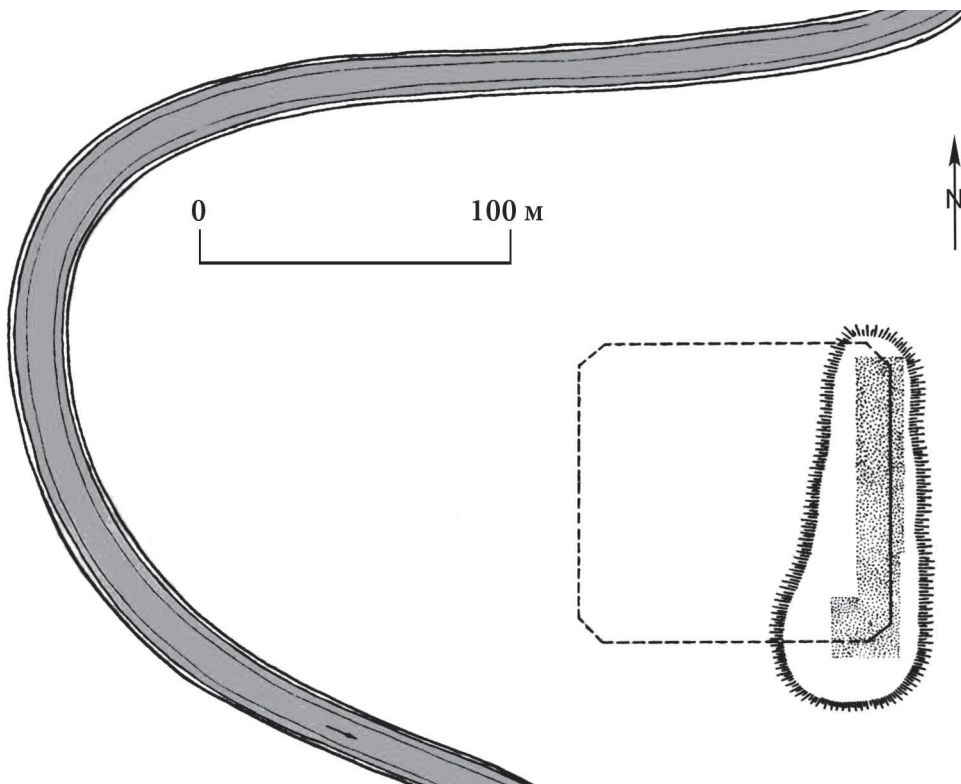

Рис. 3. Римская крепость Зиганис на территории современного села Гудава

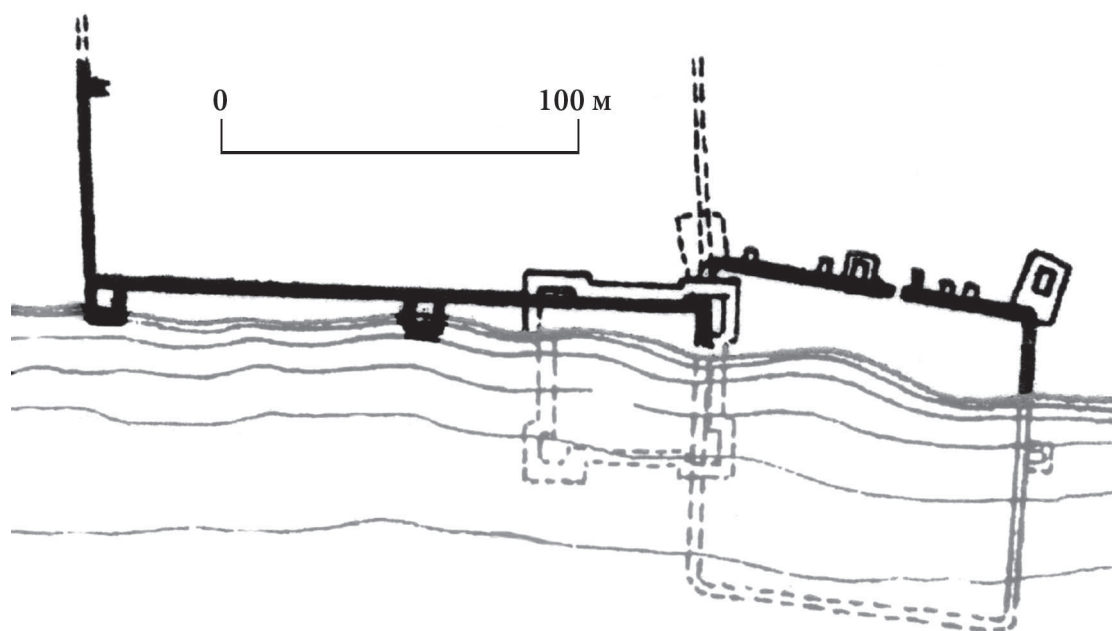

Рис. 4. План крепости Севастополис

В начале 1970-х гг. на территории современного села Гудава П. П. Закарая и В. А. Леквинадзе зафиксировали остатки римской крепости Зиганис (Закарая, Леквинадзе, 1974) (рис. 3).

Хорошо исследована римская крепость Пителиунт в западной части Абхазии у современного г. Пицунда (рис. 5–6). Здесь выявлено большое количество археологических объектов, представляющих картину жизни укрепления на протяжении нескольких сотен лет (Великий Пителиунт, 1975; 1977; 1978; Леквинадзе, 1969). По всей видимости, первоначально был возведен кастелл – укрепление прямоугольной в плане формы. В начале IV в. стены крепости, разрушенные готами, восстановили, возведя большое количество башен, из которых угловые имели веерообразную в плане форму, характерную для архитектуры эпохи Константина I. Кроме того, с востока большое пространство было окружено стеной, образовавшей канабу – район, где жили отставные легионеры со своими семьями. На территории основной крепости раскопано большое количество разнообразных построек. Восточные ворота кастелла имели выступающие полукруглые башни.

На территории канабы Пителиунта раскопан древнейший из известных в Восточном Причерноморье христианских храмов. По мнению В. А. Леквинадзе, специфика Пителиунта заключается в том, что укрепления его канабы образуют единую оборонительную систему с кастеллом, в отличие от канабы Фазиса.

В 3–4 километрах к СЗ от Пителиунтского кастелла были также раскопаны остатки оборонительной стены с пристроенной к ней круглой башней конца II–начала III в., и найден обломок кирпича с буквами *leg (io)*. Это, возможно, штамп с отметкой легиона, принимавшего участие в строительстве оборонительных сооружений Пителиунта.

Флавий Арриан упоминает еще одно укрепление «Понтийского лимеса» – Нитику, находившуюся в районе современной Гагры в Абхазии (рис. 2, 3).

Важнейшим звеном «Понтийского лимеса» являлся Севастополис, локализуемый в г. Сухум, основанный на месте древнегреческой милетской колонии Диоскуриада. Это древнейшее римское укрепление, упоминаемое Плинием Старшим в I в. н.э., посетил в 137 г. по поручению римского императора Адриана правитель Каппадокии Флавий Арриан. Судя по сообщению

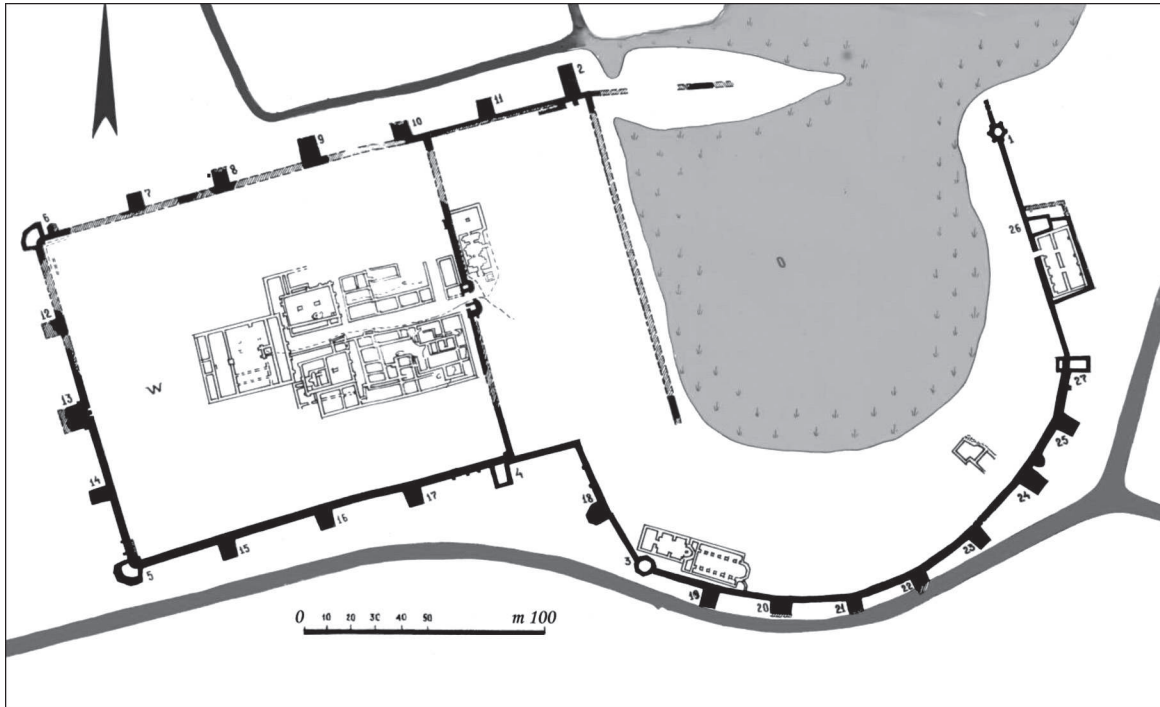

Рис. 5. План крепости Пителинт

этого посланника императора, город Себастополис в первой половине II в. представлял собой небольшую крепость с римским гарнизоном.

Древний Себастополис, как показывают археологические исследования, имел несколько оборонительных укреплений, остатки которых известны в различных пунктах современного Сухума. Наиболее значительный комплекс крепостных сооружений раскопан на городской набережной. Именно здесь находится Сухумская крепость, давно привлекающая внимание исследователей. Оборонительные сооружения древнего Себастополиса представлены тремя мощными крепостными комплексами (Трапш, 1969; Соловьев, Шервашидзе, 1960; Леквинадзе, 1966) (рис. 4).

Первая и наиболее древняя стена располагалась параллельно берегу моря и состояла из двух оторванных друг от друга линий – западной и восточной. По мнению М. М. Трапш, восточная линия относится к более позднему времени. Эта стена, ориентированная в направлении В–З, длиной более 140 м, сложена из гранитного валуна на известковом растворе с морским гравием и песком. Кладка стены произведена на своеобразной основе из деревянных бревен («лежней»), проложенных горизонтально вдоль и поперек стены. Такой способ кладки был известен еще в глубокой древности. Данная оборонительная линия была снабжена двумя четырехугольными башнями и пятью поздними контрфорсами. По мнению М. М. Трапш, эта стена с ее башнями принадлежит к одной из цитаделей древнего Себастополиса, являясь северной стеной крепости – кастелла (Трапш, 1969. С. 298–309), а основная часть укрепления находилась на территории, занятой теперь морем. В. А. Леквинадзе отмечает еще одну деталь данного сооружения – закругленность его сохранившегося северного угла, что было характерно для римских кастелл (Леквинадзе, 1966. С. 207).

В 1958 г. Л. И. Соловьев и Л. А. Шервашидзе на Сухумской набережной исследовали еще одну стену с двумя башнеобразными выступами по краям (Соловьев, Шервашидзе, 1960. С. 172). По всей видимости, это остатки еще одного кастелла (второго), который был выстроен после разрушения кастелла I. К остаткам кастелла II вплотную с внутренней стороны примы-

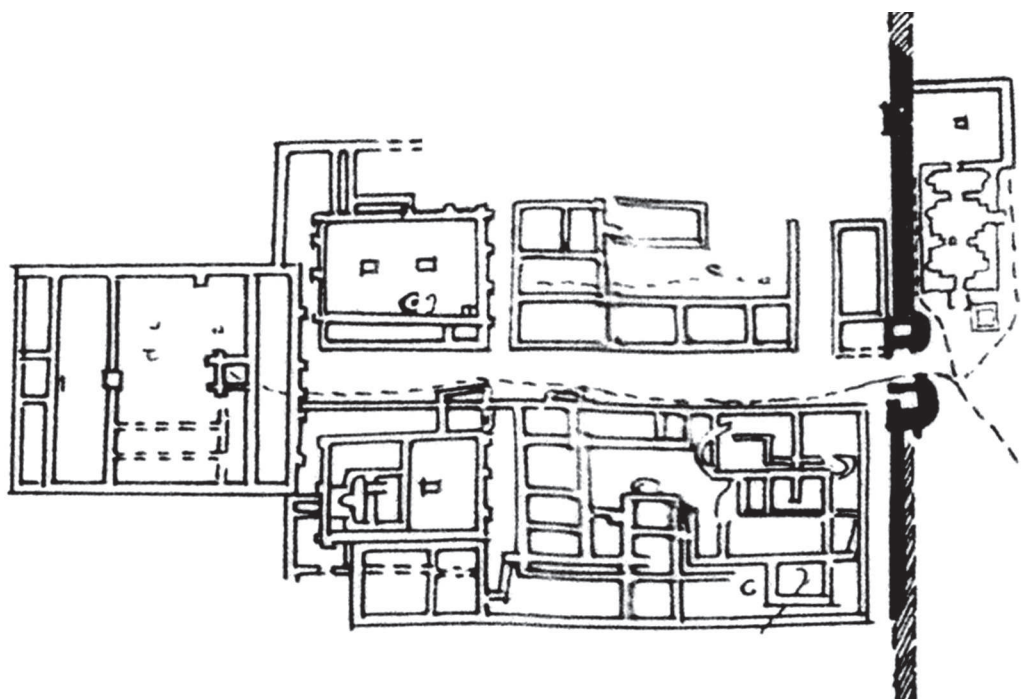

Рис. 6. План центральной части крепости Питиунт

кала еще одна стена, длина которой составляет 134 м. Авторы раскопок считают ее остатком самого древнего укрепления Севастополиса.

Таким образом, выявленные на Сухумской набережной сооружения представляют собой развалины, по крайней мере, двух разновременных кастелл, большая часть которых была расположена на территории, занимаемой ныне морем. Стены более древнего римского кастелла были выполнены кладкой *opus mixtum*, в которой пояс состоял из двух рядов кирпича. План кастелла отличался параллелограммовидной формой и закругленностью углов. Еще одно наблюдение, отмеченное В. А. Леквинадзе, – в сохранившихся стенах обоих кастелл не видно входов, по всей видимости, главные ворота, как и на других восточно-причерноморских кастеллах, были обращены к морю.

В Восточном Причерноморье с третьей четверти I в. до середины VI в. существовало более десятка приморских укреплений, о значении которых имеется две точки зрения. Так, Н. Ю. Ломоури прибрежные города и крепости Западного Закавказья рассматривает в качестве местных. Близкого мнения придерживается и А. М. Апакидзе. В свою очередь, Ю. Н. Воронов разделял гипотезу В. А. Леквинадзе, считая эти крепости римскими укреплениями (Воронов, 2006а. С. 166).

Представленный краткий обзор показывает, что, несомненно, в конце I–начале VI вв. в Восточном Причерноморье существовала сложная система прибрежных римских укреплений. Если в середине I в., согласно Иосифу Флавию, мир на всем Черном море поддерживался с помощью трех тысяч тяжеловооруженных легионеров и сорока военных кораблей, то с началом строительства «Понтийского лимеса» общая численность римских солдат стала резко увеличиваться, достигнув пяти–шести тысяч воинов, занимавших свыше полутора десятков крепостей. «Понтийский лимес», особенно в сочетании с возникшей в V–VI вв. внутренней линией крепостей на предгорной территории Абасгии, Апсилии, Мисиминии и Лазики, на протяжении нескольких сотен лет представлял собой грандиозный оборонительный рубеж.

Римская империя, возведя «Понтийский лимес», втягивала местное население в сферу влияния античного мира, способствовала формированию на подступах к «лимесу» более слож-

ных и стойких политических и экономических структур, что вело к усложнению социального развития местных обществ и складыванию государственных образований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Великий Питиунт*. Тбилиси. 1975. Т. I.
Великий Питиунт. Тбилиси. 1977. Т. II.
Великий Питиунт. Тбилиси. 1978. Т. III.
 Воронов Ю. Н. Колхида в железном веке // Научное наследие. Сухум. 2006а. Т. I.
 Воронов Ю. Н. Колхида на рубеже средневековья // Научное наследие. Сухум. 2006б. Т. I.
 Закарая П. П., Леквинадзе В. А. Археологические раскопки в Гудае в 1971 году // Археологические экспедиции ГМГ. Тбилиси. 1974. Т. III.
 Леквинадзе В. А. Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости // Византийский Временник. 1961. Т. XX.
 Леквинадзе В. А. Оборонительные сооружения Себастополиса // СА. 1966. № 1.
 Леквинадзе В. А. Понтийский лимес // ВДИ. 1969. № 2.
 Соловьев Л. Н., Шервашидзе Л. А. Исследование древнего Себастополиса // СА. 1960. № 3.
 Трапиш М. М. Древний Сухуми // Трапиш М. М. Труды. Сухуми. 1969. Т. II.

ШЛЕМ ИЗ МОГИЛЬНИКА У с. КИШПЕК И КЛАССИФИКАЦИЯ ШЛЕМОВ С СОСТАВНЫМ КУПОЛОМ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Е. В. Лурье (г. Санкт-Петербург)

Шлемы занимают особое место в комплексе защитного вооружения, т.к. находки их единичны, и в большинстве случаев их нахождение в погребении напрямую свидетельствует о высоком социальном статусе погребенного.

Одной из наиболее ярких находок римского времени на территории России является шлем из могильника у с. Кишпек (Баксанский р-н, КБР РФ). Шлем был найден экспедицией под руководством Р. Ж. Бетрозова в 1975 г. и опубликован в 1987 г. (Бетрозов, 1980; 1987). Шлем (рис. 1, 2) происходит из камеры А кург. № 13 третьей курганной группы у с. Кишпек и был найден в одном комплексе с кольчугой (рис. 1, 29), железным мечом с боковыми вырезами у основания рукояти (рис. 1, 33), половиной бронзового зеркала с петлей на обороте (преднамеренная порча) (рис. 1, 28), намеренно разломанными светильниками (рис. 1, 34–35), 24 пряжками из цветного металла (рис. 1, 3–16), лучковой фибулой (рис. 1, 18), ведром типа «Хеммоор» (рис. 1, 61) и керамикой, в т.ч. красноглиняный грушевидным кувшином с клеймом на ручке, украшенный гребенчатым штампом, цебельдинского облика (рис. 1, 74) и т.д. Особый интерес представляют два набора сбруи: полихромная бронзовая сбруя с бляхами, украшенными золотой фольгой с насечками, с инкрустациями синими стеклами и сердоликами (рис. 1, 36, 54–58) и железный сбруйный набор с серебряными обкладками, с удилами с фасетировкой (рис. 1, 37; приведен по Р. Ж. Бетрозову – фасетировка на удилах не показана), распределителями на три ремня с прямоугольными зажимами (рис. 1, 37) и лунницами (рис. 1, 43–44). Также в кург. № 13 было зафиксировано конское погребение.

Шлем имеет сфероконическую форму, собран из 32 узких изогнутых железных пластин. Длина пластин – 17–17,5 см. Наверху выполнено в форме розетки. В нижней части пластины были скреплены изнутри при помощи железного обода и бронзовых заклепок. Обращает на себя внимание короткий наносник, крепящийся к налобной пластине. Пластины покрыты тонкими серебряными листами, края которых загнуты внутрь. Шлем с

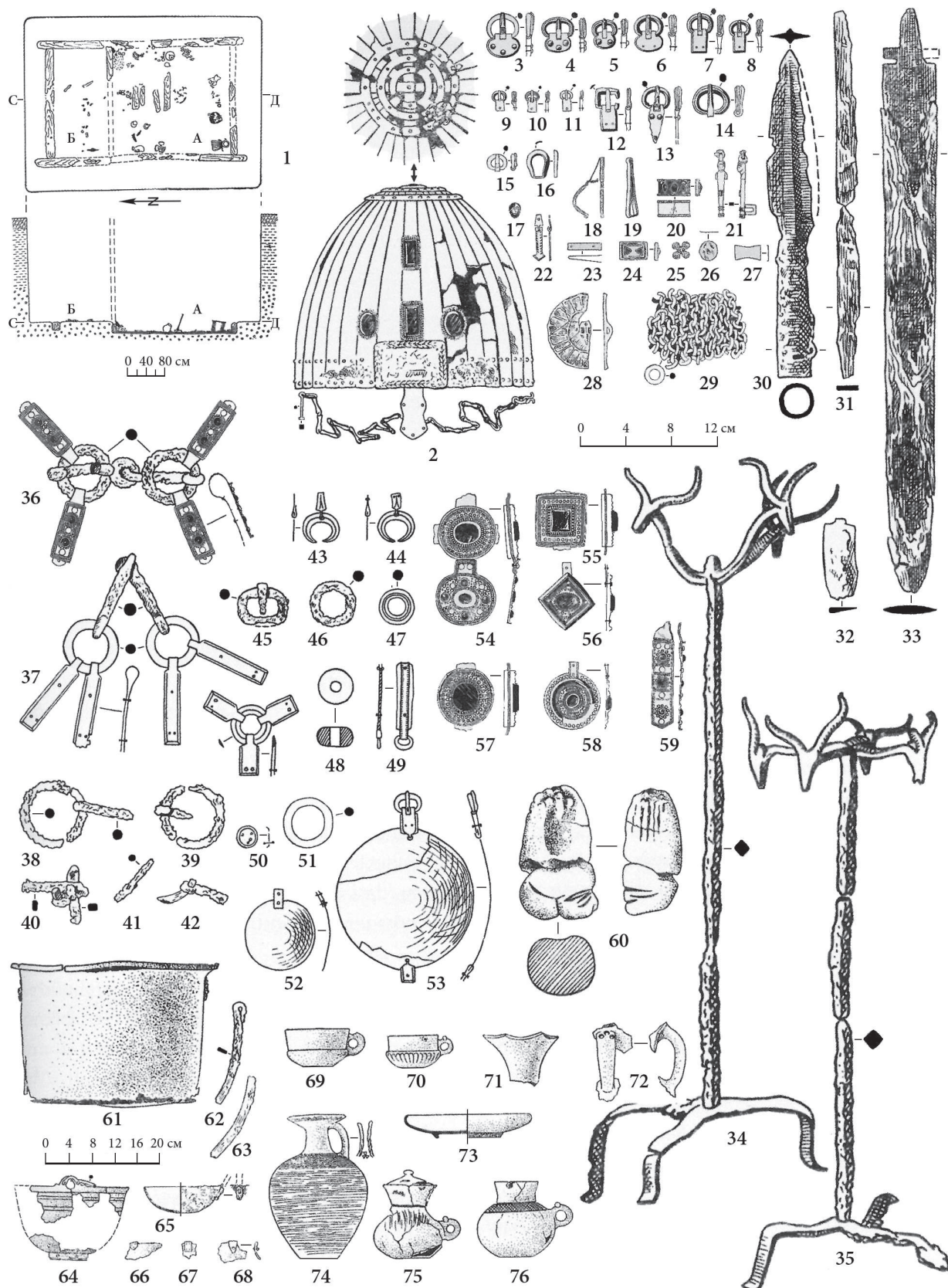

Рис. 1. Комплекс погребения из камеры А кургана № 13 третьей курганной группы у с. Кишпек (по Бетров, 1987; Miks, 2009)

лицевой стороны имеет четыре сердоликовых вставки (две овальные и две прямоугольные) в золотых гнездах, края которых украшены орнаментом в виде трех филигранных «веревочек».

Р. Ж. Бетровов различал в комплексе кург. № 13 «предметы явно сарматского типа и вещи со следами гуннского влияния» (Бетровов, 1987. С. 20). Автор раскопок к сарматским элементам причислял зеркало и меч, а обтянутые золотой фольгой бляшки, полихромный стиль, удила с зажимами для ремней и лунницы считал гуннскими. Исходя из этого, он относил данный комплекс к «первому этапу гуннского времени в Восточной Европе», а если точнее – к последней четверти IV–первой половине V в. н.э., хотя и отмечал, что нижняя дата всех датирующих вещей приходится на II–III вв. (Бетровов, 1987. С. 21–25). Атрибутировать данный комплекс как гуннский или аланский он в тот момент затруднялся.

А. К. Амброз подробно разобрал комплекс кург. № 13 у с. Кишпек. Он оспорил версию Р. Ж. Бетровова о связи этой находки с гуннами, считая все выделенные автором раскопок «гуннские» признаки слишком общими. Анализируя полихромный стиль гуннской эпохи, А. К. Амброз пришел к выводу, что ни с точки зрения цветовой гаммы (синее стекло и сердолики), ни с точки зрения элементов тисненого орнамента на фольге, инкрустированные бляхи из кург. № 13 у с. Кишпек аналогий в V в. н. э. не находят (Амброз, 1989. С. 22–24). По поводу пряжек А. К. Амброз отмечал, что «все 24 кишпекские пряжки имеют прогнутый в середине язычок, почти не выступающий вперед за рамку. Язычки пряжек гуннского времени – в большинстве случаев так называемые хоботковые, утолщающиеся к высоко срезанному тыльному концу, прямые в середине и притом далеко выступающие вперед за рамки» (Амброз, 1989. С. 24–25).

По мнению А. К. Амброза, близкая аналогия Кишпеку на Северном Кавказе – погребение из Буденновской слободы (вторая половина III в.). В данном комплексе содержатся аналогичные кишпекским «прогнутые» пряжки и фибулы, а также большие шарнирные подвески ремней. Также аналогичные вещи происходят из курганов в Братском и у ст. Тимошевская. Другие аналогии происходят из Крыма и поволжских сарматских погребений конца III–IV вв.

А. К. Амброз отметил, что «близкие по стилю кишпекским изделия из золотого тисненого листа есть и дальше к западу — в римских провинциях на Дунае и у живших к северу от них древних народов». Речь шла о шлемах из Беркасово и Будапешта, датируемых первой половиной IV в., а также об «обтянутом золотом умбоне щита из Херпай в Венгрии» (первая половина III в.). По мнению А. К. Амброза, тисненные узоры, призванные имитировать зернь и филигрань украшений высшей римской знати, распространялись на восток из владений Рима на Дунае. Таким образом, А. К. Амброз отнес данный комплекс к провинциально-римской культуре и датировал второй половиной III–началом IV в. (Амброз, 1989. С. 22–27).

М. М. Казанский датировал кург. № 13 у с. Кишпек первой половиной IV в. н.э. и связывал его с вождями племен или родовой верхушкой алано-сарматского населения. Шлем он отнес также к серии шлемов с декором «догуннского» полихромного стиля (шлемы из Беркасово-1, из Будапешта). М. М. Казанский в своей работе возражал против идеи о сарматском происхождении пластинчатых шлемов и считал шлем из Кишпека «частью экипировки римской кавалерии». Такой вывод он сделал на основании близости шлема из Кишпека шлему с изображением на арке Галерия в Салониках (конец III в. н.э.). По его мнению, точками соприкосновения римлян и варваров могли быть Питиунт и Себастополис на побережье Черного моря, а также Боспорское царство и римские крепости в Абхазии (Казанский, 1994).

О. В. Шаров отметил, что узда из из кург. № 13 мог-ка Кишпек, погребения с золотой

маской, узда из коллекции Ермолая Запорожского 1891 г. (Керчь), из погр. Аэродром-1 выполнены в одной технике: без припаянного бортика для закрепления камней или стекол (Šarov, 1994. S. 422). Иными словами, «гнезда для сердоликовых вставок были не напаяны, а вырезаны в верхней золотой пластине» (Шаров, 2012. С. 217) Комплекс из Кишпека включает в себя серию пряжек с овальной рамкой (тип Келлер А) и ведро типа «Хеммоор» (тип Эггерс 63), которые дают дату конец III–начало IV в. н.э., совпадающую с датой шлемов из Беркасово и Будапешта (Šarov, 1994. S. 424).

Важное значение для датировки данного комплекса имеет работа В. Ю. Малашева. Он относит комплекс из кург. № 13 у с. Кишпек к хронологической группе IIIa, датировка которой «в значительной степени определяется временем начала распространения предметов полихромного стиля “Зашкув-Кишпек” и пряжек с овальным щитком, сближающихся с пряжками типа “Келлер А”». По мнению В. Ю. Малашева, верхняя хронологическая рамка группы IIIa приходится на финал III в. н.э. и «первые десятилетия» IV в. н.э. При этом он отметил, что в составе комплекса Кишпека присутствует кружка с вертикальными каннелюрами, аналогичная сосудам из Кисловодской котловины середины IV в. н.э., однако более архаичного облика (Малашев, 2000. С. 206–207). Интересующий нас шлем он считает римским (Малашев, 2000. С. 202).

По мнению А. А. Васильева и Т. М. Кармова, полихромный декор шлема «подражает не римским, а иранским или шире – центральноазиатским образцам» (имеются в виду тиары парфянских и Сасанидских правителей). Появление пластинчатого шлема на западе Евразийских степей исследователи связывают с «культурным импульсом, источником которого были сяньби или хунну». Далее исследователи проводят краткий анализ основных хроноиндикаторов погр. № 13 и приходят к выводу, что погребение было совершено около 300 года (Васильев, Кармов, 2008. С. 238–242).

Интересную дискуссию вызвали фасетчатые удила из железного сбруйного набора. По мнению А. А. Васильева, эти удила, датирующиеся III в. н.э., по декору идентичны пряжке из Варпелева (Дания) и «являются еще одним свидетельством прямых контактов между Скандинавией и Причерноморско-Кавказским регионом» (Васильев, 2010. С. 101, 108). М. М. Казанский относительно фасетчатого декора на удилах из Кишпека, на узде из Экажево (Ингушетия) и на пряжке из могилы А Варпелев (Дания) придерживается иной точки зрения, считая, что все эти вещи принадлежат римской традиции. Они, по его мнению, имитируют римские образцы и «не могут привлекаться в качестве доказательств понто-скандинавских связей в конце II–начале IV вв.», скорее, они свидетельствуют об общем для Скандинавии и Кавказа римском культурном воздействии (Kazanski, 2011. S. 101). Кроме этого, М. М. Казанский отмечает следующую параллель: вместе со шлемом в Беркасово были найдены вытянуто-прямоугольные держатели ремней, аналогичные прямоугольно-вытянутым держателям ремней удила из Кишпека (Ibid. S. 91).

Наличие или отсутствие связей со Скандинавией имеет особое значение и с точки зрения изучения кишпекского шлема: наиболее ранняя находка шлема с серебряной ажурной накладкой происходит из Торсбьерга (Дания) (III в. н.э.).

Шлем из кург. № 13 у с. Кишпек хорошо известен и западным исследователям. Х. Микс, основываясь на типе меча-кинжала с двумя вырезами, датировал комплекс из Кишпека концом IV–началом V в. н.э., как и Р. Ж. Бетровов (Miks, 2009. S. 502). По мнению Д. Глада, шлем из Кишпека является доказательством связей с Китаем, где подобные шлемы появляются на позднихханьских терракотовых статуэтках воинов (Glad, 2009. P. 59) и датируется концом III–началом IV вв. н.э. (Ibid. P. 59, 102).

Таким образом, существуют несколько точек зрения относительно даты комплекса, происхождения и декора шлема из Кишпека:

Авторы	Происхождение конструкции шлема	Происхождение декоративного оформления шлема	Дата комплекса кургана № 13 у с. Кишпек
Р. Ж. Бергрозов	Гунны		конец IV – первая половина V в. н.э.
А. К. Амброз	Провинциально-римская культура		вторая половина III – начало IV в. н.э.
М. М. Казанский	Ближний Восток (?)	Рим	первая половина IV в. н.э.
О. В. Шаров		Рим	конец III – начало IV в. н.э.
В. Ю. Малашев	Рим		конец III – первая половина IV в. н.э.
А. А. Васильев и Т. М. Кармов	Сяньби или хунну	Парфия и Сасанидский Иран	ок. 300 г. н.э.
Д. Глад	Китай		конец III – начало IV в. н.э.

Классификация шлемов с составным куполом римского времени. Попробуем определить место шлема из Кишпека среди композитных шлемов римского времени. Шлемами с составным (композитным) куполом называются те шлемы, купол (тулья) которых состоит из нескольких деталей, скрепленных между собою в холодном состоянии (при помощи заклепок или т.н. ламеллярным способом – ремешками, проволокой или шнуrom).

Среди шлемов с составным куполом римского времени и эпохи великого переселения народов можно выделить **группы, типы, подтипы и варианты.**

Наиболее значимыми признаками для выделения следующих таксонов являются конструкция и форма купола шлема. По конструкции купола шлема мы выделяем **группы**, по сочетанию признаков конструкции и формы купола шлема выделяются **типы**. Основанием для выделения **подтипов** выступают средства дополнительной защиты. И, наконец, **варианты** представляют собой разновидности декоративного оформления шлемов.

Для выделения групп определяющими являются следующие признаки: 1) наличие или отсутствие каркаса; 2) форма и состав каркаса (обод, дуги, навершие); 3) заполнение пространства между элементами каркаса (две равные части, цельные сегменты различной формы, узкие вертикальные или горизонтальные пластины); 4) способ крепления (жесткий – при помощи заклепок, или мягкий (ламеллярный) – с помощью ремешков).

Для I–V вв. н.э. можно выделить **восемь групп шлемов** с составным куполом (табл. 1):

I. Шлемы, состоящие из продольного каркаса и двух сегментов – **«бандхельмы»** (нем. Bandhelme). Головной обод может отсутствовать (табл. 1, I);

II. Шлемы, состоящие из крестового (первая подгруппа) или шестилучевого каркаса (вторая подгруппа) и четырех или шести сегментов – **«шпангенхельмы»** (нем. Spangenhelme) (табл. 1, II);

III. **Шлемы смешанной конструкции**, каркас которых состоит из вертикальных дуг и горизонтальных ободов. Пространство между пластинами каркаса заполнено горизонтальными сегментами, либо оставлено пустым (табл. 1, III);

IV. **Каркасно-ламинарные шлемы**, в которых пространство между ребрами крестового или шестилучевого каркаса заполнено узкими вертикальными пластинами (как в ламинарном шлеме), Y-образными пластинами или же ажурными элементами (табл. 1, IV);

V. **Ламинарные шлемы**, купол которых собран из узких вертикальных пластин; несущую конструкцию (каркас), кроме обода и навершия, выделить невозможно. Способ крепления может быть как жестким (заклепки), так и мягким (ремешки, проволока) (табл. 1, V).

VI. Ламеллярные шлемы, состоящие из чешуек на мягком креплении (ремешки, проволока) (табл. 1, VI);

VII. Шлемы с горизонтальным делением купола, состоящие из горизонтальных полос разной ширины и конического навершия, скрепленных между собой при помощи заклепок (табл. 1, VII);

VIII. Шлемы с горизонтальными дугами и навершием, пространство между которыми заполнено узкими вертикальными пластинками или мелкими треугольными секторами (табл. 1, VIII).

Форма купола, во многом, определяется конструкцией купола шлема. На основании имеющихся материалов можно выделить семь основных форм: 1) полусферическая (купол шлема прилегает к голове почти вплотную, высота его не больше 15–17 см); 2) сфероконическая яйцевидная (купол обладает закругленным навершием, высота 17–25 см); 3) сфероконическая уплощенная; 4) сфероконическая заостренная (навершие имеет конусовидную форму); 5) сфероконическая с изгибом (в верхней части тульи имеется выраженный изгиб, тулья сужается и замыкается с помощью полусферического навершия); 6) коническая (в форме конуса, иногда – достаточно высокого); 7) «венец» (шлем не имеет навершия, каркас никак не замкнут).

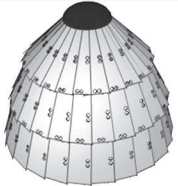

			
I. «Бандхельм»	II. «Шпангенхельм»	III. Шлем смешанной конструкции	IV. Каркаснo-ламинарный шлем
			
V. Ламинарный шлем	VI. Ламеллярный шлем	VII. Шлем с горизонтальным делением купола	VIII. Шлемы с горизонтальными дугами и навершием

Табл. 1. Группы шлемов с составным куполом I–V вв. н.э. (3D-модели шлемов выполнены П. О. Савченковым)

Сочетание ведущих признаков – конструкции и формы купола – позволяет выделить **типы**. Предварительно можно выделить 19 типов шлемов (табл. 2). Каждому из выделенных типов присвоен номер. Типы распределились по группам следующим образом:

В **I группу** («бандхельмы») входят два типа шлемов: **тип 1** – сфероконические «бандхельмы» (James, 1986); **тип 2** – полусферические «бандхельмы» (шлемы из Будапешта, Интерцизы, Аугста (Spätromische Gardehelme, 1973; и др.).

Ко **II группе** («шпангенхельмы») относятся шлемы следующих четырех типов: **тип 3** – сфероконические (яйцеобразные, или, по С. Джеймсу, римско-египетские) «шпангенхельмы» (шлем из Египта, хранящийся в Лейдене, шлем из Пильнинского могильника, шлемы из Краснодарского края и др., изображения на колонне Траяна); **тип 4** – полусферические «шпангенхельмы» (шлем Беркасово I) (Spätromische Gardehelme, 1973; и др.); **тип 5** – уплощенные сфероконические «шпангенхельмы» (шлем из Концешты) (Spätromische Gardehelme, 1973), группа

иранских шлемов (Werner, 1950; и др.); **тип 6** – сфероконические заостренные (по С. Джеймсу, радиальные) «шпангенхельмы» (шлемы из Дейр-эль-Медины, из Бальденхайма и др. (Böner, 1994). Для этого типа характерен шестилучевой каркас.

III группа включает в себя два типа шлемов смешанной конструкции: **тип 7** – сфероконические шлемы смешанной конструкции (шлем из погр. № 6 мог-ка у хут. Городской (Сазонов, 1992), изображения на колонне Траяна и др.); **тип 8** – конические шлемы смешанной конструкции (шлем из погр. № 10 мог-ка у хут. Городской (Сазонов, 1992; Сазонов и др. 1995), граффито из Дура-Эвропос и др. (James, 1986).

IV группа охватывает каркасно-ламинарные шлемы, которые можно разделить на два типа: **тип 9** – каркасно-ламинарные шлемы, собранные из Y-образных деталей (ажурные шлемы из погр. № 6 у ст. Тбилисской (Ждановский, 1984), шлем из погр. № 80 Нивского мог-ка и др. (Голдина, Волков, 2000); **тип 10** – сфероконические каркасно-ламинарные шлемы, имеющие плоское навершие-розетку (шлем из мог-ка у с. Кишпек (Бертозов, 1987), шлем из погр. № 36 мог-ка Тюм-Тюм (Ошибкина, 2010).

V группа объединяет три типа ламинарных (пластинчатых) шлемов: **тип 11** – сфероконические ламинарные шлемы (шлемы из могильника Лаохэшэнь и др.) (Горбунов, 2003; Бобров, Худяков, 2005); **тип 12** – сфероконические ламинарные шлемы с изгибом тульи (шлем из мог-ка Калкни (Салихов, 1985), с Ильичевского городища (Николаева, 1986; и др.); **тип 13** – «венцы» (головной доспех из мог-ка Лим Чан, изображения на кушанских монетах) (Горелик, 1993; Горбунов, 2005).

В **VI группу** входят ламеллярные (чешуйчатые) шлемы, она объединяет три типа: **тип 14** – сфероконические многоярусные шлемы с плоским навершием (напр., шлем принца Чу ханьского времени из г. Сучжоу, пров. Цзяньсу, КНР (Ge Mengyu, Qiu Yongsheng and Bai Rongjin, 2008); **тип 15** – двухъярусный пластинчатый шлем с плоским навершием, скрепленный ламеллярным способом (напр., шлем их Чорсады) (Allchin, 1970; Горелик, 1982. С. 162. Рис. 9, 32); **тип 16** – шлемы с коническим навершием (шлем из мог. у Троицкого Елбана (Горбунов, 2003; Бобров, Худяков, 2005).

VII группа также включает один тип: **тип 17** – конические шлемы с горизонтальным делением купола (шлемы из Истяцкого клада (Лытнин, 1890), шлем из раскопок Н. И. Веселовского 1901 г. между ст. Казанской и ст. Тбилисской (Ленц, 1902; Берлизов, 1998).

VIII группа включает в себя только два типа шлемов, известных на территории Японии и Кореи: **тип 18** – шлем полусферической формы с четырьмя ярусами, состоящими из ободов, вертикальных пластин и треугольных сегментов. Ярусы в передней части замкнуты «килем» – продольной выгнутой дугой, в верхней части переходящей в навершие. Английский термин для обозначения подобных шлемов – «keeled helmet» (Barnes, 2000. Fig. 6); **тип 19** – шлем сфероконической формы с четырьмя ярусами, состоящими из ободов и вертикальных пластин, с полусферическим навершием. Часто имеют козырек, что и определило их название в англоязычной литературе – «visored helmet» (Barnes, 2000. Fig. 6).

Для выделения **подтипов** была проведена классификация средств дополнительной защиты: 1) дополнительные средства защиты головы от прямых фронтальных ударов в лицо – наносники, окуляры, козырьки; 2) дополнительные средства защиты головы от боковых ударов – нащечники; 3) дополнительные средства защиты головы и шеи сзади – назатыльники и бармицы; 4) средства защиты головы от ударов сверху – продольный гребень, усиливающие крестообразные накладки, плюмаж и само крепление плюмажа.

Основанием для выделения различных подтипов служили следующие признаки: а) техника изготовления средств дополнительной защиты; б) способ крепления средств дополнительной защиты к шлему; в) форма средств дополнительной защиты; г) размер средств дополнительной защиты.

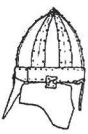

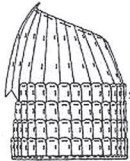
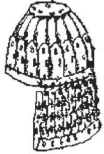
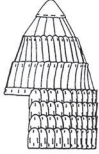

Группа I. Шлемы с продольным каркасом			
			
Тип 1 (Дура-Эвропос)		Тип 2 (Интерциза)	
Группа II. Шлемы с крестовым каркасом			
			
Тип 3 (Каир)	Тип 4 (Беркасово I)	Тип 5 (Концешть)	Тип 6 (Дейр-эль-Медина)
Группа III. Шлемы смешанной конструкции (с горизонтальными обручами)			
			
Тип 7 (Городской 6)		Тип 8 (Городской 10)	
Группа IV. Каркасно-ламнарные шлемы			
			
Тип 9 (Нивский 80)		Тип 10 (Кишпек)	
Группа V. Ламнарные (пластинчатые) шлемы			
			
Тип 11 (Лаохэнь)	Тип 12 (Калкни)	Тип 13 (Лим Чан)	
Группа VI. Ламеллярные (чешуйчатые) шлемы			
			
Тип 14 (Сучжоу)	Тип 15 (Чорсада)	Тип 16 (Троицкий Елбан)	
Группа VII. Шлемы с горизонтальным делением тульи			
			
Тип 17 (Истяцкий клад)			
Группа VIII. Шлемы с горизонтальными дугами и навершием			
			
Тип 18 (Япония, эпоха курганов)		Тип 19 (Япония, эпоха курганов)	

Табл. 2. Типы шлемов с составным куполом I–V вв. н.э.

Под *декоративным оформлением*, дающим основание для выделения вариантов, понимаются детали, не несущие конструктивной нагрузки и обеспечивающие минимум дополнительной защиты: 1) накладные декоративные пластины; 2) орнаменты, почетные надписи; 3) инкрустации драгоценными камнями; 4) декоративные заклепки; 5) слуховые вырезы, диски, изображения ушей.

Шлем из Кишпека, согласно приведенной классификации, можно отнести к группе IV каркасно-ламинарных шлемов, типу 10 «сфероконических каркасно-ламинарных шлемов, имеющие плоское навершие-розетку». Вопрос о генезисе ламинарных и каркасно-ламинарных шлемов и их распространении в римское время рассматривался нами в отдельной статье (Лурье, 2012). По конструкции ближайшей аналогией шлему из Кишпека является шлем из погр. № 36 мог-ка Тюм-Тюм (бассейн р. Вятки) с розетковидным навершием и серебряными заклепками (Ошибкина, 2010. С. 45–46). Датируется этот шлем, правда, V в. н.э.

К одной группе со шлемом из могильника у с. Кишпека относится бронзовый ажурный шлем II в. н.э., найденный в кург. № 6 мог-ка у ст. Тбилисской. Данный шлем собран из Y-образных деталей, которые крепятся заклепками к шестилучевому внутреннему каркасу (Ждановский, 1984. С. 78–82). Он имел крепление для назатыльника из органического материала (?), и, возможно, нащечники.

Аналогичные раздваивающиеся Y-образные пластины использовались в железном шлеме из Андреевского кургана I в. н.э. В более позднее время они встречаются в Нивском (погр. №№ 10 и 80) (Останина, 1978. С. 111) и Суворовском могильниках (погр. № 27) (Генинг, 1963. С. 70). Интересно отметить, что хорошо сохранившиеся шлемы из прикамских могильников, также как и шлем из Кишпека состоят из 32 пластин. То же количество пластин содержит и шлем с плоским навершием из погр. № 88M1 мог-ка Шиэртай (округ Чаоян, пров. Ляонин, КНР), датирующийся сер. IV в. н.э. (Горбунов, 2005. С. 201, 214).

Из средств дополнительной защиты на шлеме из Кишпека представлен короткий наносник, прикрепленный к небольшой налобной пластине. На шлеме из Кишпека такой тип наносника фиксируется впервые, однако позднее, в VI в. н.э., подобный тип защиты лица хорошо известен у многих пластинчатых шлемов: из Керчи (Arendt, 1932), из Ильичевского городища (Николаева, 1985), а также из Нидерштотцингена (Германия) (Paulsen, 1968) и Рупките (Болгария) (Miks, 2009. Abb. 77).

Декоративное оформление шлема из Кишпека не характерно для ламинарных шлемов. Подобные инкрустации, выполненные из стекла, имитирующего драгоценные камни, имеются только на парадных позднеримских шлемах начала IV в.: у типов I.2 (напр., шлем из Будапешта) и II.4 (шлем Беркасово-1, Сремский округ, Воеводина, Сербия). А. Альфельди и Г. Клумбах связывают распространение подобных шлемов с модой на «парфяно-сасанидскую роскошь», идущей из Ирана в эпоху Тетрархии (Spatrömische Gardehelme, 1973. S. 10–11). Однако на Востоке подобных шлемов найдено не было. Накладки на шлеме из Мусунси Кои Сансон, похожие на камни (Лурье, 2012. С. 167), на самом деле, изготовлены из органического материала. В публикации данного шлема они вообще, по неизвестной причине, не изображены и не упомянуты (Ancient Korean Armour. 2010. P. 331).

Очевидно, декоративное оформление шлема из Кишпека является следствием *римского влияния*, однако сама конструкция шлема имеет *восточное (китайско-корейское) происхождение*. На примере шлема из Кишпека находит подтверждение гипотеза, положенная в основу нашей классификации: типобразующие признаки (конструкция и форма купола) содержат информацию о генезисе и происхождении типа шлема, тогда как особенности его декоративного оформления более изменчивы и позволяют более узко датировать шлем из Кишпека началом IV в. н.э., а также, по возможности, проследить торговые и политические связи между удаленными регионами. Сохранив привычную ламинарную конструкцию шлема, корни

изобретения которой уходят в Китай эпохи Чжаньго-Цинь, мастер, создавший кишпекский шлем, попытался придать восточному по типу конструкции шлему модный – «римский» облик при помощи серебряных обкладок и сердоликовых вставок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М. 1989.
- Берлизов Н. Е. О нескольких забытых находках круга «Золотого кладбища» // Древности Кубани. Краснодар. 1998. Вып. 8.
- Бетровоз Р. Ж. Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М. 1980.
- Бетровоз Р. Ж. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик. 1987. Т. 3.
- Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н.э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в Сяньбийскую эпоху. Новосибирск. 2005.
- Васильев А. А. Удила из княжеского погребения у с. Кишпек, Кабардино-Балкария (балто-черноморские контакты и некоторые вопросы датировки европейских древностей рубежа III–IV вв. н.э.) // Германия–Сарматия. Калининград; Курск. 2010. II.
- Васильев А. А., Кармов Т. М. Шлем из княжеского погребения у с. Кишпек // Нижневолжский археологический вестник. 2008. Вып. 9.
- Генинг В. Ф. Азелинская культура III–V вв. // Вопросы археологии Урала. Свердловск. 1963. Вып. 5.
- Голдина Р. Д., Волков С. Р. Шлемы Тарасовского могильника // Уфимский археологический вестник. Уфа. 2000. Вып. 2.
- Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул. 2003.
- Горбунов В. В. Сяньбийский доспех // Военное дело кочевников Центральной Азии в Сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005.
- Горелик М. В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. 1993.
- Горелик М. В. Кушанский доспех // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М. 1982.
- Ждановский А. М. Подкурганые катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар. 1984.
- Ленц Э. Э. Описание оружия, найденного в 1901 г. в Кубанской области // Известия ИАК. 1902. Вып. 4.
- Лурье Е. В. Генезис ламинарных шлемов I–III вв. н.э. // Stratum plus. 2012. № 4.
- Лытнин Н. А. Археологический отдел Тобольского музея. Тобольск. 1890.
- Малашев В. Ю. Сарматы на колонне Траяна // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье – Приазовье (тезисы докладов к семинару). Новочеркасск. 1987.
- Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону. 2000 (Материалы и исследования по археологии Дона. Т. 1).
- Николаева Э. Я. Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной культуры. М. 1985.
- Останина Т. Н. Нивский могильник III–V вв. Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск. 1978.
- Ошибкина С. В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм // Материалы охранных археологических исследований. М. 2010. Т. 13.
- Сазонов А. А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. 1992.
- Сазонов А. А., Спасовский Ю. Н., Сахтарьек З. Н., Тов А. А. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского // Археология Адыгеи. Майкоп. 1995.
- Салихов Б. М. Калкнинский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала. 1985.

- Шаров О. В. Пирамидальный склеп № 1 по дороге к Царскому кургану, или склеп № 1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Аджимушкайские каменоломни в Керчи. Историографическое исследование // *Stratum plus*. 2012. № 4.
- Allchin F. R. A Piece of Scale Armour from Shaikhān Dheri, Chārsada // *Journal of the Royal Asiatic Society* (New Series). April 1970. Vol. 102. Issue 02.
- Ancient Korean Armour*. Pusan, 2010 (на корейск. языке).
- Arendt W. Beiträge zur Entstehung des spangenharnisches. Ein Alttürkischer Waffenfund aus Kertsch // *Zeitschrift für historische Waffen und Kostümkunde*. 1932. Bd. IV. H. 3.
- Arendt W. Der Nomadenhelm des frühen Mittelalters in Osteuropa // *Zeitschrift für historische Waffen und Kostümkunde*. 1935. Bd. 5. H. 3.
- Barnes L. G. Archaeological Armour in Korea and Japan: Styles, Technology and social Setting // *Journal of East Asian Archaeology*. 2000. 2 (3–4), 71.
- Böner K. Die frühmittelalterlichen Spangenhelme und die nordischen Helme der Vendelzeit // *Jahrbuch RGZM*. 1994. 41/ 2.
- Ge Mengyu, Qiu Yongsheng and Bai Rongjin. Sorting out and Reconstruction Study of the Iron Armour Unearthed from the Chu Prince Mausoleum of the Western Han Period on Shizishan hill, Xuzhou // *Acta Archaeologica Sinica*. 2008. № 1.
- Glad D. Origine et diffusion de l'équipement défensif corporel en Méditerranée orientale (IVe – VIIIe s.). Oxford. 2009.
- Kazanski M. Kishpek, Ekazhevo and Varpelev: on the Problem of Pontic-Scandinavian Relations in the Late Roman Period // *Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Collected papers*. Kristiansand; Simferopol. 2011.
- Spätromische Gardehelme* / Klumbach H., Braat W., Manojlović-Marijanski M., Skalon K., Thomas E. München. 1973.
- Lenz E. von. In Russland gefundene frühmittelalterliche Helme // *Zeitschrift für Historische Waffen und Kostümkunde*. 1924. Bd. 1.
- Miks Ch. Relikte eines frühmittelalterlichen Oberschichtgrabes? Überlegungen zu einem Konvolut bemerkenswerter Objekte aus dem Kunsthandel // *Jahrbuch RGZM*. 2009. 56/2.
- Simon J. Evidence from Dura Europos for the Origins of Late Roman Helmets // *Syria. Revue d'art oriental et d'archéologie*. Paris. 1986.
- Šarov O. V. Ein reiches Pferdegeschirr aus Kerč // *Beiträge zu römischer und barbarischen Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburger Kolloquium*. 1994.
- Werner J. Zur Herkunft der frühmittelalterlichen Spangenhelme // *Prähistorische Zeitschrift*. 1949. Bd. 50.

РИМСКО-ГЕРМАНСКАЯ РЕМЕННАЯ ГАРНИТУРА ИЗ «ЗОЛОТОГО КЛАДБИЩА» (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НАХОДОК)

О. В. Шаров (г. Санкт-Петербург)

Работая с отчетами Императорской Археологической Комиссии в рукописном архиве ИИМК РАН, я натолкнулся на очень интересный комплекс находок, который до сих пор полностью никогда не был опубликован. Речь идет о находках из кург. № 16 у ст. Казанской (рис. 1), раскопанном в 1901 г. Н. И. Веселовским (НА ИИМК, РА, ф. 1, 1901 г., оп. 1, д. 103)⁶².

Эти уникальные находки привлекли мое внимание в силу того, что выделялись своей явной инородностью среди материалов «Золотого кладбища» и были связаны с далеким германским

⁶² Далее при архивных ссылках на материалы рукописного отдела (РА) Научного архива ИИМК РАН название архива не повторяется.

Рис. 1. Местонахождение памятника – ст. Казанская обозначена серым квадратом (по Гущина, Засецкая, 1994. Рис. 1)

миром римской эпохи. Может, поэтому они не вошли в издание материалов раскопок «Золотого кладбища», подготовленных И. И. Гущиной и И. П. Засецкой (Гущина, Засецкая, 1994).

Обратимся к материалам архивных данных и отчетов ИАК. В рукописном отчете Н. И. Веселовского о раскопках 1901 г. у ст. Казанской дается очень краткая информация о данном комплексе: «Курган № 16 высотой 1 1/2 арш., катакомба 1 типа, длиной 9 1/2 ф., шириной 5 ф. 4 д., глубиной 1 с. 3 ф. 3 д. Вырез длиной 7 ф. 3 д., шириной 4 ф. Катакомба ограблена дочиста, но в насыпи, в особой яме, на аршин от поверхности, найдены серебряные (оп. 54) и медные (оп. 55) пластины, по-видимому, от пояса. Место находки фотографировано» (ф. 1, 1901, оп. 1, д. 103, л. 46). Также Н. И. Веселовский нарисовал схематический план ката-

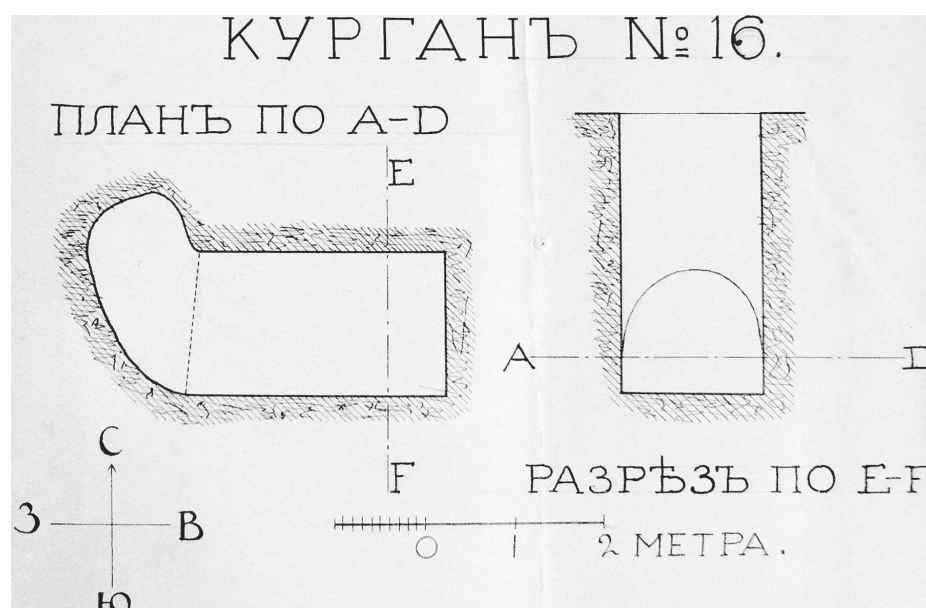

Рис. 2. План катакомбы в кургане № 16 у ст. Казанской. Раскопки Н. И. Веселовского 1901 г. (по Веселовский, 1903. С. 75. Рис. 151)

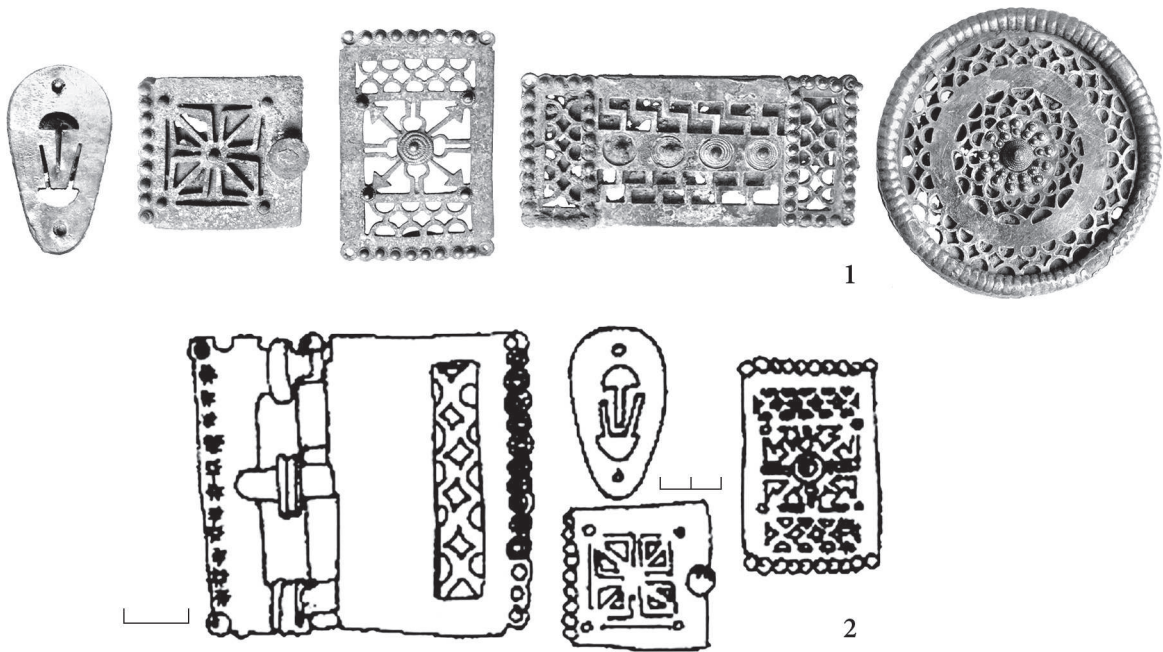

Рис. 3. Курган № 16 у ст. Казанской. 1 – фото деталей поясной гарнитуры, опубликованное Н. И. Веселовским (по Веселовский, 1903. С. 75. Рис. 153); 2 – рисунки вещей, опубликованные Н. Е. Берлизовым (по Берлизов, 1998. Рис. 4)

комбы со всеми размерами, указанными выше (ф. 1, 1901, оп. 1, д. 103, л. 47). В описи находок 1901 г. под № 54 указаны «серебряные пластины» без их количества, а под № 55 – «медные пластины» также без указания их количества. В примечаниях отмечено, что все предметы отправлены в Эрмитаж (ф. 1, 1901, оп. 1, д. 103, л. 140об.). Еще в первоначальном варианте отчета Н. И. Веселовский также дал аналогии деталям пояса, опираясь на известную работу Л. Линденшмидта (Lindenschmidt, 1886. Bd. IV. Taf. 6). Приведенные им аналогии рассматриваются ниже.

Н. И. Веселовский в Отчет ИАК за 1901 г. сдал уже иной, отредактированный текст, где были переведены аршины, сажени, фугты и дюймы в стандартные меры длины: «Курган № 16, высотой 1.06 м. Катакомба 2-го типа длиной 4.26 м, шириной 1.62 м, глубиной 1.14 м. Катакомба ограблена дочиста, но в насыпи, в особой яме, в 0.7 м от поверхности найден набор пояса, состоящих из медных, иногда вызолоченных блях с ажурными серебряными накладками. Надо полагать, что эти бляхи были спрятаны здесь после ограбления кургана или попали туда при тризне» (Веселовский, 1903. С. 75–76). В отчете ИАК давался новый план катакомбы с ее разрезами и размерами в линейных мерах длины (рис. 2), фото входа в катакомбу и фото пяти деталей пояса (рис. 3, 1) (Веселовский, 1903. Рис. 151–153).

В упомянутом выше наиболее полном издании материалов «Золотого кладбища» (Гущина, Засецкая, 1994) нет описания кург. № 16, и отсутствуют рисунки или фото предметов из тайника, но в приложении № 2 указаны размеры катакомбы и ее тип, полностью повторяющие данные Н. И. Веселовского из отчета ИАК за 1901 г. (Гущина, Засецкая, 1994. Прил. 2).

Лишь почти через 100 лет после открытия этого комплекса эти предметы вышли из забвения, благодаря небольшой статье Н. Е. Берлизова (Берлизов, 1998. С. 12). Исследователь впервые дал краткое описание деталей, как он полагал, поясного набора: «Набор включает бронзовые с серебряными накладками пряжку с прямоугольной рамкой, коротким массивным язычком и прямоугольной обоймой с ажурной прорезью, ажурные прямоугольные и овальные поясные накладки» (Берлизов, 1998. Рис. 4). Также им была дана новая атрибуция находок и их хроно-

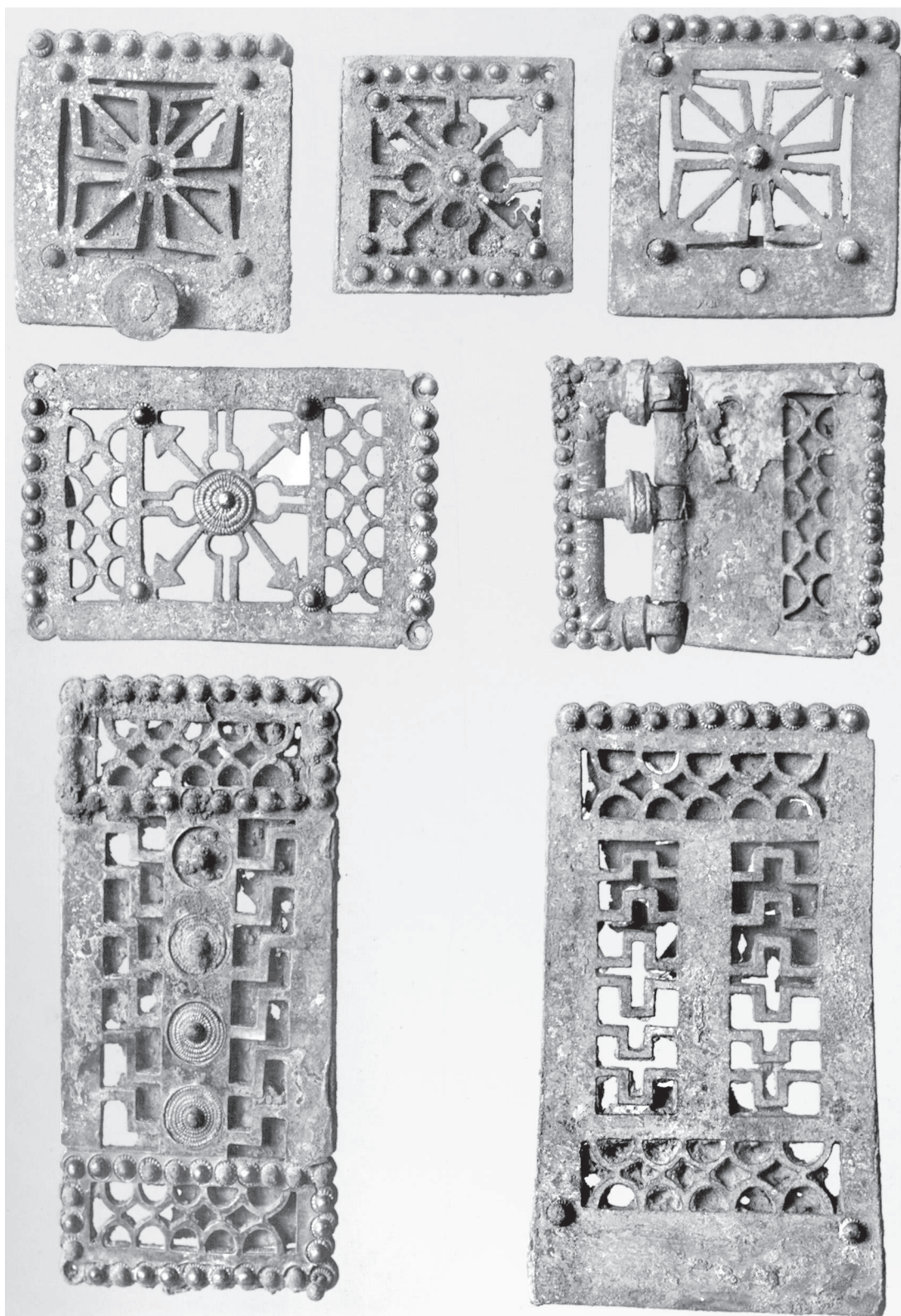

Рис. 4. Фото предметов, найденных в тайнике в насыпи кургана № 16 у ст. Казанской в 1901 г. Н. И. Веселовским (НА ИИМК, РА, ф. 1, 1901, оп. 1, д. 104, л. 170)

логия. «По стилю его можно отнести к серии украшений, широко распространенных в Паннонии в I – начале II вв. н.э., причем пик их производства по Й. Гарбшу приходится на время правления Клавдия (Garbsch, 1965. Abb. 45–46). Стилистически близкие накладки на ножны мечей из Паннонии Й. Вернер отнес к первой половине I в. н.э. (Werner, 1979. S. 176–177. Abb. 5). Это позволяет отнести время сооружения катакомбы в кургане 16 у ст. Казанской (напомню, полностью ограбленной) к середине I в. н.э. или даже более раннему периоду, если поясной набор попал в насыпь после совершения захоронения» (Берлизов, 1998. С. 12). Н. Е. Берлизов в своей статье привел рисунки четырех деталей «поясного набора» из данного комплекса (Там же. Рис. 4) (рис. 3, 2).

Таким образом, к началу третьего тысячелетия осталось неизвестным точное количество деталей «поясного набора». Н. Е. Берлизов повторил версию Н. И. Веселовского о том, что это детали «поясного набора». В литературе были высказаны две совершенно противоположные точки зрения о хронологии этих находок. Н. И. Веселовский в качестве аналогий находкам у ст. Казанской видел детали поясов меровингской эпохи V–VII вв. н.э., ссылаясь на работу Л. Линденшмидта (Lindenschmidt, 1886. Bd. IV. Taf. 6), а Н. Е. Берлизов в качестве аналогий находкам у ст. Казанской видел пояса норико-паннонского происхождения I в. н.э., ссылаясь на работу Й. Гарбша (Garbsch, 1965. Abb. 45–46).

Обратимся к самим находкам, которые пока известны лишь по фотографиям из архивных материалов ИИМК РАН. Из материалов архива следует, что всего в наборе из тайника кург. № 16 было 13 бронзовых деталей ременной гарнитуры, покрытых сверху серебряными ажурными пластинами (рис. 4–5) (ф. 1, 1901, оп. 1, д. 103, л. 166–167).

Предварительное описание и атрибуция находок. Набор включал в себя: а) бронзовую двучленную пряжку с обоймой, украшенную серебряной ажурной накладкой; б) четыре подквадратных бронзовых накладки на ремень, внешняя серебряная пластина которых с прорезным ажурным орнаментом; в) три прямоугольных бронзовых накладки, внешняя серебряная пластина которых также с прорезным ажурным орнаментом; г) две круглые накладки, также как и все детали ременной гарнитуры украшенные серебряными ажурными накладками; д) две маленькие, каплевидной формы накладки, украшенные сверху серебряными пластинами с прорезями в виде замочной скважины; е) один бронзовый наконечник ремня.

Обратимся к датировке типов предметов из этого комплекса, которые могут иметь надежные выходы на абсолютную хронологию.

Хронология. Прежде всего, датирующим типом вещей из этого комплекса является *двучленная бронзовая прямоугольная пряжка с прямоугольной обоймой*. Она отличается некоторым стилистическим своеобразием. Прямоугольная дужка украшена профилированными валиками у своих окончаний, также украшен у основания и язычок пряжки. По всей внешней части дужки идут украшения в виде овальных выпуклин, напоминающих шляпки от заклепок с выступами по внешним углам дужки. В концах дужки пряжки, выступающих за валики, проделаны отверстия, куда вставлена ось, расклепанная с двух сторон, на которой крепился язычок подтреугольной формы, сужающийся к окончанию. Прямоугольная обойма для крепления ремня согнута вокруг и внешняя, серебряная обкладка обоймы имеет прорезной ажурный орнамент. На конце обоймы было 14 заклепок с круглыми выпуклыми головками, которые крепили ремень к обойме.

Ближайшие аналогии данной пряжке по типу декора дужки и язычка рельефными валиками можно найти, прежде всего, среди скандинавских материалов – в пряжках типа «Блэзунгс» («Bläsungs»), по К. Раддату (Raddatz, 1957. Karte 4) (рис. 6). Они двучастные, дужка пряжек этого типа массивная, с профилировкой на концах. Обычно они встречены с обоймами, но иногда встречаются и без них. К. Раддату было известно всего три комплекса с такого типа пряжками: два на о-ве Готланд и один в Силезии (Ibid.). По погребальному инвентарю он от-

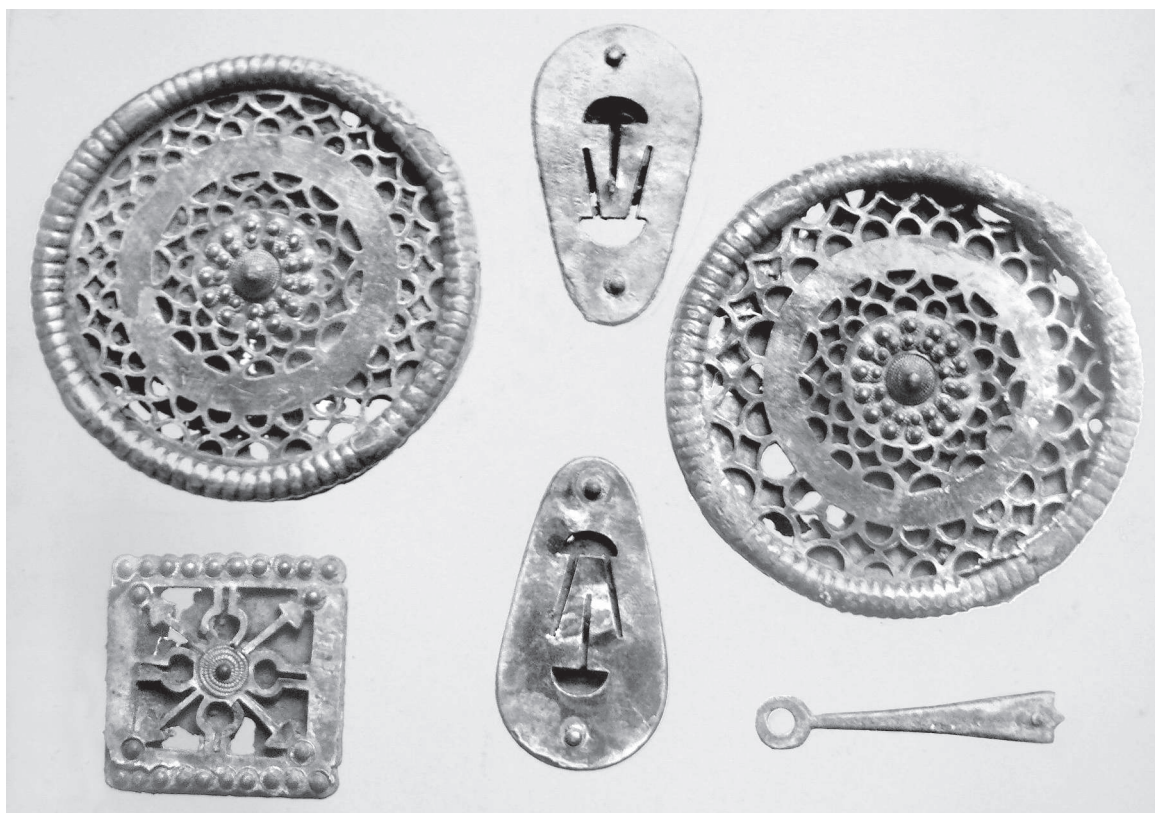

Рис. 5. Фото предметов, найденных в тайнике в насыпи кургана № 16 у ст. Казанской в 1901 г. Н. И. Веселовским (НА ИИМК, РА, ф. 1, 1901, оп. 1, д. 104, л. 171)

нес пряжки этого типа к фазам B2 и C1 (Ibid. S. 33), отметив, что маленькие пряжки этого типа относятся к фазе B2, а массивные и большие – к началу фазы C1 (Ibid. S. 35). Четыре пряжки из Торсберга (Ibid. Taf. 1, 10; 2, 1–3), К. Раддатц описал как «двучастные большие прямоугольные пряжки с сильно профилированными концами дужек» (Ibid. S. 43). Их можно отнести по целому ряду морфологических признаков: по валикам на дужках и язычке или, по определению К. Раддатца «сильной профилировке концов дужки», к выделенному им ранее типу «Блэзунгс». Дата для этих пряжек дается К. Раддатцем та же, причем, он отметил, что в самом начале фазы C1 такая сложная профилировка на целом ряде типов предметов исчезает полностью и, в основном, она характерна только для фазы B2 (Ibid. S. 43–44).

Через 30 лет после работы К. Раддатца вышел в свет свод Р. Мадыды-Легутко, в котором она собрала новые многочисленные находки пряжек и деталей поясов с территории Европейского Барбарикума (Madyda-Legutko, 1986). Автор, правда, не учла в своей работе находки из Скандинавии, за исключением находок из Шлезвига. Оказалось, что находки пряжек «с сильной профилировкой концов дужек» известны и в Центральной Европе. Р. Мадыда-Легутко учла шесть комплексов с двучленными пряжками типа G12, которые имеют подквадратную дужку с профилированными валиками на концах, с профилированным валиком на язычке, и длинную прямоугольную обойму с 3–9 заклепками для крепления ремня (Ibid. Taf. 13). Пряжки типа G12 спорадично встречаются от бассейна нижней Эльбы до Самбийского п-ва, не образуя ареала, и все комплексы датируются только фазой B2 (Ibid. P. 48, 57. Karte 32) (рис. 7).

Наиболее близка по всем морфологическим признакам пряжке из ст. Казанской пряжка типа G 23, по Р. Мадыде-Легутко (Ibid. Taf. 15). Данный тип пряжек представлен единственной находкой, зафиксированной в ареале пшеворской культуры, и происходит из погр. XXV мог-

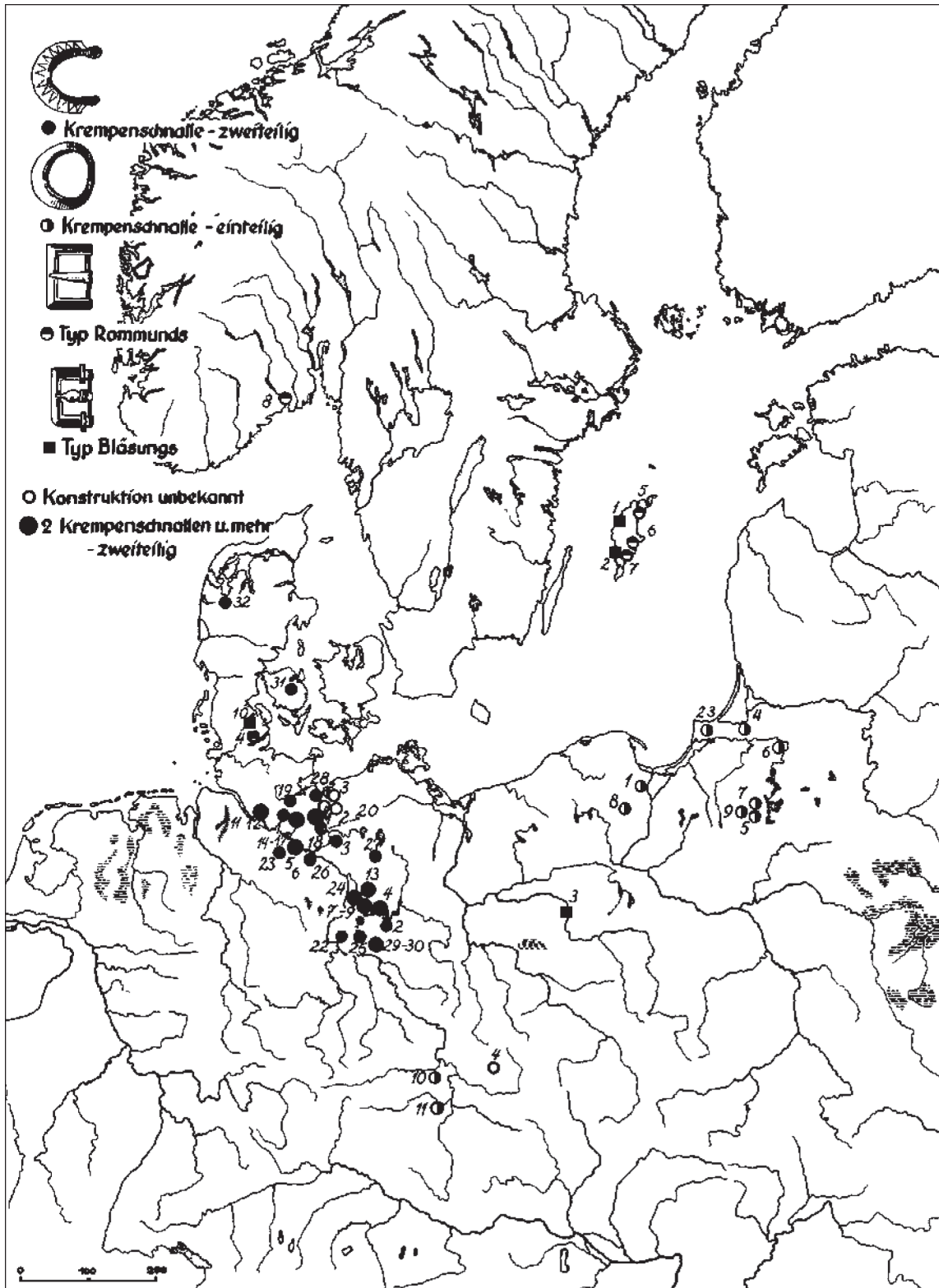

Рис. 6. Карта распространения пряжек типа «Блэзунгс» по К. Раддату (по Raddatz, 1957. Karte 4)

ка Котла в бассейне Одера (Ibid. P. 50. Karte 36) (рис. 7). Это железная двучленная пряжка с прямоугольной дужкой и подтреугольным язычком, окончания которых украшены профилированными валиками. Дужка покрыта насечками в виде параллельных прямых линий. Ремень

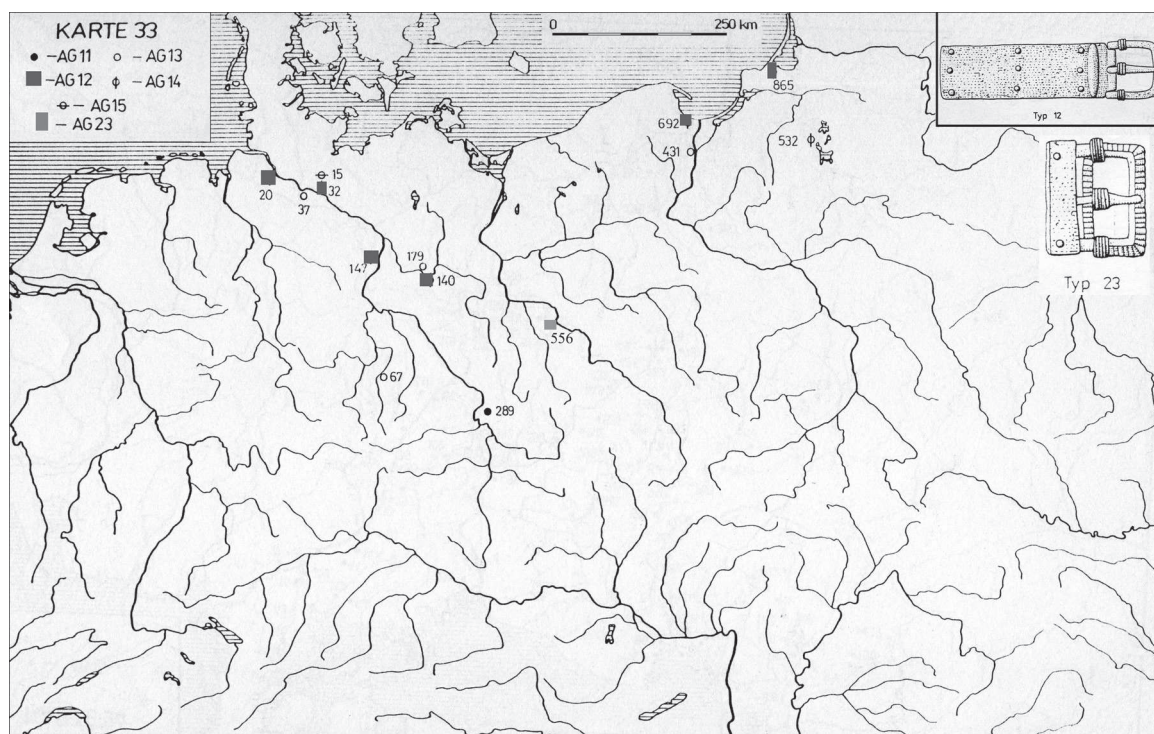

Рис. 7. Карта распространения пряжек типа AG 12 и AG 23 по Р. Мадыде-Легутко (по Madyda-Legutko, 1986. P. 48, 57. Karte 32; 34)

к узкой прямоугольной обойме крепился двумя заклепками. Сохранились следы серебряной фольги, которая покрывала рамку дужки и основание язычка. По составу погребального инвентаря комплекс можно отнести к горизонту I погребений с оружием пшеворской культуры и датировать развитым периодом B2 или уже B2/C1 (Ibid. P. 50, 57). Таким образом, можно говорить о почти параллельном появлении данного типа пряжек в Центральной Европе в развитой фазе B2/ B2/C1 и в Скандинавии в фазе B2 (B2/ C1) и в начале фазы C1.

Обратимся к другим типам находок из тайника кургана. *Бронзовый наконечник ремня*, представленный в комплексе тайника, можно отнести по классификации К. Раддатца к типу J-II-3 (Raddatz, 1957. Abb. 2), который датируется всей фазой C1 (180–260 гг. н.э.). Такие наконечники широко распространены по всей территории Центральной Европы в позднеримскую эпоху, но на территории Прикубанья встречены впервые.

Не менее интересны обнаруженные аналогии к ремненным накладкам, найденным у ст. Казанской. Отдельные детали имеют весьма близкие аналогии среди находок, найденных в Дании, в болотном святилище Иллеруп А⁶³ (рис. 8–9). В концентрации находок 190/142 в СВ части Иллерупа А были обнаружены детали щита «SAUB» и ременной гарнитуры «SARK», часть деталей которой практически идентична находкам у ст. Казанской (Carnap-Bornheim, Пкжær, 1996. Bd. V. S. 230–237. Abb. 175–176; 1996. Bd. VII. Taf. 230–233). В состав ременной гарнитуры «SARK» входили: две одночленных железные пряжки типа «D»; двучленная бронзовая пряжка типа «Омега» с обоймой, покрытая серебряной фольгой; шесть бронзовых каплевидных накладок, покрытых серебряными пластинами с прорезными отверстиями в виде замочной

⁶³ Мной впервые была изложена предварительная интерпретация и датировка находок из тайника кург. № 16 у ст. Казанской 9–12 апреля 2011 г. на сайте семинара «Хронограф» (http://vk.com/album-25845782_131853058), там же было выложено фото всех предметов, обнаруженных мною в Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН. При обсуждении данной темы на сайте семинара «Хронограф» выяснилось, что В. В. Масыкин ранее меня на основании еще первой публикации находок в «ОАК за 1901 год» пришел к близким выводам, которые до сих пор не изложены в печати или в виде доклада.

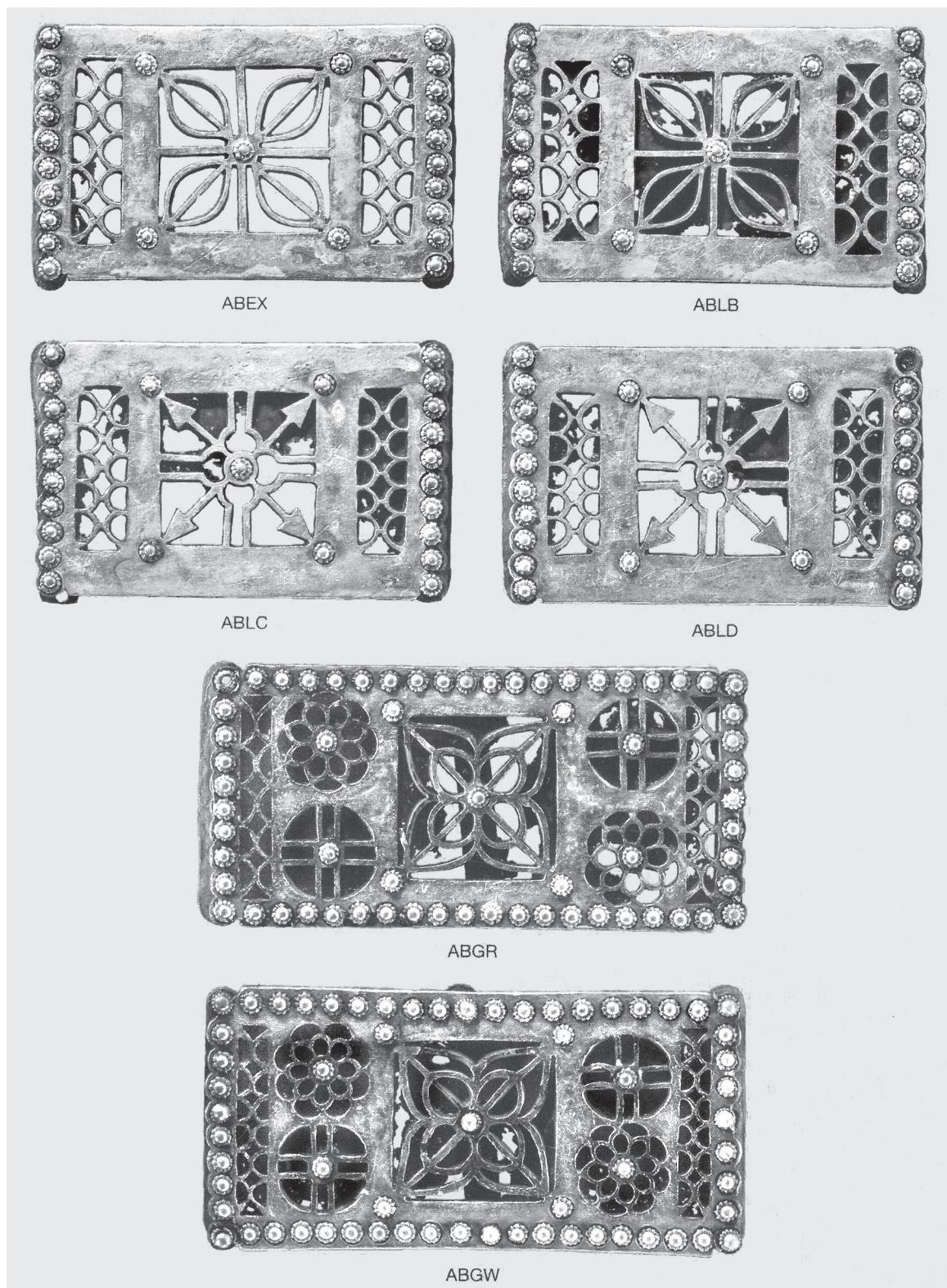

Рис. 8. Детали ременной гарнитуры «SARK», найденной в северо-восточной части Иллераупа А (по Carnap-Bornheim, Ilkjær, 1996. Bd. VII. Taf. 231)

скважины в центре; четыре цельных прямоугольных бронзовых пластины, покрытые серебряными пластинами с разнообразным ажурным орнаментом, с 10 заклепками с каждой узкой стороны; две прямоугольные бронзовые пластины, покрытые серебряными пластинами

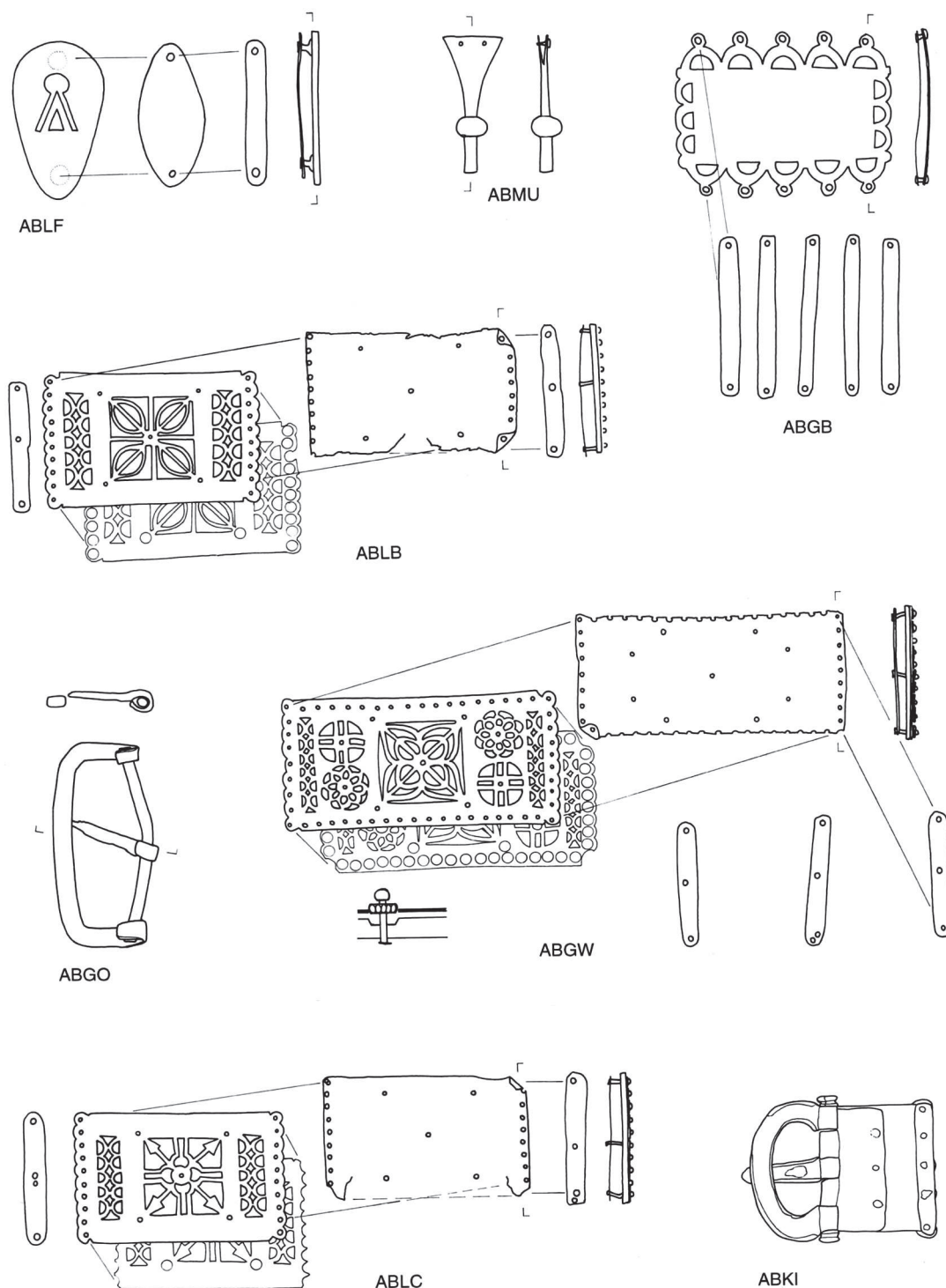

Рис. 9. Детали ременной гарнитуры «SARK», найденной в северо-восточной части Иллерупа А (по Carnap-Bornheim, Ilkjær, 1996. Bd. V. Abb. 175)

с ажурным орнаментом, имеющие по 10 заклепок с узких сторон и по 17 с широких, шляпки которых украшены серебряной фольгой; две бронзовые прямоугольные накладки, покрытые серебряными пластинами, имеющие по четыре полукруглых выступа с прорезями в центре с узких сторон, а также 37 серебряных наконечников ремня одного типа (Carnap-Bornheim, Ilkjær, 1996. Bd. VI. S. 221–222. Abb. 91–92).

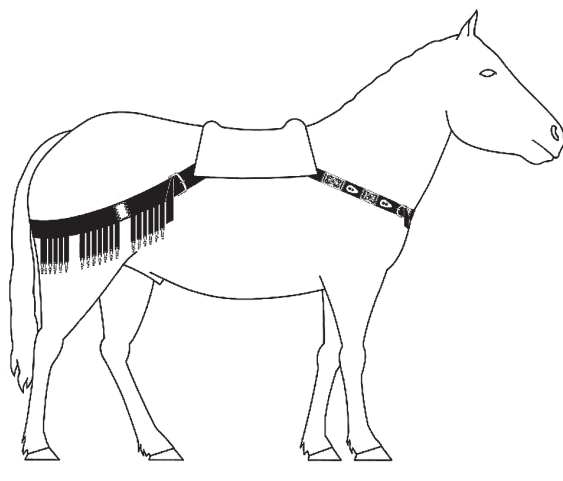

Рис. 10. Реконструкция конского убора «SARK» из Иллерупа А: концентрация находок № 190/142 (по Carnap-Bornheim, Ilkjær, 1996. Bd. V. S. 230–237. Abb. 176)

Датируются детали ременной гарнитуры «SARK», прежде всего, по наконечникам ремней типа O 10/11, по К. Раддату (Raddatz, 1957. Abb. 1), фазой C1 позднеримского времени (180–260 гг. н. э.). Эту дату уточняет умбон щита «SAUB» из того же скопления находок № 190/142, который относится к типу 3d умбонов, по Й. Илькеру (Ilkjær, 1990. Bd. I. Abb. 199), и датируется только фазой C1b (210/220–250/260 гг. н.э.).

Полное сходство деталей гарнитуры, найденных у ст. Казанской и обнаруженных при раскопках Иллерупа А, имеют лишь два типа ременных накладок: прямоугольные бронзовые пластины, покрытые серебряными ажурными пластинами с орнаментом в виде «розы ветров» в центре и ячеистого орнамента в два ряда по краям, а также каплевидные бронзовые накладки, покрытые серебряными пластинами, в которых вырезаны отверстия в виде замочной скважины (рис. 9). Остальные детали ременной гарнитуры при внешнем сходстве, все же отличаются типами ажурного орнамента серебряных пластин. Близкое сходство по типу орнамента в центре (в виде «розы ветров») имеют еще две ременные накладки, но они подквадратной формы и лишены ячеистого орнамента по краям. Следует также отметить, что у ременных накладок из Иллерупа основным центральным декором является растительный мотив, у накладок из ст. Казанской – геометрический орнамент в виде «розы ветров», арок или решеток в различных сочетаниях.

Вызывают особый интерес две подквадратные бронзовые накладки из ст. Казанской, которые украшены снаружи серебряными пластинами с ажурным растительным орнаментом, выполненным крайне грубо. Одна из этих накладок имеет у края неподвижный шип с круглой шляпкой⁶⁴, свидетельствующий о том, что перед нами не просто накладка, а держатель ремня или пряжка.

Таким образом, помимо морфологического единства ряда деталей ременной гарнитуры, также имеется некоторое совпадение в наборах типов предметов из Иллерупа и ст. Казанской: три пряжки в составе ременной гарнитуры, найденного в тайнике кург. № 16⁶⁵ и три пряжки с подвижным язычком, найденные в скоплении находок № 190/142; семь накладок с ажурным орнаментом на внешних серебряных пластинах из ст. Казанской и шесть – из Иллерупа А. При этом совсем не совпадает количество других деталей: две каплевидные накладки из ст. Казанской и шесть – из Иллерупа, один наконечник ремня из ст. Казанской и 37 – из скопления находок № 190/142 Иллерупа А.

⁶⁴ У второй он не сохранился, но видно отверстие от него.

⁶⁵ Две с неподвижным шипом, одна с подвижным язычком.

Атрибуция находок. Рассмотрим функциональное назначение ремennого гарнитура «SARK» из Иллерупа А. По мнению К. Карнап-Борнхайма и Й. Илькера, это детали конской упряжи, а точнее, детали декора кожаного нагрудника или поперсыя и охвостья (рис. 10). В скоплении находок № 190/142 полностью отсутствуют детали оголовья, хотя в других скоплениях, найденных на Иллерупе А, они имеются (Carnap-Bornheim, Plkjær, 1996. Bd. V. Abb. 15; 152; 163). Если мы принимаем версию исследователей материалов Иллерупа А, и полагаем, что предметы из тайника кург. № 16 также являются деталями конского снаряжения, то явно не хватает ремennых наконечников, как деталей охвостья. Две круглые ажурные накладки из ст. Казанской – в таком варианте – возможно, являются деталями оголовья по аналогии с другими скоплениями находок из Иллерупа А (Ibid.). В том и в другом случае мы встречаемся со специфическим погребальным обрядом, известным достаточно хорошо, когда в могилу клали не полный набор конского снаряжения, заменяющего коня в загробном мире, а лишь его часть (*pars pro toto*).

На данном этапе изучения находок, я принимаю версию о том, что части ремennой гарнитуры, спрятанной в тайнике кург. № 16 у ст. Казанской, являются также деталями конской упряжи. На основании проведенного выше предварительного анализа различных типов изделий, в настоящее время можно предложить лишь широкую дату для этого комплекса – в пределах всей фазы С1 позднеримской эпохи (170/180–250/260 гг.). Двучастная пряжка типа «Блэзунгс», по К. Раддату, входящая в комплект конского снаряжения из ст. Казанской, не позволяет мне относить весь комплекс конского снаряжения из тайника исключительно к фазе С1b (210/220–250/260 гг. н. э.), т.е. только ко времени функционирования болотного святилища Иллеруп А.

Орнаментация пластин в стиле «opus interrasile». Остановимся кратко на ажурном декоре в стиле «opus interrasile» ремennой гарнитуры, происходящей из тайника кург. 16 у ст. Казанской. Изделия из ст. Казанской и из Иллерупа А, несомненно, весьма напоминают многочисленные типы вещей, известные в Норике и Паннонии в I в. н.э.

Ажурные накладки из металла служили важным элементом женской одежды населения этих провинций в первой половине I в. н.э. (фибулы, поясные накладки, украшения), а позднее, в I–III вв. н.э., они обрели широкую популярность в качестве украшений на ножнах мечей, на поясах, портупелях, звеньях цепей-поводьев конской узды у солдат и офицеров римской армии, размещенной на Рейне и Верхнем Дунае (Bishop, Coulston, 1993. Pl. 88; 90–91; Feugere, 1993. P. 115, 145, 200, 228). При этом декор деталей одежды жителей Норика и Паннонии и декор деталей воинского снаряжения римской армии сильно отличается от декора серебряных накладок, украшавших детали конской упряжи из Иллерупа А и ст. Казанской. Ажурность первых предметов достигалась за счет создания многочисленных ячеек наподобие очень мелкой сетки, ячейки были совершенно различной формы и редко создавали конкретный геометрический или растительный узор (рис. 11). Декор же исследуемых нами накладок состоит не из беспорядочно расположенных многочисленных мелких ячеек, а из конкретных типов орнаментов (геометрического, растительного), разделенных на поле накладок вертикальными и горизонтальными рамками. На накладках могут присутствовать два-три типа различного орнамента. Такого рода орнаменту мы не наблюдаем ни на женских украшениях Норика и Паннонии, ни на деталях воинского снаряжения римской армии. Наиболее близки по декору к исследуемым пластинам лишь прямоугольные обоймы пряжек «самбийских поясов».

В наборный самбийский пояс входили: пряжка с неподвижной прямоугольной обоймой, украшенной ажурным орнаментом, и расположенная на противоположном окончании ремня симметричная ей накладка. Такие пряжки включены в классификацию Р. Мадыды-Легутко и относятся к группе С, типу 11 (Madyda-Legutko, 1986. S. 18. Taf. 6). Они распространены исключительно в Самбии в фазе В2 (70/80–160/170 гг. н.э.). Такие пряжки были хорошо известны

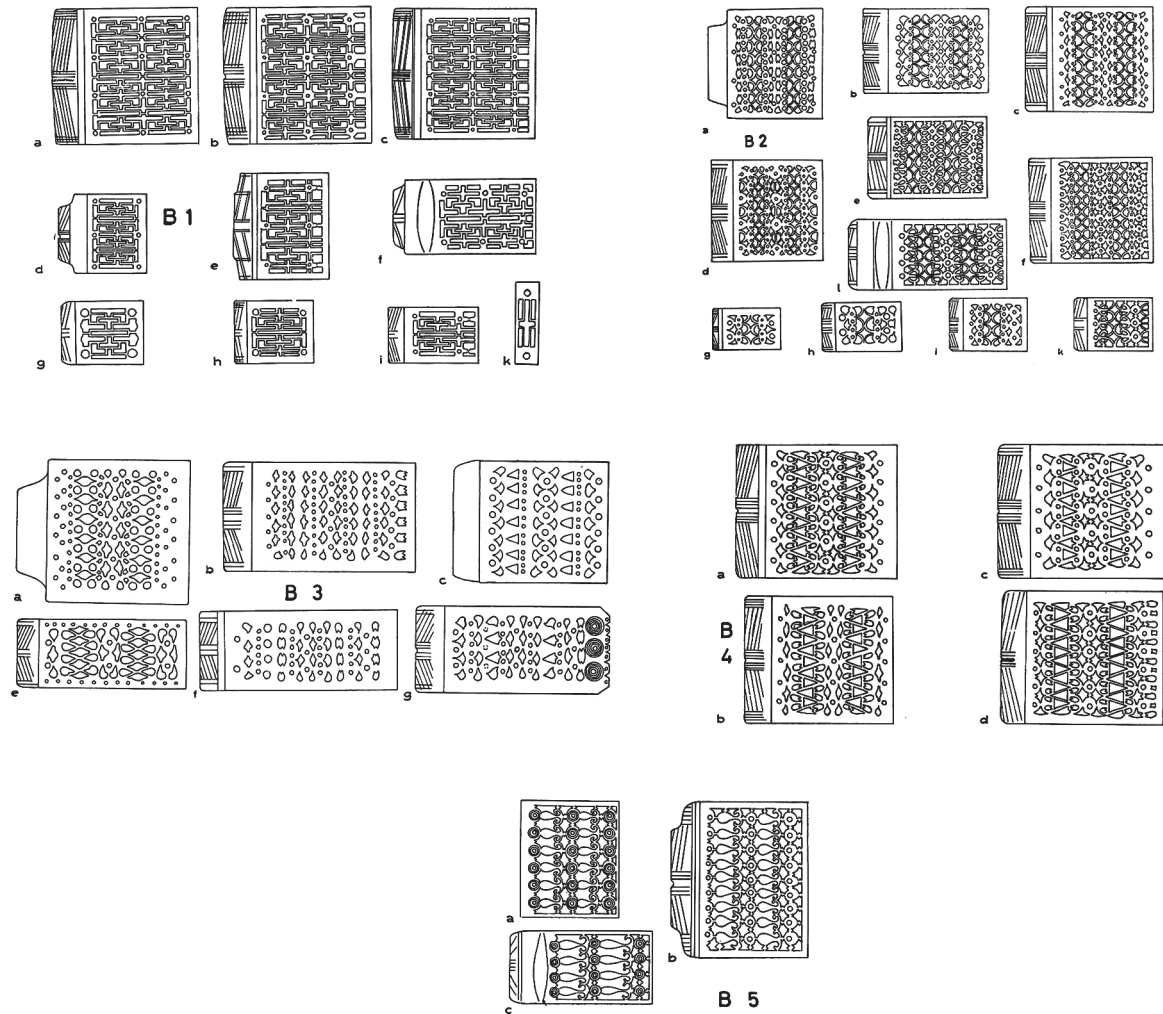

Рис. 11. Типы литого орнамента «opus interrasilis», по Й. Гарбшу, встреченные на изделиях Норика и Паннонии I в. н.э., а также в разных комбинациях на прямоугольных обоймах самбийских поясов (по Garbsch, 1965. Abb. 44–48)

еще по первым публикациям О. Тышлера и Г. Кемке материалов мог-ка Доллькайм (Tischler, Kemke, 1903. Taf. IX–X) (рис. 12), а затем были переизданы В. И. Кулаковым (Кулаков, 2004. Рис. 13–14; 27) и В. Новаковским (Nowakowski, 1996. Taf. 4; 6; 21; 32). Известны ажурные детали самбийских поясов и в комплексах других могильников Самбии и Натангии (Nowakowski, 1996. Taf. 61; 80; 89; 91; 96; 97; 101; Шукин, 1994. Рис. 75).

О. А. Хомякова в диссертации о женском костюме самбийско-натангийской культуры в эпоху римских влияний также проанализировала пряжки типа C11, по Р. Мадыде-Легутко (Хомякова, 2012. С. 133–135). Она пишет, что пояса с пряжками C11, которые характеризует ажурный орнамент, покрывающий всю обойму, наиболее многочисленны. Всего известно 15 подобных поясных наборов (Хомякова, 2012. С. 135. Рис. 43; 48; 56–57). О. А. Хомякова датирует их на основании совстречаемости с фибулами «прусской» серии типов Альмгрен 59–60, а также наиболее поздних вариантов фибул Альмгрен 61–62 (Almgren, 1897. Tab. III, 61–62) фазами B2b (110/120–170/180 гг.) и B2/C1 (150–200 гг.) европейской хронологической шкалы (Godlowski, 1970).

О. Альмгрен (Almgren, 1913. S. 269–270); Г. Янкун (Jankuhn, 1933. S. 167–226), Е. Окулич (Okulicz, 1973. P. 382–385; 1976. P. 191–198) и В. Новаковский (Nowakowski, 1996. S. 17) выводили происхождение этих поясов из Норика и Паннонии. Но орнаментика предметов, изготовлен-

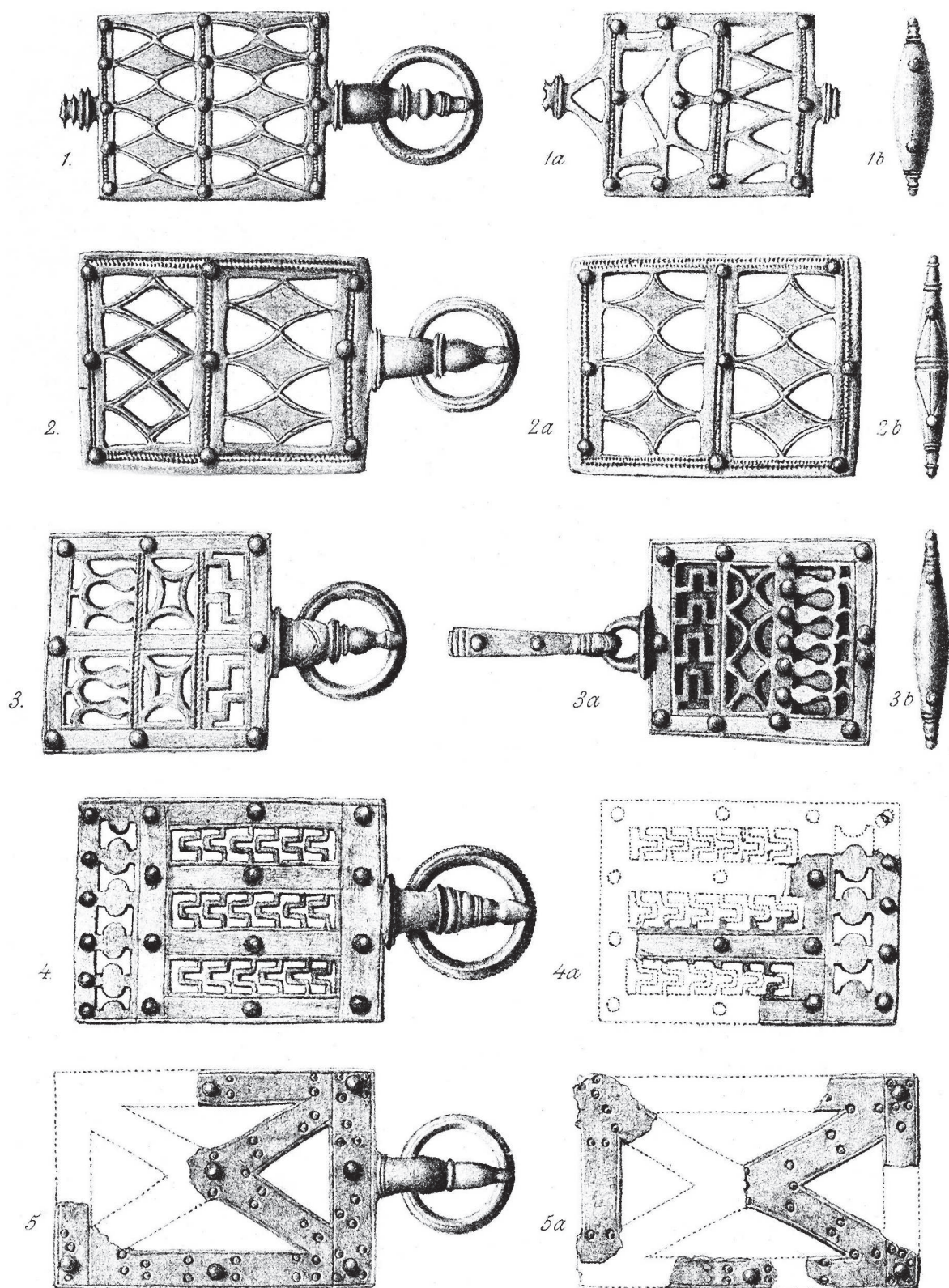

Рис. 12. Пряжки «самбийских поясов» с неподвижной прямоугольной обоймой, украшенные ажурным орнаментом, происходящие из могильника Доллякайм (по Tischler, Kemke, 1903. Taf. IX)

ных в стиле «opus interrasile», характерных для женского костюма Норика и Паннонии, как уже отмечалось выше, сильно отличается от орнаментики поясных пластин, найденных в Самбии, тем более что самбийские пояса датируются на 50–150 лет позднее. О. А. Хомякова провела сравнительный анализ типов орнаментов норико-паннонских поясов, представленной Й. Гарбшем (Garbsch, 1965) и самбийских поясов. Она пишет, что «речь не может идти о поиске прямых аналогий, а лишь о выявлении некоего набора признаков, которые встречаются в орнаментике самбийских поясов. Наиболее распространенные типы литого орнамента, которые представлены на пластинах – геометрический декор типа V1 и растительные орнаменты типов V2 и V5, по Й. Гарбшу, известные, преимущественно, в Паннонии и юго-западной Словакии и датирующиеся I в. н.э.». Исследовательница, на основании сравнительного анализа, сделала вывод, что «самбийские пояса украшены сочетанием нескольких элементов декора, что не было характерным для норико-паннонских поясных наборов. Пластины делились на отдельные зоны, где располагался орнамент, в то время как на норико-паннонские накладках такие зоны отсутствовали и орнамент заполнял все их пространство» (Хомякова, 2012. С. 141–143).

Р. Мадыда-Легутко, на основании изучения пряжек самбийских поясов типов C10-12, отметила, что лишь отдельные мотивы декора самбийских поясов в незначительной степени повторяют декор норико-паннонских пряжек с крючком. Большинство орнаментальных мотивов имеет чисто местное, *самбийское* происхождение (Madyda-Legutko, 1986. S. 22).

О. А. Хомякова считает, что «вопрос о происхождении самбийских поясов в древностях самбийско-натангийской культуры не имеет однозначного ответа. В первую очередь, неправомерным было бы считать их прямыми прототипами норико-паннонские пояса, которые имеют иной облик, нежели самбийские» (Хомякова, 2012. С. 146). «Облик самбийских ажурных накладок сформировался на основе широко распространенных на территории *Germania Libera* в I в. н.э. разновидностей ажурного декора, которые сочетали в себе позднелатенские кельтские, а также провинциально-римские традиции. И если в других культурах в подобном стиле украшались предметы вооружения и амуниции, то здесь он нашел отражение в женском уборе. Не исключено, что их генезис связан с влиянием восточно-германских племен и вовлечением жителей Самбии и Натангии в торгово-экономические и межэтнические процессы I–II вв. н.э. вследствие активизации янтарной торговли по пути из Подунавья через территорию пшеворской культуры и дельту Вислы» (Хомякова, 2012. С. 147). В этой гипотезе исследовательница опиралась, прежде всего, на работы Е. Окулича (Okulicz, 1973; 1976), Е. Веловецкого (Wielowejski, 1980) о «янтарном» пути из Аквилеи через Карнунт в Самбию, а также на работы М. Б. Щукина (Щукин, 1994. С. 191; 1998. С. 201).

Изучая события, происходившие в *Barbaricum* на рубеже эр, М. Б. Щукин высказал предположение о том, что с появлением на территории современной Чехии в 6–9 гг. н.э. маркоманнов начинается кельто-германская культурная диффузия и в рамках «державы» Маробода кельтские мастера распространяли свои «романизированные» изделия далеко на север по «янтарному» пути, связывающую Самбию и Аквилею (Щукин, 1994. С. 191, 194–195). Только при их содействии по речным долинам могли продвигаться караваны, в обмен на янтарь доставлявшие жителям балтийских берегов изделия в стиле «opus interrasile», монеты и провинциально-римские фибулы (Кулаков 2003. С. 82). Все это «...заставляет склоняться к мысли, что какое-то количество мастеров-одиночек или небольших артелей, наследников бродячих кельтских ремесленников, добиралось вместе с торговцами янтарем до Прибалтики и оседало в среде местного населения» (Щукин, 1994. С. 226; Кулаков, 2003. С. 82–83). Так появилась в Самбии в последней четверти I в. н.э. новая мода на предметы в стиле «opus interrasile», на женские наборные пояса с ажурными обоями пряжек, которая не угасала в течение всего II в. н.э.

Как же в конечном итоге появились детали конского убора в этом стиле в Иллерупе и других болотных святилищах? Помимо деталей конских уборов из Иллерупа известны «литые

ажурные накладки на пояса из Торсберга, Вимозе и Триннемезе. Как и на пластинах, украшающих самбийские пояса, декор на них разделен на зоны, похожи и элементы, из которых он состоит, а также функция предметов, на которых он расположен (поясные накладки)» (Хомякова, 2012. С. 144). Вместе с такими изделиями в болотных находках выявлены детали конского снаряжения и оголовий, находящие аналогии в древностях самбийско-натангийской культуры в погребениях того же горизонта, что и собственно самбийские пояса (Nowakowski, 1996. S. 63. Taf. 96).

Вероятно, германцы Ютландии, захватив в одном из походов Самбию во второй половине II в. (Кулаков, 2003. С. 57–59), переняли моду на некоторые предметы в самбийском стиле «*opus interrasile*» и стали украшать согласно новой моде свои парадные пояса и парадное конское снаряжение. Германские мастера, как полагал К. Раддатц, никогда не копировали точно римские или иные детали костюма и снаряжения, а творчески подходили к каждому новому изделию, сохраняя лишь основные характерные черты римских прототипов (Raddatz, 1957. S. 31). Места, в которых, преимущественно, сделаны эти находки, являются пунктами коллективных жертвоприношений, где члены германских воинских дружин возлагали своим богам благодарственные дары, состоявшие как из предметов, изготовленных германскими умельцами, так и из трофеев, добытых дружиной в далеких походах на лимес и в ареалы различных «варварских» племен, включая Самбию (Кулаков, 2003. С. 246–247).

Подводя итог, на данном этапе исследования можно предположить, что части ременной гарнитуры, украшенной в ажурном стиле, происходящие из Иллерупа А и ст. Казанской фазы С1, являются продуктом художественного творчества германских мастеров-ремесленников, которые в качестве прототипов для своих изделий имели ажурные детали самбийских поясов фазы В2. В свою очередь, ажурные украшения самбийских поясов были также творческой переработкой римско-кельтских изделий Норика и Паннонии фазы В1 мастерами-ремесленниками Самбии.

Заключение. Таким образом, мы получили иную дату, чем предыдущие исследователи данного комплекса. Это не меровингское время, как предполагал Н. И. Веселовский, и не I в. н.э., как считает Н. Е. Берлизов. Такие хроноиндикаторы, как пряжка типа «Блэзунгс» и наконечник ремня типа J II-3 (по К. Раддатцу) позволяют нам датировать комплекс находок из тайника кург. № 16 у ст. Казанской концом II–первой половиной III в. н.э. или фазой С1 позднеимперской эпохи.

Эти находки, показывающие связи с далеким северогерманским миром далеко не единичны для Причерноморья. Можно выделить многочисленные находки германских и прибалтийских типов предметов фазы В2/С1 (150/160–200/210 гг.) (Шаров, 2009. С. 175–177; 2010. С. 261–263. Рис. 4–7; 13–16): это бронзовые пряжки с прямоугольными рамками на язычке типа AG14, 25,45 из Керчи и Кубани; пряжки с двумя язычками и прямоугольными обоями из Керчи типов AG 36–44 (по Р. Мадьде-Легутко). Пряжки данных типов датируются Р. Мадьдой-Легутко фазами В2/С1 (150/160–200/210 гг. н.э.) и С1а (170/180–210/220 гг. н.э.) (Madyda-Legutko, 1986. S. 51–60. Taf. 15–17).

Также среди находок представлены умбоны с длинным шипом из склепа Каллисфена в Керчи (Шаров, 2010. Рис. 12) и курганного погребения Танаиса (Толочко, 2003. Рис. 85). Такие умбоны относятся, по Й. Иллкеру, к типам 3b и 3c и датируются также фазами В2/С1 и С1а (Illkær, 1990. Abb. 199). К. Годловский отнес такие умбоны к горизонту 2 погребений с оружием пшеворской культуры и датировал их фазой С1а (170/180–210/220 гг. н.э.) (Godlowski, 1992. S. 44. Abb. 18). Умбоны, обнаруженные в слое пожара Танаиса, относятся к типам «Конин» и «Хорула», которые германцы стали использовать еще в первой трети III в. н.э., но основное время их распространения падает на фазу С1b (220/230–250/260 гг. н.э.) (Godlowski, 1992. S. 44. Abb. 19). В 20–30 гг. III в. отряды германцев появляются на Меотиде, где, по моему мнению,

именно для защиты от них Танаиса и поселений в низовьях Дона привлекаются римские воинские контингенты, о чем свидетельствуют надпись из Танаиса (Шаров, 2013). Часть из германцев, судя по находкам умбонов щитов, после столкновений остается в составе защитников Танаиса; остальные германцы уходят назад или вливаются в состав сарматских и боспорских дружин и достаточно быстро теряют свою этническую идентификацию.

Остаются открытыми вопросы: кто был похоронен в катакомбе № 16 у ст. Казанской? Были ли предметы в насыпи кургана тризной по умершему, или они были захоронены позднее и не связаны с ограбленным ранее погребением в катакомбе? Пока остается лишь строить предположения. Полная обработка всех материалов, происходящих из раскопок кург. № 16 у ст. Казанской, возможно, прояснит эту ситуацию и позволит уточнить атрибуцию и хронологию данного комплекса, но это входит в задачи следующих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берлизов Н. Е. О нескольких забытых находках круга «Золотого кладбища» // Древности Кубани. Краснодар. 1998. Вып. 8.
- Веселовский Н. И. Отчет о раскопках у ст. Казанской в 1901 г. // Отчеты ИАК за 1901 год. СПб. 1903.
- Гуцина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб. 1994.
- Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 года. М. 2003 (Prussia Antiqua. Т. 1).
- Кулаков В. И. Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск. 2004. (Prussia Antiqua. Т. 2).
- Толочко И. В. Некрополь Танаиса (начало III в. до н.э. – V в. н.э.). Опыт сравнительного изучения: Дис. ... канд. ист. наук. М. 2003 (рукопись).
- Хомякова О. А. Женский убор самбийско-натангийской культуры периода римского влияния I–IV вв. н.э. (анализ компонентов и хронология): Дис. ... канд. ист. наук. М. 2012 (рукопись).
- Шаров О. В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV вв. н.э.): Дис. ... докт. ист. наук. СПб. 2009 (рукопись).
- Шаров О. В. Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре) // Stratum plus. 2010. № 4.
- Шаров О. В. В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Кубанский сборник. Краснодар. 2013 (в печати).
- Шукин М. Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб. 1994.
- Шукин М. Б. Янтарный путь и венецы // Проблемы археологии. СПб. 1998. Вып. 4.
- Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Stockholm. 1897.
- Almgren O. Zur Bedeutung des Markomannenreichs in Böhmen für die Entwicklung der germanischen Industrie in der frühen Kaiserzeit // «Mannus». Berlin. 1913. Bd. 5.
- Bishop M., Coulston J. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. London. 1993.
- Carnap-Bornheim C. von, Illkær J. Illerup Ådal. Die Paradeausrüstungen. Textband. Aarhus. 1996. Bd. V.
- Carnap-Bornheim C. von, Illkær J. Illerup Ådal. Die Paradeausrüstungen. Katalog, Fundlisten und Literatur. Aarhus. 1996. Bd. VI.
- Carnap-Bornheim C. von, Illkær J. Illerup Ådal. Die Paradeausrüstungen. Tafelband. Aarhus. 1996. Bd. VII.
- Feugere M. Les armes des romains de la République à l'Antiquité tardive. Paris. 1993.
- Garbsch J. Die Norisch-Pannonische Frauentracht im 1. und 2. Jahrhundert. München. 1965.
- Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration periods in Central Europe. Krakow. 1970.
- Godłowski K. Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit in den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow. 1992.
- Illkær J. Illerup Adal. Die Lanzen und Speere. Aarhus. 1990. Bd. I.

- Jankuhn H.* Gürtelgarnituren des Samlandes in der älteren Römischen Kaiserzeit // Prussia. Königsberg. 1933. Bd. 30/1.
- Lindenschmidt L.* Die Altertümer unserer heidnischen Vorzeit. Mainz. 1886. Bd. IV.
- Madyda-Legutko R.* Die Gürtelschnalle der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit in mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford. 1986 (BAR. IS. 360).
- Nowakowski W.* Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit der römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa. 1996.
- Okulicz J.* Pradzie s ziem pruskich od poznego paleolitu do VII. w. n.e. Wrocław; Warszawa; Krakow; Gdansk. 1973.
- Okulicz J.* Powiązania pobrzezawschodniego Baltyku i centrum sambieskiego z południem w podokresie wczesnorzymskim // ZNUJ-PA. 1976. Nr. 22.
- Raddatz K.* Der Thorsberger Moorfund: Gürtelteile und Körperschmuck. Neumünster: Wachholtz. 1957.
- Tischler O., Kemke H.* Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg. 1902.
- Wielowiejski J.* Główny szlak bursztynowy w czasach cesarstwa Rzymskiego. Wrocław. 1980.
- Werner J.* Spatlatene-Schwerter norischer Herkunft // Werner J. Spätes Keltentum zwischen Rom und Germanien. Aufsätze zur Spatlatenezeit. München. 1979.

Средневековье

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО СООБЩЕНИЯ ЛЕОНТИЯ МРОВЕЛИ О РАССЕЛЕНИИ ЭГРИСЦЕВ

Т. А. Ачугба (г. Сухум)

Сочинение грузинского автора XI в. Леонтия Мровели «Жизнь грузинских царей и первоначальных отцов и родственников» («ცხოვრება ქართუელთა მეფეთა და პირველთაგანთა მამათა და ნათესავთა») является ценным письменным источником для исследования древней и средневековой истории народов Кавказа. Текст вошел в первый том вода грузинских летописей «Картлис Цховреба» (1955. С. 1–71).

Как известно, Леонтий Мровели оставил информацию о якобы первоначальном расселении различных племен Кавказа. В частности, в сконструированной им этнической иерархии во главе с этнархом Таргамосом определенное место занимает Эгрос и его потомки эгрисцы. Автор считал, что Эгрос был одним из восьми сыновей Таргамоса – правнука того самого мифического, но всемирно известного Ноя (Ной – Яфет – Таршиш – Таргамос). Сыновья Таргамоса по старшинству: Хаос, Картлос, Бардос, Мовакан, Лек, Херос, Кавкас и Эгрос. В летописи сказано, что Таргамос и его потомки занимали пространство, ограниченное с востока Гургенским (Каспийским) морем, с запада – Понтийским (Черным) морем, с юга – морем Орети (вернее, не морем, а горой Орети недалеко от современного Тавриза – Т. А.) (Картлис Цховреба, Т. I, 1955. С. 4, 6, 415), а с севера – горой Кавказа (Там же. С. 4–5).

Леонтий Мровели сообщает, что Таргамос, разделив между сыновьями свое владение, младшему из них Эгросу и его потомкам передал территорию на побережье Понтийского (Черного) моря. «ხოლო ეგროსს მისცა ქუეყანა ზღვს ყურისაბ და უჩინა საზღვარი; აღმოსავლით მთა მცირე, რომელსა აწ ჰქვან ლიხი; დასავლით ზღუა; [ჩრდილოთ] მდინარე მცირისა ხაზარეთისა, სადა წარსწუთების წუერი კაგუასისა» (Там же. С. 5). Обычно грузинский текст на русский язык переводят так: «А Эгросу отдал земли у морского залива и определил границы: с востока – Малая гора, которая ныне именуется Лихи; с запада – море; [с севера] река Малая Хазария, куда достигает конец Кавказа».

Хотя данное сообщение в источнике занимает всего лишь одно предложение, его значение для отдельных историков (в контексте изучения расселения картвельских племен на Черноморском побережье Кавказа) весьма велико. Некоторые грузинские исследователи, ссылаясь на данный отрывок летописи, где сказано, что граница удельной территории Эгроса доходит до р. Малая Хазария, «куда достигает конец Кавказа», приходят к выводу, что страна эгрисцев на северо-западе простиралась до устья р. Кубань, именуемой в грузинской историографии Малой Хазарией. Иначе говоря, эгрисцы со времен Эгроса находились на всем пространстве кавказского Причерноморья (Джавахишвили, 1965. С. 16; 1989; Ингоркова, 1954. С. 131; Гасвиани, 2000. С. 32; Гамахария, Гогия, 1997. С. 200; и др.), где, как известно, с древнейших времен проживали предки абхазо-адыгских народов.

В свое время к данному отрывку и в целом к сочинению Леонтия Мровели обращались многие исследователи: Вахушти Багратиони, Мари Броссэ, И. А. Джавахишвили, А. А. Барамидзе, С. Т. Еремян, Г. А. Меликишвили, С. Г. Каухчишвили, Н. А. Бердзенишвили, П. И. Ингороква, М. Д. Лордкипанидзе, З. Ш. Дидебулидзе, З. В. Анчабадзе, Г. В. Цулая, М. М. Гунба, В. Ф. Бутба, Г. Д. Гумба и др. Несмотря на это, на многие вопросы не были даны более-менее ясные ответы, а некоторые из них и вовсе остались неосвещенные.

Проблема заключается в том, что, во-первых, дошедшая до нас летопись не является первоначальным оригиналом сочинения Леонтия Мровели – текст был много раз переписан и частично изменен путем различных приписок, комментариев, дополнений. Во-вторых, как это уже отмечалось в специальной литературе, перед нами, скорее, наслоения сведений, отражающих различные временные отрезки, при этом грузинский автор обоснованно выделяет несколько этапов этнической истории народов Кавказа. Древнюю карту расселения племен Кавказа Л. Мровели осмысливает в соответствии с существующей в раннем средневековье этнополитической картой региона и, во многих случаях, раннесредневековую ситуацию проецирует на более древнюю эпоху (Гумба, 2003. С. 124). И, в-третьих, обращение некоторых ученых к данной летописи связано с выполнением определенного социального заказа властей, что, безусловно, уводит их из области истинно научных исследований.

Нет сомнения, что именно данное сообщение стало одним из поводов, а для некоторых тенденциозных исследователей и главной источниковедческой базой при создании теории о том, что якобы абхазы в Абхазии и, в целом, на Черноморском побережье Кавказа поселились лишь в XVII в. В частности, литературовед П. Ингороква эту информацию Л. Мровели назвал «историческим сообщением, имеющим решающее значение» для грузинской историографии (Ингороква, 1954. С. 131). Он писал: «Как собственно основная Абхазия, так и Гениох-Санигия, Апсилия и Мисиминия являлись составной частью Эгриси и были заселены эгрисскими племенами» (Там же. С. 12). Северо-западная граница этой страны, как он считал, доходила до р. Малая Хазария, которую он, в отличие от других исследователей, отождествлял не с р. Кубань, а с р. Шапсухо севернее от Никопсии (в районе современного г. Туапсе) (Там же. С. 130). Со второй половины XVII в., как считал П. Ингороква, здесь произошли изменения этнического характера – мегрелы были оттеснены т. н. апсуйцами (т. е. абхазами) (Там же. С. 132).

Данная теория, несмотря на ее критику со стороны абхазских и некоторых грузинских ученых (Соселия, 1955; Анчабадзе, 1956. С. 261–278; Бгажба, 1956. С. 279–303; Ломтатидзе, 1956. С. 132–139), стала едва ли не основной идеологической базой притязаний Грузии на территорию Абхазии и разжигания грузино-абхазской войны в конце прошлого века. Она и по сей день служит подспорьем планов по восстановлению «территориальной целостности» Грузии. Не останавливаясь подробно на побудительных мотивах данного автора, не исключено, что П. Ингороква мог выполнять политический заказ грузинских властей, которые уже к тому времени на практике проводили целенаправленную насильственную ассимиляцию абхазского народа.

Вместе с тем, следует отметить, что в грузинской историографии, в частности, акад. И. А. Джавахишвили было высказано мнение о том, что грузинские летописцы хорошо знали историю и географию Картли, а о других регионах Кавказа они имели всего лишь общее представление (Джавahiшвили, 1965. С. 23). Акад. Д. Л. Мухелишвили (1977. С. 81) считал, что и Мровели и Джуаншер изучали только лишь историю Картлийского царства и поэтому прошлое соседних регионов, в т. ч., современной Западной Грузии, исследовали постольку, поскольку этого требовало изучение истории Картли.

На что же опираются авторы, пытавшиеся расширить этнические и политические границы Эгриси? По нашему мнению, на неверную интерпретацию текстового материала. В частности, если в сообщении Л. Мровели не вызывает особого сомнения восточная этническая

граница – гора Лихи, т. е. Сурамский хребет (во времена Абхазского царства VIII–XI вв., но никак не во времена мифического Эгроста), то сложнее обстоит дело с выявлением северной границы эгрисцев. Однако тщательное исследование текста приводит нас к выводу, что летописец вел речь не об устье р. Малая Хазария (Кубань или Шапсухо, по П. Ингороква), а об истоках, верховьях р. Кубань, что радикально меняет суть вопроса.

К такому выводу нас приводят следующие обстоятельства:

1. Как нам представляется, в интересующем нас отрывке сочинения Л. Мровели автор не ведет речь о южной и северной границах расселения эгрисцев. Это связано с тем, что летописец чуть выше при описании общего владения Таргамоса (отца Эгроста) уже обозначил границы этой общей страны: на юге – гора Ореты, на севере – гора Кавказа. Однако не исключено, что издатели (возможно, переписчики или комментаторы) летописи произвольно после слов «с запада море» поставили знак «;» и в квадратных скобках поместили слово «с севера». По другому пути пошел акад. И. А. Джавахишвили (1965. С. 50), который вместо «с севера» в квадратных же скобках поместил букву «и». Если допустить, что в оригинале текста после слов «с запада море» стояла буква «и» или же запятая, то в таком случае речь может идти только о западной границе страны эгрисцев, которая доходила до Понтийского моря и истоков р. Малая Хазария.

2. Другим важным моментом является правильная интерпретация слова «цуери», т. е. «кончик», «вершина», что, по нашему мнению, является ключевым. В оригинале источника (без всякого «вмешательства извне») можно восстановить следующую фразу: «...западная граница доходила до моря и реки Малой Хазарии, куда достигает вершина Кавказа». То есть в тексте автор использовал слово «вершина», а не «конец Кавказа», что обычно подразумевают грузинские историки и переводчики на русский язык. Г. В. Цулая применил здесь слова «где примыкают горы Кавказа», что явно противоречит тексту (Мровели, 1979. С. 22).

В этой связи следует напомнить, что Эльбрус – это комплекс гор, высочайший массив Большого Кавказа, который представляет собой двухвершинный конус потухшего вулкана с высотой западной вершины – 5642 м, восточной – 5621 м. Общая площадь ледников – 134,5 кв. км (СЭС, 1985. С. 1541). В связи с тем, что в грузинском языке «цуери» означает «кончик», «вершина горы», «пик», «макушка» (Чубинашвили, 1984. С. 1676), вероятно, автор имел виду не «конец Кавказа», а «вершину Кавказа», «пик Кавказа», «макушку Кавказа». Таким пиком, макушкой Кавказа является западная, самая высокая вершина Эльбруса, откуда и берет свое начало интересующая нас р. Малая Хазария (Кубань). Получается, что в тексте автор для обозначения западной границы владения Эгроста, помимо Черного моря, дает еще два географических ориентира – истоки р. Малая Хазария (Кубань) и вершину Кавказа. Другими словами, автор мог разъяснить читателю, что северо-западной точкой границы удельной территории Эгроста является вершина Кавказа – Эльбрус, с западного пика которого берет начало р. Малая Хазария (Кубань).

В этом отношении примечательна приписка средневекового комментатора, который «гору Кавказ» называет Эльбрусом. В частности, разъясняя слова Л. Мровели о том, что северной границей территории Таргамоса является «гора Кавказа», он пишет, что под словами «гора Кавказа» следует понимать Эльбрус. Приписка: «კავკასია – იაღბუზია, კავკასია – აღბუზია» (Картлис Цховреба, Т. I, 1955. С. 4).

3. Для нашего исследования представляет интерес еще одно слово из указанного текста Л. Мровели – это «царсцутебис» в значении «достигает». В частности, автор пишет, что р. Малая Хазария находится там, где «достигает кончик Кавказа». В грузинском языке слово «царсцутебис» применяется для обозначения направления. В частности, это движение направлено в сторону какой-то острой конечности, какому-то кончику. В таком случае, текст в буквальном смысле можно перевести так: «с запада: море и река Малая Хазария, где воз-

вышается кончик Кавказа». Все это дополнительно подтверждает тот факт, что под словом «цуери» («кончик», «макушка») Кавказа автор подразумевал западный пик Эльбруса. Что касается интересующих нас терминов («цуери» и «царсцутебис», применяемых автором летописи XI в.), то они в современном грузинском языке особых изменений не претерпели: «цуери» звучит как «цвери», «царсцутебис» – «цасцвдебис».

4. Для выявления западной границы территории, отведенной Эгросу, не менее важным является тот факт, что летописец изначально пишет об ограниченной территории – «заливе», расположенном на восточном побережье Понтийского (Черного) моря. **«ხოლო ეგრისს მისცა ქუეყანა ზღვს ყურისა».** «А Эгросу отдал страну у морского залива». Поскольку речь идет о морском заливе, то, естественно, эта территория не могла бы простирается до Таманского полуострова, т. е. до устья р. Кубань (Малой Хазарии) или устья р. Шапсухо, по П. Ингороква. По крайней мере, летописец тогда не применил бы слово «страну у морского залива», ибо в таком случае слово «залив» теряет свое значение – территории от устья р. Чорох или р. Риони до устья р. Кубань никак нельзя назвать заливом. Раз страна эгрисцев находилась у морского залива, т. е. на восточном побережье Черного моря, то она могла бы иметь отношение только к истокам р. Кубань (Малая Хазария), находившимся на западной вершине («цуери») Эльбруса.

5. Для подтверждения того факта, что Л. Мровели при определении территории эгрисцев не выходил за пределы «морского залива» Черного моря, т. е. не отклонялся от вертикальной линии от залива моря до западной части Эльбруса, обратимся к другому месту этой же летописи. В частности, автор помещает Эгриси и Сванети на территории, расположенной в междуречье «Эгрис Цкали и Риони» – «от моря до гор» (Картлис Цховреба, Т. I, 1955. С. 24). Грузинский текст гласит: **«მაშინ ფარნავაზ მისცა დაჲ თვისი ოგსთა მეფესა ცოლად, და მეორე დაჲ თვისი მისცა ქუჯის ცოლად. და მისცა ქუჯის ქუეყანა ეგრის წყალსა და რიონს შუა, ზღვოვან მთამდე, რომელსა შინა არს ეგრისი და სუანეთი, და დაამტკიცა იგი ერისთავად მუნ. და მან ქუჯი აღაშენა ციხე-გოჯი».** «Тогда Фарнаваз выдал замуж сестру свою царю осетин, а другую сестру выдал Куджи, которому определил страну между Эгрис Цкали и Риони, от моря до горы, внутри которой расположены Эгриси и Сванети, и утвердил его правителем. И этот самый Куджи построил там Цихе-Годжи». Комментируя данную цитату, И. Джавахишвили отмечал, что «здесь страна Эгриси размещена в своих естественных границах: на востоке она достигает реки Риони, но не Лихской горы, на севере с ней граничат река Эгрис Цкали и Сванети, на юге – вновь река Риони» (Джавахишвили, 1965. С. 50).

Примечательно, что И. Джавахишвили здесь использовал не гидроним «Эгрис Цкали», как это представлено акад. С. Г. Каухчишвили в последнем издании «Картлис Цховреба», а «Эгрисис Цкали». Дело в том, что И. Джавахишвили опирался на более раннее издание «Картлис Цховреба», где были зафиксированы два разных гидронима: Эгрисис Цкали на севере (р. Риони или р. Ингур) и Эгрис Цкали на юге – в Кларджети, в Чорохском ущелье. Кстати, здесь же на юге он размещает реку Клисурса или Класурса, в отличие от реки такого же названия в современной Абхазии.

В специальной литературе существует и такое мнение, что в тексте Леонтия Мровели речь идет не о западных и восточных границах страны Эгриси, а о ее южных и северных пределах. Т. е. на юге Эгрис Цкали – это р. Чорохи, а на севере – р. Риони. Раскрывая наслоения в письменном памятнике, Г. Д. Гумба приходит к выводу, что очерчиваемые в хронике Мровели пределы владения Куджи – от Чороха (Эгрис Цкали) на юге до Риони (Цихе-Годжи) на северо-западе – совпадают с границей Лазики V в. По древнеармянскому источнику «Ашхарацуйцу» граница между Абхазией и Лазикой (Эгриси) в V–VI вв. проходила по р. Техури до ее впадения в Риони, далее по нижнему течению последней до моря (Гумба, 2003. С. 125). Эти данные подтверждаются и другими источниками, в частности, сочинениями Прокопия

Кесарийского (VI в.) и Эвлия Челеби (XVII в.). По сообщению Прокопия Кесарийского, на правом берегу р. Фазис живут апсилы (Прокопий Кесарийский, 1950. С. 280), а по данным Эвлия Челеби, на правом берегу р. Фаша (Риони) проживало племя абаза – Чач (Эвлия Челеби, 1983. С. 47, 49).

Какую бы реку не имел в виду Л. Мровели под гидронимом Эгрис Цкали или Эгрисис Цкали – Чорохи, Риони, Техури или же Ингури, территория, расположенная возле этих рек, никакого отношения не имела к областям, простиравшимся до устья р. Малая Хазария (Кубань или Шапсухо). Зато вертикальная линия, идущая, начиная от названных рек по направлению к истокам р. Малая Хазария, где возвышается вершина Кавказа (Эльбрус), вполне могла бы соответствовать западным границам расселения эгрисцев (мегрелов) или же, что более вероятно, смешанного абхазо-мегрельского населения времен Абхазского царства, современником которого был и сам автор летописи Леонтий Мровели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анчабадзе З. В.* Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингороква «Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века» // Тр. АБИЯЛИ. 1956. Т. XVII.
- Бгажба Х. С.* Некоторые вопросы этнонимии Абхазии // Тр. АБИЯЛИ. 1956. Т. XVII.
- Гамахария Д., Гогия Б.* Абхазия – историческая область Грузии. Тбилиси. 1997.
- Гасвиани Г. А.* Абхазия. Древние и новые абхазы. Тбилиси. 2000.
- Гумба Г. Д.* Об истоках исторических концепций грузинского историка XI века Леонтия Мровели // Абхазоведение. История, археология, этнология. Сухум. 2003. Вып. II.
- Джавахишвили И. А.* История грузинского народа. Кн. 2. Тбилиси. 1965 (на груз. яз.).
- Джавахишвили И. А.* Границы Грузии, рассмотренные с точки зрения истории и современной ситуации. Тифлис. 1918 // И. Джавахишвили, П. Сургуладзе, проф. Лист. Тбилиси. 1989.
- Ингороква П.* Георгий Мерчуле. Грузинский писатель X века. Тбилиси. 1954.
- Картлис Цховреба* (История Грузии). Тбилиси. 1955. Т. I (на груз. яз.).
- Ломтатидзе К. В.* О некоторых вопросах принадлежности и расселения абхазов // Мнатоби. Тбилиси. 1956. № 12.
- Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей (Извлечения об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана). Пер. с древнегрузинского, предисл. и коммент. Г. В. Цулая. М. 1979.
- Мухелишвили Д. Л.* Основные вопросы исторической географии Грузии // Мецниереба. Тбилиси. 1977 (на груз. яз.).
- Прокопий Кесарийский.* Война с готами. Пер. с греч. С. П. Кондратьева. Вступит. статья З. В. Удальцовой. М. 1950.
- СЭС. М. 1985.
- Соселия Г.* Вопреки исторической правде // Газ. «Советская Абхазия». 18 декабря 1955 г.
- Челеби Эвлия.* Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Пер. и коммент. Вып. 3: Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана / Сост. и отв. ред. А. Д. Желтяков; Примеч. и коммент. А. Желтякова, М. Залумяна и Г. Путуридзе. М. 1983 (Памятники литературы народов Востока. Переводы. VI).
- Чубинашвили (Чубинов) Д. И.* Грузино-русский словарь. Второе издание, воспроизведенное офсетным способом / Подгот. к печати и снабдил предисл. А. Г. Шанидзе. Тбилиси. 1984.

АБХАЗСКАЯ ШКОЛА ВИЗАНТИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О ПРИНЦИПАХ АБХАЗСКОГО ХРАМОСТРОЕНИЯ В IX–XIII вв.)

Д. К. Чачхалиа (г. Сухум)

Памяти проф. К. Н. Афанасьева

Наиболее ранние данные о внешнем облике абхазских храмов содержатся в реляциях и альбоме католического миссионера, художника и лекаря Христофора Каstellи. Этот источник, состоящий из разнохарактерных текстов и рисунков, можно, правда с осторожностью и избирательностью, использовать в исследованиях архитектурных памятников Абхазии. Автор был монахом и состоял в театинском ордене, который благословил его на длительную миссионерскую поездку в 1630-е гг. к берегам Кавказа. Миссионер Христофор Каstellи в течение своей поездки изучал заодно быт и нравы жителей Мингрелии, посещал соседние страны, в т.ч. Абхазию (Каstellи, 1977; Castelli, 1988; Pedone, 1988; Tamarati, 1910; Чачхалиа, 2000. С. 96–104).

Одним из первых просвещенных европейцев, профессионально присмотревшихся к архитектурным памятникам Абхазии, был путешественник Фредерик Дюбуа де Монперэ. Образованнейшего француза поразила «благородный и смелый» стиль Пицундского кафедрала, хотя памятник культуры предстал перед взором академика в запущенном и отчасти заросшем состоянии. В 1833 г. Монперэ оставил целый ряд зарисовок абхазских церквей, чертежей их планов. Эти материалы и по сей день сохраняют свою научную ценность. Побывав на Северном Кавказе в верховьях Кубани и увидев церковь на горе Шоана, автор признал, что «достаточно беглого взгляда, чтобы узнать в ней византийский стиль церквей Абхазии, а также особенности ее фресок. Нет сомнения, что христианство принесли из Абхазии по этому пути». Здесь же неподалеку ученый увидел надгробный каменный крест с датой 1013 г., обозначенной греческими буквами (Монперэ, 1937. С. 153).

После Ф. Монперэ многие путешественники, среди которых были художники, историки, натуралисты, оставили немало свидетельств об обнаруженных ими памятниках древнего абхазского зодчества, однако, в силу различных обстоятельств, они оставляли описания храмов и крепостей, не анализируя их и не систематизируя по стилевым и строительным особенностям в контексте синхронных памятников других христианских стран византийского мира.

Спустя 40 лет после Ф. Монперэ уже русский ученый Н. Мурзакевич публикует в Одессе брошюру, полностью посвященную древностям Пицунды и ее прославленного храма. «Пицундский храм, – пишет автор, – носит печать благородного, смелого стиля, не имея ничего общего с грузинскими и армянскими церквями» (Мурзакевич, 1877. С. 10). Ученый, несомненно, имел в виду яркую индивидуальность ряда абхазских храмов IX–XI вв.

В своей книге о древнерусском зодчестве Чернигова историк и искусствовед Г. К. Лукомский, рассуждая о происхождении первоначальных форм древнерусского зодчества, впервые ясно указывает на их сходство с абхазскими храмами (Лукомский, 1912. С. 12). «Застроенные в ширину пятью- семью апсидами храмы Киева, Чернигова, Новгорода, по мысленной очистке всех позднейших апсид и наслоений <...> в плановом смысле вполне совпадают с памятниками абхазскими. С византийскими храмами второго периода сходство у них значительно меньшее». Далее он приводит ряд аргументов в подтверждение общих черт памятников древнерусского зодчества с абхазскими церквями (Там же). Развивая свои наблюдения, Г. К. Лукомский замечает, что «сходство с абхазскими церквями видно даже у новгородских соборов. Если в св. Софии, отбросив позднейшие наслоения, выделить древнейшие части, мы получим полное совпадение плана с абхазским приемом, например, в церкви Моквы». К похожему заключению приходит и Н. Покровский. Он отметил, что «план Софийского собора в Новгороде похож на Киевскую и содержит в себе план 3-апсидной церкви абхазского типа» (Покровский, 1916. С. 153).

1
2

Рис. 1. Храмы абхазской архитектурной школы. 1 – Пицундский патриарший храм (реконструирован в IX в.); 2 – Средний Зеленчукский храм, X в. (КЧР, РФ)

1

2

Рис. 2. Храмы абхазской архитектурной школы. 1 – Успенский храм в с. Лыхны (Гудаутский район, Республика Абхазия); 2 – Северный Зеленчукский храм (КЧР, РФ)

Возвращаясь к Г. К. Лукомскому, следует подчеркнуть, что именно он первым из исследователей отметил важную особенность абхазского зодчества этого времени – наличие, как правило, особых видов притворов-тамбуров с наружной части дверных проемов, что также сближает владими́ро-суздальские храмы с абхазскими (Лукомский, 1912. С. 19). Для наглядности этого заключения Г. К. Лукомский приводит чертежи нескольких русских и абхазских храмов, предлагая их сопоставить и признать очевидное. План пятинефного собора в с. Моква неожиданно показан с тремя притворами со всех сторон входов в храм. В настоящее время эти притворы у Моквского кафедрала не имеются. К этой особенности абхазского собора мы вернемся позже. Кстати, похожий чертеж, но с некоторыми разночтениями, можно встретить у И. И. Толстого и Н. П. Кондакова (Толстой, Кондаков, 1891. С. 67).

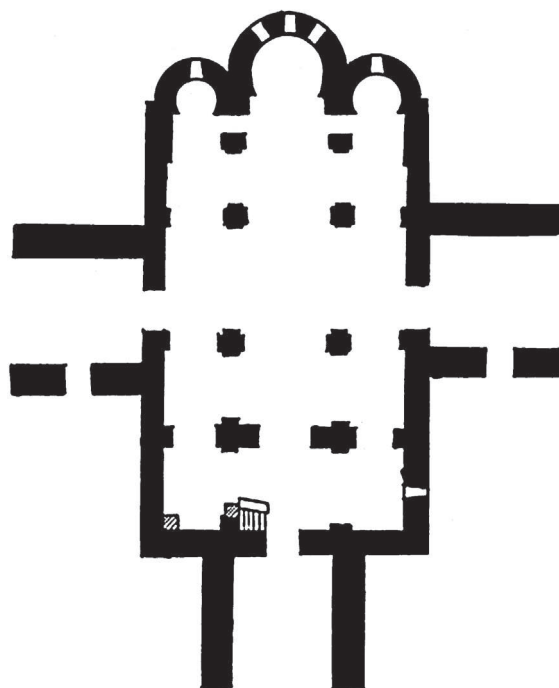

Рис. 3. План Успенского храма в с. Лыхны (Гудаутский район, Республика Абхазия)

Анализируя Спасский собор, построенный в Чернигове великим князем Мстиславом в первой половине XI в., Г. К. Лукомский замечает, что «по своему плану и замыслу Черниговский Спас ни коим образом не связан с константинопольским зодчеством, но имеет ближайшие аналогии в Абхазии и на Кубани» (имеются в виду храмы исторической Алании в верховьях рек Большой и Малый Зеленчук – Северный и Средний храмы в Нижнем Архызе, церкви на горе Шоана и на окраине аула Сенты – Д. Ч.).

Вскоре после Г. К. Лукомского о связи памятников русского зодчества с несколько опережающими их по времени строительства абхазскими храмами высказался Ф. И. Шмит. В своей статье «О Тмутаракани», полемизируя с коллегами, он пишет о том, что «Киевская св. София, заложенная еще в 1017 году, гораздо раньше появления Мстислава в Чернигове, тоже не может быть возведена ни к херсонесским, ни к константинопольским образцам, а только к тем же абхазским и кубанским, и тоже становится вполне понятной как звено не цареградской архитектуры, а кавказской» (Шмит, 1918. С. 5; 2013. С. 291). В подкрепление своих выводов Ф. И. Шмит обращает внимание на сообщение Киево-Печерского патерика, в котором описаны события XI в., когда в Киев были приглашены греки и абхазы («греци и обези») для росписи вновь возведенного Успенского собора Печерского монастыря. Это летописное сообщение ав-

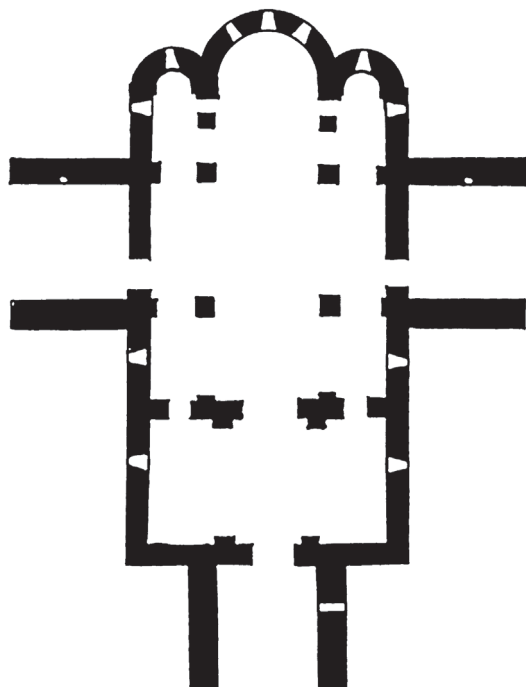

Рис. 4. План Северного Зеленчукского храма (КЧР, РФ)

тор приводит как непреложное доказательство различных связей Киевской Руси с Абхазским царством, в т.ч. в области храмостроения, обустройства и росписи церквей.

«Тут мы определенно можем указать, – пишет Ф. И. Шмит в книге «Искусство Древней Руси-Украины», – откуда пришло в Древнюю Русь христианское искусство и откуда, наверное, не пришло, но и убедиться, что это и есть наиболее краткий и наиболее естественный путь». И далее исследователь утверждает, что «не из далекого Константинополя выписывал Мстис-

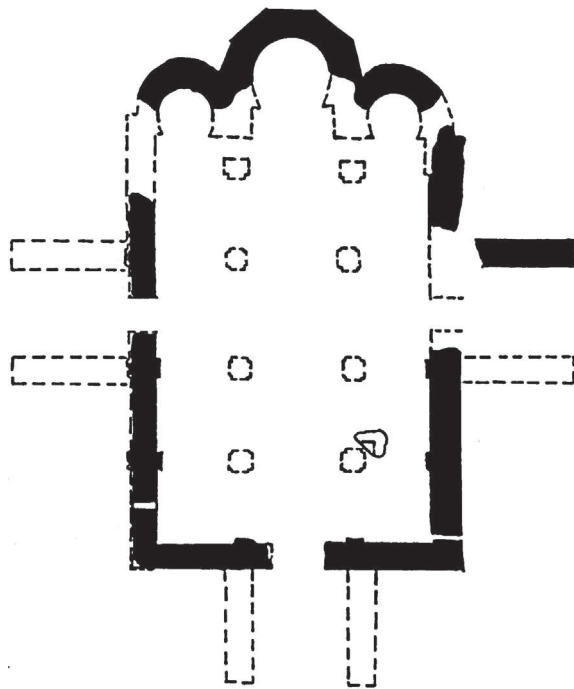

Рис. 5. План храма в пос. Лоо (Лазаревский район, Большой Сочи, РФ)

лав нужных ему зодчих, а от своих непосредственных кавказских соседей» (Шмит, 1919. С. 32). Среди совпадающих черт русского и абхазского церковного зодчества Ф. И. Шмит указывает на «базиликальный план при куполе на перекрестье главного нефа и трансепта, и вязь апсид, и перегороденные северные и южные подкупольные арки, и крестообразное сечение подкупольных столбов».

В книге «История хазар» М. И. Артамонов присоединяется к мнению о том, что христианство в Алании прочнее всего укореняется в ее пограничных с Абхазией областях, о чем можно судить по значительному числу церквей и монастырей X–XI вв. в верховьях Кубани, Теберды, Большого Зеленчука, Малого Зеленчука, ближе всего соответствующих одновременной архитектуре абхазского побережья (Артамонов, 1962. С. 363). При этом он ссылается на статью И. А. Владимирова «Древнехристианский храм близ аула Сенты» (Владимиров, 1902. С. 1–14).

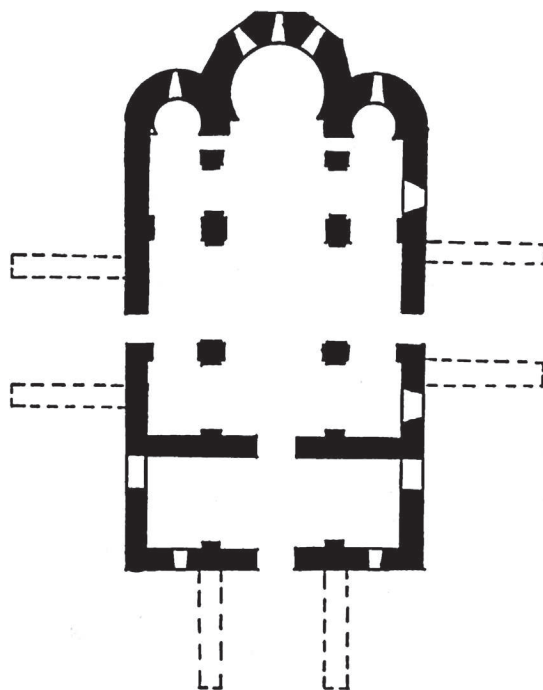

Рис. 6. План храма Симона Кананита (Новый Афон, Республика Абхазия)

Искусствовед Ш. Амиранашвили в своем труде «История грузинского искусства» признает за абхазской архитектурой IX–XI вв. черты самобытности и характеризует их. Он также отмечает характерную для абхазских купольных храмов очевидную вытянутость плана по линии З–В, выраженность наружу алтарной части в виде трех полукруглых или граненых апсид, заметное выдвигание вперед центральной апсиды по сравнению с боковыми (Амиранашвили, 1950. С. 153). В этой же книге Амиранашвили делает еще одно важное заключение, подчеркивая, что прогрессивный способ перехода от вершин подкупольных столбов к подкупольному кольцу не через тромпы, а через плавный переход, называемый парусом, – есть следствие абхазского влияния на архитектуру собственно Грузии. «Если говорить о влиянии византийской архитектуры на грузинскую, то приходится ограничиться лишь отдельными деталями. Например, вместо чистых тромп сперва употребляются переходные формы от тромп к парусу, а затем, несколько позднее, с XI в. доминирует уже чисто парусная система. Однако в этом факте вряд ли можно видеть непосредственное влияние византийской архитектуры на грузинскую: скорее это веянье, проникающее в грузинское зодчество через посредство абхазской архитектуры, в которой раньше, чем в других областях, наблюдается применение парусной системы (Там же. С. 154).

Другой грузинский искусствовед Л. Рчеулишвили после долгих и неубедительных попыток доказать, что купольные церкви Абхазии находятся в лоне общегрузинского храмостроения, признал-таки за абхазскими памятниками черты своеобразия, присущие определенной, в данном случае абхазской, архитектурной школе (Рчеулишвили, 1988. С. 61–66).

Известный исследователь кавказских древностей археолог В. А. Кузнецов в своей книге «Зодчество феодальной Алании» констатирует абхазский след в памятниках архитектуры, расположенных у верховий Кубани на Северном Кавказе и утверждает, что «абхазское влияние ясно чувствуется в некоторых памятниках церковного зодчества Алании X-го века» (Кузнецов, 1977. С. 13). Далее автор пишет о принадлежности известных храмов Абхазии, таких как Лыхненский, Бзыбский, Моквский, церковь в Новом Афоне и храмов древней Алании, расположенных в Архызе, Сенте и Шоане к одной архитектурной школе. При этом автор ссылается на неопубликованное исследование К. Н. Афанасьева «Типологический и пропорциональный анализ группы храмов Северного Кавказа», датированное 1958 г. Эта рукопись была опубликована В. А. Кузнецовым позднее – в сборнике «Новые материалы по археологии Центрального Кавказа», где в предисловии, также принадлежащем В. А. Кузнецову, дана высокая оценка исследованию профессора архитектуры (Новые материалы..., 1986. С. 5).

К. Н. Афанасьев отмечал, что его исследование по аланским и абхазским храмам было сопровождено лично им выполненными чертежами по его же обмерным данным, и сетовал, что по техническим причинам эти чертежи, якобы, не смогли опубликовать в сборнике научных трудов Северо-Осетинского института (Интервью, 2001). И все же тексты К. Н. Афанасьева были опубликованы и тем самым включены в научный оборот. Современные исследователи и будущие их коллеги получили доступ к весьма важным, «математически обоснованным» выводам ученого, который, на основе инженерных расчетов устанавливает генетическую связь храмов Карачаево-Черкессии (древней Алании) с синхронными памятниками Абхазии. Говоря о совпадении модульных размеров упомянутых храмов или их согласованных соотношениях, определяемых «золотым сечением», К. Н. Афанасьев заключает, что «это ясное, распространенное в архитектуре соотношение удовлетворяет самым придирчивым требованиям и устанавливает прямую связь между этими памятниками. Нет сомнений, что они <...> сооружены если не одним зодчим, то зодчими одной архитектурной школы» (Афанасьев, 1986. С. 109). Здесь же автор делает схожее и не менее уверенное заключение, подводя итог своим математическим изысканиям: «Очень важным выводом из проделанного анализа является утверждение о принадлежности Северного храма Н. Архыза к группе абхазских памятников архитектуры X-го века. Вывод этот надо считать совершенно неоспоримым. Основанием для него является не только типологическое тождество, но и совпадение модульного размера и ряда других важных размеров у Северного храма и абхазских церквей» (Там же. С. 108).

Результаты вышеуказанных сравнений привели К. Н. Афанасьева к заключению, что «своеобразная культурная экспансия Абхазского царства преодолела перевалы Кавказа и вышла в верховья Б. Зеленчука. В данном случае мы фиксируем то, что для нас несомненно, и не стремимся к далеко идущим, но сомнительным выводам. Мы не можем утверждать, что город, погребенный временем в Н. Архызе, был абхазским городом-крепостью, защищающим перевалы от кочевников Северного Кавказа» (Там же. С. 112). Что называется, комментарии излишни. Представляется, что профессор архитектуры предложил историкам, опираясь на очевидность культурной экспансии абхазов в верховья Кубани и исходя из нее, исследовать вопрос о возможном физическом присутствии абхазов в этом регионе в X в.

На абхазское влияние, причем не только культурное, но и политическое, косвенно указывают и письма константинопольского патриарха Николая Мистика к абхазскому царю Константину, а затем и к его сыну Георгию II. В них духовный лидер Византийской империи Николай Мистик, в частности, хвалит абхазских царей за их усердие в христианизации Алании. Пись-

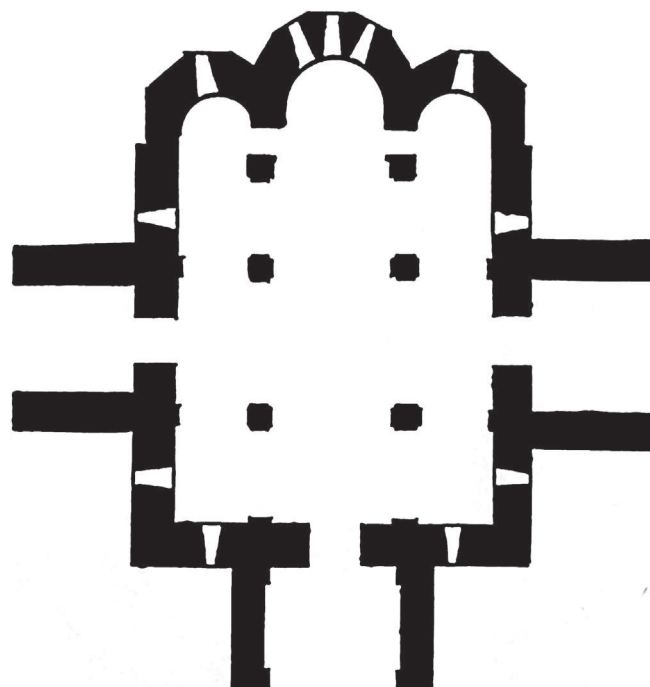

Рис. 7. План храма Инал-ныха (на р. Бзыбь, Гагрский район, Республика Абхазия)

ма датируются первой четвертью XI в., что вполне соответствует времени постройки верхнекубанской группы храмов древней Алании (Кулаковский, 1898. С. 4).

В интересующий нас период Абхазское царство действительно переживало экономический и культурный подъем. Его потенциал позволял не только удовлетворять свои собственные потребности в светском и культовом строительстве, но и отправлять своих мастеров и миссионеров в соседние христианские или тянущиеся к христианству страны. Именно такую ситуацию имел в виду академик Н. Я. Марр, когда утверждал, что «абхазский народ в лице его передовых слоев, преимущественно знати, был долгое время, веками, сподвижником носителей христианского света и его проповедников в соседних странах» (Марр, 1937. С. 126).

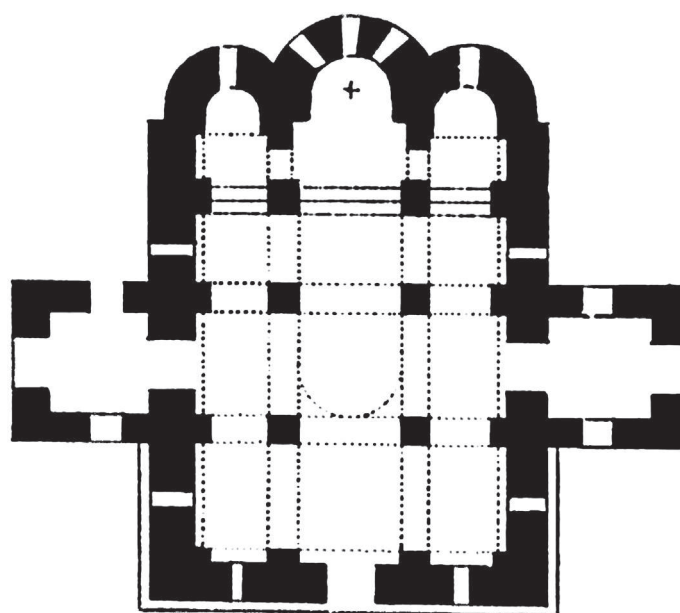

Рис. 8. План Шоанинского храма (КЧР, РФ)

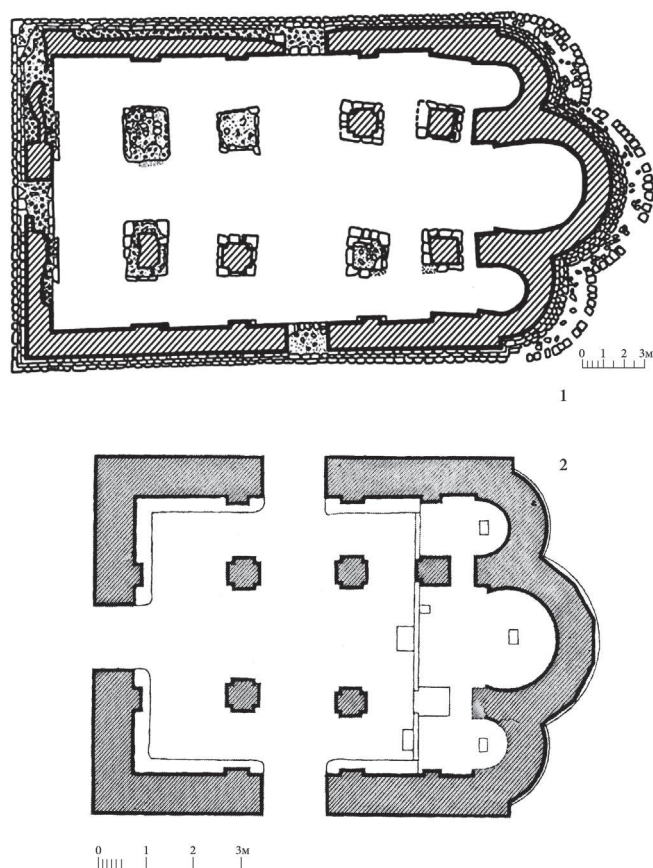

Рис. 9. Планы храмов абхазской архитектурной школы. 1 – храм Ахаш-ныха (пос. Алахадзы, Республика Абхазия); 2 – церковь в урочище Мсыгуха (с. Приморское, предместье г. Новый Афон, Республика Абхазия)

К тому времени, когда строились эти храмы, Абхазия уже более полутора веков вела войны то с Арабским халифатом, то с Ираном, то с турками-сельджуками, а еще позже – с татаро-монголами. Для абхазских царей, находившимся в таком агрессивном окружении, вопрос о христианизации алан был в высшей степени актуальным. Сражаясь с врагами на востоке страны, абхазы должны были быть уверены, что на них не нападут с севера. И потому нет ничего удивительного в усердии абхазов в вопросе христианизации алан. Обращение алан в христианство означало практически обращение их в союзников абхазского государства, что, собственно, и произошло позже. Сам боевой дух абхазской армии и народа поддерживался идеей спасения православия перед лицом напористых исламских соседей, которые под знаменами войны с неверными вели успешные войны за гегемонию на довольно обширных пространствах Кавказа и Анатолии. Крайней религиозной ожесточенностью объясняются и религиозно пристрастные титулы абхазских царей багратидской династии, где можно было встретить такие эпитеты венценосных династов, как «солнце христианства», «меч Мессии».

В 806 г. царь Леон II отстроил Кутаис (Кутещ – абх.) и перенес туда столицу Абхазского царства (Багратиони, 1988. С. 129). С тех пор основные военные события происходили на восточных рубежах царства. Внутренние области Абхазии благоустраивались и застраивались. При последующих царях в X–XI вв. началось интенсивное строительство храмов интересующей нас группы. Именно в этот период были сооружены храмы в Лоо, в Адлере (с. Веселое), на Бзыби, в с. Алахадзы, в Лыхны, в пос. Мсыгуха, в Анакопии (Новый Афон, храм Симона Кананита), Моквский собор, затем храмы в Алании – в Нижнем Архызе, на Шоане, в Сентах.

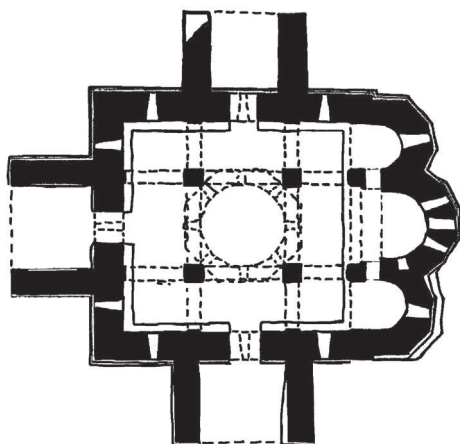

Рис. 10. План храма Геч-ныха (вновь раскопанный, с. Веселое, Адлерский район, Большой Сочи, РФ)

В более позднее время – это Гелатский монастырский собор и Метехский храм на обрывистом берегу Куры в центре современного Тбилиси. Последние два храма при всех разночтениях следует отнести к храмам абхазской школы, хотя бы из-за их принадлежности к трехнефной и трехапсидной композиции и характера восточных фасадов, возведенных в виде трех выступающих полукруглых абсид.

Схожесть с памятниками абхазской школы обнаруживают некоторые храмы Болгарии. К ним относятся, прежде всего, трехнефные трехапсидные постройки: церковь № 1 в местности Аврадака, а также церковь № 1 в местности Бял Бряг Великого Преслава. Безусловно, следует упомянуть пятинефный храм, называемый Долната Церква, также в Великом Преславе. Исследователи находят в нем сходство с кафедральным собором в абхазском селении Моква (Чанева-Дечевска, 1984. С. 81, 85, 123).

Крайне важным, хотя в какой-то степени и ожидаемым, было недавнее открытие в г. Адлер (Большой Сочи) основания храма абхазского типа. В результате раскопок в с. Веселое был обнаружен трехнефный, трехапсидный, трехпритворный купольный храм с нартексом. Авторы публикации замечают, что синхронные храмы абхазской школы (особенно храм в Лыхны), в т. ч. и вновь открытые руины – «это произведения не просто одной архитектурной школы, но одного ее направления, едва ли не одной строительной артели». Завершается характеристика открытого памятника выводом о том, что «храм в Веселом – <...> памятник архитектуры византийского круга IX–X вв., созданный в традиции абхазской школы» (Армарчук и др., 2012. С. 78–90).

С тех пор, как исследователями стало отмечаться своеобразие абхазских храмов, а также их отличие от архитектуры соседних стран и внутренних областей Византии прошло 150 лет. Достаточно, даже слишком, для установления очевидного – вывода о существовании абхазской архитектурной школы. Теперь с гораздо меньшим риском погрешить против истины можно признать существование у абхазов национальной архитектурной школы в IX–XIII вв., которая воздвигала церкви и соборы не только в Абхазии, но и на Северном Кавказе, в Алании, принимала участие в строительстве и обустройстве храмов новокрещенной и единой Руси.

К храмам **абхазской архитектурной школы, абхазского национального стиля** относятся следующие культовые сооружения (с запада на восток по берегу Черного моря и далее) (рис. 1–10): храм в Лоо (Большой Сочи, РФ) (рис. 5); храм Геч-ныха (Большой Сочи, РФ) (рис. 10); храм Инал-ныха (на р. Бзыбь, Республика Абхазия) (рис. 7); храм Ахаш-ныха (с. Алахадзы, Республика Абхазия) (рис. 9, 1); Пицундский патриарший кафедральный собор (рис. 1, 1); Лыхненский Успенский храм (с. Лыхны, Республика Абхазия) (рис. 2, 1; 3); храм Мсыгуха (Новый Афон, Республика Абхазия) (рис. 9, 2); храм Симона Кананита (Новый Афон, Республика Аб-

хазия) (рис. 6); Моквский собор (с. Моква, Очамчирский район, Республика Абхазия); Гелатский храм (близ г. Кутаиси, Республика Грузия); Метехский храм, XIII в. (г. Тбилиси, Республика Грузия); Северный храм в Нижнем Архызе (КЧР, РФ) (рис. 2, 2; 4); Средний храм в Нижнем Архызе (КЧР, РФ) (рис. 1, 2); храм у аула Шоана (КЧР, РФ) (рис. 8); храм у аула Сенты (КЧР, РФ).

Храмы Киевской Руси, особенно пятинефные Софийские соборы Киева, Новгорода, Полоцка (из трехнефных – Спасский собор в Чернигове) не могут быть отнесены к памятникам абхазской школы, хотя вполне возможно говорить о наличии здесь влияния абхазского стиля и абхазского опыта построения архитектурных форм.

Праматерью абхазских церквей следует считать главный собор абхазских католиков – Пицундский храм. Здесь восседал абхазский патриарх Иоанн, который в середине VIII в. постановлением собора Антиохийского патриархата был рукоположен в католиков, и его преемники. На том же соборе была провозглашена независимость (автокефалия) Абхазской церкви (Жузе, 1905. С. 9–10). Этот храм был построен в середине VI в. и первоначально являлся базиликой. Затем, не позднее конца IX в., он был перестроен в купольный храм (Якобсон, 1972. С. 45). Исследователь датирует перестройку Пицундского храма XI в. Мы не разделяем эту дату в силу наличия в уже обновленном здании тромпов, а не парусов. Эта черта – применение тромпов – не характерна для храмов абхазского стиля, и вообще нам не известно ни одного храма в Абхазском царстве от Анапы до Кутаиса и дальше до Сурамского хребта, где был бы применен тромп при переходе от вертикальных частей здания к горизонтальным. С начала X в. в Абхазии, прежде чем в других частях Кавказа, уже применялась парусная система. А в Пицундском соборе (в его перестроенном виде) были использованы в завершении подкупольных столбов и при их переходе к подкупольному кольцу пока еще тромпы, пусть и не столь глубокие, не так сильно выраженные, но – тромпы. А это показатель архаики и является хотя и не исчерпывающим, но достоверным датирующим фактором. Именно этот большой храм при трех кораблях с величественным куполом на перекрестье центрального нефа и трансепта, трехнефный с широким нартексом и тремя полукруглыми апсидами восточного фасада и стал законодателем последующего церковного зодчества Абхазии.

Пицундский храм явился образцом гармонии и лаконичности, простоты и величия, которым абхазская архитектурная школы была привержена на протяжении всех трех столетий своего существования. Это был главный храм страны, он был обожаем верующими, в т.ч. новыми поколениями зодчих. Пицундский собор стал эталоном соразмерности и гармонии, вектором в развитии эстетики, в определении стиля и вкуса национальной элиты. Он не мог не стать предметом для подражания, темой новых и новых интерпретаций.

Таким образом, **главными чертами, присущими храмам абхазской школы**, являются: 1) вытянутость плана по оси З–В, т.е. базиликальность плана; 2) трехнефность, причем средний неф заметно длиннее боковых и несколько выше; 3) трехапсидное, выпуклое снаружи решение восточного фасада, при выдвинутой центральной апсиде, что является наиболее выразительной частью абхазских храмов; 4) расположение купола на перекрестье центрального нефа и трансепта, создающее в плане крестово-купольную композицию со смещенным к востоку куполом; 5) наличие, как правило, нартекса; 6) небольшой и нетяжелый купол, когда барабан купола имеет сторону, равную диаметру барабана; 7) шатровое, причем невысокое, перекрытие купола; 8) восьмистолпие (преимущественно) с характерной дополнительной парой столбов между подкупольным квадратом и алтарем; 9) незначительный перепад по высоте между центральным и боковыми нефами или центральным двускатным перекрытием главного нефа и односкатными боковыми; 10) парусная система перехода от подкупольных столбов к основанию барабана купола; 11) применение в кладке церквей этого периода полых керамических ящиков квадратной формы, предположительно, для сейсмоустойчивости (Хрушкова, 2002. С. 130–133); 12) постановка наружных стен здания на ступенчатый цоколь; 13) наличие

притворов у всех трех входов в церковь – наиболее яркая и устойчивая черта храмов абхазской школы, являющейся неотъемлемой частью всей композиции храма. Притворы содействуют гармонизации всех частей храма, превращая его в единую, взаимосогласованную объемно-пространственную композицию.

В некоторых памятниках абхазской школы встречаются несоответствия установленным принципам, но они, как правило, имеют свои причины и чаще всего представляют собой вынужденные отступления.

Обратимся к единственному не только в Абхазии, но и на всем Кавказе сохранившемуся пятинефному крестовокупольному храму в Мокве. Этот усложненного плана собор дошел до нас в относительно сохранном виде. Моквский кафедрал, безусловно, венец абхазской архитектурной мысли, высшее достижение национального храмового строительства. Собор был построен в середине X в. по повелению абхазского царя Леона III и стал усыпальницей своего благодетеля. Даже при добавленных двух нефов, хорах по всей длине крайних нефов, безусловно, усложнивших композицию строения, храм сохранил практически все особенности абхазской школы: базиликальность, восьмистолпие, устройство алтаря, наружную выпуклость апсид, а главное – наличие все тех же трех притворов, столь характерных для эстетики абхазского храмоустройства (Чачхалиа, 1987. С. 9). О наличии этих притворов в Моквском храме ничего не говорили исследователи, поскольку их не было в наличии. Но эти притворы все-таки показаны в работе И. И. Толстого и Н. П. Кондакова (Толстой, Кондаков, 1891), а также приведены также в упомянутой книге Г. К. Лукомского (Лукомский, 1912. С. 29). Вероятно, эти притворы были убраны в процессе реставрации храма, произведенной в середине XIX в. владельцем Абхазии Михаилом Чачба (Афанасьев, Чачхалиа, 1997. С. 77). Аналогичная судьба постигла и храм Симона Кананита, который также утратил свои притворы после восстановления в 1880-х гг. В 1986 г. в результате археологических исследований, произведенных Ю. Н. Вороновым и О. Х. Бгажба, были раскопаны основания всех трех притворов, имевшихся у Моквского храма до середины XIX в. (Воронов, Бгажба, 1986).

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что словосочетания «абхазская архитектура», «абхазское церковное зодчество», «абхазская архитектурная школа», «абхазская школа византийской архитектуры» уже переходят в разряд научно обоснованных понятий и используются в искусствоведении. А исследования христианских церквей Абхазии, обобщающие опыт более чем 150-летнего изучения этих памятников, становятся не только отраслью абхазоведения, но и составной частью мировой культурологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амиранашвили Ш. Я.* История грузинского искусства. М. 1950. Т. I.
- Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В.* Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // РА. 2012. № 3.
- Артамонов М. И.* История хазар. Л. 1962.
- Афанасьев К. Н.* Типологический и пропорциональный анализ верхнекубанской группы храмов Северного Кавказа // Новые материалы по истории Центрального Кавказа. Орджоникидзе. 1986.
- Афанасьев К. Н., Чачхалиа Д. К.* Моквский кафедрал // Д. К. Чачхалиа. Абхазская Православная церковь. Хроника. Прибавления. М. 1997.
- Багратиони Вахушти.* История Грузии // [Амичба Г. А.] Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Тбилиси. 1988.
- Владимиров И. А.* Древнехристианский храм близ аула Сенты // Известия ИАК. СПб. 1902. Вып. 4.
- Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х.* Моквский собор – открытия, проблемы // Советская Абхазия. 18 июля 1986 г.
- Монпере Фредерик Дюбуа де.* Путешествие вокруг Кавказа. Т. I. Сухуми. 1937 (Тр. института абхазской культуры. Вып. VI. Свидетельства иностранцев об Абхазии).

- Жузе П. Грузия в XVII столетии по изображению Патриарха Макария. Казань. 1905.
- Интервью*, взятое у К. Н. Афанасьева 12 декабря 2001 г. Видеосъемка Марии Чачхалиа // Личный архив Д. К. Чачхалиа.
- Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 4. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб. 1891.
- Кастелли Христофоро. Альбом зарисовок и реляции / Пер. и коммент. Б. Гиоргадзе. Тбилиси. 1977 (на груз. яз.).
- Кулаковский Ю. Христианство у алан // Византийский временник. СПб. 1898. Т. V.
- Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе. 1977.
- Лукомский Г. К. О древне-русском зодчестве Чернигова. СПб. 1912.
- Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. М.; Л. 1937.
- Мурзакевич Н. Древнейший Пицундский Православный храм на восточном берегу Черного моря. Одесса. 1877.
- Новые материалы по истории Центрального Кавказа. Орджоникидзе. 1986.
- Покровский Н. В. Церковная археология. Петроград. 1916.
- Рчеулишвили Л. Д. Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии. Тбилиси. 1988.
- Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М. 2002.
- Чанева-Дечевска Н. П. Църковната архитектура на първата Българска Държава. София. 1984.
- Чачхалиа Д. К. Трехпритворная композиция храмов абхазской архитектурной школы X–XI вв. // Личный архив Чачхалиа Д.К., машинопись, 1987 г.
- Чачхалиа Д. К. Абхазия в зарисовках Кастелли // Д. К. Чачхалиа. Хроника Абхазских царей. М. 2000.
- Шмит Ф. И. О Тмутаракани // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь. 1918. № 54.
- Шмит Ф. И. Искусство Древней Руси-Украины. Харьков. 1919.
- Шмит Ф. И. Избранное. СПб. 2013.
- Якобсон А. А. О дате Большого храма в Пицунде // КСИА. 1972. Вып. 132.
- Castelli Cristoforo. Palermo. 1988 (ротапринтное издание альбома зарисовок и реляций).
- Tamarati Michel. L'Eglise géorgienne des origines jusqu'à nos jours. Rome. 1910.
- Pedone S. Cristoforo Castelli: da Palermo alla Georgia // Castelli Cristoforo. Palermo. 1988 (ротапринтное издание альбома зарисовок и реляций).

К ВОПРОСУ О ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗАНЯТИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ХАЗАРСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

И. В. Доценко (г. Армавир)

Хазарский каганат – одно из крупнейших раннесредневековых политических объединений Восточной Европы, которое в течение длительного времени играло доминирующую роль в этом регионе, объединив в едином государстве многочисленные разноэтнические народы и племена. Общность хозяйственных занятий жителей хазарских поселений оказала значительное влияние на дальнейшее развитие культуры, хозяйства и экономики данных народов. Сведения о хозяйстве имеются в работах многих авторов. Историографические данные о хозяйственной деятельности населения поселений хазарского времени дополняются и подтверждаются археологическими данными.

В результате проведения охранно-спасательных археологических работ на поселениях VIII–IX вв., расположенных на территории Северного Кавказа, были обнаружены богатые и разнообразные материалы. Исследования коллекций находок с территории поселений («Пруд», Ново-

кубанский р-н, и Ханьков-1, Славянский р-н, Краснодарский край; Гудермесское пос.), любезно предоставленных нам авторами раскопок Е. И. Нарожным и П. В. Соковым, позволяет сделать предварительные выводы о системе хозяйства их жителей. Основу хозяйства, как свидетельствуют данные археологии, составляли земледелие и скотоводство (Доценко, 2006а. С. 202–203).

Земледелие. Занятия земледелием находилось на высоком уровне развития, что подтверждается археологическими находками. В системе данных занятий можно выделить такие отрасли как виноградарство, пашенное земледелие, садоводство и т.д. На поселениях Северного Кавказа были обнаружены зерновые ямы (Гудермесское пос.), ручные жернова (Нарожный, 1990). Возделывание злаков, как основное занятие населения хазарских поселений, упоминается во многих письменных источниках. В еврейско-хазарской переписке имеются сведения о наличии полей, «плодородии и тучности» земли, в работах арабских авторов выделяются основные культуры, возделываемые самим населением – пшеница и рис (Коковцев, 1932). Для развития пашенного земледелия имелись и пригодные условия: наличие большого числа водоемов, плодородие почв и благоприятные климатические условия. Еще одной отраслью являлось виноградарство, что подтверждается находками виноградных ножей на Гудермесском и Горькобалковском памятниках. В источниках имеются сведения о больших виноградниках.

Скотоводство. Накопившийся обширный остеологический материал позволяет судить о занятиях скотоводством. Основное место занимало разведение лошадей, что объяснялось рядом обстоятельств. Во-первых, на территории хазарского каганата в описываемый период еще сохраняется кочевничество. Очень важные сведения содержат еврейско-хазарские документы. Во-вторых, имелась необходимость вести военные операции, направленные на враждебно настроенных соседей и других захватчиков. Так, костные останки лошадей с пос. Ханьков-1 и мог-ка хут. Горькая Балка были проанализированы и определены специалистами Ставропольского краеведческого музея им. Н. Г. Прозрителева и Г. К. Пправе. По мнению А. К. Швыревой, лошадь из поселения могла использоваться и в качестве верховой, т.к. обладала скоростным аллюром, и для упряжи в легких транспортных средствах, а в случае необходимости, и для перевозки вьюков. Другими словами, по своим производственным свойствам такие лошади были универсальны. Лошадь из Горькобалковского мог-ка принадлежала низкорослой скаковой восточной породе. Данные факты дают сведения о породах лошадей, разводимых населением хазарских поселений.

Использование КРС также отмечается в исторических источниках. КРС, в частности, использовался и как тягловый скот. Подтверждением тому является многочисленные остеологические материалы поселений. В хозяйственной яме на пос. «Пруд» был обнаружен череп быка с округло-овальным отверстием, пробитым при забое скота. Материалы Гудермесского пос. также дают информацию о значительной части КРС в хозяйстве (36,8% от общей выборки костей). Кости, обнаруженные на всех поселениях, имеют большое количество срубов и сколов, что говорит об употреблении этих животных в пищу. По результатам остеологического анализа можно судить, что в пищу употреблялись как молодые, так и вполне взрослые особи. Данный факт говорит о разведении КРС. Использование тяглового скота также описывается в источниках.

Не менее популярным видом в хозяйстве являлась овца. Сведения о костях овец имеются на всех рассматриваемых поселениях. Опираясь на данные того же остеологического анализа, видно, что в пищу употреблялись взрослые животные, реже – старые и молодняк.

Распространенным являлось и разведение свиней. Кости свиней на исследованных поселениях имеются в большом количестве. Данные остеологического анализа свидетельствуют, что свиноводство занимало не последнее место в хозяйственной деятельности. Употреблялись и молочные поросята, индивидуальный возраст которых не превышал 3,5 мес., и вполне взрослые животные, возраст которых был 12–14 мес. Другими словами, в пищу употреблялось мясо молодых животных.

На Горькобалковском (пос. «Пруд») и Гудермесском поселениях в ходе раскопок были обнаружены черепа верблюдов. Данные животные могли использоваться в качестве гужевого транспорта. Череп, находившийся на пос. «Пруд», был расколот вдоль посредством острого предмета, что свидетельствует о том, что после старения животное могло употребляться в пищу. Появление верблюдов в хозяйстве могло быть связано с торговой деятельностью населения поселений хазарского времени с проезжавшими по территории каганата купцами.

Наряду с основными хозяйственными занятиями среди хазарского населения распространение получили и различные промыслы. Среди них, по свидетельствам источников, являлись рыболовство и охота.

Рыболовство. В хозяйственных ямах, обнаруженных на территории поселений, имелось большое количество останков рыб. Так, ребра, чешуя и щитки рыб различных пород говорят не только о важности занятия рыболовством, но и позволяет выделить наиболее предпочтительные породы, возможно, имеющие промысловый характер. Находки рыболовных крючков не только подтверждают наличие занятия, но и говорят о его широком распространении среди населения. Рыболовство являлось одним из важнейших занятий составляющих основу экономики каганата. Источники свидетельствуют о наличии рек и других водоемов, а также наличия в них большого количества рыбы (Аббас-Кули-ага Бакиханов, 1991). Арабские географы указывают на рыбу, как основной компонент рациона местного населения. Свидетельства об экспорте рыбьего клея в соседние страны, в свою очередь, говорят о масштабах развития рыболовства (Аль Масуди, 1958).

Охота. При анализе остеологического материала было выявлено, что часть обнаруженных костей принадлежит диким животным, что является явным свидетельством распространения охоты. На территории Гудермесского пос. были обнаружены клыки медведя. На всех изучаемых поселениях найдены кости и клыки диких кабанов. Охота на пушных зверей имеет противоречивую оценку в источниках. С одной стороны, через территорию Хазарии проходило большое количество торговых путей, и в источниках указывается на то, что из данной страны поступают меха (Заходер, 1967). По свидетельствам Хасдаи, в Византию из Хазарии привозят рыбу и различные меха. В работах же других авторов, напр., Истахри и Ибн-Хаукаля, указывается на то, что меха поступают в Византию через территорию Хазарского каганата из стран руссов и болгар (Новосельцев, 1990). Такая оценка не отвергает пушной промысел как составляющую внутреннего хозяйства. Остеологический материал же с пос. «Пруд» подтверждает его существование. Так, в хозяйственных ямах данного поселения были обнаружены останки лис, куниц и барсуков. Скелеты животных не имели повреждений и находились в правильном анатомическом порядке, что свидетельствует о том, что в яму они были помещены в целом виде, возможно, после снятия с них шкуры (Соков, 1999). Таким образом, охота ради добычи шкур имела место в хозяйственной деятельности населения изучаемых поселений, но масштабы ее были невелики.

Не последнее место в хозяйстве занимали *ремесла*, о чем также свидетельствует археологические материалы. Распространение скотоводства и охоты давало большое количество сырья для развития другого ремесла – *косторезного дела*. Кость по своей значимости как материал занимала совершенно особое место в хозяйственной жизни. Если камень, подвергающийся обработке, остается практически равнозначен исходному сырью, а металл или глина изменяют свои свойства, то кость, становясь доступной лишь после смерти животного, не теряет своих качеств в процессе использования. С древнейших времен она воспринималась как хранилище жизни (Фрэзер, 1980). Как сырье для изготовления орудий кость и рог занимает промежуточное положение между твердыми и хрупкими материалами, такими как кремнь, и мягкими материалами, такими как дерево, древесная кора и т.п. Кость животного является твердым и в то же время податливым, красивым и дешевым материалом. Кроме того кость и

рог обладают еще одним ценным качеством, которое существенно упрощало их обработку – в свежем состоянии эти материалы довольно податливы, однако при высыхании они становятся значительно тверже. Если высохшую кость размочить, то она размягчается, что позволяет легко придать ей необходимую форму. Костяные изделия имели достаточно широкий спектр назначений, связанных со сферой их применения (Флерова, 2001). Появление костяных орудий вместо металлических, деревянных или каменных можно связывать с распространением этого материала. Нехватка какого-либо сырья приводила к тому, что оно тут же заменялось другим, имеющимся в избытке, напр., такими как материалами кость и рог. На изучаемых поселениях было обнаружено много различных изделий из кости и рога. Кость как сырье для ремесла проникла во все сферы жизни общества: досуговую, акультную, бытовую. Так, обнаруженные предметы характеризуют степень развития ремесла.

На территории всех поселений был обнаружен обширный керамический материал. *Керамическое производство* носило массовый характер. На территории пос. «Пруд» были обнаружены остатки керамической мастерской (Нарожный, Соков, 2008. С. 17–39). На территории того же поселения найдены камни с пулевидными отверстиями в центре, интерпретированные как каменные базы опоры для ножного гончарного круга (Малахов, Нарожный, 1998). Подобные опоры были обнаружены и на других поселениях Северного Кавказа VIII–IX вв. как подъемный материал, что свидетельствует о распространении керамического производства в домашних условиях (Доценко, 2006б). Развитие гончарного производства объясняется недолговечностью изделий и возникающей необходимостью частого изготовления керамических предметов для удовлетворения домашних потребностей. Таким образом, керамическое производство у населения изучаемых поселений развивалось в двух направлениях: широкое производство предметов в специальных мастерских, возможно, для последующей реализации, и узкое «домашнее» производство, направленное на удовлетворение потребностей отдельного хозяйства (Там же).

Несмотря на широкое распространение керамического производства, отмечено повторное использование керамических сосудов (Нарожный, 2005). Так, в хозяйственных ямах поселений были обнаружены фрагменты сосудов со сквозными отверстиями и следами стягивания посредством проволоки или веревки. После такого «ремонта» сосуд мог использоваться для хранения зерна или других сыпучих продуктов. Фрагменты стенок разбившихся сосудов также могли находить свое применение в качестве крышек, светильников и т.д. Фрагментов разбившихся сосудов служили материалом для изготовления керамических пряслиц.

Не менее важным занятием была *металлообрабатывающая деятельность*. Данное занятие также можно разделить следующие отрасли: обработка черных (бытовые предметы и предметы вооружения) и цветных металлов (украшения).

Обработка камня была распространена не широко, но все же повсеместно. В хозяйственной деятельности использовались каменные пряслица, каменные плиты со следами обработки и т.д.

Таким образом, выделяется разветвленная структура хозяйства населения хазарских поселений. Система занятий позволяют судить о степени развития общества, свидетельствуя о сложности и высоком уровне развития экономики Хазарского каганата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аббас-Кули-ага Бакиханов. Гюлистан-и Ирам. Баку. 1991 // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Istahri/otryv3.phtml?id=1509>
- Аль Масуди. Золотые россыпи / Шмидт А. Н. Материалы по истории Средней Азии и Ирана // Ученые записки Института востоковедения. М.; Л., 1958. Т. XVI // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Masudi/Frametext.htm>
- Доценко И. В. К вопросу о хозяйственных занятиях населения поселений хазарского времени на Северном Кавказе // МИАСК. Армавир. 2006а. Вып. 6.

- Доценко И. В. О находках каменных баз-оснований на поселениях VIII–IX вв. Средней Кубани // II-я Межвузовская археологическая конференция студентов и аспирантов юга России (ТД). Ростов-на-Дону. 2006б.
- Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962. Т. 1; М., 1967. Т. 2 // [Электронный ресурс]: URL: <http://kulichki.com/~gumilev/Rest/rest0103.htm>
- Кокорцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке, Л., 1932 // [Электронный ресурс]: URL: <http://gumilevica.kulichki.net/Rest/rest0504.htm>
- Малахов С. Н., Нарожный Е. И. Средневековые ступообразные камни верхнего и среднего Прикубанья // Пятые чтения по археологии Средней Кубани. Армавир. 1998.
- Нарожный Е. И. Отчет о проведении охранно-спасательных археологических исследований в Гудермесском районе ЧИАССР осенью 1989 года // Архив ЦАИ АГПУ. Грозный. 1990.
- Нарожный Е. И. Отчет о проведении охранно-спасательных археологических исследований в хут. Ханьков Славянского района Краснодарского края // Архив ЦАИ АГПУ. Армавир. 2005.
- Нарожный Е. И., Соков П. В. Горькобалковский археологический комплекс. Некоторые итоги и перспективы изучения (К 15-летию охранно-спасательных археологических исследований) // Археология степной Евразии. Междунар. сб. научн. трудов. Кемерово; Алматы. 2008.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М. 1990.
- Соков П. В. О фауне округа Горькой Балки эпохи раннего средневековья // Шестые чтения по археологии Средней Кубани (краткое содержание докладов). Армавир. 1999.
- Флерова В. Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII вв.: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб. 2001.
- Фрэзер Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М. 1980.

ВОСТОЧНАЯ КАБАРДА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Ж. В. Кагазежев (г. Нальчик)

Изучение истории Кабарды XIV–XVII вв. представляется возможным только путем корреляции данных письменных и археологических источников. Особую значимость при определении географических границ исследования имеют археологические материалы. Известно, что на огромной территории центральной и восточной части Северного Кавказа в XIV–XVII вв. наблюдается удивительное однообразие погребальной культуры, связанной с кабардинцами. В рассматриваемый период Кабарда являлась крупнейшей страной Северного Кавказа и активно фигурировала в международных отношениях. Вместе с тем, ее распад привел к образованию ряда княжеств, разделяемых по географическому принципу. В последней четверти XVI в. обозначились границы известных кабардинских княжеств – Казиевой Кабарды, Талостанеи, Джилахстанеи, Идареи. Казиева Кабарда занимала, в основном, западные районы Кабарды, а последние три – восточные. Владения тлекотлешей Анзоровых географически занимали буферную зону между Западной и Восточной Кабардой. Анзорова Кабарда, находившаяся в центре кабардинских земель, в первой половине XVII в. располагалась на территории между р. Черек и Урух (Полиевктов, 1932. С. 39). В последней четверти XVI – первой половине XVII в. Анзорова Кабарда признавала сюзеренитет Талостанея – сильнейшего восточно-кабардинского княжества.

Восточная Кабарда начиналась от границ Талостанея. Селения Талостанея располагались на восточном берегу р. Урух и по обоим берегам р. Терек в его верхнем течении, где они чересполосно граничили с селениями Джилахстанея. В последней четверти XVI в. известный ка-

бардинский князь Шолох Талостанов контролировал совместно с Алхасом Джилахстановым Дарьяльское ущелье, через которое в 1589 г. не пустил русское посольство С. Г. Звенигородского в Грузию (КРО. Т. 1. С. 64). Княжество Талостаней при Шолохе достигло апогея своего могущества. В первой половине XVII в. Талостаней переживало расцвет феодализма.

Интересными для нас являются сведения Эвлия Челеби, называвшего Талостаней огромной страной Таустан (Челеби, 1979. С. 97–98). Эвлия Челеби определял северные границы княжества московскими владениями, восточные – землями Дагестана. Он упомянул кабака Адам, принадлежащий Талостанею и находившийся в девяти часах пути от р. Балык (Малка). Челеби дал описание пшуко (княжеская ставка) Талостанея, где находились большие здания с каменными стенами и деревянными крышами. В нем имелось две соборных и семь приходских мечетей (Там же). Пшуко Талостанея Челеби называл городом, где имелось 1000 домов. Вместе с тем, он оговаривал, что большинство черкесов не мусульмане. Ислам исповедовала только знать. Армию Талостанея Челеби оценивал в 12 тыс. воинов (Там же), из них две тысячи – вооруженных ружьями, соответственно, пехотинцев. Можно полагать, что в состав вооруженных сил Талостанея Челеби включил и войска восточно-кабардинского владения Джилахстаней, представлявшего вместе с первым единый военный союз, проводивший совместную внешнюю политику. Интересным для нас является то, что Эвлия Челеби указывал на пользование грузинским языком в Талостане. Это вполне возможно, т. к. княжество через Дарьяльское ущелье имело тесные экономические и культурные взаимосвязи с Картли. Из сведений, приводимых Челеби, можно сделать вывод о влиянии дагестанских исламских центров на религиозную жизнь Талостанея.

Восточнее Талостанея располагался Джилахстаней. В 1589 г. русские послы шли в Грузию и в Дарьяльском ущелье остановились на правой стороне Терека, около «старого Олкасова кабака» (Белокуров, 1908. С. 145, 149) (Алхас – старший князь Джилахстанея в конце XVI–начале XVII в. – Ж. К.). Сыновья Алхаса – Мудар и Ахло в начале XVII в. отмечаются как владельцы земель, находящихся около Дарьяльского ущелья. В 1604 г. русские послы в Грузию, разведывая дорогу через Дарьяльское ущелье, узнали, что «тою дорогою в горах к Сонской земле кабаки Айтек-мурзины и промысел весь будет в дороге и в мостах Айтек-мурзин»; «которые люди живут в горах <...> владеет ими Айтек-мурза...» (Там же. С. 453–454).

В 1615 г. часть кабаков Мудара Алхасова (Джилахстанова) находилась в Дарьяльском ущелье (КРО. Т. 1. С. 88), контролируя имевшую важное стратегическое и экономическое значение дорогу из Северного Кавказа в Южный Кавказ. Поселения были укреплены «надолбами», представляя собой крайний южный форпост Кабарды. В первой четверти XVII в. Джилахстаней разделился на два владения: западную часть – Ахлову и восточную – Мударову. Граница между ними проходила по р. Сунжа.

На месте впадения р. Аргун в Терек начиналась территория Идареи, восточные границы которой доходили до устья р. Терек, примыкая к Каспийскому морю. Идарея располагалась в среднем течении восточного берега р. Аргун, далее шла по обоим берегам верхнего течения р. Терек. Русский посол в Стамбуле И. П. Новосильцев в июле 1570 г., описывая территорию верховного князя Идареи Темрюка, утверждал: «А та земля изстари была от Кабарды от Темрюкова юрта по Тереке по реке и до моря его, Темрюкова, и зверь бил и рыбу ловил <...> а не владел тою землею, где город Терка стал, опричь Темрюка ниhto» (КРО. Т. 1. С. 198).

Терская крепость была построена в Идарее по просьбе Темрюка Идарова с целью защиты западных границ Идареи от великого князя Кабарды Пшеапшоко Кайтукина, с которым он находился в состоянии постоянной войны. В связи с противодействием Османской империи местоположение «Терского города» менялось несколько раз. Два раза, в 1567 и 1578 гг., русскую крепость возводили на западной границе Идареи в месте впадения р. Сунжи в Терек – она была известна в источниках и как «Сунженский острог». В 1588 г. русская крепость была по-

строена вновь – теперь уже на самой восточной границе Идареи у устья р. Терек. Под предлогом защиты Идареи Москва утверждалась на новых землях. Сюда переселялись казаки. Если в период правления Темрюка Идарова гарнизон крепости находился в его подчинении, то в первой половине XVII в. Идарея превращается в зависимое от Москвы княжество. По мнению Е. Н. Кушевой, на Тереке существовало особое вассальное княжество, несколько напоминавшее владения касимовских царей (Кушева, 1943. С. 67). Терский город находился в двойном управлении. Идаровы являлись князьями над нерусским населением города, где кроме кабардинцев проживали и пришлые народы – оочане (вайнахи), кумыки, татары и т.д. Так, в 1615 г. за Сунчалеом Идаровым русский царь утвердил титул князя «терских черкас и всего нерусского населения» Терского города. Впоследствии его княжеская власть распространилась и на казаков (КРО. Т. 1. С. 301; Опрышко, 1990. С. 132).

Неправомерной является попытка увязывания образования удельных княжеств Восточной Кабарды с распространением на указанных землях адыгского населения. Данные археологии указывают на наличие кабардинской курганной культуры на территории Восточной Кабарды уже в XIV в. Археологические исследования были проведены, в основном, на территории восточно-кабардинских княжеств Талостанея и Джилахстанея. Статистика основных археологических работ по исследованию кабардинских курганов, проведенных в исторической Восточной Кабарде, показывает следующее. В 1877 г. Н. Г. Керцелли (1878. Т. I. С. 204–206; Т. II. С. 275–276) около современного осетинского сел. Ардон (принадлежало Талостаней) раскопал несколько десятков курганов. В. Б. Антонович (1882. С. 217–270. Табл. III–IV) провел в 1879 г. раскопки курганных могильников в районе Эльхотово, Дигоры и Назрани (принадлежали Талостаней). Курганы были окопаны рвами и относились к XIV–XVI вв.

Кабардинские курганы XIV–XV вв. вблизи Владикавказа (принадлежал Талостаней) были исследованы А. А. Бобринским в 1888 г. (см. Стеганцева, Рысин, 2009. С. 719–720). В 1887 г. В. А. Тимофеев раскопал курганный могильник XIV–XV вв. у станицы Змейской (принадлежало Талостаней) (см. Тимофеев, 1887). В те же годы председатель Московского археологического общества П. С. Уварова (см. Уварова, 1888) раскопала кабардинские курганы в районе Старого Уруха (Хатуей, принадлежало Талостаней) и в Дигории (принадлежала Талостаней). Материалы этих раскопок хранятся в ГИМе. В 1912 г. Ф. С. Панкратов произвел раскопки 11 курганных могильников у станицы Змейской (Гребенец, 1915. С. 1–30).

А. В. Мачинский совместно с сотрудником ГАИМК А. П. Кругловым (Круглов, 1936. С. 3–31) раскапывали кабардинские курганы в районе чеченского сел. Ачхой-Мартан (принадлежало Джилахстаней) и на берегу р. Фортанги. В 1938–1939 гг. кабардинские курганы были раскопаны близ сел. Алхасте и станицы Нестеровской (принадлежали Джилахстаней).

Большую работу в области исследования истории кабардинцев и всего Северного Кавказа проделал профессор, известный археолог и кавказовед Е. И. Крупнов (1941. С. 188; 1948. С. 67–73; и др.). Он провел раскопки на территории Ассинского ущелья в Чечне (принадлежало Джилахстаней). В 1959–1960 гг. в окрестностях сел. Ачхой-мартан и Бамут в Чечне (принадлежали Джилахстаней) были исследованы десятки кабардинских курганов (Древности Чечено-Ингушетии, 1963). Кабардинские курганы у сел. Бамут представляли собой две большие группы.

Данные археологических исследований показывают, что значительное число кабардинских курганных захоронений обнаружено на территориях Талостанея и Джилахстанея. Причем их высокая плотность указывает на достаточно многочисленное кабардинское население Восточной Кабарды. Археологические работы не проводились на территории Идареи, не исследованы также и курганы в нижнем течении р. Терек, тянущиеся вплоть до Каспийского моря. По предварительному заключению Е. П. Алексеевой, они являются кабардинскими (Алексеева, 1957. С. 44). Требуется исследование и Дарьяльское ущелье, где располагалась часть селений Джилахстанея.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е. П. Очерки по экономике и культуре народов Черкессии в XVI–XVII вв. Черкесск. 1957.
- Белокуров С. А. 1882–1907 годы. М. 1908.
- Антонович В. Б. Дневник раскопок веденных на Кавказе осенью 1879 г. // V АС в Тифлисе. Тр. Предварительных комитетов. М. 1882.
- Гребенец Ф. С. Курганы в окрестностях станицы Змейской (Терского казачьего войска) // СМОМПК. Тифлис. 1915. Вып. 44. От. III.
- Древности Чечено-Ингушетии. М. 1963.
- Керцелли Н. Г. Антропологическая выставка общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М. 1878. Т. I–II.
- КРО. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М. 1957. Т. 1.
- Круглов А. П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. // Зап. Чечено-Ингушского НИИЯИ. Грозный. 1936. Т. I.
- Крупнов Е. И. Археологические памятники Ассиновского ущелья // Тр. ГИМ. 1941. Вып. XII.
- Крупнов Е. И. Археологические работы в Грозненской области в 1946 г. // КСИИМК. 1948. Вып. XX.
- Кушева Е. Н. Северный Кавказ и международные отношения в XVI–XVII вв. (обзор материалов русских архивов) // ИЖ (ВИ). 1943. № 1.
- Опрышко О. Л. По тропам истории. Нальчик. 1990.
- Полиевктов М. А. Экономические и политические разведки Московского государства на Кавказе XVII в. Тифлис. 1932.
- Стеганцева В. Я., Рысин М. Б. Императорская Археологическая Комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917 гг.): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб. 2009.
- Тимофеев В. А. Отдел феодальной и античной эпохи. Раскопки В. А. Тимофеева, 1887. Инв. № 7766. Оп. 669. № 1–7. Кл. 101/45а.
- Уварова П. С. Раскопки П. С. Уваровой. Дигория, сел. Махческ, 1888 г. Инв. № 55738. Оп. 301. Кл. 101/55а.
- Челеби Эвлия. Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Пер. и коммент. Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / Сост. и отв. ред. А. Д. Желтяков; Предисл. А. П. Григорьева; Примеч. и коммент. А. П. Григорьева и А. Д. Желтякова. М. 1979 (Памятники литературы народов Востока. Переводы. VI).

**НАХОДКИ РЕМЕСЛЕННОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ
В ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ XIII–XIV ВВ.****В. Е. Нарожный, Е. И. Нарожный (г. Армавир)**

В «Средневековой Ингушетии», рассматривая вопрос об уровне развития и разнообразия ремесленных занятий средневековых предков современных ингушей, Е. И. Крупнов отмечал, что «неоднократно посещая горные ущелья Ингушетии, я имел возможность наблюдать в ингушских надземных и полуподземных склепах небогатый ассортимент и убогую технику могильного инвентаря. А ведь в нем должна бы отразиться «ремесленная» деятельность ингушей!» (Крупнов, 1971. С. 133 и сл.). Разбирая содержимое этих склепов, лучший знаток средневековых ингушских древностей Л. П. Семенов писал: «Могильный инвентарь отличается простотой; в вещественном и художественном отношении он беден. Здесь встречаются следующие предметы: глиняные сосуды, деревянные чашки, железные ножи, железные ножницы для стрижки овец, железные наконечники стрел, луки, железные поясные пряжки,

деревянные гребни и прочие изделия» (Семенов, 1963. С. 21). Правда, этот перечень требует дополнения, а сам, в основе правильный, вывод – оговорки (Крупнов, 1971. С. 133).

За прошедший с тех пор период времени был накоплен выразительный археологический материал. В частности, в 1982 г. Р. А. Даутовой и Х. М. Мамаевым были проведены раскопки Шуанского склепового могильника «Мохде» (Даутова и др. 1989. С. 15–71); в 1987–1988 гг. исследовался Келийский могильник, попавший в зону строительства подъездной автодороги Чми-Таргим к проектировавшемуся тогда тоннелю сквозь Главный Кавказских хребет «Кавказской перевальной железной дороги» (КПЖД). Келийский могильник состоял из полуподземных склепов, коллективных и индивидуальных каменных ящиков и грунтовых захоронений. К сожалению, материалы этого некрополя в научный оборот были введены не полностью: опубликованы всего пять склепов (Нарожный Е. и др., 1990. С. 39–79; Чахкиев, Нарожный Е., 1990. С. 23–25; Нарожный Е., Чахкиев. 1992. С. 5–20), один «скальник» (Нарожный Е., 1996. С. 32–35) и полтора десятка каменных ящиков и грунтовых захоронений (Нарожный Е., 1991. С. 50–54; Виноградов, Нарожный Е., 1994. С. 68–91; Нарожный Е. и др., 2005. С. 291–304). Общее количество захороненных на всей раскопанной площади (склепы, каменные ящики и грунтовые захоронения) – около одной тыс. погребенных (Нарожный В., 2004. С. 358–359), что представляет хороший «полигон» для изучения самых разнообразных аспектов истории и социально-профессиональной организации ингушского общества XIII–XV веков.

Находки разнотипного «инструментария» позволяют представить достаточно полную его характеристику.

Группа 1. Инструментарий «керамистов» (Нарожный В. и др., 2004. С. 37–38) представлен двумя изделиями. «Гребенка» (Кели, склеп № 12) – железная пластинка, в горизонтальной плоскости один ее край Г-образно (под 90 градусов) отогнут. На нижней грани – зубцы гребенки. Второй конец пластинки приострен для насадки ручки из дерева, рога или кости. Зубцами по сырой глине мог наноситься разнообразный орнамент – в виде горизонтальных параллельных полосок, вертикальных расчесов, в виде нескольких рядов углублений и т.д. Из-за сильной разграбленности склепа, сопряженность данного предмета с половозрастными особенностями владельца гребенки, к сожалению, установлена не была.

Второе изделие из двух частей происходит из каменного ящика с коллективным характером захоронения. Предмет сопровождал останки «взрослого мужчины». Представлял собою железные пластины, одна которых изогнута S-видно; углами сгибов, по сырой глине можно было прорезать неглубокие желобки орнамента. Концами загнутых сторон достигался орнамент иных видов. Нижний край второй части пластины с перпендикулярно прикрепленной петлей в средней ее части (для подвешивания), вероятно, разрезались глиняные жгуты перед формовкой сосуда. Концы пластины (один согнут, как и на предыдущей пластине) – для нанесения желобчатого декора.

Керамических изделий на раскопанной части встречено достаточно много – красноглиняные, как правило, лощенные и орнаментированные кувшины и кувшины с темно-коричневым ангобом, в нескольких случаях с древнегрузинскими надписями («ассомтаврили»), нанесенными еще до обжига. Часть керамических находок имеет параллели в керамике мог-ка Накалакари, связанного с Жинвальским городищем в Грузии (Нарожный Е., 2007. С. 151–155; Муравенко, 2008б. С. 255–256); некоторые из кувшинов – по типу раннесредневековых, аланских (Муравенко, 2008а. С. 102–103).

Группа 2. Ножи. Как правило, применительно к высокогорью Ингушетии многочисленные находки ножей разделяют только на «боевые» и «хозяйственного назначения». Вместе с тем, специальная работа в перспективе позволит подобную градацию значительно расширить. Еще в ходе полевых работ было отмечено, что находки ножей сопровождали почти каждое захоронение, вне зависимости от пола и возраста погребенных. Практически, их количество

в сильно грабленных склепах совпадает с количеством захороненных (в тех случаях, когда учитывалась каждая кость скелетов). В этой связи было высказано предположение о достаточно реальном восприятии статистики находок ножей, как одного из надежных маркеров изначального количества погребенных в склепе – по аналогии с наблюдением о том, что каждая находка железных ножниц для стрижки овец – почти обязательный атрибут захоронений только «взрослых» и исключительно «женских» захоронений (Нарожный Е., 1998). Есть перспектива разделения общей массы находок ножей не только на ножи, использовавшиеся мужчинами, женщинами и детьми, но также использовавшимися в военном деле и на охоте, при работе с кожей животных и т.п. В данной группе мы указываем лишь один вид ножей, возможно, полифункционального назначения. Они на острой и заточенной нижней грани острия имели зубчики. Такой тип ножей-пилкок, скорее всего, использовался для пилки как деревянных, так и костяных (роговых) предметов.

Группа 3. Инструментарий «ложкарей» (11 экз.). Все изделия из железа и разных размеров. Данное определение условно, хотя по известным этнографическим материалам такие предметы использовались для вырезания углублений в дереве и при производстве ложек, черпаков, ковшиков и пр. Девять предметов – из склепов (два экз. – Кели; четыре экз. – Шуан; один экз. – Эгикал; два экз. – Бишт), еще два экз. – из каменных ящиков Келийского могильника сопровождали захоронения «взрослых мужчин».

Группа 4. Инструментарий «деревоотделочников». Он представлен железным массивным теслом со следами активного использования острого окончания, но без аналогичных признаков на железной «шляпке»; одним фр. обломанного лезвия железной «стамески»; железными «скобелями» разных размеров. Все находки этого круга свидетельствуют о значительном разнообразии изготавливавшегося ассортимента.

Интересны и прочие предметы, использовавшиеся при обработке кож и других кустарных промыслах.

Вполне перспективным направлением может оказаться и изучение многих мужских захоронений, в инвентаре которых содержались лишь наборы наконечников стрел, абсолютное большинство которых имели ярко выраженное «охотничье» назначение. Интерес вызывают и отдельные захоронения, в инвентаре которых были обнаружены железные «бритвы». Вместе с тем, заметное разнообразие находок различного «инструментария», пока не позволяет вести речь о некоей специализации в горском обществе, реализовавшейся за пределами «семейной ее организации» и кустарных промыслов, хотя таковая, вне всякого сомнения, существовала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов В. Б., Нарожный Е. И. Погребения Келийского могильника // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар. 1994.
- Даутова Р. А., Мамаев Х. М., Нарожный Е. И., Чажкиев Д. Ю. Новые данные о материальной культуре горной Ингушетии (По раскопкам Шуанского могильника) // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный. 1989.
- Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М. 1971.
- Муравенко Е. В. Два аланских керамических сосуда из Келийского могильника XIII–XIV вв. в высокогорной Ингушетии // Археологический журнал. Армавир. 2008а. № II.
- Муравенко Е. В. О закавказской керамике в погребальном инвентаре Келийского могильника XIII–XIV веков // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). ТД, Владикавказ. 2008б.

- Нарожный В. Е.* Келийские склепы горной Ингушетии: некоторые аспекты изучения (по материалам раскопок 1987–1988 гг.) // МИАСК. Армавир. 2004. Вып. 4.
- Нарожный В. Е., Нарожный Е. И., Чахкиев Д. Ю.* О находках инструментария керамистов в горной Ингушетии (XIII–XIV вв.) // Одиннадцатые чтения по археологии Средней Кубани (Краткое содержание докладов). Армавир. 2004.
- Нарожный Е. И.* Два погребения с древнерусскими предметами мелкой христианской пластики с территории Келийского могильника // Археология на новостройках Северного Кавказа. Грозный. 1991.
- Нарожный Е. И.* «Пещеры» Бамутского и Келийского могильников. Чечня и Ингушетия // Из практики кавказоведческих изысканий. Опыт вузовской лаборатории. Армавир. 1996.
- Нарожный Е. И.* Восточные и западные инновации золотоордынского времени у населения Верхнего и Среднего Притеречья (Археолого-историческое исследование): Автореф. дис. ... к.и.н. Воронеж. 1998.
- Нарожный Е. И.* Две работы по средневековой археологии Грузии. (В. А. Джорбенадзе. Могильники развитого средневековья в Арагвском ущелье – Тбилиси. 1991. 12 с.; В. А. Джорбенадзе. Типы погребений и обряд захоронений в Грузии в XI–XIV вв. – Тбилиси. 1992. 2 с.) // Археологический журнал. Армавир. 2007. № 1.
- Нарожный Е. И., Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А.* Полуподземные склепы Келийского могильника (По материалам охранных раскопок 1987 года) // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный. 1990.
- Нарожный Е. И., Нарожный В. Е., Чахкиев Д. Ю.* Погребение № 15 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // МИАСК. Армавир. 2005. Вып. 5.
- Нарожный Е. И., Чахкиев Д. Ю.* Некоторые данные о погребальных комплексах XIV в. высокогорной Ингушетии // Археология и традиционная этнография народов Чечено-Ингушетии. Грозный. 1992.
- Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 годах. Грозный. 1963.
- Чахкиев Д. Ю., Нарожный Е. И.* Новые археологические материалы золотоордынского времени из горной Ингушетии // Актуальные проблемы археологии и этнографии дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный. 1990.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА XIII–XIV ВВ. ПОСЕЛЕНИЯ «ЖУКОВА» (КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ)

Е. Ф. Батиева (г. Ростов-на-Дону)

Представляемые материалы происходят из раскопок, проводившихся в сентябре 2010 г. экспедицией НП «Южархеология» (г. Ростов-на-Дону; руководитель экспедиции и держатель Открытого листа – Александр Александрович Нечипорук) в хут. Кубанская колонка Крымского р-на Краснодарского края. В ходе работ на исследованном участке средневекового пос. «Жукова» помимо хронологически различных слоев собственно поселения (VII–IX вв. и XII–XIII вв.) был обнаружен также грунтовый могильник XIII–XIV вв.

Всего на территории раскопа было выявлено более 100 погребений, впущенных в грунт на небольшую глубину и находящихся в ямах или каменных ящиках. В силу бытовавшей у населения, оставившего могильник, практики многократных подзахоронений, более половины погребений являлись коллективными и включали от двух до семи скелетов. В результате в обследованных 115 погребениях содержались костные останки 248 человек (табл. 1), причем численность в коллективных погребениях определялась, прежде всего, количеством детских скелетов (табл. 1; рис. 1). Только 7,8% детей (не моложе одного года) от общего числа были похоронены в одиночных погребениях.

Большое число разрозненных костей человека было также обнаружено во всех вскрытых пластах культурного слоя поселения (более двух тысяч объектов разной сохранности). Проведенное обследование показало, что костные останки из слоя принадлежали, как минимум, 54 человекам (11 мужчин, 14 женщин и 29 детей). Они происходят, по-видимому, из исследованного могильника, т. к. многие погребения были повреждены (возможно, полностью разрушены) местными жителями в ходе добывания каменных плит. Однако после тщательного рассмотрения всех обстоятельств местонахождения костных останков в слое и состояния скелетов в погребениях, пришлось признать использование в демографическом анализе данных по костному материалу из слоя нецелесообразным. Поэтому были учтены только данные по травматическим повреждениям и измерены два женских черепа с сохранившимся лицевым скелетом.

Всего в исследованной группе погребенных на пос. «Жукова» 146 взрослых (65 мужчин и 71 женщина) и 102 ребенка. Соответственно, мужчины составляют 26,2% от общего числа, женщины – 28,6%, дети – 41,1% (табл. 1). Средний возраст смерти по группе у взрослых в целом и у женщин – 32,4 года, у мужчин чуть больше – 33,5 лет, длина поколения – 21,5 лет.

Табл. 1. Количественный и половозрастной состав погребений золотоордынского времени из раскопа 1 поселения «Жукова» (п' – количество погребений, п – количество скелетов)

Число скелетов в погребении	Число погребений		М		Ж		Дети		Взрослые		Взрослые и дети
	п'	%	п	%	п	%	п	%	п	%	
1	50	43,5	20	40,0	22	44,0	8	16,0	42	84,0	50
2	31	27,0	16	25,8	20	32,3	23	37,1	39	62,9	62
3	15	13,0	11	24,4	11	24,4	20	44,4	25	55,6	45
4	10	8,7	7	17,5	9	22,5	22	55,0	18	45,0	40
5	4	3,5	6	30,0	3	15,0	9	45,0	11	55,0	20
6	4	3,5	4	16,7	5	20,8	15	62,5	9	37,5	24
7	1	0,9	1	14,3	1	14,3	5	71,4	2	28,6	7
Всего	115	100,0	65	26,2	71	28,6	102	41,1	146	58,9	248

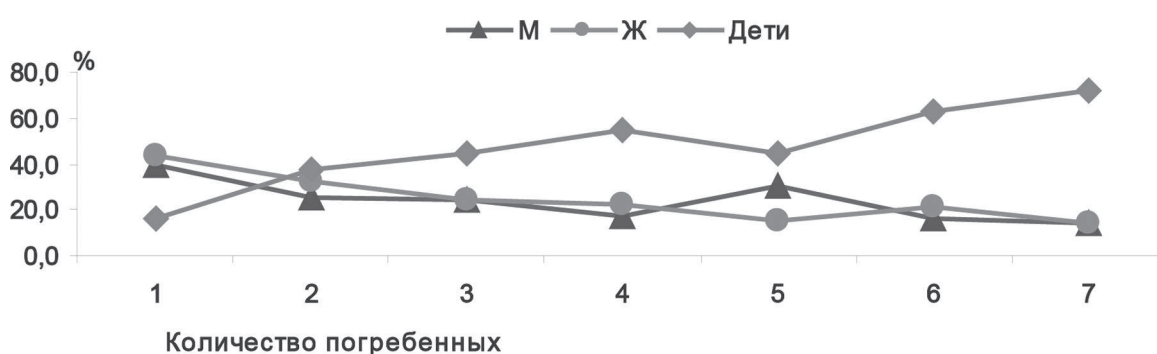

Рис. 1. Распределение взрослых и детей в погребениях золотоордынского времени из раскопа 1 поселения «Жукова»

В целом палеодемографические параметры рассматриваемой группы можно охарактеризовать как не очень благополучные: высокая детская смертность, особенно в первые годы жизни (умерших до 7 лет – 67,6% от общего числа детей); отсутствие взрослых старческого возраста (табл. 2–3; рис. 2–3); довольно низкая продолжительность жизни. Величина плодовитости

женщин (соотношение детей и женщин детородного возраста до 35 лет) равна 2,08, что может обеспечить стабильность численности популяции, но не ее рост. Разница между величинами среднего возраста смерти у мужчин и у женщин всего один год, а распределение смертности по возрастам в этих группах не слишком отличается (табл. 2). Такое уменьшение гендерных различий в данном случае, по-видимому, означает неблагоприятные условия жизни и для мужчин, и для женщин (Бужилова, 2005. С. 145).

Табл. 2. Половозрастной состав погребений золотоордынского времени из раскопа 1 поселения «Жукова»

Возраст в годах	Взрослые и дети		М		Ж	
	n	%	n	%	n	%
0-4	49	19,8				
5-9	31	12,5				
10-14	22	8,9				
15-19	5	2,0	0	0,0	1	1,4
20-25	8	3,2	2	3,1	5	7,0
25-30	19	7,7	7	10,8	12	16,9
30-35	68	27,4	33	50,8	31	43,7
35-40	36	14,5	17	26,2	18	25,4
40-50	10	4,0	6	9,2	4	5,6
старше 50	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Всего	248	100,0	65	100,0	71	100,0

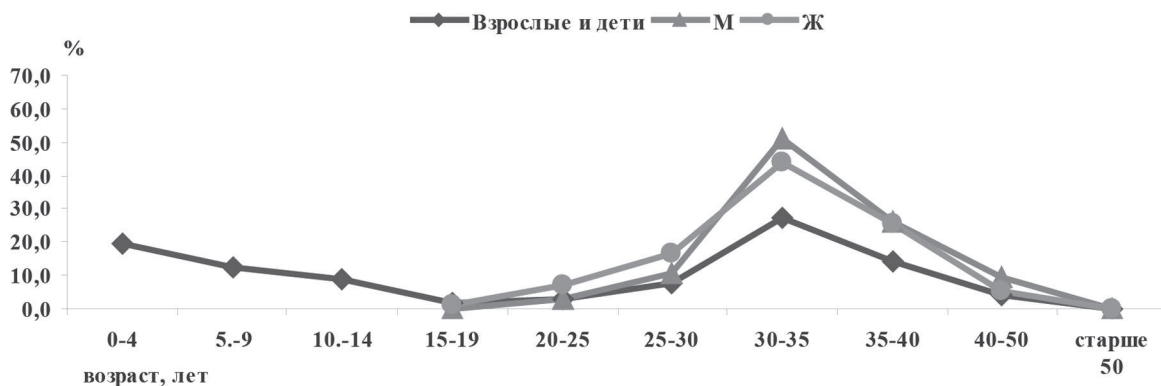

Рис. 2. Распределение взрослых и детей по возрастам в погребениях золотоордынского времени из раскопа 1 поселения «Жукова»

О неблагополучии исследуемой группы свидетельствуют также повышенные частоты встречаемости некоторых признаков – маркеры эпизодического (эмалевая гипоплазия), специфического (зубочелюстная патология и прижизненная утрата зубов) и генерализованного стресса (поротический гиперостоз орбит) (табл. 4). Обращает на себя внимание то, что значения частот большинства упомянутых признаков в женской части группы намного выше, чем в мужской. У мужчин чаще, чем у женщин, встречается только эмалевая гипоплазия.

Известно, что эмалевая гипоплазия отражает воздействие стресса на организм в детские годы, прежде всего, нарушение питания, недостаток витаминов, кальция и фосфора, а остальные анализируемые маркеры – в течение всей жизни (болезни, нарушение обменных процессов и пр.) (Бужилова, 1998). Есть также наблюдения, показывающие, что растущий мужской

организм в большей степени подвержен стрессам, чем растущий женский. Принимая это во внимание, можно предположить, что мужчины и женщины исследуемой группы в детстве подвергались воздействию стресса примерно в равной степени, а во взрослой жизни больший стресс испытывали женщины.

Табл. 3. Распределение детей по возрастам в погребениях золотоордынского могильника на поселении «Жукова»

Жукова	Дети	%
«до года»	9	8,8
«1–3»	28	27,5
«3–6»	26	25,5
«6–9»	17	16,7
«9–12»	12	11,8
«12–15»	10	9,8
Всего	102	100

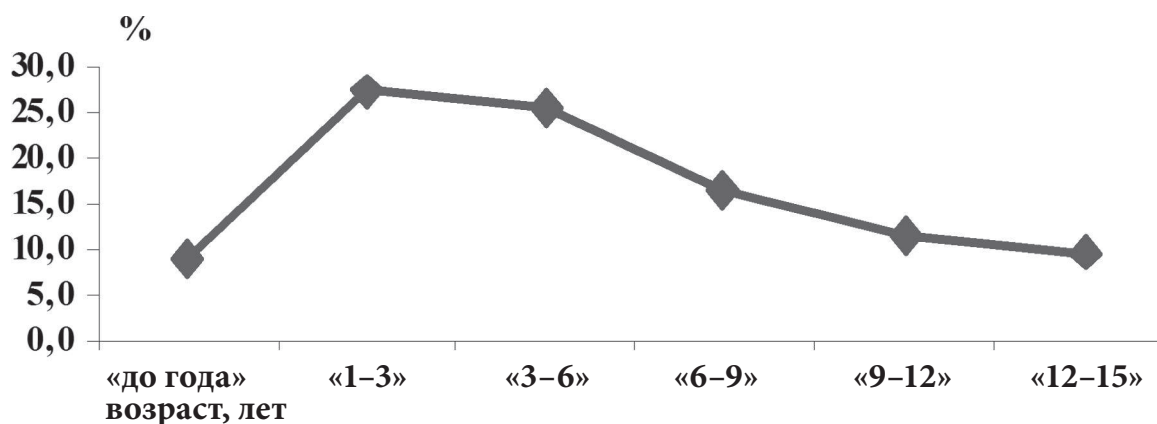

Рис. 3. Кривая распределения детей по возрастам в погребениях золотоордынского могильника на поселении «Жукова»

Еще одна патология зубочелюстного аппарата в исследованной группе имеет близкие частоты встречаемости у мужчин и женщин – кариес (табл. 4). Развитие кариозного процесса, помимо общего состояния организма, зависит также от присутствия в рационе углеводного компонента. Наблюдаемый довольно высокий процент распространенности кариеса в выборке из мог-ка «Жукова» (30,1%), косвенно свидетельствует о значительной роли продуктов земледелия в питании оставившего его населения (Бужилова, 1998). Это вполне согласуется с археологической атрибуцией памятника и характером половозрастных соотношений в группе – преобладание женщин и детей обычно наблюдается в оседлых поселениях.

На изученных костных останках были отмечены также различные травматические повреждения: в пяти случаях на черепе (два у мужчин, три у женщин) и в 13 случаях на костях посткраниального скелета (10 – у мужчин, три – у женщин). На черепе повреждения ограничиваются тупыми травмами лобной и теменной костей. Травмы посткраниального скелета локализованы, в основном, на длинных костях скелета, причем и у мужчин, и у женщин преобладают переломы костей нижних конечностей (табл. 4). В целом уровень травматизма взрослых по группе можно оценить как не очень высокий (на черепе – 5,5% и в целом на скелете – 12,4%) и характер травм не предполагает их «военной» направленности. Хотя то, что травмы черепа

есть у женщин и встречаются даже несколько чаще, чем у мужчин, свидетельствует о неблагоприятии социальной атмосферы в популяции.

Табл. 4. Частота встречаемости патологических маркеров в погребениях золотоордынского могильника на поселении «Жукова»

Признаки	М		Ж		Взрослые	
	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%
Поротический гиперостоз орбит	3 (38)	7,9	8 (33)	24,2	12 (72)	16,7
Эмалевая гипоплазия	16 (43)	37,2	14 (50)	28,0	30 (93)	32,3
Прижизненная утрата зубов	12 (43)	27,9	25 (50)	50,0	37 (93)	39,8
Зубочелюстная патология	8 (43)	18,6	16 (50)	32,0	24 (93)	25,8
Кариес	12 (43)	27,9	16 (50)	32,0	28 (93)	30,1
Травмы черепа	2 (44)	4,4	3 (46)	6,5	5 (92)	5,5
Травмы верхнего пояса	2 (49)	4,0	1 (59)	1,7	3 (111)	2,7
Травмы нижнего пояса	8 (55)	14,3	2 (62)	3,2	10 (121)	8,4

На части материалов из грунтового мог-ка на пос. «Жукова» было проведено предварительное краниологическое исследование. Серия включала в себя 35 черепов: 16 мужских и 19 женских (табл. 5). Черепа европеоидного облика, следов монголоидной примеси при визуальном наблюдении не обнаруживаются. В то же время, в женской части выборки процент встречаемости на нижней челюсти т. н. ореховидных вздутий высоковат для европеоидной серии (Зубов, 1968; Герасимова, Васильев, 1998) и намного больше, чем в мужской (соответственно, 22% и 9,8%). Учитывая наследственную природу этих образований, а также разную распространенность в мужской и женской части рассматриваемой группы другого генетически детерминированного признака – метопического шва (2,6% у мужчин и 5,9% у женщин), можно предположить, что мужчины и женщины пос. «Жукова» имели разное происхождение.

По усредненной характеристике мужские черепа исследованной серии большие по длине, средние по ширине, мезодолихокранные, по высоте на границе больших и очень больших величин, со среднешироким лбом. Лицо среднее по абсолютным размерам, относительно узкое, хорошо профилированное, ортогнатное. Орбиты средние по ширине, малые по высоте, относительно средневысокие. Нос среднеширокий и средневысокий, среднеширокий по указателю, резко выступающий, с высоким переносьем.

Женская часть краниологической выборки в основном характеризуется теми же категориями признаков и их соотношений, только женские черепа короче, мезобрахикранные, лицо у них относительно шире, а нос выступает не так резко. Нужно заметить, что величины коэффициентов полового диморфизма большинства признаков в серии ниже стандартных, что указывает на несколько большую «мужественность» женщин исследуемой группы.

Обе серии нельзя назвать однородными: степень вариабельности и величины квадратического отклонения некоторых признаков повышены, нарушены коррелятивные связи. В муж-

ской части жуковской выборки статистически достоверны положительные связи: между поперечным диаметром и – высотным (0,54) и скуловым (0,64) диаметрами, шириной орбиты (0,59), углом выступания носовых костей (0,63); между шириной орбиты и – скуловым диаметром (0,81), верхней высотой лица (0,68), высотой носа (0,67) и зигмаксиллярным углом (0,56).

Табл. 5. Средние размеры и указатели мужских и женских черепов из золотоордынского могильника на поселении «Жукова»

№ по Мартину и название признака	Мужчины					Женщины				
	n	x	sd	min	max	n	x	sd	min	max
1. Продольный диаметр	14	185,2	5,1	174	194	17	175,2	6,4	165	191
8. Поперечный диаметр	14	139,6	6,5	133	156	17	138,5	5,1	130	150
8:1. Черепной указатель	14	75,4	3,0	71,6	83,0	17	79,2	4,9	72,2	88,5
5. Длина основания черепа	14	105,5	3,7	99	112	17	99,4	3,9	92	107
17. Высотный диаметр	14	141,4	7,0	133	158	17	135,8	4,6	126	143
9. Наименьшая ширина лба	14	97,8	5,7	89	111	16	95,5	3,1	89	101
40. Длина основания лица	13	101,3	2,6	96	105	14	96,1	4,5	91	105
40:5. Указатель выступания лица	13	95,9	3,1	91,1	100,0	14	96,4	4,3	91,0	106,1
45. Скуловой диаметр	11	132,2	5,9	122	145	12	125,8	5,0	118	135
47. Полная высота лица	12	120,3	5,8	110	129	12	112,5	6,5	100	123,5
48. Верхняя высота лица	14	72,4	4,2	66	82	19	67,5	3,5	61	75
47:45. Общий лицевой указатель	11	91,3	4,3	84,6	97,0	11	89,5	7,1	80,0	102,5
48:45. Верхний лицевой указатель	11	55,3	3,0	50,8	61,7	12	54,2	4,1	48,1	61,9
51. Ширина орбиты от <i>mf</i>	14	41,9	2,4	38	47	18	40,8	2,0	37	46
52. Высота орбиты	14	33,1	2,2	30	38	18	32,6	1,2	30	35
52:51. Орбитный указатель от <i>mf</i>	14	79,2	5,1	71,4	90,5	18	80,1	3,5	71,7	86,5
54. Ширина носа	14	25,5	1,2	24	27	17	24,4	2,2	22	31
55. Высота носа	14	51,9	3,4	46	60	19	49,7	2,5	46	55
54:55. Носовой указатель	13	49,3	3,7	40,0	54,0	17	49,2	3,4	43,1	56,4
DS:DC. Дакриальный указатель	13	49,0	7,8	37,5	63,6	16	47,3	4,4	37,0	55,0
SS:SC. Симотический указатель	14	50,0	8,5	36,4	62,5	19	45,0	9,4	33,3	66,7
77. Назомалярный угол	14	137,9	3,6	132,5	143,5	17	139,1	3,4	133,3	144,9
∠zm'. Зигмаксиллярный угол	14	124,1	6,1	116,6	137,6	14	124,8	3,7	119,4	130,4
75(1). Угол выступания носа	13	29,6	6,6	22	46	16	23,8	3,5	14	29

В женской серии достоверно повышены положительные связи: между продольным диаметром и высотой орбиты (0,68); между поперечным диаметром и – скуловым диаметром (0,72) и назомалярным углом (0,57); между шириной носа и – высотой носа (0,64) и скуловым диаметром (0,76); между шириной орбиты и высотой орбиты (0,48); между назомалярным и зигмаксиллярным углами (0,72). А также отрицательные: между продольным диаметром и назомалярным углом (-0,60); между поперечным диаметром и шириной орбиты (-0,59); между углом выступания носовых костей и зигмаксиллярным углом (-0,60).

При некоторых отличиях, в обеих сериях выявляются сходные тенденции в сочетании признаков, обозначая присутствие двух основных европеоидных морфологических компонентов: долихокранного с узким хорошо профилированным лицом и мезобрахикранного со среднешироким или широким лицом (в женской серии немного уплощенным на уровне орбит). Только в мужской выборке преобладает первый вариант, а в женской – второй.

Оба краниологических варианта давно и широко известны на Северном Кавказе, их взаимодействие и соотношение в различных группах населения в наибольшей степени определяют палитру антропологической картины региона. Долихокранный узколицый вариант преобладает в западных областях Северного Кавказа и в средневековых сериях обычно ассоциируется с аланским и адыгским этносами, а брахикrania и широколицесть была в этот период более свойственна горскому населению (Алексеев, 1974; Герасимова, 1986, 1996; Герасимова, Тихонов, 2003; и др.).

Было проведено суммарное сопоставление по методу Пенроуза черепов из грунтового мог-ка на пос. «Жукова» с некоторыми известными средневековыми сериями Северного Кавказа по одиннадцати признакам: продольный, поперечный и высотный диаметры мозговой коробки, наименьшая ширина лба, скуловая ширина, верхняя высота лица, ширина и высота орбиты, высота и ширина носа, угол выступания носовых костей (табл. 6). Мужские черепа из Жукова показали наименьшие расстояния от раннесредневековой серии из Дуба-Юрта (Чечня), связанной с аланским этносом, и причерноморской группы из «черкесских» курганов XIV–XVI вв., большей частью принадлежавшей предкам западных адыгов.

Табл. 6. Суммарные расстояния между сериями из Жукова и некоторыми ранне- и поздне- средневековыми сериями Северного Кавказа (№№ 1–3, 5–7 – по Алексеев, 1974; № 4 – по Герасимова, 1986)

№№	Краниологические серии	Жукова	
		Мужчины	Женщины
1	Дуба-Юрт	0,215	0,821
2	Причерноморская группа	0,216	0,172
3	Гамовское ущелье	0,230	0,935
4	Мощевая Балка	0,232	0,258
5	Пятигорская группа	0,274	0,380
6	Черкесская группа	0,315	0,254
7	Змейская	0,419	0,601

Женские черепа исследуемой серии не выказывают никакого сходства с аланскими и горскими сериями, но проявляют близость со всеми группами из «черкесских» курганов, особенно с причерноморской и черкесской, в основном, вероятно, принадлежавшей предкам абазин, и отличающейся от причерноморской и пятигорской серий большей шириной черепной коробки и лица. \

Подводя итоги предварительного исследования антропологических материалов из грунтового золотоордынского мог-ка на пос. «Жукова», можно сделать следующие выводы.

Палеодемографический профиль выборки и зафиксированные в ней частоты маркеров стресса позволяют предположить неблагоприятные условия жизни данной группы населения в целом. При этом женщины, по-видимому, испытывали воздействие негативных факторов в еще большей степени, чем мужчины.

Население, оставившее некрополь на пос. «Жукова», было европеоидным и характеризуется наличием двух основных краниологических комплексов: мезодолихокранного с относительно узким лицом, преобладающего у мужчин, и мезобрахикранного со средне- или широким лицом, преобладающего у женщин. Обе серии, при всем своеобразии, наибольшее сходство обнаруживают с черепами из курганов, определенно связанных с адыгским этносом (серии из «черкесских курганов» XIV–XVI вв.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). М. 1974.
- Бужилова А. П.* Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека: Методика биологических исследований. М. 1998.
- Бужилова А. П.* Homo sapiens: История болезни. М. 2005.
- Герасимова М. М.* Краниология могильника Мощевая балка // Археологические открытия на новостройках. М. 1986. Вып. 1.
- Герасимова М. М.* Краниологические материалы к этногенезу северокавказских народов // ВА. 1996. Вып. 2.
- Герасимова М. М., Васильев С. В.* Эволюционная морфология нижней челюсти человека. М. 1998.
- Герасимова М. М., Тихонов А. Г.* Новые краниологические данные к проблеме происхождения адыгов // Горизонты антропологии: Тр. Междунар. науч. конф. памяти ак. В. П. Алексеева. Москва, Салтыковка, 20–22 сентября 1994 г. М. 2003.
- Зубов А. А.* Одонтология. Методика антропологических исследований. М. 1968.
- Нечипорук А. А.* Краткий технический отчет «О проведении научно-исследовательских работ на памятнике археологии поселении «Жукова» в створе «ВЛ 220 кВ Крымская – Вышестеблиевская» в Крымском районе Краснодарского края. г. Ростов-на-Дону, 2010.

Охрана историко-культурного и археологического наследия

ДРЕВНЯЯ СИСТЕМА ВОДОСНАБЖЕНИЯ ВЕЛИКОГО ПИТИУНТА

Р. М. Барцыц (г. Сухум)

В ряду уникальных исторических памятников мыса Пицунда особое место занимает акведук – система водоснабжения античного города Питиунт (совр. г. Пицунда Республики Абхазия), функционировавшая вплоть до конца XIX в.

Уже в первых упоминаниях Питиунта в источниках (II–I вв. до н.э.) город именуется «Великим Питиунтом». Страбон (середина I в. до н.э.) характеризует его как «весьма богатый город Питиунт», Плиний Секунд (I в. н.э.) – как «богатейший город Питиунт» (Великий Питиунт, 1978. С. 25). Безусловно, столь крупное и богатое античное поселение обладало всеми необходимыми коммуникациями и развитыми системами городского благоустройства. Вместе с тем, в античных источниках не обнаруживается сведений о внутреннем хозяйственном обустройстве Питиунта. Конечно, это объясняется наличием у древних авторов иных задач (описание географического расположения населенных пунктов, расстояния между ними, степени укреплённости и т.д.).

Не подлежит сомнению (учитывая заболоченность местности), что Великий Питиунт не мог обойтись без устройства капитального водопровода с качественной водой. Его наличие и добротность, пережившие столетия, подтверждаются сообщением А. С. Башкирова: «местные жители с грустью смотрят на остатки прежнего водоснабжения <...> Отсутствие здоровой воды при наличии ужасной пицундской малярии, вот что заставляет окрестных жителей мечтать о восстановлении древнего акведука» (Башкиров, 1926. С. 3).

В труде А. С. Башкирова не только впервые упоминается древний водопровод-акведук Питиунта, но и дано описание важной части памятника – башни: «Внутри стен бывшего скита (Пицундский храмовый комплекс, в то время заброшенный – Р. Б.), вправо от главного входа, сохранилась часть огромного памятника древнего инженерного искусства, являвшегося полезнейшим сооружением Пицунды. Это *ротондообразная водоприемная и водораспределительная башня* (выделено автором – Р. Б.) пицундского акведука, ныне приспособленная для винного погреба совхоза <...> Пицундский акведук, весьма любопытное сооружение, требует, в свою очередь, внимания не только археолога-исследователя, но и специалиста этого дела» (Башкиров, 1926. С. 35–36).

Тем не менее, никаких исследований памятника, вопреки этой разумной рекомендации, до сегодняшнего дня не проводилось, если не считать поверхностного описания системы и записей местных легенд о его местоположении. Невнимание к уникальному древнему гидротехническому сооружению привело к тому, что памятник за последнее столетие не раз подвергался значительным разрушениям, в т.ч. и по вине недобросовестных археологов. Хотя полномасштабные археологические исследования памятников Пицунды осуществлялись с 1952 г. до начала 1990-х гг., ученых интересовали лишь те объекты, которые давали богатый

материал. Внимание к древнему акведуку ограничилось лишь варварским выламыванием нескольких керамических труб для экспонирования в городском музее. По имеющейся информации, еще несколько труб было вывезено для экспонирования в музеях Тбилиси, что являлось обычной практикой в советский период. Тем поразительней, что сегодня эстафету вандализма в отношении отечественного историко-культурного наследия, игнорируя требования охранных органов, подхватили уже некоторые государственные учреждения Республики Абхазия.

Комплексное и фактически первое исследование древней водопроводной системы (параллельно с исследованием христианского храма в селе Лдзаа) было внесено в планы работ Пицундского государственного историко-архитектурного заповедника «Великий Питиунт» в 1991 г. К сожалению, Отечественная война народа Абхазии 1992–1993 гг. и послевоенная блокада исключили возможность проведения полномасштабных исследований водопровода, требующих значительных капиталовложений. Не позволяла начать исследования и занятость сотрудников заповедника, усилия которых были направлены на спасение храма в селе Лдзаа, который оказался под угрозой уничтожения в результате незаконных действий частных предпринимателей (и, к сожалению, решение этой проблемы еще далеко от завершения).

Эти объективные отсрочки оказались роковыми для памятника: во время прокладки современной водопроводной линии на улице Адамия в октябре 2009 г. землеройной техникой был вывернут из грунта и фактически уничтожен участок древнего водопровода протяженностью около 10 м: несколько соединенных между собой керамических труб длиной 0,70 м и диаметром 0,15–0,20 м.

По требованию Заповедника работы на данном участке были немедленно остановлены. При проведении охранных работ нами было выявлено, что на этом же месте, в 70-х гг. прошлого столетия, также была частично повреждена древняя система водоснабжения (на участке 2,7 м), но тогда это не привлекло ни малейшего внимания государственных и охранных органов. Выломанные куски водопровода были уничтожены техникой, о чем свидетельствуют незначительные фрагменты труб, найденные во время наших работ осенью 2009 г. После их проведения выломанные фрагменты древних труб были перевезены для хранения в фондах Заповедника.

Местные власти (в очередной раз!) были письменно предупреждены дирекцией Заповедника о необходимости информирования охранных органов о планах проведения земляных работ в Пицунде и на прилегающей территории, чтобы исключить повреждение или уничтожение памятников, имеющих большое значение для истории Абхазии.

Однако не прошло и месяца, как от жителей города поступило сообщение о том, что акведук в очередной раз поврежден в ходе работ уже на другом участке улицы Адамия. Осмотр местности показал, что прямо по центру асфальтированной дороги прорыта траншея, вскрыта чугунная труба, проложенная в 70-х гг. XX в., а примерно в 1 м от нее выломана часть древнего водопровода: каменный желоб прямоугольного сечения (следует подчеркнуть, что ранее выявленные участки водопровода представляли собой керамические трубы, соединенные особым способом). Длина выломанного участка желоба 9 м, внешняя высота 0,4 м, внутренняя высота 0,32 м, ширина 0,22 м. Желоб внутри промазан обожженной глиной, сверху закрыт каменными плитами, стыки загерметизированы обожженной глиной: прослойка внутренней обмазки – 2,5 см, глины – 0,2 см. Снаружи желоб (очевидно, при укладке в траншею) был залит известковым раствором, для устойчивости и дополнительной герметичности конструкции. Глубина залегания 0,15 м. В результате земляных работ древний водопровод-желоб обрушился с северной стороны, развалившись пополам по всей длине вскрытия. Обрушившиеся фрагменты водопровода землеройной техникой были выброшены на насыпь, образовавшуюся в результате рытья ямы.

Во время исследования памятника к нам подошел местный житель, подросток А. Гочуа, который сообщил, что может показать участок, где по направлению к источнику проходит водопровод. Действительно, в 500 м к В от данного места, на территории заброшенного частного домовладения, он указал на небольшой искусственный холм закругленной конической формы, сложенный из песчаника на известковом растворе, высотой более 2 м. С СЗ части сооружения имеется квадратное отверстие, через которое местные жители вычерпывали воду для собственных нужд.

Описание подобного сооружения имеется у А. С. Башкирова: «Интересны детали (водопровода – Р.Б.) на земле крестьянина Пузаченко, где акведук поднимается над поверхностью до 2,34; здесь же уцелела квадратная водосадочная башня, высотой до двух метров и шириной 1,62 с квадратным боковым отверстием, через которое и можно было черпать воду, и даже отвести ее для орошения в арык» (Башкиров, 1926. С. 36). Башкиров явно описывает другую башню, т.к. участок крестьянина Пузаченко находится дальше к СВ от исследованного нами места, форма и высота башен различны. Естественно предположить, что подобные сооружения располагались на протяжении всей линии водопровода.

В 10 м севернее описанной нами башни, прямо на современной поверхности, прослеживается водопроводная линия, где выявлены два квадратных отверстия. Одно, открытое расположено в 25 м по линии от башни, второе – в 30 м. Башкиров полагает, что описанные им аналогичные отверстия служили «для очистки канала, и для того, чтобы в случае чрезмерного обилия воды, последняя, не разрывая канала, имела выход наружу» (Там же. С. 36).

По пути прохождения древнего водопровода, от описываемого нами места к конечному пункту – башне, система водоснабжения разрушена в нескольких местах. Это участки, где при строительстве Объединения пансионатов курорта Пицунда прокладывалась асфальтовая дорога, и было сооружено тепличное хозяйство. Сама башня-акведук, расположенная внутри храмового комплекса, сохранилась хорошо и, как было упомянуто выше – «это ротондообразная водоприемная и водораспределительная башня пицундского акведука...» (Там же. С. 35–36). Если исходить из того, что башня-акведук выполняла функции водоприема и водораспределения, то логичным было бы предположение, что на этой башне линия водопровода не заканчивалась. Эта гипотеза частично подтверждается сообщениями местных старожилов, которые видели некие глиняные трубы в ходе строительства городского поселка, расположенного поблизости от древнего городища II–VI вв. (в 500 м к западу от храмового комплекса).

По поводу местонахождения самого источника, от которого ведет свое начало система, в настоящий момент достоверных данных не имеется. По некоторым сообщениям, акведук начинается из Голубого озера, что расположено в десятках километрах от Пицунды по дороге на оз. Рица. По словам жителя селения Блабырхуа Абыжба Хьырбея (63 г.), цистерну, от которой начинается водопровод, видели в урочище Ахвацва рдзыхь, у подножия горы Амжара (ок. 1000 м над уровнем моря), ориентир – г. Арбха.

Нам же наиболее вероятной версией представляется процитированное Башкировым сообщение А. А. Ростовцева: «начало его показано <...> при впадении речки Семарха в теперешнее пицундское болото» (Там же. С. 36–37). Тем более что ее поддерживают и старожилы села Лдзаа (Гочуа Федор (78 л.) и др.), изложившие ее нам в 1996 г., с тем лишь отличием, что название реки они произносят как Смырха. Эта версия представляется логичной еще и потому, что северная граница села Лдзаа представляет собой холмистую местность с буйной растительностью, где расположено немало лощин с чистой и вкусной водой.

Открытым остается и вопрос определения возраста памятника, который в советской традиции принято датировать X в. Между тем эта дата появилась лишь потому, что в XIX в. башня акведука находилась внутри комплекса Пицундского храма, который ряд исследователей датирует именно X в. Однако сторонники этой точки зрения отказываются принимать

во внимание следующие обстоятельства: во-первых, на территории того же комплекса во второй половине XX в. выявлено немало памятников IV–VI вв. Во-вторых, во время раскопок городища II–VI вв. также были обнаружены искусственные водоотводы и канализационные сооружения, что свидетельствует о наличии системы водоснабжения на территории мыса Пичунда уже во времена существования там византийского поселения. Примечательно, что в каталоге 1981 г. «Памятники культуры Абхазской АССР» «акведук и водоразборная башня» датируются позднеантичным периодом (Памятники..., 1981. С. 6).

Представляется, что точную дату сооружения водопроводной системы древнего Великого Питуунта можно будет с уверенностью определить лишь по итогам полномасштабных археологических раскопок при использовании современных методов датировок. Внимание, проявляемое руководством Республики Абхазия к охране ее богатейшего историко-культурного наследия, позволяет надеяться на реальность осуществления этих планов в ближайшем будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Башикиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года // Изв. АБНО. 1926. Вып. 4.
 Великий Питуунт. Т. III. Тбилиси. 1978.
 Памятники культуры Абхазской АССР. Сухуми. 1981.

ОХРАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В БЕДИЙСКОМ ХРАМЕ В 2011 г.

О. Х. Бгажба, С. М. Саканиа, А. С. Агумаа (†) (г. Сухум)

Бедийский крестовокупольный храм является знаковым памятником абхазской культовой архитектуры. Он был построен в честь Влахернской божьей матери после победы над врагами абхазским царем Багратом II (978–1014 гг.), по линии армяно-картлийских Багратидов Баграт II известен как III. Сложилась разные точки зрения по поводу времени возведения этого здания. Одни исследователи считают, что Бедийский храм был возведен в конце X в. (Толстой, Кондаков, 1891; Северов, 1947), другие – в конце XIII–начале XIV в. (Химшиашвили, 1968; Рчеулишвили, 1988; и др.). Мы придерживаемся первой точки зрения. Общеизвестно что, по сообщению «Картлис Цховреба» Бедийский храм построен абхазским царем Багратом.

В этом храме прослеживаются некоторые элементы архитектурно-пространственного решения и его оформления, связанные с традициями местной абхазской школы церковной архитектуры. Среди них: наличие по сторонам алтаря пастофории; расположение боковых дверных проемов, которые смещены к западу от поперечной подкупольной линии; распределение оконных проемов «горкой» на трех стенах, кроме восточной; наличие нартекса с западной стороны и т.д. Вместе с тем нужно отметить, что в этом храме впервые были применены и новые формы. В первую очередь, это вписанные в общий прямоугольник храма апсидные полукружья, богатый по своему разнообразию декоративный орнамент растительных и геометрических форм в наличниках дверных и оконных проемов, появление на восточном фасаде монументального рельефного креста над алтарным окном и т.д. Подобное сочетание ранних и новых форм отчетливо прослеживается в архитектуре Бедийского храма. Что касается времени возведения храма, то нужно отметить, что основной объем храма и его план не выходят за пределы X в. Безусловно, все части храма в целостности до нас не дошли. На сегодняшний день у храма отсутствует нартекс, от которого сохранился фундамент и цокольная часть, где отчетливо видны заложенные, еще в древности, дверные проемы. У храма также осталась лишь незначительная часть барабана. Визуальное исследование показало, что барабан, после постройки храма во времена Баграта, разрушался. Свидетельством этому могут служить остат-

ки орнаментов на остатках окон барабана. Они могут быть датированы по аналогии с другими памятниками, ранняя часть орнаментов относится к X в., а поздняя – к XII в.

В Бедийском храме в XX в. несколько раз начинали реставрационные работы, однако все они не были доведены до конца. Такие работы начались еще до революции, продолжились в конце 1930-х гг., затем возобновились в 1950–1970-е гг.

Осенью 2011 г. в рамках составления очередного проекта реставрации памятника древнего зодчества «Бедийский храмовый комплекс» проводились инженерно-зондажные работы с участием различных специалистов: археологов, историков, искусствоведов. Необходимые работы были проведены в основном внутри и вокруг храма, а также на других зданиях церковного комплекса. Для выявления сохранности фундаментов храма, а также культурного слоя в целом, было заложено 10 шурфов различных размеров и различной глубины (рис. 1). С наружной стороны храма было заложено пять шурфов: с северной стороны храма шурф № 1 (1,1×1,6 м) и шурф № 2 (1,1×4,3 м), с южной стороны шурф № 3 (1,1×3,1 м), с восточной стороны шурф № 4 (1,9×3,6 м) и шурф № 5 (2,2×3,9 м). Внутри храма также было заложено пять шурфов: у ЮЗ колоны шурф № 6 (1,0×1,6 м), у ЮЗ стены шурф № 7 (0,85×1,9 м), в СЗ углу шурф № 8 (1,3×1,3 м), у СЗ колоны шурф № 9 (0,9×0,9 м), у южной апсиды шурф № 10 (1,2×1,35 м). В шурфе № 7 был обнаружен пустой склеп из каменных плит.

При расчистке нартекса выявлены склеповые захоронения. Расчистка показала наличие трех дверных проемов на западной стороне нартекса, а также широкого дверного проема с северной стороны. Все двери, кроме центрального проема с западной стороны, были заложены в более позднее время. Внутри нартекса были обнаружены фрагменты опор для пилястров, которые, в свою очередь, соединялись подпружными арками с противоположной стороной. Цокольные части храма и нартекса по своим формам идентичны, это может свидетельствовать о том, что они построены в одно время, в одну эпоху.

Расчистка участка к югу от Бедийского храма выявила остатки церкви более раннего периода. О существовании этой церкви писал еще исследователь древней храмовой архитектуры Кавказа Н. П. Северов (Северов, 1947). Вскрытие данной церкви было произведено для определения ее параметров. Эта зальная церковь, сохранившаяся на уровне пола и фундамента. С южной стороны частично остались цокольные камни. Они хорошо обработаны и подогнаны друг к другу. Апсида церкви снаружи пятигранная, изнутри полукруглая. Северная часть фундамента этой церкви стала частью южного фундамента Бедийского храма. Внешние размеры церкви: 10,4×5,7 м.

С северной стороны Бедийского храма также была произведена археологическая расчистка. На этом участке была выявлена другая, ранее, не известная науке, небольшая церковь. Она также относится к раннему периоду. Апсида этой церкви выступает наружу тремя гранями на востоке, алтарная часть повторяет внешнюю форму апсиды. Внешние параметры новой церкви: 10,0×5,0 м. Северная часть цоколя церкви двухступенчатая. В восточной апсидной части имеется проем, стены которого расширяются вовнутрь.

Южная часть фундамента данной церкви стала частью северного фундамента Бедийского храма. Выявленные в процессе расчистки к югу и к северу от главного храма две церкви по своим планам и по кладке соответствуют подробно изученным и широко распространенным в раннехристианской Абхазии традициям.

Аналоги по форме и количеству граней апсиде южного храма встречаются в церковном зодчестве Абхазии с V в. Наиболее яркие примеры: датированный V в. третий храм Пицундского городища, Цандрьпшский, Драндский и Цибилиумский храмы, датированные VI в. Что же касается трехгранной формы апсиды северного храма, то аналогичные апсиды также встречаются в христианской архитектуре Абхазии и Византии: четвертый храм Пицундского городища, боковые апсиды Драндского храма, главная апсида константинопольской св. Со-

фии, – все они датированы VI в. Исходя из этих аналогий, церкви, выявленные с северной и южной сторон Бедийского храма, предварительно можно отнести к VI в.

Во время расчисток и шурфовок на южном и северном участках были найдены: битая черепица (плоская солена), фрагменты калиптер, фрагменты бытовой керамики, битое стекло, а также небольшие куски полихромной смальты прямоугольной или квадратной формы (0,5×0,4×0,3 см, 0,5×0,5×0,4 см). Последнее свидетельствует о том, что Бедийский храм некогда был богато украшен смальтой. В восточных шурфах (гл. 1,6 м) обнаружены христианские разновременные погребения в несколько ярусов. На гл. 1,3 м от дневной поверхности у стены вблизи храма найдено погребение с кувшином. Кувшин располагался у черепа скелета. Все обнаруженные скелеты были сильно потревожены, предположительно, археологическими разведочными раскопками 1930–1950-х гг. В СЗ шурфе, заложенном для определения глубины залегания фундамента, а также его состояния были найдены каменные лотки, которые лежали лицевой стороной вниз. Возможно, эти каменные лотки некогда служили для отвода дождевой воды от храма в качестве дренажа. Эти лотки проложены по северной стороне нартекса у фундамента.

Шурфы также были заложены и в других объектах Бедийского храмового комплекса для выявления состояния фундаментов и их конфигурации: в епископском дворце и в двух более поздних церквях, расположенных недалеко от храма. Серезных повреждений и изменений в фундаментах этих объектов обнаружено не было.

Работы по изучению Бедийского храмового комплекса, одного из ценнейших христианских памятников Абхазского средневекового зодчества, будут в дальнейшем продолжены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Рчеулишвили Л. Д.* Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии. Тбилиси. 1988.
- Северов Н. П.* Памятники грузинского зодчества. М. 1947.
- Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. IV. Христианские памятники Крыма, Кавказа и Киева. СПб. 1891.
- Химшиашвили Л.* Некоторые вопросы реставрации (Цроми и Бедиа) // Дзеглис Мегобари. Тбилиси 1968. 14 (на груз. яз.).

КАМЕННАЯ ПЛАСТИКА СОБОРА В С. АГУ-БЕДИЯ: ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВКИ

Е. Ю. Ендольцева (г. Санкт-Петербург/Москва)

Посвящается памяти А. С. Агумаа

Недавно возобновившиеся исследовательские работы (археологические раскопки (Бгажба и др., 2012. С. 268–270) и натурные исследования⁶⁶) в бывшем монастырском комплексе в с. Агу-Бедия (Ткуарчалский р-н РА) поднимают ряд вопросов и заставляют систематизировать имеющиеся сведения по его истории. В частности, возникает потребность классифицировать рельефы, украшавшие собор монастыря снаружи и изнутри. Последнее невозможно без ретроспективного анализа истории изучения зданий этого комплекса.

Как известно, храм в окружении других построек (здание дворцового типа, колокольня с воротами в нижнем ярусе и др.) возвышается в центре живописного плато, защищенного с трех сторон почти отвесными скалистыми обрывами. Первые сведения о соборе известны благодаря летописи «Матиане картлиса», где его основание приписывается абхазо-картлийскому царю Баграту III (908–1008 гг.) (Летопись Картли, 1982. С. 282). Это событие подтверждает-

⁶⁶ Проводились в 2011–2012 гг. под эгидой Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия.

Рис. 1. Восточный фасад собора в Бедии. Фотография автора

ся также благодаря двум надписям, выгравированным на золотой чаше, хранящейся ныне в Тбилисском музее искусств им. Ш. Амиранашвили (Evans, Wixom, 1997. № 231). Надписи были впервые прочитаны историком Д. Баградзе, который обнаружил чашу в 1865 г. в ризнице Илорской церкви (Баградзе, 1875. С. 39). Их содержание дополняет деталями первоначальную историю собора. Так, одна надпись, на верхнем ободке чаши, упоминает о посвящении собора («Святая мать Божия, будь ходатайницей перед сыном твоим за абхазского царя Баграта и мать его царицу Гурандхут, пожертвовавшим сию чашу, украсивших сей алтарь и построивших сию церковь») (Там же), а вторая, на ее ножке, уточняет первую («Пресвятая Влахернская Богоматерь, будь помощью мне бедиеле-митрополиту Герману Чхегидзе, удостоившемуся украсить ножку святой сей чаши, да будешь ходатаицею пред Сыном твоим в день судный.

Рис. 2. Южный фасад собора в Бедии. Фотография автора

Аминь» (Там же). При осмотре руин жилых построек рядом с собором Д. Бакрадзе видел на их стенах надписи асомтаврули, «в которых поименованы епископы-бедиели, Дадиани Георгий и царь Константин, оба жившие в XIV в.» (Там же).

За несколько десятилетий до него М. Броссе обнаружил на южной стене собора фреску с надписью, упоминавшей Георгия III, сына Левана, правившего с 1572 по 1582 г. (Brosset, 1849. P. 90–95). Из последующей истории комплекса известно, что имевший здесь резиденцию епископ Бедийский занимал 26-е место в списке из сорока грузинских епископов (Бакрадзе, 1875. С. 39). Епископ Бедийский присутствовал также на соборе в Кутаиси, созданном при царе Георгии III в первой половине XVII в. (Там же). В 1640 г. Бедию посетил русский посланник Ельчин, его принимал епископ Бедиели и показывал святыни, хранившиеся в то время в обители (Там же). Когда именно место это было заброшено неизвестно, но с 1810 г. в соборе были на некоторое время возобновлены богослужения (Бакрадзе, 1875. С. 39; Dubois de Monpéreux, 1839. P. 342). Однако уже Д. Бакрадзе свидетельствует, что видел обваливающийся купол собора и «густую растительность вместе с большими деревьями, пробивающимися из его щелей» (Бакрадзе, 1875. С. 39).

Архитектурное исследование комплекса началось с визита академика А. И. Павлинова, опубликовавшего результаты натурных исследований собора в 1893 г. (Павлинов, 1893. С. 26–29). Впервые были выполнены обмеры храма, составлен его план. Анализ внутреннего пространства и особенностей внешнего облика собора позволил ученому датировать его X в. и считать образцом «чисто грузинской архитектуры» (Там же. С. 28). В пользу такого предположения, как считает А. И. Павлинов, свидетельствуют и каменные рельефы, украшающие здание (Там же). Это мнение поддерживали также И. И. Толстой и Н. П. Кондаков (Толстой, Кондаков, 1891. С. 54–55).

Н. П. Северов, посетивший Бедийское плато через столетия, отметил, что за это время древняя часть купола и остатки кровли собора были снесены вместе с частью облицовки стен и «возобновлены» монастырским начальством (Северов, 1947. С. 193). Помимо этого архитектор сделал ряд ценных наблюдений, касающихся архитектуры храма и его скульптурного убранства. Так, соглашаясь с мнением по поводу датировки памятника, высказанным предшественниками, Н. П. Северов отметил, что «в отличие от Кутаисского «храма Баграта», по своему плану и формам принадлежащего к группе памятников, завершивших эпоху исканий VIII–X веков, храм в Бедии должен быть причислен к ранним представителям того типа древнегрузинского культового сооружения, который в XI–XII веках стал господствующим и в откристиллизовавшихся формах перешел в следующие эпохи» (Там же). Кроме того, исследователь упомянул о найденных в ходе «новейших изысканий» (Там же) фундаментах небольшой церкви, стоявшей на плато к югу от собора. Не высказывая предположений по поводу ее датировки, Н. П. Северов, тем не менее, предположил, что каменные рельефы, использованные в облицовке собора, можно разделить на две хронологически разнородные группы. «Есть все основания полагать, что часть резных украшений этой церкви пошла в кладку собора – фрагменты во внутренней облицовке, люнетные перемычки над входами в жертвенник и дяконник. Фасадные же порталы и уцелевшие наличники окон являются произведениями древнегрузинской декоративной скульптуры эпохи строительства храма» (Там же). Однозначно временем царя Баграта III датируют собор и ряд других известных исследователей средневекового грузинского искусства – Ш. Я. Амиранашвили (Амиранашвили, 1963. С. 203), Р. С. Меписашвили и В. Г. Цинцадзе (Mepisaschwili, Zinzadse, 1977. P. 227, 262) и Э. Нойбауэр (Neubauer, 1976. S. 96).

Новой вехой в осмыслении строительной истории Бедийского собора стала статья Р. О. Шмерлинг (Шмерлинг, 1957. С. 503–511). Благодаря эпиграфическому анализу надписей на фрагментах фресок, сохранившихся в интерьере храма, исследовательнице удалось выделить три хронологических этапа в их истории. Дополняя сделанные наблюдения данными, полученными в результате анализа архитектурных форм собора, а также стилистики и иконографии его росписей, Р. О. Шмерлинг соотнесла эти этапы с конкретными историческими периодами (Там же. С. 508). По ее версии, первый из них связан с деятельностью царя Баграта III,

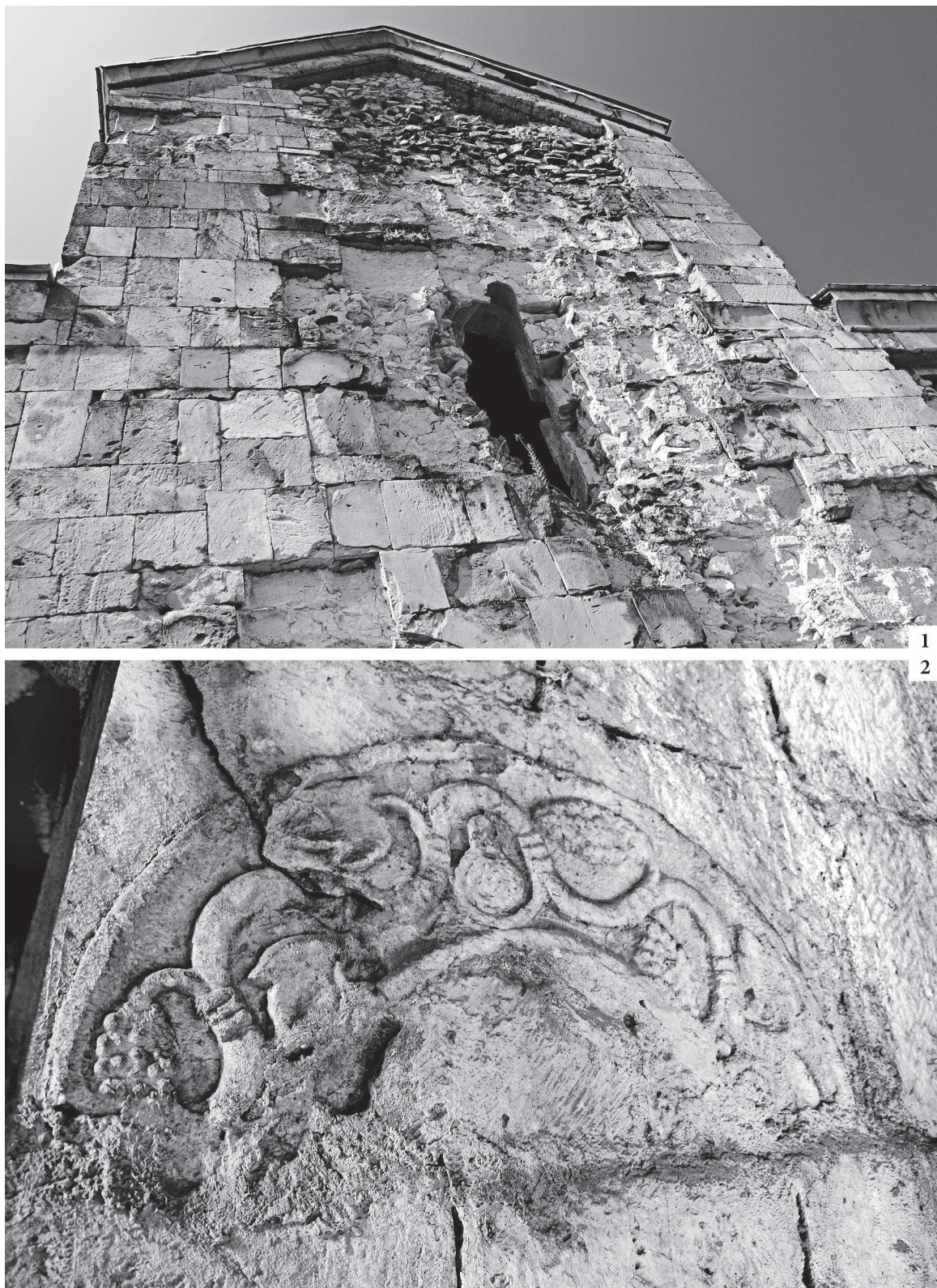

Рис. 3. 1 – южный фасад собора в Бедии; 2 – переиспользованный блок, вмурованный в северную стену собора изнутри. Фотографии автора

Рис. 4. Переиспользованные блоки, вмурованные в северную (1) и южную (2) стены собора изнутри. Фотографии Д. В. Белецкого

Рис. 5. Фрагмент облицовки южного фасада храма в Тбети. Фотография автора

когда храм был расписан сразу же после окончания строительных работ, т.е. в самом начале XI в. (Там же. С. 509)⁶⁷. Наличие второго этапа исследовательница объясняет проведением капитального ремонта собора, сделанного, по ее мнению, в последней четверти XIII–первой половине XIV в. (Там же. С. 510)⁶⁸. Эпиграфический анализ особенностей надписей на фресках третьего этапа, а также сопоставление изображенных на них лиц с реальными историческими персонажами и упомянутым в надписи (прочитана М. Ф. Броссе) над входом в здание гражданского назначения к западу от храма бедийским епископом, позволяют отнести его (третий период) к XVI–XVII вв. (Там же)⁶⁹. Произведенный анализ фресковых изображений и выявленные благодаря ему хронологические этапы дают возможность построения гипотез по поводу датировки и архитектурной орнаментики собора. Что касается Р. О. Шмерлинг, то она высказывается по этому поводу достаточно кратко: «художественные приемы, выявляемые подновленными частями памятника, то есть его фасадами и барабаном, структура декоративных обрамлений проемов, их профилировка, состав орнаментики и пр. определяют время капитального ремонта храма» (Там же. С. 509).

С предложенной хронологией в целом, за исключением небольших уточнений, соглашается и автор ставшего уже классическим труда по истории монументальной живописи Абхазии Л. А. Шервашидзе (Шервашидзе, 1980. С. 54, 58)⁷⁰. Косвенное подтверждение выделенным хронологическим периодам дает и факт обнаружения под постоефориями сохранившегося собора очертаний «древних выступающих полукругом апсид» (Химшиашвили, 1968. С. 78–79, 81). Однако Л. Рчеулишвили, интерпретируя эти сведения, а также анализируя архитектурные формы собора (общие пропорции интерьера, ложные хоры, изменение профиля углов апсиды на половине ее высоты), приходит к радикальным выводам (Рчеулишвили, 1988. С. 71). По его мнению, нынешний собор в XIII–XIV вв. был заново построен «на развалинах сооруженного Баграта III» (Там же. С. 72), а не основательно реставрирован, как считала Р. Шмерлинг (Шмерлинг, 1957. С. 510). Сформулированную Л. Рчеулишвили догадку повторяет Л. Хрушкова, отмечая, что первоначальный храм Баграта III типа «вписанный крест» мог походить на собор в Пицунде (Khroushkova, 2006. P. 107).

Фрески собора в Бедии привлекали внимание некоторых европейских исследователей, которые считали их примером византийского влияния на грузинскую живопись XIV в. (Velmans, Alprago Novello, 1996. P. 146).

Интересные сведения, касающиеся строительной истории храма, были получены в результате последних археологических исследований комплекса, проводившихся в 2011 г. для составления проекта его реставрации (Бгажба и др., 2012. С. 268–269). В частности, при исследовании фундамента храма (Там же. С. 268)⁷¹ был расчищен нартекс с западной стороны⁷² и остатки церкви к югу⁷³. Северная часть фундамента последней стала частью южного фундамента собора. С северной стороны собора была выявлена еще одна небольшая постройка, также примыкавшая вплотную к его фундаменту (Там же). Таким образом, были сделаны су-

⁶⁷ «... роспись представлена в настоящее время только ктиторскими портретами на северной стене и изображениями царя {Баграта III} на южной, да святителями в алтаре».

⁶⁸ «Сцена Троицы над святителями, роспись южной и северной стен в подкупольном пространстве, над ктиторскими изображениями, фрески на западной стене».

⁶⁹ «портреты ктиторов из рода Дадияни, обрывки живописи в южном входе».

⁷⁰ В отличие от Р. Шмерлинг, Л. Шервашидзе относит к первоначальному этапу только изображение Баграта III на южной стене собора (хоть и со значительными поздними поновлениями) и ктиторские портреты на противоположной, северной стене. Фигуры же святителей в нижнем регистре апсиды, по его мнению, были написаны не раньше XIV в.

⁷¹ «Было заложено 10 шурфов разных размеров, различной глубины».

⁷² Упомянут А. И. Павлиновым (Павлинов, 1893. С. 27).

⁷³ Об этой постройке упоминает еще Н. П. Северов (Северов, 1947. С. 193).

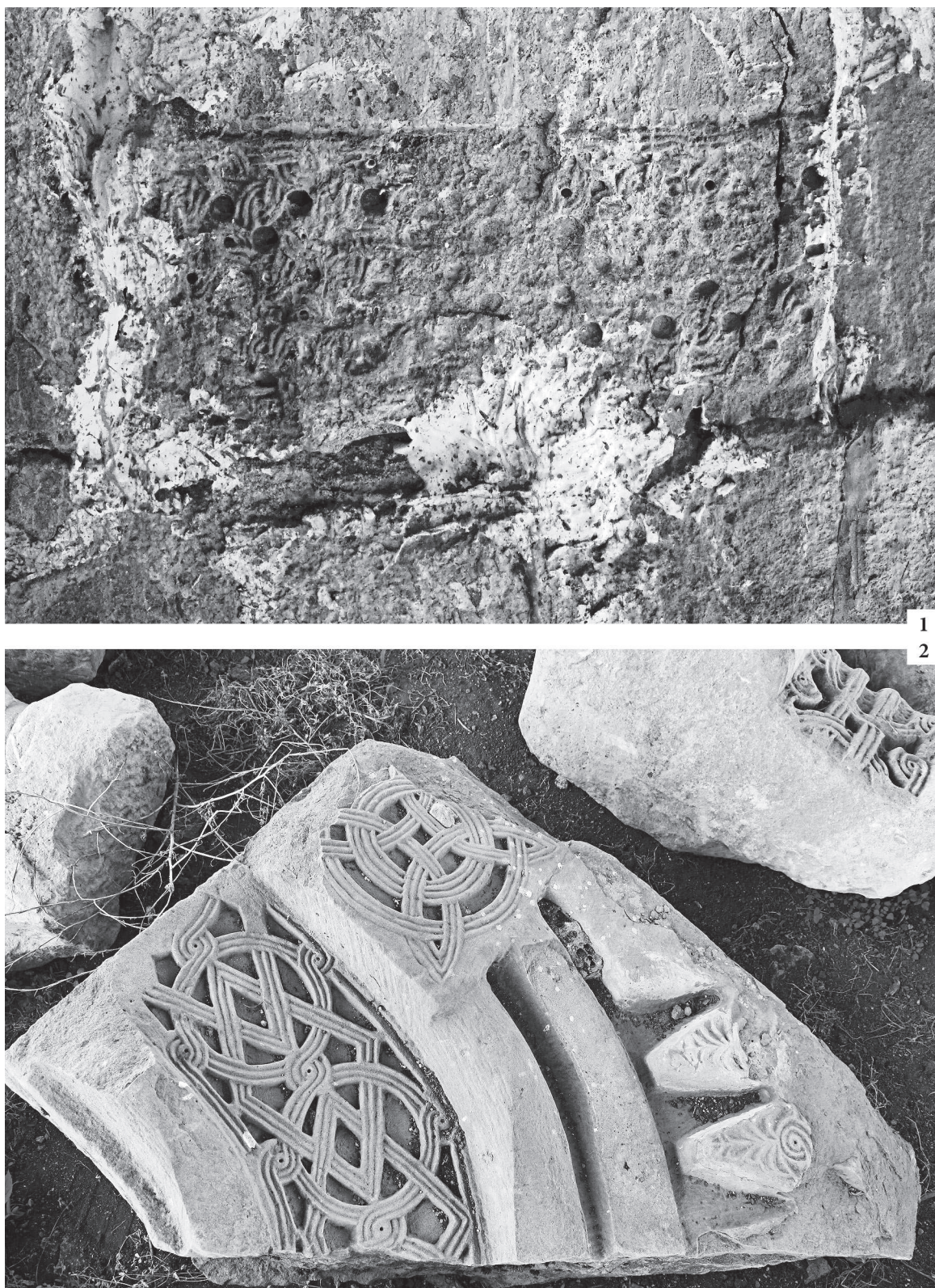

Рис. 6. 1 – переиспользованный блок, вмурованный в арку под ложными хорами в западной части собора. Фотография Д. В. Белецкого; 2 – фрагмент облицовки храма в Бедии. Фотография автора

Рис. 7. Фрагменты облицовки (1–2) храма в Бедии. Фотографии автора

Рис. 8. Фрагменты облицовки (1–2) храма в Бедии. Фотографии автора

шественные шаги к уточнению первоначального плана Бедийского храма. Однако вызывает некоторые вопросы версия о датировке выявленных строений, предложенная археологами, проводившими эти исследования. Они готовы отнести их ко времени императора Юстиниана (Там же). Трудно судить о правдоподобности предлагаемой гипотезы, поскольку результаты раскопок опубликованы лишь в тезисной форме. Кроме того, как следует из той же публикации, исследования пока не закончены. И потому остается надеяться на более подробное и обстоятельное изложение материалов по этой теме в ближайшем будущем.

Переходя к подробному анализу рельефной резьбы собора, необходимо кратко описать его нынешнее состояние. Резные блоки, использовавшиеся в облицовке оконных проемов северного, южного и западного фасадов в значительной степени осыпались⁷⁴, *in situ* сохранилась большая часть резного убранства порталов и, частично, декоративное оформление центрального окна восточного фасада (рис. 1–2; 3, 1). Упавшие орнаментированные плиты в основном собраны под навесом, устроенном на открытом воздухе с восточной стороны собора. Остальные блоки сложены внутри собора или, в единичных случаях, рассеяны по плато.

В августе 2012 г. по поручению Управления охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия автор настоящей статьи проводила обмеры и фиксацию осыпавшихся рельефных плит из облицовки храма. В результате возникли некоторые наблюдения и соображения по поводу систематизации рельефов, исходя из их технических, стилистических и иконографических характеристик. По этим признакам имеющиеся резные блоки можно разделить на три группы.

К первой группе относятся четыре блока, вторично использованные во внутренней облицовке собора (северная и южная стены, ложные хоры) (рис. 3, 2; 4, 1–2; 6, 1). Судя по форме, два из них (в северной стене) предназначались для украшения верхней полукруглой части окна. На одном из блоков (88×47 см) на гладком фоне окаймленная с двух сторон невысокими бортиками ленты вырезана виноградная лоза. От стебля волнообразной формы отходят отростки, поочередно завершающиеся тонко профилированными листьями и объемно моделированными гроздьями. Линия стебля динамична, но не настолько подчинена симметрии, чтобы выглядеть слишком геометрично. Листья и гроздья показаны рельефно и живо. Такая трактовка растительного орнамента, когда создается впечатление «живой подвижности <...> и движения сообщаемого орнаменту не только путем соответственной организации его схемы, имеющей для орнамента значение основы или костяка, но и путем изобретательного использования светотени, как известно, обладающей способностью повышать впечатление пластичности орнамента и подчеркивать динамичность его структуры» (Шмерлинг, 1962. С. 97), по наблюдению Р. О. Шмерлинг, особенно часто встречается на памятниках второй половины X в. С точки зрения иконографии мотив виноградной лозы имеет древнюю традицию изображения и появляется, будучи исполненным в разнообразных техниках, уже на памятниках античного и раннехристианского искусства. В идентичной ситуации, в каменной фасадной пластике рассматриваемого региона, подобное изображение известно, напим., на выступе, членищем восточный фасад храма в Джвари (VII в.) (Чубинашвили, Северов, 1948. Табл. 18). В последующий период виноградная лоза встречается и в резьбе алтарных преград IX–X вв. (Шмерлинг, 1962. Табл. 5, 14). Однако наиболее близкой по функции и стилю аналогией следует признать сполую, использованную в обрамлении окна на восточной стороне южного рукава собора в Тбети (рис. 5). История строительства этого здания достаточно ясно прослеживается благодаря исследованиям последних лет (Djobadze, 1992. P. 218–233; Khoshtaria, 2005. Tab. 41) и хорошо прочитываемым строительным этапам. Вследствие этого датировать разновременные резные блоки, использованные в его облицовке, можно достаточно уверенно. Рассматриваемый рельеф в настоящее время находится в кладке XIII в. (Djobadze, 1992. P. 280). Нижняя часть плиты растесана, чтобы украсить щелевидное окно.

⁷⁴ [Электронный ресурс]: URL: <http://abkhazeti.info/news/1328158636.php>

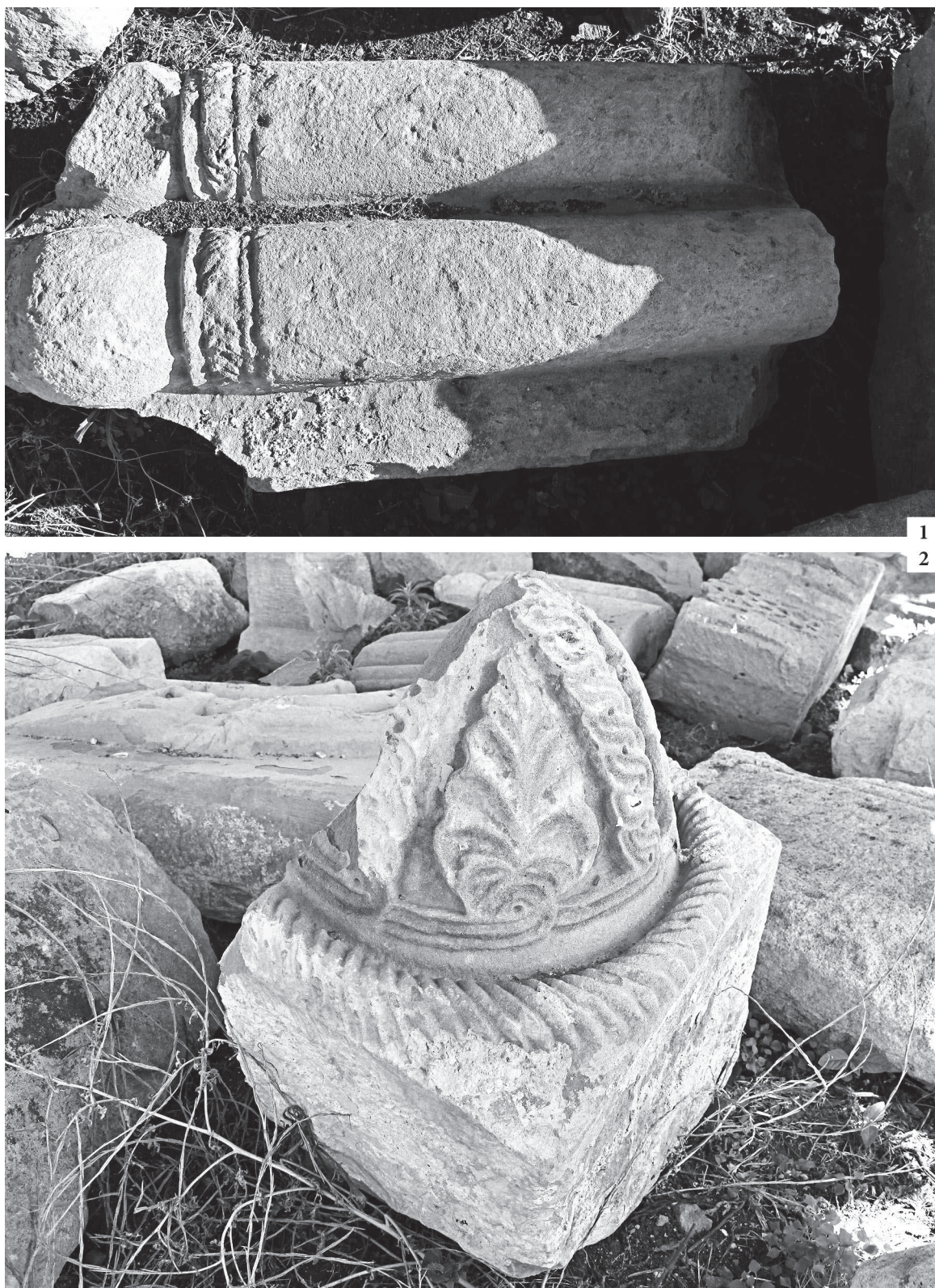

Рис. 9. Фрагменты облицовки (1–2) храма в Бедии. Фотографии автора

Очевидно, что первоначально рельеф был круглой формы. Он обрамлял небольшую по диаметру люнету, а виноградная лоза образовывала равноконечный крест (Там же. Р. 228). Сравнительное изучение строительных этапов собора позволяет предположить, что этот блок связан с ранним периодом истории здания и может быть датирован X в. (Khoshtaria, 2005)⁷⁵.

Второй блок из внутренней облицовки северной стены собора в Бедии в настоящий момент использован в качестве арочной бровки над окном. Этот проем шире, чем тот, для которого предназначался рельеф. Поэтому нижняя часть бровки стесана вместе с частью ее резьбы. Сохранившиеся детали подсказывают, что эта бровка состояла из полукруглой арочки, опиравшейся на «импосты» в виде двух прямоугольных блоков. До наших дней дошел только один из них. Хотя прямоугольный «импост» и арочка вырезаны из разных блоков, они объединены композиционно благодаря обрамляющему орнаментальную ленту выступающему бортику. Оба блока украшены ленточным орнаментом. Рисунок плетения, украшающего арочку, трудно определить из-за нанесенных при вторичном использовании повреждений. На импосте вырезан узор из переплетающихся кругов и ромбов, выполненный лентой плетения в две полосы. Эта орнаментальная схема широко применялась в каменной пластике X–XIII вв., однако некоторые детали, как кажется, позволяют уточнить датировку рассматриваемого блока. Как и в случае с изображением виноградной лозы, линия этого орнамента пластична и рельефна. Ширина ленты плетения живописно колеблется, ей не свойственна геометрическая строгость орнаментов XI–XIII вв. Углы ромбов сглажены, что повышает эффект «живой подвижности» рисунка (Шмерлинг, 1962. С. 97). Вышеперечисленные особенности, а также факт вторичного использования данного блока, позволяют объединить его в одну хронологическую группу с первым и отнести оба рельефа к X в. Этим же временем, вероятно, можно датировать и резной блок, вмурованный в арку хор в западной части собора между западной стеной и северо-западным подкупольным столбом. Рисунок резьбы изображает переплетающиеся ромбы, выполненные рельефно выступающей лентой в одну полосу. Еще один блок переиспользован в облицовке южной стены собора. Он украшен орнаментом, составленным из переплетающихся петелек небольшого диаметра. Рисунок выполнен лентой плетения в три полосы⁷⁶.

Во вторую группу можно включить фрагмент алтарной преграды, происходящий из собора⁷⁷. Это плита почти квадратной формы (72×73 см), принадлежавшая основанию преграды или барьеру в виде невысокой стенки (Шмерлинг, 1962. С. 109). Ее широкое обрамление орнаментировано многоленточным плетением, а в центре вырезан рельеф со сценой, изображающей конного святого Георгия, поражающего копьём императора Диоклетиана. Нет необходимости останавливаться на стилистическом, техническом и иконографическом анализе этой сцены, т. к. его результаты подробнейшим образом изложены Р. Шмерлинг (1962. С. 109–111). Нам лишь остается согласиться с предложенной датировкой этого рельефа концом X–первым десятилетием XI в. (Шмерлинг, 1962. С. 109–111; Iamanidze, 2010. Р. 154). К этой же группе следует отнести рельефы с изображением плетеного креста над входом в дяконник и процветшего креста над входом в жертвенник (Шмерлинг, 1954. С. 18, 47). Во втором случае датирующими признаками изображения являются форма креста (перекладины в форме «ласточкина хвоста» с капельками на углах) и т.н. S-образный изгиб растительных побегов, вырастающих из его основания.

⁷⁵ Благодарю Ирену Гивиашвили за перевод отрывков текста из книги Д. Хоштария и за комментарии по поводу вероятных датировок некоторых рельефов.

⁷⁶ Благодарю Д. В. Белецкого за то, что обратил внимание на сполнии в южной стене собора и в арке под ложными хорами, а также за консультации по поводу архитектурных особенностей собора и за некоторые предоставленные фотоматериалы.

⁷⁷ Сейчас эта плита хранится в коллекции Абхазского государственного музея в г. Сухум.

Рис. 10. Фрагмент облицовки храма в Бедии. Фотография автора

Если датировка рельефов первых двух групп вызывает у большинства исследователей единодушную поддержку, то орнаменты выделенной нами третьей группы сложнее однозначно отнести к определенному хронологическому периоду. Сказанное, прежде всего, касается идентификации резных блоков южного, северного и западного фасадов храма. К ним относятся как те, что сохранились *in situ*, так и те, что уже осыпались и хранятся сейчас под навесом с восточной стороны собора или внутри него. Стилистические различия между рельефами, отнесенными нами к первой и ко второй группам, и теми, что облицовывали храм снаружи, были отмечены уже Н. В. Северовым. Он же высказал предположение о том, что эти рельефы были выполнены в разное время (Северов, 1947. С. 193). Рельефы экстерьера, по мнению исследователя, относились ко времени строительства храма, т. е. к периоду правления Баграта III (Там же). Р. О. Шмерлинг считала их появление следствием капитального ремонта храма, производившегося, как она предполагала, в последней трети XIII–первой половине XIV в. (Шмерлинг, 1957. С. 509). Также и для Л. Д. Рчеулишвили рельефы экстерьера, как и весь нынешний храм, возведенный «на развалинах сооруженного Багратом III» (Рчеулишвили, 1988. С. 72), следует считать произведением XIII–XIV вв. Этой же версии придерживается Л. Г. Хрушкова (Khroushkova, 2006. P. 107).

Прежде, чем делать какие-либо выводы о времени возникновения рельефов рассматриваемой группы, отметим, что ни один из вышеперечисленных исследователей не анализирует их технические и художественные характеристики. Аргументация же базируется исключительно на результатах исследования архитектурных форм и плана собора в связи с открытием следов апсиды в его восточной части (Рчеулишвили, 1988. С. 72; Khroushkova, 2006. P. 107), стилистических особенностей фресок и эпиграфических данных (Шмерлинг, 1957. С. 509). Учитывая эти об-

стоятельства, необходимо более детально рассмотреть интересующие нас резные блоки. В ходе проводившихся работ по обмерам фрагментов этой лапидарной коллекции выяснилось, что их численность превышает сто штук. Вот почему в рамках настоящей статьи не представляется возможным описывать каждый из имеющихся блоков. Поэтому первоначально предлагается, предварительно выделив основные орнаментальные схемы с опавших фрагментов, обозначить хронологические границы их бытования, а далее сосредоточиться на анализе декоративных элементов фасадов собора, учитывая их композиционные особенности.

Проведенный анализ орнаментов на имеющихся плитах позволил выделить следующие мотивы:

1) четырехконечная звезда, сплетенная с одним или двумя кругами (рис. 6, 2). Узор составлен из ленты в три (четыре) полосы. Присутствует как отдельный декоративный элемент, так и в составе фриза, состоящего из тесно переплетающихся фигур. Этот мотив в архитектурной пластике Закавказья встречается в основном в XI⁷⁸–XIII вв.⁷⁹;

2) переплетающиеся ромбы, составленные из ленты плетения в три полосы (рис. 10). Мотив известен в архитектурной пластике рассматриваемого региона с XI в.⁸⁰;

3) переплетающиеся круги и ромбы (лента плетения в три полосы). Модификации этого мотива с элементами растительного орнамента (простые однолопастные листочки) (рис. 7, 1). Встречаются в составе орнаментальных фризов в XI–XIV вв.⁸¹;

4) переплетающиеся круги разных диаметров, составленные из ленты плетения в три полосы. Широко распространен в фасадной пластике, преимущественно, в период между X и XIV вв.⁸²;

5) прямоугольник с переплетающимися кольцами небольшого диаметра и диагональными линиями внутри (рис. 7, 2). Узор составлен из ленты плетения в три полосы. Встречается, преимущественно, в фасадной пластике XIII в.⁸³;

6) переплетающиеся круги большого и малого диаметров, пересеченные проходящими через центр прямыми параллельными линиями. Узор составлен из ленты плетения в три полосы. Этот мотив встречается в фасадной пластике, начиная с XI в.⁸⁴;

7) центрическое плетение, состоящее из петелек небольшого диаметра и ленты в три полосы⁸⁵ (т.н. лабиринт). Встречается в фасадной пластике XI в. и эпизодически вплоть до XIV вв.⁸⁶;

8) крест с трехлопастным завершением перекадин, сужающихся к средокрестию (рис. 8, 1). Прямых аналогий в архитектурной пластике региона обнаружить не удалось. Отдаленной аналогией может служить крест, украшающий алтарную преграду из Ахалцихе (XIII в.) (Шмерлинг, 1962. Табл. 76);

⁷⁸ Северный фасад храма в Эхвеви начала XI в. (Габашвили, 1955. С. 59. Табл. 19), Самтавро XI в., Лурджи-Монастери XII в. (Шмерлинг, 1954. С. 62, 70).

⁷⁹ Наличник окна на южном фасаде в кладке XIII в. в Тбети.

⁸⁰ Фасад храма в Манглиси (1014–1027 гг.) (Шмерлинг, 1954. С. 58).

⁸¹ Самтавро (XI в.), Икорта (1172 г.), Кватахеви (XII–XIII вв.), Сапара (XIII в.), Даба (XIV в.) (Шмерлинг, 1954. С. 62, 68, 71, 83–84).

⁸² Кумурдо (около 964 г.), храм Баграта в Кутаиси (1003 г.), Самтавро (XI в.), Мериа (XII–XIII вв.), Кабени (XIII в.), Даба (1333 г.) и др. (Шмерлинг, 1954. С. 35, 49, 63, 69, 75, 84), Тбети в обрамлении сдвоенных окон на южном фасаде в кладке XIII в., и в обрамлении щелевидного окна на восточном фасаде в кладке XI в.

⁸³ Импорт арочки, обрамляющей закомару, на южном фасаде собора в Тбети в кладке, датируемой, вероятно, XIII в.

⁸⁴ Самтавро (XI в.) (Шмерлинг, 1954. С. 62).

⁸⁵ Узор на плите квадратной формы у основания наличника двери. Настоящее местонахождение неизвестно, зафиксирован А. И. Павлиновым (Павлинов, 1893. Табл. XVI).

⁸⁶ Обрамляет люнету на восточном фасаде храма в Тбети, кладка XI в., обрамление окна на фасаде храма в Бетания (XII–XIII вв.), Даба (1333 г.) (Шмерлинг, 1954. С. 84, 92).

9) ленточный орнамент, составленный из ленты плетения в три полосы (петельки) с элементами растительных мотивов (схематично изображенный распластанный лист с волнообразно оформленными краями). Получает распространение в архитектурной пластике Закавказья в XI–XIII вв.⁸⁷

10) сдвоенные полуколонки (рис. 8, 2). Мотив, который появляется в архитектурной пластике позже XI в.⁸⁸

11) выступающая, рельефно выполненная шишка, украшенная ленточным орнаментом (три полосы плетения), образующим петельки, с вкраплениями растительных мотивов (распластанный лист с волнообразно оформленными краями) (рис. 9, 1). Мотив распространяется в архитектурной пластике, начиная с XI в.⁸⁹

Подводя итог краткому анализу орнаментальных особенностей осыпавшихся рельефов церкви в Бедии, следует отметить, что, несмотря на обилие мотивов, распространенных в архитектурной пластике XI в, присутствие некоторых деталей, характерных для более позднего времени (сдвоенные полуколонки, крест с трехлопастным завершением концов перекладин, импровизированные «импосты» арок и особенности их декора), а также некоторая сухость и геометричность исполнения резьбы, особенно, трактовка растительных элементов (Шмерлинг, 1954. С. 186) заставляет отнести их к периоду, начало которого выходит за пределы XI в. При этом его окончание, скорее всего, следует отнести к XIII в.

Похожие выводы можно сделать, рассмотрев структуру южного, северного и западного фасадов. Из неотмеченных выше элементов на южном фасаде появляется крест, сплетенный из петелек (лента в три полосы) (рис. 9, 2). Этот мотив известен в архитектурной пластике, начиная с X в.⁹⁰ Однако характер украшения фасадов выдает влияние более позднего времени. Вместо обязательной для памятников X и XI вв. «декоративной аркатуры, являющейся основой членения фасада» (Шмерлинг, 1954. С. 19), в данном случае «декоративное оформление строится на сопоставлении и контрасте широкой глади стены с живописными декоративными пятнами» (Там же), резных обрамлений порталов и, изначально, наличников окон. Эти особенности характеризуют фасадную пластику XII–XIII вв.

Резные блоки, расположенные *in situ* и осыпавшиеся с восточного фасада (в основном собраны под навесом с восточной стороны собора), несмотря на подчеркнутую сдержанность в использовании орнаментальных схем, вероятно, можно отнести к тому же времени, что и детали, украшающие северный, западный и южный фасады собора⁹¹.

Сгруппировав имеющиеся рельефы, исходя из их технических и художественных свойств, а также обозначив приблизительно хронологические рамки для каждой группы, попытаемся теперь сопоставить их с возможными этапами строительной истории собора.

Как уже отмечалось, произведенные в 2011 г. раскопки раскрыли фундаменты примыкавших к собору построек. Возможно, что они относились не к более раннему зданию, а непосред-

⁸⁷ Икорта (1172 г.), Мерия XII–XIII вв., Цунда (XIII в.), Кабени (XIII в.), Ахтала (XIII в.) (Шмерлинг, 1954. С. 67, 69, 74–75, 95). В похожей ситуации (импровизированный импост арочки) – на южном фасаде храма в Тбети в кладке XIII в.

⁸⁸ Орнаментальное обрамление окна на фасаде храма в Бетания (XII–XIII вв.), Цунда (XIII в.), Ахтала (XIII в.) (Шмерлинг, 1954. С. 92–93, 95). Оформление окна на южном фасаде в Тбети в кладке XIII в.

⁸⁹ Никорцминда (1010–1014 гг.), алтарная преграда в Спети (XI в.) (Шмерлинг, 1962. С. 61).

⁹⁰ Мгел–Цихе (X в.), Пока (XI в.), Икви (XI в.), Лурджи-Монастери (XII в.) и другие (Шмерлинг, 1954. С. 45, 53, 65, 70).

⁹¹ Сравнение скульптурного убранства с этой стороны собора поражает лаконизмом и скупостью в сравнение с тремя вышеописанными фасадами. Сделанный А. И. Павлиновым чертеж показывает только простой равноконечный крест, профилированный валикообразным бортиком, без малейших элементов дополнительного декора (Павлинов, 1893. Табл. XVII). Кроме того, этот же исследователь заметил «несогласие архитектурных обломов» «между основанием креста и наличником окна», что, по его мнению, «указывает на произведенную здесь некогда переделку» (Там же. С. 28). Однако делать вывод о перестройке восточного фасада собора в более позднее время преждевременно. Необходимо вначале провести специальные работы по обмерам собора и дополнительному изучению его архитектурных особенностей.

ственно к храму Баграта III, т. к. их южная и северная стороны, соответственно, совпадают с фундаментом основного объема собора⁹². В этом случае можно предположить, что резные блоки первой группы происходят из этих пристроек. Тогда часть резных блоков второй группы находятся *in situ* в основном объеме храма, построенном при Баграте III. Далее, хронология, созданная Р. О. Шмерлинг на основе анализа палеографических данных надписей на фресках внутри храма, представляется достаточно обоснованной. Рельефы третьей группы могли появиться на южном, северном, западном и, возможно, восточном фасадах собора вследствие широкомасштабных ремонтных работ, о которых упоминает исследовательница.

Сделанные выводы, безусловно, носят предварительный характер. Их уточнение невозможно без подробного исследования архитектурных особенностей собора и проведения специальных работ по его обмерам. Необходимо также дожидаться подробной публикации информации, полученной в ходе последних археологических работ на плато. Хотелось бы также опубликовать полный каталог сохранившихся в Бедии каменных резных рельефов. Таким образом, для уточнения деталей строительной истории собора требуется продолжение комплексных исследований пристроек, расположенных на плато.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакрадзе Д. Кавказ в древних памятниках христианства. Тифлис. 1875.
- Бгажба О. Х., Сакания С. М., Азумаа А. С. Археологические раскопки в Бедийском храме в 2011 г. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII «Крупновские» чтения: Мат-лы Междунар. науч. конф. Махачкала. 2012.
- Габашвили Ц. Порталы в грузинской архитектуре. Тбилиси. 1955.
- Летопись Картли. Перевод, введение и примеч. Г. В. Цулая. Тбилиси. 1982.
- Павлинов А. И. Церкви в Бедии. Экспедиция на Кавказ 1888 года. Путевые заметки. М. 1893 (МАК. Вып. III).
- Рчеулишвили Л. Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии. Тбилиси. 1988.
- Северов Н. П. Памятники грузинского зодчества. М. 1947.
- Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. Вып. 4. СПб. 1891.
- Химшиашвили Л. Некоторые вопросы реставрации (Цроми и Бедия) // Дзеглис Мегобари. Тбилиси. 1968. 14 (на груз. яз.).
- Чубинашвили Г. Н., Северов Н. П. Памятники типа Джвари. Тбилиси. 1948.
- Шмерлинг Р. О. Грузинский архитектурный орнамент. Тбилиси. 1954.
- Шмерлинг Р. О. К вопросу о датировке росписи Бедийского храма // Сообщения Академии наук ГССР. Тбилиси. 1957. Т. XVIII. № 4.
- Шмерлинг Р. О. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси. 1962.
- Brosset M. Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847–1848. Rapport 8. Saint-Petersbourg. 1849.
- Djobadze W. Early medieval Georgian monasteries in historic Tao, Klarjeti, and Savseti. Stuttgart. 1992.
- Dubois de Monpéroux F. Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhazes en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Paris. 1839.
- Evans H. C., Wixom W. D. (ed.). The Glory of Byzantium, Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A.D. (843–1261). The Metropolitan Museum of Art. New York. 1997.
- Iamanidze N. Les installations liturgiques sculptées des églises de Géorgie (VI–XIII siècles) // Bibliothèque de l'antiquité tardive. Turnhout. 2010. 15.
- Khoshtaria D. Churches and monasteries in Klarjeti. Tbilisi. 2005 (на груз. яз.).

⁹² Данное соображение носит сугубо предварительный характер, поскольку, как уже отмечалось, полный текст отчета по произведенным работам пока не опубликован.

Khroushkova L. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkhazie IV–XIV siècles // Bibliothèque de l'antiquité tardive. Turnhout. 2006. 9.

Mepiaschwili R., Zinzadse W. Die Kunst des alten Georgien. Leipzig. 1977.

Neubauer E. Altgeorgische Baukunst. Leipzig; Wien; München. 1976.

Velmans T., Alpago Novello A. Miroir de l'invisible, peintures murales et architecture de la Géorgie (VI–XV siècles). Paris. 1996.

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ОКРЕСТНОСТЯХ г. СОЧИ

Д. А. Яцюк (г. Краснодар)

В 2010 г. Краснодарским археологическим отрядом ООО «Южно-Российский археологический центр» было проведено обследование территории памятника эпохи раннего средневековья «Каштаны 1». Комплекс состоит из пяти курганов и поселения, в западной части которого, на небольшом отроге, находятся остатки каменного строения. Само поселение расположено полукругом вокруг данного отрога, выдающегося на ЮВ, и находится на южном склоне горы Кизиловой, окружено с юга поселком Каштаны, с востока долиной р. Кудепста, с запада небольшим хребтом, являющимся водоразделом для рек Хоста и Кудепста (рис. 1). Памятник был обнаружен, осмотрен и поставлен на государственную охрану весной 2010 г. при проведении разведки на территории Адлерского р-на. Таким образом, появилась необходимость в первичном изучении выявленного памятника, уточнение границ, характера и его хронологических рамок.

Рис. 1. Археологический комплекс Каштаны 1, местоположение

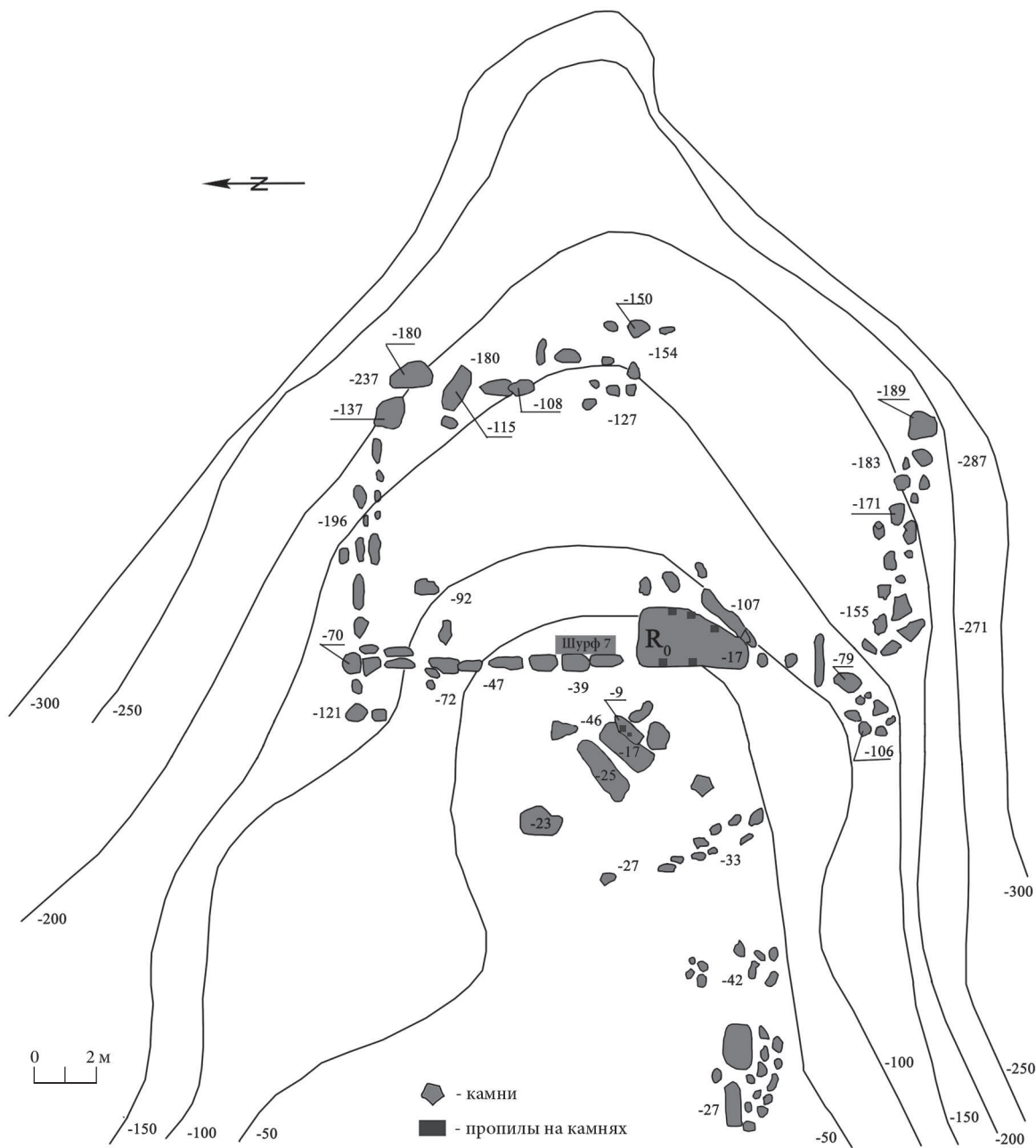

Рис. 2. Поселение Каштаны 1, остатки каменных сооружений

Комплекс «Каштаны 1» располагается на небольшом южном отроге горы Кизиловая, где была обнаружена ровная площадка. Частично на площадке и частично к В от нее, на пологом склоне, были найдены остатки каменных сооружений. Возможно, площадка была специально выровнена в древности. Некоторые камни носят следы обработки, имеют распилы, возможно, не утилитарного назначения – это обстоятельство не исключает вероятность того, что пос. «Каштаны 1» являлось святилищем. Расположение камней образует в плане четкий прямоугольник, что также является признаком существования здесь построек (рис. 2). Размеры выявленного в плане прямоугольника 19×10 м. К западу от выявленного прямоугольника, на большей части ровной площадки, присутствуют скопления камней, что также дает основания предполагать здесь наличие остатков строений. К западу от отрога с развалинами, между от-

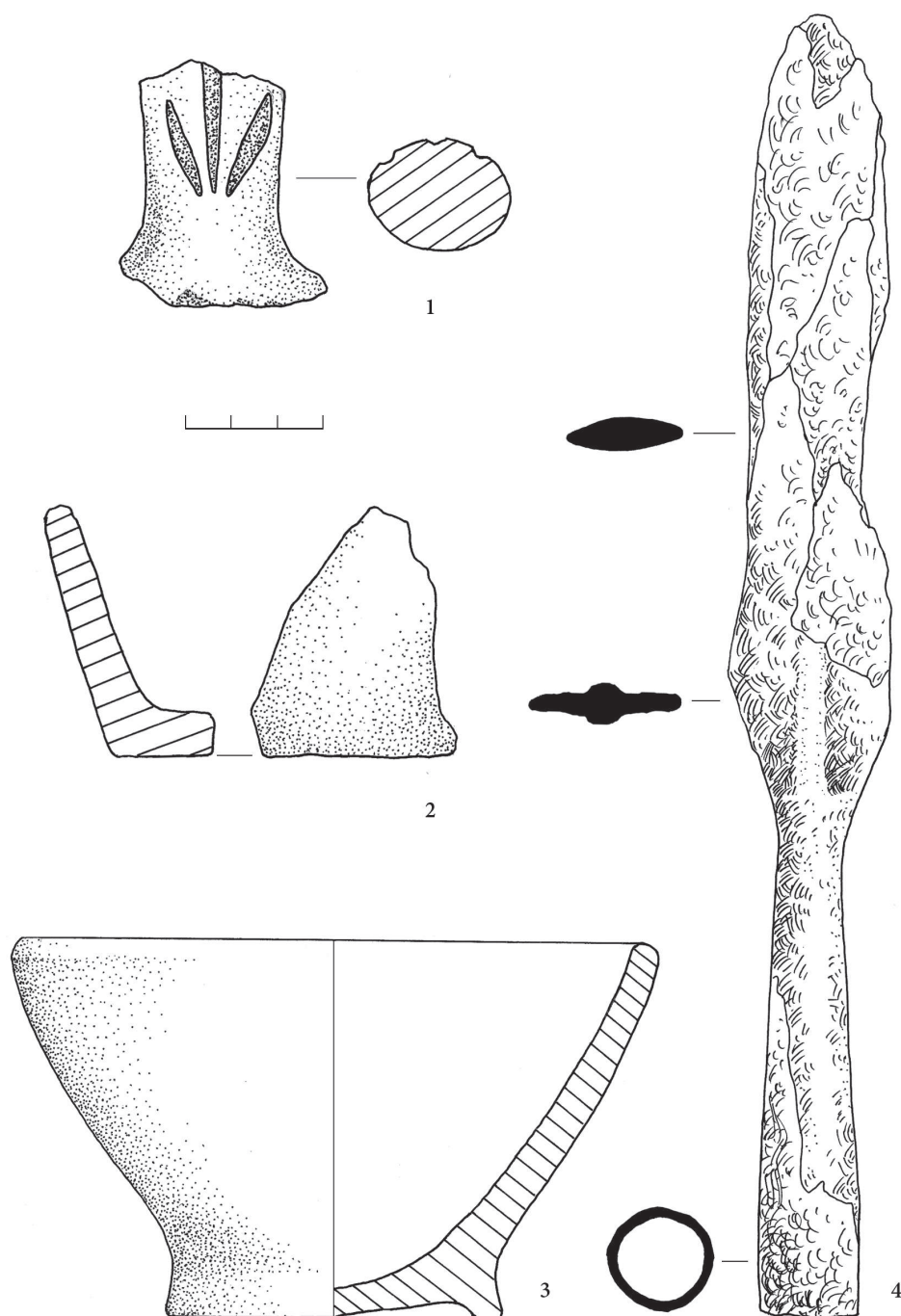

Рис. 3. Археологический комплекс Каштаны 1. 1–3 – керамика из разведочных шурфов на территории поселения Каштаны 1; 4 – железное копье из грабительского шурфа вблизи курганов

рогом и вершиной хребта, были зафиксированы пять каменных насыпей («курганов») небольших размеров, сверху покрытых дерном.

Вокруг данного отрога, выдающегося на ЮВ, было найдено большое количество кружальной красно- и коричневоглиняной керамики. Большинство фрагментов принадлежит котловидным сосудам, стенки которых часто были покрыты крупным рифлением. Керамика была сосредоточена на склонах отрога с В, С и Ю сторон. Для определения границ поселения

и мощности культурного слоя в местах скопления керамики было заложено семь разведочных шурфов, в четырех из которых был обнаружен культурный слой толщиной до 0,6 м. Таким образом, размеры поселения составили ок. 160×110 м.

Из находок отметим: - фр. верхней части орнаментированной ручки красноглиняного кувшина (рис. 3, 1); - фр. донца краноглиняного сосуда (рис. 3, 2); - лепная пиалобразная миска (рис. 3, 3).

В непосредственной близости от курганных насыпей был обнаружен грабительский шурф 2×2 м, рядом с которым был найден железный наконечник копья (рис. 3, 4). Копье имеет перо пламевидной формы, расширенное в нижней и верхней части и суженное в средней части; перо в сечении уплощенно-линзовидное. У основания пера находится продольное граненое ребро жесткости. Втулка расширяется к основанию. Через втулку сбоку проходит кузнечный шов, края которого сомкнуты. Размеры: сохранившаяся длина – 30 см.

Что касается хронологических границ памятника, то имеющиеся в подъемном материале фрагменты стенок рифленых котловидных сосудов и материал из шурфов дают широкую датировку. Однако железный наконечник копья все же позволяет уточнить дату существования поселения. Такие наконечники относятся к третьему типу и датируются второй половиной VI–VII в. н.э. (Воронов, Шенкао, 1982. С. 124). Эту датировку подтверждает и находка аналогичного наконечника копья у с. Веселое Адлерского р-на г. Сочи (Крым, Северо-Восточное Причерноморье..., 2003. С. 242). Наконечники третьего типа характерны для позднего этапа в развитии таких копий, ранние формы которых тесно связаны по происхождению с наконечниками, бытовавшими на территории Абхазии еще в V–III вв. до н.э. (Воронов, Шенкао, 1982. С. 126).

Таким образом, предварительно комплекс «Каштаны 1» может датироваться второй половиной VI–VII в. н.э.

Данные находки свидетельствуют о тесных связях местного населения с Абхазией. По данным древних авторов, в районе Сочи и чуть севернее локализуются саниги – племя, близкое абазгам, испытывавшее некоторое влияние позднеантичной цивилизации и имевшее разнообразные контакты с соседями, в частности, с апсилами (Воронов, 1998. С. 30).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. М. 1982.
- Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М. 2003.
- Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия. Сухум. 1998.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС РОЗА 1 НА СЕВЕРНОМ СКЛОНЕ ХРЕБТА АИБГА

М. А. Бакушев (г. Ростов-на-Дону), М. Ю. Меньшиков (г. Москва)

Археологический комплекс Роза 1 расположен на одном из отрогов северного склона хребта Аибга (рис. 1, 1). С севера и СЗ памятник ограничен ручьем, образующим довольно значительное ущелье и впадающим в р. Мзымта, которая протекает северо-восточнее; с В и ЮВ археологический комплекс ограничен курумником, состоящим из крупных валунов различной формы; с Ю четкой границы нет, однако, по всей видимости, южная граница археологического комплекса одновременно являлась северной границей селения Роза-хутор, ныне представляющее собой урочище (рис. 1, 2). Размеры археологического комплекса Роза 1 – 350×160 м. Памятник расположен на слабо террасированном склоне, имеющим уклон к С, и вытянут по оси СВ–ЮЗ. Территория археологического комплекса густо заросла буковым лесом с незначительной примесью граба и туи.

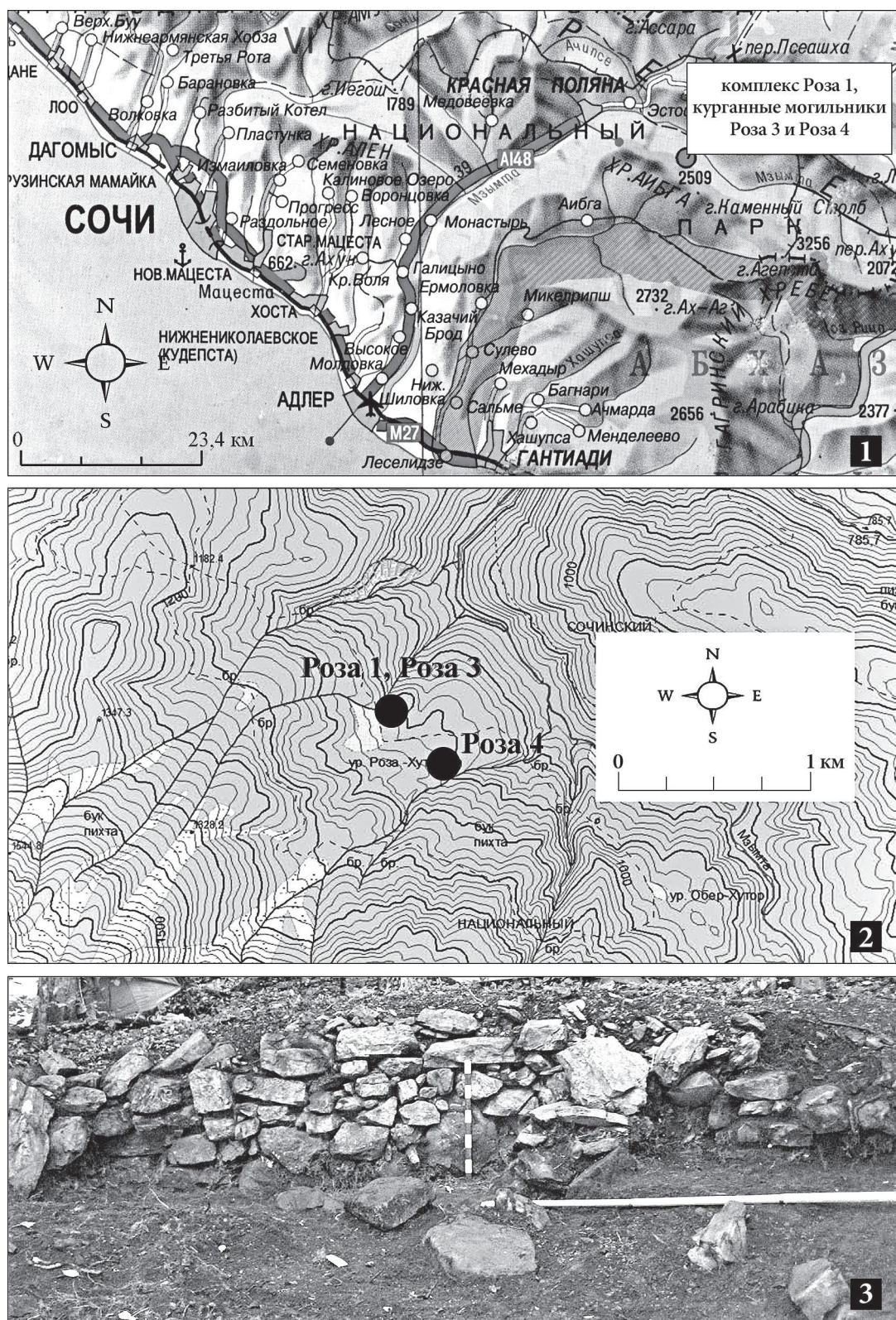

Рис. 1. Археологические комплексы Роза 1, Роза 3 и Роза 4. 1 – местоположение; 2 – топографический план; 3 – археологический комплекс Роза 1, подпорная стена террасы

Археологический комплекс Роза 1 был выявлен в ходе разведок 2009 г. сотрудником ИА РАН (г. Москва) Р. А. Мимоходом. В том же году отрядом ООО «Кубаньохранкультура» под руководством Н. В. Кондрякова памятник был зафиксирован, подробно описан и поставлен на Государственную охрану. В ходе обследования памятника летом 2010 г. отрядом ЮИЦ РАН (г. Ростов-на-Дону) было проведено дополнительное обследование, результатом чего стало выделение из него археологического комплекса Роза 3 (курганный могильник) и открытие археологического комплекса (курганный могильник) Роза 4 в 1 км к ЮВ от комплекса Роза 1. Всего на комплексах Роза 1 и Роза 3 было зафиксировано и поставлено на Государственную охрану более 120 курганных насыпей.

В июле 2010 г. началось исследование археологического комплекса Роза 1 в связи со строительством здесь олимпийских объектов. Северная часть комплекса была исследована сотрудниками НП «Южархеология» (г. Ростов-на-Дону), южная – специалистами «Столичного археологического бюро» (г. Москва). В ходе исследования памятника была произведена вырубка подлеска, что позволило зафиксировать дополнительные курганные насыпи. Насыпи внешне не отличаются от зафиксированных ранее и расположены между ними, что однозначно позволяет интерпретировать их как составную часть единого археологического комплекса.

Археологический комплекс Роза 1 представляет собой сложную структуру, состоящую из множества связанных между собой объектов, вписанных в окружающий ландшафт. Этот единый археологический комплекс составляют несколько различных видов объектов: тропа, террасы и гряды, подпорные стенки, каменные насыпи, под некоторыми из которых были обнаружены погребения, а также отдельные погребальные комплексы.

При расчистке территории памятника от мелкой поросли и толщи опавших листьев на уровне верха гумусного слоя были найдены предметы, связанные с функционированием археологического комплекса Роза 1. Это железные изделия: кресало с псевдоарабской надписью; серия железных ножей с прямой спинкой и уплощенным черешком длиной не более 10–12 см; большое количество булавок и игл. Некоторые железные предметы могли являться деталью конской узды. Так, в коллекции подъемного материала имеются две железные пряжки, которые применялись для крепления ремней конской упряжи. Интересен и небольшой топорик-молоток, возможно, являющийся votивным. Найдено и несколько бронзовых наперстков. Из других изделий упомянем два свинцовых шарика, предположительно, пули от ружья с кремневым запалом, а также небольшой (диам. ок. 5 см) диск из белого металла с отверстием в центре и заполированной одной из поверхностей (обточенный обломок средневекового зеркала -?). Керамические изделия маловыразительны. Из них можно отметить лишь орнаментированные расчесами стенки крупных тарных сосудов, ручку гончарного красноглиняного сосуда и венчик крупного сосуда с клеймом. Все найденные на поверхности и в гумусном слое предметы можно датировать XIV–XVIII вв.

В ходе обследования местности удалось проследить древнюю тропу или дорогу, проходящую от комплекса Роза 1 к могильнику Роза 3 и далее до могильника Роза 4. Данная тропа имеет, безусловно, искусственное, антропогенное происхождение, о чем косвенно свидетельствует ее расположение по склону и наличие подпорных камней вдоль внешней границы тропы. Визуальные наблюдения позволили связать эту тропу с расположенными здесь археологическими комплексами и отнести ее сооружение к периоду до 1864 г., когда местное население было насильно переселено. Наличие подпорных камней может говорить о продолжительности ее использования.

Террасы и гряды. На исследованном комплексе Роза 1 фиксируются шесть террас. Террасы имеют подпорные стены (рис. 1, 3), а в некоторых случаях каменные гряды, что можно интерпретировать как обрушившиеся подпорные стены. На сегодняшний день каменные гряды представляют собой хаотичные набросы, имеющие линейную структуру, направлен-

ную перпендикулярно длиной оси памятника, а в северной части набросы параллельны топографическим горизонталям, что служит дополнительным доказательством в пользу их изначальной опорной функции. Длина каменных набросов и стен колеблется в пределах 5–30 м. Кроме того было прослежено еще несколько меньших по длине гряд, выделяющих отдельные участки.

Одна из таких гряд находится на расстоянии в несколько десятков метров к С от южной окраины комплекса и ограничивает определенную территорию. Вероятно, это были семейные или родовые участки, однако судить о характере их использования можно только приблизительно. В СЗ части южной террасы гряда, ограничивающая ее с С и СВ, примыкает к склону, по которому проходит упомянутая выше тропа, выделяя еще один участок.

Наиболее крупная по размеру каменная гряда расположена в центре южной части комплекса и имеет протяженность около 20 м, что составляет около 70% ширины ложбины, по которой она проходит. На этой гряде был заложен разрез, который показал хаотичность наброса. В центральной части гряды располагается крупный обломок скалы, стоящий почти вертикально и имеющий подтреугольную форму. Некоторый порядок наблюдается в структуре каменных гряд в северной части комплекса: здесь в основании эскарпированного склона закладывался довольно крупный камень, после чего совершалась подсыпка более мелкого камня, вероятно, с образовавшихся террас. Стены имели следующую структуру: в основание эскарпа закладывался ряд крупных камней, чаще всего подпрямоугольной формы (при этом следов подтески камней не зафиксировано), затем сооружался внешний фас стены в виде кладки из средних и мелких по размеру камней, после чего образовавшееся пространство забивалось мелкими и средними камнями. Такая панцирная структура стены обеспечивала достаточную надежность – практически все стены сохранились до нашего времени.

На всех террасах, выделенных грядами, выявлены *каменные насыпи*. Также часть насыпей прослежена на склонах ложбины, в которой находится большая часть объектов. Всего на участке расположено около 90 каменных насыпей. Часть из них располагалась под многолетними деревьями, и их исследование было невозможно в связи со статусом территории (Сочинский Национальный парк), еще несколько насыпей в южной части памятника попадают в зону музеефикации и их удастся сохранить в нетронутом виде.

В целом на нижней площадке было полностью исследовано и раскопано 80 каменных насыпей. Практически все набросы имеют сходную структуру. В отдельных случаях основе насыпи лежит крупный обломок скалы, к которому с одной из сторон, либо со стороны и сверху присыпаны камни средними размерами около 0,3 м. Чаще всего камень представлен обломками туфопесчаника, иногда попадаются фрагменты других пород. Следов подработки камня не выявлено. Исключение составила насыпь 39, где помимо дикого камня, были найдены две половинки от зернотерки, вероятно, попавшей случайно. В других случаях насыпь сооружалась на древней дневной поверхности, однако в основании таких насыпей также лежало несколько крупных камней. На некоторых участках можно проследить отдельные ряды в расположении насыпей.

В среднем высота насыпей составляет около 0,3 м над уровнем современной дневной поверхностью, диаметр варьирует от 0,5 м до 3–4 м. Однако в северной части комплекса высота некоторых насыпей достигала более 1 м и диаметр – ок. 7–8 м.

Из насыпей южной части памятника не происходит никакого материала. Площадь вокруг них была исследована до геологического материка и также не дала никаких находок, углей или костных останков. Исключение составляют несколько предметов, имеющих позднее происхождение и попавших на эту территорию случайно: складной ножик XIX–начала XX в., свинцовая пуля, единичный фрагмент поздней поливной керамики.

Насыпи северной части памятника, напротив, дали огромное количество материала, пре-

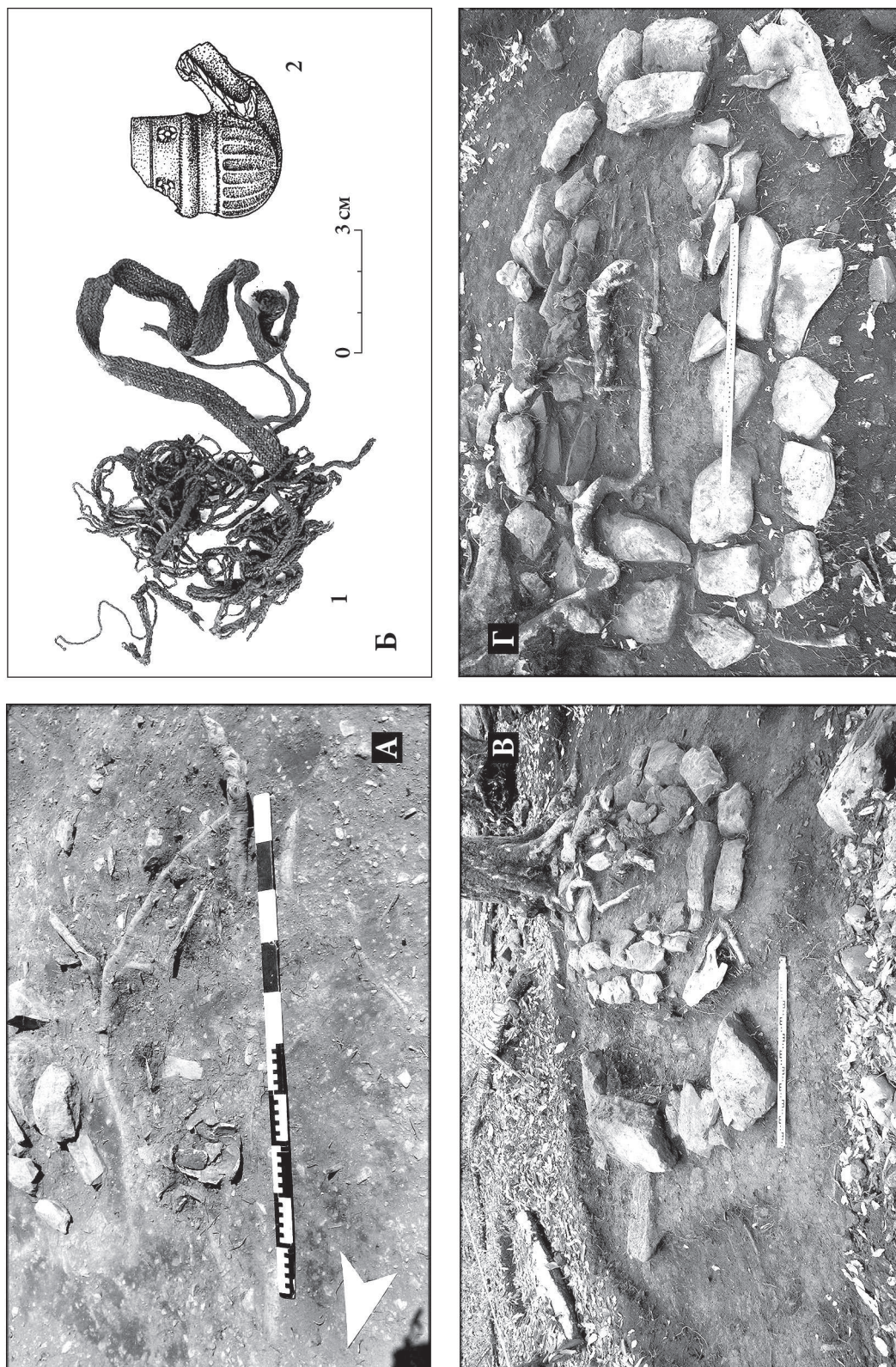

Рис. 2. Археологические комплексы Роза 1, Роза 3 и Роза 4. А-Б – насыпь Т1-1, находки из нее и погребения (А – погребение, вид с З; Б, 1 – тесьма у грудных костей погребенной; Б, 2 – глиняная трубка из насыпи); В-Г – погребальный комплекс (В – вид с ЮВ; Г – центральное сооружение, вид с ЮЗ)

жде всего, фрагменты керамики. Стоит отметить, что в пространстве между насыпями культурный слой не зафиксирован, однако в толще некоторых насыпей (Т1-1, Т1-2, Т2-1 и т.д.) грунт между камнями содержал большое количество культурных остатков, что позволяет говорить о его перемещении сюда с территории селения. Эти же керамические фрагменты позволяют датировать, по крайней мере, отдельные насыпи северной части памятника без перенесения этой даты на весь археологический комплекс, т. к. в его южной (более высокой) части встречаются, несомненно, более ранние изделия. Датой сооружения насыпей с большим содержанием керамики в северной части памятника является конец XVII–XVIII вв.

Под некоторыми насыпями северной части археологического комплекса были обнаружены *погребения*. Под каменной насыпью Т1-1, на уровне древнего горизонта был обнаружен скелет женщины 18–20-летнего возраста (рис. 2, А). Погребенная была положена на спину с небольшим поворотом на левый бок, голова была ориентирована на С. Из погребального инвентаря было найдено несколько расплетенных шнурков и небольшой фрагмент шнурка (рис. 2, Б/1). Ткани сохранились превосходно благодаря вплетенным в волокна металлическим нитям. В этой же насыпи (Т1-1) были найдены орнаментированная красноангобированная курительная трубка с клеймом мастера (рис. 2, Б/2), а также фрагменты стенок гончарных красноглиняных сосудов, в т.ч. обломки стенок, орнаментированные валиком с пальцевыми вдавлениями.

Под каменной насыпью Т1-3 был найдена черепная крышка мужчины 40 лет, лежащая на теменных костях. Недалеко от нее на том же уровне находился фрагмент железного изделия. Не исключено, что это вторичное погребение или погребение после выставления, когда после истления мягких тканей кости захоранивались (однако вызывает удивление наличие лишь крышки черепа при полном отсутствии других костей скелета).

В северной части южной террасы, практически на гряде, ограничивающей террасу с севера, выявлен *погребальный комплекс*, представляющий собой центральное сооружение из необработанного камня и примыкающих к нему погребальных конструкций (рис. 2, В–Г). Центральное сооружение имеет девять рядов камня в высоту, вытянуто по оси СЗ–ЮВ, его размеры – 3×2×1,5 м (рис. 2, В). На центральном сооружении комплекса располагалось крупное сухое дерево, корневая система которого значительно повредила кладку с южной стороны сооружения и глубоко проникла в само сооружение. Тем не менее, после удаления дерева и корней, удалось проследить фасы кладки и составить представление о ее системе. После вскрытия грунта по периметру центрального сооружения выяснилось, что с ЮЗ стороны к нему примыкает конструкция, представляющая собой кладку из крупного (ок. 0,5 м в длину) необработанного камня. Кладка ограничивает подовальный в плане участок (размерами 1×2 м), который был перекрыт более мелкими камнями, фракцией ок. 0,15–0,2 м. Данная конструкция также ориентирована по оси СЗ–ЮВ.

К ЮЗ от примыкающей к центральному сооружению конструкции, на расстоянии 0,3–0,5 м, расположен еще один погребальный комплекс, который на этапе расчистки представлял собой заклад (размерами 0,7×1,4 м) в один ряд из обломков необработанного камня фракцией до 0,3 м. Данная конструкция также вытянута по оси СЗ–ЮВ с небольшим отклонением.

К северу от центрального сооружения, на примыкающей к сооружению площади, размерами 0,4×0,4 м, был выявлен еще один каменный заклад. Он представлял собой хаотичный наброс камней, размерами до 0,2 м, и изначально был принят за частично обрушившуюся кладку центрального сооружения.

После разборки центрального сооружения, на древней дневной поверхности было выявлено погребение, частично поврежденное корнями растущих рядом деревьев. Однако удалось проследить, что погребенный лежал вытянуто на спине. Возле нижней части берцовых костей было найдено железное кресало. По всей видимости, погребение было сооружено на древней дневной поверхности, после чего было обложено камнем по периметру, а затем заложено сверху камнем в девять рядов.

Примыкающее к центральному сооружению погребение, расположенное с ЮЗ, также сохранило останки вытянутого на спине погребенного, который был помещен в незначительно заглубленную в грунт яму. Инвентаря не было. После того, как периметр был обложен крупными камнями, поверх погребенного были уложены более мелкие камни в один ряд.

Отдельное погребение, расположенное к Ю от центрального комплекса, принадлежало ребенку. Погребение также совершено в неглубокой яме, вытянуто на спине. Инвентаря нет. За пределами контура заклада погребения в изголовье расположен крупный подпрямоугольный необработанный камень, лежащий горизонтально. Судя по характеру окружающих камней, данный камень был, вероятно, принесен сюда, но достоверно судить о его первоначальном положении и связи с погребальным комплексом невозможно.

После разбора заклада расположенного к С от центрального сооружения погребального комплекса под ним было прослежено скопление угля и кальцинированных костей, в т.ч. костей черепа (-?). С севера это скопление было ограничено выкладкой (длиной около 0,2 м) в один ряд из необработанных камней. Вероятно, данное сожжение было помещено в слегка заглубленную яму, один из краев которой был укреплен зафиксированной каменной выкладкой.

Следует отметить, что по определению почвоведов (А. Л. Александровский), грунт содержит очень малое количество кальция, что приводит к очень плохой сохранности костей в грунте. Видимо, это обстоятельство определило столь малое количество скелетов по отношению к количеству вскрытых насыпей.

В целом, исследования археологического комплекса Роза 1 дали разнообразный и достаточный материал, позволяющий охарактеризовать материальную и духовную культуру населения бассейна р. Мзымта позднесредневекового и Нового времени.

ПЕТРОГЛИФЫ БАЛКИ УЧКУРКА

Н. А. Тихонов, Е. Н. Хафизова, Г. Г. Короткова (пос. Нижний Архыз)

Балка Учкурка (Учкулька) является небольшим правым притоком Кубани, впадающим в нее около села Важного (Карачаево-Черкесия), вблизи гипсозавода. Протяженность балки – 11 км, она имеет несколько правых притоков. Склоны балки крутые и травянистые, в нижней ее части, особенно по притокам, наблюдаются пояса скал, состоящих из песчаника и мергеля. По дну балки, в глубоком каньоне, протекает ручей, выносящий к своему пологому устью желваки халцедона, дающего острые отщепы не менее твердые и прочные, чем кремень.

Балка Учкурка известна давно, как геологам (Зильберминц, 1914. С. 1241), так и археологам (Гальперина, Любин, 1966. С. 265; Биджиев, 1983. С. 114). Экспедицией Х. Х. Биджиева при раскопках курганов в окрестностях Учкурки было определено, что один курган относится к майкопской культуре, остальные – к II тыс. до н.э. (Алексеева, 1988. С. 81). Вероятно, именно обилие халцедона – материала для каменных орудий – и наличие защищенных мест для поселений привлекали в эти места людей еще в бронзовом веке. Поселения на Учкурке существовали и в более поздние времена. На широком мысе между Учкуркой и Кубанью Б. Д. Гальперина и В. П. Любин в 1963 г. открыли средневековое аланское городище, получившее название «Учкурка» (Гальперина, Любин, 1966. С. 265). В 1972–1973 гг. масштабные разведки и раскопки аланских погребений в окрестностях балки Учкурки проводил Х. Х. Биджиев, открывший небольшое средневековое поселение на высоком мысе в развилке первого (считая от устья) правого (орографически) притока балки Учкурка (балка «А»), напротив уже известного к тому времени городища «Учкурка». В настоящее время это поселение уничтожено карьером по добыче доломита. Вблизи устья Учкурки известны курганы сарматского времени, могильники X–XII вв., а также адыгские курганы (Алексеева, 1988. С. 81). На основании имеющихся результатов исследований окрестностей бал-

ки Учкурка можно утверждать, что эти места были постоянно заселены – здесь оставлены следы пребывания разных народов в виде курганов, поселений и могильников.

О существовании петроглифов в балке Учкурка нам стало известно в 2008 г. со слов Л. Л. Долечека, работавшего в 1970–1980-х гг. замдиректора по науке в Карачаево-Черкесском областном музее краеведения. Проведя поиски петроглифов в 2011 г., мы выяснили, что они расположены на песчаниковых скалах во втором (считая от устья) правом притоке балки Учкурка. Координаты места: широта 44 03.396, долгота 41 58.455. Напротив петроглифов, на дне этой балочки, находится ферма (далее эта балка обозначается как балка «Б»). При расширении поисков оказалось, что петроглифы есть и в соседней балке – третьем правом притоке Учкурки (балка «В»), в то время как в балке «А» петроглифы отсутствуют, несмотря на наличие подходящих для рисунков скал.

Во всех случаях петроглифы располагаются отдельными группами на скалах с преимущественно южной экспозицией на высоте от 1 м до 3 м от уровня земли, занимая иногда весьма неудобные для рисования места. Размеры изображений от нескольких сантиметров до полуметра. Во многих случаях изображения почти незаметны из-за малой глубины линий и «пустынного загара», под которым понимается потемнение со временем свежих сколов скал, в т.ч. прочерченных линий. Кроме древних изображений на скалах присутствуют и современные надписи. Особенно вредит «улучшение рисунка» — прочерчивание новых линий по старым, поскольку петроглифы приобретают современный вид. В некоторых случаях можно найти части изображений, оставшиеся без этого «улучшения», и по ним оценить возраст рисунка, но многие петроглифы безвозвратно испорчены. Датированная современная надпись на этих скалах показывает, что за 75 лет прочерченные линии загаром не покрываются. Это означает, что среди всех петроглифов можно выделить современные рисунки.

Рис. 1. Учкурка, петроглифы балки «Б», изображения оленей

Рис. 2. Учкурка, петроглифы балки «Б», охота с собаками на быка

Известно большое количество наскальных изображений в Дагестане (Марковин, 2006) и Азербайджане (Джафарзаде, 1958), но в центральных и западных районах Кавказа их найдено существенно меньше. Поэтому возрастает значимость введения в научный оборот новых данных, происходящих именно из этих последних районов, к которым относятся и верховья Кубани. Разумеется, не приходится говорить о полном отсутствии здесь петроглифов или писаниц. Петроглифы найдены на плато Бийчесын (Байчоров, 1988. С. 96), незначительное их число обнаружено в гроте около аула Кумыш (Марковин, 1979. С. 110), а изображения оленей и всадников найдены в ущелье Урупа (Байчоров, 1987. С. 5–26). Известны петроглифы около г. Карачаевска (Кузнецов, 2005. С. 17–21), а на Кяфарском городище есть изображения оленей и вавилонов (Аржанцева, Албегова, 1999. С. 183). Однако ни по численности, ни по художественной или информационной значимости эти изображения не могут быть сопоставимы с петроглифами Дагестана или Кобыстана (Азербайджан). Детальное исследование Учкурки, где можно найти петроглифы на самые разные темы: солярные знаки, дикие и домашние животные, сцены охоты, жилища (-?), фигуры людей, садовые участки (-?), – может несколько изменить соотношение между информационной значимостью петроглифов Восточного и Западного Кавказа.

Вызывает удивление полное отсутствие в научной литературе каких-либо сведений о петроглифах Учкурки, учитывая достаточную изученность этой балки и известность ее петроглифов местному населению. Не претендуя на полное описание и анализ петроглифов, в настоящей статье представим краткую информацию об основных изображениях балки «Б» (рис. 1–3).

Во многих группах петроглифов балки «Б» существуют **солярные знаки в виде креста**, вписанного в круг. Эти знаки никак не связаны с расположенными рядом изображениями животных или людей, поэтому трудно судить об их назначении. Некоторые солярные знаки

Рис. 3. Учкурка, петроглифы балки «Б», «садовый участок»

едва видны на поверхности скал, другие – прочерчены очень глубокими линиями. Следует отметить, что подобные солярные знаки известны с каменного века и вплоть до современности, занимая территорию с севера Европы до Средней Азии.

По численности, основными объектами петроглифов являются **изображения оленей** (рис. 1). Чаще всего показаны одиночные самцы с огромными древовидными рогами, но имеются изображения и ланок, обычно в составе малой группы оленей. Можно говорить о трех стилях изображения оленьих рогов. Первый стиль (фантастический) – рога изображаются в виде одного ствола с боковыми отростками. Предположительно, их автор никогда не видел оленей, но совершенно аналогичные рога изображены на петроглифах Дагестана и на золотой обложке рукояти топорика из Келермесского кургана 1. Вторым стилем – ветвистые рога изображаются двумя вертикальными стволами с боковыми отростками. Аналогичный стиль можно видеть на бронзовых изделиях кобанской культуры. Олени с рогами первых двух стилей часто изображены рядом и могли быть нарисованы одновременно. Третий стиль – рога оленей откинута назад и доходят до хвоста животного. Этот стиль напоминает изображения оленей на предметах скифского времени. Туловище и ноги животных чаще всего покрыты косой или сетчатой штриховкой, что находит аналогии на предметах кобанской культуры.

Кроме оленей, на скалах **изображены козлы** и неопределяемые животные. Рисунки козлов очень схематичны и состоят из нескольких линий, обозначающих ноги, туловище и рога животных. **Лошади** под всадником или без него узнаваемы по пропорциям частей тела и длинным хвостам. **Неопределяемые виды животных** относятся, скорее всего, к кабанам и плохо прорисованным оленям.

Сцена охоты с собаками на быка является самым интересным петроглифом балки. Семь собак окружили быка со всех сторон. Стоящий рядом охотник протягивает к быку руки, подавая команду собакам или набрасывая на быка петлю (рис. 2). Изображение покрыто толстым слоем загара и повреждено коррозией поверхности скалы. Среди всех петроглифов это, несомненно, одно из самых древних изображений. Во второй сцене охоты схематично изображенный лучник стреляет в стоящих рядом оленей.

К древним петроглифам относится **изображение двух стоящих рядом людей, взявшихся за руки**. Из-за разрушения скалы от одной фигуры остался только фрагмент. Фигуры людей и их головы покрыты сплошной штриховкой. На других петроглифах изображения стоящих или лежащих людей более примитивны. Руки и ноги прорисованы черточками, голова – овалом, без обозначения глаз, рта и носа. По степени загара можно предполагать, что это более поздние рисунки.

Уникальным петроглифом в балке «В» является **изображение человека с преувеличенными по размеру и распахнутыми руками**. Внизу примитивно изображены две двухколесные арбы. Уверенность в том, что это именно арбы, появляется после сравнения этого петроглифа с петроглифом из Дагестана, где подобные арбы изображены более понятно (Марковин, 2006. С. 192).

Группы **непонятных по смыслу петроглифов** расположены в глубине балки «Б». Одни из них представляют собой подобие решеток с поставленными иногда точками в центрах квадратов, а вторые состоят из групп точек по 3, 5, 7 или даже 35 точек в каждой группе.

Уникальные петроглифы балки «Б» представляют собой **изображения деревьев**. Одно из деревьев изображено с плодами на концах ветвей (рис. 3). Между деревьев видны округлые участки с точками на них. Не исключено, что можно распознать огородные участки – если такое предположение верно, то оно будет являться первым известным петроглифом с изображением сада и огорода.

Среди последней группы петроглифов балки «Б» **изображены, вероятно, дома**. Омегообразная решетчатая конструкция может изображать каркас жилища с турлучной обмазкой. Изображенный на той же оси второй контур создает объемность конструкции. Рядом изображен П-образный контур и два солярных знака, соединенных линией. Существование турлучных построек не является удивительным. В окрестностях балки «Б» нет признаков фундаментов каменных построек. Нет их на городище «Учкурка» и на других подходящих для поселений участках. Поэтому остается предполагать наличие турлучных построек с решетчатым каркасом из прутьев, как это показано на петроглифе.

Некоторые участки скал настолько тесно покрыты древними петроглифами и современными надписями, что практически невозможно разобраться в этом сплетении линий. На первом этапе изучения петроглифов требуется фотофиксация всех изображений, поскольку происходит их разрушение. В дальнейшем следует провести работу по выделению действительно древних изображений с последующей интерпретацией их содержания.

Определение возраста петроглифов является самой трудной и мало поддающейся проверке процедурой, основой которой выступает стиль петроглифов и предположения о возрасте рисунков на основе их внешнего вида. Стиль изображения оленей указывает, что рисунки разновременные – это подтверждает и разное состояние поверхности петроглифов. Самые древние петроглифы: сцена охоты на быка, фигуры людей, многочисленные, никуда не направленные стрелы, отдельные изображения оленей, – могут датироваться II–I тыс. до н.э. Именно в это время в пределах Кавказа распространились разнообразные бронзовые изделия с изображениями животных и людей. Мы полагаем, что наскальные рисунки делались не опытными мастерами, а жителями расположенного рядом поселения, которые видели бронзовые изделия мастеров и нечто подобное изображали на скале. Поэтому в петроглифах слабо проглядывается стиль кобанской культуры, но не более того.

Можно отметить, что большинство фигур изображено в нормальном положении, а не в перекошенном. По мнению А. А. Формозова, такой переход произошел в бронзовом веке, когда изображения стали помещать в привычном для нас виде (Формозов, 1966. С. 36). Если придерживаться этого мнения, то древнейшие петроглифы Учкурки относятся к III–II тыс. до н.э. В скифское время стиль изображения оленей изменился, по сравнению с периодом существования кобанской культуры, что и заметно на одной группе петроглифов. Не исключено, что некоторые изображения: всадник, стреляющий лучник и др., – относятся к аланскому периоду. Собранные в соседней балке на грунтовой дороге аланская керамика датируется V–VII вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е. П.* К истории археологических исследований территории Карачаево-Черкесии // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск. 1988.
- Аржанцева И. А., Албегова З. Х.* Культурные камни Кыфарского городища // Древности Северного Кавказа. М. 1999.
- Байчоров С. Я.* Наскальная панорама раннесредневекового художника и писца // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск. 1987.
- Байчоров С. Я.* Петроглифы Бийчесына // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск. 1988.
- Биджиев Х. Х.* Хумаринское городище. Черкесск. 1983.
- Гальперина Б. Д., Любин В. П.* Раннесредневековое городище Учкулька // Труды КЧНИИ. Серия историческая. Ставрополь. 1966. Вып.5.
- Джафарзаде И. М.* Наскальные изображения Кобыстана // Труды института истории АН Азерб. ССР. Баку. 1958. Т. XIII.
- Зильберминц В. А.* О целестине из Кубанской области // Известия ИАК. СПб. 1914. Вып. VI.
- Кузнецов В. А.* Петроглифы из окрестностей Карачаевска // Вестник Владикавказского научного центра. 2005. Т. 5. № 3.
- Марковин В. И.* Средневековые наскальные изображения у аула Кумыш // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск. 1979.
- Марковин В. И.* Наскальные изображения предгорий Дагестана. М. 2006.
- Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства. М. 1966.

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В XIX В.

А. А. Цуциев (г. Владикавказ)

Столичные и региональные архивы содержат весьма ценные документальные источники XIX в., дающие представление о становлении археологии на Кавказе, в целом, и в Терской области, в частности. Так, довольно интересные материалы выявлены в Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-Алания). Судя по этим документам, наибольшую научную активность в регионе проявляли три организации: Общество любителей кавказской археологии (учреждено в 1873 г. на основе Кавказского археологического комитета), Императорское Московское археологическое общество (учреждено в 1864 г.) и Императорская Археологическая комиссия (учреждена в 1859 г.).

Наибольшими полномочиями пользовалась ИАК. Высочайшим повелением от 11.03.1889 г. ИАК получала «исключительное право производства и разрешения, с археологической целью, раскопок в Империи... Все учреждения и лица, предполагающие производить подобные раскопки, обязаны входить в предварительное соглашение с Императорской Археологиче-

ской комиссией. Открываемые при раскопках ценные и особо важные в научном отношении предметы должны быть присылаемы в Императорскую Археологическую комиссию...». Соответствующие распоряжения были направлены в июне 1889 г. начальнику Терской области А. М. Смекалову. К письму прилагались образцы выдаваемых комиссией открытых листов, для рассылки их окружным начальникам «с тем чтобы лица, их не имеющие, не были допускаемы к археологическим раскопкам» (ЦГА РСО-Алания Ф. 12, оп. 2, д. 579, лл. 117–117 об.).

Несмотря на столь широкие полномочия ИАК, изучением Терской области более широко занималось Московское археологическое общество. Об этом свидетельствует финансирование его раскопок на Кавказе императором Александром III (15000 руб. в 1886 г. и 10000 руб. в 1888 г.), результатом чего стало издание 12-ти томов «Материалов по археологии Кавказа». В ЦГА РСО-Алания имеется переписка председателя общества графини П. С. Уваровой с атаманом Терского казачьего войска с просьбами о содействии в производстве раскопок (Ф. 12, оп. 2, д. 579, лл. 111–111об., 121–121об., 122).

Столь активная деятельность Московского археологического общества порой вызывала недовольство ИАК, на что указывает председатель комиссии граф А. А. Бобринской в письме начальнику Терской области С. В. Каханову от 31.10.1890 г.: «Императорское Московское археологическое общество, ежели желает производить раскопки на землях, вверенной Вашему Превосходительству области, непременно обязано получить от Императорской Археологической комиссии надлежащие открытые листы по известному Вам образцу» (Ф. 12, оп. 2, д. 579, лл. 131–132об.).

Несмотря на некоторые противоречия, названные археологические организации делали одно дело и ставили перед собой одни и те же задачи. Одной из важнейших их целей было противодействие незаконным археологическим раскопкам, о чем свидетельствуют как учредительные документы этих организаций (напр., Устав Общества любителей кавказской археологии – Ф. 12, оп. 2, д. 303, лл. 3–6об.), так и некоторые письма. В частности, в письме от 20.07.1890 г. начальник штаба Кавказского военного округа информирует начальника Терской области о приезде директора Антропологического музея в Вене Франца Хегера, имевшего целью «по частным сведениям <...> производить в крае и археологические раскопки» и просит «сделать распоряжения о недопущении вышеупомянутого иностранца и вообще лиц, не имеющих особого разрешения, к производству раскопок в Терской области» (Ф. 12, оп. 2, д. 579, лл. 122об.–123). В письме атаману Терского казачьего войска от 27.06.1890 г. председатель Московского археологического общества П. С. Уварова отмечает: «Обществу известно, что могильники, в особенности в горных местностях Осетии и Чечни, раскапываются местными жителями немилосердно и что, кроме того, в Осетию намеревается прибыть французский ученый Морган с теми же целями... Общество имеет честь обратиться с покорнейшими просьбами: 1) воспретить, по возможности, хищническую раскопку могильников и курганов, 2) не позволять Моргану раскопок...» (Ф. 12, оп. 2, д. 579, лл. 121, 121об.).

Однако гораздо более сложной проблемой была борьба не с единичными иностранными визитерами, а с массовыми грабительскими раскопками, осуществлявшимися местным населением. Начальник Владикавказского округа Д. К. Голубов в рапорте начальнику Терской области от 28.06.1878 г. сообщает: «хотя мною и воспрещено жителям (сел. Камунта – А. Ц.) делать дальнейшие розыски, жители продолжают ночью, тайным образом отыскивать дорожные вещи и сбывать их в посторонние руки» (Ф. 12, оп. 2, д. 422, лл. 1–1об.). Такие факты носили массовый характер и неоднократно вызывали возмущение местных властей, не находивших действенных способов их пресечения. Важно заметить, что имена наиболее активных «находчиков» были властям хорошо известны: «Проживающий во Владикавказе Илья Дзилихов не только сам своевольно раскапывает и грабит древние могильники, но имеет в горах постоянных своих комиссионеров, которые <...> указывают жителям горских общин на необходи-

мость раскопок и скупают у них добываемые вещи, которыми впоследствии открыто торгуют» (Ф. 12, оп. 2, д. 579, лл. 115–115об.).

Отчасти администрация Терской области и названные археологические организации сами способствовали такой ситуации, покупая у местного населения археологические предметы. Так, упомянутый Илья Дзилихов, сельский писарь Галиатского прихода, докладывает 10.08.1886 г. о покупке в с. Лезгор древнего медного креста и направляет его «на исследование древности» (Ф. 12, оп. 2, д. 579, л. 36). Дело закончилось в декабре 1887 г. приобретением креста у И. Дзилихова ИАК за 5 руб. (Ф. 12, оп. 2, д. 579, л. 88). В 1885 г. начальник Терской области Е. К. Юрковский направляет циркулярное письмо окружным начальникам и полицмейстерам, где предписывает выяснить, «согласны ли находчики и владельцы древностей уступить их казне за соответственное денежное вознаграждение, которое, во всяком случае будет менее 1/3 сверх металлической стоимости древностей» (Ф. 12, оп. 2, д. 579, лл. 13, 13об.). Судя по всему, «находчики и владельцы» охотно уступали. Только одна группа находок, приобретенных в марте 1888 г. обошлась казне в 188 руб. (Ф. 12, оп. 2, д. 579, л. 96).

В заключение отметим, что за прошедшие сто с лишним лет проблема незаконных раскопок так и не нашла своего решения. В циркулярном предписании Министерства внутренних дел от 26.11.1886 г., подписанном товарищем Министра В. К. Плеве, говорится: «Только при единстве действий, клонящихся к сохранению памятников отечественной старины в одних руках можно достигнуть действительно полезного результата. Дозволение же всем желающим производить раскопки где угодно, располагать по усмотрению найденными вещами, должно повести только к окончательному разрушению и без того уже редящихся памятников древней России» (Ф. 12, оп. 2, д. 579, л. 52об.).

ВЫДАЮЩАЯСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬНИЦА КАВКАЗА Е. Г. ПЧЕЛИНА

М. З. Кетбиева (г. Минеральные Воды)

Евгения Георгиевна Пчелина является одним из незаслуженно забытых ученых-кавказоведов. Она относится к числу выдающихся русских/советских ученых первого поколения, заложивших основу современного кавказоведения (Вольная, 1995; Калоев, 2003. С. 98–111).

Е. Г. Пчелина родилась 31 декабря 1895 г. в г. Кутаиси (Западная Грузия) в семье генерала Георгия Бенедиктова. После окончания в 1914 г. Тифлисской женской гимназии и одновременно музыкального училища по классу фортепьяно она поступила в Московский Археологический институт. Первый опыт соприкосновения будущей исследовательницы с историей прошел в Московской и Владимирской губерниях, куда она попала на раскопки курганов, проводившиеся проф. В. А. Городцовым. До окончания института Евгения Пчелина каждый год участвовала в этих раскопках. В 1917 г. она защитила дипломную работу на тему «Черты армяно-грузинского архитектурного стиля в домонгольском зодчестве Руси», и, начиная с этой работы, всю жизнь она собирала материалы о связях Древней Руси с Кавказом.

В 1920-е гг. Евгения Георгиевна поступила на юридический факультет МГУ, затем училась на экономическом факультете Тифлисского политехнического института. Для дипломной работы ею была выбрана тема «Армянский Нахичеванский судебник XVIII в.». Она получила и архитектурное образование. О Е. Г. Пчелиной, как об ученом с разносторонними научными интересами, свидетельствует и тема ее кандидатской диссертации: «Находка древне-буддийского монастыря в холмах Кара-Тепе, Термез», – защищенной в 1944 г. на истфаке МГУ (Пчелина, 1946а). Евгения Георгиевна знала несколько иностранных языков, а грузинский был для нее вторым родным языком, который она преподавала в нескольких московских вузах.

В дальнейшем ее универсальное образование проявилось в широте ее исследовательского кругозора. Однако при выборе любой темы исследования ее интересы неизменно возвращались к истории Кавказа. Возможно, сказались проведенные на Кавказе детство и юность, а также ее абхазское происхождение (ее мать происходила из княжеского рода Шервашидзе).

Е. Г. Пчелина отдала много сил и времени музейной работе. Она успешно сочетала этнографические исследования с многолетними археологическими раскопками. Какой из двух этих наук она отдавала предпочтение – сказать трудно. С начала ее научной деятельности, с 1920-х гг. и до последних дней жизни, главным объектом ее исследований была Осетия – Южная и Северная, изучению которой отдала 53 года своей жизни. С 1915 по 1920 гг. она работала в музее и архиве Московского Археологического института. С 1919 г. была хранителем отделов археологии и нумизматики Ярославского исторического музея. В 1920–1932 гг. Е. Г. Пчелина – сотрудник ГИМа (Москва). Работая в ГИМе, Евгения Георгиевна оказывала большую помощь музеям республик и областей Кавказа, где также проводила археологические и этнографические экспедиции.

Евгения Георгиевна с 1926 г. начала составлять карту святилищ Северной Осетии. Велика заслуга Е. Г. Пчелиной в составлении карты перевальных дорог Главного Кавказского хребта. Она единственная из археологов того времени прошла все перевалы центральной части Главного Кавказского хребта с целью раскрытия системы путей, соединяющих Северный Кавказ с Закавказьем и горные области между собой, изложив результаты своего исследования в статье «Крепость Зильде-Машиг» (Пчелина, 1934. С. 87–101).

В 1932 г. ГИМ направил Евгению Георгиевну в Азербайджанский комитет по охране памятников старины, где она возглавила археологические раскопки ханского дворца в Баку перед его последующей реставрацией и переделкой под Музей истории культуры Азербайджана. Евгения Георгиевна участвовала в археологической экспедиции, обследовавшей городище Уран-Кала в Мильской степи Азербайджана. Она одновременно работала директором Азербайджанского антирелигиозного музея в Баку. Благодаря этим исследованиям появились путевые заметки по Курдистанскому району Азербайджана (Пчелина, 1932. С. 108–121) и статья «Армянские памятники на территории Азербайджанской ССР» (Пчелина, 1940. С. 243 сл.).

Вернувшись в Москву через год, Е. Г. Пчелина была назначена ученым секретарем и заместителем директора Загорского антирелигиозного музея, помещавшегося в одном из зданий Троице-Сергиевой Лавры. По архивным данным известно, что в 1928 г. она числилась в списке штатных научных сотрудников Института этнических и национальных культур народов Востока, в котором работали выдающиеся кавказоведы: Н. Я. Марр, Н. Ф. Яковлев, А. А. Миллер, Б. В. Миллер, Б. А. Куфтин, А. Н. Генко, Е. М. Шиллинг, К. Д. Дондуа.

С 1933 г. и до конца жизни ее внимание было направлено, преимущественно, на изучение Осетии. Евгения Георгиевна начала исследование малоизученных к тому времени археологических памятников Алагирского ущелья. Ею велись реставрационные работы в деревянном святилище Реком Цейского ущелья, где в 1936 г. провела археологические работы внутри и вокруг святилища. Эти раскопки дали более 11 тысяч предметов VIII в. до н.э. – начала XX в. Находки свидетельствовали о культурных связях Осетии с Грузией, Ираном, Турцией, Византией на разных этапах функционирования этого памятника. В этом же году Е. Г. Пчелиной исследованы разрушающиеся памятники скифского времени, поврежденные во время прокладки Дигорского оросительного канала.

Занимаясь исследованием традиционного осетинского жилища, Е. Г. Пчелина приходит к выводу, что в районе Главного Кавказского хребта культура не совпадает целиком с народом и зависит от условий быта и местности. В результате поездок по Осетии 1924–1932 гг. появилась ее работа «Обряд гостеприимства в Осетии» (Пчелина, 1932. С. 140–163). Параллельно с этой работой у Евгении Георгиевны накапливался материал по осетинским фамилиям.

С 1939 по 1948 гг. Е. Г. Пчелина продолжает свою деятельность в качестве старшего научного сотрудника отдела Востока ГЭ (напр., Пчелина, 1947. С. 133 сл.; и др.). С 1939 г. по 1941 г. она осуществляет шефство по истории и археологии над осетинским Музеем краеведения. После окончания Великой Отечественной войны по просьбе Северо-Осетинского краеведческого музея Евгения Георгиевна продолжила шефство над ним.

С этим периодом связано интересное открытие – исследование Нузальской часовни. По ее предположению, тело Давида-Сослана – мужа грузинской царицы Тамары, умершего между 1207 и 1209 гг., находилось в Нузальской часовне. Она основывала свои предположения на том, что Давид-Сослан происходил из осетинского рода Царазонта, который вышел из селения Нузал Алагирского ущелья. И поскольку Нузал является его родовым селением, то он должен быть похоронен в этой церкви (Пчелина, 1946б). В мае–июне 1946 г. Е. Г. Пчелина начала исследование часовни, где была обнаружена высеченная из камня гробница, в которой лежал скелет мужчины (35–40 лет). Отсутствие многочисленного и пышного погребального инвентаря, по мнению Е. Г. Пчелиной, компенсировалось «богатством» самого погребального комплекса (Кузнецов, 1990. С. 180. Рис. 35).

Из письма Е. Г. Пчелиной В. А. Кузнецову (от 18 мая 1963 г.) о погребальном инвентаре Давида-Сослана: «...это погребение Давида Сослана, в это я верю, уверена, знаю. То, что в погребальном инвентаре этого погребения было только несколько предметов, и именно тех, о которых вы мне пишете, ничего не определяет. Это в стиле его времени и обычаев осетин. Без знания этнографии нельзя заниматься археологией средневековья осетин, да и алан конечно тоже. Меч, кольчуга, лук, стрелы Давида Сослана лежали в его родовом Святилище Реком...». Вопрос о личности погребенного в Нузальской часовне пока окончательно не решен.

Здесь нет возможности рассказать обо всех интересах, экспедициях, опубликованных и неопубликованных исследованиях Е. Г. Пчелиной. Евгения Георгиевна блестяще играла на рояле. Увлечение с детства верховой ездой пригодились ей в практике полевой работы. Это была талантливая, яркая и глубоко преданная науке женщина, неторопливо, тщательно и скрупулезно разрабатывавшая актуальные проблемы истории, археологии, этнографии Кавказа. Она комплексно использовала данные фольклора, археологии и письменных источников и сама занималась сбором фактического материала.

Значительная часть ее научного наследия осталась в рукописях и лежит в архивах. Евгения Георгиевна еще при жизни переживала за свой архив. В одном из писем В. А. Кузнецову (от 10 апреля 1959 г.) она написала: «Вообще думаю о своем архиве – очень много собрано, но издавать негде, кто будет дорабатывать этот материал. В чьи руки он попадет. Пока еще я трудоспособна, но предпринимать шаги загодя лучше, чем потом все пропадет». В 2012 г. исполнилось 40 лет со дня ее смерти – 25 ноября 1972 г. Евгении Георгиевны не стало.

Учитывая заслуги Евгении Георгиевны перед кавказоведением, считаем целесообразным поставить вопрос об издании сборника трудов Е. Г. Пчелиной, что может стать лучшим памятником выдающейся исследовательнице народов Кавказа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вольная Г. Н. Пчелина Евгения Георгиевна (1895–1972). Армавир. 1995 (Российские исследователи Кавказа. Серия истории, археологии, этнографии. Вып. 9).
- Калоев Б. А. Е. Г. Пчелина – ученый-кавказовед // ЭО. 2004. № 3.
- Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ. 1990.
- Пчелина Е. По Курдистанскому уезду Азербайджана (путевые заметки) // СЭ. 1932. № 4.
- Пчелина Е. Г. Крепость «Зильде-Машиг» // СЭ. 1934. № 3.
- Пчелина Е. Г. Армянские памятники на территории Азербайджанской ССР // Тр. отдела [истории культуры и искусства] Востока ГЭ. Л. 1940. Т. III.

- Пчелина Е. Г.* Древне-буддийский монастырь в Кара-Тепе в Термезе (автореферат диссертации канд. ист. наук) // Доклады и сообщения Исторического факультета Московского Университета. М. 1946а. Вып. 4.
- Пчелина Е. Г.* Нузальская часовня – погребальный склеп Давида-Сослана // Растзинад. 1946б. № 115.
- Пчелина Е. Г.* Урсдонское ущелье в Северной Осетии (по поводу находки сасанидского кубка) // Тр. от-дела [истории культуры и искусства] Востока ГЭ. Л. 1947. Т. IV.
- Пчелина Е. Г.* Обряд гостеприимства в Осетии // СЭ. 1932. № 5–6.
- Пчелина Е. Г.* Письмо А. В. Кузнецову от 10 апреля 1959 года // Личный архив В. А. Кузнецова.
- Пчелина Е. Г.* Письмо А. В. Кузнецову от 18 мая 1963 года, г. Ленинград // Личный архив В. А. Кузнецова.

НЕКОТОРЫЕ «НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ» ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ КАВКАЗА И РОССИИ

В. А. Кузнецов, Г. Б. Романова (г. Минеральные Воды)

Двадцатый век завершился грандиозным геополитическим событием – распадом СССР, бывшего территориально крупнейшим государством мира и второй сверхдержавой. Последовавшие глубокие потрясения не могли миновать сферу науки, впавшей в острый кризис – к 2000 г. финансирование науки было сокращено в 30–50 раз и составило 0,5 процента ВВП России. На фоне этого общего кризиса российской науки, потери кадров, распада связей, падения престижа и социальной роли ученых стал очевиден факт реанимации и наступления сил, враждебных науке и не имеющих к ней никакого отношения. Парадоксально, но факт, в конце XX–начале XXI в. расцветает и обскурантизм в средневековых формах. Происходит возрождение различных оккультных и эзотерических «наук» и т.д. И все это вместо модернизации не только экономики и социальной структуры общества, но и культуры и образования, самого человека, что особо важно для настоящего и будущего страны.

В этот круг широко распространившихся негативных общественных явлений входит и явление т. н. паранауки, «лженауки», рядящейся в научные одежды. В нашей области знаний нужно говорить о параистории. История как наука демократична, для мало-мальски образованного человека она представляется простой и доступной, не требующей профессиональной подготовки. Кажущаяся доступность привлекает к истории многочисленных дилетантов, склонных к сенсационным «открытиям» и новым «революционным» концепциям, подчас курьезным. Так, писатель В. Чивилихин (1982. С. 21), ссылаясь на археолога В. Ларичева, открыл в Сибири «древнейшую цивилизацию планеты» с возрастом 34 тысячи лет.

На Кавказе в национал-патриотические идеи оказались втянуты не только дилетанты, но и местные ученые, формирующие свой комплекс превосходства. Так, член-корр. АН Грузии М. Лордкипанидзе писал об Абхазии: «Территория нынешней Абхазской автономной республики по данным письменных источников (иностранных и грузинских) издревле была населена грузинскими племенами <...>, современные абхазы на территорию исторической Абхазии проникли с XVII в. из Северного Кавказа» (Лордкипанидзе, 1989). Согласно другому ученому Л. Тухашвили, «политическая активность грузин началась 60 веков назад <...> в Колхиде родилась не только государственность, но и медицинская наука. Урарту, Каппадокия, Пафлагония – суть грузинские государства последующих времен», «грузины лишили ума персов, поглотили Римскую империю, Византию, а сами остались невредимыми» (Тухашвили, 1989). Подобные примеры можно приводить еще, их немало, и они уже рассматривались в специальных публикациях (Кузнецов, Чеченов, 1998; Гаджиев и др., 2006). Политические подтексты в них не вызывают сомнения также, как не вызывает сомнения их непричастность к научному познанию истины – главной цели науки.

В настоящее время активизация и наступление паранауки в России продолжается и поддерживается определенными группами общества. Так, широкую известность получила поддельная «Книга Велеса» с подзаголовком «Писано волхвом Ягайло Ганом, из рода Ганов Старгородских, в Новгороде Великом, Суроже и Киеве IX века». В 2008 г. усилиями московского писателя А. Асова вышло ее четвертое издание. По его словам, «Книга Велеса» – это священное Писание славян, посвященное богу Велесу и описывающее историю славян от XX тыс. лет до н.э. по IX в. н.э. Фальшивое происхождение этого произведения показано в ряде статей (напр., Щапов, 1988. С. 184; Творогов, 1988. С. 77–102). Тем не менее, подделка начала XIX в. популярна и породила т. н. влесеведение и энтузиастов, готовых ему помогать.

Мы не ошибемся, если скажем, что параистория наступает не только вширь, но и вглубь российского пространства. В качестве примера приведем некоторые факты из повседневной жизни Кавказских Минеральных Вод.

В местной газете «Время Минеральных Вод» в сентябре–октябре 2010 г. была опубликована серия статей проректора по науке Северо-кавказского филиала Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова (Минеральные Воды), профессора, кандидата технических наук И. М. Кондракова. Названный ученый в своих статьях пропагандирует новую концепцию истории России и русского народа, предложенную «академиком» Н. В. Левашовым в его книге «Россия в кривых зеркалах». К сожалению, мы не знаем нашего земляка – кисловодчанина Н. В. Левашова и его книгу. Но некоторое о нем представление дает его рекламный буклет с портретом и заверением в том, что это «человек, который силой своей мысли исцеляет людей от страшнейших болезней, останавливает ураганы, влияет на планетарные процессы и события в нашей Вселенной. Это русский ученый и исследователь, академик нескольких академий, удивительнейший человек современности». Как видно, академик скромностью не страдает.

Его последователь профессор И. М. Кондраков развивает, судя по статьям, взгляды «академика» Левашова и создает истинную картину истории славяно-русов и «мировой истории в целом». По И. М. Кондракову, суть дела в том, что «коммунисты под руководством евреев и под маркой «интернационализма» долго вымарывали и причесывали под себя Славянскую тему в истории» (газ. «Время Минеральных Вод» (далее ВМВ) от 14.09.2010). Наша наука объявляется официальной академической подделкой, написанной беспринципными историками в угоду правителям, начиная с царя Михаила Романова и заканчивая руководством СССР и постсоветской России. Тем самым историографическая традиция и преемственность научной парадигмы, созданная трудом многих поколений историков, становится якобы «устаревшей» и косной. По Кондракову, подлинная история «славяно-ариев начинается 604381 лет назад с истории Северной страны Даарии – Дар Богов, другое название – Северия, Гиперборея, Арктида. До сих пор в Ледовитом океане на островах находят остатки величественных строений Даарии. После гибели Даарии оставшиеся в живых переселились в Беловодье в Сибири. Эти места назывались Асией (Азия), страной богов. На месте г. Омска был город Асгард Иррийский, простоявший 106308 лет. Этот период истории славян нигде не преподают и не раскрывают, хотя он насчитывает более шестисот тысяч лет» (ВМВ от 14.09.2010). Амбиции вождей антов привели их к мировой войне с т. н. метрополией. Цитируем: «следы ядерных ударов имеются на Земле в разных регионах: Урал, Африка, плато Мохенджо Даро (Индия)». После этой войны Земля погрузилась в ядерную зиму, цивилизация деградировала до уровня каменного века (ВМВ от 21.09.2010). Такова в самом общем виде «новаторская» концепция, поражающая воображение массового читателя – русскому народу более 600 тысяч лет, и он уже тогда обладал ядерным оружием. Поражают и более частные «открытия» Кондракова, который о татаро-монгольском нашествии и иге пишет, что «это миф, придуманный романовскими историками. Татары никогда не воевали против Руси».

Еще одна научная новость – открытие П. Орешкина, установившего, что египетские иероглифы написаны разными буквами, но на одном языке – русском (ВМВ от 21.09.2010). Столицей древней Русколании, согласно «Влесовой книге», были современные балкарские селения Верхний Чегем и Безенги. Здесь около 30 веков назад располагался город Кияр, т. е. первый город Киев. Второй Кияр находился в Пятигорье (ниже Провала). Однако, почему-то археологам Кабардино-Балкарии и Кавминвод такие городища пока неизвестны. Отметим также «занятный» сюжет – согласно Плинию и Аммиану Марцеллину, предки славян-венедов роксолан и антов жили на Северном Кавказе. Русы пришли с Северного Кавказа. Якобы, согласно исследованиям академика Б. А. Рыбакова, на Северном Кавказе существовало государство Русколань, соотносимое с черняховской археологической культурой, а ее носителями были славяне. Здесь все ложно, ибо речь всегда шла только о Тмутаракани на Таманском полуострове (Рыбаков, 1982; Гадло, 2004). Северокавказское государство Русколань – миф. Черняховская культура III–IV вв. н.э. некоторыми исследователями считается протославянской, но она занимала лесостепные территории бассейнов Днестра, Южного Буга, Днепра и никакого отношения к Северному Кавказу не имеет. Так И. М. Кондраков перед читательской аудиторией создает видимость эрудированного ученого.

Полагаем, что приведенных фрагментов достаточно, чтобы сделать однозначный вывод – это типичное проявление паранауки, ориентированное на безудержное «улучшение» и «исправление» «испохабленной продажными историками и археологами» величественной истории русского народа. Все, что было сделано до «академика» Н. В. Левашова и профессора И. М. Кондракова, не годится, устарело и стало слишком пресным.

Остановимся на еще одном сенсационном «открытии» ранее неизвестного минераловодского исследователя А. В. Басхалилова (Басхалилов, 2007. С. 191–202). Автор – «зам. председателя регионального общественно-практического центра». Чем занимается этот центр и имеет ли отношение к науке, нам неизвестно. В начале своей статьи А. В. Басхалилов говорит о «несколько иной точке зрения на историю древнейших цивилизаций на Земле». Далее приводится небольшой (размеры и порода не указаны) каменный предмет в виде плоской плитки, найденный «группой краеведов КМВ» (фамилии не указаны) у горы Змейка в 1999 г. Поверхность плитки покрыта трещинами. Автор статьи пришел к мысли о том, что «это может быть ручной календарь – карта для пальцевого счета». «Специалисты» в области археологии, истории, геологии, астрономии (фамилии не указаны) подтвердили эти предположения. А. В. Басхалилов приходит к выводу, что плитка со Змейки – «энциклопедия древних знаний, календарь и математический справочник», позволяющий «вписать горы Пятигорья в древнюю систему астрономических привязок по наблюдениям Солнца и Луны». Эти весьма смелые выводы побудили А. В. Басхалилова допустить, что здесь находилась древняя астрономическая обсерватория. Вскоре она была обнаружена «в районе горы Бештау» – небольшой холм с каменной глыбой на вершине. Не будем касаться последующих математических выкладок А. В. Басхалилова и сообщим главное: в районе Пятигорья (горы Бештау и Змейка), у нашего скромного города Минеральные Воды открыта «древняя высокоинтеллектуальная цивилизация», названная А. В. Басхалиловым «Древнеаланской». Определен ее возраст – 28 миллионов 800 тысяч лет. Цитируем: «на основании имеющегося историко-архивного материала можно утверждать, что в глубокой древности местность Пятигорья была «Столицей Мира».

Но и это не предел. Цитируем: «Горы Кавминвод образовывались в нужных местах и по Высшему замыслу, т. е. имеют искусственное происхождение и вправе называться горами-пирамидами», они были гораздо выше и «подвергались искусственной обработке с целью придания им нужной специфической формы». Наши горы – лакколиты, таким образом, «не что иное, как прародители пирамид, находящихся в Египте, Мексике и Центральной Америке». И все это А. В. Басхалилову поведала небольшая каменная плитка из района горы Змейка.

Известно, что дилетантская паранаука тяготеет к занятым сенсациям, поражающим воображение. К примеру, заявляли, что Иван Грозный был женщиной (см. Неборский, 1996. С. 10–16). Если смотреть глазами И. М. Кондракова – это тоже новации в исторической науке и избобличать подобные «революционные» новаторские концепции невежественно и непатриотично. А вот положение о том, что мы живем в «столице Мира», а нашему народу более 600 тысяч лет – патриотично и никаких «застойных» и академических наук не надо.

Опасность паранауки в России и на Кавказе давно осознана. В 90-е гг. XX в. Президиум РАН создал комиссию по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. Президиум РАН опубликовал обращение к научным работникам, профессорам и преподавателям вузов, школ и техникумов, всему российскому интеллектуальному сообществу с призывом активно реагировать на появление псевдонаучных и невежественных публикаций, как в средствах массовой информации, так и в специальных изданиях, всемерно пропагандировать достоинства научного знания, рациональное отношение к действительности. Аналогичное обращение к ученым-кавказоведам было принято в 1996 г. на XIX «Крупновских чтениях» по археологии Северного Кавказа. Но, как видно из приведенных выше фактов, лжеученые и фальсификаторы не перевелись. Кампания дилетантов от истории, действующая в Кавказских Минеральных Водах, – это лишь верхушка айсберга, распространившегося во всей России. Мы не можем занимать позицию невмешательства, тем более в условиях многонационального Кавказа. Это – долг всех ученых Кавказа, представляющих науку историю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басхалилов А. В.* О результатах историко-археологических исследований в районе Кавминвод // Наука, экология и педагогика в технологическом университете. Ежегодная научно-практическая конференция ученых и студентов. Минеральные Воды. 2007. № 4.
- Гаджиев М. С., Кузнецов В. А., Чеченов И. М.* История в зеркале паранауки. М. 2006.
- Гадло А. В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории Русского княжения на Северном Кавказе. СПб. 2004.
- Кузнецов В. А., Чеченов И. М.* История и национальное самосознание. Пятигорск. 1998.
- Лордкипанидзе М.* Некомпетентность – в ранг истины? // Газ. «Заря Востока» от 21. 07. 1989.
- Неборский М.* Иван Грозный был женщиной! Как рождаются исторические мифы // Родина. 1996. № 5.
- Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М. 1982.
- Творогов О. В.* Что же такое «Влесова книга»? // Русская литература. 1988. № 2.
- Тухашвили Л.* Государственность: этапы развития // Газ. «Заря Востока» от 26. 05. 1989.
- Чивилихин В.* Память // Роман-газета. 1982. № 16.
- Щапов Я. Н.* Об изучении древнерусских письменных источников // Древности славян и Руси. М. 1988.

ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНЫМИ МЕТОДАМИ

Н. И. Завьялова (г. Москва)

В соответствии с действующим Российским законодательством для обеспечения сохранности объектов культурного наследия (ОКН) и их среды, сохранения за памятниками присущего им значения в облике населенного места и в ландшафте, а также целесообразного их использования устанавливаются зоны охраны. Проект зон охраны (предмет архитектурной деятельности, авторского права, юридический архитектурно-планировочный градостроительный культурно-охранный и ландшафтно-сберегающий документ, обеспечивающий стабильное земле- и природопользование) – первая стадия ландшафтного планирования,

неотъемлемая часть градостроительного и землеустроительного обеспечения развития исторических территорий. Целью установления зон охраны является создание оптимальных условий для сочетания охранных мероприятий и осуществления хозяйственной деятельности в проектных границах. В число ОКН кроме памятников архитектуры (монастырей, церквей, усадебных комплексов, ценной городской застройки и др.) входят и памятники археологии. Последние разделяются по времени создания и месту расположения. Наиболее древние сохрятся в культурном слое, средневековые могут быть, кроме того, в виде городищ, курганов и формировать рельеф местности, его своеобразный ландшафт. На месте наиболее древних памятников археологии могут располагаться городские кварталы, а может сохраняться природная среда. От всех перечисленных факторов зависят проектные решения.

В настоящей статье рассматривается внеурбанизированная природная среда – сельская местность. В первом случае памятники археологии опосредованно входят в проектные границы зон охраны ОКН – усадебных комплексов (монастырей, церквей). Другой тип ситуации – разработка проекта зон охраны собственно для памятников археологии.

Первая планировочная ситуация. Ландшафт Среднерусской равнины (Центрального региона России) сохранил средневековые черты, его можно назвать усадебным ландшафтом. В нем отражена совместная деятельность помещика и крестьян в земле- и природопользовании, он очень разнообразен. Однако неизменно его структура подчиняется определенной иерархии: усадебный ансамбль в центре системы расселения в окружении сельских поселений с примыкающими к ним пашнями, сенокосами, пастбищами, лесами с полянами – памятниками ландшафтной археологии – оселками. Вся система расселения пронизана проселочными дорогами, лесными тропами, просеками. Озерный или речной (крупных рек) тип ландшафта – с расположенными по побережью сельскими поселениями и теми же чертами сельскохозяйственного и лесного ландшафта. Памятники археологии: селища, стоянки, курганные могильники, памятники ландшафтной археологии – оселки, старинные коммуникации, – опосредованно входят в ту или иную зону охраны. Примерами могут быть ПЗО некоторых усадебных комплексов Московской обл. Структурно зоны охраны состоят из территории памятника, охранной зоны, зон регулирования застройки и зоны охраняемого ландшафта. Территория памятника устанавливается обычно в границах исторического парка, здесь же могут находиться и культурные слои памятников археологии. Локальные территории памятников устанавливаются в границах культурного слоя памятников археологии, которые могут располагаться в зонах охраны (охранной зоне, зоне охраняемого ландшафта). Речь идет о городищах, селищах, курганных могильниках. В границах селитебных территорий устанавливаются зоны регулирования застройки, а в тех из них, которые возникли на древних освоенных местах, локализуется культурный слой, для которого разрабатываются режимы содержания, установление территории памятника в жилом поселении вызвало бы непреодолимые трудности в процессе жизнедеятельности (реконструкции, перестройки жилых строений и пр.) Памятники археологии окрестностей Поречья Уваровых Московской обл. расположены при слиянии р. Песочни и р. Москвы, культурный слой включен в территории памятников в окружении зоны охраняемого ландшафта. Средневековое селище обнаружено в старинном парке усадьбы Середниково, установлены границы культурного слоя в границах территории памятника усадьбы. Неподалеку от усадьбы Никольское-Гагарино расположено ледниковое Тростенское озеро, коренные берега которого были заселены с глубокой древности. Выявленные археологическими исследованиями границы культурного слоя этих поселений включены в территории локальных памятников с соответствующими режимами. Часть курганных могильников в окрестностях Талашкина снесена при распахке. Памятники археологии окрестностей усадьбы Кирицы расположены при слиянии рек Кирицы и Прони в низкой пойме. Установлены локальные границы территории памятников.

Вторая планировочная ситуация. Вторым тип планировочной ситуации рассмотрим на примере таких территорий, как Археологический комплекс на озере Волго – одного из системы Верхневолжских озер и Дунинский ландшафтно-археологический комплекс (г. Звенигород, Одинцовский р-н Московской обл.). В этих двух случаях зоны охраны разрабатываются специально для памятников археологии как для ОКН (рис. 1).

Предпосылкой создания ПЗО археологического комплекса на озере Волго явилось намерение строительства базы отдыха одной из московских организаций. Участок расположен на остроконечном мысу, впадающем в озеро Волго. При разработке проектной документации базы отдыха обнаружилось, что испрашиваемая под строительство территория насыщена памятниками археологии, частично паспортизированными. В границах землеотвода на площади 41 га было обследовано шесть стоянок эпохи мезолита VI–VII вв. до н.э., бронзового века II тыс. до н.э.; пять селищ от раннего средневековья VI–VIII вв. до позднего XIV–XVII вв.; четыре средневековых курганных могильника из 52-х насыпей, шесть местонахождений древних культовых и хозяйственных объектов. Исследования показали, что правосторонняя береговая часть озера Волго активно использовалась на протяжении VIII–IX вв. Часть памятников находится в зоне затопления. Мысообразный участок порос сосновым лесом, среди которого «островами» возвышаются курганные группы. Особый интерес представляет курганная группа, расположенная рядом с мысом и состоящая из 24-х насыпей, датируемая концом I–началом II тыс. н.э. и относящаяся к культуре длинных псковских курганов VI–VIII вв. (занимала площадь размерами 410×130 м). Симметрично по другую сторону мыса расположена курганная группа из 16 насыпей на площади 220×95 м. Предположительно эти два курганных могильника образовывали один большой погребальный комплекс, соотносящийся с поселением VI–VIII вв. Подобный комплекс древнерусского времени располагается и на центральном участке землеотвода. В ходе создания проекта зон охраны были проведены историко-архивные исследования, целью которых было показать ценность культурного ландшафта постсредневекового периода развития местности. Были изучены картографические материалы конца XVIII–середины XIX вв.

Проведенные ботанические исследования позволили произвести ландшафтное зонирование Бора, выделив в нем 19 участков, соответствующих 15 типам леса. При этом намечены места более активного освоения территории при въезде в южной части и более щадящие – к северу в Центральной сосново-вересковой роще, Западной и Северной рощах. В соответствии с действующим законодательством были установлены следующие зоны охраны: 1) территория отдельных памятников археологии; 2) территория Археологического комплекса (ансамбля); 3) охранный зона; 4) зона охраняемого ландшафта; 5) зоны регулирования застройки.

Территория памятников археологии устанавливается в границах культурного слоя курганных могильников, стоянок, селищ и местонахождений, выявленных в результате проведенных археологических исследований. На территории памятников археологии *запрещается*: перепланировка, оборудование территории, не отвечающее сохранности памятника; уничтожение и повреждение памятников археологии и природных объектов; отвод земельных участков для размещения любого строительства: жилого, промышленного, сельскохозяйственного, рекреационного как частного, так и общественного и расширения существующего; устройство гидротехнических сооружений; прокладка всех видов наземных и подземных коммуникаций; разработка всех видов полезных ископаемых; всякое нарушение культурного слоя (посев трав, боронование, внесение удобрений, лесопосадки, проход трелевочного транспорта и др.); на селищах, подвергающихся распашке, запрещается всякое нарушение культурного слоя ниже слоя вспашки (0,3 м), запрещается всякое иное, кроме распашки нарушение верхнего слоя (нивелировка, перемещение на новое место, прокладка коммуникаций и сопутствующие работы); возведение любых строений и сооружений, коллективных садов и др.; проведение рубок главного пользования – сплошных и

Рис. 1. Генплан зон охраны Поречьевского археологического комплекса, Дунинского ландшафтно-археологического комплекса, усадьбы Поречье Попова, дома-музея М. М. Пришвина Одинцовского района Московской области

постепенных; проведение рубок ухода, лесопосадок на лугах и полянах; применение трелевочной гусеничной техники; подсочка древесных пород; выпас скота в лесных массивах.

На территории памятников археологии *рекомендуется*: составление паспортов и постановка на охрану памятников археологии; инструментальная привязка территорий памятников археологии при разработке уточненных режимов зон охраны; составление охранного обязательства по каждому памятнику; сохранение мохового, дернового и травянистого покрова памятников; проведение природоохранного мониторинга под руководством дендролога. Территории памятников археологии относят к Землям историко-культурного назначения, вносятся в земельный кадастр и выносятся в натуру в виде межевых знаков.

Согласно законодательства к объектам культурного наследия отнесены, в т.ч. ансамбли – четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединенных памятников. Это относится к Археологическому комплексу (ансамблю) в границах базы отдыха ООО «Усадьба Волго», который объединяет отдельные памятники археологии в их природном окружении. К ним относятся территории восьми лесных выделов, в частности, Центральная сосново-вересковая роща площадью около 5 га, расположенная в центральной части Губинского Бора, в центре его композиции, с памятники археологии по ее сторонам. Можно предположить, что именно она наделена сакральным смыслом, свидетельства которого предстоит выявить последующими археологическими и палеоландшафтными исследованиями. В границах Археологического комплекса, включая отдельные памятники археологии, выделено шесть подзон различных типов ценной растительности с дифференцированными режимами использования. На части территории Археологического комплекса, учитывая повышенную уязвимость природного комплекса, устанавливается строгий режим использования, включающий все ограничения, наложенные на территорию отдельных памятников археологии.

Режимы содержания территории памятников археологии соответствуют описанным выше. На территории отдельных памятников археологии *рекомендуется заповедный режим*: 1) участки в пределах Центральной и Западной сосново-вересковых рощ и Северной сосново-вейниковой рощи: режим ограниченных посещений, прокладка дорожек осуществляется по специальному проекту. Вагончики строителей с территории выводятся; 2) участки в пределах сосняков с подлеском и травяным покровом: режим ограниченных посещений, прокладка дорожек осуществляется по специальному проекту; 3) заболоченное озеро: воссоздание внутреннего водоема с сохранением островков и обустройством берегов. *Рекомендуется*: составление паспортов и постановка на охрану памятников археологии; составление охранного обязательства по каждому памятнику; сохранение мохового, дернового и травянистого покрова памятников; проведение природоохранного мониторинга под руководством дендролога.

Территория Археологического комплекса используются как территория заповедного и ограниченного культурно-рекреационного назначения в качестве экспозиции памятников археологии, с устройством пешеходных троп с мягким покрытием, видовых площадок и площадок сосредоточения групп экскурсантов. Здесь имеет место установка стенда, на котором в электронном виде может демонстрироваться изображение реконструированных памятников археологии – стоянок, селищ, курганных могильников. Территория Археологического комплекса относится к Землям историко-культурного назначения, и вносится в земельный кадастр и выносятся в натуру в виде межевых знаков.

Охранная зона – территория, в пределах которой в целях обеспечения сохранности объекта культурного наследия в его историческом ландшафтном окружении устанавливается особый режим использования земель, ограничивающий хозяйственную деятельность и запрещающий строительство, за исключением применения специальных мер, направленных на сохранение и регенерацию историко-градостроительной или природной среды объекта культурного наследия.

В охранной зоне независимо от принадлежности земель запрещается: уничтожение и по-

вреждение памятников археологии и ценных природных объектов; отвод земельных участков для размещения любого строительства и расширения существующего; отвод земельных участков под учреждения отдыха и коллективные сады; прокладка автодорог, железных дорог, линий электропередач, газа, нефтепроводов и др. наземных и подземных коммуникаций; разработка месторождений всех видов полезных ископаемых и какая-либо иная деятельность, связанная с разработкой карьеров; добыча песка, гравия, дерна и др. материалов; геологическое бурение и другие земельные работы; движение и стоянка механизированного транспорта вне предусмотренных мест; захламление угодий, оврагов и др. территорий; проведение рубок главного пользования; осушение болот.

Зона охраняемого природного ландшафта – территория, в пределах которой устанавливается режим использования земель, запрещающий или ограничивающий хозяйственную деятельность, строительство и реконструкцию существующих зданий и сооружений в целях сохранения (регенерации) природного ландшафта, включая долины рек, водоемы, леса и открытые пространства, связанные композиционно с объектами культурного наследия. Граница зоны охраняемого ландшафта, как внешняя, включает в себя (ограничивает) ландшафтный объект, в котором памятники истории и культуры (в данном случае памятники археологии) органично расположены в современном им природном окружении. Такой ландшафтный объект является законченным по своей объемно-пространственной композиции с иерархией частей (ядро и периферия), обладает признаками цельности – номенклатурой частей (выделов), несущих черты традиционного земле- и природопользования: сельскохозяйственных угодий – полей, лугов, пастбищ, лесных массивов, водных объектов, исторических коммуникаций (полевых и лесных дорог, поселений).

Природный ландшафт составляет единое целое с Археологическим комплексом и отдельными памятниками археологии, расположенными по побережью и представляет собой природно-территориальный комплекс с сохранившимися признаками средневековья, а позже – как образец помещичьего и крестьянского земле- и природопользования. Памятники археологии на всем протяжении тысячелетий традиционно сохранялись. Зона охраняемого ландшафта устанавливается на части акватории в границах водных объектов по состоянию на середину XIX в. до создания Верхневолжского водохранилища. В зоне охраняемого ландшафта независимо от принадлежности земель *запрещается* деятельность, влекущая за собой изменения исторически сложившегося природного ландшафта, снижение или уничтожение экологических, эстетических и рекреационных свойств территории, в т.ч.: отвод земельных участков для размещения любого строительства и расширения существующего; отвод земельных участков под коллективные сады; прокладка автодорог, железных дорог, линий электропередач, газа, нефтепроводов и др. наземных и подземных коммуникаций; разработка месторождений всех видов полезных ископаемых и какая-либо иная деятельность, связанная с разработкой карьеров; добыча песка, гравия, дерна и др. материалов; геологическое бурение и другие земельные работы; движение и стоянка механизированного транспорта вне предусмотренных мест, для чего необходимо установить у выхода дорог на автомагистраль знаки, препятствующие проезду; захламление угодий, оврагов и др. территорий; проведение рубок главного хода; осушение болот; распашка старых дорог, являющихся памятниками археологии; раскорчевка лесов и участков, занятых кустарником, отдельных групп деревьев и небольших массивов под распашку; осуществление лесопосадок на лугах и полянах; применение трелевочной техники гусеничной техники; проведение подводных археологических раскопок без открытого листа, углубление дна, строительство гидротехнических сооружений. Порубочные билеты выдавать по согласованию с органами охраны памятников.

В зоне охраняемого ландшафта *разрешается*: сельскохозяйственная деятельность, не со-

провожающаяся искажением ландшафта, не требующая возведения построек; сенокос, возделывание полевых культур, использование сельхозугодий по назначению; ведение лесного хозяйства по принципу лесопарковых лесов. В границах зоны охраняемого ландшафта устанавливается статус территориальной зоны.

В целом стратегия охраны культурного и природного наследия в границах зон охраны предполагает последовательную реализацию следующих направлений: разработку рекомендаций по охране территории от неблагоприятного антропогенного воздействия; выявление и сохранение уникального базового археологического ландшафта, являющегося основообразующей экосистемой территории, незатронутой на протяжении всего исторического периода хозяйственной деятельностью – феноменом для Тверской области; выявление мест произрастания редких видов растений; разработку предложений по постановке на охрану памятников природы; разработку дифференцированных режимов содержания для базы отдыха ООО «Усадьба Волго»; разработку и внедрение эффективных методов охраны природы и культуры, поддержание экологического баланса в условиях рекреационного использования.

Другим примером может быть проект зон охраны комплексного историко-культурного объекта, в котором памятники археологии играют ведущее значение, в его состав входят: памятник истории и культуры конца XIX–начала XX вв. усадьба Поречье Попова, Дунинский ландшафтно-археологический ансамбль (комплекс) VIII в. до н.э. – V в. н.э., XII–XVII вв., Поречьевский археологический комплекс X–XIV вв., Дом-музей М. М. Пришвина Одинцовского района и г. Звенигорода Московской обл. (рис. 1).

В последнее десятилетие бурный процесс коттеджного строительства задел эти древнейшие пришвинские ландшафты. Территория проектирования расположена на крутом склоне Правобережья р. Москвы, покрытого хвойно-широколиственными насаждениями и представляет собой уникальную научную и природоведческую ценность. Лесные массивы консервировали культурный ландшафт раннего железного века, что обусловило его сохранность. На Дунинский археологический ансамбль (комплекс) в составе Дунинских селищ и Дунинского городища, разработано 35 паспортов. Дунинское городище раннего железного века (родовой укрепленный поселок I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) признается учеными, как один из лучших по сохранности памятников дьяковской культуры Московского региона. Археологические памятники и памятники ландшафтной археологии представляют собой ландшафтно-археологический комплекс, который отражает хозяйственную деятельность раннего железного века как целостную систему. Это реликтовый национальный ландшафт, характеризующий древнейший этап освоения человеком Подмосковья, сформированного многими поколениями и этносами. Он отличается органичным сочетанием природного и антропогенного, эстетической привлекательностью и хозяйственной целесообразностью, представляет систему, отражающую многоплановую хозяйственную деятельность населения раннего железного века, сформирован угро-финами в I тыс. до н.э., балтами в I тыс. н.э. и славянами в X–XIII вв. и близок по своему типу к культурным ландшафтам кельтов Западной и Центральной Европы латенского времени, а по целостности и аутичности соответствует наиболее высоким международным критериям оценки, применяемым в практике ЮНЕСКО. Центральными элементами этой системы являлись памятники археологии. Вокруг них выявилась сложная мозаика измененных человеком природных территориальных комплексов, которые представляли собой следы древних угодий и инфраструктуру, сложившуюся вокруг древних поселений. Анализ отечественной и международной практики выявления такого рода объектов показал, что их следует номинировать как памятники ландшафтной археологии.

Дунинское городище и 4-е Дунинское селище (возможно, городище) сохранили фортификационную систему валов и рвов I тыс. до н.э. На территории комплекса находится пять селищ раннего железного века и несколько площадок долинных зандров и оползневых террас,

где выявлены следы древнего земледелия и скотоводства, кроме того, имеется три селища периода средневековья. Для создания подобного обоснования были привлечены специалисты Института археологии РАН, кафедры ландшафтоведения Географического факультета МГУ, проводились палинологические анализы. Целью этих исследований было выявление объектов, сохраняющих следы хозяйственной деятельности населения раннего железного века вне памятников археологии. Параллельно проводились дополнительные ландшафтные исследования, которые позволили выделить 25-ть объектов, каждый из которых использовался под то или иное угодье или хозяйственную деятельность в период раннего железного века. Сложная ландшафтная структура представлена широким спектром природных территориальных комплексов разного генезиса и разных иерархических уровней, с одной стороны, типичных для лесной зоны центра Русской равнины, а с другой – нередко контрастных по своим свойствам. Многие из ландшафтных комплексов, как, напр., останцы возвышенной моренно-водноледниковой равнины и камовые всхолмления довольно необычны по своим природным свойствам и сравнительно редко встречаются в долинно-зандровых комплексах Подмосковья.

В целом стратегия охраны культурного и природного наследия в границах зон охраны предполагает последовательную реализацию следующих направлений: разработку рекомендаций по охране территории от неблагоприятного антропогенного воздействия; разработку проекта ландшафтной организации территории участков в границах Дунинского ансамбля и вне него; составление паспорта и постановка на охрану усадьбы Поречье Попова, дома-дачи Ульмеров, дачи Рахмановых (два дома), дома писательницы Л. Аргутинской, деревянного флигеля, входившего в состав усадьбы Миловидово; дендрологическое обследование Дунинского археологического ансамбля (комплекса) и разработку рекомендаций по сохранению и уходу; создание концепции Историко-культурного заповедника; выявление и сохранение эталонных и уникальных культурно-природных объектов, в т.ч. уникальных археологических ландшафтов широкого временного диапазона, являющихся основообразующей экосистемой территории, не затронутой хозяйственной деятельностью – феномен для Московской обл.; выявление мест произрастания редких видов растений; разработку предложений по постановке на охрану памятников природы; разработку дифференцированных режимов содержания для коттеджных участков; создание эскизных проектов гражданской застройки сельтебных территорий в границах зон регулирования застройки; разработку и внедрение эффективных методов охраны природы и культуры, поддержание экологического баланса в условиях рекреационного использования.

В соответствии с действующим законодательством устанавливаются следующие зоны охраны: 1) территория Дунинского ландшафтно-археологического ансамбля (комплекса); 2) территория Поречьевского Археологического ансамбля (комплекса); 3) Территория 2-го Дунинского курганного могильника; 4) территория дач «Благодать»; 5) достопримечательное место; 6) охранный зона; 7) зона регулирования застройки «А» – пятна застройки в границах охранной зоны; 8) зона регулирования застройки «Б» – пятна застройки в границах охранной зоны, южнее Старой Можайской дороги; 9) зона регулирования застройки «В» на территории, примыкающей с юга, запада и востока к охранный зоне; 10) зона охраняемого ландшафта на прилегающих территориях.

Таким образом, памятники археологии как объекты культурного наследия могут входить в проектные границы зон охраны, разрабатываемых для памятников архитектуры (усадеб, монастырей, сельских церквей) – тогда памятники археологии включаются в общую территорию памятника. В других случаях археологические или ландшафтно-археологические комплексы (ансамбли), локализованные в ландшафте, могут быть центральными объектами проектов зон охраны.

Резолюция

ТРЕТЬЕЙ АБХАЗСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ Г. К. ШАМБА

С 27 ноября по 1 декабря 2011 года в столице Республики Абхазия городе Сухум, на базе Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии прошла Третья Абхазская международная археологическая конференция, посвященная памяти видного абхазского археолога, д.и.н., академика АНА Г. К. Шамба.

В работе конференции, помимо ученых из Абхазии, активное участие приняли специалисты из ряда зарубежных стран. Наибольшее количество участников прибыло из Российской Федерации: они представляли Москву, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Ижевск, Ростов-на-Дону, Ставрополь, Краснодар, Азов, Нижний Архыз, Минеральные Воды, Новороссийск, Сочи, республики Северного Кавказа – Адыгею и Северную Осетию. Отрадно отметить, что в работе конференции приняли участие представители стран дальнего зарубежья – Франции, Германии и Словакии.

Участники конференции представляли следующие научные центры: Институт Археологии РАН, Институт истории материальной культуры РАН, Государственный музей искусств народов Востока, Археологический исследовательский центр департамента Филистер, Братиславский университет им. Я. Коменского, Санкт-Петербургский государственный университет, Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник, Новороссийский исторический музей-заповедник, Специальную астрономическую обсерваторию РАН, Международный инновационный университет, Государственные музеи Берлина, Южный Федеральный университет, Южный научный центр РАН, Государственный Эрмитаж, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, Государственное унитарное предприятие «Наследие», Ставропольский государственный университет, Нижегородский государственный университет, археологический музей-заповедник «Танаис», Югоосетинский научно-исследовательский институт им. З. Н. Ванеева, Удмуртский государственный университет, Западно-Кавказскую археологическую экспедицию, Русскую христианскую гуманитарную академию, Московский государственный университет технологии и управления, Армавирскую государственную педагогическую академию, Южно-

Российский центр археологических исследований, Управление по охране реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей Краснодарского края, Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева.

В работе конференции приняла участие первый вице-премьер Правительства Республики Абхазия Индира Владимировна Вардания, возглавлявшая Оргкомитет.

Работа конференции была организована следующим образом: в первый день на открытии конференции было заслушано приветственное слово Президента Республики Абхазия Александра Золотинского Анкваб, зачитанное Премьер-министром Республики Абхазия Леонидом Ивановичем Лакербая, а также доклады, вынесенные на пленарное заседание. Далее работа проходила в четырех секциях: каменный век и эпоха бронзы, ранний железный век и эпоха античности, эпоха средневековья, охрана археологического наследия. Всего было заслушано около 60 докладов. Конференция была организована и прошла на высоком научно-теоретическом и практическом уровне, она способствовала установлению более прочных творческих контактов между археологами, работающими в различных регионах.

Участники Третьей Абхазской международной археологической конференции, выражая удовлетворение итогами проделанной работы, выразили ряд пожеланий:

1) необходимо издать отдельным сборником материалы Третьей Абхазской международной археологической конференции, посвященной памяти видного абхазского археолога, д.и.н., академика АНА Г. К. Шамба;

2) необходимо издать собрание научных трудов Г. К. Шамба;

3) необходимо поставить вопрос о создании исторического музея-заповедника под открытым небом в с. Нижняя Эшера и о музеефикации и консервации сохранившихся там остатков античного поселения городского типа;

4) было бы целесообразно провести в 2013 г. Четвертую Абхазскую международную археологическую конференцию, посвятив ее памяти выдающегося археолога XX века Л. Н. Соловьева.

Участники конференции выразили признательность Правительству Республики Абхазия, Абхазскому институту гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии и Оргкомитету конференции за прекрасно проведенное интереснейшее мероприятие.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АБИГИ АНА** – Абхазский Институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии. Сухум.
- АБИЯЛИ** – Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР. Сухуми.
- АБНО** – Абхазское научное общество. Сухум.
- АГМ** – Абхазский государственный музей. Сухум.
- АГПУ** – Армавирский государственный педагогический университет. Армавир.
- АГУ** – Абхазский государственный университет. Сухум.
- АКИО** – ананьинская культурно-историческая область.
- АНА** – Академия наук Абхазии.
- АО** – Археологические открытия.
- АРИГИ** – Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева, Майкоп.
- АС** – Археологический съезд.
- АСГЭ** – Археологический сборник государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.
- БИ** – Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
- ВА** – Вестник антропологии. Москва.
- ВДИ** – Вестник древней истории. Москва.
- ГИМ** – Государственный Исторический музей. Москва.
- ГМИГ** – Государственный музей искусств Грузии. Тбилиси.
- ГУК РО** – Государственное учреждение культуры Ростовской области.
- ГЭ** – Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.
- ДА** – Донская археология. Ростов-на-Дону.
- ДВНЦ** – Дальневосточный научный центр. Владивосток.
- Зап. ЧИНИИЯЛ** – Записки Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Грозный.
- ИАИАИАНД** – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов.
- ИАК** – Императорская археологическая комиссия. Санкт-Петербург.
- ИА РАН** – Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
- Изв. АБНО** – Известия Абхазского научного общества. Сухум.
- Изв. ГАИМК** – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград.
- ИИКНП УдГУ** – Институт истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета. Ижевск.
- ИИМК РАН** – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
- ИЖ (ВИ)** – Исторический журнал (Вопросы истории). Москва.
- КРС** – крупный рогатый скот.
- КСИА** – Краткие сообщения Института археологии
- КСИИМК** – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград; Москва.
- КГИАМЗ** – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. Краснодар.
- МАСП** – Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
- МИА** – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.

- МИАР** – Материалы и исследования по археологии России. Москва.
- МИАСК** – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир; Ставрополь.
- МИИKNCK** – Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Москва.
- МОБЧМ** – Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века.
Ростов-на-Дону.
- НА ИИМК, РА** – Рукописный отдел (РА) Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург
- НИМЗ НА** – Новороссийский исторический музей-заповедник, научный архив. Новороссийск.
- НМИУ** – Национальный музей истории Украины. Киев.
- НМЦА ПИ ЮФУ** – Научно-методический центр археологии Педагогического института Южного федерального университета. Ростов-на-Дону.
- НП** – научное предприятие
- ОАВЕС ГЭ** – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа.
Санкт-Петербург.
- ОИАК** – Отчет Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
- ПАВ** – Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург.
- ПИФК** – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск.
- РА** – Российская археология. Москва.
- РАН** – Российская Академия наук.
- РГНФ** – Российский гуманитарный научный фонд
- РГО** – Русское географическое общество.
- СА** – Советская археология. Москва.
- САИ** – Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
- САО РАН** – Специальная астрофизическая лаборатория Российской Академии наук.
Нижний Архыз.
- СГАИМК** – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград.
- СМОМПК** – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
- СОГУ** – Северо-Осетинский госуниверситет им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ.
- СПбГУ** – Санкт-Петербургский государственный университет.
- Ст.** – станция
- СЭ** – Советская этнография.
- СЭС** – Советский энциклопедический словарь.
- ТД** – тезисы докладов.
- УЗМОПИ** – Ученые записки Московского областного педагогического института
им. Н. К. Крупской.
- ЦАИ** – Центр археологических исследований.
- ЭО** – Этнографическое обозрение. Москва.
- ЮНЦ РАН** – Южный научный центр Российской Академии наук. Ростов-на-Дону.
- ВАН** – Bibliothèque archéologique et historique. Paris.
- BAR** – British Archaeological Reports. Oxford.
- ESA** – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
- Jahrbuch RGZM** – Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz.
- PBF** – Prähistorische Bronzefunde. München; Stuttgart.
- ТТКУ** – Türk Tarih Kurumu Yiyinlerinde. Istanbul.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Агумаа Анзор Семенович* (†) – начальник государственного управления Республики Абхазия охраны историко-культурного наследия, зав. отделом архива АБИГИ АНА, г. Сухум (Республика Абхазия).
- Андрианова Надежда Васильевна* – старший научный сотрудник, научно-методический центр археологии, педагогический институт, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону (Россия).
- Ачугба Теймураз Алиевич* – д.и.н., чл.-корр. АНА, проф. АГУ, ведущий научный сотрудник, АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА, г. Сухум (Республика Абхазия).
- Бакушев Марат Артурович* – к.и.н., научный сотрудник, Некоммерческое партнерство «Южархеология», г. Ростов-на-Дону (Россия).
- Барцыц Руслан Михайлович* – к.и.н., старший научный сотрудник, АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА, г. Сухум (Республика Абхазия).
- Батиева Елена Федоровна* – к.б.н., старший научный сотрудник, Институт аридных зон, ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону (Россия).
- Бгажба Олег Хухутович* – д.и.н., акад. АНА, зав. отделом истории, АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА, г. Сухум (Республика Абхазия).
- Беляева Елена Владимировна* – к.и.н., старший научный сотрудник, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург (Россия).
- Бондарь Ксения Михайловна* – научный сотрудник, геологический факультет, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, г. Киев (Украина).
- Вахтина Марина Юрьевна* – к.и.н., старший научный сотрудник, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург (Россия).
- Виришило Иван Викторович* – к.геол.н., доцент, геологический факультет, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, г. Киев (Украина).
- Вольная Галина Николаевна* – к.и.н., доцент, СОГУ им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ (Россия).
- Габелия Алик Николаевич* – к.и.н., декан исторического факультета, Абхазский государственный университет, г. Сухум (Республика Абхазия).
- Горбенко Анатолий Александрович* – директор, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, г. Азов (Россия).
- Джопуа Аркадий Иванович* – к.и.н., директор АГМ, старший научный сотрудник, АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА, г. Сухум (Республика Абхазия).
- Доценко Ирина Валерьевна* – младший научный сотрудник, ЦАИ АГПУ, г. Армавир (Россия).
- Завьялова Надежда Иосифовна* – к.архит., старший научный сотрудник, Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, г. Москва (Россия).
- Ендольцева Екатерина Юрьевна* – к.иск., PhD (Университет Париж X–Нантер, Франция); старший научный сотрудник, Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологии, г. Санкт-Петербург (Россия).
- Иванов Алексей Владимирович* – главный специалист, Южно-российский ЦАИ, г. Краснодар (Россия).
- Кагазежев Жираслан Владимирович* – к.и.н., научный сотрудник, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, г. Нальчик (Россия).
- Казанский Михаил Михайлович* – д.и.н., исследователь I класса, Центр по истории и цивилизации Византии, Национальный Центр Научных Исследований, г. Париж (Франция).
- Канторович Анатолий Робертович* – к.и.н., доцент, кафедра археологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва (Россия).
- Кашаев Сергей Владимирович* – младший научный сотрудник, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург (Россия).
- Кашуба Майя Тарасовна* – к.и.н., старший научный сотрудник, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург (Россия).
- Кетбиева Марина Зарифовна* – специалист по учебно-методической деятельности, Северокавказское представительство Московского государственного строительного университета, г. Минеральные Воды (Россия).

- Кизилев Андрей Сергеевич* – к.пед.н., зав. кафедрой декоративно-прикладного искусства и дизайна, Международный инновационный университет (г. Сочи); внештатный научный сотрудник, АРИГИ им. Т. М. Керашева, г. Майкоп (Россия).
- Козубова Анита* – PhD, преподаватель кафедры археологии, философский факультет Университета им. Я. Коменского, г. Братислава (Словакия).
- Колпакова Алиса Вадимовна* – научный сотрудник, Новороссийский исторический музей-заповедник, г. Новороссийск (Россия).
- Кононенко Александр Павлович* – научный сотрудник, Новороссийский исторический музей-заповедник, г. Новороссийск (Россия).
- Копылов Виктор Павлович* – к.и.н., проф., директор Научно-методического центра археологии, Педагогический институт, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону (Россия).
- Корневский Сергей Николаевич* – д.и.н., ведущий научный сотрудник, ИА РАН, г. Москва (Россия).
- Короткова Галина Георгиевна* – младший научный сотрудник, САО РАН, пос. Нижний Архыз (Россия).
- Косяненко Виктория Мечиславовна* – старший научный сотрудник, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, г. Азов (Россия).
- Кравченко Дмитрий Владимирович* – преподаватель, геологический факультет, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, г. Киев (Украина).
- Ксенофонтова Ирина Васильевна* – старший научный сотрудник, Государственный музей искусств народов Востока, г. Москва (Россия).
- Кудин Михаил Иванович* – внештатный научный сотрудник, АРИГИ им. Т. М. Керашева, г. Майкоп (Россия).
- Кузнецов Владимир Александрович* – д.и.н., проф., ведущий научный сотрудник, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, г. Минеральные Воды (Россия).
- Лурье Екатерина Вадимовна* – научный сотрудник, отдел документации, ГЭ, г. Санкт-Петербург (Россия).
- Маслов Александр Евгеньевич* – к.и.н., научный сотрудник, ИА РАН, г. Москва (Россия).
- Мастыкова Анна Владимировна* – к.и.н., старший научный сотрудник, ИА РАН, г. Москва (Россия).
- Меньшиков Максим Юрьевич* – сотрудник, «Столичное археологического бюро», г. Москва (Россия).
- Молев Евгений Александрович* – д.и.н., проф., декан исторического факультета, Нижнегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород (Россия).
- Нарожный Виталий Евгеньевич* – аспирант, Ставропольский государственный университет, г. Ставрополь (Россия).
- Нарожный Евгений Иванович* – д.и.н., директор, ЦАИ Армавирской государственной педагогической академии, г. Армавир (Россия).
- Науменко Светлана Андреевна* – старший научный сотрудник, Музей-заповедник «Танаис», г. Ростов-на-Дону (Россия).
- Нюшков Валентин Александрович* – к.и.н., научный сотрудник, АБИГИ им. Д.И. Гулиа АНА, г. Сухум (Республика Абхазия).
- Панасюк Наталья Викторовна* – старший преподаватель, Российский университет дружбы народов, г. Москва (Россия).
- Парусимов Игорь Николаевич* – научный сотрудник, ООО «Археологическое научно-исследовательское бюро», г. Ростов-на-Дону (Россия).
- Поплевко Галина Николаевна* – к.и.н., старший научный сотрудник, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург (Россия).
- Прокопенко Юрий Анатольевич* – д.и.н., проф., Ставропольский государственный университет, г. Ставрополь (Россия).
- Пьянков Алексей Васильевич* – ведущий научный сотрудник, ООО «Западно-Кавказская Археологическая Экспедиция, г. Краснодар (Россия).
- Резепкин Алексей Дмитриевич* – к.и.н., старший научный сотрудник, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург (Россия).
- Романова Галина Борисовна* – аспирантка, Ставропольский государственный университет, г. Минеральные Воды (Россия).

- Рысин Михаил Борисович* – к.и.н., старший научный сотрудник, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург (Россия).
- Рябкова Татьяна Владимировна* – к.и.н., старший научный сотрудник, ОАВЕС ГЭ, г. Санкт-Петербург (Россия).
- Сакания Сурам Михайлович* – научный сотрудник, АБИГИ АНА, г. Сухум (Республика Абхазия).
- Скаков Александр Юрьевич* – к.и.н., научный сотрудник, ИА РАН, г. Москва (Россия).
- Сланов Алан Акимович* – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт истории и археологии РСО-Алания при СОГУ им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ (Россия).
- Сланов Аким Харитонович* – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт истории и археологии РСО-Алания при СОГУ им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ (Россия).
- Стеганцева Вероника Яковлевна* – младший научный сотрудник, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург (Россия).
- Тихонов Николай Александрович* – д.физ.-мат.н., ведущий научный сотрудник, САО РАН, пос. Нижний Архыз (Россия).
- Тонкушина Лилия Сергеевна* – научный сотрудник, КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына, г. Краснодар (Россия).
- Федоренко Наталья Валентиновна* – научный сотрудник, Новороссийский исторический музей-заповедник, г. Новороссийск (Россия).
- Цуциев Аслан Аркадьевич* – к.и.н., доцент, декан исторического факультета, СОГУ им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ (Россия).
- Чачхалия Денис Кершалович* – историк, г. Сухум (Республика Абхазия).
- Чандрасекаран Суджата* – PhD, научный сотрудник Университета Гётеборга, научный сотрудник музея Пергамон, Государственные музеи Берлина, г. Берлин (Германия).
- Черных Елизавета Михайловна* – к.и.н., доцент, кафедра археологии, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск (Россия).
- Шаров Олег Васильевич* – д.и.н., ведущий научный сотрудник, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург (Россия).
- Шишилов Александр Владимирович* – зав. отделом археологии, Новороссийский исторический музей-заповедник, г. Новороссийск (Россия).
- Хафизова Елена Николаевна* – младший научный сотрудник, САО РАН, пос. Нижний Архыз (Россия).
- Хачатурова Евангелина Анатольевна* – зав. отделом археологических фондов, КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына, г. Краснодар (Россия).
- Эрлих Владимир Роальдович* – д.и.н., зав. сектором археологии Кавказа, Государственный музей искусств народов Востока, г. Москва (Россия).
- Яцюк Денис Анатольевич* – ведущий специалист, Южно-российский ЦАИ, г. Краснодар (Россия).

АХԶАТӘИ ЖӘЛАРБЖЪАРАТӘИ АԢСУА
АРХЕОЛОГИАТӘ КОНФЕРЕНЦИЯ

ТРЕТЬЯ АБХАЗСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Посвящена памяти Г. К. Шамба

Проблемы древней и средневековой
археологии Кавказа

Материалы конференции, 28 ноября – 1 декабря 2011 года, г. Сухум

Редакторы *М. Т. Каиуба, А. Ю. Скаков*
Художественный редактор *И. Н. Лицук*
Корректор *М. Ашуб*
Верстка *И. Н. Лицук*

Формат издания 60×84 1/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 46,03. Тираж 500 экз.

Отпечатано в РУП «Дом печати»
ул. Эшба, 168. г. Сухум
Республика Абхазия